

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus[®]

Clarivate
Web of Science[™]

OPEN
ACCESS

We are
Crossref
Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU
РИНЦ

DOAJ

NSD ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE FRAME FOR THE
EVALUATION OF AND QUALITY SCIENTIFIC

Dimensions

Google
scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 13, выпуск 8, 2024

NAUCHNYI DIALOG

Volume 13, Issue 8, 2024

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 13, выпуск 8, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none">• WoS (Emerging Sources Citation Index)• Scopus• DOAJ• ERIN PLUS• Российский индекс научного цитирования – РИНЦ• КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	enior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Архангельск	Нижний Новгород
	Балашов	Орехово-Зуево
	Баку (Азербайджан)	Пермь
	Волгоград	Санкт-Петербург
	Екатеринбург	Саранск
	Казань	Тюмень
	Киров	Ульяновск
	Краснодар	Чжэньцзян (Китай)
	Курск	Шанхай (Китай)
	Москва	Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	93 %	

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 13, Issue 8, 2024

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexing	<ul style="list-style-type: none">• WoS (Emerging Sources Citation Index)• Scopus• DOAJ• ERIH PLUS• Science Index (Rus)• CyberLeninka
Text Presentation Form	<ul style="list-style-type: none">• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library• CyberLeninka
Printing house	<ul style="list-style-type: none">• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	<ul style="list-style-type: none">• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogy), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Dumnică, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Васильева А. П.</i> Особенности восприятия образа мира носителей якутского и русского языков (ассоциативное поле слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ)	9
<i>Гуркова А. В., Попова Л. Г., Шатилова Л. М.</i> Прилагательное <i>sudden</i> в составе словосочетаний как средство преуменьшения времени в англоязычном художественном тексте жанра фэнтези.....	39
<i>Калинина Л. В.</i> Адъективы <i>отдалённый, приблизительный, неуловимый</i> и их производные как средства выражения семантики неявного сходства.....	58
<i>Лихачева Е. С.</i> Субстантивация прилагательных и словообразовательная синонимия в архангельских говорах	78
<i>Лю Чжэцзян, Фэн Инъинь.</i> Древнекитайское стихотворение «Песнь о невесте»: особенности перевода А. А. Штукина	97
<i>Михеева Н. Ф., Попова Е. А.</i> Крашенная вода, стриженный кофе и твердый суп: этимология «съедобных ловушек» испанского языка в контексте коммуникативных трудностей	110
<i>Нестерова Н. М., Соболева О. В.</i> Два романа в стихах — два «Онегина»: межязыковой и межкультурный перевод.....	129
<i>Шипова И. А., Бадаева Н.</i> Манипулятивные механизмы в немецкоязычном экономическом дискурсе (на примере публикаций о внешнеэкономических связях Германии и Китая в 2020—2023 годах)	148

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Бабикова М. Р.</i> Когнитивные механизмы граффити: компрессия, дефокусирование, фокусировка.....	171
<i>Попова Г. В., Косиченко Е. Ф.</i> Антиномии юмористического дискурса (на материале программы «Клуб веселых и находчивых»)	188
<i>Ребрина Л. Н., Аль-Хафаджи Л. Х. М. А.</i> Функционирование концептуальной метафоры при формировании образа Ирака в региональных и федеральных СМИ Германии	210

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Захарова Н. В., Миргородова А. В., Селимов М. Г.</i> Литературы стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: художественные течения на рубеже нового и Новейшего времени.....	230
<i>Куликов Е. А., Новикова В. Г.</i> Эволюция категории <i>другого</i> в творчестве Тома Вулфа	249

<i>Курьев И. Р., Овсянникова Е. П.</i> Визуальность романов «Библиотекарь» и «Мультики» М. Елизарова как способ трансформации соцреалистического канона	270
<i>Мельникова Л. А.</i> Традиции Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми».....	288
<i>Олжигова М. М.</i> Религиозно-философское и антропологическое измерение диалога М. Горького и И. Канта (на материале текста «Мужик» М. Горького).....	305

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

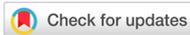
<i>Бондарева В. В.</i> Соборы как средство воздействия на общественное сознание Западной Европы в эпоху Средневековья (X—XVI века).....	325
<i>Зарецкая О. В.</i> Становление экономических и культурных связей СССР и Швеции в 1924—1937 годах	349
<i>Игумнов Е. В.</i> Статистические комитеты и создание музеев в России во второй половине XIX — начале XX веков.....	366
<i>Куликов С. В.</i> Руководство внешней политикой Российской империи в контексте создания Основных законов 1906 года	384
<i>Кунина И. А.</i> Вестфальская система международных отношений : особенности формирования и предпосылки распада.....	406
<i>Магадеев И. Э.</i> «Венгерский фактор» в центрально- и восточноевропейской политике Франции (весна — лето 1920 года).....	426
<i>Муслимова Е. О., Нестеров А. Г., Ракитина Н. В.</i> Трансрегиональное сотрудничество федеральных земель Германии с регионами и странами Востока (конец XX — XXI века).....	444
<i>Мухамедов Р. А., Ильичев И. В.</i> Аграрный сектор экономики Ульяновской области в 1966—70 годах : растениеводство.....	463
<i>Пинаева Д. А.</i> Массовое изобретательство в СССР в 1954—1990 годах : оценка эффективности	482
<i>Сафронова А. М.</i> Словесная и арифметическая школы Укутского завода (1735—1742).....	505
<i>Старовойтова Е. О.</i> Китайско-Восточная железная дорога в 1920-е годы в оценках газеты «Известия»	523
АВТОРАМ.....	548
CONTENTS.....	554

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Алина Петровна Васильева, научный сотрудник (Якутск)
Анастасия Владимировна Гуркова, старший преподаватель (Орехово-Зуево)
Евгения Андреевна Попова, канд. филол. наук (Москва)
Елизавета Сергеевна Лихачева, канд. филол. наук (Архангельск)
Ирина Алексеевна Шипова, д-р филол. наук (Москва)
Лариса Георгиевна Попова, д-р филол. наук (Москва)
Лю Чжицянь, канд. филол. наук (Чжэньцзян, Китай)
Любовь Михайловна Шатилова, д-р филол. наук (Москва)
Людмила Викторовна Калинина, д-р филол. наук (Киров)
Наталья Валерьевна Бадаева, канд. филол. наук (Москва)
Наталья Михайловна Нестерова, д-р филол. наук (Пермь)
Наталья Федоровна Михеева, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Владимировна Соболева, канд. филол. наук (Пермь)
Фэн Инъинь, магистрант (Шанхай, Китай)

Информация для цитирования:

Васильева А. П. Особенности восприятия образа мира носителей якутского и русского языков (ассоциативное поле слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ) / А. П. Васильева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 9—38. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-9-38.

Vasilyeva, A. P. (2024). Features of Worldview Perception Among Speakers of Yakut and Russian: Associative Field Analysis of Stimulus Words DYOL — SCHASTYE. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 9-38. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-9-38. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Особенности восприятия образа мира носителей якутского и русского языков (ассоциативное поле слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ)

Васильева Алина Петровна

orcid.org/0000-0001-6748-8459

научный сотрудник, Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики»
alinavasilyeva88@gmail.com

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках реализации гранта Правительства Российской Федерации № 075-15-2021-616 на 2021—2023 годы «Сохранение языкового и культурного разнообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации»; проекта № 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России» МНОЦ мирового уровня «Север: территория устойчивого развития» (Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 16.09.2019 г. № 740); проекта «Создание глоссированных корпусов якутского языка и его диалектов на основе лингвистической платформы LingvoDoc» в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет — 2030»

Features of Worldview Perception Among Speakers of Yakut and Russian: Associative Field Analysis of Stimulus Words DYOL — SCHASTYE

Alina P. Vasilyeva

orcid.org/0000-0001-6748-8459

research scientist,
International Research Laboratory “Language Ecology of the Arctic”
alinavasilyeva88@gmail.com

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by the Government of the Russian Federation, grant № 075-15-2021-616 for 2021-2023 “Preservation of Language and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation”; Project № 9 “Technological Support for Social Stability of Multiethnic Communities in the Northeast of Russia” of the World-Class Scientific and Educational Center “North: Territory of Sustainable Development” (Decree of the Head of the Sakha Republic (Yakutia), September 16, 2019, № 740); Project “Creation of Glossed Corpora of the Yakut Language and Its Dialects Based on the Linguistic Platform LingvoDoc” under the Strategic Academic Leadership Program “Priority — 2030”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу ассоциативных полей слов-стимулов *дьол* и *счастье*, входящих в ядро языкового сознания носителей якутского и русского языков. Изучение процессов, происходящих в недрах языка, позволит выявить этнокультурную специфику языкового сознания народа — слепок реального образа мира в определенный период жизни этноса. Основное внимание уделяется выявлению общего и специфичного в восприятии представлений о счастье носителями двух языков и этнокультурной специфики в их образах мира. Произведен сопоставительный анализ ассоциативных полей слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ по методике «семантического гештальта» Ю. Н. Караулова с выделением семантических зон, определением типов связей между стимулом и реакцией и применением метода количественной оценки близости ассоциативных полей путем вычисления показателя степени наложения реакций. Анализ показывает заметные изменения в ценностных приоритетах носителей якутского языка за последние годы. Если ранее счастье ассоциировалось с семьей, детьми и материальными благами, то в последние годы на первый план выходят такие аспекты, как любимая работа, путешествия, карьерный рост и забота о себе. Это отражает современные социальные тренды, в которых счастье связано не только с материальными аспектами, но и с личным развитием и самореализацией.

Ключевые слова:

образ мира; концепт счастья; языковое сознание; этническая картина мира; ассоциативно-вербальная сеть; ассоциативное поле.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the associative fields of the stimulus words DYOL and SCHASTYE, which are central to the linguistic consciousness of Yakut and Russian speakers. Investigating the underlying processes within language enables us to uncover the ethnocultural specificity of a community's linguistic consciousness — a snapshot of the real-world image at a particular period in the life of an ethnic group. The focus is on identifying both commonalities and distinctions in the perception of happiness among speakers of the two languages, as well as the ethnocultural nuances in their worldviews. A comparative analysis of the associative fields of the stimulus words DYOL — SCHASTYE is conducted using Y. N. Karaulov's "semantic gestalt" methodology, which includes delineating semantic zones, determining types of connections between stimuli and responses, and employing a quantitative assessment method to measure the overlap of associative fields. The analysis reveals significant shifts in the value priorities of Yakut speakers in recent years. While happiness was previously associated with family, children, and material wealth, contemporary perspectives increasingly emphasize aspects such as fulfilling work, travel, career advancement, and self-care. This reflects modern social trends where happiness is linked not only to material factors but also to personal growth and self-actualization.

Key words:

worldview; concept of happiness; linguistic consciousness; ethnic worldview; associative-verbal network; associative field.

УДК 811.161.1'37+811.512.157'37::17.023.34

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-9-38

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Особенности восприятия образа мира носителей якутского и русского языков (ассоциативное поле слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ)

© Васильева А. П., 2024

1. Введение = Introduction

У каждой этнической группы формируется своя индивидуальная этническая картина мира, которую отдельный социум воспринимает через призму опыта, образования, языка и культуры. Центральное место в этнической картине мира занимают этнические (культурные) константы, которые представляют собой основу этнической традиции, ценности общества. Они являются базисными элементами культуры, при расширении внешних границ и изменениях периодов жизни этноса этнические константы остаются неизменными и формируют этническое своеобразие и неповторимость [Лурье, 1997, с. 228].

Согласно утверждению И. П. Конопелько, «изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет, хотя и косвенно, судить о том, каково было мышление народа в этот период», ведь оно «неразрывно связано с языком, который его фиксирует» [Конопелько, 2019, с. 37].

Объектом нашего исследования является языковое сознание, которое определяется как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами» [Тарасов, 2000, с. 27], это «информационный словарь, который хранится в языковой памяти народа» [Носкова и др., 2016, с. 85]. Исследование особенностей языкового сознания носителей разных языков позволяет «выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той и или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывает уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [Уфимцева, Тарасов, 2009, с. 21; Уфимцева, 2011, с. 207].

А. А. Леонтьев определяет понятие «образ мира» как «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными зна-

чениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев, 1993, с. 18]. Образы мира отличаются у отдельного этноса, сообщества и группы, где язык выступает «системой ориентиров в предметном мире», а общее между людьми и их объединяющее находит свое проявление в значениях, представляющих «абстрактные модели, описывающие общие черты в видении мира различными людьми» [Леонтьев, 1997, с. 272—273].

Исследование ассоциативного поля (АП) слов-стимулов ДЬОЛ и СЧАСТЬЕ, входящих в ядро языкового сознания носителя языка, позволяет глубже понять, как представители якутской и русской культур воспринимают и осмысливают концепт счастья, и выявить когнитивные и культурные особенности, присущие разным этносам, специфику их мировоззрения и менталитета.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Категория счастья является важной для понимания культурных особенностей и национального характера, поскольку её восприятие и выражение могут значительно различаться в разных этносах.

Счастье является одной из фундаментальных категорий, изучаемых на протяжении многих веков в философии, психологии, социологии и лингвистике. Учёные рассматривают счастье как многогранное явление, включающее в себя эмоциональные, когнитивные и культурные аспекты. В философии счастье часто связывается с идеей высшего блага и морального удовлетворения [Аристотель, 1984; Бентам, 2009], тогда как в психологии акцент делается на субъективном благополучии и удовлетворённости жизнью [Динер, 1984; 2008]. Социологи исследуют счастье как социальный феномен, изучая его зависимость от различных факторов, таких как уровень жизни, социальные отношения и культурные ценности [Венховен, 1991; Инглхарт, 1997].

Лингвисты, в свою очередь, обращают внимание на то, как понятие счастья выражается в языке и отражается в сознании носителей различных языков и культур [Вежбицкая, 1996, 2004; Воркачев, 2004; Колесов, 2014; Карасик, 2004; Маховиков, 2011 и др.]. Исследование концепта счастья в русском языковом сознании и различных культурах проводилось многими учеными [Сегал, 2005; Хамидуллина, 2013; Павлова и др., 2015; Черкашина, 2016; Беккулова, 2021].

Исследованию концепта СЧАСТЬЕ как важного элемента культурной и языковой картины мира посвящена работа С. Г. Воркачёва. Автор рассматривает способы выражения и понимания счастья в языке и культуре, трактуя его как сложное и многогранное явление. Он отмечает, что кон-

цепт СЧАСТЬЕ объединяет в себе разнообразные когнитивные, эмоциональные и культурные элементы, отражающие особенности национального восприятия мира. По мнению исследователя, понимание счастья тесно связано с культурными нормами и ценностями, а также с историческими и социальными контекстами [Воркачев, 2004]. Д. В. Маховиков изучал культурно-специфические особенности восприятия счастья в русской и французской культурах, выявив, что русское понимание счастья связано с судьбой и духовным удовлетворением, а французское — с личным комфортом и материальным благополучием [Маховиков, 2011]. Изучению представления французов и русских о важных мировоззренческих категориях, базовых эмоциях, в том числе о счастье, посвящена работа М. К. Голованивской [Голованивская, 2009]. Янь Кай и Чжан Бинь на основании исследования ассоциативного поля лексемы *счастье* в русском языковом сознании выявили культурно насыщенные когнитивные признаки на основе анализа современных контекстов из Национального корпуса русского языка [Янь Кай и др., 2023]. З. К. Дербишева в исследовании моделирования виртуальной конфигурации концепта СЧАСТЬЕ рассматривает понятийный, семантический, собственно-когнитивный и образный компоненты, раскрывает актуализацию таких лингвокультурных кодов в метафорических образах и фразеологизмах, как антропоморфный, зооморфный, темпоральный, код световой энергии, пространственный, предметный и др., через которые воспринимается счастье в русском сознании [Дербишева, 2020].

Ряд современных исследований посвящён вербализации концепта СЧАСТЬЕ в различных языках и сравнительно-сопоставительному анализу лингвокультур, включая изучение на основе данных ассоциативных экспериментов [Евсеева, 2018; Филиппова и др., 2018; Яо Жун, 2019; Абильдинова, 2021; Овсепян, 2023; Кажарова, 2024 и др.].

Рассмотрению представления о счастье и несчастье в якутской лингвокультуре посвящена диссертация А. А. Скрябиной. Метафорическое осмысление концептов основано на традиционных воззрениях, которые передают религиозные и мифологические взгляды якутского народа, где счастье и несчастье рассматриваются как взаимодополняющие элементы. Исследователь анализирует мировоззрение якутов через их паремиологическое наследие, фольклорные песни и литературные произведения. В работе отмечается, что метафоризация концепта ДЬОЛ включает антропоморфные черты, такие как способность двигаться, любить, а также природные и космические символы — от животных (птица-стерх, олень) до природных явлений и небесных тел, что подчеркивает его сакральную и универсальную природу. Эти образы подчеркивают глубокую связь

счастья с мифологическим миром якутов: оно воспринимается как часть естественного порядка, связанного с окружающей природой и космосом. Одним из этапов исследования А. А. Скрыбиной является анализ содержания концептов ДЬОЛ «счастье» — СОР «несчастье» по результатам проведения направленного ассоциативного эксперимента. Так, автор приводит анализ реакций якутов на слово стимул *дьол* «счастье» с точки зрения частотности ответов, рассматривая возрастные и гендерные особенности респондентов. Выяснено, что счастье в представлении носителей якутского языка предполагает сочетание традиционных ценностей (семья, здоровье) и современных понятий (карьера, материальный достаток) — с учетом влияния национальной культуры, природных условий, а также глобализации, с различиями в восприятии между поколениями и полами [Скрыбина, 2021].

Изучение образов сознания носителей якутского и русского языков, имеющих разную структуру и находящихся в длительном языковом и культурном контакте, остается актуальным и позволяет глубже понять влияние языка на мышление, культурные взаимодействия и этническую идентичность.

В нашей работе предпринята попытка сравнительного изучения ассоциативно-вербальных полей и анализа ядра языкового сознания обеих групп, что предполагает возможность определить общее и специфическое в языковом сознании носителей языков, выявить «постоянные и неизменные элементы этнической картины мира, составляющие как «центральную зону» культуры, так и новые элементы новой картины мира этноса, формирующейся в новых условиях» [Боргоякова, 2002, с. 31].

Один из эффективных способов определения того, что системность культуры осознается его носителями на интуитивном уровне, и есть «овнешнение образов сознания» [Уфимцева, 2003, с. 104], что предполагает проведение массового ассоциативного эксперимента. Данная методика заключается в выделении слов-стимулов и регистрации первых ответов-реакций (ассоциаций) испытуемых на данные стимулы. Ассоциативные связи слов и словоформ, полученные в результате массового свободного ассоциативного эксперимента, демонстрируют систему тесного переплетения каждого слова в нашей памяти, что образует ассоциативно-вербальную сеть (АВС).

В результате проведения якутскими исследователями массового свободного ассоциативного эксперимента с 2005 по 2010 годы в Северо-Восточном федеральном университете (СВФУ) им. М. К. Аммосова и в его филиалах в городах Мирный и Нерюнгри был составлен Ассоциативный словарь якутского языка [Заморщикова и др., 2012], структура которо-

го включает прямой (стимулы — реакции) и обратный словаря (реакции — стимулы). Данный словарь, представленный в виде многомерной ассоциативной сети, в нашем исследовании мы рассматриваем в качестве модели языкового сознания носителя языка. Так, в результате анализа Обратного словаря впервые выявлено ядро языкового сознания современных носителей якутского языка. В рамках исследования проанализированы первые 50 слов-реакций (ассоциатов), которые структурируют «центр» ядра языкового сознания, «формируемый из тех слов (идей, понятий, концептов) в АВС, которые имеют наибольшее число связей, то есть вызваны в качестве ответов на наибольшее число стимулов» [Караулов, 2000].

В рамках данной статьи произведен сравнительный анализ ассоциативных полей слов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ, которые имеют высокие ранги и входят в центр ядра языкового сознания носителей языков. Материалы для анализа извлечены из Прямых ассоциативных словарей, где данные слова рассмотрены в качестве слов-стимулов.

Для релевантного сопоставления нами выбран вариант ядра русского языкового сознания, которое было впервые выделено Н. В. Уфимцевой по данным Славянского ассоциативного словаря [САС, 2004], из-за сходства стимульного контента и количественных характеристик.

Для анализа ассоциативных полей слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ применен метод «семантического гештальта» Ю. Н. Караулова [Караулов, 2000]. Н. С. Сергиева подчеркивает, что в этнокультурных исследованиях границы между различными зонами не являются строго фиксированными. Это объясняется не только разнородностью исходных данных и различиями в методах классификации, но и использованием гештальт-подхода. Гештальт, являясь единицей знаний, отражающей реальную структуру, отличается сложностью, целостностью, функциональностью и адаптивностью. Эти свойства делают семантический гештальт действенным инструментом в межкультурных исследованиях, позволяя максимально эффективно извлекать информацию при сопоставлении данных различных языков [Сергиева, 2006, с. 162].

Анализ результатов ассоциативного эксперимента включает определение типов связей между стимулом и реакцией в ассоциативных полях слов-стимулов ДЬОЛ и СЧАСТЬЕ. Исследователи выделяют в основном два типа связей S-R в ассоциативном поле — синтагматическую и парадигматическую [Meara, 1982; Menenti, 2006]. Синтагматическая ассоциация — это связь, которую можно проанализировать, рассматривая слова, появляющиеся до или после слова-стимула. Парадигматическая ассоциация относится к словам, которые принадлежат к тому же классу слов, что

и стимул, и могут заменять его. Основным критерием для категории парадигматической ассоциации является то, что слово-реакция должно иметь семантическую связь со стимулом [Pranoto, Afrilita, 2018, с. 27]. Исследователи рассматривают более детальные разновидности классификации вербальных ассоциаций, выделяя такие виды, как тематические, фонетические, грамматические, цитатные, словообразовательные и т. д. [Мартинovich, 1990; Клименко, 1974; Овчинникова, 2006; Горошко, 2001]. Соглашаясь с Д. И. Навильниковой, следует отметить неоднозначное отношение и взгляды на изучение сущности синтагматических и парадигматических связей между стимулом и реакцией, что связано со «сложностью интерпретации ассоциативных реакций, не согласующихся с исходными словами по формально-грамматическим признакам, неоднозначностью отнесения стимула или реакции к определенной части речи, пропусками служебных слов, невозможностью толкования словообразовательных и фонетических ассоциаций с позиций синтагматики и парадигматики» [Навильникова, 2009, с. 201—202]. В нашей работе в рамках анализа отношений слов как части изучения ядра языкового сознания мы ограничиваемся рассмотрением традиционных типов связей стимула и реакции — парадигматических и синтагматических.

Следует добавить, что в отдельных случаях могут возникать затруднения при определении лексико-грамматических свойств ассоциатов в якутском языке, что осложняет процесс распределения и классификации реакций по различным семантическим зонам, а также, возможно, по типам связей. Это обусловлено особенностями якутского языка, где одна и та же лексема в ассоциативном поле может принадлежать сразу к нескольким частям речи, следовательно, и к категории полисемантических (иногда и омонимичных) слов, следовательно, по смыслу возможно рассмотрение нескольких вариантов значений слов, поскольку невозможно четко предугадать, какой лексико-семантический вариант приписывал слову респондент, давая ответ на то или иное слово-стимул. Несмотря на возникающие спорные моменты, в рамках исследования это явление не внесло грубой неточности в выявлении результатов. Данное направление требует дальнейшего более детализованного рассмотрения. По мнению Ф. Н. Дьячковского, при изучении лексической полисемии необходимо учитывать все аспекты парадигматических и синтагматических связей значений многозначных слов, поскольку они проявляются по-разному в различных частях речи. В якутском языке степень изученности типов многозначности варьируется и требует дальнейших исследований полисемии, связанной с генетическим происхождением слов и особенностями их реализации в контексте [Дьячковский, 2003, с. 78].

Для установления уровня смысловой близости значений в АП стимулов ДБОЛ — СЧАСТЬЕ применен метод количественной оценки близости ассоциативных полей путем вычисления показателя степени наложения реакций. Данный метод, предложенный Дж. Дизом для количественной оценки сходства ассоциативных полей разных стимулов, описан в работе авторов А. А. Григорьева и М. С. Кленской [Григорьев и др., 2000]. Подход основывается на анализе пересечения распределений ассоциативных реакций испытуемых на два различных стимула. Предлагается расширить этот метод для оценки сходства распределений ассоциативных реакций на один и тот же стимул, полученных от различных групп испытуемых [Там же].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантические гештальты ассоциативных полей слов-стимулов ДБОЛ — СЧАСТЬЕ

Слово ДБОЛ имеет монгольские параллели и изначально связано с понятием дороги, удачи в пути и судьбы, в словаре Э. К. Пекарского определяется как «благо, благополучие, блаженство, счастье, фортуна удача; добыча; сокровище» [ПЭК, 1959, стлб. 838]. Исследователи предполагают, что это тюркское слово вошло в монгольский язык с изменённым значением и было заимствовано обратно в ряд тюркских языков, включая якутский [Филиппова и др., 2018, с. 371].

Понятие счастья в русском языке претерпело значительную эволюцию. Изначально оно ассоциировалось с долей и коллективным участием, что отражало характерную черту русской культуры — её коллективистскую природу. В современной культуре данное понятие приобретает индивидуальный характер, ориентированный на внутреннюю радость и личные эмоциональные переживания. Таким образом, кардинальные изменения в культурной и социальной обстановке России привели к трансформации концепта счастья, наделив его новым аксиологическим статусом [Тимофеева, 2020, с. 188—189].

Сравнение ассоциативных полей слов-стимулов ДБОЛ — СЧАСТЬЕ с выделением семантических зон предполагает анализ количественного и содержательного наполнения семантических зон, по которым распределены слова-реакции, данные респондентами на слова-стимулы.

Приведем список первых 10 слов, которые представляют ядро языкового сознания якутов и русских, здесь же приведены данные по рангу и количеству разных связей (табл. 1). В якутском ядре слово *дьол* имеет 2,5-й ранг, а в русском ядре слово *счастье* находится немного дальше и имеет 9-й ранг.

Таблица 1

Сравнение ядра якутского и русского языкового сознания

	Ранг	Якутское ядро Ассоциат/перевод	Число разных связей	Ранг	Русское ядро	Число разных связей
1	1	киһи / человек	110	1	жизнь	54
2	2,5	дьол / счастье	86	2	человек	53
3	2,5	кыыс / девочка, девушка; дочь	86	3	любовь	52
4	4	олох / жизнь	84	4	радость	49
5	5	үчүгэй / хороший; добро	80	5	дом	48
6	6	куһаҕан / плохой; плохое, зло	67	6	хорошо	47
7	7	үлэ / работа, труд, занятие, деятельность, дело	65	7	друг	46
8	8	суох / нет; не имеется, от- сутствует	64	8	нет	44
9	10	сырдык / свет; знание, про- свещение; светлый	61	9	счастье	40
10	10	улахан / большой, старший, громкий	61	10,5	есть	37

В рамках применения *гештальтного* подхода структурирования ассоциативного материала нами выделены шесть семантических зон (рис. 1): 1) *Субъект*; 2) *Объект*: субзоны — конкретные понятия, абстрактные понятия, ценности и эмоции; 3) *Характеристика*: субзоны — положительная, отрицательная, нейтральная; 4) *Действие*; 5) *Локус и Время*; 6) *Устойчивые словосочетания*.

Данная диаграмма показывает результаты анализа АП слова-стимула ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ.

В СЗ «**СУБЪЕКТ**» якутских реакций в два раза больше, чем в русском АП (якуты — 7,4 %, русские — 2,8 %). Наиболее частотной реакцией якутских респондентов является *оҕо / ребенок* (49), включая его морфологические формы *оҕом / мой ребенок* (2), *оҕолорун / твои дети*, *оҕон / твой ребенок*, *оҕо-уруу / детвора, дети* (1). Слово *оҕо / ребенок* также входит в ядро ЯС якутов и имеет ранг 15,5-й ранг. В данной зоне большой процент якутских реакций связан с категорией «семья»: *ийэ / мать*, *ийэм / моя мать* (6, 1), *кэргэн / супруг(а)* (3), *аймах дьон / родня, дьонум / мои родные, дьонум мин аттыбар бааллара / когда мои родные рядом* (1). Кроме того, для якутов счастье — это *доботтор / друзья, чугас дьон / близкие люди*

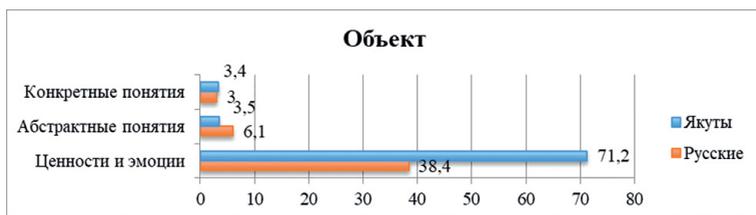
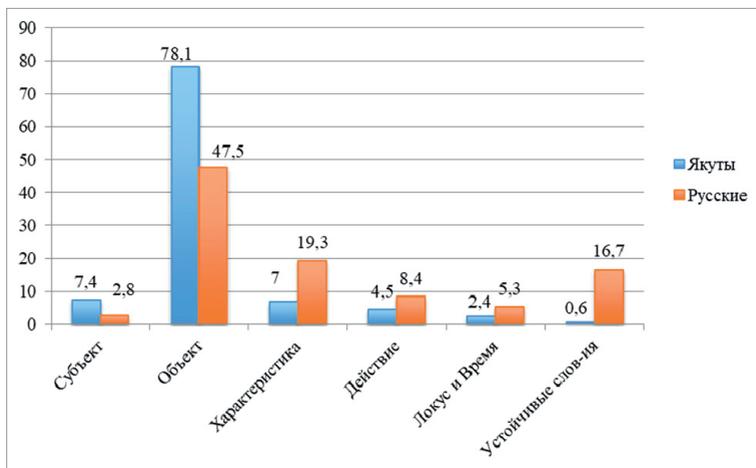

Рис. 1. Семантические зоны ассоциативного поля слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ

(1). Так, у якутских респондентов образы сознания создают представления больше именно о семье, связывают счастье с детьми, родными людьми рядом. Как отмечает Т. М. Никаева, якуты «важнейшим для себя считают сохранение традиций, культуры, родного языка и указывают на значимость семьи, родственных отношений» [Никаева, 2013, с. 15].

СЗ «**Объект**» является наиболее объемной и содержательной в АВС якутов и русских, причем число якутских реакций значительно больше

(якуты — 78,1 %, русские — 47,5 %). В субзоне **«Конкретные понятия»** (3,4 %; 3 %) мы находим единственную тождественную реакцию в АП двух языков — *мичээр* (4) — *улыбка* (1). К данной категории, связанной с признаком «проявления чувства ощущения счастья во внешности», мы отнесли якутские реакции *тупсубут сирэй / похорошевшее лицо; харах уута/слезы* (1). Счастье также зависит от материального благополучия, так, единичная реакция *кыбартыыра / квартира* относится к категории «материальные блага».

Многие единичные реакции связаны с природой, но в ЯС якутов и русских нет тождественных реакций: для якутов счастье ассоциируется с *дуол / простор, сардана / заря; солнечные блики, сулус / звезда, таас / камень, уот / огонь, хаар / снег, чөмчүүк / жемчуг* (1); у русских респондентов находим реакции *бабочка, земля, небо, облака, роза, солнце, цветы* (1).

Как отмечает Ю. Н. Караулов, «максимальное схождение между языками обнаруживается в понятийных зонах, проявление же национально культурной специфики проявляется на уровне отдельных слов, именно на этом уровне обнаруживаются максимальные различия между языками» [Караулов, 1981, с. 228]. Так, в ассоциативном поле слова ДЬОЛ мы находим ассоциации, в которых заложена этнокультурная коннотация, например, *толору дьэдьээннээх иһит / сосуд полный земляники* (1). Среди единичных ответов у А. А. Скрыбиной также присутствует интересная ассоциация *тон балык сыта / запах свежемороженой рыбы* [Скрыбина, 2021, с. 60].

Субзона **«Абстрактные понятия»** составляет у якутских респондентов 3,5 % и у русских респондентов 6,1 %. Якутские реакции в основном связаны признаком стремления к желаемому: *санаа / мысль* (5), *баҕа санаа / желание, баҕа санаа туолааһына, туолуута / исполнение желания, эрэл / надежда* (2), *киһи санаата / мысли человека, ыра санаа / мечта* (1). В обыденном сознании счастье — это «желанное настоящее», а его основные характеристики представляют собой важные аспекты жизненного идеала: факторы, формирующие «причину или причины счастья». Представления о счастье также включают покой, наслаждение, наличие и исполнение желаний [Воркачев, 2004, с. 84—87]. Достижение желаемого приводит к результатам, которые можно описать рядом ассоциаций якутских респондентов: *ситиһии / достижение* (4), *абырал / спасение, кыаллы / везение, что-то возможное; өрөгөй / победа, сатаны / удача, табыллы / удача, туску / благо, тускул / благо* (1). Признак стремления к желаемому не так ярко выражен в образах сознания русских, однако к тождественным понятиям можно отнести частичные ассоциации в периферии АП русских — *мечта, необходимость, поиски, то, к чему стремятся; цель* (1), также к схожим реакциям русских респондентов отнесем уда-

ча (5), не беда, смысл; удача, деньги (1). В отличие от якутских респондентов представления о счастье у русских связаны с внутренним состоянием, с такими положительными и глубокими понятиями как *свет* (3), *вечность*, *взаимность*, *полнота всего*, *понимание*, *радужность*, *согласие*, *состояние души*, *страсти*, *это понимание* (1).

К негативным понятиям относятся такие реакции у якутов, как *өлүү / смерть*, *эрэй / мучение* (1), у русских — *беда* (5), *забытье*, *позор*, *стыд то какой; то, чего нет* (1). Можно предположить, что в реакции *стыд то какой* раскрывается осмысление стереотипа «Русское счастье стыдливо, спокойно, незаметно» [Дербишева, 2020, с. 63].

Наиболее содержательной и интересной с точки зрения анализа является субзона «**Ценности и эмоции**», что, в свою очередь, предсказуемо, и это есть подтверждение того, что счастье действительно является абсолютной ценностью человечества. Во-первых, подчеркнем, что данная субзона содержит 71,2 % якутских и 38,4 % русских от общего количества реакций в каждом АП слов-стимулов ДЬОЛ — СЧАСТЬЕ. Во-вторых, данная субзона тесно связана с субзоной «**Абстрактные понятия**», и распределение реакций носит весьма условный характер.

Наиболее частотные реакции якутов и русских в данной субзоне почти полностью совпадают: *уөрүү* (311) — *радость* (49), *таптал* (72) — *любовь* (59), *олох* (64) — *жизнь* (13), *сор* (42) — *горе* (23), *дьиэ кэргэн* (33) — *семья* (8), *харчы* (24) — *деньги* (7). Здесь как раз следует подчеркнуть, что результаты ассоциативного эксперимента, проведенного А. А. Скрабиной намного позже, показывают определенную смену ценностных приоритетов у носителей якутского языка, где наиболее частотными ассоциациями выступают реакции *дьиэ кэргэн / семья* 86,1 %, *оҕо / ребенок* 81,1 %, *доруобуйа / здоровье* 80,8 %, *баай-дуол / благополучие*, *деньги* 79,7 %, *баа саана туолуута / осуществление мечты* 28,9 %. В анализируемом нами ассоциативном поле слова ДЬОЛ реакции *баай-дуол / богатство*, *благополучие*, *деньги* и *баа саана туолуута / исполнение желания* единичны. Счастье связывали лишь с такими материальными благами, как *кыбартыыра / квартира*. Следовательно, за последние десять лет у представителей саха появились новые ценностные ориентиры, формирующие понятие счастья, это *сөбүлүүр үлэ / любимая работа* 31,9 %, *сири-дойдуу көрүү, айан, сырыы / путешествие* 17 %, *дуоһунаска өрө тахсыы / карьерный рост* 11,9 %, *ипотека бүтүүтэ / закрытие ипотеки* 1,4 %, *айылбаба сылдыы / времяпровождение на природе* 1,4 %, *тас дойдуга олоруу / жизнь за границей* 0,3 % [Скрабина, 2021, с. 59]. Это наглядно показывает нынешнюю ситуацию в обществе, отражающую социальные требования, новые тренды диктуют быть успешным и счастливым, а именно иметь любимую

работу, которая будет не в ущерб своим интересам, достаток, положение на карьерной лестнице, и при этом много путешествовать, заботиться о себе. При сравнении с результатами, полученными А. А. Скрябиной, важно иметь в виду, что ее респонденты включали лица старшего поколения, тогда как данные ассоциативного словаря основаны на ответах студентов. В целом А. А. Скрябина, рассматривая вербализацию концепта *дьол* в паремиологических и фразеологических единицах, а также в песенном дискурсе, выявляет, что якуты также связывают счастье с *наступлением лета, удачной охотой и с добрым словом* [Скрябина, 2021]. Однако в обыденном сознании современных якутов, как свидетельствуют данные ассоциативного эксперимента, такие реакции отсутствуют.

К частотным реакциям якутских респондентов относятся *соргу/благополучие* (92), *саргы/благополучие* (39), которые в паре со словом-стимулом формируют слово с собирательным значением, то есть являются парным словом, и также выступают как отдельные самостоятельные компоненты с реальным значением. Парные слова представляют собой особый пласт лексики в тюркских языках. Согласно Л. Н. Харитонову, парные слова — это «сочинительное, т. е. грамматически равноправное или параллельное сочетание двух слов, относящихся к одной и той же части речи и представляющих одну лексическую единицу... в целом обычно имеет более широкое и обобщающее значение» [Харитонов, 1982, с. 113]. Н. М. Ондар определяет парные слова как «номинативные единицы из двух лексем, образованные способом сложения на основе сочинительной связи» [Ондар, 2004, с. 3], «компоненты которых в семантическом плане, с одной стороны, сходны между собой, в определенной степени синонимичны, с другой стороны, в чем-то различаются, иногда существенно, вплоть до степени антонимичности» [Там же]. Е. И. Убрятова отмечает, что методом образования парных слов в якутском языке является синтаксический способ, так как в тюркских языках словосочетания используются для образования сложных основ [Убрятова, 2011, с. 184]. Согласно ученому, «это сложные основы, составившиеся из двух морфологически однородных слов, связанных между собой полным согласованием, перешедшим в полный параллелизм формы, и имеющих общее значение, всегда более широкое, чем значение каждого из составивших их слов... Полный параллелизм формы парного слова является его основным морфологическим признаком... Парные слова при всей своей способности выражать обобщенные значения связаны с образным мышлением» [Убрятова, 1948, с. 555—556]. Так, парное сочетание *дьол-соргу* состоит из двух полнозначных слов. Отдельно слово *соргу* определяется как 'благо, благополучие, счастье, фортуна; доля' [ПЭЖ, стлб. 2283]; слово *саргы=соргу* (ср. тюрк.) означает 'счастье,

талант, удача, судьба' [ПЭК, стлб. 2103]. Парное существительное *дьолсоргу* входит в Базу данных «Якутские парные слова, имеющие параллели в монгольских языках» [БД, 2022], где мы находим следующие словарные определения: 'большая радость, благополучие, счастье' [БТСЯЯ, III, с. 395]; 'счастье, удача' [ПЭК, т. 1, стлб. 838]; 'высшее счастье' [ПЭК, т. 1, стлб. 2283; Убрятова, 2011, с. 191]; 'полное счастье' (дьол 'счастье', соргу 'счастье', 'счастливый жребий') [Убрятова, 2011, с. 195]. Данное слово является часто употребляемым в повседневной речевой ситуации, в частности, в благопожеланиях, поздравлениях.

Соотношение возможных «парных ответов» на слово-стимул ДЬОЛ, образующих парное слово в ассоциативном поле, от общего количества реакций составляет 11,7%. Таким образом, можно предположить, что парное слово, активно существующее в узусе, в ассоциативно-вербальной сети носителя языка занимает устойчивое положение, что подтверждается частотностью ответов на стимул ДЬОЛ в качестве именно второй парной части слова. Вариация части парного слова с компонентом *саргы* появилась позже и имеет неоднозначное отношение к релевантности использования ввиду возможного искажения традиционного созвучного варианта *дьолсоргу*, также причиной изменения отношения в пользу второй вариации служит основа *сор*. Слово *сор* в якутском языке имеет значение «несчастье, злосчастье, злополучие, бедствие, горе, беда» [ПЭК, т. 1, стлб. 2283], «несчастье, страдание, мучение» [БТСЯЯ, VIII, с. 531].

Ассоциаты *үөрүү / радость, таптал / любовь* находятся в центре ядра ЯС якутов с рангами 13 и 15,5; в русском ядре ассоциат *любовь* имеет 3-й ранг, ассоциат *радость* — 4-й. Якуты в первую очередь связывают это чувство с радостью в моменте, счастье непременно вызывает радость: *үөрүү / радость* (311), *үөрүү-көтүү / радость* (23), *чыпчылыан үөрүү / много радости* (2), *ийэ үөрүүтэ / радость матери, кулүү / смех, элбэх үөрүү / много радости, эмискэччи кэлэн ааһар кылгас үөрүү / кратковременная неожиданная радость* (1). У русских схожие реакции тоже присутствуют: *радость* (49), *веселье* (3), *смех* (2); *радость, прибыль* (1). Величайшей ценностью, которую связывают со счастьем, безусловно, является *таптал / любовь* (73), данная реакция, можно сказать, является в равной степени частотной у русских: *любовь* (59), в *любви* (3), *верность; доверие, любовь; и любовь, любви; от любви; понимание, любовь* (1). К частотным у якутских респондентов относятся реакции *олох / жизнь* (64), *уһун олох / долгая жизнь* (3), также реакции в периферии АП *киһи олобо / жизнь человека, олоруу / жизнь, үчүгэй олох / хорошая жизнь* (1). У русских присутствует реакция *жизнь* (13), которая в самом ядре ЯС имеет 1-й ранг, у якутов данный ассоциат *олох / жизнь* имеет 4-й ранг. Далее приведем ряд антонимич-

ных реакций у якутов: *сор / несчастье, мука, горе* (42); *сорунг / твоё горе, хомойуу / огорчение, хомолто / обида* (1). Исследования паремиологического фонда подтверждают, что концепт счастья в традиционной русской культуре неразрывно связан с концептом несчастья [Тимофеева, 2020, с. 190], «неразделимость счастья и несчастья» есть ментальный стереотип [Дербишева, 2020, с. 61], что также находит отражение в АВС. Реакции русских респондентов частично тождественны с якутскими: *горе* (23), *несчастье* (20), *горя, ненастье* (1). К числу главных человеческих ценностей принадлежит здоровье, в данной категории ассоциации у якутских респондентов следующие: *доруубуйа / здоровье* (12), *дьонунг доруубуйата / здоровье твоих родных* (1), у русских имеется единичная реакция *здоровье* (1). Также у якутов и русских совпадают слова-реакции *эйэ* (7) — *мир* (2); *көнгүл* (4) — *свобода* (1). В рамках эмоционально-чувственной сферы якуты связывают счастье с *долгуйуу / волнение, үчүгэй настроение / хорошее настроение, эһчээһин / облегчение* (1). У русских это *блаженство* (2), *кайф, приятное ощущение, спокойствие, удовольствие* (1), однако присутствует и негативное понятие *скука* (1).

В семантической зоне «**Характеристика**» (7 %; 19,3 %) отмечается значительное преобладание русских реакций, что отражено в утверждении исследователей о том, что есть «неотъемлемое свойство русского менталитета»: «стремление все оценить, всему приписать определённому качеству» [Уфимцева, 2000]. Определённо, в двух ассоциативных полях есть схожие реакции, передающие базовые положительные характеристики состояния счастья *толору/полный* (13) — *полное* (1); *кэрэ/прекрасный* (5) — *прекрасное* (1), *сырдык/светлый* (5) — *светлое* (3), *улахан/большой* (4) — *большое* (16), *олус үчүгэй/очень хороший* (1) — *очень хорошо* (1), *сүдү/огромный* (1) — *огромное* (7). Помимо базовых определений у русских подчеркивается временное качество счастья — *вечное* (3), *долгожданное* (2), *безгранично, безграничное, беспредельное, нескончаемое* (1) и т. д.

Возвращаясь к вопросу о специфике якутского языка, в частности к своего рода полисемии ассоциатов, приведем ряд лексем, относящихся к определению качества, однако способных выступать и в роли существительного: *баай / богатый, богатство; кэрэ / прекрасный, красота; сырдык / светлый, свет; үтүө / добрый, добро* (5), *сылаас / теплый, тепло; сымыйа / ложный, ложь; ыраас / чистый, чистота* (1). В этом значении данные реакции могут быть также отнесены к субзоне «**Абстрактные понятия**».

Наибольший процент имеет субзона «**Положительная характеристика**» (якуты — 6,7 %, русские — 11,2 %). В данной субзоне к самым частотным реакциям якутов относятся — *үчүгэй / хороший* (15), *толору /*

полный (13), баай / богатый, дьоллоох / счастливый, кэрэ / прекрасный, сырдык / светлый, үтүө / добрый (5); у русских — большое (16), хорошо (8), огромное (7). В периферии у якутских респондентов также присутствуют ассоциации *барыта кэрэ / все прекрасно, барыта этэннэ / все благополучно* (1), как принято говорить, когда у человека все хорошо; собственно тождественные реакции у русских — *замечательно, отлично* (1).

Наименее весомая субзона «**Отрицательная характеристика**» составляет у русских 0,9 %, в ассоциативном поле якутов (0,1 %) присутствует единичная реакция с отрицательным значением — *сымыйа / ложный, ложь*. Русскими респондентами даны ассоциации *зыбкое, мало, недолгое, недостижимо, нелегкое* (1). «Зыбкое счастье» является стереотипом, осмысление которого в основном раскрывается в художественных текстах [Дербишева, 2020, с. 63].

В субзоне «**Нейтральная характеристика**» реакции якутов (0,2 %) также количественно уступают ответам русских (7,2 %) — *араас / разный, икки / два* (1). Реакции русских респондентов, в том числе и частотные, в данной субзоне образуют категорию «чье» — *мое* (23), *семейное* (2), *вдвоем, вместе, женское, людское, наше, не мое, общее, чужое* (1).

СЗ «**Действие**» (якуты — 4,5 %; русские — 8,4 %) показывает совокупность ощущений и процессов, связанных с чувством счастья, что отражено в образах сознания носителей языков. Так, большая часть реакций как бы «утверждает» и описывает наличие счастья, и у носителей двух языков можно найти схожие моменты: у якутов — *баар / есть* (9), *барыта баар / все есть* (3), *баар буолуохтаах / должно быть, бааргар / в том, что ты есть, барыта баар буолла да дьол / счастье — когда все есть, все рядом и все здорово, тосхойор / уготовано, туохха да наадыйбат буолуу / ни в чем не нуждаться, үксээтэ / приумножилось, этэннэ буолуу / быть благополучным* (1); у русских — *должно быть, найти, оно есть* (2), *быть любимым, быть с любимым, все есть, все иметь, должно быть у всех, есть!, может быть, нельзя описать, обрести, обретать, переполняет, приходит, пришло, существует* (1). Отрицательные реакции также присутствуют в АВС якутов (*суох / нет* 2; *баар дуо? / есть?, кэлбэт / не придет, ыраат / отдаляться* 1) и русских (*нет* 7; *его нет, не бывает, не верю, не знаю* 1).

СЗ «**Локус и Время**» составляет 2,4 % у якутских респондентов, 5,3 % — у русских респондентов. У якутов представления о счастье в образах сознания условно ограничиваются местом рождения и проживания (*дьиэ / дом* 7, *дойду / страна, мин олохпор / в моей жизни, Саха сирэ / Якутия* 1). У русских счастье также связано с домом — *в доме, дом* (2), *в дом, дома* (1), кроме этого, для них счастье — *находиться в семье* (2), *вместе с друзьями* (1). «Дом — это населяющие его люди, главным в образе *дома*

было представление о хозяйстве, то есть имуществе и богатстве, материальном обеспечении рода, в основе такого представления лежит понятие о чем-то *созданном, постоянном, общем* для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома» [Красных, 2002, с. 245]. Отдельные реакции у русских отражают некий «всеобъемлющий» характер счастья как такового — *на земле* (4), *далеко* (2), *близко, везде, в личной жизни, во мне, где, где оно?*, *рядом* (1). Что касается Времени, здесь отсутствуют тождественные реакции, в АП якутов присутствуют лишь реакции-существительные, смысловое содержание которых ограничивается понятием определенной поры, ожидаемого времени и отсылкой к мгновению. В АП русских реакции представлены в основном наречием, что способным выражать значение времени: счастье «происходит» *вдруг, всегда, когда весело, когда чего-то не хватает, мгновенно, но не ныне* (1); счастье — это *секунда, утро* (1).

В СЗ «Устойчивые словосочетания» реакции русских респондентов имеют значительное преимущество (якуты — 0,6 %; русские — 16,7 %). В ЯС русских глубоко заложена установка «счастье есть», известная как фраза Раисы Горбачевой, использованная в тексте песни dj Грува [Кононенко, 2021]. Это наиболее частотная ассоциация в данной зоне: *есть* (74), *есть, его не может не быть* (11), *его не может не быть* (3), а также периформулированные *есть, оно не может не быть; счастье есть, оно не может не быть* (1). В ЯС якутов представлены реакции, являющиеся частью коллокаций, часто используемых в сочетании со словом *дьол*: *хараба суох / слепо* (4) *чыычааба / птичка* (2), *амтана / вкус* (1), которые условно имеют эквиваленты в русском языке. В римской мифологии существовала богиня счастья по имени Фортуна, которую изображали с крыльями. Римляне верили, что Фортуна приносит счастье внезапно и также внезапно его уносит. Отсюда возникло выражение *слепое счастье*, которое также встречается во фразеологизмах [Овсеян, 2023, с. 31]. Отдельно можно отметить реакцию русских *птица*. Янь Кай и Чжан Бинь упоминают о фразеологизме *синяя птица* и отмечают, что «в русской культуре синяя птица понимается как символ счастья, то, что воплощает для кого-либо высшее счастье» [Янь Кай и др., 2023, с. 115]. В образе вольной птицы актуализируется зооморфный код [Дербишева, 2020, с. 64]. По нашему мнению, реакция *птица*, возможно, возникла под влиянием устойчивой метафоры и популярной песни «Птица счастья завтрашнего дня» (на стихи Н. Добронравова, муз. А. Пахмутовой), так, в славянской мифологии выделялось «некое фантастическое летающее существо, ассоциируемое с удачей и счастьем» [Голованивская, 2009, с. 113]. И реакция якутов *чыычааба / птичка* есть калькирование из русского выражения. Можно также предположить, что архаичные верования русских вплотились в традиционной культуре в

изделии «щепная птица счастья»: «Местом происхождения этого старинного сувенира считается поморье — территория нынешней Архангельской области... деревянной птице приписали чудодейственную силу и стали называть её “святым духом”, хранительницей детей, символом семейного счастья, отсюда и название “Птица счастья”» [Богданов, 2019]. Также к древним образам птиц счастья причисляют птиц Сирина и Алконоста из легенд мифических сказочных [Витков, 2019].

3.2. Типы связей между стимулом и реакцией в ассоциативном поле

Приведем некоторые факторы, характеризующие специфику типов связей, формируемых в ментальном лексиконе при порождении респондентами ассоциаций на тот или иной стимул. Согласно наблюдениям И. Г. Овчинниковой, в ментальном лексиконе носителей флективных языков синтагматические связи формируются между различными лексико-грамматическими разрядами, а у носителей аналитических языков — внутри одного класса. На синтагматические реакции влияет часть речи слова-стимула: глаголы чаще вызывают синтагматические реакции, чем существительные. Парадигматические связи возникают быстрее, чем синтагматические, так как они более универсальны и автоматизированы. Парадигматические связи раньше развиваются в онтогенезе и играют важную роль в выборе словоформ и лексем [Овчинникова, 2006].

По мнению Ю. Н. Караулова, синтагматические и парадигматические связи между стимулом и реакцией отражают взаимодействие слов в тексте (взгляд «от текста»). Синтагматические связи представляют непосредственное сочетание слов в пределах одного предложения с минимальным интервалом, а парадигматические — глубинные смысловые и предикативные отношения, которые могут быть скрыты или находиться на разных уровнях текста. Оба типа связей — это следы текстов, «которые проходили в разное время или проходят в данный момент через АВС испытуемого» и которые испытуемый «цитирует» на основе своего опыта [Караулов, 1996].

В ассоциативном поле слова-стимула ДБОЛ парадигматические ассоциации составляют 83,4 % и имеют преимущество над синтагматическими ассоциациями — 16,6 %. В ассоциативном поле слова-стимула СЧАСТЬЕ парадигматические ассоциации также количественно преобладают — 58,8 %, синтагматические ассоциации составляют чуть меньше 41,2 %.

Обзор ассоциаций с точки зрения их принадлежности к тому или иному лексико-грамматическому разряду (без учета реакций-словосочетаний) показывает примерно равное соотношение по частям речи в обоих ассоциативных полях. При этом для русского АП характерны различия в наборе частей речи, чаще других репрезентирующих каждый из рассматриваемых

типов связей, что, возможно, не характерно для агглютинативных языков, каким является якутский. Так, среди парадигматических реакций подавляющее большинство пар S-R в двух АП формируются по модели «имя существительное + имя существительное» (якутское АП — 87 %, русское АП — 78,5 %), также в русском АП несколько больше связей представлены по формуле «имя существительное + наречие» и «имя существительное + глагол». Здесь необходимо добавить, что ввиду многозначности лексем граница между возможными вариантами распределения реакций по тем или иным группам остается неустойчивой. Что касается синтагматических реакций, почти половина русских ассоциаций строятся по модели «имя существительное + глагол» (41,3 %). Отметим, что в якутском АП только за счет частотных реакций, которые в паре со стимулом образуют парные слова *дьол-соргу*, *дьол-саргы*, преобладают комбинации связей «имя существительное + имя существительное» (73,6 %). У якутов другие синтагматические пары по модели «имя существительное + имя существительное» представляют словосочетания, где реакции даны в притяжательном склонении: *чыычааба / птичка* (2), *амтана / вкус*, *кэрэтэ / красота*, *оройо / пик* (1). В русском АП подобные связи строятся в основном по смысловой формуле указания места (*на земле* (4), *в любви*, *в доме*, *в семье*, *в дом*, *в личной жизни* (11,5 %). В русском АП синтагматические связи организованы по моделям «имя существительное + имя прилагательное» (20,8 %), «имя существительное + местоимение» (11,1 %), «имя существительное + наречие» (5,1 %), в то время как в якутском АП репрезентации таких моделей не представлены.

Наиболее частотные реакции в обоих АП представляют парадигматические ассоциации: якуты — *уөрүү / радость* (311), *соргу / благополучие* (92), *таптал / любовь* (72), *олох / жизнь* (64), *оьо / ребенок* (49); русские — *любовь* (59), *радость* (49), *горе* (23).

Частотные синтагматические реакции в двух АП также совпадают: у якутов — *баар / есть* (9), однако реакция *есть* (79) является наиболее частотной в целом по ассоциативному полю слова-стимула СЧАСТЬЕ.

3.3. Вычисление показателя близости значений в ассоциативном поле

По результатам вычисления показатель близости (W) может меняться от 0 до 1, где «0 соответствует отсутствию одинаковых реакций, 1 — полному совпадению распределению ассоциаций» [Григорьев и др., 2000]. Как отмечает автор, при межъязыковых сопоставлениях применение количественных методов должно встретиться с наибольшими затруднениями, в том числе при изучении языкового сознания билингвов. Трудности возникают при неполном совпадении значений слов в разных языках, а также при несовпадении грамматических категорий [Там же]. В нашем случае

мы учли в качестве схожих ассоциаций в якутском и русском языках реакции, где слово в одном языке многозначно, либо имеет синоним в АП, но совпадает по одному из значений в другом языке, либо слова в разных языках имеют неодинаковые грамматические формы, а также если одна реакция в ассоциативном поле дана отдельно на якутском языке и по стратегии переключения кода дана на русском языке (разные реакции отделены знаком точки с запятой: якутское АП — *үөрүү / радость; үөрүү-көтүү / радость*, русское АП — *радость*; якутское АП — *дьиэ кэргэн / семья; ыал / семья; семья*, русское АП — *семья*; якутское АП — *кэрэ / прекрасный*, русское АП — *прекрасно; прекрасное и т. д.*).

Значения показателей близости (W) имеют следующие уровни: от 0,4 до 1 — высокий; от 0,3 до 0,39 — выше среднего; от 0,2 до 0,29 — средний; от 0,1 до 0,19 — ниже среднего; ниже 0,1 — низкий [Палкин, 2010, с. 85]. Коэффициент сходства отражает степень совпадения восприятия образа среды представителей разных групп. Значение, приближенное к единице, свидетельствует о высокой схожести восприятия, тогда как значения, близкие к нулю, указывают на меньшую общность в восприятии [Палкин, 2020, с. 74].

Согласно подсчетам, показатель близости W ассоциативных полей составляет 0,32, что относится к уровню семантической близости выше среднего.

4. Заключение = Conclusions

Анализ ассоциативных полей слов ДЬОЛ и СЧАСТЬЕ выявил следующие результаты, позволяющие глубже понять особенности восприятия счастья в якутской и русской лингвокультуре.

В ассоциативном поле якутского слова ДЬОЛ наблюдается сильная связь с такими социальными понятиями, как семья, дети и здоровье, что отражает коллективную природу восприятия счастья. Так, к частотным реакциям у якутов относятся *таптал / любовь, оҕо / ребенок*, также *дьиэ кэргэн / семья*, что свидетельствует о значимой ценности рода у якутов, содержание ассоциативного поля подтверждает, что сила рода, предков всегда имела глубокое значение для якута в становлении его личности, в поддержании связи с предками он находит особую сакральную поддержку. В русском языке *счастье* связано преимущественно с абстрактными категориями, такими как любовь, радость и внутреннее состояние, что отражает индивидуалистическое восприятие счастья. В языковом сознании русских также выявлено больше ассоциаций, актуализирующих прецедентные тексты.

Сравнительный анализ с результатами ассоциативных экспериментов, проведенных позднее А. А. Скрябиной [Скрябина, 2021], показывает за-

метные изменения в ценностных приоритетах носителей якутского языка за последние годы. Если ранее счастье ассоциировалось с семьей, детьми и материальными благами, то в последние годы на первый план выходят такие аспекты, как любимая работа, путешествия, карьерный рост и забота о себе. Это отражает современные социальные тренды, в которых счастье связано не только с материальными аспектами, но и с личным развитием и самореализацией.

Частотные реакции, такие как *соргу* и *саргы* (благополучие), образуют парные слова, обладающие собирательным значением, при этом эти слова одновременно являются самостоятельными лексемами. Парные слова, такие как *дьол-соргу*, активно используются в повседневной речи, особенно в формулах благопожеланий и напутствий, что подчеркивает их важность в повседневном функционировании современного якутского языка. В ассоциативном поле слова ДЬОЛ их частота составляет 11,7 %, что подтверждает их роль как устойчивых элементов в вербальной сети. Обзор парных слов в ассоциативном поле слова-стимула ДЬОЛ подтверждает, что они занимают значительное и устойчивое положение в языке.

Что касается типов связей между стимулом и реакцией, выявлено преобладание парадигматических ассоциаций у якутских и русских респондентов. В якутском АП парадигматические реакции составляют 83,4 %, в то время как синтагматические — лишь 16,6 %. В русском АП это соотношение более сбалансировано: 58,8 % парадигматических и 41,2 % синтагматических ассоциаций.

В результате анализа лексико-грамматических разрядов реакций удалось выявить различие в моделях связи. Якутское АП характеризуется преобладанием связей по модели «имя существительное + имя существительное» (87 %), тогда как в русском АП также представлены модели с участием наречий, глаголов и прилагательных, это указывает на большую вариативность связей между различными лексико-грамматическими разрядами, что типично для флективных языков. Синтагматические связи в якутском АП представлены в большинстве случаев в комбинации «существительное + существительное» за счет реакций, которые со словом-стимулом образуют парные слова (*дьол-соргу*, *дьол-саргы*). В свою очередь в русском АП преобладают связи «существительное-глагол» (41,3 %) в основном за счет ассоциаций, представляющих прецедентные выражения. В целом русское АП также демонстрирует более выраженное присутствие наречий, чего практически нет в ассоциативном поле слова ДЬОЛ.

Специфика многозначности слов в якутском языке создает сложности при определении лексико-грамматических характеристик ассоциатов, что затрудняет их классификацию по семантическим зонам и типам связей.

Многозначность и омонимия слов вызывают вариативность интерпретаций значений, что требует более детального анализа в будущем. Тем не менее эти сложности не повлияли на точность полученных результатов, но данное направление нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Метод количественной оценки показал, что ассоциативные поля ДЬОЛ и СЧАСТЬЕ демонстрируют средний уровень семантической близости ($W = 0.32$), что указывает на наличие значительных различий в восприятии счастья обоими этносами, несмотря на наличие некоторых пересечений в базовых понятиях.

Таким образом, данное исследование подчеркивает культурные и когнитивные различия в восприятии концепта счастья у якутов и русских, а также фиксирует тенденции трансформации традиционного образа мира в восприятии счастья под влиянием современных социальных факторов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. БД — *Свидетельство* о государственной регистрации базы данных №2022623336 Российская Федерация. Якутские парные слова, имеющие параллели в монгольских языках : № 2022623350 : заявл. 03.12.2022 : опубли. 09.12.2022 / А. К. Прокопьева, Н. В. Гуляева ; заявитель ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова».

2. БТСЯЯ — *Толковый словарь якутского языка* [Текст] = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под общ. ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2004—2018. — ISBN 978-5-02-032332-2.

3. *Заморщикова Л. С.* Ассоциативный словарь якутского языка [Электронный ресурс] / Л. С. Заморщикова, А. А. Романенко. — 2012. — Режим доступа : <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (дата обращения 27.07.2024).

4. ПЭЖ — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский. — Москва : [б. и.], 1959. — Т. I, II. — стлб. 1280—2508.

5. САС — *Славянский ассоциативный словарь* : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — Москва : ИЯ РАН, 2004. — 792 с. — ISBN 5-7904-0366-2.

Литература

1. *Абильдинова Ж. Б.* Вербализация концепта «счастье/бақыт/happiness» в русском, казахском и английском языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента) / Ж. Б. Абильдинова // *Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве* : сборник материалов Международного научного конгресса, Москва, 06—10 декабря 2021 года. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — Т. 1. — С. 478—481.

2. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель ; в пер. Н. В. Брагинской // *Аристотель.* — Москва : Мысль, 1984. — Т. 4. — С. 54—293.

3. Беккулова Д. К. Концепт «счастье» в языковом сознании народа / Д. К. Беккулова // *Alatoo Academic Studies*. — 2021. — № 2. — С. 206—212. — DOI: 10.17015/aas.2021.212.23.
4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. — Москва : Директ-Медиа, 2009. — 734 с. — ISBN 9785998915093.
5. Богданов Д. А. Щепная Птица счастья как один из видов традиционных северных ремёсел / Д. А. Богданов // *Colloquium-Journal*. — 2019. — № 17—7 (41). — С. 24—25.
6. Боргоякова А. П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. П. Боргоякова. — Москва, 2002. — 181 с.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с. — ISBN 5-89216-002-5.
8. Витков В. Н. Птица счастья [Электронный ресурс] / В. Н. Витков. — Эхо Севера. — 2019. — Режим доступа : <https://www.echosevera.ru/2019/09/07/5d70d6faeac9121cd63f9c83.html> (дата обращения 28.08.2024).
9. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.
10. Голованивская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских / М. К. Голованивская. — Москва : Языки славянской культуры, 2009. — 376 с. — ISBN 978-5-9551-0350-1.
11. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. — Харьков ; Москва : РА — Каравелла, 2001. — 320 с. — ISBN 966-7012-09-3.
12. Григорьев А. А. Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей / А. А. Григорьев, М. С. Кленская // *Языковое сознание и образ мира* / под ред. Н. В. Уфимцевой. — Москва : ИЯ РАН, 2000. — С. 313—318.
13. Дмитриева О. Н. Свадебный обряд якутов и алгысы : традиции и современность / О. Н. Дмитриева // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. — 2017. — № 1 (32). — С. 58—66.
14. Дьячковский Ф. Н. О видах многозначности слов / Ф. Н. Дьячковский // С. А. Новгородов и новое в якутском языкознании : сборник статей. — Якутск : Издательство ЯФ СО РАН, Якутский филиал, 2003. — С. 72—79.
15. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
16. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов. В 2 томах. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. — 27 см. — ISBN 978-5-86547-687-0.
17. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1981. — 368 с.
18. Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю. Н. Караулов // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. — Москва : УРСС, 1996. — С. 67—97. — ISBN 5-354-00768-2.
19. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // *Языковое сознание и образ мира*. — Москва : УРСС, 2000. — С. 191—206.
20. Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение : учеб. пособие / А. П. Клименко. — Минск : МГПИИЯ, 1974. — 108 с.
21. Кононенко М. Счастье есть [Электронный ресурс] / М. Кононенко. — Режим доступа : <https://russian.rt.com/opinion/845515-kononenko-uchenie-programma-schastye> (дата обращения 28.08.2024).

22. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Курс лекций / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — ISBN 5-94244-009-3.
23. *Конопелько И. П.* Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка / И. П. Конопелько. — Воронеж : РИТМ, 2019. — 226 с. — ISBN 978-5-6042729-6-1.
24. *Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 1993. — С. 16—21.
25. *Леонтьев А. А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. — Москва : МГУ, 1977. — С. 5—16.
26. *Лурье С. В.* Историческая этнология / С. В. Лурье. — Москва : Аспент пресс, 1997. — 448 с.
27. *Маховиков Д. В.* Этнокультурная специфика образа «счастье» (на материале языкового сознания русских и французов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Д. В. Маховиков. — Москва, 2011. — 132 с.
28. *Навильникова Д. И.* Представление парадигматических и синтагматических связей как способ интерпретации результатов ассоциативного эксперимента / Д. И. Навильникова // Сибирский филологический журнал. — 2009. — № 2. — С. 201—205.
29. *Никаева Т. М.* Этнокультурная специфика образа себя образа другого в языковом сознании русских, якутов, эвенков и эвенов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. М. Никаева. — Москва, 2013. — 24 с.
30. *Носкова Н. А.* Ментальность как основа понятия. «Языковое сознание» / Н. А. Носкова, М. П. Ахиджакова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия. «Филология и искусствоведение». — 2016. — Выпуск 4 (187) — С. 83—88.
31. *Овсепян С. А.* Концепт счастье в русском языковом сознании на материале фразеологизмов / С. А. Овсепян // Science Time. — 2023. — № 2 (109). — С. 30—32.
32. *Овчинникова И. Г.* Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей / И. Г. Овчинникова // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2006. — № 4. — С. 85—92.
33. *Ондар Н. М.* Парные слова в тувинском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Н. М. Ондар. — Москва, 2004. — 19 с.
34. *Палкин А. Д.* Россия и Япония : динамика нравов / А. Д. Палкин. — Москва : Наталис, 2010. — 432 с. — ISBN 978-5-8062-0329-9.
35. *Палкин А. Д.* Образ матери в языковой картине мира русских и японцев / А. Д. Палкин // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 71—83. — DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-1-71-83>.
36. *Сергиева Н. С.* Семантический гештальт и ядро языкового сознания русских / Н. С. Сергиева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. — 2006. — № 2 (57). — С. 160—165.
37. *Скрябина А. А.* Концепты ДЬОЛ 'СЧАСТЬЕ' — СОР 'НЕСЧАСТЬЕ' в якутской лингвокультуре : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / А. А. Скрябина. — Якутск, 2021. — 160 с.
38. *Тарасов Е. Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира. — Москва : [б. и.], 2000. — С. 24—32.
39. *Тимофеева И. Ю.* Концепт «счастье» в русской культуре / И. Ю. Тимофеева // Инновационные аспекты развития науки и техники : Сборник избранных статей II Меж-

дународной научно-практической конференции, Саратов, 24 ноября 2020 года. — Саратов : НОО «Цифровая наука», 2020. — С. 186—194. — ISBN 978-5-93856-316-2.

40. *Убрятова Е. И.* О некоторых особенностях основы слова в якутском языке / Е. Н. Убрятова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1948. — Т. VII. — Выпуск 6. — С. 551—567.

41. *Убрятова Е. И.* Парные слова в якутском языке / Е. И. Убрятова // Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 2011. — 282 с.

42. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание и образ мира славян / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 207—219.

43. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. — 2003. — № 1. — С. 102—111.

44. *Уфимцева Н. В.* Проблемы изучения языкового сознания / Н. В. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. — 2009. — Выпуск 2. — С. 18—25.

45. *Уфимцева Н. В.* Языковое сознание : динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт языкознания РАН, 2011. — 252 с. — ISBN 978-5-905697-03-6.

46. *Филиппова С. В.* Концепты “happiness” / «дьюл» в английском и якутском языках / С. В. Филиппова, А. В. Хихлун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 10—2 (88). — С. 370—374. — DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.32>.

47. *Хамидуллина С. В.* Концепт «счастье» в русском языковом сознании / С. В. Хамидуллина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2013. — Т. 3. — С. 371—375.

48. *Харитонов Л. Н.* Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Л. Н. Харитонов. — Москва : Наука, 1982. — 496 с.

49. *Черкашина Е. А.* Концепт «Счастье» в русском языке / Е. А. Черкашина // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2016. — № 2. — С. 38—43.

50. *Яо Ж.* Концепт счастье в русском и китайском языковых сознаниях / Ж. Яо // БГЖ. — 2019. — № 4 (29). — С. 312—315. — DOI: [10.26140/bgj3-2019-0804-0071](https://doi.org/10.26140/bgj3-2019-0804-0071).

51. *Янь К.* Представление о счастье в языковом сознании носителей русской культуры : психолингвистический аспект / К. Янь, Б. Чжан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 1. — С. 108—122. — DOI: [10.15688/jvolsu2.2023.1.9](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.9).

52. *Derbisheva Z. K.* Русское счастье в лингвокогнитивной интерпретации / Z. K. Derbisheva // Cuadernos De Rusística Española. — 2020. — Vol. 16. — Pp. 55—68. — DOI: [10.30827/cre.v16i0.13912](https://doi.org/10.30827/cre.v16i0.13912).

53. *Diener E.* Subjective well-being / E. Diener // Psychological Bulletin. — 1984. — Vol. 95. — № 3. — Pp. 542—575. — DOI: [10.1037/0033-2909.95.3.542](https://doi.org/10.1037/0033-2909.95.3.542).

54. *Diener E.* Happiness : Unlocking the mysteries of psychological wealth / E. Diener, R. Biswas-Diener. — Oxford : Blackwell Publishing, 2008. — 304 p.

55. *Inglehart R. F.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies / R. F. Inglehart. — Princeton : Princeton University Press. — 1997. — 464 p. — ISBN 978-06-9101-1806.

56. *Meara P.* ‘Word Associations in a Foreign Language : A Report on the Birkbeck Vocabulary Project.’ / P. Meara // Nottingham Linguistic Circular. — 1982. — № 11 (2). — Pp. 29—37.

57. *Menenti L.* ‘L2-L1 Word Association in Bilinguals : Direct Evidence’ / L. Menenti // Nijmegen CNS. — 2006. — Vol. 1. — Pp. 45—56.

58. *Pranoto B. E.* The Organization of Words in Mental Lexicon : Evidence from Word Association Test / B. E. Pranoto, L. K. Afrilita // *Teknosastik*. — 2018. — Vol. 16. — № 1. — Pp. 26—33.

59. *Veenhoven R.* Is Happiness Relative? Social Indicators Research : An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement / R. Veenhoven. — 1991. — Vol. 24. — № 1. — Pp. 1—34. — DOI: 10.1007/BF00292648.

60. *Wierzbicka A.* ‘Happiness’ in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective / A. Wierzbicka // *Daedalus*. — 2004. — Vol. 133. — № 2. — Pp. 34—43.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 16.10.2024.

Material resources

BTSYaYa — *Explanatory dictionary of the Yakut language [Text] = Sakha tylyn byhaarylah tyldyt.* (2004—2018). Novosibirsk: Nauka. ISBN 978-5-02-032332-2. (In Russ.).

DB — *Certificate of state registration of the database № 2022623336 Russian Federation. Yakut paired words with parallels in Mongolian languages: № 2022623350: application 03.12.2022: publ. 09.12.2022.* (In Russ.).

PEK — Pekarsky, E. K. (1959). *Dictionary of the Yakut language, I, II.* Moscow: [b. i.]. 1280—2508. (In Russ.).

SAS — *Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian.* (2004). Moscow: IYA RAS. 792 p. ISBN 5-7904-0366-2. (In Russ.).

Zamorshchikova, L. S., Romanenko, A. A. (2012). *Associative dictionary of the Yakut language.* Available at: <http://adictsakha.nsu.ru/dict> (accessed 27.07.2024). (In Russ.).

References

Abildinova, J. B. (2021). Verbalization of the concept of “happiness/bakyt/happiness” in the Russian, Kazakh and English language consciousness (according to the associative experiment). In: *Russian language in the global scientific and educational space: Collection of materials of the International Scientific Congress, Moscow, December 06—10, 2021, 1.* Moscow: A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language. 478—481. (In Russ.).

Aristotel. (1984). *Nicomachean ethics, 4.* Moscow: Mysl. 54—293. (In Russ.).

Bekkulova, D. K. (2021). The concept of “happiness” in the linguistic consciousness of the people. *Alatoo Academic Studies, 2:* 206—212. DOI: 10.17015/aas.2021.212.23. (In Russ.).

Bentham, I. (2009). *Introduction to the foundations of morality and legislation.* Moscow: Direct-Media. 734 p. ISBN 9785998915093. (In Russ.).

Bogdanov, D. A. (2019). Shchepnaya Bird of happiness as one of the types of traditional northern crafts. *Colloquium-Journal, 17—7 (41):* 24—25. (In Russ.).

Borgoyakova, A. P. (2002). *National and cultural specificity of the linguistic consciousness of the Khakass, Russians and the British (based on the material of the core of linguistic consciousness).* PhD Diss. Moscow. 181 p. (In Russ.).

Cherkashina, E. A. (2016). The concept of “Happiness” in the Russian language. *Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov, 2:* 38—43. (In Russ.).

Derbisheva, Z. K. (2020). Russian happiness in a linguocognitive interpretation. *Cuadernos De Rusística Española, 16:* 55—68. DOI: 10.30827/cre.v16i0.13912.

- Diener, E. (2008). *Happiness: Unlocking the mysteries of psychological wealth*. Oxford: Blackwell Publishing. 304 p.
- Diener, E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95 (3): 542—575. DOI: 10.1037/0033-2909.95.3.542.
- Dmitrieva, O. N. (2017). Wedding ceremony of Yakuts and Algys: traditions and modernity. *Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia*, 1 (32): 58—66. (In Russ.).
- Dyachkovsky, F. N. (2003). On the types of polysemy of words. In: *S. A. Novgorodov and the new in Yakut linguistics: a collection of articles*. Yakutsk: Publishing House of the YAF SB RAS, Yakutsk branch. 72—79. (In Russ.).
- Filippova, S. V., Khikhilun, A. V. (2018). Concepts of “happiness” / “dyol” in English and Yakut languages. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 10—2 (88): 370—374. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.32>. (In Russ.).
- Golovanivskaya, M. K. (2009). *Mentality in the mirror of language. Some basic concepts in the representation of the French and Russians*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 376 p. ISBN 978-5-9551-0350-1. (In Russ.).
- Goroshko, E. I. (2001). *Integrative model of free associative experiment*. Kharkov; Moscow: RA — Caravella. 320 p. ISBN 966-7012-09-3. (In Russ.).
- Grigoriev, A. A., Klenskaya, M. S. (2000). Problems of quantitative analysis in comparative studies of associative fields. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: IYA RAS. 313—318. (In Russ.).
- Hovsepyan, S. A. (2023). The concept of happiness in the Russian linguistic consciousness based on the material of phraseological units. *Science Time*, 2 (109): 30—32. (In Russ.).
- Inglehart, R. F. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press. 464 p. ISBN 978-06-9101-1806.
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2000). Indicators of national mentality in the associative-verbal network. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: URSS. 191—206. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1981). *Linguistic construction and thesaurus of the literary language*. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1996). Types of communicative behavior of a native speaker in a situation of linguistic experiment. In: *Ethnocultural specificity of linguistic consciousness*. Moscow: URSS. 67—97. ISBN 5-354-00768-2. (In Russ.).
- Khamidullina, S. V. (2013). The concept of “happiness” in the Russian linguistic consciousness. *Concept*, 3: 371—375. (In Russ.).
- Kharitonov, L. N. (1982). *Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology*. Moscow: Nauka. 496 p. (In Russ.).
- Klimenko, A. P. (1974). *Lexical systematics and its psycholinguistic study: textbook. the manual*. Minsk: MGPIIA. 108 p. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2014). *Dictionary of Russian mentality. In 2 volumes*. St. Petersburg: Zlatoust. 27 cm. ISBN 978-5-86547-687-0. (In Russ.).
- Kononenko, M. *Happiness is*. Available at: <https://russian.rt.com/opinion/845515-kononenko-uchenie-programma-schastye> (accessed 28.08.2024). (In Russ.).

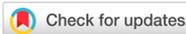

- Konopelko, I. P. (2019). *Comparative analysis in language research and teaching*. Voronezh: RHYTHM. 226 p. ISBN 978-5-6042729-6-1. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: A course of lectures*. Moscow: Gnosis. 284 p. ISBN 5-94244-009-3. (In Russ.).
- Leontyev, A. A. (1977). General information about associations and associative norms. In: *Dictionary of associative norms of the Russian language*. Moscow: Moscow State University. 5—16. (In Russ.).
- Leontyev, A. A. (1993). Linguistic consciousness and the image of the world. In: *Language and consciousness: paradoxical rationality*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 16—21. (In Russ.).
- Lurie, S. V. (1997). *Historical ethnology*. Moscow: Aspent Press. 448 p. (In Russ.).
- Makhovikov, D. V. (2011). *Ethnocultural specificity of the image of "happiness" (based on the material of the linguistic consciousness of Russians and French)*. PhD Diss. Moscow. 132 p. (In Russ.).
- Meara, P. (1982). 'Word Associations in a Foreign Language: A Report on the Birkbeck Vocabulary Project.' *Nottingham Linguistic Circular*, 11 (2): 29—37.
- Menenti, L. (2006). 'L2-L1 Word Association in Bilinguals: Direct Evidence'. *Nijmegen CNS*, 1: 45—56.
- Navilnikova, D. I. (2009). Presentation of paradigmatic and syntagmatic connections as a way of interpreting the results of an associative experiment. *Siberian Philological Journal*, 2: 201—205. (In Russ.).
- Nikaeva, T. M. (2013). *Ethnocultural specificity of the image of oneself and the image of another in the linguistic consciousness of Russians, Yakuts, Evenks and Evens*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Noskova, N. A., Akhidzhakova, M. P. (2016). Mentality as the basis of the concept. "Linguistic consciousness". *Bulletin of the Adygea State University. Series. "Philology and Art History"*, 4 (187): 83—88. (In Russ.).
- Ondar, N. M. (2004). *Paired words in the Tuvan language*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 19 p. (In Russ.).
- Ovchinnikova, I. G. (2006). The structure of the mental lexicon: age dynamics of associative connections. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activities*, 4: 85—92. (In Russ.).
- Palkin, A. D. (2010). *Russia and Japan: the dynamics of morals*. Moscow: Natalis. 432 p. ISBN 978-5-8062-0329-9. (In Russ.).
- Palkin, A. D. (2020). The image of a mother in the linguistic picture of the world of Russians and Japanese. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 18 (1): 71—83. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-1-71-83>. (In Russ.).
- Pranoto, B. E., Afrilita, L. K. (2018). The Organization of Words in Mental Lexicon: Evidence from Word Association Test. *Teknosastik*, 16 (1): 26—33.
- Scriabina, A. A. (2021). *Concepts of DIOL 'HAPPINESS' — SORA 'MISFORTUNE' in Yakut linguoculture*. PhD Diss. Yakutsk. 160 p. (In Russ.).
- Sergieva, N. S. (2006). Semantic gestalt and the core of the linguistic consciousness of Russians. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2 (57): 160—165. (In Russ.).
- Tarasov, E. F. (2000). Actual problems of the analysis of linguistic consciousness. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: [b. i.]. 24—32. (In Russ.).

- Timofeeva, I. Y. (2020). The concept of “happiness” in Russian culture. In: *Innovative aspects of the development of science and technology: A collection of selected articles of the II International Scientific and Practical Conference, Saratov, November 24, 2020*. Saratov: NOO “Digital Science”. 186—194. ISBN 978-5-93856-316-2. (In Russ.).
- Ubraytova, E. I. (1948). On some features of the basis of the word in the Yakut language. *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language, VII (6)*: 551—567. (In Russ.).
- Ubraytova, E. I. (2011). Paired words in the Yakut language. In: *Selected works. Research on Turkic languages*. Novosibirsk: NSU Publishing House. 282 p. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2011). *Linguistic consciousness: dynamics and variability*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 252 p. ISBN 978-5-905697-03-6. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2000). Linguistic consciousness and the image of the world of the Slavs. In: *Linguistic consciousness and the image of the world*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 207—219. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2003). Linguistic consciousness as a reflection of ethnosociocultural reality. *Questions of psycholinguistics, 1*: 102—111. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V., Tarasov, E. F. (2009). Problems of studying linguistic consciousness. *Questions of psycholinguistics, 2*: 18—25. (In Russ.).
- Veenhoven, R. (1991). Is Happiness Relative? Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary. *Journal for Quality-of-Life Measurement, 24 (1)*: 1—34. DOI: 10.1007/BF00292648.
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. 416 p. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).
- Vitkov, V. N. (2019). *Bird of Happiness. Echo of the North*. Available at: <https://www.echo-severa.ru/2019/09/07/5d70d6faeac9121cd63f9c83.html> (accessed 08/28/2024). (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2004). *Happiness as a linguistic and cultural concept*. Moscow: ITDGC “Gnosis”. 192 p. ISBN 5-94244-002-6. (In Russ.).
- Wierzbicka, A. (2004). ‘Happiness’ in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective. *Daedalus, 133 (2)*: 34—43.
- Yan, K., Zhang, B. (2023). The idea of happiness in the linguistic consciousness of native speakers of Russian culture: a psycholinguistic aspect. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 22 (1)*: 108—122. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.9. (In Russ.).
- Yao, J. (2019). The concept of happiness in Russian and Chinese linguistic consciousness. *BGJ, 4 (29)*: 312—315. DOI: 10.26140/bgj3-2019-0804-0071. (In Russ.).

*The article was submitted 28.06.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 16.10.2024.*

Информация для цитирования:

Гуркова А. В. Прилагательное *sudden* в составе словосочетаний как средство преуменьшения времени в англоязычном художественном тексте жанра фэнтези / А. В. Гуркова, Л. Г. Попова, Л. М. Шатилова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 39—57. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-39-57.

Gurkova, A. V., Popova, L. G., Shatilova, L. M. (2024). Adjective ‘Sudden’ in Phrases as a Means of Temporal Mitigation in English Fantasy Literature. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 39-57. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-39-57. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Прилагательное *sudden* в составе словосочетаний как средство преуменьшения времени в англоязычном художественном тексте жанра фэнтези

Гуркова Анастасия Владимировна¹
orcid.org/0000-0003-2426-8514
старший преподаватель кафедры
английской филологии
и переводоведения
avgurkova@yandex.ru

Попова Лариса Георгиевна²
orcid.org/0000-0001-5721-9378
доктор филологических наук,
профессор кафедры германистики
и лингводидактики
larageorg5@gmail.com

Шатилова Любовь Михайловна²
orcid.org/0000-0001-6250-0957
доктор филологических наук,
профессор кафедры германистики
и лингводидактики,
корреспондирующий автор
shatilova-79@mail.ru

¹ Государственный гуманитарно-технологический университет (Орехово-Зуево, Россия)

² Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

Adjective ‘Sudden’ in Phrases as a Means of Temporal Mitigation in English Fantasy Literature

Anastasia V. Gurkova¹
orcid.org/0000-0003-2426-8514
Senior research scientist,
Department of English Philology
and Translation Studies
avgurkova@yandex.ru

Larisa G. Popova²
orcid.org/0000-0001-5721-9378
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Studies
and Linguodactics
larageorg5@gmail.com

Lyubov M. Shatilova²
orcid.org/0000-0001-6250-0957
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Studies
and Linguodactics,
corresponding author
shatilova-79@mail.ru

¹ State University of Humanities and Technology (Orekhovo-Zuevo, Russia)

² Moscow City University (Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается семантика такого показателя преуменьшения времени в виде литоты, как прилагательное *sudden*, в англоязычной художественной прозе жанра фэнтези XX—XXI веков. Цель работы — выявление английских словосочетаний с прилагательным *sudden*, способных выступать в виде литоты при репрезентации времени, активно употребляемых в обозначенных текстах. Применялись метод семантического анализа, метод контекстуального анализа, сопоставительный метод. Выявлено, что существует список активно используемых всеми авторами англоязычной прозы фэнтези XX—XXI веков словосочетаний с прилагательным *sudden*, отражающих наивысшую степень преуменьшения времени в рамках данного жанра. Как показал анализ выбранных художественных англоязычных текстов фэнтези, в них обнаруживаются коллокации с элементом *sudden*, не отмеченные в словарях словосочетаний. Составлен ранжированный список этих словосочетаний с указанием авторов, которыми они были использованы. Анализ коллокаций, которые выражают преуменьшение времени, показал, что некоторые из них используются несколькими авторами: *the sudden darkness*, *sudden anxiety*, *a sudden thought*, and etc. Это свидетельствует об их устойчивости, поэтому они могли бы пополнить состав словарей словосочетаний английского языка. Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов лекций по лексикологии, лексикографии английского языка в вузе.

Ключевые слова:

прилагательное; преуменьшение времени; литота; *sudden*; жанр фэнтези.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the semantics of the temporal mitigation indicator, specifically the adjective ‘sudden,’ as a form of litotes in English-language fantasy prose from the 20th to 21st centuries. The aim of this research is to identify English phrases containing the adjective ‘sudden’ that serve as litotes in the representation of time, which are frequently employed in the specified texts. The methods utilized include semantic analysis, contextual analysis, and comparative analysis. The findings reveal a list of phrases actively used by various authors within the realm of 20th and 21st-century English-language fantasy prose that reflect a high degree of temporal mitigation within this genre. An analysis of selected fantasy texts indicates the presence of collocations featuring ‘sudden’ that are not documented in collocation dictionaries. A ranked list of these phrases, along with their respective authors, has been compiled. The examination of collocations expressing temporal mitigation shows that some are utilized by multiple authors, such as “the sudden darkness,” “sudden anxiety,” and “a sudden thought.” This suggests their stability, indicating that they could enhance existing collocation dictionaries of the English language. The practical significance of this study lies in its potential application in teaching courses on lexicology and lexicography of the English language at the university level.

Key words:

adjective; temporal mitigation; litotes; sudden; fantasy genre.

УДК 811.111'367.623.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-39-57

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Прилагательное *sudden* в составе словосочетаний как средство преуменьшения времени в англоязычном художественном тексте жанра фэнтези

© Гуркова А. В., Попова Л. Г., Шатилова Л. М., 2024

1. Введение = Introduction

Время является сложным понятием, которое включает в себя множество аспектов. А. Я. Гуревич подчеркивает важность изучения времени в историко-культурном плане: именно в нем «воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам» [Гуревич, 2012, с. 15].

Категория времени изучена на материале совершенно разных языков, но до сих пор остается большое количество нерешённых вопросов, которые не дают учёным составить исчерпывающее определение времени. Сложность конкретизирования понятия времени обусловлена множественностью подходов к его постижению. Огромную роль в изучении времени играет факт возникновения «нефизических» понятий как в гуманитарных, так и в естественных науках, а именно: биологическое время, физиологическое время [Уитроу, 2003], геологическое время, психологическое время [Абульханова-Славская и др., 2001], социальное время [Нестик, 2003; Сорокин и др., 2004], мифологическое время [Топоров, 1995], художественное время [Карасик, 2002] и др.

Рассматривая проблему категории времени в английском языке, прежде всего, стоит уточнить сущность понятия «категория». Понятие категории раскрывается во многих науках, так как является неотъемлемой частью любого исследования. Сущность категории заключается в отражении общих свойств явлений.

Грамматической категорией является система противопоставленных друг другу однородных грамматических значений, которые выражаются грамматическими формальными средствами. Данная система является замкнутой, и она способна задавать разбиение обширных совокупностей.

Э. Бенвенист выделяет три разновидности времени: физическое время с его непрерывностью и бесконечностью линейного пространства; хронологическое время событий; лингвистическое время, отраженное при помощи языка и его формальных средств, см.: [Гайденко, 2006].

Отличие в подходах к трактовке категории времени в гуманитарных науках заключается в рассмотрении данного понятия не как количественного, а как качественного. Небезынтересно отметить, что наука, которая открыла эпоху системно-структурных исследований для множества других наук, была именно лингвистика. Лингвистическое время подразумевает под собой языковую проекцию совокупности существующих знаний о данном понятии, включающих в себя как обыденные положения, так и научные теории [Мурьянов, 1978, с. 52—66].

В современном языкознании отмечается научный интерес к исследованию лексики, демонстрирующей разное наполнение временного континуума на материале художественных текстов разных жанров разных языков. Возможность преуменьшения времени в виде литоты на лексико-семантическом уровне не рассматривалась ранее на материале художественной англоязычной прозы фантастического жанра XX—XXI веков, что особенно актуально, учитывая возможности появления устойчивых словосочетаний, демонстрирующих указанное обозначение временного пространства.

Итак, остаются неизученными словосочетания английского языка, например, содержащие прилагательное *sudden*, представляющие преуменьшение времени в виде литоты в англоязычных художественных текстах жанра фэнтези XX—XXI веков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В современной германистике, как и в общем языковедении, большое внимание уделяется исследованию лексики, используемой для характеристики изменений во времени. Предлагаемая тематика исследования была частично затронута в ряде лингвистических работ. Е. В. Тюнтешева в сравнительном аспекте с другими тюркскими языками исследует метафорические модели движения времени в алтайском языке [Тюнтешева, 2023]. В работе А. С. Фалеевой дается характеристика темпоральным существительным, выражающим эмоциональное и физическое состояние человека [Фалеева, 2023]. В работе М. Б. Антоновой в виде когнитивных моделей формирования словосочетаний анализируются английские прилагательные со значением размера [Антонова, 2023]. А. С. Дружинин и Н. А. Лаврова подробно анализируют в когнитивном аспекте возможности грамматического выражения ирреального прошлого в языке [Дружинин и др., 2024]. Исследованию особенностей репрезентации художественного вре-

мени посвящена работа А. С. Собенникова [Собенников, 2022], лингвистическое и культурное измерение скорости как временной показатель движения стало темой исследования А. В. Нагорной и А. В. Бакулева [Нагорная и др., 2023]. Т. Н. Бунчук рассматривает общерусскую лексику *время* и производные от нее в говорах русского языка [Бунчук, 2017]. Автор проводит анализ лексико-семантических вариантов слова *время* и значений слов с корнем *-врем-* в русских говорах, а также уточняет понимание времени в народной культуре. Т. Н. Бунчук утверждает, что слово *время* в народном понимании называет не весь период жизни человека от рождения до смерти, а только отрезок биологической зрелости, связанный со способностью к продолжению рода; период благополучия, который становится основой для представления о норме в человеческой жизни и ориентиром в осознании жизненного «пространства» человека [Там же]. Е. А. Ухналёва изучает особенности концептуализации и категоризации времени, а также описывает лингвокогнитивные модели темпоральности на примере лексических способов репрезентации константы ВРЕМЯ. Автор представляет категорию ВРЕМЯ в виде концептуально-тематических областей: суточный цикл, календарное время, система длительности, система кратковременности. По мнению автора, объективация времени лексическими средствами происходит с помощью пространственных номинативных единиц. Осуществляется также проецирование когнитивных моделей восприятия пространства на иные онтологические категории. Пространственная лексика накладывается на временную ось. В лингвистике данное явление наблюдается при употреблении различных частей речи, а именно: существительных, глаголов, прилагательных, наречий, предлогов, которые выражают пространственную и временную семантику [Ухналёва, 2021].

Настоящее исследование посвящено изучению английских словосочетаний с прилагательным *sudden*, демонстрирующим разную степень преуменьшения времени в виде литоты на материале англоязычной художественной прозы жанра фэнтези XX—XXI веков.

Цель работы — выявление английских словосочетаний с прилагательным *sudden*, активно употребляемых в обозначенных текстах и не зафиксированных в современных словарях, используемых в виде литоты для преуменьшения художественного времени.

Объектом исследования выступают словосочетания английского языка с прилагательным *sudden*, способные в виде литоты отобразить разную градацию преуменьшения художественного времени в англоязычных текстах жанра фэнтези.

Научная новизна исследования заключается в следующем: впервые определён состав контекстных коллокаций (в том числе индивидуально-

авторских) с прилагательным *sudden*, обладающих частотностью употребления при передаче преуменьшения времени в англоязычных текстах жанра фэнтези.

Материалом исследования послужили художественные тексты жанра фэнтези К. Льюиса, Дж. Мартина, Р. Р. Роулинг, Дж. К. Толкиена, Т. Пратчетта на английском языке.

В ходе проведенного исследования применялись следующие методы. Метод семантического анализа способствовал установлению значений словосочетаний с прилагательным *sudden*, передающих в виде литоты преуменьшение времени в англоязычной художественной прозе фантастического жанра XX—XXI веков. Метод контекстуального анализа помог составить корпус изучаемых словосочетаний, характерных для произведений каждого автора. Сопоставительный метод позволил выяснить несоответствие словарных фиксаций сочетаемости изучаемого слова и контекстных реализаций слова в текстах фэнтези.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Преуменьшение времени может быть выражено прилагательными, которые передают смысл малого временного отрезка и значение внезапности. Одним из таких прилагательных является *sudden*, оно способно продемонстрировать моментальную потерю физической способности совершать некие действия. Обратимся к примеру:

Пример 1: *And wandering in mind he groped as one that is stricken with sudden blindness, and seeks with hands to grasp the vanished light. Thus he began the payment of anguish for the fate that was laid on him; and in his fate Luthien was caught, and being immortal she shared in his mortality, and being free received his chain; and her anguish was greater than any other of the Eldalie has known* [Tolkien, 2022, p. 284] // Словно слепец, шарил он руками по воздуху, стремясь снова ощутить свет, увиденный им, и несказанная мука стала первым подарком Предначертания, соединившего их судьбы. Ибо на Небесах уже слились дороги бессмертной эльфийской девушки и смертного воина [Толкин, 2018, с. 201].

В рамках данного контекста мы видим употребление лексемы *sudden* в качестве средства выражения смысла «преуменьшение времени». Речь идет об отрезке, за который герой способен потерять полностью зрение. Ощущение скоротечности времени усиливается посредством сочетания прилагательного *sudden* с глаголом в форме пассивного залога. Стоит отметить, что глагол *strike* выражает семантику мгновенного действия. Таким образом, словосочетание *is stricken with sudden* является индикатором нарочитого преуменьшения времени.

Внезапное появление специфических субстанций в пространстве описывается при помощи лексемы *sudden*, которая указывает на быструю смену обстановки в рамках заданного контекста. Рассмотрим пример:

Пример 2: *Morgoth had then not long come back into Middle-earth, and his power went not far abroad, and was moreover checked by the sudden coming of great light. There was little peril in the lands and hills; and there new things, devised long ages before in the thought of Yavanna and sown as seed in the dark, came at last to their budding and their bloom* [Tolkien, 2022, p. 191] // Моргот тоже оставил Среднеземье на время в покое. Сила его не распространялась дальше границ мрачных владений, скованная внезапно пришедшим в мир светом. Безопасны были холмы и равнины; тут и там прорастали, тянулись вверх посеянные некогда Йаванной ростки жизни [Толкин, 2018, с. 118].

В вышеприведенном контексте мы читаем о том, что свет появляется из пустоты, это выражено посредством сочетания прилагательного *sudden* с лексемой *coming*. Определённый артикль *the* предшествует прилагательному, указывая на конкретную вспышку света. Подобное употребление прилагательного *sudden* с целью подчеркнуть моментальную смену обстановки в пространстве встречается достаточно часто в художественных текстах жанра фэнтези и является указателем преуменьшения времени.

Мгновенность смены эмоций, овладевающих героями, также может передаваться посредством прилагательного *sudden* в рамках диктемы. Подобное использование конкретизирует черты героев. Например:

Пример 3: *Then he was aroused into a sudden wakefulness of rage and fear; and seeing one bending over him with naked blade he leapt up with a great cry, believing that Orcs were come again to torment him; and grappling with him in the darkness he seized Anglachel, and slew Beleg Cuthalion thinking him a foe* [Tolkien, 2022, p. 345]. (Очнувшись, он увидел склонившуюся над ним темную фигуру с обнаженным мечом в руке. Решив, что орки снова пришли мучить его, Турин с диким криком вырвал меч и ударил эльфа.) [Толкин, 2018, с. 263].

Сочетание прилагательного *sudden* с глаголом *was aroused into* в форме пассивного залога является способом передачи внезапного чувства страха, окутавшего главного героя. Стоит отметить, что лексема *sudden* с неопределённым артиклем *a* характеризует быстрое действие, однако именно глаголы со значением неожиданного действия усиливают ощущение сужения временных пределов. В данном контексте таким глаголом является *be arisen to*.

Чувство уверенности, сложившееся у персонажа за доли секунды, тоже передается при помощи лексемы *sudden*. Например:

Пример 4: *Shoblang turned. "Oh," he said, and added with sudden certainty, "You're Death, right?"*

YES. I AM SORRY I AM LATE [Pratchett, 2001, p. 146].

// Шобланг обернулся.

— О, — сказал он и добавил с абсолютной уверенностью: — Ты Смерть, да?

— ДА. Я НЕМНОГО ОПОЗДАЛ. И МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ [Пратчетт, 2019, с. 171].

Прилагательное *sudden* сочетается с существительным *certainty*. Для того чтобы удостовериться в чем-либо, необходимо достаточно длительное время, однако в рамках предложенной диктемы мы видим, что чувство уверенности к герою приходит мгновенно, на это указывает словосочетание *sudden certainty*. Таким образом, действие, на которое должно было бы понадобиться большее время, происходит очень быстро. Такое выражение времени указывает на то, что герой очень быстро догадался, кто именно перед ним стоит. Подобное употребление лексемы *sudden* перед существительными, обозначающими различные чувства человека, является нередким.

Внезапная смена внутренних состояний человека от абсолютной опустошенности к желанию сделать что-либо также фиксируется при помощи лексемы *sudden*. Например:

Пример 5: *Lady Le Jean's expression flickered. It really did. It seemed to Igor to go from one expression to another as if they were a series of still pictures, with no perceptible movement of the features between each one. It went from her usual blankness to sudden thoughtfulness and then all the way to amazement. And then, to Igor's own astonishment, it began to blush* [Pratchett, 2001, p. 177] // Джереми улыбнулся. Даже у трупов Игорю доводилось видеть более приятные улыбки. А затем Игорю показалось, что лицо леди ле Гион словно затрепетало. Вернее сказать, замерцало. Одно выражение сменялось другим, как серия стоп-кадров; причем в промежутке между кадрами черты лица оставались совершенно неподвижными. Привычное равнодушие сменилось задумчивостью, затем — удивлением. А потом, к изумлению самого Игоря, лицо начало краснеть [Пратчетт, 2019, с. 207].

Противопоставление двух состояний, сменивших друг друга в рамках разных по длительности временных отрезков, указывает на нарочито преуменьшение времени. Состояние привычной опустошенности, которое владеет героем на протяжении длительного временного промежутка, обозначенного словосочетанием *usual blankness*, сменяется внезапной задумчивостью (*sudden thoughtfulness*). Стоит отметить участие глагола *went from...to* в описании скоротечности смены состояния. Таким образом, выражение мгновенности происходящих событий подкреплено не только лексемой *sudden*, но и глаголом *went from...to*, а также открытым противопоставлением длительности этих самых состояний.

В английском художественном тексте жанра фэнтези лексема *sudden* может быть использована и для описания быстрой смены физических свойств предметов, невозможной в реальном мире. Обратимся к примеру:

Пример 6: *It was a small glass jar, coloured blue by temporal effects. Now... how much energy could it have? Lobsang cupped his hand and gingerly brought it underneath and up, and there was a tingle and a sudden feeling of weight as the spinners field claimed it* [Pratchett, 2001, p. 277] // Это был небольшой стеклянный сосуд, окрашенный временными эффектами в синий цвет. Сколько энергии может в нем содержаться? Лобсанг осторожно завел ладонь под сосуд и чуть поднял ее. Как только поле маховика распространилось на предмет, тот тяжело упал в подставленную руку [Пратчетт, 2019, с. 320].

Физическое свойство веса, которым обладают все предметы, в контексте художественного произведения может изменяться. Именно это мы видим в предложенном отрывке. Лексема *sudden* в данном примере является индикатором преуменьшения времени, за которое чашка приобретает вес, о чем свидетельствует словосочетание *a sudden feeling of weight*. Коллокация *sudden + feeling* позволяет вызвать у читателя ощущение неожиданности изменения веса предмета. Неопределённый артикль *a* предшествует словосочетанию *sudden feeling of weight*.

Помимо чувств при помощи прилагательного *sudden* может выражаться гражданская позиция, и в этом случае его сочетаемость также не является словарным случаем. Рассмотрим пример:

Пример 7: *From somewhere below came the cry of Cut-me-own-Throat Dibbler, or one of his colleagues, selling hot sausages. Vimes felt a sudden surge of civic pride. There had to be something right about a citizenry which, when faced with catastrophe, thought about selling sausages to the participants* [Pratchett, 2019, p. 128] // Откуда-то снизу донесся зазывный клич Себя-Режу-Без-Ножа Достабля, а может, кого-то из его коллег. Они торговали горячими сосисками. Внезапно Ваймс почувствовал прилив гражданской гордости. Есть что-то правильное в гражданском населении, которое, оказавшись перед лицом катастрофы, думает о продаже горячих сосисок участникам сопротивления [Пратчетт, 2021, с. 162].

События, произошедшие по сюжету до момента речи, могут оказывать влияние на чувства героев произведений. В вышеприведённом примере мы видим, что чувство несправедливости вызывает вспышки гражданской гордости, что маркировано словосочетанием *felt a sudden surge*. Небезынтересно отметить, что возникновение внутренних ощущений определяется глаголом *feel*. Таким образом, прилагательное *sudden* ча-

сто используется в подобных текстах или с существительным *feeling*, или с глаголом *to feel*.

Перейдем к следующему примеру. Сущность перемирия заключается в том, что оно не может быть внезапным. Для его осуществления должно пройти весьма внушительное количество времени. Однако при помощи лексемы *sudden* в художественном тексте удаётся передать идею возможного моментального перемирия как между героями, так и между государствами. Обратимся к примеру:

Пример 8: “*Well, yes,*” said Pestilence. “*But with us they could always hope for a remission.*”

“*Or a sudden truce,*” said War [Pratchett, 2001, p. 374].

// — Да, — согласился Чума. — Но с нами они всегда могли надеяться на прощение.

— Или на перемирие, — добавил Война [Пратчетт, 2019, с. 424].

Упоминаемое перемирие характеризуется внезапностью через отсылку к идее неожиданности подобных действий для героев произведения. Такой эффект достигается посредством нехарактерной сочетаемости лексемы *sudden* с существительным *truce*. Этим контекстным средством достигается нарочитое преуменьшение времени.

Процессы, на которые затрачивается предположительно долгое время, часто описываются с точки зрения преуменьшения параметра временной протяженности с целью показать изменения, происходящие с героями. Такое преуменьшение способно служить маркером мгновенного приобретения знаний в какой-либо области знания. Например:

Пример 9: *Brother Watchtower, as the sudden authority on the ways of royalty, shook his head.*

“*I dunno that the Patrician is a threat, exactly,*” he said. “*He’s not your actual tyrant, as such. Not as bad as some we’ve had. I mean, he doesn’t actually oppress.*” [Pratchett, 2019, p. 57].

// Брат Сторожевая Башня, неожиданный авторитет в области обретенной королевской власти, покачал головой.

— Не думаю, однако, что Патриций несет угрозу, — сказал он. — Он отнюдь не тиран в нынешние времена. Отнюдь не так плох, как некоторые бывшие у нас правители. Полагаю, что ныне он не притесняет [Пратчетт, 2021, с. 64].

Нарочитое уменьшение временного отрезка времени выражено прилагательным *sudden*, которое сочетается с существительным *authority* и явно демонстрирует быстрое приобретение знаний в сфере традиций. Такое изображение времени представляет собой преувеличенную скорость освоения определённого пласта информации в целях поддержания разгово-

ра. Подобное употребление прилагательных в контексте художественного произведения жанра фэнтези позволяет сжимать время до контекстуально необходимой длительности.

Лексема *sudden* выступает атрибутом при номинации со значением ‘наследники’:

Пример 10: *Truth and reality were never as neat as this. Sudden heirs to ancient thrones didn't grow on trees, and he should know* [Pratchett, 2019, p. 248] // Правда и реальность никогда не бывают такими ясными. Внезапные наследники престолов на деревьях не растут, уж он-то это знает [Пратчетт, 2021, с. 274].

Контекст построен на очевидном противоречии: появление «внезапных наследников» (*sudden heirs*) комментируется как невозможный факт в условиях недостатка времени, то есть проводится противопоставление преуменьшения времени и внезапности действия (неожиданного появления наследников престола) при помощи литоты *didn't grow on trees*. Словосочетание *sudden heirs* не зафиксировано в словаре словосочетаний английского языка.

При помощи лексем *sudden* в рамках заданной диктемы описывается и мгновенная смена температуры в некотором пространстве. Например:

Пример 11: *Archibald Yronwood grasped the iron doors and pulled them apart. Their rusted hinges let out a pair of screams, for all those who might have slept through the breaking of the lock. A wash of sudden heat assaulted them, heavy with the odors of ash, brimstone, and burnt meat* [Martin, 2012, p. 758] // Арчибалд Айронвуд схватился за железные двери и потянул. Ржавые петли издали пару громких скрипов для всех тех, кто проспал разрушение замка. Их окатила волна неожиданного жара, насыщенная запахами пепла, серы и горелого мяса [Мартин, 2024, с. 531].

Семантический потенциал прилагательного *sudden* к выражению значения преуменьшения подкрепляется глаголом *assaulted*, актуализирующим мгновенность разворачивания ситуации.

Предметом описания становятся и аномальные погодные изменения:

Пример 12: *Two, three, four. Bran lost count. They surged up violently amidst sudden clouds of snow. Some wore black cloaks, some ragged skins, some nothing. All of them had pale flesh and black hands. Their eyes glowed like pale blue stars* [Martin, 2012, p. 151] // Два, три, четыре. Бран потерял счет. Они стремительно вырастали среди туч снега. Некоторые носили черные плащи, некоторые рваные шкуры, некоторые ничего. У всех у них была бледная кожа и черные руки. А глаза горели как голубые звезды [Мартин, 2024, с. 161].

И здесь также прилагательному *sudden* оказывает поддержку предикативная единица: *surged up*.

Посредством прилагательного *sudden* описывается воспламенение предметов:

Пример 13: *The wounds were smoking. Dany saw one of the bolts burst into sudden flame. Another fell away, shaken loose by the beating of his wings. Below, she saw men whirling, wreathed in flame, hands up in the air as if caught in the throes of some mad dance* [Martin, 2012, p. 789] // Раны дымились. Дени видела, как одна стрела превратилась во вспышку стремительного пламени. Еще несколько упали, отброшенные ветром поднятым биением крыльев. Внизу она видела мечущихся людей, охваченных пламенем, — они вскидывали руки, словно находясь во власти какого-то безумного танца [Мартин, 2024, с. 528].

Атрибутив *sudden* при существительном *flame* выражает значение стремительности процесса, что подчеркивается и фразовым глаголом *burst into*, обозначающим резкое и быстрое действие.

Индикатор преуменьшения времени *sudden* используется также при характеристике предсмертных болевых ощущений:

Пример 14: *The pain is not so much, I am told. Some cramping in the gut, a sudden ache behind the eyes, and it is done. Better a mushroom than a sword through your neck, is it not so? Why die with the taste of blood in your mouth when it could be butter and garlic?*” [Martin, 2012, p. 28] // Небольшая резь в животе, внезапная вспышка боли промеж глаз, и все было кончено. Разве не лучше выбрать грибы, чем отсечение головы мечом, а? с какой стати умирать со вкусом крови во рту вместо приятной смеси масла с чесноком? [Мартин, 2024, с. 35].

Взаимосвязанными коллокатами здесь выступают прилагательное *sudden* и существительное *ache*.

Значение боли получает словесное оформление и посредством присоединения к анализируемому адективу существительного *sickness*:

Пример 15: *A ravening wolf carried her off. A sudden sickness took her. Tell them what you will, but never speak of dragons* [Martin, 2012, p. 140] // Её утащили голодные волки. Она внезапно заболела и умерла. Придумай, что хочешь, главное, никогда больше не упоминай драконов [Мартин, 2024, с. 169].

Лексема *sudden* может быть использована для того, чтобы продемонстрировать внезапную смену физического состояния героя в рамках определённых событий. В данном примере мы видим, что героя настигает внезапная болезнь, именно это передаёт прилагательное *suddenly*, которое сочетается с существительным *sickness*. Таким образом, очевидная быстрая смена событий обусловлена использованием лексемы *sudden* в качестве определения к существительному, которое с точки зрения своей семантики не выражает значение внезапности или мгновенности. Однако контекст

художественного произведения позволяет прилагательному *sudden* выступать в качестве индикатора преуменьшения временного континуума.

Лексема *sudden* может образовывать и коллокации, передающие значение неожиданного прилива жизненных сил:

Пример 16: *As he slipped inside Summer's skin, the dead woods came to sudden life. Where before there had been silence, now he heard: wind in the trees, Hodor's breathing, the elk pawing at the ground in search of fodder* [Martin, 2012, p. 60] // Когда он скользнул в шкуру Лето, мертвый лес внезапно ожил. Там, где прежде была тишина, теперь он слышал ветер, шумящий в деревьях, дыхание Ходора, лося, скребущего землю в поисках корма [Мартин, 2024, с. 71].

Значение внезапного оживления передано с помощью прилагательного *sudden* в сочетании с лексемой *life*. Существительное *life* передает несвойственные ему смыслы, а именно сему внезапного начала.

Прилагательное *sudden* привлекается для характеристики неожиданных действий человека в состоянии опьянения:

Пример 17: *That is a no men too, thought Tyrion, but not as hopeful. That night, drunker than usual, he broke into sudden song* [Martin, 2012, p. 74] // Это тоже предзнаменование, подумал Тирион, но уже не такое хорошее. Этой ночью, выпив больше обычного, он внезапно запел [Мартин, 2024, с. 81].

Лексема *sudden* может маркировать мгновение бездействия, а именно внезапное наступление тишины:

Пример 18: *The dwarf's sudden silence went unnoticed, as Duck had begun to regale him with his own life story* [Martin, 2012, p. 104] // Неожиданное молчание карлика прошло незамеченным, так как Утка решил развлечь его своей историей [Мартин, 2024, с. 120].

Лексема *sudden*, использованная в положительной степени сравнения прилагательных, указывает на максимально короткий промежуток времени, за который действие закончило свою длительность. Семантическую поддержку оказывают в этом высказывании глагол *went* и существительное *silence*.

Мотив наступления тишины вводится и сочетаниями прилагательного *sudden* с другими существительными, например *quiet*:

Пример 19: *The flames swirled and shivered, as if they too were cold, and in the sudden quiet the Old Bear's raven cawed loudly and once again said, "Die."* [Martin, 2011, p. 24] // Голоса смолкли, и вновь стал слышен ветер, воющий в трещинах стены. Огни костров дрожали и ежились, словно от холода. Ворон в наступившей тишине громко каркнул и еще раз сказал:

— Умрем [Мартин, 2022, с. 26].

Быстрая смена звукового режима подчеркивается контекстно реализованной антитезой тишины и громкого звука: *sudden quiet* и *raven cawed loudly*.

Через восприятие персонажем художественного произведения показаны резкие перепады температуры:

Пример 20: *The sudden cold hit Tyrion like a hammer. As he sank he felt a stone hand fumbling at his face. Another closed around his arm, dragging him down into darkness* [Martin, 2012, p. 209] // Внезапный холод ударил Тириона, словно молот. Пока он тонул, он чувствовал, как каменная рука теребила его лицо. Другая сомкнулась вокруг его руки, таща его вниз, в темноту [Мартин, 2024, с. 214].

В этом примере сочетание прилагательного *sudden* с существительным *cold* служит задаче нарочитого преуменьшения времени.

Внезапным может характеризоваться чувство разочарования, утраты веры: Пример 21: *What are we to make of this sudden loss of faith? I preferred you in your septa's robes, Lemore.*” [Martin, 2012, p. 240] // Как прикажете понимать столь внезапную потерю веры? Я бы предпочел вас в одеяниях септы, Лемор [Мартин, 2024, с. 254].

В предложенной диктете мы видим употребление прилагательного *sudden* в качестве определения к существительному *loss*, которое имеет семантику отсутствия чего-либо, в данном контексте — отсутствия веры.

Анализ текстов показал, что прилагательное *sudden* часто используется при характеристике различных чувств, которые может испытывать герой, и состояний, в которых он может находиться. Круг этих существительных, способных образовывать контекстуальные словосочетания с *sudden* для передачи смысла преуменьшения времени, может быть существенно расширен. Не является исключением и существительное *panic*:

Пример 22: *They're going to take the gold and keep Petyr too, Merrett thought in sudden panic. "That's the whole ransom. All you asked for."* [Martin, 2011, p. 760] // Они заберут золото, а Петира оставят себе, — в панике подумал Меррет.

— Здесь весь выкуп, как вы просили [Мартин, 2022, с. 791].

Словосочетание *in sudden panic* выступает описанием образа действия при глаголе *thought*.

Посредством прилагательного *sudden* с существительным *doubt* выражена семантика догадки, то есть интеллектуального действия:

Пример 23: *"Dead and dead," the crossbowman said, but his face betrayed a sudden doubt. "You wait there." He vanished again.*” [Martin, 2011, p. 99] // — Все мертвы, — сказал часовой, но его явно одолело сомнение. — Подожди-ка, — промолвил он и снова исчез [Мартин, 2022, с. 84].

Наконец, смех как внешний выразитель внутреннего состояния тоже может быть описан с использованием прилагательного *sudden*:

Пример 24: *A laugh burst from his lips, sudden as a quail flushed from cover* [Martin, 2011, p. 31] // Смех сорвался с его губ неожиданно, как вспорхнувшая из травы перепелка [Мартин, 2022, с. 40].

Прилагательное *sudden* является определением к существительному *laugh* и выступает частью сравнительной конструкции, которая описывает внезапность эмоционального проявления.

4. Заключение = Conclusions

Как показал анализ выбранных художественных англоязычных текстов фэнтези, в них обнаруживаются коллокации с элементом *sudden*, не отмеченные в словарях словосочетаний. Считаю необходимым привести ранжированный список этих словосочетаний с указанием авторов, которыми они были использованы:

К. Льюис: *a sudden surprise, the sudden light, a sudden spring, that sort of sudden grip, a sudden fright, the sudden daylight.*

Т. Праггетт: *sudden heirs, the sudden authority, a sudden truce, a sudden feeling of weight, sudden thoughtfulness, with sudden certainty, the sudden draught, sudden intense listening, a sudden run, a sudden hail of, a sudden crescendo of running feet, the sudden and instantaneous teleportation, a sudden darkness, a sudden crowded moment, sudden slides, the sudden magical aura, a sudden night, the sudden shocked cries, a sudden gale, a piece of sudden death, pay sudden attention to, a sudden sense of wrongness, sudden prickles, a sudden anxiety, with a sudden whistle, a sudden tickling, a sudden twang.*

Дж. К. Роулинг: *felt a sudden warmth, a sudden rummaging for quills, a sudden slamming and loud footsteps, a sudden yelp, a sudden loud screech, a sudden storm of clapping, a sudden flaming light, a sudden blaze of light, a sudden idea, a sudden blinding light, a sudden wobble, a sudden motion, a sudden head cold, a sudden sound, a sudden shudder; a look of sudden concentration, cold as a sudden blast of icy wind, with sudden fear; a sudden thrill of, sudden burst of understanding, the sudden darkness, by a sudden brainwave, caught a sudden waft, a sudden, unexpected view, this sudden madness, the sudden agility, a sudden wail, the sudden upsurge of bitter memories, with a sudden and rather unnerving return, in the sudden brightness, sudden darkening, the sudden upswing, the sudden widening, sudden excursion into mind, sudden obsession.*

Дж. Р. Р. Толкин: *into a sudden wakefulness of rage and fear, by the sudden coming of great light, be stricken with sudden blindness, the sudden coming of great light, sudden beauty, sudden fire, for a sudden fear, sudden vanishment, a sudden*

desire, sudden sleepiness uncanny, a sudden glint, a sudden deep silence, sudden use, with sudden anxiety, with sudden relief, a sudden smile, with a sudden flick.

Дж. Мартин: *a sudden doubt, sudden loss of faith, the sudden cold, sudden life, a sudden sickness, a sudden ache, sudden clouds of snow.*

Анализ лексических единиц, которые выражают преуменьшение времени, показал, что некоторые из словосочетаний, не зафиксированных словарями, используются несколькими авторами, а именно:

- *the sudden darkness,*
- *sudden anxiety,*
- *the sudden cold,*
- *a sudden hail of,*
- *a sudden light,*
- *a sudden moment,*
- *a sudden run,*
- *a sudden sense of,*
- *a sudden thought,*
- *sudden certainty,*
- *sudden fear,*
- *sudden moves.*

Это свидетельствует об их устойчивости, поэтому они могли бы пополнить состав словарей словосочетаний английского языка. Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов лекций по лексикологии, лексикографии английского языка в вузе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Мартин Дж.* Буря мечей / Дж. Мартин. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 960 с.
2. *Мартин Дж.* Танец с драконами / Дж. Мартин. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 544 с.
3. *Прагчетт Т.* Вор времени / Т. Прагчетт ; пер. с англ. А. Жижаренцева, Н. Бердникова. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-699-45423-5.
4. *Прагчетт Т.* Стража! Стража! / Т. Прагчетт. — Москва : Издательство Эксмо, 2021. — 448 с.
5. *Толкин Дж. Р. Р.* Сильмариллион / Дж. Р. Р. Толкин ; пер. с англ. Н. Григорьева, В. Грушецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с.

6. *Lewis C. S.* The Chronicles of Narnia. — London : Harper Collins Publishers, 2001. — 768 p.
7. *Martin G.* A Storm of Swords / G. Martin. — London : Bantam, 2011. — 1443 p.
8. *Martin G.* Dance with Dragons / G. Martin. — London : Bantam, 2012. — 1112 p.
9. *Pratchett T.* Guards! Guards! / T. Pratchett. — London : Transworld, 2019. — 417 p.
10. *Pratchett T.* Thief of Time / T. Pratchett. — London : Corgi, 2001. — 478 p.
11. *Tolkien J. R. R.* The Silmarillion / J. R. R. Tolkien. — London : Harper Collins Publishers, 2022. — 586 p.

Литература

1. *Абульханова-Славская К. А.* Время личности и время жизни / К. А. Абульханова-Славская. — Москва : Издательство Алетея, 2001. — 304 с. — ISBN 5-89329-377-0.
2. *Антонова М. Б.* Английские прилагательные со значением размера : когнитивные модели формирования словосочетаний / М. Б. Антонова // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 488. — С. 91—100. — DOI: 10.17223/15617793/488/9.
3. *Гайденко П. П.* Время. Длительность. Вечность : Российская акад. наук, Ин-т философии / П. П. Гайденко. — Москва : Прогресс-Традиция, 2006. — 459 с.
4. *Бунчук Т. Н.* Народное мировидение в диалектной семантике общерусского слова время / Т. Н. Бунчук // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 21—32. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-21-32.
5. *Горбунова В. А.* Способы выражения сравнения в ульском языке / В. А. Горбунова // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 286—299. — DOI: 10.17223/18137083/83/22.
6. *Гуревич В. В.* Теоретическая грамматика английского языка / В. В. Гуревич // Сравнительная типология английского и русского языков. Учебное пособие. — Москва : Флинта, 2021. — 169 с. — ISBN 978-5-89349-422-8.
7. *Дружинин А. С.* Почему прошлое ирреально и что ирреально в прошлом : когнитивный аспект типологической взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола / А. С. Дружинин, Н. А. Лаврова // Вестник томского государственного университета филология. — 2024. — № 87. — С. 23—55. — DOI: 10.17223/19986645/87/2.
8. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 392 с. — ISBN 5-7333-0143-0.
9. *Мурьянов М. Ф.* Время (понятие и слово) / М. Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. — 1978. — № 2. — С. 52—66.
10. *Нагорная А. В.* Скорость как культурное и лингвистическое измерение времени / А. В. Нагорная, А. В. Бакулев // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 486. — С. 40—49. — DOI: 10.17223/15617793/486/4.
11. *Нестик Т. А.* Социальное конструирование времени : теоретический анализ / Т. А. Нестик // Социальные исследования. — 2003. — № 8. — С. 12—21.
12. *Собенников А. С.* Время как «присутствие» в комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» / А. С. Собенников // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 4. — С. 129—139. — DOI: 10.17223/18137083/81/10.
13. *Сорокин П. А.* Социальное время : опыт методологического и функционального анализа / П. А. Сорокин, Р. К. Мертон // Социологические исследования. — 2004. — № 6. — С. 112—119.
14. *Топоров В. Н.* Время мифическое / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Рос. энциклопедия, 1994. — Т. 1. — С. 252—253.

15. Тюттешева Е. В. Метафорические модели движения времени в алтайском языке (в сравнении с другими тюркскими языками) / Е. В. Тюттешева // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 3. — С. 255—269. — DOI: 10.17223/18137083/84/18.
16. Фалеева А. С. Темпоральные существительные как средство выражения эмоционального и физического состояния человека / А. С. Фалеева // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 489. — С. 36—47. — DOI: 10.17223/15617793/489/4.
17. Уитроу Дж. Естественная философия времени / Дж. Уитроу. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — 400 с. — ISBN 5-354-00923-5.
18. Ухналёва Е. А. Лингвокогнитивные особенности вербализации категории ВРЕМЯ : на материале английского, французского и русского языков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Ухналёва. — Белгород, 2021. — 21 с.

Статья поступила в редакцию 13.07.2024,
одобрена после рецензирования 07.10.2024,
подготовлена к публикации 18.10.2024.

Material resources

- Lewis, C. S. (2001). *The Chronicles of Narnia*. London: Harper Collins Publishers. 768 p.
- Martin, G. (2011). *Storm of Swords*. London: Bantam. 1443 p.
- Martin, G. (2012). *Dance with Dragons*. London: Bantam. 1112 p.
- Martin, G. (2022). *A Storm of Swords*. Moscow: AST Publishing House. 960 p. (In Russ.).
- Martin, G. (2024). *Dance with Dragons*. Moscow: AST Publishing House. 544 p. (In Russ.).
- Pratchett, T. (2001). *Thief of Time*. London: Corgi. 478 p.
- Pratchett, T. (2019). *Guards! Guards!* London: Transworld. 417 p.
- Pratchett, T. (2019). *Thief of Time*. Moscow: Eksmo. 480 p. ISBN 978-5-699-45423-5. (In Russ.).
- Pratchett, T. (2021). *Guards! Guards!* Moscow: Eksmo Publishing House. 448 p. (In Russ.).
- Tolkien, J. R. R. (2018). *Silmarillion*. Moscow: AST Publishing House. 416 p. (In Russ.).
- Tolkien, J. R. R. (2022). *The Silmarillion*. London: Harper Collins Publishers. 586 p.

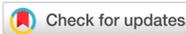
References

- Abulkhanova-Slavskaya, K. A. (2001). *The time of personality and the time of life*. Moscow: Aleteya Publishing House. 304 p. ISBN 5-89329-377-0. (In Russ.).
- Antonova, M. B. (2023). English adjectives with the meaning of size: cognitive models of phrase formation. *Bulletin of Tomsk State University*, 488: 91—100. DOI: 10.17223/15617793/488/9. (In Russ.).
- Bunchuk, T. N. (2017). Traditional World-View in Dialect Semantics of Russian Word время. *Nauchnyi dialog*, 8: 21—32. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-8-21-32> (In Russ.).
- Druzhinin, A. S., Lavrova, N. A. (2024). Why the past is unreal and what is unreal in the past: the cognitive aspect of the typological relationship between the categories of unreality and the past tense of the verb. *Bulletin of Tomsk State University of Philology*, 87: 23—55. DOI: 10.17223/19986645/87/2. (In Russ.).
- Faleeva, A. S. (2023). Temporal nouns as a means of expressing the emotional and physical state of a person. *Bulletin of Tomsk State University*, 489: 36—47. DOI: 10.17223/15617793/489/4. (In Russ.).

- Gaidenko, P. P. (2006). *Time. Duration. Eternity: Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy*. Moscow: Progress-Tradition. 459 p. (In Russ.).
- Gorburnova, V. A. (2023). Ways of expressing comparison in the Ulchi language. *Siberian Philological Journal*, 2: 286—299. DOI: 10.17223/18137083/83/22. (In Russ.).
- Gurevich, V. V. (2021). Theoretical grammar of the English language. In: *Comparative typology of English and Russian languages. A study guide*. Moscow: Flint. 169 p. ISBN 978-5-89349-422-8. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 392 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).
- Muryanov, M. F. (1978). Time (concept and word). *Questions of linguistics*, 2: 52—66. (In Russ.).
- Nagornaya, A. V., Bakulev, A. V. (2023). Speed as a cultural and linguistic measurement of time. *Bulletin of Tomsk State University*, 486: 40—49. DOI: 10.17223/15617793/486/4. (In Russ.).
- Nestik, T. A. (2003). Social construction of time: a theoretical analysis. *Social Research*, 8: 12—21. (In Russ.).
- Sobennikov, A. S. (2022). Time as “presence” in A. P. Chekhov’s comedy “The Cherry Orchard”. *Siberian Philological Journal*, 4: 129—139. DOI: 10.17223/18137083/81/10. (In Russ.).
- Sorokin, P. A., Merton, R. K. (2004). Social time: the experience of methodological and functional analysis. *Sociological research*, 6: 112—119. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1994). Mythical time. In: *Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols., 1*. Moscow: Russian Encyclopedia. 252—253. (In Russ.).
- Tyuntseva, E. V. (2023). Metaphorical models of time movement in the Altai language (in comparison with other Turkic languages). *Siberian Philological Journal*, 3: 255—269. DOI: 10.17223/18137083/84/18. (In Russ.).
- Ukhnaleva, E. A. (2021). *Linguistic and cognitive features of the verbalization of the TIME category: based on the material of English, French and Russian languages*. Author’s abstract of PhD Diss. Belgorod. 21 p. (In Russ.).
- Withrow, J. (2003). *The Natural Philosophy of Time*. Moscow: Unified URSS. 400 p. ISBN 5-354-00923-5. (In Russ.).

*The article was submitted 13.07.2024;
approved after reviewing 07.10.2024;
accepted for publication 18.10.2024.*

Информация для цитирования:

Калинина Л. В. Адъективы *отдалённый*, *приблизительный*, *неуловимый* и их производные как средства выражения семантики неявного сходства / Л. В. Калинина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 58—77. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-58-77.

Kalinina, L. V. (2024). Adjectives ‘otdalyonnyy’ [distant], ‘priblizitelnyy’ [approximate], and ‘neulovimyuy’ [elusive] as Means of Expressing Semantics of Implicit Similarity. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 58-77. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-58-77. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Адъективы *отдалённый*,
приблизительный,
неуловимый и
их производные
как средства выражения
семантики
неявного сходства**

Калинина Людмила Викторовна

orcid.org/0000-0003-2271-3995

доктор филологических наук,
профессор

кафедры русского языка, культуры речи
и методики обучения
grifon.kalinina@yandex.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

**Adjectives
‘otdalyonnyy’ [distant],
‘priblizitelnyy’ [approximate],
and ‘neulovimyuy’ [elusive]
as Means
of Expressing Semantics
of Implicit Similarity**

Liudmila V. Kalinina

orcid.org/0000-0003-2271-3995

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language, Culture
of Speech and Teaching Methodology
grifon.kalinina@yandex.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена языковым средствам, обозначающим неявное сходство данного объекта с другим объектом. Автор ставит цель выявить общие закономерности построения контекстов, описывающих ситуацию неявного сходства. Изучается специфика употребления адъективов *отдалённый*, *неуловимый*, *приблизительный* и производных от них наречий как средств выражения неявного сходства. Исследование осуществляется с помощью методов дефиниционного, компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа на материале лингвистических словарей и данных Национального корпуса русского языка. В результате анализа корпусных данных было выявлено, что ситуация неявного сходства может быть охарактеризована по четырём критериям: «семантический класс», «основания сравнения», «степень сходства», «наличие пояснений». Показано, что контекстуальные синонимы *отдалённый (-о)*, *приблизительный (-о)*, *неуловимый (-о)* имеют в своём функционировании ряд отличий по ряду критериев: частотность употребления, сочетаемость с тем или иным коллокатом, семантический класс объектов сравнения, признак, положенный в основу сравнения, степень выраженности неявного сходства. В большинстве случаев неявное сходство между объектами подробно не мотивируется, но констатируется как готовый результат восприятия, сравнения и интерпретации, осуществлённых говорящим.

Ключевые слова:

контекстуальные синонимы; сравнение; семантика неявного сходства; отдалённый; неуловимый; приблизительный.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to linguistic means that denote implicit similarity between one object and another. The author aims to identify common patterns in constructing contexts that describe situations of implicit similarity. The study focuses on the specific usage of the adjectives 'otdalyonnyy' [distant], 'priblizitelnyy' [approximate], and 'neulovimyy' [elusive], along with their derived adverbs, as tools for expressing implicit similarity. The research employs definitional, componential, distributional, and contextual analysis methods, utilizing data from linguistic dictionaries and the Russian National Corpus. The analysis of corpus data reveals that situations of implicit similarity can be characterized by four criteria: "semantic class," "basis for comparison," "degree of similarity," and "presence of explanations." It is demonstrated that the contextual synonyms 'otdalyonnyy (-o)' [distant (-ly)], 'priblizitelnyy (-o)' [approximate (-ly)], and 'neulovimyy (-o)' [elusive (-ly)] exhibit several distinctions in their functioning across various criteria: frequency of use, collocational compatibility, semantic class of the compared objects, basis for comparison, and degree of expressed implicit similarity. In most cases, implicit similarity between objects is not thoroughly motivated but is presented as a ready result of perception, comparison, and interpretation carried out by the speaker.

Key words:

contextual synonyms; comparison; semantics of implicit similarity; distant; elusive; approximate.

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-58-77

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Адъективы *отдалённый, приблизительный, неуловимый* и их производные как средства выражения семантики неявного сходства

© Калинина Л. В., 2024

1. Введение = Introduction

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение особенностей протекания когнитивных процессов через их отражение в языке [Болдырев 2019; Кубрякова 2004; Diveica 2024 и др.]. В настоящей статье в центре внимания находятся механизмы вербализации процессов восприятия, сравнения и интерпретации в их тесной взаимной связи. Эта связь состоит в том, что решение о существовании сходства между двумя объектами, принимаемое говорящим, зависит как от природы самих объектов, так и от факторов сугубо субъективного характера. Сравнивая объекты, субъект, с одной стороны, опирается на показания собственных органов чувств, с другой — на свои впечатления, оценки, имеющиеся у него опыт и знания [Калинина, 2020; Калинина, 2023].

Следует также учитывать, что сходство между сравниваемыми объектами может быть для говорящего более или менее очевидным. Явное, несомненное сходство может выражаться в языке формулами *типичный X, явный X, настоящий X, это точно X, несомненное сходство X и Y, X во всём похож на Y, один в один, точь в точь* и др. Но сходство может быть и слабым, неявным, касающимся каких-то частных признаков сопоставляемых объектов или же возникающим только в сознании отдельного субъекта. В таких случаях говорят об *отдалённом, приблизительном* и даже *неуловимом* сходстве. Ср.: *Зверь отдаленно походил на пятнистую гиену, но невиданных, чудовищных размеров* (И. Ефремов. На краю Ойкумены); *Петух кричал. Куры кудахтали, корова мычала и кто-то пилил дрова. Звуки были приблизительно похожи, но шли откуда-то издали...* *В измененных тембрах, точно из-под земли* (Л. Вертинская. Синяя птица любви); *Дверь отворил невысокий лысоватый и рябоватый человек. Большой головой и тонкими ногами он неуловимо напоминал кузнечика, однако в бархатном пиджачке и с печальным взором* (В. Токарева. Пираты в далёких морях). Именно такие случаи являются объектом исследования в данной работе.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы 1) рассмотреть функционирование адъективов *отдалённый*, *приблизительный*, *неуловимый* и их производных в ситуации установления сходства объектов; 2) выявить общие закономерности построения контекстов, описывающих ситуацию неявного сходства; 3) показать специфику употребления каждого из прилагательных как средств выражения семантики неявного сходства.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Процедура сравнения играет важную роль в познании человеком мира, поскольку установление сходств и различий между объектами является основной категоризации: «Человек в восприятии мира судит об идентичности одних объектов другим, об их сходстве или, напротив, различии. Категоризация — это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер... Важно поэтому попытаться понять, на основании каких критериев человек выносит подобные суждения и разносит увиденное, услышанное или прочувствованное по определённым группировкам» [Кубрякова, 2004, с. 96]. Процесс категоризации уже получил достаточно полное лингвистическое описание — ср. в связи с этим обзор исследований категоризации в работах зарубежных и российских учёных в [Дзюба, 2018, с. 176—192].

Однако, хотя всякая категоризация — это установление сходства, не всякое установление сходства — это категоризация. Если фраза *Глухарь похож на индюка* может быть расценена как констатация определённого категориального сходства, то фраза *Вася похож на индюка* вовсе не означает, что Вася принадлежит к категории птиц. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «отношения подобия могут устанавливаться между объектами одной категории и между представителями разных классов... Уподобление может нарушать границы естественных родов, но оно обычно придерживается границ общности, указывая на те признаки, которые послужили основанием сравнения» [Арутюнова, 1999, с. 277].

Это значит, что процесс установления сходства между объектами тесно связан с процессом интерпретации как «выбора существенных признаков отражаемых сознанием человека объектов мира» [Шарандин, 2017, с. 11]. Это позволяет говорить об установлении сходства как об интерпретирующем, оценочном процессе, допускающем и субъективность, и градуирование, и наличие разного рода переходных случаев [Арутюнова, 1999, с. 275—282; Болдырев, 2019, с. 152—157; Калинина, 2020; Сидорова, 2017; Столяр, 2019 и др.]. Выраженная степень сходства и средства её языковой репрезентации выступают предметом научных изысканий в таких работах, как [Трофимов, 2018; Трушков, 2018; Чеснокова, 2017 и др.]; семантика неявного сходства и переходных случаев исследуется в работах [Болдырев,

2006; Бочкарев, 2021; Букаренко, 2016; Дорофеева, 2021; Постникова, 2021 и др.]. При этом, насколько нам известно, задача специального сравнительного изучения словосочетаний с семантикой ‘отдалённое сходство’ / ‘приблизительное сходство’ / ‘неуловимое сходство’ ещё не ставилась, что обуславливает новизну предпринятого нами исследования.

Исследование осуществлялось на материале данных толковых словарей, словарей синонимов и Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) с помощью методов дефиниционного, компонентного, дистрибутивного, контекстуального, количественного и сравнительного анализа и состояло из нескольких этапов: 1) анализ словарных толкований адъективов *неуловимый*, *отдалённый*, *приблизительный*; 2) контекстуальный анализ употребления адъективов *неуловимый*, *отдалённый*, *приблизительный* и их производных как средств обозначения неявного сходства; 3) выявление общего и различного в функционировании указанных лексических единиц.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Адъективы *отдалённый*, *приблизительный*, *неуловимый* по данным словарей

Интересующая нас семантика (то есть связанная с характеристикой сходства объектов) для всех указанных адъективов реализуется в рамках переносного значения и представлена в словарях следующим образом.

Отдалённый — ‘лишь несколько напоминающий кого-, что-либо или соответствующий кому-, чему-либо’ [ССРЛЯ, 1950—1965, т. 8, стлб. 1333], ‘незначительный, слабый’ [СРЯ, 1985—1988, т. 2, с. 673], ‘неполно, неточно или недостаточно соответствующий чему-нибудь, имеющий мало общего с чем-нибудь’ [ТСРЯ, 1935—1940, т. 2, стлб. 914], ‘когда человек или предмет имеют отдалённое сходство, подобие кого-либо или чего-либо, значит, они лишь в малой степени похожи на них’ [ТСРЯ, 2003, с. 789], ‘имеющий мало общего с кем-чем-нибудь’ [ТСРЯ, 2005, с. 469; ТСРЯ, 2008, с. 585], ‘слабый, незначительный’ [РТС, 2005, с. 449].

Приблизительный — ‘не вполне точный, но близко подходящий к какому-либо объёму, размеру и т. п.; не окончательный, требующий дальнейших уточнений’ [ССРЛЯ, 1950—1965, т. 11, стлб. 341], ‘не вполне точный, более или менее близкий к истинному’ [СРЯ, 1985—1988, т. 3, с. 390], ‘не совсем точный, но более или менее близкий к истине’ [ТСРЯ, 1935—1940, т. 3, стлб. 764], ‘не вполне точный, приближающийся к правильному’ [ТСРЯ, 2005, с. 587; ТСРЯ, 2008, с. 726], ‘не вполне точный, близко подходящий к правильному’ [РТС, 2005, с. 569].

Неуловимый — ‘еле заметный, плохо различимый, неясный’ [ССРЛЯ, 1950—1965, т. 7, стлб. 1239], ‘незаметный, неясный, плохо различимый’

[СРЯ, 1985—1988, т. 2, с. 489], ‘неясный, еле заметный, не поддающийся определению, выражению’ [ТСРЯ, 1935—1940, т. 2, стлб. 563], ‘еле заметный’ [ТСРЯ, 2005, с. 415; РТС, 2005, с. 393; ТСРЯ, 2008, с. 520].

Как можно заметить, данные адъективы выражают два основных значения: ‘не вполне точный’ и ‘слабый, незначительный’, причём если лексема *приблизительный* выражает преимущественно первое значение, а лексема *неуловимый* — преимущественно второе, то в слове *отдалённый* оба эти значения объединены. Основой пересечения семантики всех трёх адъективов (и производных от них наречий) в интересующем нас значении служат семы ‘мало, недостаточно, незначительно, слабо’. Ср.: *Всё это очень приблизительно похоже на правду* (Ю. Трифонов. Утоление жажды) — ‘мало похоже на правду’; *Всё это очень далеко от романтики и чтению не поддается. А то, что поддается, — чистая литература, имеющая лишь отдаленное сходство с жизнью* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрём) — ‘незначительное сходство с жизнью’; *Мелодия неуловимо... напоминала песню предвоенных лет* (А. Безуглов. Страх) — ‘мелодия слабо, слегка напоминала песню’. Заметим, что контекстуальные синонимы *приблизительный* и *отдалённый* образуются от общезыковых антонимов *близкий* — *далёкий* на базе метафорически осмысляемой общей семы ‘не соответствующий точному / нужному расстоянию до чего-либо’.

Несмотря на то что адъективы *отдалённый*, *приблизительный*, *неуловимый* выступают при характеристике сходства объектов как явные синонимы, в специальных словарях этот аспект должным образом не отражается. Лексема *отдалённый* во всех словарях синонимов толкуется через отсылку к слову *далёкий* в его прямом (пространственном) значении, что не соответствует нужной нам семантике. Синонимические ряды для адъективов *приблизительный* и *неуловимый* выглядят так: ***приблизительный*** — ‘примерный, приближённый, ориентировочный, грубый’ [Александрова, 2001, с. 379; Гаврилова, 2014, с. 284; СС, 1977, с. 424; СТСРЯ, 2023, с. 210], ‘см. примерный’ [Абрамов, 1994, с. 349]; ***неуловимый*** — ‘см. незаметный’ [Александрова, 2001, с. 263], ‘см. малый, незаметный, неясный’ [Абрамов, 1994, с. 260; Гаврилова, 2014, с. 192]. В «Словаре-тезаурусе синонимов русского языка» прилагательное *неуловимый* помещено в рубрику «Акустическое восприятие» в качестве синонима к прилагательному *неслышимый* [СТСРЯ, 2023, с. 187]. Очевидно, что по словарям синонимов семантические пересечения прилагательных *отдалённый*, *приблизительный*, *неуловимый* обнаружить сложно.

Анализ словарных толкований адъективов *отдалённый*, *приблизительный*, *неуловимый* показал, что свойственные им в переносном употреблении семы ‘мало, недостаточно, незначительно, слабо’ создают основу для

использования данных единиц в качестве контекстуальных синонимов при характеристике неявно выраженного сходства объектов, хотя словарями синонимов такая возможность не прослеживается.

Далее обратимся к анализу языкового материала НКРЯ.

3.2. Адъективы *отдалённый*, *приблизительный*, *неуловимый* и их производные по данным Национального корпуса русского языка

Эмпирическим материалом исследования послужил 761 контекст, составивший выдачу НКРЯ [НКРЯ URL] по запросам «ключ *неуловимый*, *отдалённый*, *приблизительный* + коллокат *сходство* / *похожий* / *напоминать* на расстоянии от -3 до $+3$ » (для полноты представления интересующего нас смысла мы взяли в качестве коллокатов существительное, прилагательное и глагол близкой семантики). В табл. 1 приведены количественные показатели исследованного материала.

Таблица 1

Лексемы *неуловимый* (-o), *отдалённый* (-o), *приблизительный* (-o) в сочетании с коллокатами, содержащими сему ‘сходство’

The lexemes *неуловимый* (-o) ‘elusive’, *отдалённый* (-o) ‘distant’, *приблизительный* (-o) ‘approximate’ in combination with collocates containing seme ‘similarity’

Ключ (лемма)	Коллокат (лемма)			Всего примеров с данным ключом
	<i>сходство</i>	<i>похожий</i>	<i>напоминать</i>	
<i>неуловимый</i> (-o)	21	56	58	135
<i>отдалённый</i> (-o)	96	107	401	604
<i>приблизительный</i> (-o)	5	17	–	22
Всего примеров с данным коллокатом	122	180	459	Общее количество примеров 761

Как видим, в количественном отношении значительно преобладают сочетания с ключом *отдалённый* / *отдалённо*, из коллокатов для выражения неявного сходства чаще всего используется *напоминать*.

Качественный анализ языкового материала показал, что каждый из ключей *отдалённый* (-o), *приблизительный* (-o), *неуловимый* (-o) как средство выражения неявного сходства имеет свои особенности функционирования, которые становятся заметными на фоне общих принципов построения контекстов, содержащих сравнение. Представим эти принципы в описании А. Е. Бочкарева: «Под сравнением обычно понимают отношение подобия, которое устанавливают между двумя разными предметами с помощью компаративной связки или предикативов типа “как”, “подобно”, “похож” и т. п. Отношения подобия могут устанавливаться между

индивидами... между индивидуальным объектом и типичным представителем другого класса... между представителями разных классов <...> в полном сравнении участвуют, таким образом, три элемента: 1) предмет (что сравнивают), 2) образ (с чем сравнивают) и 3) признак (основание сравнения)» [Бочкарев, 2003, с. 147]. В соответствии со сказанным и с учётом непосредственных задач исследования все контексты были проанализированы по следующим критериям:

- а) семантические классы сравниваемых объектов: общие или разные;
- б) основания сравнения: внешние, перцептивно воспринимаемые признаки (облик, форма, цвет, звучание, запах и т. п.) или внутренние, сущностные признаки (функции объекта, черты характера или особенности поведения лица, впечатления от взаимодействия с объектом / лицом и т. п.);
- в) степень выраженности неявного сходства с точки зрения говорящего: сходство, пусть и неявное, присутствует (+); неявное сходство выражено весьма слабо (\perp); сходства нет вообще (-);
- г) наличие или отсутствие в контексте пояснений говорящего (в том числе привлечение прецедентных феноменов), мотивирующих неявное сходство.

Далее охарактеризуем сочетания с каждым из рассматриваемых адъективов / наречий.

3.2.1. Единицы *отдалённый* / *отдалённо* как средства характеристики неявного сходства (604 примера из 761)

Для удобства восприятия и компактности изложения сразу представим результаты языкового анализа в виде синоптической таблицы, где показатели по каждому из критериев рассчитаны в процентах и ячейки с наибольшими показателями выделены цветом (табл. 2).

Прокомментируем полученные результаты.

Среди **семантических классов**, к которым принадлежат сравниваемые объекты, наиболее ярко выделяются классы «человек», «животное», «предмет», «абстрактное явление, понятие», «место, пространство». Внутри этих рубрик, естественно, возможна более подробная детализация. Как можно видеть из табл. 2, для всех рассматриваемых сочетаний (*отдалённое сходство*, *отдалённо похожий*, *отдалённо напоминать*) преобладает сравнение объектов, относящихся к одному и тому же классу. Но содержательный анализ контекстов показывает, что разные коллокации демонстрируют свои предпочтения: сочетание *отдалённое сходство* чаще всего характеризует семантические классы «человек», «абстрактное явление, понятие», «предмет», «животное»; сочетание *отдалённо похожий* — «человек», «абстрактное явление, понятие», «предмет»; сочетание *отдалённо*

Таблица 2

Показатели функционирования ключа *отдалённый (-о)*
как средства характеристики неявного сходства (в %)

Indicators of functioning of the key *отдалённый (-о) 'distant'*
as a means of characterizing implicit similarity (in %)

Критерий		Коллокат	Сходство (96 контекстов)	Похожий (107 контекстов)	Напоминать (401 контекст)
Семантический класс	общий		78,1	88,7	93,7
	разные		21,9	11,3	6,3
Основания сравнения	внешние		74	59,8	69,6
	внутренние		26	40,2	30,4
Степень сходства	+		48,4	31,3	53,9
	⊥		38,5	34,8	31,8
	–		13,1	33,9	14,3
Пояснения в контексте	есть		28,1	20	31
	нет		71,9	80	69

напоминать — «абстрактное явление, понятие», «предмет», «человек», «место, пространство».

Приведём некоторые примеры «отдалённого сходства» между объектами одного семантического класса: *Филологические девушки называли его «наш араб» — из-за отдалённого сходства Серёжи с... Омаром Шарифом* (И. Бродский. О Серёже Довлатове) — ‘человек₁ _ человек₂’; *Раздражение его было вызвано... каким-то новым... ощущением... отдалённо похожим на ощущения больного, приходящего в сознание после долгой агонии и забытья* (М. Гринёва. Дом счастья) — ‘абстрактное понятие₁ — абстрактное понятие₂’; *Бумаги были отдаленно похожи на деньги, но гораздо крупнее их* (Н. Александрова. Последний ученик да Винчи) — ‘предмет₁ — предмет₂’; *По всей полосе красиво расположились высокие коттеджи, отели с красивой набережной, отдаленно напоминающие набережную Ялты и Баку вместе взятых* (Н. Ладугин. Дневник) — ‘пространство₁ _ пространство₂’; *Возле сапожника стала прыгать серая дворняжка, отдаленно напоминавшая Данилову грамотную собаку Муравлевых по кличке Салют* (В. Орлов. Альтист Данилов) — ‘животное₁ _ животное₂’.

Установление «отдалённого сходства» между объектами разных классов происходит значительно реже и порою граничит с метафорой [Арутюнова, 1999, с. 279—282; Бочкарёв, 2003, с. 148—149], ср., например: *Одинокий Джордж — слоновая черепаха вымирающего вида... С его*

«седлообразным» панцирем... *отдалённо напоминал лёгкую танкетку* (Л. Данилкин. Рождённые эволюцией) — ‘животное _ предмет’; *Были... певец Дима Маликов с женой (своей крайней опрятностью эта пара напоминала отдаленно образцы куклы Барби)* (Н. Климонтович. La vie de jour // «Коммерсантъ-Daily», 27.01.1996) — ‘человек — предмет’.

Основанием для установления сходства в большинстве случаев служат какие-то внешние, перцептивно воспринимаемые признаки — как правило, это признаки, воспринимаемые посредством зрения (общий облик, внешние детали, цвет, форма и т. д.). Ср.: *Замиокулькас (семейства аронниковых)... своим общим обликом и нарноперистыми листьями отдаленно напоминает папоротник* (Г. Мартынюк. Пришелец из Африки // «Наука и жизнь», 2007); *В институте новость: у чёрной «Волги» стекла затонировали. Теперь она отдаленно похожа на «правительственную» машину* (С. Есин. Дневник). Нередко «отдалённое сходство» устанавливается и между звуками: *Мелодия, из этих нот составившаяся, была понятна и русскому и итальянцу и отдалённо напоминала григорианский хорал* (Б. Евсеев. Евстигней); *Фред утверждал, что, когда Дина смеется, это отдаленно напоминает ему нежное куриное квохтание* (И. Безладнова. Дина). Остальные перцептивные признаки (запах, вкус) встречаются значительно реже, ср.: *Ленька с аппетитом ел... лепёшки, от которых пахло... чем-то, что... отдаленно напоминало запах птичьей клетки* (А. Пантелеев. Лёнька Пантелеев).

Под «внутренними» основаниями установления отдалённого сходства мы понимаем такие, которые характеризуют природу сравниваемых объектов, их сущностные качества, функционирование или поведение и т. п. Как правило, «внутренние» основания установления отдалённого сходства субъективны, являются плодом рефлексии конкретного индивида. Ср., например: *Пожалуй, это был единственный случай, отдаленно похожий на проявление агрессии, хотя... возмущаться и собаке не запретишь* (Е. Шкловский. Хозяйка); *И разве Собакевич не похож, пусть отдаленно, на Полифема?* (А. Кушнер. «С Гомером долго ты беседовал один...») // «Звезда», 2003); *Посторонним сложно вникнуть в суть этой казанской эгиды, отдаленно напоминающей о дурных бесконечностях Эшера* (Л. Данилкин. На следующей войне); *Не разрешаемая ожидаемым словом тишина тяготила Павлушина каким-то отдалённым сходством с теми самыми страшными положениями, в которые он попал* (С. Буданцев. Писательница).

Степень выраженности неявного сходства с точки зрения говорящего может быть градуирована. На основании анализа контекстов, как уже было сказано, можно выделить три степени неявного сходства.

1. Неявное сходство присутствует. Это выражается утвердительными конструкциями, ср.: *Нынешний Речной вокзал имеет отдалённое сходство с ленинградским Адмиралтейством* (Н. Хрущёв. Воспоминания).

2. Неявное сходство выражено чрезвычайно слабо. В этом случае в контексте используются языковые средства (частицы, наречия, местоимения), минимизирующие и без того слабую степень сходства: *лишь, хотя бы, только, даже, весьма, очень, мало, какое-то, некое* и т. п. Ср.: *Пауков и других насекомых, хотя бы отдалённо напоминающих пауков, я возненавидел* (Е. Буйда. Щина).

3. Между объектами вообще нет сходства. В таких контекстах используются отрицательные конструкции типа *не имеет и отдалённого сходства с..., ничего даже отдалённо похожего на..., ничего хотя бы отдалённо напоминающего* и т. п. Ср.: *Ничего даже отдаленно похожего на грубые фальсификации Николаевского не было* (А. Ларина (Бухарина). Незабываемое).

Сочетания лексем *отдалённый / отдалённо* с коллокатами *сходство* и *напоминать* чаще всего обозначают достаточную выраженность неявного сходства и реже — отсутствие всякого сходства; сочетания с коллокатом *похожий* распределяются по трём степеням выраженности неявного сходства примерно поровну.

Анализ **наличия или отсутствия пояснений** показал, что пояснения (в том числе в виде прецедентных феноменов) присутствуют не более чем в трети контекстов, чаще всего — в сочетаниях типа *отдалённо напоминать* (31 %), реже всего — в сочетаниях типа *отдалённо похожий* (20 %). Содержательно пояснения касаются, как правило, каких-то внешне проявленных признаков, хотя могут быть связаны и с внутренними, субъективными ощущениями говорящего, ср.: *Усы у него были знатные. Ухоженные, длинные. Они свисали в виде остроконечной подковы до самого подбородка, что вкупе с круглыми щеками, вечно прищуренными глазами и прямыми чёрными волосами делало его отдалённо похожим на бирманца* (Грэй Ф. Грин. Кетополис — Киты и броненосцы); *В жизни мне всегда хотелось встретить человека, который бы хоть чем-то, хоть отдаленно напоминал моего папу. Пусть не князь и не интеллектуал, но добрый, а главное, человек не мелкий* (Л. Гурченко. Аплодисменты); *И у папы и у Бунина, как у двух русских интеллигентов, на груди на чёрных шнурках болтались одинаковые старомодные стальные пенсне, что делало их обоих отдалённо похожими на Чехова: Бунина — на Чехова молодого, а папу — на Чехова постаревшего* (В. Катаев. Трава забвенья).

В последнем контексте мы видим прецедентное имя (*Чехов*), позволяющее адресату представить внешность обсуждаемых лиц.

Вообще среди прецедентных феноменов, участвующих в описании «неявного сходства» (не только *отдалённого*, но и *неуловимого*, и *приблизительного*), чаще всего встречаются имена исторических деятелей и деятелей искусства (*Ахматова, Блок, Деникин, Доронина, Карамзин, Ленин, Лермонтов, Наполеон I, Омар Шариф, Пугачёва, Пушкин, Рембрандт, Тит, Чаушеску, Чехов* и др.), названия произведений искусства и имена литературных персонажей (*ария торeadора, Беатриче, «Власть тьмы», «Звёздные войны», «Имя розы», «К Элизе», «Мастер и Маргарита», полотна Боттичелли, Собакевич, стихи Чуковского, Сфинкс, Чартков, «Ионыч»* и др.), названия объектов материальной культуры (*Адмиралтейство, «Волга», Летний сад, «Мицубиси-Колт», Пале-Рояль, «Родина-мать», скульптуры острова Пасхи, Эмпайр стейт билдинг, Porsche Carrera* и др.).

Выражение неявного сходства с участием лексем *неуловимый (-о)* и *приблизительный (-о)* охарактеризуем далее по той же схеме.

3.2.2. Единицы *неуловимый / неуловимо* как средства характеристики неявного сходства (135 примеров из 761)

Общая картина функционирования сочетаний *неуловимый / неулови-мо + сходство / похожий / напоминать* представлена далее (табл. 3).

Таблица 3

Показатели функционирования ключа *неуловимый (-о)* как средства характеристики неявного сходства (в %)

Indicators of functioning of the key *неуловимый (-о) 'elusive'* as a means of characterizing implicit similarity (in %)

Критерий \ Коллокат		<i>Сходство</i> (21 контекст)	<i>Похожий</i> (56 контекстов)	<i>Напоминать</i> (58 контекстов)
Семантический класс	общий	90,4	75	72,4
	разные	9,6	25	27,6
Основания сравнения	внешние	38,1	64,3	67,3
	внутренние	61,9	35,7	32,7
Степень сходства	+	54,3	51,8	87,9
	⊥	45,7	48,2	12,1
	–	0	0	0
Пояснения в контексте	есть	42,9	37,5	50,9
	нет	57,1	62,5	49,1

«Неуловимое сходство» для всех возможных сочетаний с заметным преобладанием устанавливается в рамках общего **семантического класса**, причём на первом месте для каждого коллоката — и тоже с заметным

преобладанием — находится класс «человек». Ср., например: *В лице её появлялось то неуловимое сходство с отцом, которое так нежно проявляется у дочерей, любимых отцами* (И. Бунин. При дороге); *Охранник чем-то неуловимо напоминал моего любимого французского киноактера Трентиньяна, только был покрупнее* (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда); *Фокусник, сорвав с себя плащ, бросает его на гроб. В этот момент мужчина становится неуловимо похож на матадора, чей бык не виден никому, кроме него самого* (В. Лорченков. Бездна).

«Неуловимое сходство» между объектами других семантических классов, как и между объектами разных классов, встречается гораздо реже. Ср., например: *Башня состоит из восьми блоков по восемь этажей каждый, неуловимо напоминая пагоду* (А. Зайцев. Тайванская башня) — ‘предмет₁ — предмет₂’; *За широким столом молча ели блины муж Матрены Тимофеевны... неуловимо чем-то похожий на суслика, и её дочь Феня* (А. Мусатов. Земля молодая) — ‘человек — животное’.

Основания для сравнения в контекстах с сочетаниями типа *неуловимо похожий* и *неуловимо напоминать* — преимущественно внешние, перцептивно воспринимаемые, с сочетанием *неуловимое сходство* — преимущественно внутренние, что выделяет данное сочетание на фоне всего языкового материала. Приведём примеры установления «неуловимого сходства» на основании внутренних, сущностных признаков: *Я почувствовал человека нервного и вспыльчивого по неуловимому сходству с моим отцом* (Е. Шварц. Дневник); *У вас какое-то неуловимое сходство, не чисто внешнее* (Н. Дашевская. Скрипка неизвестного мастера); *Читая «Мастера и Маргариту», я чувствовал какое-то неуловимое сходство между вечностью Мастера и вечностью Иры* (Г. Померанц. Сны земли).

Что касается **степени выраженности неявного сходства**, то для сочетаний с ключом *неуловимый (-о)* она, как правило, не вызывает сомнения у говорящего, на что указывает преимущественное оформление высказывания в виде утвердительной конструкции, ср.: *Из подворотни во двор вышел Михаил Мейлах, в облике которого всегда было неуловимое сходство со святочным персонажем* (Е. Игнатова. Оглянувшись...); *Особенно жалко выглядели раскрашенные фигуры святых, неуловимо напоминавшие манекены в занавешенной витрине универмага* (Е. Парнов. Александрийская гемма). Слабо выраженная степень «неуловимого сходства» также представлена довольно значительным числом примеров, в составе которых отмечаются неопределённые местоимения *какой-то, что-то, чем-то*, привносящие модальность неуверенности ср.: *Молодые лица, в анфас и в профиль, совсем не похожие, но с каким-то неуловимым сходством* (Н. Кожевникова. Гарантия успеха); *Мы видим в его улыбке*

что-то неуловимо похожее на улыбку ветерана из самолёта (В. Лорченков. Копи Царя Соломона); *Кстов... чем-то неуловимо напоминает бёллевский Стрый* (В. Володин. Повесть о настоящем человеке). Примечательно, что ни для одного коллоката ключа *неуловимый (-о)* не представлена опция «сходства нет вообще», то есть сходство, называемое *неуловимым* — через формальное отрицание способности уловить это сходство, — осознаётся вполне ясно.

Пояснения в контексте для «неуловимого сходства» чаще отсутствуют, чем присутствуют, хотя для сочетания *неуловимо напоминать* контексты с наличием пояснения незначительно преобладают над теми, где никаких комментариев нет. Ср., например: *За футболистом... стоял мужик... чем-то неуловимо напоминающий того убийцу, рыбьим ли прикусом губ, ощущением ли бездумной и оттого особенно страшной, мстительной власти* (В. Астафьев. Печальный детектив).

3.2.3. Единицы *приблизительный / приблизительно* как средства характеристики неявного сходства (22 примера из 761)

Ключ *приблизительный (-о)* используется для характеристики неявного сходства реже всего. В НКРЯ отсутствуют примеры сочетаний типа *приблизительно напоминать*, а другие два сочетания (*приблизительное сходство* и *приблизительно похожий*) встречаются крайне редко (табл. 4). Предположим, что это объясняется богатством иных способов выражения идеи приблизительности в русском языке — ср. в связи с этим работы [Бочкарев, 2021; Букаренко, 2016; Дорофеева, 2021; Николина, 2015 и др.].

Таблица 4

Показатели функционирования ключа *приблизительный (-о)* как средства характеристики неявного сходства (в %)

Indicators of functioning of the key *приблизительный (-о)* 'approximate' as a means of characterizing implicit similarity (in %)

Критерий	Коллокат	Сходство	Похожий
		(5 контекстов)	(17 контекстов)
Семантический класс	общий	80	17
	разные	20	0
Основания сравнения	внешние	60	52,9
	внутренние	40	47,1
Степень сходства	+	60	23,5
	⊥	40	41,3
	–	0	35,2
Пояснения в контексте	есть	40	47
	нет	60	53

Объекты, обладающие «приблизительным сходством», обычно относятся к общему **семантическому классу**, причём это, как правило, класс «абстрактное понятие», ср.: *Некоторые знаки в этой системе иконичны, т.е. означающее пусть весьма приблизительно, но похоже на означаемое* (Р. Фрумкина. Психолингвистика).

По причине абстрактности сравниваемых объектов достаточно высоким оказывается процент «внутренней» **мотивации сходства**, а «внешнее» основание нередко может быть признано таковым лишь условно, ср., например: *Он вспомнил, что нечто приблизительно похожее он испытывал, проиграв на суде неприятное гражданское дело, порученное ему патроном* (М. Горький. Жизнь Климса Самгина); *Все имеющиеся портреты Великих Учителей имеют лишь приблизительно сходство... с истинным Обликом Владык* (Е. Рерих. Письма в Европу).

Степень выраженности «приблизительного сходства» может быть различной: и констатация «приблизительного сходства», и сомнения в его наличии, и полное отрицание такового, ср.: *Амулет от сглаза / Nazar bonpik. Стеклоанное сине-бирюзовое нечто, приблизительно похожее на глаз* (Стамбул, 2011); *Точно кому-то надобно на каждом шагу подрывать веру в способность властей создать хоть что-либо, приблизительно похожее на порядок* (А. Жиркевич. Дневник); *Назвать... их хозяйства хотя бы приблизительно похожими на хозяйства Штено — язык не поворачивается* (Б. Екимов. Возле старых могил).

Пояснения, пусть и не всегда развёрнутые, представлены примерно в половине контекстов, ср., например: *Среди почти трёх десятков машин трудно было отыскать две-три даже приблизительно похожие. Это был парад конструкций самых разных конфигураций... самых разных расцветок...* (И. Туревский, Ю. Юша. Выставка «НТТМ-77» на колесах // «Техника — молодёжи», 1977).

4. Заключение = Conclusions

Анализ функционирования адективов *отдалённый*, *приблизительный*, *неуловимый* и их производных как средств выражения семантики неявного сходства позволяет сделать следующие выводы.

1. Адективы *отдалённый*, *неуловимый*, *приблизительный* и их производные при выражении семантики неявного сходства выступают в качестве контекстуальных синонимов благодаря свойственным им в переносном употреблении семам 'мало, недостаточно, незначительно, слабо'.

2. Из проанализированных лексем для выражения неявного сходства чаще используется адектив *отдалённый* и его производные, чем *неулови-*

мый (-о) и *приблизительный (-о)*. Это можно объяснить тем, что в семантике адъектива *отдалённый* сочетаются семы ‘не вполне точный’ и ‘слабый, незначительный’, в то время как в адъективах *приблизительный* и *неуловимый* актуализируется обычно какая-то одна из этих сем.

3. Все проанализированные лексемы чаще характеризуют неявное сходство между представителями одного и того же семантического класса, чем разных классов. Сочетания с ключом *неуловимый (-о)* в большинстве случаев используются для описания объектов класса «человек»; с ключом *приблизительный (-о)* — класса «абстрактное понятие»; с ключом *отдалённый (-о)* — и класса «человек» (с коллокатами *сходство* и *похожий*), и класса «абстрактное понятие» (с коллокатом *напоминать*).

4. Неявное сходство между двумя объектами чаще устанавливается на основании их внешних, перцептивно воспринимаемых признаков, чем на основании внутренних признаков (за исключением сочетания *неуловимое сходство*, в контекстах с которым чаще представлены именно внутренние признаки). В случае «внешнего» сходства в качестве образца для сравнения обычно выступают конкретные объекты и их отдельные проявления (облик, форма, цвет, звук), в случае «внутреннего» сходства — какая-то ситуация в прошлом и уже имеющийся у говорящего опыт. В том и другом случае в качестве основы для сравнения может выступать прецедентный феномен — реальная историческая личность, персонаж художественного произведения, объект материальной культуры.

5. Степень выраженности неявного сходства может различаться, градуироваться, что оформляется с помощью различных грамматических средств: утвердительных конструкций; частиц, местоимений и наречий со значением неопределённости, неуверенности, незначительной степени признака (*лишь, хотя бы, только, даже, весьма, очень, мало, какое-то, что-то, чем-то, некое* и др.); отрицательных конструкций. Наибольшая степень уверенности говорящего в наличии неявного сходства выражается с помощью сочетаний с ключом *неуловимый (-о)* — ни для одного из его коллокатов не отмечено контекстов, где говорилось бы об отсутствии «неуловимого сходства».

В большинстве случаев в контексте отсутствуют какие-либо пояснения относительно того, на каком основании говорящий усматривает неявное сходство между объектами. Это значит, что неявное сходство обычно подаётся как уже готовый результат восприятия, сравнения и интерпретации, осуществлённых говорящим.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. — Москва : Русские словари, 1994. — 502 с.
2. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : Практический справочник / З. Е. Александрова. — Москва : Русский язык, 2001. — 568 с. — ISBN 978-5-358-08922-8.
3. *Гаврилова А. С.* Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / А. С. Гаврилова. — Москва : «Аделант», 2014. — 512 с. — ISBN 978-5-93642-341-3.
4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 24.07.2024).
5. РТС — *Русский толковый словарь* / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Издательство Эксмо, 2005. — 928 с. — ISBN 5-200-02603-2.
6. СРЯ — *Словарь русского языка* / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. 1—4.
7. СС 1977 — *Словарь синонимов* / под ред. А. П. Евгеньевой. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1977. — 648 с.
8. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950—1965. — Т. 1—17.
9. СТСРЯ — *Словарь-тезаурус синонимов русского языка* / под ред. Л. Г. Бабенко. — Москва : «АСТ-ПРЕСС ШКОЛА», 2023. — 448 с. — ISBN 978-5-9909262-0-2.
10. ТСРЯ 1935—1940 — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935—1940. — Т. 1—4.
11. ТСРЯ 2003 — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. В. Дмитриева. — Москва : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 1582 с. — ISBN 517016484x.
12. ТСРЯ 2005 — *Толковый словарь русского языка* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : ООО «ИТИ Технологии», 2005. — 944 с. — ISBN 590263809-7.
13. ТСРЯ 2008 — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2008. — 1175 с. — ISBN 978-5-91172-011-6.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки славянской культуры, 1999. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0.
2. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-907117-21-1.
3. *Болдырев Н. Н.* Когнитивный механизм формирования смысла «Приблизительность» (на материале современного английского языка) / Н. Н. Болдырев, Е. Ю. Дубовицкая // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — № 1. — С. 55—60.
4. *Бочкарев А. Е.* Семантический словарь / А. Е. Бочкарев. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2003. — 200 с. — ISBN 5-89533-083-5.
5. *Бочкарев А. Е.* Семантический потенциал оборота *не то чтобы... а (но)* в контексте мнения / А. Е. Бочкарев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — Т. 19. — № 2. — С. 133—142. — DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-133-142.
6. *Букаренко С. Г.* Неопределённость и приблизительность в рациональном научном стиле / С. Г. Букаренко // Рациональное и эмоциональное в русском языке. — Москва : МГОУ, 2016. — С. 205—208. — ISBN 978-5-7017-2493-6.

7. Дзюба Е. В. Когнитивная лингвистика / Е. В. Дзюба. — Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2018. — 280 с. — ISBN 78-5-7186-0976-9.

8. Дорощева Е. В. Категория приблизительности в зеркале перевода / Е. В. Дорощева, И. П. Максимова // Языковой дискурс в социальной практике. — Тверь : ТвГУ, 2021. — С. 80—83. — ISBN 978-5-7609-1640-2.

9. Калинина Л. В. Между типичным и неуловимым : «квантовые эффекты» категоризации / Л. В. Калинина // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 2 (41). — С. 233—237.

10. Калинина Л. В. Мимолётно ли впечатление? / Л. В. Калинина // Семантика. Функционирование. Текст. К 75-летию со дня рождения С. В. Черновой. — Киров : ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2023. — С. 118—129. — ISBN 978-5-6050633-0-8.

11. Кубрякова Е. С. Язык и знание : на пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.

12. Николина Н. А. Способы выражения количественной приблизительности в русском языке / Н. А. Николина // Русский язык в школе. — 2015. — № 1. — С. 67—72.

13. Постникова С. В. Функционально-семантическое поле сравнения как отражение континуальности языковой системы / С. В. Постникова, А. А. Ефимов // Языки и культуры : функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. — Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. — С. 188—192. — ISBN 978-5-91326-660-6.

14. Сидорова М. Ю. Описания изображений «неизвестных» животных : категоризация и атрибуты / М. Ю. Сидорова // Рациональное и эмоциональное в русском языке. — Москва : ИИУ МГОУ, 2017. — С. 136—143. — ISBN 978-5-7017-2835-4.

15. Столяр Е. Д. Формирование смыслов оценочного характера в языке / Е. Д. Столяр // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2019. — № 2. — С. 41—48. — DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-41-48.

16. Трофимов И. В. Дистрибутивно-семантическая модель для выявления категориального сходства / И. В. Трофимов, Е. А. Сулейманова // Программные системы: теории и приложения. — 2018. — Т. 9. — № 4 (39). — С. 443—460. — DOI: 10.25209/2079-3316-2018-9-4-443-460.

17. Трушков М. А. Семантика типичности и основные средства её выражения в современном русском языке : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. А. Трушков. — Киров, 2018. — 217 с.

18. Чеснокова Р. А. Лексемы, выражающие ассоциативное сравнение, как средство актуализации семантики «подобие» и семантики «сходство» (на материале английского языка) / Р. А. Чеснокова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 6—4. — С. 41—43.

19. Шарандин А. Л. Типы знаний в контексте теории интерпретации / А. Л. Шарандин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 3. — С. 10—18. — DOI: 10.20916/1812-3228-2017-3-10-18.

20. Diveica V. Mapping semantic space: Exploring the higher-order structure of word meaning / V. Diveica, E. J. Muraki, R. J. Binney, P. M. Pexman // Cognition. — 2024. — Vol. 248. — P. 105794. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2024.105794>.

Статья поступила в редакцию 25.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.10.2024,
подготовлена к публикации 15.10.2024.

Material resources

- Abramov, N. (1994). *Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning*. Moscow: Russian Dictionaries. 502 p. (In Russ.).
- Alexandrova, Z. E. (2001). *Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical guide*. Moscow: Russian Language. 568 p. ISBN 978-5-358-08922-8. (In Russ.).
- Gavrilova, A. S. (2014). *Dictionary of synonyms and antonyms of the modern Russian language*. Moscow: Adelant. 512 p. ISBN 978-5-93642-341-3. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 05.01.2023). (In Russ.).
- RTS — Lopatin, V. V., Lopatina, L. E. (2005). *Russian explanatory dictionary*. Moscow: Eksmo Publishing House. 928 p. ISBN 5-200-02603-2. (In Russ.).
- SRYA — Evgenieva, A. P. (ed.). (1985—1988). *Dictionary of the Russian language, 1—4*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
- SS 1977 — Evgenieva, A. P. (ed.). (1977). *Dictionary of synonyms*. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch. 648 p. (In Russ.).
- SSRL — *Dictionary of modern Russian literary language, 1—17*. (1950—1965). Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- STSRYA — Babenko, L. G. (2023). *Dictionary-thesaurus of synonyms of the Russian language*. Moscow: AST-PRESS SCHOOL. 448 p. ISBN 978-5-9909262-0-2. (In Russ.).
- TSRYA 1935—1940 — Ushakov, D. N. (1935—1940). *Explanatory dictionary of the Russian language, 1—4*. Moscow: State Institute “Soviet Encyclopedia”. (In Russ.).
- TSRYA 2003 — Dmitriev, D. V. (2003). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Astrel Publishing House LLC: AST Publishing House LLC. 1582 p. ISBN 517016484x. (In Russ.).
- TSRYA 2005 — Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Y. (2005). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: ITI Technologies LLC. 944 p. ISBN 590263809-7. (In Russ.).
- TSRYA 2008 — Shvedova, N. Y. (ed.). (2008). *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words*. Moscow: Publishing Center “Azbukovnik”. 1175 p. ISBN 978-5-91172-011-6. (In Russ.).

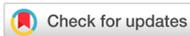
References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 896 p. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).
- Bochkarev, A. E. (2003). *Semantic dictionary*. Nizhny Novgorod: DECOM. 200 p. ISBN 5-89533-083-5. (In Russ.).
- Bochkarev, A. E. (2021). The semantic potential of turnover is not that ... but (but) in the context of opinion. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 19 (2): 133—142. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-133-142. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2019). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language*. Moscow: YASK Publishing House. 480 p. ISBN 978-5-907117-21-1. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N., Dubovitskaya, E. Y. (2006). The cognitive mechanism of meaning formation “Approximation” (based on the material of modern English). *Questions of cognitive linguistics*, 1: 55—60. (In Russ.).
- Bukarenko, S. G. (2016). Uncertainty and approximation in a rational scientific style. In: *Rational and emotional in the Russian language*. Moscow: Moscow State University. 205—208. ISBN 978-5-7017-2493-6. (In Russ.).

- Chesnokova, R. A. (2017). Lexemes expressing associative comparison as a means of actualizing semantics of “similarity” and semantics of “similarity” (based on the material of the English language). *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 6—4: 41—43. (In Russ.).
- Diveica, V., Muraki, E. J., Binney, J. R., Pexman, P. M. (2024). Mapping semantic space: Exploring the higher-order structure of word meaning. *Cognition*, 248: P. 105794. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2024.105794>.
- Dorofeeva, E. V., Maksimova, I. P. (2021). The category of approximation in the translation mirror. In: *Linguistic discourse in social practice*. Tver: TvSU. 80—83. ISBN 978-5-7609-1640-2. (In Russ.).
- Dzyuba, E. V. (2018). *Cognitive linguistics*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. Univ. 280 p. ISBN 78-5-7186-0976-9. (In Russ.).
- Kalinina, L. V. (2020). Between the typical and the elusive: “quantum effects” of categorization. *Cognitive studies of language*, 2 (41): 233—237. (In Russ.).
- Kalinina, L. V. (2023). Is the impression fleeting? In: *Semantics. Functioning. Text. To the 75th anniversary of the birth of S. V. Chernova*. Kirov: Raduga-PRESS Publishing House, LLC. 118—129. ISBN 978-5-6050633-0-8. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world. Russian language at school*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (2015). Ways of expressing quantitative approximation in the Russian language. *Russian language at school*, 1: 67—72. (In Russ.).
- Postnikova, S. V., Efimov, A. A. (2021). The functional-semantic field of comparison as a reflection of the continuity of the language system. In: *Languages and cultures: functional-communicative and linguopragmatic aspects*. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research University. 188—192. ISBN 978-5-91326-660-6. (In Russ.).
- Sharandin, A. L. (2017). Types of knowledge in the context of the theory of interpretation. *Questions of cognitive linguistics*, 3: 10—18. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-3-10-18. (In Russ.).
- Sidorova, M. Yu. (2017). Descriptions of images of “unknown” animals: categorization and attributes. In: *Rational and emotional in Russian*. Moscow: IIU Moscow State University. 136—143. ISBN 978-5-7017-2835-4. (In Russ.).
- Stolyar, E. D. (2019). Formation of evaluative meanings in language. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 41—48. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-2-41-48. (In Russ.).
- Trofimov, I. V., Suleymanova, E. A. (2018). Distributive semantic model for identifying categorical similarity. *Software systems: theories and applications*, 9 / 4 (39): 443—460. DOI: 10.25209/2079-3316-2018-9-4-443-460. (In Russ.).
- Trushkov, M. A. (2018). *Semantics of typicality and the main means of its expression in modern Russian*. PhD Diss. Kirov. 217 p. (In Russ.).

*The article was submitted 25.07.2024;
approved after reviewing 09.10.2024;
accepted for publication 15.10.2024.*

Информация для цитирования:

Лихачева Е. С. Субстантивация прилагательных и словообразовательная синонимия в архангельских говорах / Е. С. Лихачева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 78—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-78-96.

Likhacheva, E. S. (2024). Substantivation of Adjectives and Derivational Synonymy in Arkhangelsk Dialects. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 78-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-78-96. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Субстантивация
прилагательных и
словообразовательная
синонимия
в архангельских говорах**

Лихачева Елизавета Сергеевна
orcid.org/0000-0003-4174-8181
кандидат филологических наук, эксперт
отдела планирования и сопровождения
научных исследований
научно-исследовательского управления
liza.lihachyowa@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-01380 «Тематический
словарь архангельских говоров
с электронной поддержкой»

**Substantivation
of Adjectives and
Derivational Synonymy
in Arkhangelsk Dialects**

Elizaveta S. Likhacheva
orcid.org/0000-0003-4174-8181
PhD in Philology, Expert,
Department of Planning and Support
of Scientific Research
of Research Management Department
liza.lihachyowa@yandex.ru

Northern (Arctic)
Federal University
named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01380
“Thematic Dictionary of Arkhangelsk
Dialects with Electronic Support”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена некоторым словообразовательным процессам, наблюдаемым в лексико-семантической группе «Пища» архангельских говоров. В статье приводится диалектный материал, собранный в многочисленных диалектологических экспедициях и хранящийся в картотеке кафедры русского языка и речевой культуры Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М. В. Ломоносова. Исследование показывает, что в лексике архангельских говоров, связанной с пищей, субстантивация прилагательных не находит широкого распространения и представлена в основном в тематической группе «Выпечка»; рассмотренные примеры субстантивации, тем не менее, характеризуются завершённостью процесса, а образовавшиеся субстантиваты — устойчивым закреплением в говорах. Кроме того, в лексико-семантической группе «Пища» обнаруживаются многочисленные примеры словообразовательной синонимии. В статье рассматриваются два подобных примера — синонимические ряды существительных, обозначающих мелкую сушёную рыбу и блюдо из творога с толком. Выясняется, что в архангельских говорах находят отражение такие характерные для русских диалектов явления, как развитая суффиксация, родовой и числовой параллелизм, образование существительных с собирательным значением. Эти процессы обеспечивают богатство словообразовательной синонимии, отсутствующей в рамках русского литературного языка.

Ключевые слова:

диалектология; севернорусские говоры; архангельские говоры; субстантивация прилагательных; словообразовательная синонимия; суффиксация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on certain word formation processes observed within the lexical-semantic group “Food” in Arkhangelsk dialects. The study presents dialectal material collected during numerous dialectological expeditions and preserved in the archive of the Department of Russian Language and Speech Culture at the Northern (Arctic) Federal University. The research demonstrates that in the vocabulary of Arkhangelsk dialects related to food, the substantivation of adjectives is not widely prevalent and is primarily represented in the thematic group “Baking.” However, the examples of substantivation discussed are characterized by the completion of the process, with the resulting substantives firmly established in the dialects. Additionally, numerous instances of derivational synonymy are found within the lexical-semantic group “Food.” The article examines two such examples: synonymic series of nouns denoting small dried fish and a dish made from cottage cheese with flour. It is revealed that Arkhangelsk dialects reflect characteristic phenomena of Russian dialects, such as developed suffixation, gender and number parallelism, and the formation of nouns with collective meanings. These processes contribute to a rich derivational synonymy that is absent in the standard Russian.

Key words:

dialectology; northern Russian dialects; Arkhangelsk dialects; substantivation of adjectives; derivational synonymy; suffixation.

Субстантивация прилагательных и словообразовательная синонимия в архангельских говорах

© Лихачева Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия отечественными лингвистами всё чаще высказываются мнения о необходимости продолжения исследований в области диалектного словообразования. Долгое время оно оставалось на периферии научных изысканий; при этом активно развивалось словообразование в синхроническом аспекте — выявление актуальных для современного русского языка словообразовательных моделей и деривационных процессов. Между тем для более глубокого понимания явлений современного русского словообразования необходимо обращаться как к историческим, так и к диалектным словообразовательным фактам. Именно в диалектах нередко обнаруживаются утраченные современным языком различные архаические тенденции; также диалекты в меньшей степени, чем литературный язык, подвержены влиянию церковно-книжной традиции, что способствует сохранению их самобытности в том числе и в сфере словопроизводства [Попова, 2008б, с. 193]. Кроме того, в письменных памятниках могут не фиксироваться целые звенья истории отдельных слов, поэтому полноценное её восстановление невозможно при опоре исключительно на письменные памятники, без привлечения диалектных данных [Бабаева и др., 1997, с. 35]. По мнению Л. Н. Булатовой, недостаточное изучение диалектного словопроизводства «отрицательно сказывается и на изучении словообразования в литературном языке» [Булатова, 1953, с. 3]. Л. И. Шелепова также убеждена, что для наиболее точного и полного воссоздания истории слов необходимо привлечение не только исторических, но и диалектных данных [Шелепова, 2012, с. 170; Шелепова, 2014, с. 17]. Кроме того, исследователями также отмечаются богатство, разнообразие диалектных словообразовательных моделей в сравнении с устоявшимися образцами литературного языка [Никитевич, 2013, с. 189]. По мнению В. Д. Лютиковой, диалекты, в отличие от кодифицированных форм языка, располагают «большими словотворческими возможностями» [Лютикова,

1999, с. 112]. Таким образом, изучение словообразования русских говоров значимо как для самой диалектологии, так и для описания современного состояния русского литературного языка.

В диалектной системе русского языка особое место занимают говоры Русского Севера. Если рассматривать русский литературный язык как некий центр, то диалекты по отношению к нему являются своеобразной «периферией». «Центр» при этом — территория инноваций, а «периферия» понимается как «хранилище» архаических тенденций. В этом плане территория Русского Севера с её говорами — вследствие крайней удалённости — является, по выражению С. М. Толстой, «периферией периферии», где архаические языковые черты сохранены наиболее полно и разнообразно [Толстая, 2018, с. 53]. Общеславянское значение и архаичность севернорусских говоров подтверждаются тем, что признаки, по которым они противопоставляются остальным русским диалектам, одновременно объединяют их с другими славянскими языками [Там же]. Поэтому детальное изучение говоров Русского Севера и отразившихся в них культурно-бытовых реалий и мифологических представлений значимо не только для русского языкознания, но и для славистики в целом и является, по словам С. М. Толстой, «насущной задачей для отечественных диалектологов и славистов» [Там же, с. 56].

Среди диалектов Русского Севера особое место занимают архангельские говоры. Долгое время на диалектологических картах русского языка присутствовала лишь южная часть территории их распространения; территория же севернее 62 параллели северной широты находилась вне группировок этих карт. В отдельную группу архангельские говоры были объединены значительно позднее; однако вопрос о целесообразности выделения такой группы, о её характерных признаках, границах и соотносённости архангельских говоров с административным делением до сих пор остаётся открытым [Нефёдова, 2016, с. 76]. На данный момент архангельские диалекты активно изучаются, различным их аспектам посвящено множество исследований. Находясь, по словам С. М. Толстой, на «периферии периферии», они сохранили, с одной стороны, архаические языковые особенности, а с другой — присущее диалектам разнообразие языковых средств. Поэтому, на наш взгляд, архангельские говоры нуждаются в дальнейшем изучении; исследование же специфики их словопроизводства способно снабдить новыми данными диалектное словообразование.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для настоящей статьи послужила диалектная лексика, отобранная из картотеки кафедры русского языка и речевой культуры Высшей

школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (САФУ). Хранящийся в картотеке языковой материал собирался с начала 1960-х годов; проводившиеся на протяжении 50 лет диалектологические экспедиции способствовали получению многочисленных и разнообразных данных по архангельским говорам. Все приведённые в статью примеры употреблений слов взяты из картотеки САФУ. Также для настоящего исследования использовались данные «Архангельского областного словаря» под редакцией О. Г. Гецовой, «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» под редакцией А. С. Герда и «Словаря русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина.

Процессу субстантивации прилагательных в русских говорах посвящены исследования В. Н. Светловой [Светлова, 1969], А. А. Мошевой [Мошева, 1977, 1987], Н. И. Ершовой [Ершова, 2005]. В. Н. Светлова в указанном исследовании выделяет группы подвергающихся субстантивации прилагательных. А. А. Мошева приходит к выводу, что в говорах могут присутствовать практически все типы субстантивированных прилагательных, свойственные литературному языку; тем самым уточняется их классификация, предложенная В. Н. Светловой [Мошева, 1977]. Н. И. Ершова в своём диссертационном исследовании обращает внимание на широкое распространение процесса субстантивации прилагательных в русских говорах Мордовии [Ершова, 2005].

Среди работ, посвящённых словообразованию в русских говорах, отметим труды Л. И. Шелеповой, в которых исследователь на многочисленных конкретных примерах доказывает необходимость привлечения диалектных данных для восстановления полной «биографии» слов [Шелепова, 2012, 2014]. Словообразовательной синонимии в русских диалектах посвящены исследования Т. Н. Поповой [Попова, 2008а, 2008б, 2009]. В указанных работах исследователь подробно рассматривает проблему функционирования в русском диалектном словопроизводстве разнородных словообразовательных компонентов, в частности, широкое распространение в нём «славяно-книжных» суффиксов, способствующих возникновению синонимов.

В настоящем исследовании применяются описательно-аналитический и структурно-семантический методы. Сопоставительный метод используется при обращении к материалам «Архангельского областного словаря», «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» и «Словаря русских народных говоров»; так выявляются сходства и различия не только между архангельскими говорами и другими диалектами Русского Севера, но и в рамках самих архангельских говоров — на основании материалов «Архангельского областного словаря» и картотеки САФУ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Субстантивация прилагательных в архангельских говорах

Долгое время субстантивация прилагательных в посвящённых ей исследованиях рассматривалась преимущественно в морфологическом и историко-лексикологическом аспектах. Однако в последние десятилетия учёные настаивают на необходимости учитывать значимость и словообразовательного аспекта субстантивации, которая, согласно терминологии В. В. Виноградова, является особым — морфолого-синтаксическим — способом словообразования [Мукашева, 2016, с. 67]. Уделяется в современных исследованиях внимание также когнитивному аспекту субстантивации. Учёные утверждают, что переход адъективной основы в класс субстанциональных слов является не просто формальной сменой функции лексемы и её синтаксической позиции, но «глубокой концептуальной перестройкой лексемы “в духе” новой части речи», «активным многоступенчатым семантическим процессом», «переходом из признаковой области в предметную концептуальную область» [Макарова, 2011, с. 22, 24; Резниченко, 2012, с. 148]. В результате субстантивации прилагательного обозначенный данным мотивирующим прилагательным признак воспринимается уже не характеристикой какого-либо предмета, а «самостоятельной сущностью», «отдельным концептом», более того — самим этим предметом [Макарова, 2011, с. 24].

На данный момент субстантивации прилагательных в русских говорах, как указывалось выше, посвящено немало работ. Отмеченные нами исследования позволяют прийти к выводу, что субстантивация является распространённым словообразовательным процессом в диалектах Тюменской и Свердловской областей, Пермского края, в русских говорах Мордовии. Архангельские же говоры до сих пор не рассматривались с этой точки зрения. Выясним, какое отражение находит процесс субстантивации прилагательных в лексике архангельских говоров, обозначающей пищу, и какова в данном случае его специфика.

Наблюдения над указанной лексикой показывают, что субстантивация прилагательных свойственна словам тематической группы «Выпечка». Сюда, в частности, относятся прилагательные, характеризующие выпечку по свойствам её муки. Одним из таких свойств является цвет; выпечку из пшеничной муки в архангельских говорах называют *белой*. Субстантивации в данном случае подвергается форма среднего рода единственного числа прилагательного *белый* (как в полной, так и в стяжённой форме); результатом данного процесса становится субстантиват *белое / бело*. Приведём примеры: На праздник много пришлось творить, видь *белого* много надо было (Вельский район); А што́ *белого*, этого не ём, всё ржанійку,

всё ржанінку (Мезенский район); Пекúт и бéло воло́жно, а всё-то бóльше житно // Жítного, бéлого натворім (Холмогорский район). Данные примеры показывают, что процесс субстантивации здесь можно считать состоявшимся, полностью завершённым: прилагательное *белое* / *бело* уверенно закрепилось в архангельских говорах в значении существительного ('выпечка из пшеничной муки') и в его функциях, сохранив при этом особенность адъективного склонения.

С названиями отдельных компонентов теста связано субстантивированное прилагательное *меловó*. *Меловым* в архангельских говорах называлось замешенное на молоке дрожжевое тесто. В основе прилагательного лежит диалектное наименование дрожжей — *мел*; в частности, такое значение слова *мел* находим в новгородских диалектах [СРГК, вып. 3, с. 218]. *Мелком* называют дрожжи, согласно данным картотеки САФУ, и в архангельских говорах. Нетрудно заметить, что в основу субстантивации вновь легла форма среднего рода прилагательного *меловой*, причём только в стяжённой форме. Приведём примеры: Онí пришлі, да ма́ма-то и *меловó* раствори́ла (Виноградовский район); *Меловó* растворя́ют то́же, молока́ нальо́т, дрожже́й, со́ли да му́ки житно́й. // *Меловó* растворя́ют и ша́ньги пекúт. // На́до *меловó* поста́вить. // В ла́дках *меловó* месі́ли. // *Меловó* растворя́ть в ла́дке. // *Меловó* на́до раствори́ть, захотéлось житных ша́нег. // На́ть *меловó* раствори́ть на ша́ньги, у меня́ *меловó* не раство́рено. // *Меловó* раствори́ла в де́сять часо́в. // *Меловó-то* растворя́ют муто́вкой (Холмогорский район). Отметим, что в картотеке зафиксирован только один пример употребления слова *меловой* в функции прилагательного: Я́ совсе́м забы́ла развести́ вчера́ *мелово́е те́сто*, оста́влю́ все́х без хлéба на́ день (Холмогорский район). В данном случае перед нами не только полноценное сочетание прилагательного и существительного, но и полная, а не стяжённая форма прилагательного. Примеры убедительно показывают, что субстантивацию прилагательного *меловой* можно считать полностью состоявшимся процессом. Это также подтверждает единичный пример употребления субстантивата во множественном числе: Дава́й раствори́ *меловá* (Холмогорский район).

По-видимому, прилагательное *меловой* не только окончательно субстантивировалось, характеризуя тесто, но и начало субстантивироваться, обозначая виды выпечки из подобного теста. Об этом свидетельствует один из примеров, где вместо сочетания *меловые шаньги* используется субстантиват во множественном числе *меловы́*: *Меловы́-ти* пеклі́ из жита́, на со́ннях изо ржи́, ска́ли пиро́жниками (Холмогорский район). На основании только одного примера мы, разумеется, не можем судить о специфике и распространённости данного процесса, однако само его наличие, несомненно, показательное.

Присутствуют в архангельских говорах и прилагательные, характеризующие выпечку по сырью, из которого изготавливается мука. Таково, в частности, прилагательное *житный*, образованное от существительного *жито*. Заметим, что указанное существительное имеет в архангельских говорах несколько значений, однако наиболее распространёнными из них являются значения ‘ячмень’ и ‘зерно ячменя’. Это подтверждают данные как Архангельского областного словаря, так и диалектологической картотеки САФУ [АОС, вып. 14, с. 163—164]. Таким образом, одним из основных значений прилагательного *житный* следует считать ‘приготовленный из ячменя или продуктов его обработки’. В картотеке САФУ представлено множество примеров реализации этого значения, зафиксированных в различных районах Архангельской области: И напекѣм *житны* пироги (Вельский район); Шанѣжки на *житной* мукѣ дак (Каргопольский район); Шанѣжек напекѣт *житных* (Мезенский район); Наварим каши *житной* да нахлебѣемся (Онежский район) и т. д. Как и в случае с прилагательными *белый* и *меловой*, в архангельских говорах для выражения значения ‘выпечка из ячменной муки’ субстантивации также подвергается форма среднего рода единственного числа прилагательного *житный* — *житное*. Заметим, что субстантивированная форма указанного прилагательного не только встречается во многих районах Архангельской области, но и сохраняет фонетический облик, свойственный вариантам прилагательного: *житное* / *житно* / *житнее* / *житне*: Раньше пшенично да *житно* пекли (Вельский район); *Житно-то* одно пекчи худо (Каргопольский район); Бывало, хлеб пекли, всё *житне* ели (Лешуконский район); Я *житного* испекла. // *Житного* много ели (Мезенский район); Ведь одного *житного* не испекѣшь. // Захотѣлось *житного* (Онежский район); *Житно* и на простокваши, и пресном — цѣм приведѣце. // Пекут и бело воложно, а всё-то больше *житно*. // Картошки я не ем, *житного* тожо. // *Житно* давали. // *Житного*, белого натворим. // Наверну *житно* одно (Холмогорский район). На наш взгляд, в данном случае также можно говорить о субстантивации как завершённом процессе. Так как распространённое в архангельских говорах прилагательное *житный* подверглось субстантивации — обрело «предметность» — только при обозначении выпечки, можно предположить, что данная тематическая группа — «Выпечка» — занимает значимое место в северной картине мира.

Необходимо заметить, что в говорах зафиксированы примеры субстантивации прилагательного *пшеничный* — и вновь это форма среднего рода единственного числа — при обозначении выпечки из пшеничной муки: Раньше *пшенично* да житно пекли (Вельский район). Однако мы не можем определить, в какой мере процесс субстантивации осуществился в данном

случае: во-первых, примеры с указанным прилагательным единичны, а во-вторых, зафиксированы только на территории Вельского района. Видимо, в большинстве архангельских говоров при обозначении изделий из пшеничной муки акцент сделан именно на её цвете; прилагательное *белый* призвано напоминать о том, что эта мука, в отличие от неотбелённой, «серой», — более дорогая, «чистая», «тонкая»; из неё, как правило, не пекут в будние дни, и «белая» выпечка — *белое* — является атрибутом праздника. Связь *белого* и праздников отражена в примерах: На праздник много пришлось творить, видь *белого* много надо было (Вельский район). Большая частота употребления субстантивата *житное* в сравнении с субстантиватом *белое* также может свидетельствовать об их концептуальном противопоставлении в картине мира носителей архангельских говоров по принципу «повседневное — праздничное».

Говоря о процессе субстантивации в тематической группе «Выпечка», необходимо также отметить прилагательное *блинчатый*. Данные картотеки САФУ позволяют сделать вывод, что в архангельских говорах указанное прилагательное употребляется обычно в сочетаниях — с существительными *блины* и *пироги* — и, как правило, во множественном числе. В первом случае возникает тавтологическое, однако распространённое в Холмогорском районе сочетание *блины блинчатые* со значением ‘стопка блинов, переложённых начинкой из творога и изюма’. В этом сочетании прилагательное не используется без существительного и, соответственно, не подвергается субстантивации: *Блины блинчатые* пекли (Холмогорский район). Иная ситуация с прилагательным наблюдается во втором сочетании. Под *блинчатыми пирогами* в архангельских говорах подразумеваются ‘тонкие пироги из пшеничной или ячменной муки с начинкой из крупы и толокна’. Наблюдения показывают, что в данном случае при использовании полной, нестяжённой формы прилагательного — *блинчатые* — обязательно и употребление существительного: *Пирогі блинчатые* скусные. // К празднику мы раньше всё *блинчатые пироги* делали. // *Блинчатых пирогов* испекла. // *Блинчатые пироги* с пшеном я люблю (Каргопольский район). Стяжённая форма данного прилагательного представлена в говорах «цокающими» фонетическими вариантами *блинчатые* / *блинцаты* / *блинцаты*; именно на её основе формируется заменяющий сочетание *блинчатые пироги* субстантиват *блинчатые*. Приведём примеры: *Блины, шаньги, блинчатые* ёли. // *Блинцаты* пекут из белой да из житной муки. // *Блинцаты* — житны блины (Каргопольский район); *Блинцаты* пекут с белой муки, как блины пекутся. Заинивают или толокном, или рисом. // На стол ставили *блинцаты*. // *Блинцаты* тоньше этих, шанёг, на одной воде. Их начиняют то ли пшеном там, рисом, толокном етё начиняют (Плесецкий район). На наш взгляд,

можно говорить о полной субстантивации прилагательного *блинчатый* в данном значении — по крайней мере, в говорах Каргопольского и Плесецкого районов.

Наконец, в тематической группе «Выпечка» архангельских говоров обнаруживается пример субстантивации причастия. Следует отметить, что причастия могут подвергаться этому процессу, минуя этап промежуточной адъективации; в таких случаях субстантиваты сохраняют грамматические глагольные значения [Мукашева, 2016, с. 69]. Отмеченное в говорах причастие *стряпаное* субстантивируется именно таким образом. Указанное причастие образовано от глагола несовершенного вида *стряпать*, имеющего на территории Архангельской области два значения: ‘готовить пищу’, ‘заниматься выпечкой’. В данном случае мы вновь наблюдаем процесс субстантивации только в одном из значений слова. Причастие *стряпаное* получает значение ‘выпечка’, однако не используется в значении ‘приготовленная пища’: А жёнки прибежат туда, целы корзины принесут *стряпаново-то* (Красноборский район). Отметим, что у образовавшегося субстантивата в архангельских говорах есть синоним, употребляющийся значительно чаще, — существительное *стряпня* в значении ‘выпечка’: Раньше, бывало, к празднику-то столько *стряпни* надёлаем, что потом ешшо́ долго хватало. // Это-то и сейчас пекут, это *стряпня́* (Каргопольский район); Из *стряпни-то* ничего́ больше не пекли (Онежский район); Испекём когда шанёжок, плюшек да *стряпни́*, дак в каструле растворим. // *Стряпня́-то* така́ сегодня́ худá (Холмогорский район). Казалось бы, наличие подобного синонима не должно способствовать запуску процесса субстантивации причастия, необходимость в этом отсутствует — явление уже имеет своё обозначение. Однако этот процесс зафиксирован, отмечен. Количество представленных нами примеров субстантивации не позволяет говорить о том, что данный процесс распространён в архангельских говорах — по крайней мере, в лексико-семантической группе «Пицца»; однако большинство этих случаев относится к тематической группе «Выпечка». Пока мы можем лишь вновь предположить значимость слов данной тематической группы для картины мира, отражённой в архангельских говорах, что, разумеется, не объясняет особенностей возникновения и протекания в них субстантивации.

3.2. Словообразовательная синонимия с корнем *суш-*

Отечественные исследователи отмечают исключительное разнообразие суффиксальных моделей в субстантивном диалектном словообразовании [Попова, 2008а, с. 225]. По мнению М. Ф. Моисеенко, суффиксальная синонимия развита и представлена в русских говорах в большей степени, чем в литературном языке [Моисеенко, 1963, с. 234]. Существование в говорах развитой словообразовательной синонимии, отсутствующей в лите-

ратурном языке, свидетельствует о том, что диалекты и на уровне деривации тесно связаны с историей развития общенародного языка. Выясним, какое отражение словообразовательная синонимия находит в лексико-тематической группе «Пища» архангельских говоров.

В этом плане показателен синонимический ряд существительных со значением ‘мелкая сушёная рыба’. В основе всех компонентов этого ряда лежит фонетический вариант корня *сух-* — *суш-*: *сушчик* / *сущик* / *сушьё* / *сушьё* / *сушки*. Первым компонентом является существительное мужского рода *сушчик* с суффиксом *-чик* с уменьшительным значением. По-видимому, значительную роль при выборе именно уменьшительного суффикса сыграла одна из сем значения — ‘мелкая’. Приведём примеры употребления этого слова: Из *сушчика* вари́ли — ры́ба ме́лкая суха́я. // *Сушчик* — это суше́на ры́ба. // Отобра́ли и *сушчик* у меня́ (Каргопольский район). Второй компонент синонимического ряда — *сущик* — является фонетическим вариантом первого; происходит объединение корня и суффикса существительного *сушчик* в результате ассимиляции по способу образования. Являясь результатом опрощения, существительное *сущик* находит большее распространение в архангельских говорах: В войну́-то, быва́ло, ча́сто *сущик* э́ли. // Дава́й-ко *сущику* сварим. // *Сущику-то* мы́, быва́ло, мно́го продава́ли. // Моё́-то зя́ть *сущику* мно́го налови́л. // Нагото́вили *сущика* ле́том. А зимо́й вку́сна уха́ из *сущика* (Каргопольский район); Суп сва́ри из *сущика* (Красноборский район); Вчера́ вари́ла уху́ из *сущика*. // Ры́бу невода́ми лови́ли и суши́ли *сущик*. // Уху́ из *сущика* вари́ли (Няндомский район); *Сущик* — ры́ба вы́сушенная (Пинежский район); За *сущиком* ходи́ли. // Увези́-ко с собо́й *сущика* (Плесецкий район); Сва́рим уху́ сейча́с из *сущика* (Холмогорский район). Примеры показывают, что данные два компонента синонимического ряда наиболее употребительны в Каргопольском районе.

Третий и четвёртый компоненты ряда, существительные *сушьё* и *сушьё*, относятся к среднему роду. В данном случае к корню *суш-* присоединён суффикс *-ё* со значением собирательности, а существительное *сушьё* выступает фонетическим вариантом исходного *сушьё*. Собирательные существительные, по наблюдениям исследователей, находят широкое распространение в диалектах [Ховрина, 2017, с. 145]. Среди них особое место занимают образования с суффиксом *-ё*, которые считаются общеславянским словообразовательным типом, «первичными» собирательными существительными [Азарх, 1984, с. 146]. Заметим, что *сушьё* является самым распространённым из компонентов указанного синонимического ряда в архангельских говорах; *сушьё* же встречается значительно реже. Приведём примеры: Уху́-то на́ть из *сушья́* сва́ри́ть (Верхнетоемский район);

Надо бы на зиму *сушья* заготовить (Виноградовский район); *Сушьё* — это сушёная рыба (Каргопольский район); Я приеду у тебя *сушья* ысь. // Гли-ко, кот-то коль ёмок, всё *сушьё* съёл. // *Сушья* натолкём, молоком наразвóдим. // Только пять лопáток высушила *сушья-то* (Онежский район); Я сёдни ухú из *суцья* варила. // Много насушила *сушья-то*, на всю зиму хвáтит (Пинежский район); На *сушьё-то* больши сорога шлá. // *Сушья* могу дáть на варю (Плесецкий район); Из *суцья* мáть отцú всегда варила ухú на опохмёлку. // Сдáй *сушьё-то* в лáвку, бýстро разберúт. // В прóшлую зиму *суцья* много было. // Зимой из *сушья* úшки похлебáем (Холмогорский район). Заметим, что именно с собирательным существительным *сушьё* употребляются различные прилагательные, характеризующие сушёную рыбу по её названию, по месту её обитания: Хорошá ухá из *ершóвого сушья* (Виноградовский район); На ры́ночной плóщадии мáсло, твóрог возили, мéлко озёрно *сушьё* возили. // Продáй да продáй, Áнна наkáзывала, морскóго *сушья* хóцёт. // Сельдяно́го *сушья* понараскáтывают (Онежский район). Благодаря этому усиливается отличающая собирательные существительные семантика совокупности, целостности [Яцкевич, 2010, с. 176].

Последним компонентом рассматриваемого синонимического ряда является существительное в форме множественного числа — *сушки*. Таким образом, данный синонимический ряд отличается числовым параллелизмом. По-видимому, существительное *сушки* является наименее употребительным из всех синонимов — единственный пример с ним зафиксирован только в Плесецком районе: *Сушки* в коробáх держáли. И так, три компонента ряда — *сушьё* / *суцьё* / *сушки* — несут семантику множественности; однако если в примере *сушки* эта множественность подразумевает разделение (поддающееся исчислению количество мелкой сушёной рыбы), то примеры *сушьё* / *суцьё* фиксируют семантику неделимой, «нерасчленённой», согласно терминологии Ю. С. Азарх, множественности (сушёная рыба репрезентируется как однородная масса) [Азарх, 1977, с. 190].

3.3. Словообразовательная синонимия слова *дэжень*

В «Архангельском областном словаре» зафиксировано два значения существительного *дэжень*: ‘жидкое недрожжевое тесто’, ‘кушанье из творога и толокна, замешенного на молоке, воде или простокваше’ [АОС, вып. 10, с. 423]. Материалы картотеки САФУ демонстрируют нам некоторые отличия от данных «Архангельского областного словаря». Во-первых, в картотеке САФУ значение ‘жидкое недрожжевое тесто’ представлено единичными примерами, в то время как зафиксировано и распространено ещё одно значение существительного *дэжень* — ‘раствор из молока и муки или крупы, которым поливали шаньги при выпекании’. Во-вторых, данные картотеки показывают, что вследствие частоты употребления и распро-

странения в различных районах Архангельской области первым значением этого слова следует считать именно ‘кушанье из творога и толокна’, а не ‘особый вид теста’ или ‘раствор для шанег’. В «Словаре русских народных говоров» данное значение существительного *дѣжень* также является первым [СРНГ, вып. 7, с. 333—334]. По-видимому, *дѣжень* являлся весьма распространённым на территории Архангельской области блюдом. Об этом свидетельствует не только множество примеров употребления данного существительного, но и связанная с ним словообразовательная синонимия. Обратимся к данным картотеки САФУ.

Синонимический ряд существительных для значения ‘кушанье из творога и толокна, замешенного на молоке, воде или простокваше’ представлен следующими компонентами: *дѣжень* / *деженёк* / *дежёнъ* / *дежня* / *дежёнъе*. Доминантой, исходной точкой данного синонимического ряда следует считать существительное *дѣжень* с обладающим «яркой диалектной спецификой» суффиксом *-ень* [Лунькова, 2014, с. 110]. Приведём примеры: *Дѣжень* надо замешать (Вилегодский район); Схожѹ замешѹ вам *дѣжень* со сметаной (Пинежский район); Я ешшо дѣлаю *дѣжень*, месили творог с толокном и заливали простоквашей со сметаной (Шенкурский район). Нередко в говорах встречаются различные фонетические варианты этого слова — с переносом ударения на второй слог (*дежёнъ*), со сменой корневой или суффиксальной гласной (*дежинъ*), а также с обоими этими изменениями (*дижёнъ*, *дежёнъ*): В дѣтстве-то мы, бывало, всё *дижёнъ* ёли (Вельский район); А по прѣзникам-то бѣловил я ребяток-то *дежнѣм*, сливок много накладѹ и толокна-то им поденпаю — пусть порадуются. // *Дежёнъ* — грудочок накопать да толокнчю (Вилегодский район); Иногда мать *дежёнъ* готовила (Ленский район); *Дежня* намешала ей (Няндомский район); А по прѣзникам бабушка всегда готовила очень вкусный *дежёнъ*. // А мужик мой *дежёнъ-то* любил (Устьянский район). Уменьшительно-ласкательное значение существительному *дѣжень* придаётся при помощи суффикса *-ёк-*: Немного *деженькѹ* надѣлала (Няндомский район).

Следующий компонент синонимического ряда, существительное *дежёнъ*, полностью идентичен одному из вариантов слова *дѣжень* по звучанию и значению. Однако контекст из Вилегодского района показывает, что это слово может склоняться как существительное женского рода: Принесли блюдо с *дежёнью*. Примеры употребления существительного *дежёнъ* в женском роде единичны, однако можно предположить, что здесь перед нами один из случаев родового параллелизма — причём в пределах одного слова. По наблюдениям исследователей, в русских говорах родовой параллелизм, в отличие от системы литературного языка, представлен широко и последовательно [Попова, 2008а, с. 230].

Примером родового параллелизма по отношению к доминанте синонимического ряда является и существительное женского рода *дежня́*. Исследования показывают, что существительные на *-н(я)* являются одним из активных словообразовательных типов в русских диалектах [Попова, 2009, с. 91]. Приведём примеры: *Дежнёй* звали простоквашу с толокном. // Мама часто в пёчку *дежню́* ставила, как простокваша вот да толокна намолёли (Вельский район); Толокно на простокваше намешано — во и *дежня́* (Красноборский район). Возникновение в русских говорах коррелятов женского рода, когда, казалось бы, в этом отсутствует необходимость, вызывает у учёных множество вопросов. М. М. Валенцова выделяет несколько причин возникновения родовых дублетов у неодушевлённых существительных: экстралингвистические факторы (стереотипы мышления, мифология, культурные традиции), нестабильность заимствованных существительных, принадлежность дублетов к разным диалектным системам, «застывание» более старого из дублетов в составе фразеологизмов и т. д. [Валенцова, 2011, с. 48—49]. Согласно классификации М. М. Валенцовой, родовые оппозиции *дежень / дежёнъ*, *дежень / дежня́* можно отнести к «немотивированным» случаям родового параллелизма, которые не объясняются ни экстралингвистическими факторами, ни собственно языковыми причинами [Там же, с. 49].

Завершает рассматриваемый синонимический ряд собирательное существительное среднего рода *дежёнье*, образованное от фонетического варианта слова *дежень* — *дежёнъ*. Как и в словах *сушьё / сушьё*, значение собирательности здесь обеспечивает суффикс *-ье*: *Дежёнье* — это с простоквашей толокно (Вельский район). Специфика значения слова *дежень* ('кушанье из молочных продуктов, однородная масса') позволяет существование словообразовательного синонима с собирательным значением (*дежёнье*), однако не допускает синонима во множественном числе, где множество мыслится «раздельным» (как в случае с примерами *сушьё / сушки́*).

4. Заключение = Conclusions

Рассмотрев некоторые словообразовательные процессы в лексике архангельских говоров, связанной с пищей, мы можем сделать следующие выводы.

В рамках лексико-семантической группы «Пища» процесс субстантивации прилагательных не является распространённым. Исключение составляет тематическая группа «Выпечка», в пределах которой отмечено несколько случаев данного процесса. В большинстве этих случаев субстантивации подвергается форма среднего рода единственного числа прилагательного.

Субстантиватами становятся прилагательные, характеризующие выпечку по цвету муки и отдельных компонентов теста, а также по сырью, из которого производится мука. Отмечены два случая образования субстантиватов на основе формы множественного числа прилагательных; первый из них характеризует выпечку по внешнему виду, а второй — по свойствам теста. Образованные субстантиваты, как правило, употребляются носителями говоров в стяжённых формах. Во всех случаях, за исключением субстантиватов *пшенично* и *меловы́*, можно говорить о субстантивации прилагательных как о состоявшемся, завершённом процессе. Также нами отмечен единственный случай субстантивации причастия — в архангельских говорах причастие *стряпаное* может использоваться в значении ‘выпечка’.

В пределах лексико-семантической группы «Пища» присутствуют примеры словообразовательной синонимии. Одним из них является синонимический ряд существительных с корнем *суш-* со значением ‘мелкая сушёная рыба’. В рамках данного ряда синонимия может строиться на фонетических различиях, числовом параллелизме, противопоставлении формы множественного числа существительного и собирательного существительного. Благодаря суффиксам значение существительных-синонимов наделяется различными нюансами: так, уменьшительное значение суффикса *-чик* в слове *сушчик* активизирует сему ‘мелкая’, значение нераздельной множественности суффикса *-ё* в слове *сушёё* способствует восприятию сушёной рыбы как однородной массы.

Словообразовательная синонимия также отмечена среди производных от существительного *дэжень* со значением ‘кушанье из творога и толокна, замешенного на молоке, воде или простокваше’. Синонимия в данном случае выстраивается на многочисленных фонетических различиях, родовом параллелизме, противопоставлении формы единственного числа существительного и собирательного существительного. Вновь демонстрирует продуктивность суффикс с собирательным значением *-ё*, указывающий на однородность кушанья из творога (*дежёнё*).

Наблюдения над словообразовательными процессами в рамках лексико-семантической группы «Пища» позволяют говорить о том, что архангельским говорам в разной мере свойственны отмеченные исследователями тенденции существования и развития русских диалектов. Таковыми являются, в частности, словообразовательная синонимия с развитой суффиксацией, обеспечивающей существование обширных синонимических рядов, и субстантивация прилагательных, которая, не находя широкого распространения в лексико-семантической группе «Пища», тем не менее характеризуется завершёностью процесса и устойчивостью образовавшихся субстантиватов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АОС — *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. — Москва : Изд-во МГУ, 1980—2020. — Вып. 1—21. — ISBN 5-02-011621-1.
2. СРГК — *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей / под ред. А. С. Герда. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994—2005. — Вып. 1—6. — ISBN 5-288-00963-5.
3. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. — Ленинград (Санкт-Петербург) : Наука, 1965—2023. — Вып. 1—52. — ISBN 5-02-027894-7.

Литература

1. *Азарх Ю. С.* К истории собирательных типа *братья, зверьё* в русском языке / Ю. С. Азарх // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования.* — Москва : Наука, 1977. — С. 189—210.
2. *Азарх Ю. С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх. — Москва : Наука, 1984. — 247 с.
3. *Булатова Л. Н.* Отглагольные существительные на *-нье, -тье* в русских говорах / Л. Н. Булатова // *Труды Института языкознания.* — Москва : Изд-во АН СССР, 1957. — Т. VII. — С. 291—367.
4. *Валенцова М. М.* Функционирование категории рода в диалектах / М. М. Валенцова // *Филологическая регионалистика.* — 2011. — № 2. — С. 46—52.
5. *Ершова Н. И.* Субстантивная транспозиция прилагательных в русских говорах на территории Мордовии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. И. Ершова. — Саранск, 2005. — 234 с.
6. *Лунькова Е. С.* Функционирование суффикса *-ень* в смоленских говорах / Е. С. Лунькова // *Севернорусские говоры.* — 2014. — № 13. — С. 108—117.
7. *Лютикова В. Д.* Языковая личность и идиолект / В. Д. Лютикова. — Тюмень : Изд-во Тюменского университета, 1999. — 185 с. — ISBN 5-8808-138-7.
8. *Макарова Е. А.* Субстантивация прилагательных : когнитивный аспект / Е. А. Макарова // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета.* — 2011. — № 10. — С. 22—25.
9. *Моисеенко М. Ф.* Существительные с нулевым суффиксом и суффиксом *-ка* в русских говорах Казанского Поволжья / М. Ф. Моисеенко // *Тезисы докладов на 9 диалектологическом совещании 15—18 мая 1963 г.* — 1963. — Т. 150. — Книга 6. — С. 207—242.
10. *Мошева А. А.* К вопросу о воздействии литературного языка на диалект (на материале отадъективного словообразования в акчимском говоре) / А. А. Мошева // *Литературный язык и народная речь : межвузовский сборник научных трудов.* — Пермь : ПГУ, 1977. — С. 54—62.
11. *Мошева А. А.* Субстантивация в синхроническом и диахроническом аспектах (на материале диалектного словообразования) / А. А. Мошева // *Деривация и история языка : межвузовский сборник научных трудов.* — Пермь : ПГУ, 1987. — С. 29—37.
12. *Мукашева Г. А.* Субстантивация прилагательных и причастий как способ словообразования / Г. А. Мукашева // *Балтийский гуманитарный журнал.* — 2016. — Т. 5. — № 2 (15). — С. 67—70.

13. *Нефёдова Е. А.* О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка / Е. А. Нефёдова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2016. — № 4. — С. 75—89.
14. *Никитевич А. В.* Мотивация лексическая, словообразовательная и «внутренняя форма» диалектного слова / А. В. Никитевич // Славянские народы и их культуры : традиция и современность : сборник научных статей. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. — С. 188—190. — ISBN 978-985-439-833-4.
15. *О проекте «Исторического словаря современного русского языка»* / Е. Э. Бабаева, А. Ф. Журавлёв, И. И. Макеева // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — С. 34—46.
16. *Попова Т. Н.* Когнитивный аспект русского диалектного словообразования / Т. Н. Попова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 2 (19). — С. 88—97.
17. *Попова Т. Н.* Словообразовательная синонимия в русском диалектном словопроизводстве / Т. Н. Попова // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2008а. — Т. 150. — Книга 6. — С. 225—236.
18. *Попова Т. Н.* Теоретические проблемы русского диалектного словообразования / Т. Н. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. — 2008б. — Вып. 1. — Ч. II. — С. 193—200.
19. *Резниченко Л. В.* Концептуальная деривация как основа формирования значений субстантивированных имён прилагательных / Л. В. Резниченко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — № 2. — Т. 1 : Филология. — С. 146—154.
20. *Светлова В. Н.* Субстантивированные прилагательные в говорах Свердловской и Тюменской областей / В. Н. Светлова // Учёные записки Свердловского государственного педагогического института. — 1969. — № 96. — С. 21—31.
21. *Толстая С. М.* Говоры Русского Севера на общеславянском фоне / С. М. Толстая // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2018. — № 6 (175). — С. 53—59. — DOI: 10.15393/uchz.art.2018.210.
22. *Ховрина Т. К.* Словообразовательные и семантические особенности собирательных существительных в ярославских говорах / Т. К. Ховрина // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — Специальный выпуск. — С. 145—148.
23. *Шелепова Л. И.* Данные диалектов и история русского слова (словообразовательный и семантический аспекты) / Л. И. Шелепова // Филология и человек. — 2014. — № 1. — С. 16—30.
24. *Шелепова Л. И.* Диалектное словообразование и этимология русского слова / Л. И. Шелепова // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 2 (74). — Т. 2. — С. 169—174.
25. *Яцкевич Л. Г.* Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации / Л. Г. Яцкевич. — Вологда : ВГПУ, 2010. — 280 с. — ISBN 978-5-87822-417-8.

*Статья поступила в редакцию 19.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 10.10.2024.*

Material resources

AOS — Getsova, O. G. (ed.). (1980—2020). *Arkhangelsk Regional Dictionary, 1—21*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. ISBN 5-02-011621-1. (In Russ.).

- SRGK — Gerd, A. S. (ed.). (1994—2005). *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions, 1—6*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. ISBN 5-288-00963-5. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P. (1965—2023). *Dictionary of Russian folk dialects, 1—52*. Leningrad (Saint Petersburg): Nauka. ISBN 5-02-027894-7. (In Russ.).

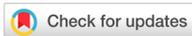
References

- About the project “Historical dictionary of the modern Russian language”. (1997). *Questions of linguistics, 2*: 34—46. (In Russ.).
- Azarch, Yu. S. (1977). On the history of collective types of brothers, beasts in the Russian language. In: *General Slavic linguistic Atlas. Materials and research*. Moscow: Nauka. 189—210. (In Russ.).
- Azarkh, Y. S. (1984). *Word formation and formation of nouns in the history of the Russian language*. Moscow: Nauka. 247 p. (In Russ.).
- Bulatova, L. N. (1957). Verbal nouns in Russian dialects. In: *Proceedings of the Institute of Linguistics, VII*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 291—367. (In Russ.).
- Ershova, N. I. (2005). *Substantive transposition of adjectives in Russian dialects on the territory of Mordovia*. PhD Diss. Saransk. 234 p. (In Russ.).
- Khovrina, T. K. (2017). Word-formation and semantic features of collective nouns in Yaroslavl dialects. *Bulletin of Kostroma State University. Special issue*. 145—148. (In Russ.).
- Lunkova, E. S. (2014). The functioning of the suffix -en in Smolensk dialects. *Northern Russian dialects, 13*: 108—117. (In Russ.).
- Lyutikova, V. D. (1999). *Linguistic personality and idiolect*. Tyumen: Publishing House of the Tyumen University. 185 p. ISBN 5-8808-138-7. (In Russ.).
- Makarova, E. A. (2011). Substantiation of adjectives: cognitive aspect. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 10*: 22—25. (In Russ.).
- Moiseenko, M. F. (1963). Nouns with a zero suffix and a suffix -ka in Russian dialects of the Kazan Volga region. *Abstracts of reports at the 9th dialectological meeting on May 15—18, 1963, 150 (6)*: 207—242. (In Russ.).
- Mosheva, A. A. (1977). On the issue of the impact of literary language on dialect (based on the material of subjective word formation in the Akchim dialect). In: *Literary language and folk speech: an interuniversity collection of scientific papers*. Perm: PSU. 54—62. (In Russ.).
- Mosheva, A. A. (1987). Substantiation in synchronic and diachronic aspects (based on the material of dialect word formation). In: *Derivation and the history of language: an interuniversity collection of scientific papers*. Perm: PSU. 29—37. (In Russ.).
- Mukasheva, G. A. (2016). Substantiation of adjectives and participles as a way of word formation. *Baltic Humanitarian Journal, 5 / 2 (15)*: 67—70. (In Russ.).
- Nefedova, E. A. (2016). On the place of Arkhangelsk dialects in the dialect division of the Russian language. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 4*: 75—89. (In Russ.).
- Nikitevich, A. V. (2013). Motivation of lexical, word-formation and “internal form” of a dialect word. In: *Slavic peoples and their cultures: tradition and modernity: a collection of scientific articles*. Gomel: F. Skarina State University. 188—190. ISBN 978-985-439-833-4. (In Russ.).
- Popova, T. N. (2009). The cognitive aspect of Russian dialect word formation. *Questions of cognitive linguistics, 2 (19)*: 88—97. (In Russ.).

- Popova, T. N. (2008b). Theoretical problems of Russian dialect word formation. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9, 1 (II)*: 193—200. (In Russ.).
- Popova, T. N. (2008a). Word-formation synonymy in Russian dialect word production. *Scientific notes of Kazan State University. Humanities, 150 (6)*: 225—236. (In Russ.).
- Reznichenko, L. V. (2012). Conceptual derivation as the basis for the formation of the meanings of substantive adjectives. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2 / 1: Philology*: 146—154. (In Russ.).
- Shelepova, L. I. (2014). Data of dialects and the history of the Russian word (word-formation and semantic aspects). *Philology and man, 1*: 16—30. (In Russ.).
- Shelepova, L. I. (2012). Dialect word formation and etymology of the Russian word. *Proceedings of the Altai State University, 2 (74) / 2*: 169—174. (In Russ.).
- Svetlova, V. N. (1969). Substantive adjectives in the dialects of the Sverdlovsk and Tyumen regions. *Scientific notes of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute, 96*: 21—31. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2018). Dialects of the Russian North on a common Slavic background. *Scientific notes of Petrozavodsk State University, 6 (175)*: 53—59. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.210. (In Russ.).
- Valentsova, M. M. (2011). Functioning of the category of gender in dialects. *Philological regionalism, 2*: 46—52. (In Russ.).
- Yatskevich, L. G. (2010). *Russian shaping. The processes of degrammaticalization and grammaticalization*. Vologda: VSPU. 280 p. ISBN 978-5-87822-417-8. (In Russ.).

*The article was submitted 19.06.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 10.10.2024.*

Информация для цитирования:

Лю Чжицянь. Древнекитайское стихотворение «Песнь о невесте»: особенности перевода
А. А. Штукина / Лю Чжицянь, Фэн Инъинь // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. —
С. 97—109. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-97-109.

Liu Zhiqiang, Feng Yingyin. (2024). Ancient Chinese Poem “The Song of Bride”: Features
of Translation by A. A. Shtukin. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 97-109. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-
13-8-97-109. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Древнекитайское
стихотворение «Песнь
о невесте»: особенности
перевода А. А. Штукина**

Лю Чжицянь¹

orcid.org/0000-0001-7121-0062
кандидат филологических наук,
доцент
корреспондирующий автор
liu.chzh@just.edu.cn

Фэн Инъинь²

orcid.org/0009-0002-6081-5175
магистрант
fengyingyin@outlook.com

¹Цзянсуский университет науки
и технологий
(Чжэньцзян, Китай)

²Шанхайский университет
иностранных языков
(Шанхай, Китай)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Провинциального фонда
общественных наук Цзянсу
в 2023 году № 23WWB005
«Переводческая рецепция
“Шицзина” в России»

**Ancient Chinese Poem
“The Song of Bride”:
Features of Translation
by A. A. Shtukin**

Liu Zhiqiang¹

orcid.org/0000-0001-7121-0062
PhD in Philology,
Associate Professor
Corresponding author
liu.chzh@just.edu.cn

Feng Yingyin²

orcid.org/0009-0002-6081-5175
Master’s student
fengyingyin@outlook.com

¹Jiangsu University
of Science and Technology
(Zhenjiang, China)

²Shanghai International
Studies University
(Shanghai, China)

Acknowledgments:

This research was conducted
with financial support
from the Jiangsu Provincial
Social Science Fund
in 2023, No. 23WWB005
“Translational Reception
of Shijing’ in Russia”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается перевод А. А. Штукиным стихотворения «Песнь о невесте», входящего в сборник древнекитайских гимнов и песен «Шицзин». Актуальность исследования обусловлена интересом китайских исследователей к качеству перевода китайской поэзии на европейские языки, в частности русский. Отмечается интерес китайских и российских исследователей к переводу книги «Шицзин», так как он различается в зависимости от восприятия иноязычной культуры. Показаны особенности перевода стихотворения «Песнь о невесте» А. А. Штукина в аспекте созданных им образов и языковой специфики. Указывается, что перевод стихов из книги «Шицзин» А. А. Штукиным признан одним из лучших. Анализ перевода выявил следующие особенности: сохранение колорита оригинального произведения за счет растительной метафоры, звуковой, структурной организации текста. Выявлены также и некоторые недостатки в передаче атмосферы древнекитайской лирики в восприятии носителей китайского языка, владеющего еще и русским, перевод отличается от оригинала: недостаточно передает атмосферу древнекитайской лирики, что вполне объяснимо различием в мировосприятии носителей разных языков.

Ключевые слова:

проблемы перевода; А. А. Штукин; Песнь о невесте; Шицзин; древнекитайская поэзия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The translation of A. A. Shtukin's poem "The Song of the Bride", which is part of the collection of ancient Chinese hymns and songs "Shijing", is being considered. The relevance of the study is determined by the interest of Chinese researchers in the quality of translations of Chinese poetry into European languages, particularly Russian. There is noted interest from both Chinese and Russian researchers in the translation of the book "Shijing", as it varies depending on the perception of foreign cultures. The features of A. A. Shtukin's translation of the poem "The Song of the Bride" are highlighted in terms of the images he created and the linguistic specifics. It is pointed out that Shtukin's translation of the poems from "Shijing" is recognized as one of the best. The analysis of the translation revealed the following characteristics: the preservation of the original work's color through botanical metaphors, sound, and structural organization of the text. Some shortcomings in conveying the atmosphere of ancient Chinese lyricism from the perspective of native Chinese speakers who also speak Russian were also identified; the translation differs from the original in that it insufficiently conveys the atmosphere of ancient Chinese lyricism, which can be easily explained by the differences in worldviews among speakers of different languages.

Key words:

problems of translation; A. A. Shtukin; the Song of the Bride; Shijing; Ancient Chinese poetry.

УДК 821.161.1.03=581+81'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-97-109

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Древнекитайское стихотворение «Песнь о невесте»: особенности перевода А. А. Штукина

© Лю Чжицян, Фэн Инъинь, 2024

1. Введение = Introduction

Китайский литературный памятник «Шицзин» (诗经 / буквально: Канон стихов) считается «великолепной отправной точкой в истории развития китайской литературы, демонстрирующей высокий уровень художественного мастерства» [Гу Юй и др., 2023, с. 89]. Его популярность в мировой культуре вписывается в концепцию «живой воды» китайской культуры, которая «вытекает из страны в мир, как наследие, неотделимое от научных достижений отечественных ученых, а также от переводов, комментариев и исследований иностранных синологов и переводчиков, способствуя продвижению китайской культурной традиции в мировые культуры» [Там же].

В современной китайской науке актуален интерес к изучению переводческой манеры того или иного специалиста в области художественного перевода оригинальных китайских произведений, в том числе поэтического сборника «Шицзин», поскольку восприятие иноязычной культуры, особенно древнекитайской, может зависеть от особенностей перевода. Как справедливо отмечают Гу Юй и Сюй Лихун, «культурное взаимодействие между странами и народами представляет собой масштабное явление, но на практике все осуществляется конкретными людьми» [Там же]. Кроме того, современный взгляд на специфику перевода с древнекитайского языка выявляет проблему отсутствия связи между собственно лингвистической интерпретацией (фонологической, грамматической и др.) иноязычной поэзии и филологической (художественной, философской и др.), что сказывается на качестве результатов перевода [Старостин, 2016, с. 8]. Как представляется авторам данного исследования, изучение разных вариантов перевода произведений китайской поэзии, в частности древнекитайской, имеет значение не только для работы над улучшением их качества, оно также помогает в процессе изучения китайцами русского языка понять, как различаются языковые картины мира двух народов.

В данном исследовании мы обращаемся к переводческой работе синолога Алексея Александровича Штукина (1904—1963) — известного

русского востоковеда, который главным научным направлением своей работы считал перевод древнекитайского сборника народных стихов и песен «Шицзин» («Книга песен и гимнов»), содержащего множество свидетельств о культуре, обычаях, быте и языке Древнего Китая. А. А. Штукин сделал первый полный перевод «Шицзин» в России, который был опубликован в 1957 году и стал самым авторитетным русским переводом «Шицзина», признанным российским академическим сообществом.

Цель предлагаемого исследования — выявить своеобразие переводов «Шицзин» А. А. Штукиным в аспекте созданных им образов и языковой специфики на примере стихотворения «Песнь о невесте».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучению переводческого своеобразия текстов «Шицзин» посвящены публикации китайских и российских исследователей [Абраменко, 2012; Бурдонов, 2019; Кобзев, 2018; Кобзев, 2019, Лю Ядин, 2016; Старостин, 2016; Чжао Сяобин и др., 2021 и др.]. Авторы подчеркивают значимость данного произведения в культуре Китая: оно «дает представление о китайской цивилизации» (здесь и далее перевод наш. — *Л. Ч., Ф. И.*) [Ба Инлинь и др., 2022, с. 124] и является «ключом к пониманию истоков зарождения лирических и реалистических традиций китайской поэтики и уникальности литературных жанров» [Чжао Сяобин и др., 2021, с. 25].

В публикациях рассматривается также вклад российских синологов в переводы китайских художественных произведений в целом [Гу Юй и др., 2023; Дацышен, 2021; Ульянов, 2018 и др.] и А. А. Штукина в частности [Баньковская, 1994; Ху Сюэфэн, 2019; Ян Годун и др., 2012 и др.]. Анализируются ботанические и анималистические образы «Шицзин», концепт ЛЮБОВЬ, образ ветра и другие стороны древнекитайского поэтического произведения [Ба Инлинь и др., 2022; Ракитина, 2020; Фан Цзятун и др., 2019 и др.].

Материалом для данного исследования послужило шестое по счету в сборнике стихотворение «Песнь о невесте» в переводе А. А. Штукина [Штукин, 1987], которое обладает уникальной нумерологической структурой и особым эмоциональным содержанием.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Шицзин» как объект перевода и источник информации о Древнем Китае

Каноническое произведение «Шицзин» первоначально было известно в странах азиатского региона. Написанное во времена династии Западная Хань, оно затем получило распространение во Вьетнаме, Корее и Японии.

Так, начиная с XII века появились различные переводы древней поэмы на вьетнамский язык. Ее обширное цитирование, аллюзии на сюжеты и образы «Шицзина», которые использовались во вьетнамских стихах и литературных рассказах, повлияли на развитие вьетнамской литературы, а некоторые идиомы из произведения сохранились и в современном вьетнамском языке. В 958 году корейская династия ввела систему императорских экзаменов и сделала «Шицзин» экзаменационным предметом для учёных. Лекции по «Шицзину» организовывались в Корее на протяжении многих веков, а составление и публикация первого корейского сборника корейских модных мелодий «Цин цю юн янь» в начале XVIII века заложили основы современного поэтического творчества в Корее. В предисловии к изданию говорится, что в процессе составления сборника использовались идеи и опыт Конфуция по составлению «Шицзина». Распространение «Шицзина» не только способствовало развитию корейской культуры, но и оказало глубокое влияние на становление корейской литературы. Корейские писатели заимствовали при создании своих романов и поэм афоризмы из «Шицзина». В Японию первый полный перевод «Шицзина» на японский язык пришел в IX веке. С тех пор полные переводы, переводы отдельных частей и комментарии к ним выходили без перерыва, а переводы, пояснения и анализ китайского шедевра выделились в самостоятельное направление исследований. Развитие японской поэзии было тесно связано с «Шицзином», и поэтическая форма, содержание и стиль находились под глубоким влиянием китайского произведения.

Распространение «Шицзина» в западных странах началось в XVI веке. Текст перевели и привезли в Европу миссионеры, побывавшие в Китае. С начала XIX века европейская синология, сосредоточенная во Франции, начала активно развиваться, что выражалось в том числе в появлении новых переводов «Шицзина», выполненных на основных европейских языках. Метод перевода являлся дискуссионным между школой рифмованного перевода и школой вольного перевода. Немецкий синолог Виктор фон Штраус создал первый и единственный в XIX веке полный перевод «Шицзин» с китайского оригинала на немецкий язык. Это был «более точный поэтический перевод» [Кобзев, 2018, с. 262]: он намного убедительней других переводов того же периода интерпретировал сюжет, учитывал поэтические традиции немецких читателей, был верен оригинальному тексту и в то же время был результатом творческого осмысления исходного текста. Известные переводы на английский язык выполнены представителем школы вольного перевода Джемсом Леггом (1814—1897), английским сиологом Артаром Уэйли (1889—1966), шведским сиологом Бернхардом Карльгреном (1889—1978). В России ещё до революции 1917 года было

сделано более десятка переводов «Шицзина», включая полные и избранные. В советский период, особенно после 1950-х годов, когда китайско-советские отношения и культурный обмен достигли большого прогресса, переводом «Шицзина» и другой древнекитайской литературы занимались специалисты из Академии наук, среди которых наибольший вклад в создание перевода и исследование произведения внесли академики А. А. Штукин (1904—1963) и Н. Т. Федоренко (1912—2000). В 1957 году А. А. Штукин завершил полный русский перевод «Шицзин», который в истории отечественного и европейского Китаеведения стал первым рифмованным переводом. Русский синолог В. М. Алексеев (1881—1951) отметил, что достоинства переводной версии А. А. Штукина являются, во-первых, более точный перевод с китайского, чем предыдущий с английского; во-вторых, в нём соблюдена специфика оригинала при использовании подходящих русских стихотворных ритмов; в-третьих, перевод простой и ясный, легко воспринимается; в-четвёртых, автор имеет свою точку зрения, свободную от переводческих версий предшественников; в-пятых, примечания в основном простые и не громоздки [Алексеев, 1948]. В то же время он указал на некоторые недостатки перевода А. А. Штукина с точки зрения рифмы и ритма. Китайские исследователи отмечают, что «российские синологи пытались воспроизвести первоначальный смысл народных песен и стихов, возвращая произведениям их народный стиль и манеру изложения» [Лю Ядин, 2016, с. 95], что было созвучно новому интерпретационному подходу к толкованию «Шицзина» китайскими учеными в 50-х годах XX века [Там же].

Переводы «Шицзина» на разные языки представляют собой большую культурно-историческую ценность, поскольку позволяют иностранным читателям составить представление о жизни китайского народа, государственном строе, религии и культуре Древнего Китая. Являясь сборником придворных и народных песен и других жанров (более 300 единиц), создание которого связывается с именем Конфуция, «Шицзин» включает в себя энциклопедическую информацию не только о социально-политических и культурных особенностях жизни Китая в указанный период, но и о природных особенностях страны: «Древние китайские поэты умели смешивать эмоции с пейзажем и заменять абстрактные эмоции конкретными вещами, что также формировало выражение культурных образов с китайской спецификой» [Фан Цзятун и др., 2019, с. 96]. Таким образом, «Шицзин» имеет ценность не только как литературный памятник, обладающий выдающимися художественными достоинствами, но и как источник информации о жизни древнего Китая, что важно учитывать в процессе его перевода и анализа.

3.2. Особенности перевода А. А. Штукиным стихотворения «Песни о невесте» из сборника «Шицзин»

3.2.1. Сохранение стиховой организации оригинала

Важными факторами отличия поэзии от других литературных видов произведений являются язык и ритм, организация которых в процессе перевода с китайского на любой европейский язык, в том числе и русский, представляет определенные трудности и в то же время свидетельствует об уровне мастерства переводчика.

Строка «Шицзин» в основном состоит из четырех иероглифов, но может также включать в себя от одного до восьми слов. А. А. Штукин не переводит все строки стихотворения в четыре слова в соответствии с китайским оригиналом, поскольку это практически неосуществимо [Лю Ядин, 2009, с. 199]. Перевод А. А. Штукина основан на установлении соответствия строф оригинального текста и перевода, примером чего может служить «Песнь о невесте». Это стихотворение посвящено девушке, которая вышла замуж. Каждая строка поэтического текста состоит из четырёх иероглифов. Стихотворение имеет характерный ритм, перекрестные рифмы.

«Песнь о невесте»

*Персик прекрасен и нежен весной —
Ярко сверкают, сверкают цветы.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Дом убираешь и горницу ты.*

*Персик прекрасен и нежен весной —
Будут плоды в изобилие на нём.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Горницу ты убираешь и дом.*

*Персик прекрасен и нежен весной —
Пышен убор его листьев густых.
Девушка, в дом ты вступаешь женой —
Учишь порядку домашних своих*

[Штукин, 1987, с. 27].

《桃夭》

*桃之夭夭,
灼灼其华。
之子于归,
宜其室家。*

*桃之夭夭,
有蕢其实。
之子于归,
宜其家室。*

*桃之夭夭,
其叶蓁蓁。
之子于归,
宜其家人*

[Чэн Цзюньин, 2014].

Стройность композиции и мелодичность стиха в переводе обеспечиваются разбивкой текста на три одинаковые по структуре строфы, каждая строка в которых включает слова, в целом составляющие десять слогов в строке. Рифма и ритм — взаимосвязанные явления. Если в конце строки есть рифма, то строфа ощущается как более целостное, завершенное

единство. В «Шицзин» рифма свободная, что затрудняет перевод, при этом в его процессе Штукин сохранил ритм и рифму стихотворения близкими к оригиналу, внося небольшие изменения в соответствии с мелодикой российской поэзии. Оригинальное стихотворение рифмуется чередующимися строками, то есть четные строки рифмуются, нечетные — нет, рифма a-b-c-b. Во всем поэтическом тексте рифма меняется три раза, в первой строфе рифма -a, во второй -i, в третьей -en.

Для переключки с оригинальным текстом переводчик выбрал перекрёстную рифму a-b-a-b. Во всех трех строфах первая и третья строки рифмуются путем повтора строк в целом и созвучия окончаний «весной — женой» в частности. Повторение рифмованных строк в каждой строфе перекликается с организацией рифмы оригинального текста и в то же время соответствует привычному восприятию поэтической речи русским читателем.

В процессе перевода А. А. Штукин сохранил верность оригинальному тексту и в отношении стихотворного размера, внося небольшие изменения:

«Песнь о невесте»

*Персик пре/красен и /нежен вес/ной
Ярко свер/кают, свер/кают цве/ты.
Девушка, /в дом ты сту/паешь же/ной —
Дом уби/раешь и /горницу /ты.*

*Персик пре/красен и /нежен вес/ной —
Будут пло/ды в изо/билье на /нём.
Девушка, /в дом ты всту/паешь же/ной —
Горницу /ты уби/раешь и /дом.*

*Персик пре/красен и /нежен вес/ной,
Пышен у/бор его /листьев гус/тых.
Девушка, /в дом ты всту/паешь же/ной —
Учишь по/рядку до/машних сво/их.*

《桃夭》

桃之夭夭,
灼灼其华。
之子于归,
宜其室家。

桃之夭夭,
有蕢其实。
之子于归,
宜其家室。

桃之夭夭,
其叶蓁蓁。
之子于归,
宜其家人。

В переводе используется трёхсложный размер — дактиль, где три слога соответствуют одному китайскому иероглифу, а четыре стопы в строке — четырем китайским иероглифам в оригинале. Последний слог каждой строки перевода — ударный, что делает весь текст ритмичным и звонким.

В результате А. А. Штукиным соблюдены особенности оригинальных строк и строф, предпринята попытка передать стихотворный размер оригинала, максимально сохранены содержание и стилистика оригинальных стихов. Однако всё же в восприятии носителей китайского языка, владеющих еще и русским, перевод отличается от оригинала: он недостаточно

передает атмосферу древнекитайской лирики, что вполне объяснимо различием в мировосприятии носителей разных языков.

3.2.2. Образы стихотворения «Песнь о невесте»

История «Песни о невесте» рассказывает о принцессе из династии Чжоу, которую выдали замуж за феодала, и на торжественной и пышной свадьбе придворный музыкант исполнил свадебный гимн, центральным образом которого стал персик. Стихотворение основывается на сравнении персикового дерева, его цветов и листьев, появляющихся весной (время свадеб), прекрасных и нежных, с молодой невестой, которая, становясь женой, начинает новую жизнь: она становится хозяйкой, которая будет заботиться о доме и о своей семье. Как отмечает Фан Цзятун, данный образ впоследствии встречается в древнекитайской литературе: «Красивый и чарующий цветок персика с древних времен часто использовался в качестве метафоры красоты женщины» [Фан Цзятун, 2021, с. 21]. Красота персика символизирует красоту невесты (*Ярко сверкают, сверкают цветы*). Помимо этого, плоды дерева явственно выступают символом «плодовитости» — рождения в будущем детей (*Будут плоды в изобилие на нём*). Счастье, благополучие в браке связывается с пышной листвой персикового дерева (*Пышен убор его листьев густых*). Таким образом, А. А. Штукин в значительной степени сохранил растительную метафорику оригинала, благодаря чему русский перевод этого фрагмента «Шицзина» отражает колорит древнекитайской культуры, в которой, являясь важной чертой поэзии, «растения используются в качестве метафор для людей и вещей» (ср.: в «Шицзин» более 160 языковых единиц, называющих растения) [Фан Цзятун и др., 2019, с. 97]. В то же время переводчик изменил оригинальное название стихотворения «桃夭» / («Персик нежен»), которое отражает ключевой образ произведения, на «Песнь о невесте» [Кобзев, 2018, с. 295], что более соответствует русскоязычной традиции подобных народных произведений. Очевидно, что название отражает представление Штукина о центральном образе — красивой женщине, тогда как А. И. Кобзев отмечает, что «уместнее тут было бы отметить, что он символизирует супружество, плодородие и весну» [Там же, с. 296].

В процессе перевода стихотворения А. А. Штукин стремится избегать излишних преобразований. Он сохраняет стиль и выразительность оригинальной работы, в то же время добиваясь гармоничного для русскоязычного читателя восприятия. Так, последние строки первой и второй строфы, сохраняя одинаковый смысл, имеют разный порядок слов (*Дом убираешь и горницу ты ... Горницу ты убираешь и дом*). Инверсия второго предложения обусловлена рифмой. В третьей строфе перевода последняя строка имеет тот же смысл — ответственности за ведение дома молодой жены как

хозяйки (*Учишь порядку домашних своих*). Переводчик, таким образом, сохраняет экспрессию последнего предложения оригинала, состоящего только из одного слова.

Кроме того, в оригинальном тексте используется несколько пересекающихся слов: «Яо ... Яо», «Цжо ... Цжо», «Чжэнь ... Чжэнь». Повтор призван подчеркнуть свойства цветов и листьев персика (*прекрасен, нежен, ярко, пышен, густой*), он задает лёгкий и светлый тон всему стихотворению. Данный стилистический приём пересекающихся слов, уникальный для древнекитайской литературы, придает особое очарование древнекитайской поэзии, однако его сложно использовать в переводе на иностранный язык. А. А. Штукин решил эту задачу, используя повторение глагола «сверкают, сверкают» как эквивалент экспрессивной редупликации китайских слов «Цжо ... Цжо». Соединение двух трехсложных глаголов придает ритмичность переводу, сохраняя колорит древнекитайской стилистики. Как отмечают Фан Цзятун и Ян Жун, «древнекитайские поэты умели смешивать эмоции с пейзажем и передавать абстрактные эмоции через конкретные понятия, что создавало специфику китайской поэзии» и одновременно обуславливало сложность переложения на иностранный язык, так как переводчик не мог ограничиться простым подбором аналогов для китайских слов [Фан Цзятун и др., 2019, с. 96].

В целом перевод «Шицзин» А. А. Штукиным можно назвать натурализованным переводом. Этот вид перевода означает, что, несмотря на внесенные в текст изменения в соответствии с особенностями языка-реципиента, переводной вариант сохраняет национально-культурный колорит оригинала и в то же время остается понятным читателю.

4. Заключение = Conclusions

Русский перевод «Шицзин» А. А. Штукина является первым полным переводом в истории российской китаеведения, и мы согласны с мнением исследователей, считающих, что он может быть назван ориентиром для изучения особенностей перевода «Шицзина» последующими поколениями российских китаеведов. Кроме того, мы полагаем, что переводы Штукина могут использоваться в процессе изучения русского и китайского языков в сопоставительном аспекте.

В переводе стихотворения «Песнь о невесте» в первую очередь обращает на себя внимание стиль текста: язык перевода в исполнении А. А. Штукина легок для восприятия русскоязычными читателями и в то же время близок художественной концепции оригинального текста, сохраняет древнекитайский колорит. Соответствие строф оригинального текста и перевода, ритмическая организация и рифма создают мелодичность сти-

хотворения. Для этого же используется прием инверсии и пересекающихся ключевых слов. Штукин сохраняет и метафорику текста — образ персика как символ красивой молодой женщины, ставшей женой, хотя, как считают некоторые исследователи, этот образ скорее связан с древнекитайскими представлениями о благополучии семьи. В восприятии носителя китайского языка перевод древнекитайской поэзии на русский язык не передает в точности культурных образов и изысканных фраз оригинала в силу лингвокультурных, фонетических и иных различий.

Между тем переводы древнекитайской литературы (в частности, «Шицзин» в версии А. А. Штукина) оказали глубокое влияние на западное синологическое сообщество, предоставив западным читателям возможность лучше понять и оценить сокровища древнекитайской литературы, переводы которой, бесспорно, имеют широкие перспективы исследования.

Заявленный вклад авторов: Лю Чжицян — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы. Фэн Иньбинь — анализ материала; обзор литературы по тематике статьи; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Liu Zhiqiang — scientific supervision; research concept; development of methodology; text revision; final conclusions. Feng Yingyin — material analysis; literature review on the topic of the article; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Чэн Цзюньин. Перевод и аннотации «Шицзина» / Чэн Цзюньин. — Пекин : Шанхайское издательство древних книг, 2014. — С. 61—62 (程俊英. 诗经译注. 北京 : 上海古籍出版社, 2014. 61—62).
2. Штукин А. А. Шицзин : Книга песен и гимнов / А. А. Штукин. — Москва : Художественная литература, 1987. — 352 с.

Литература

1. Абраменко В. П. «Ши цзин» : песни древнего Китая. Человек и культура Востока / В. П. Абраменко // Исследования и переводы. — 2012. — Т. 1. — № 3. — С. 70—71.
2. Алексеев В. М. Предпосылки к русскому переводу китайской древней канонической книги «Шицзин» («Поэзия») / В. М. Алексеев // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — 1948. — Т. VII. — Выпуск 3. — С. 271—272.
3. Баньковская М. В. «Ши цзин» и Судьба : к 90-летию со дня рождения А. А. Штукина / М. В. Баньковская. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1994. — Выпуск 6. — С. 579—614.
4. Ба Инлинь. Сравнительное исследование перевода образов «ветра» в двух русских переводах «Шицзин» / Ба Инлинь, Ян Жуй // Сотня проз (Теория). — 2022. — № 4. — С. 124—136 (巴樱霖 杨蕊. 《诗经》双俄译本中“风”意象翻译对比研究. 2022. (04). 124—126).

5. Бурдонов И. Б. «Центральное» стихотворение Шицзина / И. Б. Бурдонов // Общество и государство в Китае. — 2019. — № 49 (2). — С. 311—328.
6. Гу Юй. Российские синологи и их вклад в перевод китайской поэзии / Гу Юй, Сюй Лихун // Русистика без границ. — 2023. — Т. 7. — № 4. — С. 87—98.
7. Дацышен В. Г. Проблемы Советского Китаеведения во второй половине 1940-х гг. / В. Г. Дацышен // Modern oriental studies. — 2021. — № 3 (4). — С. 591—609.
8. Кобзев А. И. Старые проблемы и новый перевод «Ши цзина» / А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае. — 2018. — № 48 (2). — С. 261—331.
9. Кобзев А. И. Секреты «скрученных ушей» / А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае. — 2019. — № 49 (1). — С. 399—441.
10. Лю Ядин. Анализ переводов «Шицзина» на русский язык. Человек и культура Востока / Лю Ядин // Исследования и переводы. — 2016. — Т. 1. — № 5. — С. 89—104.
11. Лю Ядин. Анализ переводов «Шицзина» на русский язык / Лю Ядин // Исследования китайской культуры. — 2009. — № 4. — С. 194—200 (刘亚丁. 异域风雅颂新声 苦辛甘—《诗经》俄文翻译初探. 中国文化研究. 2009. (04). 194—200).
12. Орлова Н. А. «Голос из древности»? (о новом переводе «Ши цзина») / Н. А. Орлова, А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае. — 2016. — № 46 (2). — С. 418—452.
13. Ракина М. И. Образно-символическая составляющая лингвокультурного концепта любовь (на материале китайский народных песен «Шицзин») / М. И. Ракина // Национальная ассоциация ученых. — 2020. — № 60—1 (60). — С. 43—45.
14. Старостин Г. С. Древнекитайская поэтическая антология «Шицзин» и проблема лингвофилологического комментирования / Г. С. Старостин // Шаги/Steps. — 2016. — № 2 (2—3). — С. 7—39.
15. Ульянов М. Ю. Древний Китай в работах советских Китаеведов 20—30 гг. XX в. / М. Ю. Ульянов // Общество и государство в Китае. — 2018. — № 48 (2). — С. 154—194.
16. Фан Цзятун. Предварительное исследование русского перевода ботанических образов в переводе «Шицзин·Нравы Царств» А. А. Штукин / Фан Цзятун, Ян Жуй // Экономика и культура приграничья. — 2019. — № 06. — С. 96—99 (房佳潼, 杨蕊. 施图金版《诗经·国风》中植物意象俄译初探. 边疆经济与文化. 2019. (06). 96—99).
17. Ху Сюёфэн. Исследование перевода животных образов в русской переводе «Шицзин» А. А. Штукина / Ху Сюёфэн, Ян Жуй // Экономика и культура приграничья. — 2019. — № 10. — С. 103—105 (胡雪峰, 杨蕊. (2019). 施图金俄译版本《诗经》中动物意象翻译研究. 边疆经济与文化. 2019. (10). 103—105).
18. Чжао Сяобин. К вопросу о значимости китайского канона поэзии «Шицзин» / Чжао Сяобин, Чжао Вэньцин // Гуманитарный вектор. — 2021. — Т. 16. — № 1. — С. 25—34. — DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-25-34.
19. Янь Годун. Перевод и изучение «Шицзина» в России / Янь Годун, Чжан Шуцзюань // Фронт социальных наук. — 2012. — № 3. — С. 140—146 (阎国栋, 张淑娟. 俄罗斯的《诗经》翻译与研究. 社会科学战线. 2012. (03). 140—146).

Статья поступила в редакцию 15.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.08.2024,
подготовлена к публикации 05.10.2024.

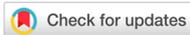
Material resources

Shtukin, A. A. (1987). *Shijin: The Book of songs and hymns*. Moscow: Fiction. 352 p. (In Russ.).
The Chinese version of the poem. (In Russ.).

References

- Abramenko, V. P. (2012). “Shi Jing”: songs of ancient China. Man and culture of the East. *Research and translations, 1 (3)*: 70—71. (In Russ.).
- Alekseev, V. M. (1948). Prerequisites for the Russian translation of the Chinese ancient canonical book “Shijing” (“Poetry”). *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language, 7 (3)*: 271—272. (In Russ.).
- Ba Yinglin, Rui. (2022). Comparative study of the translation of the images of the “wind” in two Russian translations of “Shijing”. *A hundred prose (Theory), 4*: 124—136. (In Chin.).
- Bankovskaya, M. V. (1994). “Shi Jing” and Fate: to the 90th anniversary of the birth of A. A. Shtukin, 6. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 579—614. (In Russ.).
- Burdonov, I. B. (2019). The “Central” poem of Shijin. *Society and the state in China, 49 (2)*: 311—328. (In Russ.).
- Datsyshen, V. G. (2021). Problems of Soviet Sinology in the second half of the 1940s. *Modern oriental studies, 3 (4)*: 591—609. (In Russ.).
- Fan Jiatong, Yang Rui. (2019). Preliminary study of the Russian translation of botanical images in the translation of “Shijing·Mores of Kingdoms” by A. A. Shtukin. *Economy and culture of the border region, 06*: 96—99 (In Chin.).
- Gu Yu, Xu Lihong. (2023). Russian Sinologists and their contribution to the translation of Chinese poetry. *Rusistics without borders, 7 (4)*: 87—98. (In Russ.).
- Hu Xuefeng, Yang Rui. (2019). Research on the translation of animal images in the Russian translation of “Shijing” by A. A. Shtukin. *Economy and culture of the border region, 10*: 103—105. (In Chin.).
- Kobzev, A. I. (2019). Old problems and a new translation of “Shi Jing”. *Society and the state in China, 48 (2)*: 261—331. (In Russ.).
- Kobzev, A. I. (2019). Secrets of “twisted ears”. *Society and the state in China, 49 (1)*: 399—441. (In Russ.).
- Liu Yadin. (2016). Analysis of translations of “Shijin” into Russian. Man and culture of the East. *Research and translations, 1 (5)*: 89—104. (In Russ.).
- Liu Yading. (2009). Analysis of translations of “Shijing” into Russian. *Studies of Chinese culture, 4*: 194—200. (In Chin.).
- Orlova, N. A., Kobzev, A. I. (2016). “A voice from antiquity”? (about the new translation of “Shi Jing”). *Society and the state in China, 46 (2)*: 418—452. (In Russ.).
- Rakitina, M. I. (2020). The figurative and symbolic component of the linguistic and cultural concept of love (based on the material of Chinese folk songs “Shijing”). *National Association of Scientists, 60—1 (60)*: 43—45. (In Russ.).
- Starostin, G. S. (2016). Ancient Chinese poetic anthology “Shijing” and the problem of linguophilological commentary. *Steps/Steps, 2 (2—3)*: 7—39. (In Russ.).
- Ulyanov, M. Yu. (2018). Ancient China in the works of Soviet sinologists 20—30 years XX century. *Society and the state in China, 48 (2)*: 154—194. (In Russ.).
- Yan Godong, Zhang Shujuan. (2012). Translation and study of “Shijing” in Russia. *Front of Social Sciences, 3*: 140—146. (In Chin.).
- Zhao Xiaobing, Zhao Wenqing. (2021). On the question of the significance of the Chinese canon of poetry “Shijing”. *Humanitarian Vector, 16 (1)*: 25—34. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-1-25-34. (In Russ.).

The article was submitted 15.06.2024;
approved after reviewing 25.08.2024;
accepted for publication 05.10.2024.

Информация для цитирования:

Mikheeva N. F. Крашенная вода, стриженный кофе и твердый суп : этимология «съедобных ловушек» испанского языка в контексте коммуникативных трудностей / Н. Ф. Михеева, Е. А. Попова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 110—128. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-110-128.

Mikheeva, N. F., Popova, E. A. (2024). Colored Water, Trimmed Coffee, and Solid Soup: Etymology of “Edible Traps” in Spanish in Context of Communicative Difficulties. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 110-128. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-110-128. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Крашенная вода,
стриженный кофе и твердый
суп: этимология «съедобных
ловушек» испанского языка
в контексте
коммуникативных
трудностей**

Михеева Наталья Федоровна¹

orcid.org/0000-0002-0764-2271

доктор филологических наук,
профессор,

Институт иностранных языков,
корреспондирующий автор
mikheeva_rudn@mail.ru

Попова Евгения Андреевна²

orcid.org/0000-0002-1056-5406

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры подготовки
преподавателей редких языков
o-genia@yandex.ru

¹ Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

² Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

**Colored Water, Trimmed
Coffee, and Solid Soup:
Etymology of “Edible Traps”
in Spanish in Context
of Communicative Difficulties**

Natalya F. Mikheeva¹

orcid.org/0000-0002-0764-2271

Doctor of Philology, Professor,
Institute of Foreign Languages,
corresponding author

mikheeva_rudn@mail.ru

Evgeniya A. Popova²

orcid.org/0000-0002-1056-5406

PhD of Philology, Associate Professor,
Department of Rare Languages
Teacher Training
o-genia@yandex.ru

¹ Peoples’ Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

² Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются такие источники коммуникативных трудностей, как межвариантная полисемия и межвариантная омонимия, на материале функционирующих в испанском языке лексем тезауруса ПИЩА, обозначающих жидкие продукты питания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения алиментарной семантики в национальных вариантах испанского языка в русле полилога культур. Новизна исследования видится в том, что путем семантического, этимологического и лингвокультурологического анализа становления значений исследуемых лексем и устойчивых сочетаний на их основе в разных испаноязычных странах выявляются трудности в межкультурном общении с целью эффективного введения соответствующего вокабуляра на занятиях по испанскому языку в вузах. Особое внимание уделяется влиянию экстралингвистических оснований коммуникативных трудностей в полинациональном языке. Делается вывод о том, что развитие семантики межвариантных омонимов в первую очередь напрямую зависит от исторического фактора, а знание отличий в значениях ядерных компонентов семантических полей пищи в разных национальных вариантах испанского языка способствует снятию коммуникативных барьеров и предупреждению неудач в общении. Основными перспективами исследования представляются прагмасемантическое структурирование межвариантного алиментарного тезауруса в исследуемом языке и применение полученных результатов в лингводидактике.

Ключевые слова:

испанский язык; пища; коммуникативные трудности; этимология; межвариантная полисемия; межвариантная омонимия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores sources of communicative difficulties such as inter-variant polysemy and inter-variant homonymy, focusing on lexemes from the Spanish thesaurus FOOD that denote liquid food products. The relevance of this study is grounded in the necessity for a comprehensive analysis of alimentary semantics within the national variants of the Spanish language in the context of cultural dialogue. The novelty of the research lies in identifying challenges in intercultural communication through semantic, etymological, and linguocultural analyses of the meanings of the examined lexemes and their stable combinations across different Spanish-speaking countries. Particular attention is given to the influence of extralinguistic factors on communicative difficulties within a multinational language. The findings suggest that the development of semantics for inter-variant homonyms primarily depends on historical factors, and understanding the differences in meanings of core components within semantic fields related to food in various national variants of Spanish can help alleviate communicative barriers and prevent misunderstandings. Future research perspectives include pragmasemantic structuring of the inter-variant alimentary thesaurus in the target language and applying the results to language teaching.

Key words:

Spanish language; food; communicative difficulties; etymology; inter-variant polysemy; inter-variant homonymy.

УДК 811.134.2:373.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-110-128

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Крашенная вода, стриженный кофе и твердый суп: этимология «съедобных ловушек» испанского языка в контексте коммуникативных трудностей

© Михеева Н. Ф., Попова Е. А., 2024

1. Введение = Introduction

Необходимость работы с межвариантными характеристиками полинационального испанского языка на лексико-фразеологическом уровне в видах разной профессиональной направленности не подлежит сомнению, поскольку значительные расхождения в лексике разных испаноязычных стран могут привести к непониманию или недопониманию в коммуникации, а знание хотя бы ряда наиболее частотно встречающихся в межкультурном общении региональных особенностей позволяет избежать неловких ситуаций. На наш взгляд, отбор межвариантного лексического материала для занятий может эффективно осуществляться в рамках проблематики коммуникативных трудностей, поскольку «при изучении иностранных языков необходимо научить студента понимать причины, определять факторы, усложняющие ведение межкультурного взаимодействия, и находить адекватное решение трудной коммуникативной задачи» [Орехова и др., 2019, с. 74].

Неизбежность трудностей, неудач и конфликтов в межкультурной коммуникации напрямую связана с основной задачей ее участников — «суметь увидеть не только новые, неизвестные предметы и явления, но и — самое трудное! — “старые”, “знакомые” ... извилины и ямы-ловушки» [Тер-Минасова, 2008, с. 148]. Преподавание межвариантных особенностей испанской лексики, на наш взгляд, требует комплексного прагма-семантического подхода, который предполагает воссоздание частотных коммуникативных ситуаций в среде потенциального общения, и — в связи с этим — тщательного предварительного анализа преподавателем изучаемого вокабуляра по семантическим группам с целью снятия возможных проблем в общении.

В настоящей статье рассматривается исторический фактор семантического разнообразия лексем, входящих в тезаурус ПИЩА (терминологи-

гия Е. М. Кирсановой), в пиренейском и ряде латиноамериканских национальных вариантов испанского языка, поскольку пища выступает как биологическим, так и культурным фундаментом человеческого бытия. При универсальности данной категории, она сохраняет традиционные, культурообусловленные черты для каждого этноса. С особенностями питания «неразрывно связаны представления народа о его месте в системе мироздания» [Кирсанова, 2009, с. 11], которые не только находят отражение в национальных языках, но и ярко проявляются в разных вариантах одного языка — полинационального.

Лексика с алиментарной семантикой постоянно используется в ситуациях повседневного общения (покупка продуктов питания, приготовление пищи, заказ блюд в кафе и др.). В связи с этим в качестве предмета исследования мы выбрали ядерные компоненты базовых семантических полей указанного тезауруса со значением жидких продуктов питания — кофе, вино, молоко, суп.

Цель статьи — выявить лексемы в составе указанных полей, подверженные влиянию межвариантной полисемии и омонимии в силу исторических причин, в связи с чем основными методами исследования выступают лингвокультурологический и этимологический анализ их значений. Знание происхождения внешне идентичных языковых единиц в разных испаноязычных странах способствует предупреждению трудностей и неудач в межкультурном взаимодействии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование коммуникативных трудностей остается актуальным междисциплинарным направлением, поскольку цели и задачи межкультурной коммуникации лежат не только в плоскости языкознания. В последние десятилетия в отечественной науке, помимо работ, в которых указанная проблематика рассматривается в аспекте прагмалингвистики (см., например, [Формановская, 2002, 2014; Хисамова, 2008]) и лингвокультурологии [Тер-Минасова, 2008; Корнилов, 2011; Ларина, 2013], коммуникативные трудности изучаются психологами [Самохвалова, 2014; Орехова и др., 2019], специалистами в области педагогики и лингводидактики (одной из самых известных является коллективная монография под ред. Е. Г. Таревой [Тарева и др., 2014]), чем обусловлено разнообразие их классификаций.

Для выявления коммуникативных трудностей, с которыми студент, изучающий испанский язык, может столкнуться в связи с вариативностью значений алиментарной лексики в испаноязычных странах, обратимся к определению данного понятия. В наиболее общем виде оно трактуется как «различной силы и степени выраженности объективные или субъек-

тивно переживаемые препятствия коммуникации, нарушающие внутреннее равновесие субъекта(ов) общения, усложняющие межличностные отношения, требующие внутренних усилий, направленных на их преодоление» [Самохвалова, 2014, с. 97]. Из данного определения следует широкая классификация трудностей О. Н. Годовой, включающая психофизиологические, информационные, социокультурные, волевые, лингвистические, личностные, мотивационные, макро- и микросоциальные, ценностно-смысловые и др. [Годовая, 2015].

В фокусе нашего внимания находится более узкая трактовка термина, связанная непосредственно с предметом и задачами исследования. Под коммуникативными трудностями, вслед за С. Г. Тер-Минасовой, мы понимаем «языковые и социокультурные сложности, с которыми приходится сталкиваться при общении на иностранных языках» [Тер-Минасова, 2008, с. 122]. Эти трудности могут быть связаны с рядом лингвопрагматических факторов, таких как структура сообщения, различия в языковых системах и картинах мира участников коммуникации, а также с особенностями жизни того или иного общества. Важно отметить, что коммуникативные трудности не всегда приводят к сбоям в общении, отличаясь тем самым от феномена коммуникативной неудачи. В рамках настоящего исследования мы разделяем их на собственно языковые и социокультурные (культурно-языковые), причем в обоих видах можно выделить очевидные и скрытые сложности. Межвариантные явления парадигматического типа (синонимия, полисемия, омонимия) мы относим к скрытым языковым трудностям.

Изучению межвариантных особенностей языковых явлений в испанском языке посвящены многочисленные работы Н. М. Фирсовой [Фирсова, 2007, 2012, 2017], Н. Ф. Михеевой [Михеева, 2006; Михеева, 2023], О. С. Чесноковой [Чеснокова, 2021; Чеснокова, 2021a]. Среди недавних исследований на испанском языке выделим монографии Ф. Маркос-Марина и А. де Мигеля [Marcos-Marín et al., 2009], Ф. Морено Фернандеса [Moreno Fernández, 2018] и Л. Понс-Родригес [Pons Rodríguez, 2021].

Согласно классификации Е. М. Кирсановой, языковые единицы, входящие в состав алиментарного тезауруса, независимо от языка, наиболее многочисленны и частотны в силу естественных причин [Кирсанова, 2009]. Настоящая статья является продолжением работы ее авторов по комплексному прагмасемантическому моделированию такого тезауруса (как совокупности семантических полей) в межвариантном аспекте испанского языка. Указанный процесс помимо этимологического и культурологического включает компонентный анализ, методы семантической классификации лексики и структурирования семантических полей. К уже имеющимся результатам в данной области относятся несколько статей Е. А. Поповой,

посвященных формированию семантического поля «Кофе» в национальных вариантах исследуемого языка (например, [Попова, 2019]), и статья Н. Ф. Михеевой и соавторов, в которой с точки зрения межвариантной синонимии, полисемии и омонимии подробно описано семантическое поле «Выпечка» [Михеева и др., 2022].

Материалом исследования послужили ресурсы Испанской королевской академии — Толковый словарь испанского языка (DRAE), Словарь американизмов (RAE amer), Корпус исторического словаря (CDH) и Корпус современного испанского языка (CREA), а также межвариантный тематический словарь частотной лексики Испании и Латинской Америки под ред. А. Молеро [Molero, 2008]. Этимологический анализ лексем также проводился с помощью словаря DECEL (этимологический онлайн-словарь испанского языка), а толкования единиц в национальных вариантах испанского языка извлечены из словаря испаноамериканизмов под ред. Р. Ришара [Richard et al., 2006].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Кофе и вино в синхронии и диахронии

Классическим примером межвариантного несоответствия, который приводят как ученые-испанисты, так и преподаватели на занятиях по межкультурной коммуникации, является просьба (*Sírvame un tinto, por favor*, в ответ на которую в Испании говорящий получит бокал красного вина, а в Колумбии и ряде других стран Латинской Америки — чашку черного кофе (без молока и сахара). Исследователи колумбийской культуры приравнивают приглашения ¿*Tomemos un tinto?* («Выпьем чашечку кофе?»), ¿*Tinto o qué?* («Ну что, кофе?»), ¿*Un tinticoo?* («Кофейкуу?») к началу неспешной беседы. Если американцы и многие европейцы воспринимают перерыв на кофе как краткосрочную паузу, то для колумбийцев (и для испаноязычных культур в целом), напротив, выпить кофе означает в приятной атмосфере непринужденно пообщаться с родными и близкими (подробнее см.: [Чеснокова, 2021а; Синицына, 2017; Синицына, 2019]).

Значение «черный кофе» для *tinto* известно и в других испаноязычных странах — Венесуэле, Доминиканской Республике, Эквадоре, однако семантический компонент «крепости» напитка (*concentrado / cargado*), как утверждает Толковый словарь Королевской академии испанского языка, характерен для Доминиканы и Венесуэлы, тогда как в Колумбии и Эквадоре — это некрепкий черный кофе, сваренный / заваренный из смеси сортов — *infusión de café* [DRAE]. Колумбийцы находят следующее объяснение как особенностям их напитка, так и его названию: исторически первоначально жители употребляли смесь разных сортов кофе в целях эко-

номии, а рост цен на продукт способствовал тому, что кофе начали больше разбавлять водой: «Речь идет о “крашеной воде” — *agua tinta*; не стоит считать это выражение уничижительным — в конце концов, именно фильтрованный, залитый водой молотый кофе эту воду “красит”. Наша страна не винодельческая, но мы выращиваем кое-что другое; мы обожаем кофе, и наши плоды (ягоды кофе, растущего на плантациях) проходят определенные процессы, которые свойственны и винограду, в результате чего получается наше собственное “вино” — черный кофе» [Múnera, 2019] (Цит. по: [Попова, 2019, с. 135]).

Возвращаясь к испанскому значению *tinto*, подчеркнем, что в связи с его особенностями именно для Испании характерно устойчивое сочетание *tinto de verano* (букв. «летнее красное вино»), которое обозначает прохладительный напиток, состоящий из вина и лимонада (сладкой газированной воды с лимоном) *gaseosa* (чаще подается со льдом). В данном случае к лингвистическому фактору коммуникативных трудностей добавляется скрытый социокультурный: *tinto de verano* принято заказывать в барах с мая по сентябрь в связи с погодными условиями. Приведем пример недопонимания, которое может возникнуть у человека, незнакомого с таким негласным правилом, из книги «Postureo español», представляющую собой своеобразный «гид» по испанским стереотипам [Pérez-Taberneo et al., 2021]:

[*En mayo*] van subiendo las temperaturas y ya es legal pedirse **un tinto de verano sin que nadie te diga**: — ¿UN TINTO? ¡ESO NO PEGA NADA AHORA, QUE HACE FRÍO! (A. Pérez-Taberneo, P. Marín, *Postureo español*). — [В мае] температура воздуха поднимается, теперь можно на законных основаниях попросить себе **коктейль из вина с газировкой и льдом** — и никто тебе не скажет: «**ВИНО СО ЛЬДОМ? ДА ТАКОЕ СЕЙЧАС НИКТО НЕ ДЕЛАЕТ, ХОЛОДНО ЖЕ!**» (здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — *Н. М., Е. П.*).

Отметим, что в книге ответ бармена не только записан заглавными буквами, но и вынесен в отдельный абзац, что подчеркивает его удивление и возмущение несоблюдением традиций. Подобные аутентичные ситуации общения можно использовать на занятиях со студентами с целью разбора экстралингвистических, культурно обусловленных причин коммуникативных трудностей и неудач.

Таким образом, основным фактором межвариантной полисемии лексемы *tinto* можно считать ее происхождение: согласно этимологическому словарю, корень *tint-* восходит к латинскому *tinctus* («крашенный») и далее — к индоевропейскому **teng-* («погружать»), то есть *tinto* изначально обозначало нечто, погруженное в краску, некий крашенный объект [DECEL]. Интересно отметить, что дериватом *tintero* в Испании называют чер-

нильницу, а в Колумбии — кофейник, что вскрывает связь значений через общность корневой морфемы.

Стоит также упомянуть, что в ряде стран Латинской Америки (Колумбия, Коста-Рика, Куба, Никарагуа и др.) плоды кофе (кофейные ягоды) называются *cereza* (в Испании — «черешня»), о чем свидетельствуют дефиниции словарей RAЕ amer и Р. Ришара. Обратимся к нескольким примерам из художественной литературы, найденным в корпусе [CREA]:

(1) *Cuando algún obrero inexperto no rebuscaba bien en el ramaje obligábale el mayordomo a retroceder y arrancar las cerezas maduras que olvidaba* (М. Zeno Gandía, *La Charca*). — Когда неопытный работник плохо «обysкивал» ветки, дворецкий заставлял его вернуться и собрать спелые **ягоды**, которые тот забыл.

(2) *El camastro se volteaba en ángulo inclinado hacia la pila que recibía en lluvia continua las cerezas del café, sin necesidad ninguna de manipulación* (S. Ramírez, *Un baile de máscaras*). — Убогое ложе наклонялось в сторону кучи, куда непрерывным дождем сыпались **кофейные ягоды**, не нуждаясь в иных действиях.

(3) *Cuando llega del cafetal se dice que es café en cereza* (Н. Muñoz, *Cuentos con sabor a espanto de gentes sencillas*). — Когда кофе привозят с кофейной плантации, он считается **зрелым**.

В первом примере адекватным переводом представляется гипероним «ягода», поскольку из общего контекста ясно, что речь идет именно о кофе (действие происходит на кофейной плантации). Во втором примере используется дословный перевод «кофейные ягоды», тогда как в третьем для сочетания *en cereza* возможен исключительно перевод с помощью прилагательного — «спелый», «зрелый». Словарь американизмов рекомендует использовать указанное выражение именно для кофе [RAЕ amer]. Подчеркнем, что во всех приведенных примерах прослеживается метафора, основанием которой является внешнее сходство ягод кофе и черешни.

3.2. «Кофейные» трудности в рамках семантического поля

В «продуктовой корзине» многонационального испанского языка существует немало случаев межвариантной полисемии, когда одна и та же единица со значением пищи, в силу исторических причин, передает настолько различные смыслы в испаноязычных странах, что угадать их, не зная точно, практически невозможно. С этой точки зрения интересна лексема *guarapo* — венесуэльский аналог колумбийского *tinto*. Как было отмечено выше, в Венесуэле *tinto* — это крепкий, насыщенный кофе, тогда как *guarapo* — кофе, разбавленный водой (в данном случае уместно сравнение количества воды в хорошо известных нам эспрессо и американо). В то же время на Кубе указанная лексическая единица обозначает сок или вино

(перебродивший сок) из сахарного тростника, в Мексике — перебродивший ананасовый сок, а в Пуэрто-Рико — сбор из трав, который заваривают в медицинских целях (последнее значение характерно и для Венесуэлы). Кроме того, диминутивная форма для венесуэльского кофе — *guarapillo*, а для травяного «чая» — *guarapito* [Richard et al., 2006, с. 275].

Причину межвариантных несоответствий можно найти в разных источниках происхождения слова. Венесуэльское *guarapo* — сокращение от *aguarapado*, причастия, буквально означающего «стриженный водой». Таким образом, в основе значения лексемы лежит образ, который сложился у венесуэльского народа для кофе, не обладающего серьезной крепостью. Похожая метафора прослеживается и в Испании, поскольку пиренейское выражение *café cortado* также буквально переводится как «обрезанный», то есть разбавленный (совсем немного) кофе, но не водой, а молоком.

Онлайн-словарь венесуэльского испанского языка предлагает в качестве синонима для *guarapo* сочетание *café aguado* («кофе, разбавленный водой»), не имеющее отрицательных ассоциаций [Diccionario venezolano]. В то же время для носителей других национальных вариантов испанского языка данное сочетание обладает негативными коннотациями: на лингвистическом форуме Wordreference утверждается, что *café aguado* — это водянистый, безвкусный кофе, напиток плохого качества. Аргентинцы называют его *jugo de paraguas* («сок из зонтика»), костариканцы — *aguachacha* («вода + прогул»), а испанцы — *zumo de calcetines* («сок из носков») [Antónimo del café cargado, 2011].

Испанские эксперты форума объясняют происхождение последней метафоры историей: в тяжелые голодные времена Гражданской войны, которая длилась в стране с 1936 по 1939 годы, многие люди вынуждены были перемалывать кофейные зерна практически в пыль, насыпать ее в носки и заваривать кипятком наподобие современных чайных пакетиков. Вкус такого «сока из носков», конечно, оставлял желать лучшего.

Возвращаясь к этимологии остальных значений лексемы *guarapo*, связанных с кубинским сахарным тростником и мексиканскими ананасами, необходимо обратиться к индейскому языку кечуа, в котором существует слово *warapu* — сок или осадок сока из сахарного тростника, а также напиток, получаемый с помощью доведения до кипения или кипячения воды с травяными, плодово-ягодными или винными добавками [DECCEL]. Так, индейское слово, «подстроившись» под правила испанского произношения и грамматики, стало произноситься как *guarapo*, демонстрируя явление межвариантной омонимии.

Поскольку кофе является одним из ключевых элементов алиментарного кода испаноязычных стран, кофейную семантику в странах Латинской

Америки имеют некоторые прилагательные темного оттенка: кофе без молока и сахара называют в Аргентине *negro* («черный»), в Венесуэле — *negrito* («черненький»), а кофе с молоком в Венесуэле и Никарагуа — это *marroncito* и *marrón* («коричневенький» и «коричневый»). Тем не менее не стоит просить принести *marrón* в кафе Аргентины, поскольку здесь *marrón* обладает дополнительным значением «экскременты» (с пометой «грубое» в словарях).

В аргентинском национальном варианте испанского языка нейтральное для Испании сочетание *dar un café* («давать / приносить кофе») может использоваться как фразеологизм с отрицательной оценкой — «осуждать», «отчитывать», а на Кубе *café con leche* («кофе с молоком») рисует образ некультурного, вулгарного человека. Возможно, этимологически оно связано с выражением *ser la leche* (букв. «быть молоком») — быть душкой, милашкой, хорошим человеком, в отличие от молока, «запятнанного» кофе. Указанные примеры иллюстрируют явление фразеологической межвариантной омонимии.

3.3. О прагматическом потенциале «молока»

С помощью лексемы *leche* («молоко») можно в некотором роде проследить процесс становления и развития испанского языка. Это — одно из тех слов, которые составляют основу паниспанского лексикона; оно происходит от латинского *LACTEM* и означает белую жидкость, которой млекопитающие кормят своих детенышей. В Корпусе исторического словаря испанского языка Испанской королевской академии оно датировано 1215 годом [CDH].

Кроме первоначального значения, лексема *leche* на протяжении истории испанского языка приобрела ряд дополнительных смыслов. Так, например, «молоко» в картине мира испаноязычных стран соотносится со сферами добра или зла. В Испании про нечто хорошее говорят *es la leche*, поскольку грудное молоко символизирует жизнь, а значит — добро. Идиома *ser un mala leche* (букв. «быть плохим / скисшим молоком») означает «быть неприятным человеком», а *estar de mala leche* (букв. «быть в состоянии скисшего молока») — «быть в плохом настроении». В таком случае «хорошее молоко» объясняет значение выражения *ser la leche* («быть добрым / милым / умным / храбрым» — в зависимости от контекста) [Mogeno Fernández, 2018, с. 36—37].

Со словом *leche* в испанском языке существует ряд устойчивых разговорных выражений, которые используются в ироничных контекстах:

— *dar una leche* (букв. «дать молоко») = «дать пощечину»;

— *salir echando leches* (букв. «выходить, проливая молоко») = «удирать во все лопатки»;

— *a toda leche* (букв. «на всем молоке») = «бегом; на большой скорости»;

— *¡y una leche!* (букв. «и одно молоко») = «щазз!», «как бы не так», «обойдешься» [DRAE].

Иронично звучит и испанское сочетание *leche de los viejos* (букв. «молоко стариков»), которое используется для названия вина. В перуанской гастрономии большой популярностью пользуется *leche de tigre* (букв. «молоко тигра») — пряный маринад для национального блюда севиче (*ceviche*); также «молоко тигра» сервируют как отдельное блюдо в бокалах, украшая зеленью и креветками. Эта смесь из сока лайма или апельсина, острого перца, лука и чеснока с небольшим количеством сока свежей рыбы в Перу известна как бодрящий антипохмельный напиток, также как мощный афродизиак. В Коста-Рике существует десерт *leche dormida* (букв. «уснувшее молоко»), представляющий собой простоквашу с сахаром, корицей и долькой лимона.

В национальных вариантах испанского языка значения идиом с семантически опорным компонентом «молоко» могут различаться, демонстрируя явление межвариантной омонимии в области фразеологии. Например, на Кубе, в отличие от Испании, *a toda leche* (букв. «на всем молоке») означает не «очень быстро», а «со всеми удобствами»; в Чили *mala leche* (букв. «плохое молоко») говорят о недостойном человеке (= *mala onda*), а в Центральной Америке — о неудаче (= *mala suerte*). При этом восклицание *¡qué leche!* (букв. «Вот так молоко!») в некоторых странах Латинской Америки, наоборот, выражает восхищение чьим-то везением, а *por pura leche* (букв. «по чистому молоку») означает «по счастливой случайности». Согласно словарю Р. Ришара, значение *leche = suerte* (удача) актуализируется в Аргентине, Коста-Рике, Мексике, Перу и Уругвае [Richard et al., 2006]. В качестве примера приведем отрывок из диалога перуанской молодежи в романе М. Варгаса Льосы «Город и псы»:

¿Ves esta cicatriz? Y él no se hizo nada, no es justo. ¡Tiene una leche! (M. Vargas Llosa, *La ciudad y los perros*) — Видишь шрам? А ему ничего, нечестно даже. **Везучий, подлец** (пер. Д. Синицыной).

Наконец, в ряду межвариантных идиом стоит упомянуть метафорическое выражение *leche de María* («молоко Марии»), которое в Венесуэле, Колумбии и Мексике обозначает смолу дерева *Callorphyllum lucidum*, используемую для заживления ран. Помимо маркирования схожести смолы с молоком словосочетание содержит религиозный компонент, поскольку ассоциируется с Девой Марией и ее помощью. Таким образом, можно сказать, что концептуальная метафора «молоко = добро» находит широкую актуализацию в паниспанском лексиконе.

3.4. Жидкое или густое: ассоциации и народная этимология

Некоторые совпадающие алиментарные лексемы обозначают различные концепты. Обозначаемое блюдо можно «пить» в одной стране и «есть» — в другой. Приведем несколько примеров, отобранных нами из Словаря американизмов Королевской Академии (RAE amer), значения которых актуализируют ассоциации разных народов с чем-то «крашеным» — *tinto*, «вареным» — *cocido* или с «ярким попугайчиком» — *perico*:

— *perico* (букв. «попугай»): Колумбия — кофе с молоком в маленькой чашечке; Парагвай и Эквадор — яичница-«болтушка» (скрэмбл) с овощами;

— *tintillo*: Колумбия — «кофеек», уменьшительное от *tinto*; Пуэрто-Рико — жареная кукуруза;

— *cocido* (буквально — «вареный»): Парагвай — горячий напиток из травы мате (как правило, пьют на завтрак с молоком и кукурузными лепешками «чипас»); Испания — жаркое с мясом, копченостями и овощами в наваристом бульоне (*cocido madrileño* — фирменное блюдо испанской столицы).

К «съедобным» ловушкам относится и суп, который в Парагвае можно есть на десерт или на гарнир, поскольку *sopa paraguaya* не содержит жидкости. Так называют национальное блюдо страны — кукурузную запеканку с сыром, которая может быть сладкой или соленой, горячей или холодной, полноценным блюдом или дополнением к мясу — на радость как местным жителям, так и туристам. К сожалению, проследить истинное происхождение названия не представляется возможным, однако существует несколько вариантов так называемой «народной» этимологии, которые пытаются объяснить и помочь понять этот странный факт. Несмотря на то, что подобные истории не укладываются в научную методологию и подвергаются критике, для чего в испанском языке существует специальный термин *terraplanismo* (букв. «теория о том, что Земля плоская») [Pons Rodríguez, 2022, с. 276], мы считаем, что в рамках занятий по лингвострановедению и межкультурной коммуникации они могут использоваться в качестве анекдотов, отражающих мировоззрение носителей изучаемого языка. При этом необходимо разъяснить студентам суть феномена «народной этимологии».

Первая версия появления парагвайского «супа» восходит к тому времени, когда испанские иезуиты-миссионеры наладили контакт с коренным населением территории современного Парагвая — индейцами гуарани. Согласно легенде, гуарани радушно встретили европейцев, пригостив их мясо животных, добытое на охоте. Испанцы с удовольствием приняли угощение, однако его оказалось мало, поэтому хозяева решили предложить им свою повседневную пищу — пирог из кукурузной муки с водой, запеченный в банановых листьях. Подавая его миссионерам, гуарани, извиняясь,

говорили: *so'opa*, что на их языке означало «мясо закончилось», но для испанцев звучало очень похоже на *sopa* — «суп». Именно так иезуиты стали называть новое и очень понравившееся им блюдо, хотя позже немного изменили его рецепт, добавив животный жир, яйца и сыр.

Вторая гипотеза происхождения «твердого супа» относится к середине 1800-х годов: первый президент Парагвая Карлос Антонио Лопес Инсфран (Carlos Antonio López Insfrán), управлявший страной с 1841 по 1862 годы, должен был принимать иностранных гостей. Ради такого события он попросил личного повара приготовить одно из своих любимых блюд — белый суп с молоком, кукурузной мукой мелкого помола, яйцами и сыром. Повар отвлеклась от приготовления супа, в результате чего тот сильно загустел. Обеспокоенная женщина, тем не менее, оказалась находчивой и быстро решила проблему, придумав новый рецепт. Добавив еще сыра и муки, она положила получившуюся массу на смазанную маслом сковороду и поставила ее на огонь. Приготовленный пирог был разрезан на квадратные куски и подан на стол. Говорят, что Лопес, попробовав новое блюдо, остался весьма доволен, а узнав о способе его приготовления, объявил высоким гостям, что оно называется «парагвайский суп» [Origen e historia de la sopa paraguaya, 2020].

В обоих примерах мы вновь наблюдаем влияние исторического фактора на межвариантную омонимию, однако в первом случае в большей степени такое расхождение значений лексемы *sopa* обусловлено лингвистическими, а во втором — экстралингвистическими причинами.

4. Заключение = Conclusions

Изучение межвариантных языковых процессов и явлений позволяет сделать ряд выводов.

Этимология языковых единиц (лексем и устойчивых сочетаний) с алиментарной семантикой выступает частотным источником межвариантной полисемии, омонимии и синонимии в испанском языке, которые, в свою очередь, становятся причиной коммуникативных трудностей.

В семантических полях «Жидкие продукты питания» указанные межвариантные явления наиболее развернуто представлены единицами со значением «кофе» (*tinto*, *guarapo*, *cereza*, *perico*, синонимический ряд с общей идеограммой «некачественный кофе» и др.); при этом их возникновение обусловлено не только семантическими, но и словообразовательными процессами (*tinto* — *tintillo*, *guarapo* — *guarapito* — *guarapillo*).

Наибольшее число идиом в исследуемых полях было выявлено среди словосочетаний с семантически опорным компонентом «молоко»; большинство приведенных в статье примеров относятся к области фразеоло-

гической межвариантной омонимии и полисемии (*a toda leche, ser la leche, mala leche, qué leche* и др.).

Несмотря на то, что межвариантные омонимия и синонимия как парадигматические явления относятся к языковым трудностям скрытого типа, за многими из приведенных выше выражений с исследуемыми языковыми единицами стоят ассоциации, основанные на экстралингвистических факторах, что позволяет причислить их и к «фонду» социокультурных сложностей.

Подчеркнем, что данная статья посвящена рассмотрению лишь нескольких базовых концептов алиментарного тезауруса испанского языка, в связи с чем перспективой дальнейших исследований видится более подробное изучение единиц обозначенных семантических полей и выявление в них межвариантных несоответствий.

Поскольку владение иностранным языком предполагает «непосредственное применение языковых знаний в процессе межкультурного общения, способность к диалогу и взаимодействию в незнакомой социокультурной среде, умение достигать взаимопонимания с представителями других культур» [Тарева и др., 2014, с. 4—5], в качестве возможных лингводидактических приемов при усвоении межвариантной лексики и фразеологии можно предложить организацию ролевых игр и решение ситуационных кейсов на занятиях по практике устной и письменной речи, лингвострановедению, межкультурной коммуникации. При этом уровень обучающихся должен быть не ниже среднего — В1 согласно Общеввропейской шкале компетенций.

Подготовка к «ситуационным занятиям» включает в себя глубокий анализ языковых единиц с культурным компонентом, составление схем и таблиц межвариантных синонимов и омонимов, а также поиск текстовых, аудио- и видеофрагментов, демонстрирующих их функционирование в речи. Знание «съедобных ловушек», то есть межвариантных различий в алиментарной лексике, способствует повышению качества общения. Вышесказанное позволяет считать актуальным и эффективным методом работы с лексико-семантическими группами тезауруса пицци обсуждение со студентами аутентичных ситуаций, связанных с алиментарным кодом испаноязычных стран, а также совместное моделирование контекста с использованием найденных примеров и задания на самостоятельный поиск дополнительного иллюстративного материала.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. CDH — *Corpus del diccionario histórico de la lengua española*. Real Academia Española [Electronic resource]. — Access mode : <https://apps.rae.es/CNDHE/view/inicioExterno>. view (accessed 21.08.2024).
2. CREA — *Corpus de referencia del español actual* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.rae.es/banco-de-datos/crea> (accessed 21.08.2024).
3. DECEL — *Diccionario etimológico castellano en línea* [Electronic resource]. — Access mode : <http://etimologias.dechile.net/> (accessed 22.08.2024).
4. *Del Moral R.* Diccionario Ideológico : Atlas Léxico de la Lengua Española / R. Del Moral. — Barcelona : Herder, 2009. — 663 p.
5. DRAE — *Diccionario de la lengua española*. Real Academia Española [Electronic resource]. — Access mode : <https://dle.rae.es/> (accessed 22.08.2024).
6. *Diccionario venezolano* [Electronic resource]. — Access mode : <https://diccionario-venezolano.com/> (accessed 23.08.2024).
7. *El antónimo del café cargado* [Electronic resource] // Forum Wordreference, 30.01.2011. — Access mode : <https://forum.wordreference.com/threads/el-antonimo-del-cafe/C3%A9-cargado.2048313/> (accessed 23.08.2024).
8. *Molero A.* El español de España y el español de América. Vocabulario comparado / A. Molero. — Madrid : Grupo Editorial SM Internacional, 2008. — 128 p.
9. *Múnera C.* ¿Café o tinto? [Electronic resource] / C. Múnera // Un café con Carlos Múnera, 03.06.2019. — Access mode : <https://www.elcolombiano.com/blogs/carlosmunera/cafe-o-tinto/10070> (accessed 24.08.2024).
10. *Origen e historia de la sopa paraguaya* [Electronic resource] // Recetas de Paraguay, 02.04.2020. — Access mode : <https://www.recetasparaguay.com/articulos/origen-e-historia-de-la-sopa-paraguaya> (accessed 25.08.2024).
11. *Pérez-Taberner A.* Postureo español. El libro que los quiris nunca entenderán / A. Pérez-Taberner, P. Marín. — Barcelona : Editorial Planeta, S. A., 2021. — 232 p.
12. RAE amer — *Diccionario de americanismos*. Real Academia Española [Electronic resource]. — Access mode : <http://lema.rae.es/damer/> (accessed 26.08.2024).
13. *Richard R.* Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia (Formas homónimas, polisémicas y otras derivaciones morfosemánticas) / R. Richard, R. Caplán, T. Davo, D. Lévêque, A. Pineau, L. Sigal, A. Vignal-Ramos. — Madrid : Lavel, S.A., 2006. — 600 p. — ISBN 84-376-1550-X.

Литература

1. *Годованая О. Н.* К вопросу о языковых барьерах при изучении иностранных языков / О. Н. Годованая // Глобальный научный потенциал. — 2015. — № 6. — С. 39—43.
2. *Кирсанова Е. М.* Прагматика единиц семантического поля ПИЩА : системный и функциональный аспекты : на материале русского и английского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. М. Кирсанова. — Москва, 2009. — 294 с.
3. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. — Москва : КДУ, 2011. — 350 с. — ISBN 5-88711-181-X.
4. *Ларина Т. В.* Англичане и русские : Язык, культура, коммуникация / Т. В. Ларина. — Москва : Языки славянских культур, 2013. — 360 с. — ISBN 978-5-9551-0465-2.
5. *Михеева Н. Ф.* Межвариантная диалектология испанского языка : Учебное пособие / Н. Ф. Михеева. — Москва : Изд-во РУДН, 2006. — 117 с. — ISBN 978-5-209-02582-5.

6. *Михеева Н. Ф.* Межвариантные языковые явления в семантическом поле «Выпечка» (на материале национальных вариантов испанского языка) / Н. Ф. Михеева, Е. А. Попова, З. Н. Игнашина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 89—105. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-89-105>.

7. *Михеева Н. Ф.* Современные подходы к изучению диалектов / Н. Ф. Михеева // Вопросы иберо-романистики. Сборник статей к юбилею заслуженного профессора МГУ Ю. Л. Оболенской / Под редакцией Ю. Л. Оболенской, сост. М. С. Снеткова. — Москва : МАКС Пресс, 2023. — С. 228—235.

8. *Орехова Е. Н.* Динамика коммуникативных трудностей студентов, изучающих иностранный язык, в ситуациях межкультурного общения / Е. Н. Орехова, А. Г. Самохвалова // Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2019. — Т. 25. — № 2. — С. 72—77. — DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-72-77.

9. *Попова Е. А.* Семантическое поле «КОФЕ» в испанском языке : межвариантные (не)соответствия / Е. А. Попова // Языковое бытие человека и этноса / под ред. В. А. Пичальниковой, Л. Р. Комаловой. — Москва : ИНИОН РАН, 2019. — Выпуск 21 : Материалы XVI Березинских чтений. — С. 132—141.

10. *Самохвалова А. Г.* Коммуникативные трудности ребенка : феноменология, факторы возникновения, динамика / А. Г. Самохвалова. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. — 358 с. — ISBN 978-5-7591-1446-8.

11. *Синицына А. М.* Концепт «время» в колумбийской культуре / А. М. Синицына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11—3 (77). — С. 150—155.

12. *Синицына А. М.* Семантические особенности языковых единиц с компонентом пищи в колумбийском национальном варианте испанского языка / А. М. Синицына // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 1. — С. 74—77. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-89-105>.

13. *Тарева Е. Г.* Межкультурное иноязычное образование. Лингводидактические стратегии и тактики / Е. Г. Тарева, А. В. Анненкова, Е. С. Дикова, А. А. Казанцева, Е. М. Казанцева, О. А. Колмакова, Ю. Ф. Маметова, Г. А. Проскураина ; отв. ред. Е. Г. Тарева. — Москва : Логос, 2014. — 230 с. — ISBN 978-5-98704-794-1.

14. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур : Учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово / Slovo, 2008. — 344 с. — ISBN 978-5-387-00076-8.

15. *Фирсова Н. М.* Испанский язык и культура в испаноязычных странах / Н. М. Фирсова. — Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2017. — 176 с. — ISBN 978-5-397-02852-3.

16. *Фирсова Н. М.* Межвариантная лексическая синонимия в венесуэльском национальном варианте испанского языка / Н. М. Фирсова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 62—68.

17. *Фирсова Н. М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки / Н. М. Фирсова. — Москва : АСТ, Восток-Запад, 2007. — 352 с. — ISBN 978-5-17-044413-7.

18. *Формановская Н. И.* Речевое общение и коммуникативное взаимодействие / Н. И. Формановская // Русская речь. — 2014. — № 4. — С. 55—58.

19. *Формановская Н. И.* Речевое общение : коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. — Москва : Русский язык, 2002. — 216 с. — ISBN 5-200-03192-3.

20. *Хисамова Г. Г.* Исследование коммуникативных неудач в аспекте прагмалингвистики / Г. Г. Хисамова // Лингвистический семинар — 2008. Материалы Международной Интернет-конференции. — Уфа : [б. и.], 2008. — С. 186—190.

21. Чеснокова О. С. Испанский язык Мексики : Языковая картина мира / О. С. Чеснокова. — Москва : Ленанд, 2021. — 240 с. — ISBN 978-5-9519-2175-8.
22. Чеснокова О. С. Колумбия в мире испанского языка / О. С. Чеснокова. — Москва : Ленанд, 2021а. — 118 с. — ISBN 978-5-209-03517-6.
23. *Marcos-Marín F. A. Se Habla Español* / F. A. Marcos-Marín, A. de Miguel. — Madrid : Biblioteca Nueva, 2009. — 284 p. — ISBN 978-84-9742-922-1.
24. *Moreno Fernández F. La maravillosa historia del español* / F. Moreno Fernández. — Madrid : Espasa Libros, S. L. U., 2018. — 334 p. — ISBN 978-84-6704-613-7.
25. *Pons Rodríguez L. El español es un mundo* / L. Pons Rodríguez. — Barcelona : Arpa & Alfíl Editores, S. L., 2022. — 285 p.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024,
одобрена после рецензирования 10.10.2024,
подготовлена к публикации 15.10.2024.

Material resources

- CDH — *Corpus del diccionario histórico de la lengua española. Real Academia Española*. Available at: <https://apps.rae.es/CNDHE/view/inicioExterno.view> (accessed 21.08.2024). (In Span.).
- CREA — *Corpus de referencia del español actual*. Available at: <https://www.rae.es/banco-dedatos/crea> (accessed 21.08.2024). (In Span.).
- DECEL — *Diccionario etimológico castellano en línea*. Available at: <http://etimologias.dechile.net/> (accessed 22.08.2024). (In Span.).
- Del Moral, R. (2009). *Diccionario Ideológico: Atlas Léxico de la Lengua Española*. Barcelona: Herder. 663 p. (In Span.).
- DRAE — *Diccionario de la lengua española. Real Academia Española*. Available at: <https://dle.rae.es/> (accessed 22.08.2024). (In Span.).
- Diccionario venezolano*. Available at: <https://diccionariovenezolano.com/> (accessed 23.08.2024). (In Span.).
- El antónimo del café cargado. (2011). *Forum Wordreference*. 30.01. Available at: <https://forum.wordreference.com/threads/el-antonimo-del-caf%C3%A9-cargado.2048313/> (accessed 23.08.2024). (In Span.).
- Molero, A. (2008). *El español de España y el español de América. Vocabulario comparado*. Madrid: Grupo Editorial SM Internacional. 128 p. (In Span.).
- Múnera, C. (2019). ¿Café o tinto? *Un café con Carlos Múnera*, 03.06. Available at: <https://www.elcolombiano.com/blogs/carlosmunera/cafe-o-tinto/10070> (accessed 24.08.2024). (In Span.).
- Origen e historia de la sopa paraguaya. (2020). *Recetas de Paraguay*. 02.04. Available at: <https://www.recetasparaguay.com/articulos/origen-e-historia-de-la-sopa-paraguaya> (accessed 25.08.2024). (In Span.).
- Pérez-Taberner, A., Marin, P. (2021). *Postureo español. El libro que los quiris nunca entenderán*. Barcelona: Editorial Planeta, S. A. 232 p. (In Span.).
- RAE amer — *Diccionario de americanismos. Real Academia Española*. Available at: <http://lema.rae.es/damer/> (accessed 26.08.2024). (In Span.).
- Richard, R., Caplán, R., Davo, T., Lévêque, D., Pineau, A., Sigal, L., Vignal-Ramos, A. (2006). *Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia (Formas homónimas, polisémicas y otras derivaciones morfosemánticas)*. Madrid: Level, S. A. 600 p. ISBN 84-376-1550-X. (In Span.).

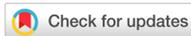
References

- Chesnokova, O. S. (2021a). *Colombia in the world of the Spanish language*. Moscow: Lenand. 118 p. ISBN 978-5-209-03517-6. (In Russ.).
- Chesnokova, O. S. (2021). *The Spanish language of Mexico: A linguistic picture of the world*. Moscow: Lenand. 240 p. ISBN 978-5-9519-2175-8. (In Russ.).
- Firsova, N. M. (2012). Inter-variant lexical synonymy in the Venezuelan national version of the Spanish language. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Linguistics*, 2: 62—68. (In Russ.).
- Firsova, N. M. (2007). *Modern Spanish in Spain and Latin American countries*. Moscow: AST, East-West. 352 p. ISBN 978-5-17-044413-7. (In Russ.).
- Firsova, N. M. (2017). *Spanish language and culture in Spanish-speaking countries*. Moscow: Book House LIBROCOM. 176 p. ISBN 978-5-397-02852-3. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (2002). *Speech communication: a communicative and pragmatic approach*. Moscow: Russian Language. 216 p. ISBN 5-200-03192-3. (In Russ.).
- Formanovskaya, N. I. (2014). Speech communication and communicative interaction. *Russian speech*, 4: 55—58. (In Russ.).
- Godovanaya, O. N. (2015). On the issue of language barriers in the study of foreign languages. *Global scientific potential*, 6: 39—43. (In Russ.).
- Hisamova, G. G. (2008). A study of communicative failures in the aspect of pragmalinguistics. In: *Linguistic seminar — 2008. Materials of the International Internet Conference*. Ufa: [b. i.]. 186—190. (In Russ.).
- Kirsanova, E. M. (2009). *Pragmatics of units of the semantic field of FOOD: systemic and functional aspects: based on the material of Russian and English languages*. PhD Diss. Moscow. 294 p. (In Russ.).
- Kornilov, O. A. (2011). *Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities*. Moscow: KDU. 350 p. ISBN 5-88711-181-X. (In Russ.).
- Larina, T. V. (2013). *The British and Russians: Language, culture, communication*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 360 p. ISBN 978-5-9551-0465-2. (In Russ.).
- Marcos-Marin, F. A., De Miguel, A. (2009). *Se Habla Español*. Madrid: Biblioteca Nueva. 284 p. ISBN 978-84-9742-922-1. (In Span.).
- Mikheeva, N. F., Popova, E. A., Ignashina, Z. N. (2022). Inter-variant linguistic phenomena in the semantic field “Baking” (based on the material of national variants of the Spanish language). *Nauchnyj dialog*, 11 (6): 89—105. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-89-105>. (In Russ.).
- Mikheeva, N. F. (2023). Modern approaches to the study of dialects. In: *Questions of Ibero-Romanticism. Collection of articles for the anniversary of the Honored Professor of Moscow State University Y. L. Obolenskaya*. Moscow: MAKSS Press. 228—235. (In Russ.).
- Mikheeva, N. F. (2006). *The inter-variant dialectology of the Spanish language: A textbook*. Moscow: RUDN Publishing House. 117 p. ISBN 978-5-209-02582-5. (In Russ.).
- Moreno Fernández, F. (2018). *La maravillosa historia del español*. Madrid: Espasa Libros, S. L. U. 334 p. ISBN 978-84-6704-613-7. (In Span.).
- Orehova, E. N., Samokhvalova, A. G. (2019). Dynamics of communicative difficulties of students learning a foreign language in situations of intercultural communication. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 25 (2): 72—77. DOI: [10.34216/2073-1426-2019-25-2-72-77](https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-2-72-77). (In Russ.).
- Pons Rodríguez, L. (2022). *El español es un mundo*. Barcelona: Arpa & Alfíl Editores, S. L. 285 p. (In Span.).

- Popova, E. A. (2019). The semantic field of “COFFEE” in the Spanish language: inter-variant (non-) correspondences. In: *Linguistic existence of man and ethnos, 21*. Moscow: INION RAS. 132—141. (In Russ.).
- Samokhvalova, A. G. (2014). *Communicative difficulties of a child: phenomenology, factors of occurrence, dynamics*. Kostroma: N. A. Nekrasov KSU. 358 p. ISBN 978-5-7591-1446-8. (In Russ.).
- Sinitsyna, A. M. (2019). Semantic features of linguistic units with a food component in the Colombian national version of the Spanish language. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 1*: 74—77. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-89-105>. (In Russ.).
- Sinitsyna, A. M. (2017). The concept of “time” in Colombian culture. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 11—3 (77)*: 150—155. (In Russ.).
- Tareva, E. G., Annenkova, A. V., Dikova, E. S., Kazantseva, A. A., Kazantseva, E. M., Kolmakova, O. A., Mametova, Yu. F., Proskurina, G. A. (2014). *Intercultural foreign language education. Linguodidactic strategies and tactics*. Moscow: Logos. 230 p. ISBN 978-5-98704-794-1. (In Russ.).
- Ter-Minasova, S. G. (2008). *War and the world of languages and cultures: Textbook*. Moscow: Slovo. 344 p. ISBN 978-5-387-00076-8. (In Russ.).

*The article was submitted 03.07.2024;
approved after reviewing 10.10.2024;
accepted for publication 15.10.2024.*

Информация для цитирования:

Нестерова Н. М. Два романа в стихах — два «Онегина»: межъязыковой и межкультурный перевод / Н. М. Нестерова, О. В. Соболева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 129—147. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-129-147.

Nesterova, N. M., Soboleva, O. V. (2024). Two Verse Novels — Two “Onegin’s”: Interlingual and Intercultural Translation. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 129-147. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-129-147. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Два романа в стихах — два «Онегина»: межъязыковой и межкультурный перевод

Нестерова Наталья Михайловна

orcid.org/0000-0001-9064-6742

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра иностранных языков,
лингвистики и перевода,

корреспондирующий автор

nest-nat@yandex.ru

Соболева Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0003-1152-5454

кандидат филологических наук, доцент,

кафедра иностранных языков,
лингвистики и перевода

olga.v.soboleva@gmail.com

Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет
(Пермь, Россия)

**Two Verse Novels —
Two “Onegin’s”:
Interlingual and
Intercultural Translation**

Natalya M. Nesterova

orcid.org/0000-0001-9064-6742

Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Languages,
Linguistics and Translation,

corresponding Author

nest-nat@yandex.ru

Olga V. Soboleva

orcid.org/0000-0003-1152-5454

PhD of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Linguistics and Translation
olga.v.soboleva@gmail.com

Perm National Research
Polytechnic University
(Perm, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается связь двух произведений: «Евгения Онегина» Александра Пушкина и романа в стихах «The Golden Gate» Викрама Сета, написанного более чем через 150 лет после пушкинского текста и названного критиками «Евгений Онегин из Сан-Франциско». Цель исследования — сопоставительный анализ двух романов и выявление пушкинского влияния на англоязычный текст индийского писателя. На основе проведенного анализа делается вывод о множественных заимствованиях, имеющих в романе В. Сета: это онегинская строфа, формула представления главного героя, многочисленные аллюзии и прямые отсылки к пушкинскому тексту. Материал исследования включает в себя и повлиявший на В. Сета англоязычный перевод «Евгения Онегина», выполненный Ч. Джонстоном. Новизна исследования видится в том, что роман в стихах «The Golden Gate» рассматривается как своего рода результат двойного перевода: межъязыкового и межкультурного. Доказано, что произведение В. Сета появилось благодаря англоязычному переводу пушкинского романа в стихах, ставшему для В. Сета предтекстом, который был им переосмыслен и вписан в американскую культуру двадцатого столетия. Отмечается, что в данном двойном переводе соединились два автора, две культуры и две эпохи.

Ключевые слова:

переводоведение; интертекстуальность; интертекстуальные элементы; художественный перевод; межкультурный перевод, роман в стихах.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the connection between two literary works: Alexander Pushkin's "Eugene Onegin" and Vikram Seth's verse novel "The Golden Gate," written more than 150 years after Pushkin's text and referred to by critics as the "Eugene Onegin of San Francisco." The aim of this study is a comparative analysis of the two novels, highlighting Pushkin's influence on the Anglophone text by the Indian author. Through the analysis, it is concluded that there are numerous borrowings present in Seth's novel, including the Onegin stanza, the formula for introducing the main character, and various allusions and direct references to Pushkin's text. The research material also encompasses the English translation of "Eugene Onegin" by Charles Johnston, which influenced Seth. The novelty of this research lies in the consideration of "The Golden Gate" as a form of double translation: both interlingual and intercultural. It is demonstrated that Seth's work emerged as a result of the English translation of Pushkin's verse novel, which served as a pretext that he reinterpreted within the context of twentieth-century American culture. This double translation unites two authors, two cultures, and two epochs.

Key words:

translation studies; intertextuality; intertextual elements; literary translation; intercultural translation; verse novel.

УДК 81'255.2+821.161.1Пушкин.03

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-129-147

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Два романа в стихах — два «Онегина»: межъязыковой и межкультурный перевод

© Нестерова Н. М., Соболева О. В., 2024

1. Введение = Introduction

2024 год — год 225-летия А. С. Пушкина, самого главного русского писателя — и при этом самого европейского, который, однако, далеко не так известен западной культуре, как Толстой, Достоевский или Чехов. Причина этого кроется в отделяющей Пушкина от англоязычного читателя «звуконепроницаемой стене», о которой говорил Ч. Джонстон, один из лучших переводчиков пушкинского романа в стихах: «Few foreign masterpieces can have suffered more than Eugene Onegin from the English **translator's failure** to convey anything more than — at best — the literal meaning. It is as if a **sound-proof wall** separated Pushkin's poetic novel from the English-reading world» (Немногие из иностранных литературных шедевров при переводе на английский язык пострадали больше, чем «Евгений Онегин». Связано это с невозможностью переводчика передать нечто большее, чем — в лучшем случае — буквальный смысл. Возникает ощущение, что звуконепроницаемая стена отделила поэтический роман Пушкина от англоязычного мира) [Johnston, 1999, p. 6] (здесь и далее перевод наш, ключевые фрагменты выделены нами. — *Н. Н., О. С.*).

Сегодня англоязычный «Онегин» представлен несколькими десятками переводов, как стихотворных, так и прозаических. Но в 1986 году появляется совершенно новый англоязычный онегинский текст — роман в стихах «The Golden Gate» («Золотые ворота») Викрама Сета. И это не очередной межъязыковой перевод, а уникальный случай межкультурного перевода, который можно считать фактом культурного трансфера (в понимании, которое вкладывает в этот термин М. Эспань [Эспань, 2018]).

Имя индийского автора и его «пушкинский» роман нельзя назвать широко известными в России, хотя, на наш взгляд, он представляет большой

интерес с точки зрения изучения межтекстовых отношений, интертекстуальности и межкультурной транслируемости. Цель данной работы — рассмотреть феномен «прорастания» пушкинского романа в американской литературе. А. Олеар, переводчик текста В. Сета на русский язык, писал: «То, что не смогли сделать несколько поколений переводчиков “Евгения Онегина”, блистательно удалось индийскому автору. Его безупречный четырехстопник демонстрирует **генетическое родство с главным русским романом**» [Олеар, 2018, с. 647]. Вот это «генетическое родство» и является предметом исследования, начатого нами три года назад (см. [Нестерова и др., 2020; Нестерова и др., 2023]). Мы выполнили сопоставительный анализ первых глав «Золотых ворот» и «Евгения Онегина», рассмотрели интертекстуальные связи двух романов, выявили используемые В. Сетом цитаты и аллюзии.

В данной работе в фокусе внимания находится сложная опосредованная связь двух романов в стихах, центральным звеном которой является англоязычный перевод «Евгения Онегина», выполненный Чарльзом Джонстоном и открывший для индийского автора «окно» в мир пушкинского текста.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом нашего исследования являются, как и обозначено в заглавии, два романа в стихах: «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «The Golden Gate» («Золотые ворота») В. Сета. Эти тексты разведены как во времени (155 лет), так и в пространстве (Россия и Америка).

Во введении уже отмечалось, что имя индийского писателя не очень известно в нашей стране. Автора называют гражданином мира, что вполне оправданно. Он родился в Индии, учился в Оксфорде, затем в Стэнфордском университете, где работал над диссертацией по экономике и параллельно писал свой первый роман, «The Golden Gate».

В России имя Сета зазвучало благодаря появившемуся в 2018 году русскоязычному переводу «The Golden Gate», выполненному Андреем Олеаром. В этом же году книга была представлена на V Международном конгрессе переводчиков в Москве, где присутствовал и сам автор. Затем издание было подарено Пушкинскому музею-заповеднику «Михайловское» как символ «генетического родства» двух текстов.

Однако, чтобы данное генетическое родство состоялось, нужен был «посредник», которым послужил англоязычный перевод «Евгения Онегина» (Ч. Джонстон, 1979). Именно этот «Eugene Onegin» заставил молодого ученого отвлечься от диссертации и попытаться создать американского «Онегина», обратившись к форме романа в стихах:

В. Сет:
*... one of them, Pushkin, who
Never stepped out of Russia in his life,
Let alone roamed around this town,
but who
Belongs to you who know his works by
heart
And, yes, to me, who, though I cannot
read
A word of his by eye, know him by soul.
I wouldn't be here, where it not for
him.
He gave me me [GG, 2018, p. 658].*

Перевод А. Олеара:
*... Пушкин.
Он, никогда не выезжавший из
России
и уж тем более не бродивший
по этому прекрасному городу, ныне
дома везде.
Он — все те, кто знает его
наизусть,
Он — это я, кто, пусть и не в силах
читать на его языке,
чувствует сердцем каждое слово.
И меня бы не было здесь, если б не
Пушкин.
Он дал мне меня [ЗВ, 2018, с. 661].*

Так, «почувствовав сердцем» каждое пушкинское слово, Сет начинает писать собственный «пушкинский» текст, самым поразительным в котором стала онегинская строфа. В этой статье мы попытаемся ответить на несколько вопросов, касающихся генетической связи двух романов в стихах, возникшей благодаря межъязыковому переводу, в котором переводчику удалось сохранить форму и дух русскоязычного оригинала. К сопоставлению «Золотых ворот» и «Евгения Онегина» напрямую или косвенно уже обращались некоторые российские и зарубежные исследователи (см. [Солодовникова, 2005; Ponomoreva, 2016; Бутенина, 2017; Aboudaif, 2010]), однако богатство материала дает все основания продолжить поиск в намеченном нами направлении.

Для своего исследования мы использовали различные виды анализа: дискурсивный, сопоставительный, интертекстуальный, лингвокультурный.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Евгений Онегин»: проблема межъязыкового перевода

Как известно, «Евгений Онегин» стал первым русским романом в стихах. Пушкин сам подчеркивал эту жанровую особенность своего текста. Так, в письме П. А. Вяземскому он подчеркнул: «Я теперь пишу не роман, а **роман в стихах** — дьявольская разница. Вроде “Дон-Жуана”» [Пушкин, 1964, с. 69]. Написано это было в 1823 году, то есть в год начала работы над «Онегиным».

Обратимся к определению обозначенного Пушкиным жанра: «Роман в стихах — лиро-эпический жанр. Сохраняя все признаки романа, отлича-

ется стихотворной формой, которая неразрывно связана с содержанием» [Белокурова, 2006, с. 218].

Считается, что «в русской литературе первым романом в стихах стал “Евгений Онегин” А. С. Пушкина, форму которого поэт **заимствовал у Дж. Г. Байрона** (поэма “Дон Жуан”)» [ЛиЯ, 2006, с. 343].

Итак, хотя первым в русской литературе романом в стихах стал «Евгений Онегин», сам жанр восходит к творчеству Байрона.

Творческий диалог с Байроном был значим для русской литературы XIX века. Как известно, Пушкин начинает учить английский, чтобы читать Байрона в оригинале.

Изучению влияния Байрона на становление Пушкина как поэта посвящено немало отечественных и зарубежных исследований. Несомненно, основным является труд В. М. Жирмунского [Жирмунский, 1978]. Ученый отмечает, что через знакомство с творчеством Байрона Пушкин усваивает западные литературные традиции, становясь по-настоящему европейским поэтом [Жирмунский, 1978, с. 23—24].

О генетической связи Байрона и Пушкина пишут А. В. Беликова [Беликова, 1982], В. И. Кулешов [Кулешов, 1996], В. С. Баевский [Баевский, 1996], Я. А. Гудкова [Гудкова, 2015], D. Butchard [Butchard, 2015] и др.

В. М. Жирмунский обозначил три направления, в русле которых идут исследования влияния Байрона на Пушкина: «1. Влияние личности и поэзии Байрона на личность Пушкина; 2. Влияние идейного содержания байроновской поэзии на идейный мир поэзии Пушкина; 3. Художественное воздействие поэзии Байрона на поэзию Пушкина» [Жирмунский, 1978, с. 21]. При этом ученый подчеркивает, что «только последний вопрос относится к понятию “литературного влияния” в точном смысле слова» [Там же].

Итак, если говорить о «Евгении Онегине», то нужно в первую очередь признать заимствование формы, однако название жанра «роман в стихах» было введено Пушкиным, это он так определил свой текст. «Дон Жуан» самим автором не был обозначен как роман в стихах, его называли поэмой (сатирической или эпической), и только в XX веке появилась атрибуция «роман в стихах». Одним из первых отечественных исследователей, обосновавших возможность использования термина *роман в стихах* в отношении произведения Байрона, стала А. В. Беликова (см. [Беликова, 1982]).

Однако в своей работе мы придерживаемся позиции Вяч. Иванова, который утверждал, что «“Дон Жуан” еще не был “романом в стихах”, каким стал впервые “Онегин»» [Роман ..., 1990, с. 214].

Пушкина, несомненно, беспокоила мысль о том, что в его «Онегине» видят «Дон Жуана», и он писал А. Бестужеву: «Никто более меня не уважа-

ет «Дон Жуана», но в нем нет ничего общего с Онегиным» [Цит. по: Жирмунский, 1978, с. 370]. Но общее, бесспорно, было — и не только в форме. Сравним начало двух текстов, момент представления героев:

Дж. Г. Байрон:

*Of such as these I should not care to
vaunt,
I'll therefore take our ancient friend
Don Juan
We all have seen him, in the
pantomime,
Sent to the devil somewhat ere his
time.*

.....

In Seville was he born, a pleasant city
[DJ, 2017, p. 218].

Перевод Т. Гнедич:

*А посему я выбрал Дон-Жуана:
Ведь он, наш старый друг,
в расцвете сил
Со сцены прямо к черту угодил.
.....
В Севилье он родился. Город
славный
[ДЖ, 1972, с. 195].*

Этот фрагмент близок пушкинскому тексту:

С героем моего романа

Без предисловий, сей же час

Позвольте познакомить вас:

Онегин, добрый мой приятель,

Родился на берегах Невы [ЕО, 1964, с. 9—10].

Трудно не заметить межтекстовой связи этих фрагментов. Оба автора знакомят читателя со своими героями и называют их своими друзьями: *our ancient friend* (наш старый друг) / *добрый мой приятель*. Оба указывают на место рождения героя: *In Seville was he born* (в Севилье был рожден) / *родился на берегах Невы*.

На связь между «Дон Жуаном» (и другими байроновскими текстами) и «Евгением Онегиным» указывает очень многое: это и упоминание имени Байрона («Как Байрон, гордости поэт...»), «Лорд Байрон прихотью удачной...»), и прямые цитаты. Так, одна из самых известных пушкинских реплик «Когда же черт возьмет тебя!» отсылает к байроновским строчкам «Sent to the devil somewhat ere his time» (Со сцены прямо к черту угодил). Эпиграфом к восьмой главе Пушкин выбирает строки Байрона из его цикла «Poems of Separations» («Стихи о разводе»).

Таких совпадений можно найти много, что и позволило Дж. Гаррарду сказать: эти два текста «неразделимы, подобно сиаемским близнецам» [Гаррард, 1996, с. 153]. Но совершенно очевидно, что при всей близости

текстов можно отметить и существенные различия между ними, среди которых нужно и назвать поэтическую форму.

Байрон использует октаву, Пушкин же создает так называемую онегинскую строфу, которую можно назвать разновидностью сонета, что и сделал В. Набоков: «Your stanza patterned on a sonnet» (Твоя строфа, написанная по образцу сонета) [Набоков, 1990, с. 415]. Этот прием нашел отклик у других авторов (например, у М. Ю. Лермонтова, повторившего эту строфу в «Тамбовской казначейше»: *Пишу Онегина размером; Пою, друзья, на старый лад* [Лермонтов, 1989, с. 156]).

Писать «Онегина размером» на русском языке — это одна задача, а воссоздать этот «лад» на другом языке — задача совершенно иная. Перевод, как известно, творчество вторичное, это не оспаривается ни теоретиками, ни переводчиками. Так, по словам И. С. Алексеевой, «принципиальная вторичность заложена в самой сути перевода» [Алексеева, 2008, с. 28]. Перевод называют «вторичным художественным творчеством» (В. Виноградов), «творчеством на чужом материале» (В. Левик). Однако, по мнению А. Д. Швейцера, считавшего вторичность констатирующим признаком перевода, в случае поэтического перевода трудно сказать, «где кончается перевод и начинается самостоятельное творчество» [Швейцер, 1988, с. 47]. Так, в англоязычном мире существует около тридцати полных переводов «Евгения Онегина», и все они совершенно по-разному представляют пушкинский текст в чужой для него культуре.

Один из этих переводов и оказал решающее влияние на творчество В. Сета.

3.2. Роль англоязычного перевода «Евгения Онегина» в создании романа «The Golden Gate»

История появления нового романа в стихах, сразу же названного «Евгением Онегиным из Сан-Франциско», рассказана самим автором в интервью [Meer, 2011]: во время обучения в аспирантуре Сет случайно находит в университетской книжной лавке два перевода пушкинского «Евгения Онегина», начинает их сравнивать, пытается понять технику стихосложения, а потом увлекается одним из них и перечитывает пять раз. Это был перевод Чарльза Джонстона, который Сет называет *luminous* (великолепным) [Meer, 2011]. Сет был так покорен формой, что у него рождается решение попробовать написать собственный текст онегинской строфой и выразить свое признание Пушкину и его переводчику:

V. Seth:
*(This homage merely pays a tithe
Of what in joy and inspiration*

Перевод А. Олеара:
<...> *шедевру Пушкина. Роман
нам свыше был для счастья дан,*

*It gave me once and does not cease
To give me) — Pushkin's masterpiece
In Johnston's luminous translation:
Eugene Onegin – like champagne
Its effervescence stirs my brain*
[GG, 2018, p. 218].

*а Джонстон перевел прекрасно.
«Онегин» — старое вино,
но как волнует кровь оно!*
[ЗВ, 2018, с. 219].

Итак, благодаря переводу Джонстона рождается новый «пушкинский» текст. Переводить «Евгения Онегина» начали еще в XIX веке, и сегодня существует достаточно большое количество переводов, не только стихотворных, но и прозаических (хорошо известен прозаический перевод Р. Кларка). В 1964 году Уолтеру Арндту (Walter Arndt) была даже вручена Боллингенская премия за сохранение онегинской строфы в английском варианте. В судьбе «Онегина на чужбине» сыграл большую роль и труд Владимира Набокова: его точный подстрочный перевод и комментарий не могли не оказать влияния на переводчиков, решивших создать свой вариант англоязычного «Онегина». Среди них оказался и Чарльз Джонстон, успешный английский дипломат [Британский ..., 2023].

Судьбоносной для переводчика оказалась встреча с будущей женой, Натальей Багратион-Мухранской, которая в 1944 году преподнесла ему пушкинский роман в качестве свадебного подарка. И тридцать лет спустя, уйдя в отставку, Джонстон решил попробовать перевести гениальный русский текст. В примечании к своему переводу Джонстон пишет об особой магии пушкинского текста, сочетающего тончайший лиризм и блестящее остроумие, глубокий психологизм и высочайшее мастерство повествования [Johnston, 1979].

Находясь под сильным влиянием выполненного Ч. Джонстоном перевода, Викрам Сет создает «The Golden Gate», произведение, которое получило известность как «великий калифорнийский роман», вернувший рифму в англоязычную литературу [Lehman, 1986]. Роман начинают переводить на другие языки, но Сет, по его признанию, ждал главного перевода — перевода на язык Пушкина. Наконец, в 2018 году вышел русский перевод, выполненный Андреем Олеаром. Издан он был параллельно с английским текстом, в оформлении Екатерины Марголис. Чтобы подчеркнуть генетическую связь двух текстов и двух авторов, художница использовала как рисунки Пушкина, так и авторскую каллиграфию Сета. В поэтическом предисловии к русскому изданию автор подчеркивает, что возвращает России ее дар, который получил благодаря переводу Ч. Джонстона:

At long last (by will of Zeus)

Return this gift to you, o Rus! [GG, 2018, p. 6].

Вернуть твой дивный дар берусь

(Сам Зевс велел) тебе, о Русь! [ЗВ, 2018, с. 7].

Что же могло так поразить молодого автора в романе, с которым он познакомился в переводе? Из интервью А. Меер следует, что именно форма привлекла В. Сета больше всего: он понял, что она подойдет для создания калифорнийских историй, которые ему так хотелось написать [Meer, 2011]. Благодаря пушкинской форме возник новый роман в стихах, американский вариант «Евгения Онегина».

3.3. «Евгений Онегин» → «The Golden Gate»: межкультурный перевод

Хорошо известны слова М. М. Бахтина о взаимопроникновении культур: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше)» [Бахтин, 1979, с. 335].

Появление американского «Онегина» полностью подтверждает слова Бахтина. Отражение в зеркале иной культуры позволило создать, по словам Григория Кружкова, «роман об американце, исполненный старомодного изящества и пушкинской задумчивой грусти» [Кружков, 2021].

Роман в стихах В. Сета, на наш взгляд, можно считать результатом культурного трансфера. Согласно определению М. Эспаня, культурный трансфер — это «процесс переозначивания (ресемантизации), который сопровождает переход культурного объекта из одного пространства в другое» [Эспань, 2018, с. 685].

Говоря о переходе культурных объектов, ученый особо подчеркивает роль посредников, без которых было бы невозможно свободное движение объектов. К посредникам он относит и переводчиков [Эспань, 2018, с. 685].

Е. Е. Дмитриева отмечает, что в настоящее время теорию культурного трансфера можно считать новым этапом в осмыслении феномена перевода [Дмитриева, 2018, с. 17]. Знаменательным представляется и название введения к коллективной монографии «Лингвистика и семиотика культурных трансферов»: «Теория культурных трансферов: от переводоведения — через cultural studies — к теоретической лингвистике». Во введении подчеркивается, что «переводной текст объективирует процесс переноса, заимствования из одной традиции в другую», а сам он рассматривается «как ценный и самодостаточный» [Лингвистика ..., 2016, с. 21].

Считаем, что в случае романа В. Сета мы можем говорить о феномене культурного трансфера, где есть все составляющие: *культура отдающая*

(русская), *культура принимающая* (американская) и *посредник* (переводчик), а сам текст романа, являясь «самодостаточным», полон заимствований из своего «оригинала» — пушкинского «Евгения Онегина».

Рассмотрим несколько конкретных примеров заимствований, возникших в процессе межкультурного перевода.

Первое и главное «заимствование» — онегинская строфа, то есть форма. Второй и очень значимый пушкинский след в романе В. Сета — это его главный герой по имени Джон, которого можно назвать двойником Онегина. Он живет в Сан-Франциско в 1980-е годы, ему 26 лет (вспомним пушкинское указание на возраст героя в начале романа). Можно условно считать, что Онегин перемещен в другое время и другое пространство, и вместо петербургского денди читатель знакомится с *young handsome yuppie* (молодым красивым *яппи*), специалистом в области ИТ.

Как Байрон и Пушкин, В. Сет с первых строк знакомит нас со своим героем:

В. Сет:
*Hail Muse. Dear Reader, once upon
A time, say circa 1980,
There lived a man. His name was John.
Successful in his field though only
Twenty six, respected, lonely*
[GG, 2018, p. 12].

Перевод А. Олсара:
*«Здравствуй, Муза! Некто Джон
жил-был себе в восьмидесятых.
Героем нашим станет он.
Джон — в двадцать шесть —
в ряду немногих
успешных; ныне одинокий,
о чем-то думая, идет
аллеей «Золотых ворот»* [ЗВ, 2018,
с. 13].

Обращение к читателю и Музе — это, конечно, отсылка к Пушкину. И далее автор строит знакомство с героем, следуя схеме, созданной в «Евгении Онегине». В предыдущей работе мы провели сравнение текстов по нескольким составляющим этой схемы [Нестерова и др., 2023].

Анализ показал, что герой Сета — это новый Онегин: он так же богат, хорош собой, у него есть все, чтобы быть счастливым, но он, как и Онегин, жизнью недоволен, находится буквально на грани нервного срыва:

В. Сет:
*I'm young, employed, healthy,
ambitious
Sound, solvent, self-made, self-
possessed.*

Перевод А. Олсара:
*Ведь занят, молод и успешен,
здоров, надежен, с головой
в порядке все, но это внешне,
внутри же — будто сам не свой.*

*But all my symptoms are pernicious.
The Dow-Jones of my heart's
depressed.
The sunflower of my youth is wilting.
The tower of my dreams is tilting.
The zoom lens of my zest is blurred.
The drama of my life's absurd.
What is the root of my neurosis?*
[GG, 2018, p. 34].

*Желаний Доу-Джонс в упадке,
подсолнух чувств лежит на
грядке;
как в скверной оптике — мечты:
тусклы, размыты и пусты.
В чем корень этого невроза?*
[ЗВ, 2018, с. 35].

Приведенный отрывок, безусловно, является результатом переосмысления соответствующего фрагмента из «Евгения Онегина», с которым В. Сет познакомился в переводе Ч. Джонстона.

Герой Сета, как и Онегин, «aristocratic, of well-groomed tastes and tasteful grooming» (аристократичен, с хорошим вкусом и воспитанием), у него есть «English father» (отец в Англии), с которым, как у Онегина, нет близких отношений (все мы помним, что Онегина «отец понять не мог»). Мы узнаем о литературных и музыкальных вкусах героя. В частности, он читает:

*Lif's Little Ironies by Hardy,
The gloomier sermons of John Donne,
The Zibaldone of Leopardi,
The Queen of Spades* [GG, 2018, p. 30].

*(«Маленькие иронии жизни» Гарди,
мрачные проповеди Джона Дона,
«Дневник размышлений» Леопарди,
«Пиковую даму»).*

И в этих строках есть отсылка к Пушкину, к его «Пиковой даме». В другом месте Сет сообщает, что его герой читает «eclectically from Mann to Vede» (бессистемно, от Манна до Беды). Онегин же «брал Гомера, Феокрита, зато читал Адама Смита». И такие зеркальные отражения пушкинского текста в романе Сета более чем многочисленны. Так, если знакомство с Онегиным происходит, когда он летит «в пыли на почтовых», то его американский двойник «walked across Golden Gate Park» (шел по парку «Золотые ворота»); Онегин мчится к Talon, где ждет его «французской кухни лучший цвет», Джон же идет в ресторан *The Shu Jing*, где «food is great» (еда великолепна). Если Онегин умеет «тревожить сердца кокеток записных», то Джон «singd the hearts of several women» (заставил бить-

сы не одно женское сердце). Но если Онегин — «наследник всех своих родных», «забав и роскоши дитя», то Джон «employed, healthy, ambitious, sound, solvent, self-made, self-possessed» (работает, здоров, амбициозен, разумен, платежеспособен, всего добился сам, сдержан). Такое различие объяснимо: другое время, другая страна, другие условия жизни. Но при этом оба героя страдают одним недугом, «подобным английскому сплину», оба, имея все, устали от жизни: Онегин «к жизни вовсе охладел», однако, как подчеркивает Пушкин, «застрелиться, слава Богу, попробовать не захотел», а американский успешный яппи в отчаянии признается: «I die! I faint! I fail! I sink!» (Я умираю! Я без сил! Я неудачник! Я тону!).

Своего рода заимствованием можно считать и систему персонажей «Золотых ворот»: в центре внимания два героя (Джон и его университетский друг Фил) и две героини, Джен и Лиз. «Письмо Татьяны» в результате культурного трансфера превратилось в газетное объявление, которое пишет от имени страдающего Джона его подруга Джен:

В. Сет:
*Young handsome yuppie, 26,
Straight, forward, sociable, but
lonely,
Cannot believe that he's the only
Well-rounded and well-meaning
square
Lusting for love. If you? Out there,
Are friendly? Femal, under 30,
Impulsive, fit, and fun, let's meet.*
[GG, 2018, p. 58].

Перевод А. Олеара:
*Красивый яппи, двадцать шесть,
общительный, но одинокий,
Вам адресует эти строки
и чувства скромные свои.
Он так нуждается в любви!
И если Вы добры, Вам тридцать,
Вы женственны — он ждет
письма.*
[ЗВ, 2018, с. 59].

На это объявление появляются отклики — письма от женщин, желающих познакомиться с героем. Он раздражен, но вежливо отвечает:

В. Сет
He sends in a plain envelope
The photocopied lines: *I hope
You will excuse this xeroxed letter.
I do not think that you and I
Are matched, but thanks for your reply
To my ad, and I wish you better
Luck for the future. John.*
[GG, 2018, p. 74].

Перевод А. Олеара
*Я искренне Вам благодарен
за чувства Ваши и письмо...
Но — (слово ищется само) —
Вам встретится достойный парень.
Удачи». Подпись — просто «Джон»*
[ЗВ, 2018, с. 75].

Нельзя не узнать в этом ответе онегинскую отповедь. И таких «онегинских» заимствований в тексте В. Сета очень много. Их анализ, на наш взгляд, представляет большой интерес с точки зрения изучения перевода как диалога культур.

4. Заключение = Conclusions

Появление в американской культуре романа В. Сета, на наш взгляд, означает, что великий русский пушкинский текст все глубже прорастает в западный мир, что он становится все более «сильным текстом», транслируемым в другие культуры. Эта трансляция может быть представлена как своеобразный межкультурный перевод, в котором исходной культурой является русская, принимающей — американская, а в результате появляется своеобразный лингвокультурный «сплав», соединяющий две культуры и два языка. В рассматриваемом нами случае таким сплавом становится роман «The Golden Gate», где присутствуют, с одной стороны, онегинская строфа, пушкинский образ героя, пушкинские лирические отступления, а с другой — американская действительность конца двадцатого века. Произошел межкультурный и межъязыковой контакт, который стал возможен благодаря посреднику — переводчику Чарльзу Джонстону.

Представляется уместным вспомнить слова Иржи Левого, одного из самых признанных переводоведов, писавшего, что именно переводы и направляют «литературное развитие в сторону мировой литературы», которую ученый представлял как сообщающиеся сосуды [Левый, 1974, с. 167]. Уникальный случай двойного (межъязыкового и межкультурного) перевода великого русского текста подтверждает слова Иржи Левого. Появление нового «Онегина» — это результат сложного масштабного переводческого процесса, начальной точкой которого, по-видимому, нужно считать текст Дж. Г. Байрона, подарившего Пушкину жанр романа в стихах. В целом этот процесс включал в себя несколько этапов, несколько переводческих актов: 1) перевод «Дон Жуана» на русский язык, который позволил Пушкину познакомиться с байроновским текстом (в том числе с его формой) и создать свой роман в стихах; 2) выполненный Ч. Джонстоном межъязыковой перевод «Евгения Онегина» с сохранением онегинской строфы, который вдохновил В. Сета на создание собственного «романа в стихах»; 3) внутриязыковой, но межкультурный перевод, результатом которого стал новый «Онегин», роман «The Golden Gate»; 4) перевод на русский язык текста В. Сета и появление его русскоязычной версии «Золотые ворота», созданной А. Олсаром. В этой версии соприсутствуют авторы двух романов в стихах — Пушкин и Сет.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. — Санкт-Петербург : Паритет, 2006. — 314 с. — ISBN 5-93437-258-0.
2. ДЖ — *Байрон Дж. Г.* Дон-Жуан / Дж. Г. Байрон // Паломничество Чайльда-Гарольда. — Москва : Художественная литература, 1972. — С. 195—779.
3. ЕО — *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Роман в стихах / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. — Москва : Наука, 1964. — Т. 5. — С. 9—213.
4. *Лермонтов М. Ю.* Тамбовская казначейша / М. Ю. Лермонтов // Стихотворения ; Поэмы ; Маскарад ; Герой нашего времени. — Москва : Художественная литература, 1989. — С. 156—176. — ISBN 5-280-01288-2.
5. ЛиЯ — *Литература* и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А. П. Горкина. — Москва : РОСМЭН, 2006. — 584 с. — ISBN 978-5-353-02604-4.
6. *Пушкин А. С.* Письмо П. А. Вяземскому 4 ноября 1823 г. / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. — Москва : Наука, 1964. — Т. 10. — С. 69.
7. *Cem V.* The Golden Gate = Золотые Ворота / Vikram Seth = Викрам Сет, [пер. с англ. А. Олеара, ил. Е. Марголис, посл. А. Олеара и Е. Марголис]. — Москва : Центр книги Рудомино, 2018. — 672 с. — ISBN 978-5-00087-154-6.
8. DJ — *Byron J. G.* The Selected Poems of Lord Byron. Including Don Juan and Other Poems / G. Byron. — Wordsworth, 2017. — 808 p. — ISBN 978-1-85326-406.
9. *Pushkin A.* Eugene Onegin and Other Stories / A. Pushkin / Translated from the Russian by Ch. Johnston. Everyman's Library Pocket Poets. Alfred A. Knoff. New York. — London — Toronto, 1999. — 240 p.

Литература

1. *Алексеева И. С.* Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. — Москва : Международные отношения, 2008. — 180 с. — ISBN 978-5-7133-1318-0.
2. *Баевский В. С.* Присутствие Байрона в «Евгении Онегине» / В. С. Баевский // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. — 1996. — Т. 5. — № 6. — С. 4—44.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1979. — 423 с.
4. *Беликова А. В.* «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Дон-Жуан» Дж. Г. Байрона — «романы в стихах» XIX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Беликова. — Москва, 1982. — 196 с.
5. *Британский* дипломат перевел «Евгения Онегина» [Электронный ресурс] // Молдавские ведомости : [газета]. — 2023. — 10 мая. — Режим доступа : <http://www.evedomosti.md/news/britanskij-diplomat-perevel-evgeniya-onegina?ysclid=lyt2h2cceaj518662552> (дата обращения 21.07.2024).
6. *Бутенина Е. М.* Транскультурный код «Евгения Онегина» в поэтическом романе США / Е. М. Бутенина // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 48. — С. 158—172. — DOI: 10.17223/19986645/48/11.

7. *Гаррард Дж.* Сравнительный анализ героинь «Дон Жуана» Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина / Дж. Гаррард // Вопросы литературы. — 1996. — № 6. — С. 153—177.
8. *Гудкова Я. А.* Антиномия в поэзии (на материале произведений Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» и А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и их поэтических переводов) / Я. А. Гудкова. — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2015. — 126 с. — ISBN 978-5-9275-1841-8.
9. *Дмитриева Е. Е.* Застывшая жизнь в янтаре : заметки о научной биографии Мишеля Эспаня / Е. Е. Дмитриева // Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — С. 7—32.
10. *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1978. — 422 с.
11. *Кружков Г.* «Онегин» в переводе ... с английского. Встреча с переводчиком романа «The Golden Gate» — Андреем Олеаром [Электронный ресурс] / Г. Кружков. — Режим доступа : <https://british-book-centre.timerpad.ru/event/1521334/> (дата обращения 23.07.2024).
12. *Кулешов В. И.* «Евгений Онегин» Пушкина и «Дон Жуан» Байрона / В. И. Кулешов // Русская словесность. — 1996. — № 3. — С. 27—30.
13. *Левый И.* Искусство перевода / И. Левый. — Москва : Прогресс, 1974. — 396 с.
14. *Лингвистика* и семиотика культурных трансферов : методы, принципы, технологии. Коллективная монография / Отв. ред. В. В. Фещенко. — Москва : Культурная революция, 2016. — 500 с. — ISBN 978-5-902764-76-2.
15. *Набоков В. В.* Избранное / В. В. Набоков. — Москва : Радуга, 1990. — 688 с.
16. *Нестерова Н. М.* «Евгений Онегин» А. Пушкина в зеркале «Золотых ворот» В. Сета, или два Онегина / Н. М. Нестерова, О. В. Соболева // Цивилизация знаний : российские реалии : сборник трудов XXI Международной научной конференции. — Киров : Изд-во МЦИТО, 2020. — С. 396—400.
17. *Нестерова Н. М.* «Пушкинское слово» в американском романе : «Золотые ворота» В. Сета / Н. М. Нестерова, О. В. Соболева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 5 (873). — С. 77—85. — DOI: 10.52070/2542-2197_2023_5_873_77.
18. *Олеар А.* Память формы / А. Олеар // Seth, Vikram = Сет, Викрам. The Golden Gate = Золотые Ворота. — Москва : Центр книги Рудомино, 2018. — С. 647—651. — ISBN 978-5-00087-154-6.
19. *Солодовникова Д. Н.* Онегинские строфы Викрама Сета [Электронный ресурс] / Д. Н. Солодовникова. — Режим доступа : <https://docviewer.yandex.ru/view/1656745/?page=1&> (дата обращения 23.07.2024).
20. *Роман в стихах* // Пушкин в русской философской критике : Конец XIX — первая половина XX в. — Москва : Книга, 1990. — 527 с.
21. *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань ; Пер. с фр. Под общей редакцией Е. Е. Дмитриевой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 816 с. — ISBN 978-5-4448-0752-1.
22. *Швейцер А. Д.* Теория перевода : статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — Москва : Наука, 1988. — 214 с. — ISBN 5-02-010882-0.
23. *Aboudaif S. A.* Anthony Burgess and Vikram Seth as Twentieth Century Verse Novelists : a Critical Survey // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2010. — № 3 (28). — С. 64—78.
24. *Butchard D.* Tracing Lord Byron's influence on Pushkin [Electronic resource] / D. Butchard. — Access mode : https://www.rbth.com/literature/2015/01/28/tracing_

lord_byrons_influence_on_pushkin_43213.html?ysclid=lzbnw2h3iv213254167 (accessed 23.07.2024).

25. Johnston Ch. Translator's Note [Electronic resource] / Ch. Jonston. — Access mode : https://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/ENGLISH/onegin_j.txt (accessed 23.07.2024).

26. Lehman D. A Sonnet to San Francisco / D. Lehman // Newsweek. — 1986. — Vol. 107. — № 15. — Pp. 74—75.

27. Meer A. The artist's voice since 1981 [Electronic resource] / A. Meer. — Access mode : [https://web.archive.org/web/20110502202118/ http://bombsite.com/issues/33/articles/1377](https://web.archive.org/web/20110502202118/http://bombsite.com/issues/33/articles/1377) (accessed 23.07.2024).

Статья поступила в редакцию 04.08.2024,
одобрена после рецензирования 07.10.2024,
подготовлена к публикации 15.10.2024.

Material resources

- Belokurova, S. P. (2006). *Dictionary of literary terms*. St. Petersburg: Parity. 314 p. ISBN 5-93437-258-0. (In Russ.).
- DJ — Byron, J. G. (1972). Don Juan. In: *Childe Harold's Pilgrimage*. Moscow: Fiction. 195—779. (In Russ.).
- DJ — Byron, J. G. (2017). *The Selected Poems of Lord Byron. Including Don Juan and Other Poems*. Wordsworth. 808 p. ISBN 978-1-85326-406.
- EO — Pushkin, A. S. (1964). Eugene Onegin. A novel in verse. In: *Complete works in 10 volumes, 5*. Moscow: Nauka. 9—213. (In Russ.).
- Lermontov, M. Y. (1989). Tambov treasurer. In: *Poems; Poems; Masquerade; Hero of our time*. Moscow: Fiction. 156—176. ISBN 5-280-01288-2. (In Russ.).
- Liya — Gorkin, A. P. (ed.). (2006). *Literature and language. The Modern Illustrated Encyclopedia*. Moscow: ROSMAN. 584 p. ISBN 978-5-353-02604-4. (In Russ.).
- Pushkin, A. (1999). *Eugene Onegin and Other Stories*. New York. London — Toronto. 240 p.
- Pushkin, A. S. (1964). Letter to P. A. Vyazemsky on November 4, 1823. In: *Complete works in 10 volumes, 10*. Moscow: Nauka. P. 69. (In Russ.).
- Seth V. (2018). *The Golden Gate = Golden Gate*. Moscow: Rudomino Book Center. 672 p. ISBN 978-5-00087-154-6. (In Russ.).

References

- A novel in verse. (1990). In: *Pushkin in Russian philosophical criticism: The end of the XIX — the first half of the XX century*. Moscow: Book. 527 p. (In Russ.).
- Aboudaif, S. A. (2010). Anthony Burgess and Vikram Seth as Twentieth Century Verse Novelists: a Critical Survey. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 3 (28): 64—78.
- Alekseeva, I. S. (2008). *Text and translation. Questions of theory*. Moscow: International Relations. 180 p. ISBN 978-5-7133-1318-0. (In Russ.).
- Baevsky, V. S. (1996). Byron's presence in "Eugene Onegin". *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 5 (6): 4—44. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1979). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. 423 p. (In Russ.).
- Belikova, A. V. (1982). "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin and "Don Juan" by J. G. Byron — "novels in verse" of the XIX century. PhD Diss. Moscow. 196 p. (In Russ.).

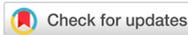
- Butchard, D. *Tracing Lord Byron's influence on Pushkin*. Available at: https://www.rbth.com/literature/2015/01/28/tracing_lord_byrons_influence_on_pushkin_43213.html?ysclid=zbmw2h3iv213254167 (accessed 23.07.2024).
- Butenina, E. M. (2017). Transcultural code of “Eugene Onegin” in the poetic novel of the USA. *Bulletin of Tomsk State University*, 48: 158—172. DOI: 10.17223/19986645/48/11. (In Russ.).
- Dmitrieva, E. E. (2018). Frozen life in amber: notes on the scientific biography of Michel Espagne. In: *Espany M. The history of civilizations as a cultural transfer*. Moscow: New Literary Review. 7—32. (In Russ.).
- Espan, M. (2018). *The history of civilizations as a cultural transfer*. Moscow: New Literary Review. 816 p. ISBN 978-5-4448-0752-1. (In Russ.).
- Feshchenko, V. V. (2016). *Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies. Collective monograph*. Moscow: Cultural Revolution. 500 p. ISBN 978-5-902764-76-2. (In Russ.).
- Garrard, J. (1996). Comparative analysis of the heroines of Byron’s Don Juan and Pushkin’s Eugene Onegin. *Questions of Literature*, 6: 153—177. (In Russ.).
- Gudkova, Ya. A. (2015). *Antinomy in poetry (based on the works of J. G. Byron “Don Juan” and A. S. Pushkin “Eugene Onegin” and their poetic translations)*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University. 126 p. ISBN 978-5-9275-1841-8. (In Russ.).
- Johnston, Ch. *Translator’s Note*. Available at: https://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/ENGLISH/onegin_j.txt (accessed 23.07.2024).
- Kruzhkov, G. “Onegin” in translation... from English. Meeting with the translator of the novel “The Golden Gate” — Andrey Olear. Available at: <https://british-book-centre.timepad.ru/event/1521334> (accessed 23.07.2024). (In Russ.).
- Kuleshov, V. I. (1996). “Eugene Onegin” by Pushkin and “Don Juan” Byron. *Russian literature*, 3: 27—30. (In Russ.).
- Lehman, D. (1986). A Sonnet to San Francisco. *Newsweek*, 107 (15): 74—75.
- Levy, I. (1974). *The art of translation*. Moscow: Progress. 396 p. (In Russ.).
- Meer, A. *The artist’s voice since 1981*. Available at: <https://web.archive.org/web/20110502202118/http://bombsite.com/issues/33/articles/1377> (accessed 23.07.2024).
- Nabokov, V. V. (1990). *Favorites*. Moscow: Raduga. 688 p. (In Russ.).
- Nesterova, N. M., Soboleva, O. V. (2020). “Eugene Onegin” by A. Pushkin in the mirror of the Golden Gate by V. Set, or two Onegin. In: *Civilization of knowledge: Russian realities: proceedings of the XXI International Scientific Conference*. Kirov: ICITO Publishing House. 396—400. (In Russ.).
- Nesterova, N. M., Soboleva, O. V. (2023). “Pushkin’s word” in the American novel: “The Golden Gate” by V. Seth. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5 (873): 77—85. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_5_873_77. (In Russ.).
- Olear, A. (2018). Memory of form. In: *Seth, Vikram = Seth, Vikram. The Golden Gate = Golden Gate*. Moscow: Rudomino Book Center. 647—651. ISBN 978-5-00087-154-6. (In Russ.).
- Schweitzer, A. D. (1988). *Theory of translation: status, problems, aspects*. Moscow: Nauka. 214 p. ISBN 5-02-010882-0. (In Russ.).
- Solodovnikova, D. H. *Onegin stanzas of Vikram Seth*. Available at: <https://docviewer.yandex.ru/view/1656745/?page=1> & (accessed 23.07.2024). (In Russ.).

The British diplomat translated “Eugene Onegin”. (2023). *Moldavian Vedomosti: [newspaper]*. May 10. Available at: <http://www.evedomosti.md/news/britanskij-diplomat-perevel-evgeniya-onegina?ysclid=lyt2h2ceaj518662552> (accessed 21.07.2024). (In Russ.).

Zhirmunsky, V. M. (1978). *Byron and Pushkin: Pushkin and Western literatures*. Leningrad: Nauka. 422 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.08.2024;
approved after reviewing 07.10.2024;
accepted for publication 15.10.2024.*

Информация для цитирования:

Шипова И. А. Манипулятивные механизмы в немецкоязычном экономическом дискурсе (на примере публикаций о внешнеэкономических связях Германии и Китая в 2020—2023 годах) / И. А. Шипова, Н. В. Бадаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 148—169. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-148-169.

Shipova, I. A., Badaeva, N. V. (2024). Manipulative Mechanisms in German Economic Discourse: A Study of Publications on Foreign Economic Relations between Germany and China in 2020-2023. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 148-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-148-169. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Манипулятивные механизмы в немецкоязычном экономическом дискурсе (на примере публикаций о внешнеэкономических связях Германии и Китая в 2020—2023 годах)

Шипова Ирина Алексеевна¹
orcid.org/0000-0001-6179-6960
доктор филологических наук,
профессор
кафедры немецкого языка
корреспондирующий автор
schipowa@mail.ru

Бадаева Наталья Валерьевна²
orcid.org/0000-0003-4137-8918
WoS ResearcherID: P-6316-2015
кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкого языка
natalia_badaeva@mail.ru

¹Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)

²Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Manipulative Mechanisms in German Economic Discourse: A Study of Publications on Foreign Economic Relations between Germany and China in 2020-2023

Irina A. Shipova¹
orcid.org/0000-0001-6179-6960
Doctor of Philology, Professor
Department of German Language
corresponding author
schipowa@mail.ru

Natalia V. Badaeva²
orcid.org/0000-0003-4137-8918
WoS ResearcherID: P-6316-2015
PhD of Philology, Associate Professor
Department of German Language
natalia_badaeva@mail.ru

¹Moscow Pedagogical
State University
(Moscow, Russia)

²Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению механизмов манипулятивного воздействия в немецкоязычном экономическом дискурсе. Эмпирическим материалом послужили статьи Кёльнского института мировой экономики, описывающие внешнеторговое сотрудничество ФРГ и КНР в 2020—2023 годы. Выявлено, что метафоры, заимствования, фразеологизмы, экспрессивы, эмотивы, включающие комбинации оценочных коннотаций, оказывают скрытое манипулятивное воздействие на участников коммуникации. На уровне грамматики превосходная степень наречий и модальные глаголы в форме претеритального конъюнктива позволяют конструировать изложение так, чтобы занижать значимость успехов КНР как экономического конкурента. Анализ показал, что манипулирование в экономическом дискурсе намеренно заретушировано, то есть имеет имплицитный характер. Выяснено, что в подобных текстах представлять китайскую экономику в однозначно негативном свете нецелесообразно, однако нельзя не заметить тенденции занижения значимости успехов, негативной оценки деловой активности, преувеличения степени опасности для партнеров по бизнесу со стороны Китая. Новизна и актуальность исследования обусловлены постановкой вопроса о техниках манипулятивного воздействия при формировании языковой картины мира в рамках экономического дискурса, который до сих пор с этой позиции не рассматривался, поскольку считается разновидностью объективированного текста, опирающегося на научно-статистические данные.

Ключевые слова:

экономический дискурс; языковая картина мира; речевое манипулирование; германские языки; коннотация; семантика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the mechanisms of manipulative influence within German-language economic discourse. The empirical material consists of articles from the Köln Institute for Economic Research, detailing external trade cooperation between Germany and China during the years 2020 to 2023. It has been found that metaphors, borrowings, idiomatic expressions, expressive language, and emotives — comprising combinations of evaluative connotations — exert a covert manipulative effect on communication participants. At the grammatical level, the use of adverbs in the superlative degree and modal verbs in the preterite subjunctive form enables the construction of narratives that downplay the significance of China's successes as an economic competitor. The analysis reveals that manipulation within economic discourse is intentionally obscured, possessing an implicit nature. It has been determined that portraying the Chinese economy in an unequivocally negative light is impractical; however, there are noticeable trends towards diminishing the significance of its successes, negatively evaluating business activity, and exaggerating the perceived threats posed by China to its business partners. The novelty and relevance of this research lie in addressing the techniques of manipulative influence in shaping the linguistic worldview within economic discourse — a perspective that has not yet been explored, as such texts are often considered objective documents grounded in scientific statistical data.

Key words:

Economic discourse; linguistic worldview; speech manipulation; German languages; connotation; semantics.

УДК 811. 11-112 130.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-148-169

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Техника манипулятивного воздействия на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе (на примере описания внешнеэкономических связей Германии и Китая)

© Шипова И. А., Бадаева Н. В., 2024

1. Введение = Introduction

Стремительные трансформации геополитической ситуации в современном мире, а также сопутствующие им изменения в экономике оказывают влияние на картину мира как отдельных людей, так и социума в целом.

Под *картиной мира* в общеполитическом плане понимается глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека и репрезентующий его сущностные свойства в понимании носителей определенного языка как членов национально-культурного сообщества, она является результатом всей духовной активности человека [Роль..., 1988, с. 20—21].

Для любой из разновидностей картины мира, будь то наивная, религиозная или научная, язык является тем инструментом, посредством которого люди систематизируют и репрезентуют соответствующие концепты [Там же, с. 142—143] как структурно-содержательные единицы сознания. Сказанное предполагает наличие у каждого из человеческих сообществ особой, характеризующейся своеобразием языковой картины мира, которая исторически складывается в обыденном сознании определенного языкового коллектива и представляет собой отраженные в языке совокупные знания о мире и способы их получения и интерпретации [Пименова, 2019, с. 25—26].

В число неотъемлемых характерных признаков языковой картины мира входят, в частности, специфическая квалификация определенных предметных областей и соответственная ориентация этих областей на ту или иную сферу общения [Карасик, 2002, с. 129—130]. Определение понятия предметной области варьируется в зависимости от того контекста, в котором оно используется. Структура предметной области предполагает наличие объектов, в качестве которых выступают разнородные элементы: предметы, явления, процессы, события, факты и мн. др. Сюда же относят отношения между объектами, наличие которых предусматривает и суще-

ствование субъекта, то есть кого-то, чьи действия направлены на объекты. Таким образом, предметная область воспринимается как часть реального мира и понимается как динамическая, социально детерминированная структура [Лихолетова, 2005, с. 12]. С опорой на мнение ряда исследователей мы определяем предметную область как сферу, соотносительную с некоторым фрагментом действительности, выделяемую, структурируемую и интерпретируемую в соответствии с целями, методами и инструментарием какой-либо деятельности, осуществляемой над некоторым классом входящих в нее объектов [Белоусов и др., 2014, с. 52].

К. И. Белоусов, Д. А. Баранов и Н. Л. Зелянская пишут о том, что термины, используемые в работах о предметных областях, относятся к разным подсистемам и структурам информационного пространства науки [Там же, с. 53], в связи с чем правомерно, на наш взгляд, рассматривать предметную область как сферу, которая в языке и речи приобретает специфичность своего выражения, что в совокупности составляет некий институциональный дискурс с набором характерных для него понятийных единиц. В данном ракурсе он выступает как связный текст, включающий в себя социокультурные, психологические и другие факторы. В целом, дискурс — это текст, взятый в событийном аспекте, то есть речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах сознания [Арутюнова, 1990, с. 136—130]. Мы полагаем, что коммуникация в определенной предметной деятельности осуществляется посредством соответствующего типа дискурса, а следовательно, его структура, профессиональная направленность и сфера реализации оказывают влияние на ту языковую картину мира, которая формируется у субъектов предметной области. Отражаемая в рамках определенного дискурса языковая картина мира сформирована типичными для данного дискурса лингвистическими средствами, привлекаемыми для описания соответствующей предметной области.

В некоторых работах инвариант языковой картины мира в определенной предметной или концептуальной области представляется дискурсивной картиной мира, которая формируется в результате комбинации сознания, языка и реальности и меняется вместе с ними. О способности дискурсивной картины мира к динамическим изменениям пишет и З. И. Резанова, уточняя, что это объясняется «впаянностью» дискурсов в социальные процессы [Резанова, 2011, с. 39].

По утверждению П. Рикёра, в основе дискурса находится высказывание, которое обладает направленной интенцией [Рикёр, 2008, с. 141—142]. Иными словами, адресант стремится в помощью речевых действий достичь неких целей, которые с развитием информационного пространства

постоянно усложняются, методы формирования смыслов и влияния на аудиторию становятся все более комплексными. В широком, социально-семиотическом смысле это воздействие может осуществляться различными медиаспособами, в том числе посредством изображений, фильмов и пр., а также их комбинациями с речевыми инструментами [van Leeuwen, 2005, p. 123]. В результате, по мнению А. В. Мельника и Т. И. Шемонаева, дискурс превращается в сетевое коммуникативное пространство, в котором осуществляется конструирование и реформатирование реальности [Мельник и др., 2019, с. 6].

Экономический дискурс в этом случае не исключение, а прямое доказательство справедливости слов А. В. Мельника. Как один из подвидов институционального дискурса экономический дискурс с помощью языковых и речевых средств специфически отображает предметную область «Экономика» и представляет собой социально детерминированный процесс, в рамках которого в едином информационном пространстве производятся, объективируются, транслируются и подвергаются оценочным характеристикам содержательно значимые формы, в том числе и письменные тексты заранее определенной тематики [Бадаева, 2023, с. 40—41].

Говоря об экономическом дискурсе как социально обусловленном процессе, нельзя не упомянуть, что значимым фактором его формирования в последнее время стала возможность подключения информационного поля без ограничений к цифровой среде, что постоянно влияет на качественный и количественный состав его участников. Из эксклюзивного продукта, понятного людям со специальными знаниями и квалификацией, он стал общедоступным в любой момент времени и приобрел некоторые характеристики, типичные для медиадискурса в целом. Тексты, составляющие экономический дискурс, неоднородны, поскольку современные возможности коммуникации размывают границы между тем, что рассматривается как СМИ, как научный анализ явлений или устный дискурс обсуждения вопросов экономики в различных социальных слоях общества. В связи с этим то, что публикуется в изданиях научного толка, часто приобретает черты, свойственные популярным псевдонаучным интерпретациям или публицистическому стилю обычных новостных порталов. Все это так или иначе вписывается в понятие экономического дискурса с его языковой картиной мира.

Средства массовой информации, в функции которых входит информирование населения о происходящем в мире и одна из сфер которых принадлежит к экономическому дискурсу, оказывают влияние на формирование общественного мнения, что прагматически обусловлено. Кроме передачи сведений о финансовых отношениях, инвестициях или хозяйственных свя-

зях, экономический дискурс определяет восприятие и оценку происходящих процессов, имеющих значение для жизни всех слоев населения. При этом нельзя исключать в экономическом дискурсе речевой манипуляции, превращающей язык в инструмент «формирования у широкой аудитории определенных предпочтений, вкусов, потребностей, предрассудков, стереотипов, которые выгодны манипулятору» [Ковешникова, 2014, с. 388].

Сейчас большой интерес вызывает анализ речевой манипуляции в политическом и рекламном дискурсе, поэтому манипулятивные стратегии и тактики уже довольно хорошо изучены. В экономическом дискурсе вопрос о речевом манипулировании не стоит так остро, что вполне закономерно в связи с его ориентированностью на оперирование объективными статистическими данными. Однако эмпирический материал свидетельствует о том, что и этому типу дискурса не чуждо речевое манипулирование, тактики и стратегии которого базируются на лексическом, грамматическом и других уровнях восприятия языковой системы [Найденова, 2016, с. 148—153].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для того чтобы проследить, используются ли в экономическом дискурсе техники манипулятивного воздействия на его участников, и, в случае положительного ответа на этот вопрос, изучить приемы воздействия, были отобраны тексты немецкоязычных научных статей, опубликованных в период 2020—2023 годов на портале Кельнского института экономических исследований (IW). Статьи посвящены экономическим отношениям ЕС, Германии и Китая и сфокусированы на таких острых в настоящий момент темах, как наличие геостратегической зависимости экономики Европы от КНР и ее объективная оценка, способы снижения рисков, возможная необходимость частичного отказа от принципов свободного рынка и вмешательство властей Евросоюза в целом и Германии в частности в торговые взаимоотношения с китайскими партнерами.

Выбор темы и издания обусловлен актуальностью данных отношений для обеих сторон, поскольку они влияют на социально-политическую обстановку в Германии, имеют определенное значение для мировой экономики в целом. Корпусом исследования стали фрагменты статей за авторством Юргена Маттеса (и соавторов) — руководителя кластера международной экономической политики, финансовых и имущественных рынков Кельнского института экономических исследований (IW), в сферу научных интересов которого входят торгово-экономические взаимоотношения стран так называемой Большой семерки, ЕС и Китайской Народной Республики. Поскольку отобранные статьи представлены на официальном портале научно-исследовательского института, то мы вправе предположить, что они

отражают не только авторскую позицию, но и, в целом, точку зрения Кельнского института экономических исследований (IW), который был основан в 1951 году, а в настоящий момент является одним из самых влиятельных и независимых от органов государственной власти научных центров ФРГ, занимающихся анализом данных в экономике и сопредельных сферах. Будучи связан с различными предпринимательскими ассоциациями, в частности — с Конфедерацией немецких ассоциаций работодателей и Федерацией немецкой промышленности, и отражая либеральные экономические позиции, Кельнский институт экономических исследований представляет собой головное учреждение лоббистской организации Initiative Neue Soziale Marktwirtschaft (Инициатива «Новая социальная рыночная экономика»), что предполагает некоторую идеологическую направленность в подходах института к освещению полученных в процессе работы результатов. При этом нельзя исключать и стремления к объективности и беспристрастности в предлагаемом материале, потому что, как справедливо замечает В. И. Карасик, и то, и другое по сути своей является основной ценностью научного дискурса [Карасик, 2002, с. 230—232].

Рассмотренные тексты свидетельствуют о наличии в них средств манипулятивного воздействия, которые, на наш взгляд, влияют на формирование языковой картины мира участников экономического дискурса.

В работе мы опирались на структурно-логический метод с использованием методик систематизации, классификации и понятийного анализа; метод контекстологического анализа дискурса при описании включения в текст элементов манипулятивного воздействия; метод семантического анализа для характеристики лексических единиц, воспринимаемых как инструмент манипулирования; метод стилистического анализа, а также метод статистической обработки данных. Методология исследования при выявлении метафор опирается на когнитивно-дискурсивный подход. Основными методами исследования при этом являются классификация, семантическая интерпретация, контекстуальный анализ. В исследовании также используются общенаучные методы: метод сплошной выборки, количественный подсчет, обобщение, сопоставление, описание и интерпретация.

При выявлении элементов речевого манипулирования в рамках экономического дискурса мы ориентировались на частотность использования определенных языковых явлений, в семантике которых эксплицитно, а чаще имплицитно актуализировалась определенная тематическая направленность, предполагающая неявную отрицательную коннотацию действий Китая в экономическом сотрудничестве с Германией.

Общий объем статей, отобранных нами для исследования, составил 16 847 слов, или 2,7 авторских листа. Опираясь на работы специалистов по

вопросам манипулятивного воздействия [Виноградова, 2010; Ковешникова, 2014; Найденова, 2016; Шагбанова, 2020; van Dijk, 2006; van Leeuwen, 2005], мы трактуем определенные лексические единицы как инструменты речевого манипулирования, общее количество которых в названном объеме составило 63. Таким образом, на каждые 267 слов в среднем обнаруживается один элемент, так или иначе несущий в себе оценочный (идеологически маркированный) потенциал воздействия на адресата. Поскольку исследований, посвященных количественному сопоставлению инструментов речевого манипулирования в текстах экономической тематики, не проводилось, полученный статистический результат может рассматриваться как отправная точка для определения соотношения общего текста и введенных в него маркеров манипулирования и открывает возможность для дальнейших исследований такого рода в различных видах дискурса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Способы влияния на языковую картину мира

В контексте определенной коммуникативной ситуации на реципиента речи оказывают влияние, в первую очередь, слова, которые могут утрачивать или приобретать необходимый продуценту речи коннотативный смысл, влияя на сознание адресата в зависимости от намерения говорящего / пишущего. Их выбор — субъективно-оценочный акт, в котором лексические единицы представляют собой средство активации единой системы представлений в сознании реципиента [Шагбанова, 2020, с. 73]. Именно слово становится инструментом языковой манипуляции, потому что с его помощью в человеческом сознании актуализируются концепты, влияющие на формирование языковой картины мира как внутри некоего сообщества в целом, так и у субъектов определенной предметной области в одном из отдельно взятых дискурсов.

Способы влияния на языковую картину мира разнообразны и варьируются в зависимости от компонентов языковой системы и типа дискурса. С. А. Виноградова пишет о приемах трансформации лексической семантики через переход на нужный адресанту-манипулятору уровень стилистической окраски, благодаря чему манипулирование имеет место, не очень существенно искажая факты. Для этого используются эвфемизмы, дисфемизмы, метонимические единицы, метафоры, конверсивы, «слова-амебы», имеющие общую семантику и получающие коннотацию только в контексте, неологизмы, прецедентные феномены и т. д. [Виноградова, 2010, с. 97]. На грамматическом уровне языковой системы при манипулировании задействованы в первую очередь вариативно используемые глагольные формы — переход активного залога в пассивный, использование

сослагательного наклонения, средств выражения различного типа модальности и др. [Шагбанова, 2020, с. 76].

В отличие от политического или рекламного в экономическом дискурсе признак целенаправленности речевой манипуляции размыт, поэтому не всегда можно однозначно определить, что является целью коррекции картины мира адресата. Важно также отметить, что отдельно взятое языковое средство не обязательно оказывает необходимое манипулятивное воздействие. Как правило, в контексте речевого потока различные языковые средства представлены комплексно и именно таким образом оказывают влияние на восприятие подаваемой в сообщении информации. В этой связи уместно вспомнить замечание Т. ван Дейка, что в рамках критического анализа дискурс оценивается как манипулятивный прежде всего с точки зрения его контекстных категорий, а не текстовых структур [van Dijk, 2006, p. 372]. Перейдем к анализу.

3.2. Метафора как средство манипулятивного воздействия на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе

Наиболее частотным элементом с соответствующей коннотацией в предлагаемом корпусе текстов, по нашим наблюдениям, выступает метафора, которая с когнитивной точки зрения остается значимым способом осмысления и трактовки явлений объективной реальности и представляет собой весьма эффективный инструмент формирования того или иного представления о фактах внеязыковой действительности. По этому поводу О. Л. Михалева резонно замечает, что, используя ту или иную метафорическую модель, адресант способен выстроить выгодную ему картину в сознании адресата [Михалева, 2008, с. 92—93]. Рассмотрим это на примере фрагмента (1):

(1) *Denn China ist bei Elektrofahrzeugen gerade dabei, die europäischen Märkte zu erobern, wenngleich noch von geringer Basis ausgehend. Auch erscheint es fraglich, wie die energieintensive Chemieindustrie ihre gesamtwirtschaftlich relevanten Exporterfolge bei so hohen Energiekosten verteidigen soll, zumal China auch hier Boden wettgemacht hat* [Mattes, 2023b, S. 4] (Ведь Китай уже принялся завоевывать европейские рынки, хотя и располагая пока лишь незначительной ресурсной базой. Также под вопросом, как энергоемкой химической промышленности следует **защитить** свой экспортный успех при таких высоким ценах на энергоносители, тем более что их Китай тоже компенсировал) (здесь и далее перевод наш. — Н. Б.).

Выбор военной метафоры в виде оппозиции *завоевывать* — *защитить* в (1) расставляет необходимые адресанту акценты: Китай наделяется ролью захватчика, а европейская промышленность оказывается в обороняющейся позиции, что вызывает сочувствие. Китай при этом ведет не

только внешнюю экспансию, но и предпринимает шаги для собственной защиты, вынашивая стратегические планы, что показано уже в (2).

(2) *Ganz generell wirkt die chinesische Wirtschaftsstrategie mittelfristig darauf hin, weniger zu importieren* [Mattes, 2023a, S. 3] (В целом в среднесрочной перспективе **экономическая стратегия** Китая направлена на уменьшение импорта).

Отметим, что в приведенных примерах (1 и 2) милитарные метафоры имплицитно используются для создания образа КНР как агрессивного партнера, имеющего далекоидущие намерения не в пользу западных партнеров. При этом сами партнеры отнюдь не бездействуют, что показывает пример (3), где актуализируется метафорическая модель **КАРТОЧНОЙ ИГРЫ**:

(3) *Weitere Güter dieser Gruppe, die hier aufgrund der hohen westlichen Einfuhren als westliche Joker tituliert werden, sind Zubehör für Kraftfahrzeuge, Eisenerzeugnisse oder Teile für Maschinen und Geräte im Hochbau und Straßenbau* [Iglesias, 2023, S. 13] (Другие товары этой группы, которые мы по причине высокого объема западного импорта назовем здесь **джокерами Запада**, являются комплектующими для автотранспорта, изделиями металлургической промышленности или запчастями для станков или приборов для наземного и дорожного строительства).

В карточной игре джокер обозначает высшую козырную карту, свойство которой — в нужный момент обеспечить преимущество игроку. Это надежное средство повернуть ход событий неожиданно для соперника в свою сторону. Из примера (3) следует, что западные партнеры Китая представляются как умелые и опытные игроки, имеющие в своем распоряжении скрытые до поры инструменты воздействия. Важно в этом контексте отметить, что актуализация военной метафоры в (2), описывающая шаги Китая по уменьшению импорта, с прагматической точки зрения показывает Китай как злонамеренного и неискреннего партнера, то есть несет в себе негативный эмотивно-оценочный компонент, в то время как метафора **КАРТОЧНОЙ ИГРЫ**, описывающая аналогичные проявления ненадежного партнерства со стороны Запада, реализует в себе скрытую семантику одобрения, указывая на предусмотрительность последнего.

С помощью метафоры девальвируется и значимость КНР как одной из ведущих держав современного мира, что наблюдается в (4) и (5):

(4) *Die Einbindung in die Globalisierung führte das Land bislang auf einen Pfad der abhängigen Entwicklung, der die Herausbildung einer autarken Supermacht verhinderte, und stattdessen eine fragile Großmacht hervorbrachte, die abhängig ist vom funktionierenden Welthandel* [Iglesias, 2023, S. 15] (Встраивание страны в процесс глобализации до сих пор вело ее по пути

зависимого развития, которое препятствовало формированию автаркической сверхдержавы, а создало *хрупкую* великую державу, которая зависит от функционирующей мировой торговли).

В контексте примера (4) уместно напомнить, что слово *fragil* принято в описании международных перевозок как общепризнанный маркер хрупкого, легко бьющегося товара. Употребление этого определения в комбинации с лексической единицей *великая держава* обесценивает значимость последней и представляет ее как нечто недолговечное, легко поддающееся разрушению, ненадежное в долгосрочной перспективе.

Пример (5) представляет собой довольно прямолинейный метафорический перенос, умаляющий значимость Китая как партнера-противника:

(5) *China ist trotz technologischer Sprünge immer noch die Werkbank der Welt und kann gegenüber der EU, den USA und Japan einen Exportüberschuss vorweisen, wohingegen nur mit wenigen Ländern des Westens ein Handelsdefizit besteht, darunter Australien und Südkorea* [Iglesias, 2023, S. 6] (Китай, несмотря на технологические скачки, все еще является *мастерской мира* и, хотя и показывает активное сальдо торгового баланса по сравнению с ЕС, США и Японией, но при этом имеет внешнеторговый дефицит с другими странами Запада, среди которых Австралия и Южная Корея).

В примере (5) акцент метафорически делается на то, что Китай, представленный как мировая фабрика любого производства, не обладает собственными инновациями, а лишь создает продукт по чужим образцам. Кроме того, здесь прослеживаются элементы девальвации значимости (*immernoch; wohingegen nur*), которые, хотя и не являются метафорическими единицами, но в комбинации с обесценивающей метафорой снижают уровень релевантности основного субъекта высказывания.

Приводимый далее пример (6) развивает тему девальвации авторитетности КНР:

(6) *Allerdings sehen westliche Firmen China hier als Fitnesscenter und werden sich an der technologischen Weiterentwicklung vor Ort aktiv beteiligen* [Iglesias, 2023, S. 18] (Как бы то ни было, западные компании рассматривают в данном вопросе Китай как *фитнес-центр* и будут активно участвовать в дальнейшем техническом развитии страны).

Фрагмент (6) любопытен тем, что одна лексическая единица выполняет одновременно несколько функций: 1) она является репрезентацией метафоры СПОРТ, при этом акцентируется заурядность события, ведь фитнес-центр — это место, куда ходят рутинно и с целью отдыха, а не площадка больших спортивных достижений; 2) с прагматической точки зрения эта метафора интерпретируется как признак недостаточной значимости Китая на пути технологического прогресса; и 3) это заимствование

из английского языка, выполняющее в данном контексте функцию привлечения внимания адресата.

3.3. Роль англицизмов при оказании манипулятивного воздействия на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе

После метафор именно заимствования из английского языка являются второй количественно крупной группой средств (10 фрагментов), несущих в себе возможный потенциал манипулятивного воздействия на адресата.

Исследователи отмечают, что англицизмы нередко выступают в роли элементов языковой манипуляции [Изюмская, 2012, с. 213], поскольку их употребление может влиять на общественное и индивидуальное восприятие [Васильев, 2022, с. 47], а расплывчатая семантика облегчает незаметное внедрение смысла в сознание [Демьянков, 2002, с. 32], что уже было показано в (6). Той же мысли придерживаются и социологи, отмечая потенциальную множественность интерпретаций заимствований [Старицына и др., 2019, с. 100], что можно наблюдать в примере (7):

(7) *Sollten sich die US-Sanktionen hier auch mittelfristig als effektiv erweisen, könnte eine mangelnde Versorgung den weiteren Fortschritt in China in diesen Cutting-Edge-Bereichen hemmen* [Iglesias, 2023, S. 18] (Если санкции США и здесь окажутся эффективными в среднесрочной перспективе, то недостаток снабжения может воспрепятствовать дальнейшему прогрессу Китая в этих *суперсовременных* сферах).

В отличие от уже устоявшегося во всех языках *фитнес-центра* из примера (6) значение приведенного заимствования *Cutting-Edge* неочевидно, оно может быть истолковано как название неких новейших областей деятельности, которые развиваются в англоязычном пространстве. Ближайший контекст с упоминанием США создает у адресата иллюзию, что в продвинутых сферах США настолько опережают Китай, что это не может способствовать замедлению развития последнего. Схожим образом мы трактуем и взаимодействие англицизма *Player* с его окружением в контексте примера (8):

(8) *Seit der beschleunigten Ausweitung des Handels mit dem Westen am Anfang des Jahrtausends wurde China nach und nach ein immer einflussreicherer geopolitischer Player und eine wirtschaftliche Supermacht* [Iglesias, 2023, S. 6] (После ускоренной экспансии торговых отношений с Западом в начале тысячелетия Китай мало-помалу становился все более влиятельным геополитическим *игроком* и экономической супердержавой).

С точки зрения теории концептуальной интеграции [Turner et al., 1996] употребление в (8) англоязычного слова *Player* в соотношении с синекдохой *Westen* можно интерпретировать как способ представить Китай страной, до-

бившейся своими постепенными успехами во взаимодействии со странами Большой семерки статуса значимого, принятого «в игру» партнера.

В целом, предположение лингвистов о том, что заимствования (чаще всего англицизмы) служат для смещения акцентов и формирования новых смыслов, подтверждаются, о чем свидетельствует (9):

(9) *Das Bestreben nach **De-Risking** geht teilweise mit der Forderung einher, kritische Produkte in Europa zu produzieren. Vorab ist jedoch zu prüfen, ob sich eine verlässliche Versorgung nicht durch Importe und eine Kombination von Diversifizierung und **Friendshoring** erreichen lässt* [Industriepolitik ..., 2023, S. 40] (Стремление к *де-riskингу* частично сопровождается требованием производить критически важную продукцию в Европе. И все же заблаговременно следует проверить, не получится ли обеспечить надежное снабжение за счет импорта и комбинации диверсификации и *френдшоринга*).

В данном фрагменте *De-Risking* обозначает отнюдь не снижение рисков, а стратегический подход, разработанный странами Большой Семерки и ЕС применительно к экономике КНР с целью ее ограничения. Характеристику этому подходу дает профессор Йельского университета Пол Гевирц в своей статье «Words and Policies: ‘De-risking’ and China Policy», попутно отмечая, что неологизм *de-risking* (*снижение рисков*) звучит гораздо более умеренно и интуитивно приятнее для адресата, чем предлагавшийся ранее в качестве названия эвфемизм *decoupling* (*отключение*). Такое смещение акцентов в результате позволило западным странам уменьшить внутренние противоречия и найти консенсус в отношении Китая. При этом П. Гевирц делает оговорку, что само по себе слово *de-risking* крайне неоднозначно, а его значение неопределенно [Gewirtz, 2023]. Таким образом, речь идет не о том, чтобы изменить подход, а лишь о поиске более благозвучного названия для него, ведь с семантической точки зрения в слове *de-risking* содержится всего лишь желание уменьшить опасность, в то время как *decoupling* несет проактивную семантику агрессии.

Что касается лексической единицы *Friendshoring*, то это неологизм и в англоязычном пространстве, обязанный своим появлением американскому дипломату Б. Глик, занимавшей с 2019 по 2020 годы пост заместителя директора Агентства США по международному развитию. Впоследствии этот неологизм использовался в выступлениях министра финансов США Дж. Йеллен, а позже — и Белым домом в докладе об устойчивых цепочках поставок в июне 2022 года. Под ним подразумевается практика перемещения цепочек поставок в страны, где невелик риск сбоев из-за политических проблем [Kessler, 2022]. Семантический акцент на дружбу и недвусмысленно заявленная необходимость избегания политических разногласий прямо очерчивают круг лояльных стран-партнеров.

Примеры (6) — (9) представляют лишь малую часть англицизмов, которые в контексте данной публикации иллюстрируют свой потенциал как средств оказания влияния на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе.

3.4. Фразеологизмы в роли усилителей манипулятивного воздействия на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе

Инструментами речевой манипуляции выступают также фразеологизмы. Их основная функция, как известно, заключается в обогащении речи, увеличении ее образности, а следовательно — и ее эмотивной составляющей. В собранном материале нами было выявлено 7 употреблений фразеологизмов, которые могут ситуативно трактоваться как актуализация манипулятивного воздействия. Безусловно, в научном экономическом дискурсе фразеологизмы не являются доминирующим лексическим средством, но тем более яркое впечатление они способны произвести:

(10) *Besser sieht es dagegen beim Verbrennungsmotor aus, denn hier findet ein Technologiewechsel auf Elektromotoren statt. Damit ist die große Komplexität der Verbrennertechnologie nicht länger nötig, an der sich China jahrzehntelang die Zähne ausgebissen hat* [Iglesias, 2023, S. 17] (Напротив, с двигателями внутреннего сгорания ситуация выглядит лучше, ведь тут происходит технологический переход к электромоторам. Таким образом, высокосложная технология, о которую Китай десятилетиями *ломал зубы*, не нужна).

Семантика неудачи, сопряженной с какими-либо бесполезными усилиями, заключающаяся в словосочетании *die Zähne ausbeißen* (*обломать зубы*), подкрепляется указанием на длительность *jahrzehntelang* (*десятилетиями*) и реализует прагматическую задачу — представить Китай аутсайдером в автомобилестроении. Эта отрасль считается одной из приоритетных в индустриальном профиле развитых стран, а в Германии она является национальным брендом, и ее успехи или неудачи оказывают значительное влияние на имидж страны. Таким образом, имплицитно закладывается ощущение, что Германия продолжает оставаться в лидерах автомобилестроения на фоне фиаско Китая.

Концепция состязательности Германии и Китая особенно ярко реализуется с помощью фразеологизмов, распространенных в спортивной коммуникации. Эта сфера речевой деятельности характеризуется соответствующей стилистической спецификой, с одной стороны, и значительной экспрессивностью, с другой. Учитывая, что экономической деятельности также свойственна конкуренция, мы полагаем, что перенос спортивных фразеологизмов в виде устойчивых словосочетаний в экономический дискурс повышает степень эмоционального воздействия на адресата, что мо-

жет быть расценено как реализация намеренного или ненамеренного манипулятивного воздействия:

(11) *Zunehmende geopolitische Konfliktpotenziale sowie der Systemwettbewerb mit China können starke wirtschaftliche Abhängigkeiten in kritischen Bereichen zu Erpressbarkeiten werden lassen. Auch technologisch drohen Deutschland und Europa in einigen Bereichen ins Hintertreffen zu geraten, in anderen ihren technologischen Vorsprung einzubüßen* [Industriepolitik ..., 2023, S. 39] (Увеличивающийся потенциал геополитических конфликтов, равно как системная конкуренция с Китаем могут дать возможность превращения сильных экономических зависимостей в критических отраслях в повод для шантажа. Технологически также для некоторых отраслей Германии и Европы существует угроза *остаться за флажками*, а для других сфер — *утратить свое преимущество*).

Фразеологизм *ins Hintertreffen geraten (остаться за флажками)* и *Vorsprung einbüßen (утратить преимущество)* актуализируют экспрессивную отрицательную коннотацию, в которой оппозиция «свои — чужие» нацелена на создание эффекта сопереживания и желания победы для «своих».

3.5. Экспрессивы и эмотивы как средства, усиливающие манипулятивное воздействие при формировании языковой картины мира в экономическом дискурсе

Следующую группу лексических единиц, оказывающих на адресата ассоциативно-эмоциональное воздействие, представляют слова с оценочными коннотациями — экспрессивы и эмотивы. Вслед за В. И. Шаховским мы понимаем под *эмотивами* языковые единицы, в семантической структуре которых имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, экспрессивы, в свою очередь, представляют собой языковые единицы, основной семиологической функцией которых является экспрессия, то есть усиление воздействующей силы за счёт сем усиления, образности и др. [Шаховский, 2012, с. 24—25].

Рассмотрим несколько типичных примеров, содержащих данные явления:

(12) *Standen die Beziehungen Chinas zum Westen anfangs noch unter der Ägide fortschreitender wirtschaftlicher Verflechtung und Globalisierung, entwickelten sie sich im Laufe der Jahre mehr und mehr — nicht zuletzt durch das selbstbewusste und dominanter auftretende China — zu einem Systemwettbewerb, der in den letzten Jahren zu einem veritablen Systemkonflikt mutiert* [Iglesias, 2023, S. 6] (Если поначалу отношение Китая к Западу развивалось под эгидой развивавшейся экономической интеграции и глобализации, то с течением лет оно все больше — не в последнюю очередь из-за *самоуверенного* и *доминантно ведущего себя* Китая — превращалось в систем-

ное соперничество, которое в последние годы **мутировало** в истинный системный конфликт).

Лексические единицы *selbstbewusst* (самоуверенный) и *dominanter auftretend* (ведущий себя доминантно) в (12) несут в себе негативные компоненты значения и используются для описания неприятных персонажей, практикующих заносчивое и подавляющее других поведение. В данном фрагменте эти определения функционально влияют на формирование представления адресата о Китае в неблагоприятном ключе, выстраивая следующий ассоциативный ряд: *самоуверенный — подавляет — лучше не иметь с ним дела*. Нелестное впечатление о таком участнике мировой интеграции усиливает и метафорически употребленный глагол с отрицательной коннотацией — *mutiert* (мутировал).

Во фрагменте (13), кроме экспрессивного существительного *Drohgebärden* (угрожающие жесты) и наречия *gravierend* (отягощающий, серьезный), на повышение эмотивности высказываний влияют наречия в превосходной степени *spätestens* (не позднее чем) и *möglichst bald* (максимально быстро):

(13) *Die große wirtschaftliche Abhängigkeit von China ist spätestens nach den militärischen Drohgebärden Pekings gegenüber Taiwan als gravierendes Problem erkannt und soll möglichst bald reduziert werden. Das Gegenteil fand jedoch im ersten Halbjahr 2022 statt. Die deutschen Direktinvestitionsflüsse nach China waren noch nie so hoch* [Mattes, 2022, S. 1] (Большая экономическая зависимость от Китая была признана серьезной проблемой не раньше, чем после военных угроз Пекина в адрес Тайваня, и ее следовало бы сократить как можно скорее. Однако в первой половине 2022 года произошло обратное. Поток прямых инвестиций Германии в Китай никогда еще не был настолько высоким).

Элементы, содержащие в себе долю эмотивной и экспрессивной семантики (куда следует отнести и сочетание *noch nie so* (никогда еще так...)), создают впечатление необходимости скорейших действий, препятствующих прямым инвестициям в китайскую экономику со стороны Германии. Они выстраиваются в стилистически нейтральный текст, имплицитно нагнетая напряжение и ощущение опасности, исходящей от экономического партнерства с Китаем.

3.6. Элементы грамматического уровня восприятия языковой системы, манипулятивно влияющие на формирование языковой картины мира в экономическом дискурсе

Наблюдения за языковыми элементами на уровне грамматической организации текста, которые встречаются в рамках корпуса исследованного материала, показывают, что, кроме прилагательных и наречий в превос-

ходной степени, в этой роли выступают и средства выражения различных видов модальности. Среди них следует отметить довольно высокую частотность модальных глаголов *sollen*, *können* и *dürfen* в форме претеритального конъюнктива. С нашей точки зрения, эти средства направлены на смягчение категоричности высказывания.

К примеру, глагол *sollen*, выступающий по большей части индикатором внешней инстанции деонтики (безусловного обязательства), во фрагменте (14) передает скорее императивную семантику через его трехкратный повтор в форме претеритального конъюнктива в следующих друг за другом предложениях. Некатегоричность данной глагольной формы позволяет смягчить жесткость указания:

(14) *Darüber hinaus sollte die Politik Unternehmen mit starken Risikoexposures in China dazu bringen, ein adäquates Risikomanagement zu betreiben. Es geht ähnlich wie im Bankensystem darum, systemische Risiken für die deutsche Volkswirtschaft zu verhindern und im Verlustfall ein Bailout durch den Steuerzahler auszuschließen. Unternehmen sollten daher in der Bilanzberichterstattung verpflichtet werden, über geopolitische Klumpenrisiken und über mögliche betriebliche Verluste bei der Realisierung dieser Risiken zu berichten. Zudem sollten sie Notfallpläne für diesen Fall erstellen und vorhalten* [Mattes, 2022, S. 3] (Более того, политикам *следует* поощрять компании, имеющие высокорисковый бизнес в Китае, к адекватному управлению рисками. Речь идет о том, чтобы по аналогии с банковской системой предотвратить системные риски для экономики Германии и, в случае внезапного ущерба, исключить финансовую помощь предприятиям за счет налогоплательщиков. Поэтому *следует* обязать компании сообщать в балансовой отчетности о геополитических кластерных инвестиционных рисках и о возможных операционных потерях при реализации этих рисков. Кроме того, компаниям *следует* подготовить и поддерживать в рабочем состоянии планы действий в чрезвычайных обстоятельствах на этот случай).

Такое же смягчение семантики диспозиционной модальности глагола *können*, выступающего средством выражения объективной возможности, происходит благодаря форме претеритального конъюнктива в (15). В результате возможность становится гипотетической, что продиктовано, на наш взгляд, снижением алармистского тона информации, предупреждающей о потенциальном банкротстве из-за сотрудничества с китайскими партнерами. Хотя опасения как бы смягчаются, они формулируются довольно четко, а ответственность за реалистичность их воплощения снимается благодаря форме глагола:

(15) *Bei in China besonders exponierten deutschen Unternehmen könnte das dann absehbar kollabierende China-Geschäft durch Einbußen auf der Ab-*

satzseite möglicherweise sogar in die Pleite führen [Mattes, 2022, S. 1] (Тогда в обозримом будущем схлопывающийся бизнес в Китае тех немецких компаний, которые занимают там видное положение, из-за убытков в сфере продаж мог бы довести их даже до банкротства).

Семантику предположения (эпистемической модальности) несет в себе глагол *dürfen*, который в индикативе передает значение позволения в условиях ограниченной свободы действий. В примере (16) мы снова сталкиваемся с повтором модального глагола, форма претеритального конъюнктива которого подчеркивает, что речь идет об одном из возможных вариантов развития событий, но с потенциально негативными последствиями. Это не может не оказывать на участников экономического дискурса определенно-го манипулятивного воздействия при формировании картины мира.

(16) *Die Lieferkettenengpässe dürften zwar nicht dauerhaft sein, aber wenn einmal ein Wechsel des Lieferanten erfolgt ist und dessen Leistung stimmt, dürfte es für das deutsche Unternehmen schwer werden, den deutschen Kunden wieder zurückzugewinnen* [Mattes, 2023a, S. 3] (И хотя дефицит поставок, по-видимому, вряд ли будет долговременным, но если когда-нибудь произойдет смена поставщика (на китайского. — И. Ш., Н. Б.) и его услуги будут удовлетворительными, то, скорее всего, немецким поставщикам будет трудно вернуть этого клиента себе).

4. Заключение = Conclusions

По результатам анализа предложенных фрагментов текстов мы считаем правомерным сделать следующие выводы:

При формировании языковой картины мира в экономическом дискурсе выбор речевых стратегий ориентирован на объективированное представление соответствующей предметной области. В связи с этим используемые языковые средства не несут в себе однозначно негативной или позитивной оценочности. Однако определенное манипулятивное воздействие осуществляется комплексно через ряд инструментов, к которым относятся метафоры, англицизмы, эмотивы и экспрессивы, сочетающие в себе различные коннотации, имплицитно включающие одобрение или неодобрение каких-либо явлений и фактов.

Манипулирование в экономическом дискурсе намеренно заретушировано, то есть имеет имплицитный характер. В рамках выбранной нами тематики выяснено, что в подобных текстах представлять китайскую экономику в однозначно негативном свете нецелесообразно, однако нельзя не заметить тенденции занижения значимости успехов, негативной оценки деловой активности, преувеличения степени опасности для партнеров по бизнесу со стороны Китая. С одной стороны, любые отношения в данной

сфере всегда направлены на получение прибыли, причем способы и возможности не имеют большого значения, о чем автор статей не может не знать. Но, с другой стороны, стремление экономического конкурента к выгоде становится предметом скрытого осуждения, поводом для осторожности и ожидания неожиданного удара.

Как показывает представленный материал, исследования различных сторон экономического дискурса вскрывают, какой потенциал скрытых смыслов содержат в себе тексты этой тематики. Они требуют дальнейшего анализа и обобщения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Iglesias G. I. Chinas Abhängigkeit vom Westen bei Importen und Technologien / G. I. Iglesias, J. Mattes // IW-Report 15/23. — 2023. — № 15(23). — 26 S.*
2. *Industriepolitik in der Zeitenwende / M. Hüther, H. Bardt, C. Bähr, J. Mattes, K.-H. Röhl, C. Rusche, T. Schaefer // IW-Policy Paper 7/23 : Aktuelle politische Debattenbeiträge. — 2023. — 46 S.*
3. *Mattes J. China-Handel 2022 : Ungleichgewicht und Abhängigkeit weiter verstärkt / J. Mattes // IW-Kurzbericht № 9/23. — 2023(a). — № 9(23). — 3 S.*
4. *Mattes J. Entwicklung des Konkurrenzdrucks durch China auf dem EU-Markt : Update einer Vorläuferstudie / J. Mattes // IW-Report 39/23. — 2023(b). — № 39 (23). — 23 S.*
5. *Mattes J. China-Abhängigkeiten der deutschen Wirtschaft: Mit Volldampf in die falsche Richtung / J. Mattes // IW-Kurzbericht № 68/22. — 2023(c). — № 68(23). — 3 S.*

Литература

1. *Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136—137.*
2. *Бадаева Н. В. Метафорическое моделирование в экономическом дискурсе немецкоязычных сетевых СМИ / Н. В. Бадаева. — Москва : Питер, 2023. — 192 с. — ISBN 978-5-4461-2162-5.*
3. *Белоусов К. И. Научная предметная область: от онтологии к концептосфере / К. И. Белоусов, Д. А. Баранов, Н. Л. Зелянская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 4 (41). — С. 52—62/*
4. *Васильев А. Д. Нескромное обаяние англицизмов : магнетизм темных слов / А. Д. Васильев // Сибирский филологический форум. — 2022. — № 1 (18). — С. 40—50. — DOI: 10.25146/2587-7844-2022-18-1-107.*
5. *Виноградова С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе / С. А. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 2 (23). — С. 95—101.*

6. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 31—44.
7. Изюмская С. С. Информационное поле СМИ и манипулятивные тактики англицизма в оппозиционном дискурсе / С. С. Изюмская // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. — 2012. — № 3 (23). — С. 213—218.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
9. Ковешникова М. Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования / М. Н. Ковешникова // XVIII Царскосельские чтения : материалы междунар. науч. конф. (22—23 апр. 2014 г.) : в 3-х т. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. — Санкт-Петербург : Изд. Ленингр. гос. ун-та, 2014. — Т. 1. — С. 387—394.
10. Лихолетова П. В. Когнитивно-прагматический анализ дискурса предметной области «живопись» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Полина Вячеславовна Лихолетова. — Краснодар, 2005. — 174 с.
11. Мельник А. В. Дискурсивная картина мира : онтологический анализ / А. В. Мельник, Т. И. Шемонаев // Известия Уральского федерального университета. Серия 3 : Общественные науки. — 2019. — Т. 14. — № 2 (188). — С. 5—13.
12. Михалева О. Л. Политический дискурс : Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2008. — 256 с. — ISBN 978S397002271.
13. Найденова Н. С. Механизмы речевого воздействия в экономическом дискурсе : на примере текстов выступлений глав ФРС США / Н. С. Найденова // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 30. — С. 146—155.
14. Пименова М. В. Языковая картина мира / М. В. Пименова. — Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2011. — 113 с. — ISBN 978-5-8353-1111-8.
15. Резанова З. И. Дискурсивные картины мира / З. И. Резанова // Картины русского мира : современный медиадискурс / редактор З. И. Резанова. — Томск : ИД СК-С, 2011. — С. 15—94.
16. Рикер П. Конфликт интерпретаций : очерки о герменевтике / П. Рикер. — Москва : Академический проект, 2008. — 696 с. — ISBN 978-5-8291-1025-3.
17. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебrenников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. ; отв. ред. Б. А. Серебrenников ; АН СССР, Ин-т языкознания. — Москва : Наука, 1988. — 212 с. — ISBN 5-02-010880-4.
18. Старицына О. А. Иностранное заимствование в СМИ как инструмент манипулирования аудиторией (социологический анализ) / О. А. Старицына, Л. Г. Хуснутдинова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия : Экономика. — 2019. — № 1 (27). — С. 100—106. — DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-100-106.
19. Шагбанова Х. С. Языковые средства речевого манипулирования / Х. С. Шагбанова // Теории и проблемы политических исследований. — 2020. — Т. 9. — № 5А. — С. 72—80. — DOI: 10.34670/AR.2020.67.69.010.
20. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : монография / В. И. Шаховский. — Москва : URSS, 2009. — 204 с. — ISBN 978-5-397-00204-2.
21. Gewirtz P. Words and policies : “De-Risking” and China policy [Electronic resource] / P. Gewirtz — Washington : Brookings Institution Press, 2023. — Access mode : <https://www.brookings.edu/articles/words-and-policies-de-risking-and-china-policy/> (accessed 08.07.2024).
22. Kessler S. What is “Friendshoring”? [Electronic resource] / S. Kessler — New York : The New York Times Company, 2022. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2022/11/18/business/friendshoring-jargon-business.html> (accessed 08.07.2024).

23. Turner M. Conceptual integration and formal expression / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor & Symbolic Activity*. — 1995. — № 10 (3). — Pp. 183—204. — DOI: 10.1207/s15327868ms1003_3.

24. Van Leeuwen T. *Introducing Social Semiotics* / T. van Leeuwen. — London and New York : Routledge, 2005. — 302 p. — ISBN 0-203-64702-5.

25. Van Dijk T. A. Discourse and manipulation / T. A. van Dijk // *Discourse & Society*. — 2006. — № 17 (3). — Pp. 359—383. — DOI: 10.1177/0957926506060250.

Статья поступила в редакцию 13.07.2024,
одобрена после рецензирования 05.10.2024,
подготовлена к публикации 19.10.2024.

Material resources

Iglesias, G. I., Mattes, J. (2023). Chinas Abhängigkeit vom Westen bei Importen und Technologien. *IW-Report 15/23*, 15 (23): 26 S. (In Germ.).

Industriepolitik in der Zeitenwende. (2023). *IW-Policy Paper 7/23: Aktuelle politische Debattebeiträge*. 46 S. (In Germ.).

Mattes, J. (2023(a)). China-Handel 2022: Ungleichgewicht und Abhängigkeit weiter verstärkt. *IW-Kurzbericht № 9/23*, 9 (23): 3 S. (In Germ.).

Mattes, J. (2023(b)). Entwicklung des Konkurrenzdrucks durch China auf dem EU-Markt: Update einer Vorläuferstudie. *IW-Report 39/23*, 39 (23): 23 S. (In Germ.).

Mattes, J. (2023(c)). China-Abhängigkeiten der deutschen Wirtschaft: Mit Volldampf in die falsche Richtung. *IW-Kurzbericht № 68/22*, 68 (23): 3 S. (In Germ.).

References

Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. In: *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 136—137. (In Russ.).

Badaeva, N. V. (2023). *Metaphorical modeling in the economic discourse of German-language online media*. Moscow: St. Petersburg. 192 p. ISBN 978-5-4461-2162-5. (In Russ.).

Belousov, K. I., Baranov, D. A., Zelyanskaya, N. L. (2014). Scientific subject area: from ontology to the conceptual sphere. *Questions of cognitive linguistics*, 4 (41): 52—62. (In Russ.).

Demyankov, V. Z. (2002). Political discourse as a subject of political science philology. *Political science*, 3: 31—44. (In Russ.).

Gewirtz, P. (2023). *Words and policies: “De-Risking” and China policy*. Washington: Brookings Institution Press. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/words-and-policies-de-risking-and-china-policy/> (accessed 08.07.2024).

Izyumskaya, S. S. (2012). The information field of the media and manipulative tactics of Anglicism in oppositional discourse. *Education. Science. Innovation: The Southern Dimension*, 3 (23): 213—218. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002). *Linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Kessler, S. (2022). *What is “Friendshoring”?* New York: The New York Times Company. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/11/18/business/friendshoring-jargon-business.html> (accessed 08.07.2024).

Koveshnikova, M. N. (2014). Speech manipulation and techniques of speech manipulation. In: *XVIII Tsarskoye Selo readings: materials of the international scientific conference*

- (April 22—23, 2014): in 3 volumes, 1. St. Petersburg: Publishing House of the Leningrad State University. 387—394. (In Russ.).
- Likholetova, P. V. (2005). *Cognitive-pragmatic analysis of the discourse of the subject area “painting”*. PhD Diss. Krasnodar. 174 p. (In Russ.).
- Melnik, A. V., Shemonaev, T. I. (2019). The discursive picture of the world: an ontological analysis. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences, 14 (2 (188))*: 5—13. (In Russ.).
- Mikhaleva, O. L. (2008). *Political discourse: The specifics of manipulative influence*. Moscow: LIBROCOM. 256 p. ISBN 978S397002271. (In Russ.).
- Naidenova, N. S. (2016). Mechanisms of speech influence in economic discourse: on the example of the texts of speeches by the heads of the US Federal Reserve. *Questions of psycholinguistics, 30*: 146—155. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2011). *The linguistic picture of the world: a textbook*. Kemerovo: Kemerovo State University. 113 p. ISBN 978-5-8353-1111-8. (In Russ.).
- Rezanova, Z. I. (2011). Discursive pictures of the world. In: *Pictures of the Russian world: modern media discourse*. Tomsk: Publishing House SK-S. 15—94. (In Russ.).
- Riker, P. (2008). *Conflict of interpretations: essays on hermeneutics*. Moscow: Academic Project. 696 p. ISBN 978-5-8291-1025-3. (In Russ.).
- Serebrennikov, B. A. (ed.). (1988). *The role of the human factor in language: Language and the picture of the world*. Moscow: Nauka. 212 p. ISBN 5-02-010880-4. (In Russ.).
- Shagbanova, H. S. (2020). Linguistic means of speech manipulation. *Theories and problems of political research, 9(5A)*: 72—80. DOI: 10.34670/AR.2020.67.69.010. (In Russ.).
- Shakhovsky, V. I. (2009). *Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language: monograph*. Moscow: URSS. 204 p. ISBN 978-5-397-00204-2. (In Russ.).
- Staritsyna, O. A., Khusnutdinova, L. G. (2019). Foreign borrowings in the media as a tool for manipulating the audience (sociological analysis). *Bulletin of the USPTU. Science, education, economics. Series: Economics, 1 (27)*: 100—106. DOI: 10.17122/2541-8904-2019-1-27-100-106. (In Russ.).
- Turner, M., Fauconnier, G. (1995). Conceptual integration and formal expression. *Metaphor & Symbolic Activity, 10 (3)*: 183—204. DOI: 10.1207/s15327868ms1003_3.
- Van Dijk, T. A. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse & Society, 17 (3)*: 359—383. DOI: 10.1177/0957926506060250.
- Van Leeuwen, T. (2005). *Introducing Social Semiotics*. London and New York: Routledge. 302 p. ISBN 0-203-64702-5.
- Vasiliev, A. D. (2022). The immodest charm of Anglicisms: the magnetism of dark words. *Siberian Philological Forum, 1 (18)*: 40—50. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-18-1-107. (In Russ.).
- Vinogradova, S. A. (2010). Tools of speech manipulation in political media discourse. *Issues of Cognitive Linguistics, 2 (23)*: 95—101.

*The article was submitted 13.07.2024;
approved after reviewing 05.10.2024;
accepted for publication 19.10.2024.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Галина Владимировна Попова, канд. пед. наук (Курск)

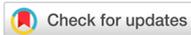
Елена Федоровна Косиченко, д-р филол. наук (Курск)

Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)

Марина Рашитовна Бабилова, канд. филол. наук (Екатеринбург)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бабикова М. Р. Когнитивные механизмы граффити: компрессия, дефокусирование, фокусировка / М. Р. Бабикова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 171—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187.

Babikova, M. R. (2024). Cognitive Mechanisms of Graffiti: Compression, Defocusing, and Focusing. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 171-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Когнитивные механизмы граффити: компрессия, дефокусирование, фокусировка

Бабикова Марина Рашитовна
orcid.org/0000-0003-0814-5936
кандидат филологических наук,
кафедра межкультурной коммуникации,
риторики, русского языка
как иностранного
mrbabikova@uspu.ru

Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-01487,
<https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

Cognitive Mechanisms of Graffiti: Compression, Defocusing, and Focusing

Marina R. Babikova
orcid.org/0000-0003-0814-5936
PhD in Philology, Department
of Intercultural Communication, Rhetoric,
Russian as a Foreign Language
mrbabikova@uspu.ru

Ural State
Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01487,
<https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования заключается в выделении наиболее распространенных когнитивных механизмов, положенных в основу граффити. В качестве материалов были использованы фотографии более 2000 единиц графических повреждений городского пространства (то есть граффити), зафиксированных в крупных городах России: Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. Исследование проводилось с применением контент-анализа и методом экспертной оценки. В результате анализа выделено три ключевых когнитивных механизма, лежащих в основе формирования смыслового единства граффити. Первый — когнитивный механизм компрессии, материализующийся в графических повреждениях городского пространства средствами языковой игры или трансляцией дискурсивных текстов. Второй — когнитивный механизм дефокусирования, языковая актуализация которого осуществляется через прием абсурдизации (повседневный якорь нелогичности) и активизацию эмоции удивления. Отмечается, что удивление провоцирует различные реакции адресата на увиденное и прочитанное — это потеря контроля, растерянность, неопределенность, что в последующем приводит к длительной фиксации в памяти тех смыслов, которые были заложены в соответствующие граффити, на фоне яркого и нетипичного психоэмоционального состояния. Третий — когнитивный механизм фокусировки, языковым воплощением которого являются тексты-философствования.

Ключевые слова:

вандализм; вандально нанесенные тексты; граффити; когнитивные механизмы; языковые механизмы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study aims to identify the predominant cognitive mechanisms underlying graffiti. The analysis is based on photographs of over 2000 instances of urban graphic defacement (i.e., graffiti) documented in major cities across Russia, including Yekaterinburg, Moscow, Saint Petersburg, and Nizhny Novgorod. Utilizing content analysis and expert evaluation methods, the research delineates three key cognitive mechanisms that contribute to the semantic unity of graffiti. The first mechanism, compression, manifests in graphic defacements through linguistic play or the transmission of discursive texts. The second mechanism, defocusing, is linguistically actualized through the technique of absurdity (everyday anchors of illogicality) and the activation of the emotion of surprise. It is noted that surprise elicits various reactions from the audience — such as loss of control, bewilderment, and uncertainty — which subsequently leads to prolonged retention in memory of the meanings embedded in the respective graffiti against a backdrop of vivid and atypical psycho-emotional states. The third mechanism, focusing, is linguistically embodied in philosophical texts.

Key words:

vandalism; vandalistic texts; graffiti; cognitive mechanisms; linguistic mechanisms.

УДК 811.161.1'42:75

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Когнитивные механизмы граффити: компрессия, дефокусирование, фокусировка

© Бабилова М. Р., 2024

1. Введение = Introduction

Графические повреждения современного городского пространства, или граффити — одно из распространенных явлений, невольно формирующих настроение и образ мира горожан, а иногда переходящих в категорию прецедентных феноменов. Безусловно, граффити могут быстро устраняться коммунальными службами, но, прежде чем их удалят с какой-либо поверхности, они успеют быть прочитанными, замеченными, зафиксированными в памяти многих адресатов. Некоторые из них попадают в пространство интернета в виде броского поста, новости, и тогда они еще долго обрабатываются разными категориями пользователей интернета. Некоторые граффити, будучи нанесенными в неприметных местах, оказывают длительное влияние на отдельную категорию адресатов. В любой из приведенных ситуаций мы имеем дело с неким смыслом, осознание и восприятие которого зависит от многих факторов: адресата, используемого вербального и визуального инструмента влияния, расположения и пр.

Графические повреждения городского пространства рассматриваются с разных научных ракурсов: психологического, социологического, философского, лингвистического и др., что демонстрирует многомерность данного феномена. Следует отметить, что граффити обычно характеризуется как несанкционированное самовыражение разных субъектов: «убежденных райтеров, маргиналов, негативных лидеров, протестующих, скучающих, творческих, агрессивных и пр.» [Воробьева и др., 2015, с. 83—84]. Граффити часто ассоциируются с содержанием субкультурного, протестного или агрессивного характера [Кружкова и др., 2024, с. 72], нередко становясь визуализацией политических изменений и событий, происходящих в обществе [Sadaf Sultan Khan, 2024, с. 1]. В некоторых исследованиях отмечена и позитивная сторона граффити: «Сам инструмент граффити не является исключительно негативным и вполне может в себе нести пози-

тивный воспитательный потенциал, популяризируя и продвигая идеи традиционных ценностей общества, просоциальные установки, а также развивая рефлексивность и социальную ответственность личности» [Кружкова и др., 2024, с. 72].

При любом ракурсе рассмотрения изучаемого феномена перед нами всегда текст, в том числе состоящий из разных семиотических единиц: вербальных, визуальных, составляющих смысловое единство. Как любой другой смысл находит отражение в сознании адресата, так и смысл граффити, попадая в поле адресата, благодаря системе знаков «играет роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Демьянков и др., 1996, с. 53].

При создании граффити применяются определённые механизмы, на основе которых впоследствии осуществляется и их восприятие адресатом, запоминание, расшифровка смыслов. Мы обратились к анализу и выделению таких когнитивных механизмов.

Выделение и классификация когнитивных механизмов позволит расширить существующие точки зрения на сам термин *когнитивные механизмы*, имеющий разные интерпретации в научном дискурсе: «Когнитивные механизмы, задействованные в процессе формирования смысла высказывания, еще не получили в современной лингвистической литературе достаточно четкого определения» [Болдырев, 2020, с. 132]. Позволим себе предположить, что конкретизация механизмов во многом обусловлена типом исследуемого дискурса, в чем и заключается актуальность предложенного исследования.

В данной статье мы продолжаем представлять результаты работы, посвященной определению особенностей восприятия и запоминания графических текстов городского пространства. Предложенные когнитивные механизмы сформулированы на основе выделенных глазодвигательных стратегий считывания граффити и специфики запоминания текстов [Кружкова и др., 2024].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили фотографии более 2000 единиц граффити, зафиксированных в крупных городах РФ: Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, а также репрезентированных в профильных сообществах социальной сети ВКонтакте. Следует отметить, что в центре нашего внимания только те графические повреждения городского пространства, содержание которых легко воспринимается и понимается адресатом. Тематическая составляющая разнообразна.

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе был проведён контент-анализ граффити. Данный метод был направлен на выявление закономерностей в формировании смыслов в образцах этого жанра, определение наиболее частотных языковых механизмов с целью последующего установления типовых когнитивных механизмов, задействованных при создании граффити; также были определены ключевые тематические блоки, транслируемые средствами городского пространства.

На втором этапе была проведена экспертная оценка. В экспертизе приняли участие десять человек — специалисты-ученые в области лингвистики, социологии, психологии. Экспертам была предложена серия фотографий с образцами граффити, а также классификация предполагаемых языковых механизмов, участвующих в формировании смыслов граффити. Основная задача эксперта заключалась в установлении соответствия между изображением и механизмом или же в предложении своего варианта языкового механизма. На основе экспертных оценок и комментариев были окончательно выделены три когнитивных механизма и языковые варианты их реализации.

Цель исследования видится в выделении наиболее распространенных когнитивных механизмов, положенных в основу граффити, посредством обработки объемного языкового материала.

Методологической базой исследования стали работы лингвистов, направленные на изучение когнитивных механизмов, участвующих в процессах порождения и восприятия смысловой структуры текстов разных дискурсов. В качестве ключевого тезиса, отсылающего к идее «активной инструментально-преобразующей роли языка как средства познания и категоризации мира» [Оленов и др., 2024, с. 141] и максимально отражающего цели и задачи настоящего исследования, хочется отметить мысль Н. Н. Болдырева: «Человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев, 2016, с. 10]. Граффити — своего рода продукт сознания, способ вербализации внутреннего мира, реакция на происходящие события, осмысленные сквозь призму собственного опыта «уличного художника». В свою очередь, восприятие граффити горожанами осуществляется на основе «активизации наиболее многочисленной группы когнитивных механизмов формирования смысла, специфика которых заключается в их «выделительном потенциале», конкретизирующем характере, ассоциативности и интегративности» [Ивашкевич, 2019, с. 5]. Оценка и идентификация когнитивных механизмов, участвующих в формировании смыслов графических повреждений городского пространства, является важной и малоизученной исследовательской задачей.

В современном научном дискурсе предложены разные варианты описания когнитивных механизмов. Так, например, Л. В. Воронина рассма-

тривает когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса. В рамках ее исследования предлагается рассмотрение когнитивных механизмов, обеспечивающих формат убедительной речи, как одного из ключевых компонентов политического дискурса. К ним относятся профилирование, спецификация, концептуальная метафора и метонимия, интеграция, генерализация и пр. [Воронина, 2023].

Когнитивные механизмы рекламного дискурса представлены в исследованиях В. С. Григорьевой. В работе выявлены наиболее эффективные механизмы, действие которых сводит к минимуму коммуникативные провалы и неудачи в рекламных продуктах: профилирование, сравнение, спецификация, конкретизация, механизм метонимии и метафоры [Григорьева, 2020]. С. В. Канашина уделяет внимание механизму компрессии, ярко проявляющемуся в интернет-мемах [Канашина, 2015]. При изучении специфики формирования и модификации пространственных значений в английском языке И. Н. Ивашкевич выделяет такие когнитивные механизмы, как «концептуальная метафора, концептуальная метонимия, интерпретация, профилирование, фокусирование, дефокусирование, генерализация, перспективизация, концептуальное сравнение, аналогия и другие» [Ивашкевич, 2013, 2016].

В настоящем исследовании выделены те механизмы, которые не относятся к базовым концептуальным конфигурациям знаний. Способы трансляции смыслов граффити основаны на когнитивных механизмах, способствующих формированию специфических знаний об отдельных предметных сущностях. Иными словами, как отмечает О. В. Магировская, «конфигурация знаний на этом уровне осмысления заключается в концептуальном выделении дополнительных признаков отдельных категориальных областей на основе субъективной переработки языкового знания. Она зависит от конкретного акта концептуализации, т. к. всегда ориентируется на определенный ракурс индивидуального осмысления каждой концептуализируемой ситуации, ее участников и их отдельных признаков» [Магировская, 2013, с. 390]. В данном случае происходит формирование глубинных смыслов за счет большей когнитивной включенности адресата, а также более длительная фиксация транслируемых граффити смыслов в сознании. Специфика таких механизмов направлена на активизацию глубинных знаний адресата, которые «позволяют вычленять отдельные стороны и признаки целостных и потому более сложных концептов, осуществлять их конкретное и часто оригинальное преломление» [Магировская, 2013, с. 390].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате анализа объемного языкового материала удалось выделить три ключевых когнитивных механизма, лежащих в основе формиро-

вания смыслового единства графических повреждений городского пространства. Рассмотрим подробнее каждый из них.

3.1. Когнитивный механизм компрессии

Материализация результатов работы данного когнитивного механизма осуществляется с помощью языковой игры, основанной на имплицитности и средствах трансляции текста, задающего актуализацию специальных знаний адресата.

Механизм компрессии предполагает трансляцию смыслов средствами компактных языковых структур. Как отмечает С. В. Канашина, «концептуальным основанием для когнитивной операции компрессии является универсальный принцип экономии» [Канашина, 2015, с. 31]. Использование компрессии в граффити оказывает влияние на запоминаемость транслируемой в городском пространстве информации. Авторы граффити осознанно используют емкие фразы, комбинацию вербально-визуальных кодов и иных языковых средств, способствующих наиболее эффективному решению задач формирования определённого мнения, настроений в обществе. В свою очередь, зашифрованность смыслов обуславливает необходимость раскодирования смыслов, эффект озарения, активизации интуиции со стороны адресатов.

Реализация механизма компрессии средствами языковой игры — это способ трансляции мысли, который рассчитан в дальнейшем на приложение носителем языка интеллектуальных усилий для расшифровки смысла граффити. Вандальные тексты умышленно искажены по сравнению с некоторым прообразом, прототипом высказывания или изображения, видоизменены на разных уровнях: графическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, лексическом. Граффити могут быть представлены в виде:

- трансформации слова с помощью изменения цвета и размера букв, варьирования шрифта, использования поэтического способа передачи информации, подчеркивания текста и т. п.);
- трансформации слова с помощью переключения языковых кодов, в том числе — с привлечением средств другого языка;
- трансформации слова с помощью наложения рисунков на буквы;
- трансформации слова с помощью небуквенных символов (знаков);
- сочетания текста и рисунка, взаимодополнение которых позволяет адресату отразить полный смысл граффити.

Рассмотрим некоторые примеры граффити с использованием игровых приемов как на вербальном, так и на визуальном уровнях.

На рис. 1 представлено взаимодополняющее сочетание рисунка и текста. На визуальном уровне выделяется изображение боксерских перчаток

в черном цвете и лексема *слово*, нанесенная крупными буквами, белым шрифтом. Контрастность цветов и заглавные буквы вербального компонента привлекают внимание адресата. Полнота смысла граффити формируется только при совокупном прочтении, отсылающем к устоявшемуся в российской лингвокультуре пониманию, которое метко отражено в стихотворении В. Шефнера: *Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести*. В данном примере адресат разгадывает смысл. Вербальный и визуальный компоненты указывают на параллель между силой слов и силой физического воздействия, манифестированного символом боевых видов искусств — боксерскими перчатками.

Рис. 1. Разновидность граффити

Рис. 2. Разновидность граффити

На рис. 2 посредством переключения языковых кодов в пределах одного текста достигается игра смыслов. Перед адресатом фраза «*ну и скучно JE TEAM*». С одной стороны, языковая игра может показаться незамысловатой, если надпись прочитывается на основе принципов элементарной транслитерации: «*ну и скучно же там*», — это возможно при условии чтения на латинице. Однако более эрудированный адресат может интерпретировать текст двумя разными способами: или опираясь на перевод фразы *Je team* (орфография автора граффити сохранена. — М. Б.), или связывая два компонента — отсылку к стране, с которой соотносится второй, иностранный языковой код, и смысл первого русско-

язычного элемента граффити — синтетической расшифровкой «Ну и скучно во Франции». А тот, кто в достаточной степени владеет французским языком, может оказаться участником игры не только на уровне формирования смыслов, но также и на уровне исправления (пусть в одностороннем порядке) орфографии (корректное написание фразы «Я тебя люблю» выглядит как «Je t'aime»).

Другой способ актуализации когнитивного механизма компрессии заключается в трансляции дискурсивных текстов. Через образцы графического вандализма адресату предлагается экспликация информации, которая, в свою очередь, возможна благодаря специальным фоновым знаниям. Экспликация информации провоцирует углубление в подтекст сообщения и доступна для понимания только отдельным группам лиц. К таким группам чаще всего относятся различные субкультурные объединения, в том числе деструктивные группировки: например, экстремисты, националисты и другие запрещенные на территории РФ сообщества. Следует отметить, что граффити является для них одним из доступных и популярных способов самопрезентации и трансляции идеологии сообщества. Нанесение изображений специальной символики, коротких емких фраз позволяет представителям разных субкультур «общаться» между собой, отделять «своих» от «чужих», а также привлекать внимание и интерес тех, кто не владеет информацией, что зачастую негативно влияет на общество (особенно молодежную аудиторию).

Встречаются и нейтральные по смыслу граффити, позволяющие представителям некоторых субкультур проявлять себя, закреплять свое имя в городском пространстве, осуществлять «кодовую» коммуникацию, и в данном случае речь идет о субкультуре граффити. Художники могут использовать кодовую символику, понятную только таким же представителям субкультуры. В этом же ряду стоит сообщество футбольных фанатов, хиппи и др. С одной стороны, их тексты безобидны, но, с другой стороны, наносят вред городскому имуществу, при этом, как отмечают некоторые исследователи, «граффический вандализм, в частности граффити, является не столько признаком физического разложения и деградации городского пространства, сколько показателем культурной и социальной активности отдельных групп» [Кружкова, 2024, с. 32]. Механизм компрессии может быть реализован в том числе и через апелляцию к вербальным и визуальным прецедентным феноменам, емко «актуализирующим» тот или иной смысл граффити.

На рис. 3 представлена отсылка к субкультуре хиппи, пропагандирующей идеологию мира, свободы, духовности, красоты и пр., ее символ — пацифик. Кроме того, вербальный компонент граффити выполняет задачу прямого предъявления части идеологии данной субкультуры.

Рис. 3. Разновидность граффити

С одной стороны, прочтение текста случайным адресатом будет создавать ощущение объединения, формировать дружескую, поддерживающую среду за счет использования в тексте личных местоимений. С другой стороны, смысл приобретает завершенность при комплексном прочтении текста, с учетом значения дискурсивного символа (пацифик). Он понятен только представителям субкультуры или осведомленным лицам.

Компрессия выполняет несколько важных функций в искусстве граффити. Прежде всего, это трансляция объемной информации различного содержания при использовании минимальных языковых ресурсов, несущих глубокую смысловую нагрузку. Кроме того, компрессия направлена на кодирование информации, а ее декодирование выполняется наиболее успешно теми адресатами, кто посвящен и способен извлечь суть, тем самым актуализируя для себя, в своем мироощущении собственную культурную идентичность и чувство единения с автором граффити: «Чем более свернута структура, тем больше когнитивных усилий нужно приложить для декодирования этой структуры и тем большую роль начинает играть процесс интерференции, декодирования, “расшифровки” того, что было “зашифровано”» [Канашина, 2015, с. 31].

3.2. Когнитивный механизм дефокусирования

Языковая актуализация данного типа осуществляется через выделенный авторами исследования языковой механизм абсурдизации (повседневный якорь нелогичности). Механизм дефокусирования связан прежде всего со смещением «фокуса внимания с одного свойства объекта на другой» [Ивашкевич, 2019, с. 7]. Абсурдизация (повседневный якорь нелогичности) — графические повреждения городского пространства, включающие разные типичные для повседневности стимулы (как вербальные, так

и визуальные), используемые или преобразованные не в соответствии с их функциональным назначением, способны вызвать прочную новую ассоциативную связь на эмоциональном уровне. Упомянутый когнитивный механизм в данном случае способствует тому, что «осознанная мыслительная деятельность, направленная на устранение, выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [Ивашкевич, 2019, с. 7], является релевантной для интерпретации заложенных в граффити смыслов. Рассмотрим некоторые примеры.

На рис. 4 представлена фраза «*БОЖЕ ХРАНИ эту странную дискотеку*», привлекающая адресата заглавными буквами и семантикой фразы, обращенной к Богу. Однако далее предлагается нетипичное продолжение, вызывающее удивление и, как следствие, способствующее длительной фиксации в памяти адресата. Смысл граффити дефокусируется, требует дополнительных усилий в восприятии и понимании. Автор акцентирует внимание на отдельных смысловых элементах с целью последующего формирования целостного смысла, который в результате может показаться адресату абсурдным вследствие смешения смысловых регистров.

Рис. 4. Разновидность граффити

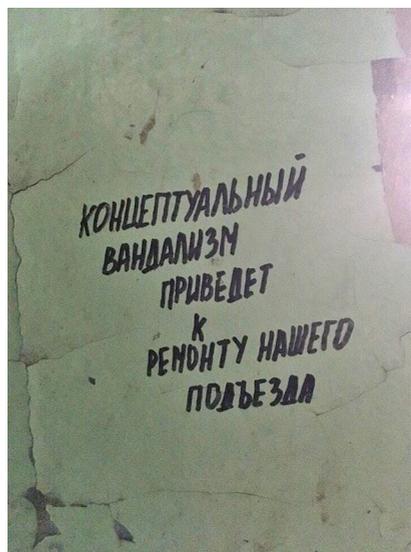

Рис. 5. Разновидность граффити

На рис. 5 реализация приема абсурдизации выражена трансляцией сложного в смысловом плане текста: *Концептуальный вандализм приведет к ремонту нашего подъезда*. Надпись была зафиксирована в одном

из подъездов дома постройки советского периода. Перед адресатом стоит непростая когнитивная задача — расшифровать значение словосочетания *концептуальный вандализм*. Для среднестатистического носителя русского языка обозначение феномена останется не вполне понятным, так как требует от адресата фоновых знаний, однако вторая часть текста, напротив, комментирует суть неизвестного объекта, недвусмысленно заявляя о его позитивном следствии, что вызывает удивление и, соответственно, задает эффект абсурдизации.

Положенный в основу когнитивный механизм дефокусирования провоцирует усиленную работу мозга, направленную на установление причинно-следственных связей в действиях, транслируемых граффити.

Функции данного механизма заключаются в активизации эмоции удивления. «Удивление понимается как одно из эмотивных состояний, являющееся ответом адресата на не соответствующий его жизненному опыту и представлениям о мире определенный стимул — услышанный, то есть вербальный, и увиденный, то есть невербальный. Именно это несовпадение, при котором вновь познанное (услышанное или увиденное) представляется непонятым, необычным, нереальным, неожиданным, странным, и вызывает удивление» [Анумян, 2021, с. 282]. Данная эмоция также провоцирует потерю контроля, человек не справляется с ситуацией, испытывая при этом ощущение растерянности, неопределенности. Будучи сильной, эмоция в последующем приводит к длительной фиксации в памяти тех смыслов, которые были заложены в соответствующие граффити на фоне яркого и нетипичного психоэмоционального состояния. Происходит разрыв «шаблонов» — языковых, ситуативных, логических — за счет резкого контраста или нелогичного сочетания компонентов текста. Задача граффити с рассматриваемым механизмом — обратить внимание адресата на глубину смысла, так как «дефокусирование можно рассматривать также с точки зрения возрастания роли фона, оставшегося невыраженным языковой формой...» [Ирисханова, 2014, с. 65].

В качестве примера можно упомянуть варианты так называемых концептуальных инсталляций. В 2017 году уличный художник в Казани разместил возле крупного торгового центра разбитый унитаз, написав на нем: *Ваши мечты*.

3.3. Когнитивный механизм фокусировки

Языковым воплощением данного механизма являются тексты-философствования. Графические повреждения городского пространства транслируют различные смыслы через философские рассуждения, побуждающие адресата к размышлениям, в том числе с целью закрепления действий субкультуры граффити в сознании адресата как чего-то идеализированно-

го, имеющего место быть в контексте социума. Механизм фокусирования «может быть направлен на различные компоненты независимо от их значимости» (Н. Н. Болдырев) [Цит. по: Ивашкевич, 2019, с. 6]. Реализуемый философскими надписями, он заставляет адресатов концентрировать свое внимание на целостном смысле всего граффити. Рассмотрим варианты их реализации в городском пространстве.

На рис. 6 представлен текст: *Всегда модно быть свободным*. Перед адресатом актуализация смысла слова *свобода*, суть которого раскрывается через концепт МОДА. Несмотря на изменчивость модных тенденций, свобода — вне этих изменений. Посредством данной фразы адресату предлагается поразмышлять над тем, что есть свобода и в чем она проявляется. Возможно, для кого-то этот вопрос будет стартом для самопознания.

Рис. 6. Разновидность граффити

Рис. 7. Разновидность граффити

Данный пример может также служить вариантом проявления юношеского протеста. Способом публичного противопоставления миру взрослых и имеющих в нем ограничений.

На рис. 7 также представлен текст, задача которого — заставить адресата задуматься и поразмышлять, но в данном случае граффити транслирует позитивный, жизнеутверждающий, мотивационный смысл. Определенный эффект оказывает форма подачи. Комбинация вербальных и визуальных элементов дополняют, усиливают значения друг друга: изображение

космонавта дополнено текстом «*До самой далекой планеты не так уж, друзья, далеко!*». В некотором смысле адресату предлагается рассуждение на уровне проведенной параллели между реальным достижением цели в виде преодоления расстояния от точки А до «самой далекой звезды» и достижением той цели, той «звезды», которая может быть у каждого своя. Граффити в данном примере представляется емким, глубоким по смыслу и ярким, привлекающим внимание горожан по форме выражения.

Основной функцией когнитивного механизма фокусировки является ориентация адресата на вдумчивое и осмысленное прочтение текстов, побуждение к размышлению и «медленному движению» по их смыслу. Какие-то фрагменты текста являются для адресата наиболее значимыми, и фокусировка на них является более длительной, другие фрагменты могут не иметь для адресата концептуального значения и упускаются, при этом смысл того или иного графического повреждения городского пространства конструируется нужным для адресата образом.

4. Заключение = Conclusions

Итак, можно сделать следующие выводы.

Эффективность воздействия граффити на реципиента обеспечивается действием когнитивных механизмов, учитываемых автором граффити при кодировании смысла и составляющих основу передачи смысла адресату, который затем при декодировании смысла совершает мыслительные операции, нацеленные на вычленение специфических знаний об отдельных предметных сущностях, транслируемых средствами граффити. Адресатом производится обработка смыслов, приводящая к выявлению дополнительных признаков отдельных категориальных областей на основе субъективной переработки языкового знания. Специфика таких механизмов направлена на активизацию глубинных знаний адресата и возникновению более сложных смыслов с индивидуализированным преломлением в сознании отдельных людей.

Исследование помогло выявить три наиболее частотных когнитивных механизма, имеющих в своем проявлении определенные языковые материализации:

1. Когнитивный механизм компрессии. Данный механизм проявляется в граффити через языковую игру или трансляцию дискурсивных текстов. Основная функция когнитивного механизма компрессии заключается в передаче объемной информации различного содержания при использовании минимальных языковых ресурсов, имеющих глубокую смысловую нагрузку. Кроме того, данный механизм направлен на дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ в пределах городского пространства.

2. Когнитивный механизм дефокусирования. Языковая актуализация данного типа осуществляется через механизм абсурдизации (повседневный якорь нелогичности). Основная функция данного механизма заключается в активизации эмоции удивления. Будучи довольно сильной эмоцией, удивление провоцирует различные реакции адресата на увиденное и прочитанное — это потеря контроля, растерянность, неопределенность, что в последующем приводит к длительной фиксации в памяти тех смыслов, которые были заложены в соответствующие граффити, на фоне яркого и нетипичного психоэмоционального состояния.

3. Когнитивный механизм фокусировки. Языковым воплощением данного механизма выступают тексты-философствования. Главной особенностью механизма является фокусировка на глубинных смыслах граффити, побуждение к размышлению и «медленному движению» по смыслу текста. Как правило, такие граффити содержат риторические вопросы, воздействующие утверждения и, попадая в поле внимания адресата, укореняются в сознании и могут обрастать новыми индивидуальными смыслами.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Анумян К. С. Эмоция удивления как объект исследования прагмалингвистики / К. С. Анумян // Актуальные проблемы филологии. — 2021. — № 22. — С. 278—283.
2. Болдырев Н. Н. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе / Н. Н. Болдырев, В. С. Григорьева. — Тамбов : Принт-Сервис, 2020. — 328 с. — ISBN 978-5-6044327-3-0.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 4. — С. 10—20. — DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20.
4. Воробьева И. В. Психология вандального поведения [Текст] : Монография / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2015. — 304 с. — ISBN 978-5-7186-0704-8.
5. Воронина Л. В. Когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса / Л. В. Воронина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2023. — Т. 15. — № 1. — С. 17—27. — DOI: 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27.
6. Григорьева В. С. Рекламный дискурс через призму когнитивных доминант его организации / В. С. Григорьева // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. — 2020. — № 62. — С. 283—297.
7. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. — Москва : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 53—55.
8. Ивашкевич И. Н. К проблеме когнитивного моделирования неопределенного количества (на материале имен существительных с пространственным значени-

ем) / И. Н. Ивашкевич // Когнитивная лингвистика : итоги, перспективы. Мат-лы Всеросс. науч. конф., 11—12 апреля 2013 г. Когнитивные исследования языка. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. — Выпуск 14. — С. 181—187.

9. *Ивашкевич И. Н.* Роль зрительного восприятия в формировании метафорических моделей в английском языке / И. Н. Ивашкевич // Язык. Культура. Перевод. Ком-муникация : сб. науч. тр. / Моск. госуд. ун-т им. М. В. Ломоносова / редкол. : науч. ред. В. З. Демьянков. — Москва : Тезаурус, 2016. — С. 499—504.

10. *Ивашкевич И. Н.* Роль когнитивных механизмов в формировании непространственных смыслов в языке / И. Н. Ивашкевич // Евразийский гуманитарный журнал. — 2019. — № S4 (1). — С. 4—12.

11. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.

12. *Канашина С. В.* Когнитивный механизм компрессии в интернет-мемах / С. В. Канашина // Филологические науки в МГИМО. — 2015. — № 1 (1). — С. 30—39.

13. *Кружкова О. В.* Особенности восприятия учащимися городских граффити с выраженным воспитательным потенциалом / О. В. Кружкова, М. Р. Бабилова, С. Д. Робин // Образование и наука. — 2024. — Т. 26. — № 6. — С. 68—94. — DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-68-94.

14. *Кружкова О. В.* Вандально нанесенные тексты : потенциал «мягкой силы» / О. В. Кружкова, М. Р. Бабилова, С. Д. Робин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 96—117. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117.

15. *Кружкова О. В.* Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»? / О. В. Кружкова // Психология и право. — 2024. — Т. 14. — № 3. — С. 26—38.

16. *Магировская О. В.* Когнитивные и языковые механизмы многоуровневой конфигурации знаний / О. В. Магировская // Когнитивные исследования языка. — 2013. — № 15. — С. 381—392.

17. *Оленев С. В.* Принципы транслатологии в современной когнитивной парадигме / С. В. Оленев, Л. В. Кушнина, К. В. Пермякова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 136—156. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-136-156.

18. *Sadaf Sultan Khan.* The writing on the wall : Identity, placemaking and territoriality in Karachi's graffiti culture / Sadaf Sultan Khan // Wellbeing, Space and Society. — 2024. — Volume 7. — Pp. 100214. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wss.2024.100214>.

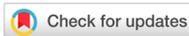
*Статья поступила в редакцию 02.08.2024,
одобрена после рецензирования 15.10.2024,
подготовлена к публикации 21.10.2024.*

References

- Anumyan, K. S. (2021). The emotion of surprise as an object of research in pragmalinguistics. *Actual problems of philology*, 22: 278—283. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2016). Cognitive schemes of linguistic interpretation. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 10—20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N., Grigorieva, V. S. (2020). *Dominant principle and integrativity of the format of speech interaction in dialogic discourse*. Tambov: Print-Service. 328 p. ISBN 978-5-6044327-3-0. (In Russ.).

- Demyankov, V. Z., Kubryakova, E. S., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). Cognitive linguistics. In: *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Philol. fac. Lomonosov Moscow State University. 53—55. (In Russ.).
- Grigorieva, V. S. (2020). Advertising discourse through the prism of cognitive dominants of its organization. *The world of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 62: 283—297. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ.).
- Ivashkevich, I. N. (2013). On the problem of cognitive modeling of an indefinite number (based on the material of nouns with spatial meaning). In: *Cognitive linguistics: results, prospects. Materials of the All-Russian Scientific Conference, April 11—12, 2013 Cognitive Language research, 14*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 181-187. (In Russ.).
- Ivashkevich, I. N. (2016). The role of visual perception in the formation of metaphorical models in the English language. In: *Language. Culture. Translation. Communication: collection of scientific tr.* Moscow: Thesaurus. 499—504. (In Russ.).
- Ivashkevich, I. N. (2019). The role of cognitive mechanisms in the formation of non-spatial meanings in language. *Eurasian Humanitarian Journal*, S4 (1): 4—12. (In Russ.).
- Kanashina, S. V. (2015). Cognitive mechanism of compression in Internet memes. *Philological sciences at MGIMO*, 1 (1): 30—39. (In Russ.).
- Kruzhkova, O. V. (2024). Vandalism. Why does the theory of “broken windows” not work? *Psychology and Law*, 14 (3): 26—38. (In Russ.).
- Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R., Robin, S. D. (2024). Features of students’ perception of urban graffiti with pronounced educational potential. *Education and Science*, 26 (6): 68—94. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-68-94. (In Russ.).
- Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R., Robin, S. D. (2024). Vandalized Texts: Soft Power Potential. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 96—117. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117> (In Russ.).
- Magirovskaya, O. V. (2013). Cognitive and linguistic mechanisms of multilevel configuration of knowledge. *Cognitive studies of language*, 15: 381—392. (In Russ.).
- Olenev, S. V., Kushnina, L. V., Permyakova, K. V. (2024). Translation Principles in Modern Cognitive Paradigm. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 136—156. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-136-156> (In Russ.).
- Sadaf Sultan Khan. (2024). The writing on the wall: Identity, placemaking and territoriality in Karachi’s graffiti culture. *Wellbeing, Space and Society*, 7: 100214. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wss.2024.100214>.
- Vorobyova, I. V., Kruzhkova, O. V. (2015). *Psychology of vandal behavior [Text]: Monograph*. Yekaterinburg: USPU. 304 p. ISBN 978-5-7186-0704-8. (In Russ.).
- Voronina, L. V. (2023). Cognitive mechanisms of the persistence of political discourse. *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 15 (1): 17—27. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27. (In Russ.).

*The article was submitted 02.08.2024;
approved after reviewing 15.10.2024;
accepted for publication 21.10.2024.*

Информация для цитирования:

Попова Г. В. Антиномии юмористического дискурса (на материале программы «Клуб веселых и находчивых») / Г. В. Попова, Е. Ф. Косиченко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 188—209. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-188-209.

Popova, G. V., Kosichenko, E. F. (2024). Defining Unique Features of Discourse in Club of Funny and Inventive: A Study of Humor in KVN Performances. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 188-209. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-188-209. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Антиномии юмористического дискурса (на материале программы «Клуб веселых и находчивых»)

Попова Галина Владимировна¹
orcid.org/0000-0002-5859-7968
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики,
корреспондирующий автор
fantgaw80@mail.ru

Косиченко Елена Федоровна²
orcid.org/0000-0001-7613-9744
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики
ekosichenko@gmail.com

¹ Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

² Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва, Россия)

Defining Unique Features of Discourse in Club of Funny and Inventive: A Study of Humor in KVN Performances

Galina V. Popova¹
orcid.org/0000-0002-5859-7968
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics,
corresponding author
fantgaw80@mail.ru

Elena F. Kosichenko²
orcid.org/0000-0001-7613-9744
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics
ekosichenko@gmail.com

¹ Southwest State University (Kursk, Russia)

² National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена определению специфических черт дискурса Клуба веселых и находчивых (КВН). Материалом исследования являются командные выступления в передаче «Клуб веселых и находчивых». Уделяется внимание проблеме определения понятия дискурса, приводятся основные подходы к его трактовке. Показано, что юмористическое выступление в КВН может быть рассмотрено в рамках существующей научной парадигмы как коммуникативная фигура из трех компонентов «действительность — текст — дискурс», а также как конкретное коммуникативное событие. Авторы останавливаются на онтологических характеристиках юмора: основание на противоречии, социокультурная природа. Описаны функции коммуникации, социализации, идентификации и дифференциации, выполняемые юмором. Актуальность исследования определяется значимостью КВН как культурного явления для формирования и развития юмористического дискурса в целом. Поднимается вопрос о том, что КВН может быть рассмотрен как одна из его разновидностей, так как обладает тематической и стилистической завершенностью. Высказывается мысль о том, что специфические характеристики и условия существования КВН ведут к формированию черт, схожих с признаками институционального дискурса. Новизна исследования заключается в формулировке антиномичных характеристик дискурса КВН. Авторы делают вывод о том, что их существование связано с базисной контрастностью юмора как такового.

Ключевые слова:

коммуникация; дискурс; юмористический дискурс; Клуб веселых и находчивых.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on identifying the distinctive characteristics of discourse within the "Club of the Funny and Inventive" (Russ. KVN). The primary material for this study consists of team performances from the KVN television show. Attention is given to the challenge of defining the concept of discourse, along with a review of major approaches to its interpretation. It is demonstrated that humorous performances in KVN can be analyzed within the existing scientific paradigm as a communicative figure comprising three components: "reality – text – discourse," as well as being viewed as a specific communicative event. The authors examine the ontological characteristics of humor, highlighting its basis in contradiction and its sociocultural nature. Functions such as communication, socialization, identification, and differentiation facilitated by humor are described. The relevance of this research is underscored by the significance of KVN as a cultural phenomenon in shaping and developing humorous discourse as a whole. The article posits that KVN can be regarded as a distinct variety of humorous discourse due to its thematic and stylistic coherence. It is suggested that the specific characteristics and conditions governing KVN lead to the emergence of traits similar to those found in institutional discourse. The novelty of this study lies in articulating the antinomic characteristics of KVN discourse, concluding that their existence is intrinsically linked to the foundational contrast inherent in humor itself.

Key words:

communication; discourse; humorous discourse; Club of the Funny and Inventive.

УДК 81'44

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-188-209

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Антиномии юмористического дискурса

(на материале программы

«Клуб веселых и находчивых»)

© Попова Г. В., Косиченко Е. Ф., 2024

1. Введение = Introduction

Дискурс как многоаспектное явление имеет множество определений и трактовок, которые существуют в контексте определенной научной традиции. В отечественной и зарубежной лингвистике подробно описаны сложившиеся подходы к пониманию сущности дискурса: М. Стаббс выделяет три основные характеристики [Stubbs, 1983, p. 1]; П. Серио дает восемь определений [Серио, 1999, с. 14]; Т. А. ван Дейк предлагает когнитивную модель обработки дискурса [Дейк, 2000]; Л. М. Макаров называет формальную, функциональную и ситуативную координаты существования дискурса [Макаров, 2003, с. 72—77]; В. Е. Чернявская выделяет 2 типа понимания дискурса [Чернявская, 2006]; Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами [Арутюнова, 1990, с. 136]; Ю. Е. Прохоров предлагает триаду «действительность — текст — дискурс» [Прохоров, 2004]; В. И. Карасик обобщает множество определений и характеристик, выделяя типы дискурса [Карасик, 2002], и т. д.

Приведем несколько наиболее значимых для нашей работы определений. В. Е. Чернявская называет дискурсом «тексты в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую <...> упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [Чернявская, 2006, с. 77—78].

Ю. Е. Прохоров рассматривает текст и дискурс в соотношении с коммуникацией и выводит «объемное» понятие «фигуры», подчеркивая, что

«реальная коммуникация содержит три неслиянные, но и нерасторжимые составляющие: саму фигуру действительности, в сфере которой и на основаниях которой она осуществляется, и две фигуры: текст — обеспечивающий ее содержательно-языковую основу (так как текст во всех его проявлениях, даже в «образе», неотрывен от языка) — и дискурс — обеспечивающий содержательно-речевую основу (собственно вербальную — и обычно с невербальным компонентом) взаимодействия участников коммуникации» [Прохоров, 2004, с. 34].

Далее Ю. Е. Прохоров так определяет составляющие коммуникации как объемного понятия: «Экстравертивная фигура коммуникации — дискурс: совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности. Интравертивная фигура коммуникации — текст: совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности. Материальная фигура коммуникации — действительность: совокупность материальных условий осуществления коммуникации представителей данной лингвокультурной общности» [Там же, с. 34—35].

Приведенные выше определения и характеристики соотнесем со структурой номера КВН, предполагавшего наличие трех обязательных компонентов: вербальной текстовой части, построенной нормативно или с нарушением; ситуации, в которой существует произносимый текст и которая следует «формам практики организации и оформления содержания коммуникации» или осуществляет их «словом»; широкого поля действительности, под которым понимается значимый историко-культурный, идеологический и социальный контекст.

Как видим, исследуемый материал вписывается в триаду «действительность — текст — дискурс», а также может быть трактован как «конкретное коммуникативное событие» (по В. Е. Чернявской), поскольку выступление в КВН — это более или менее целостное текстовое полотно, имеющее пространственно-временную локализацию, интенция которого состоит в том, чтобы вызвать у зрителя смех.

Выбор материала исследования обусловлен значимостью игры для юмора в целом. После своего возрождения в 1986 году несколько десятилетий именно «Клуб веселых и находчивых» определял тренды юмора, оперативно реагируя на актуальную общественно-политическую и социальную повестку. Период между 1990-ми и 2000-ми годами стал «золотым веком» программы, так как в это время совершился переход от канонов советской юмористической эстрады с выступлениями профессиональных артистов и литераторов (А. Миронов, А. Ширвиндт, М. Державин, Г. Го-

рин, М. Задорнов и др.) к самодеятельным командным выступлениям, структура и состав участников которых требовали иных средств и способов представления юмористического материала. Содержательно такие номера, безусловно, отвечали вызовам исторической эпохи, отражая проблемы одной общественной системы и фиксируя трудности формирования другой. Именно поэтому актуальным представляется изучение материала, охватывающего достаточно большой временной промежуток (с 90-х годов XX века до настоящего времени).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются выступления команд Высшей лиги КВН (с 1999 по 2023 годы). Выбор такого временного промежутка обусловлен следующими обстоятельствами: в 1999 году появилась схема проведения сезона из 8 игр, включающая три 1/8 финала, два четвертьфинала, два полуфинала и финал; сформировалась структура игры, состоящая из 3—5 конкурсов (приветствие, разминка, музыкальный конкурс, капитанский конкурс, домашнее задание); появились номера, обладающие прецедентной значимостью не только для юмора, но и для культуры в целом.

Количество игр за рассматриваемый период — 215, количество коллективов — 206, продолжительность выступлений — более 500 часов.

Обозначенные материалы требуют применения таких общенаучных методов, как методы сбора и обработки информации (аналитико-синтетическая обработка), методы классификации и систематизации, а также метод сплошной выборки, применяемый для сбора и анализа языкового материала.

Анализ публикаций, посвященных изучению текстового фонда КВН, показывает, что данный феномен представляет собой органично включенное в социокультурное пространство сложное единство, которое может быть рассмотрено в различных аспектах. Исследования связываются с социально-культурными [Ковалев, 2004; Букланс, 2010; Шведова, 2022], пространственно-временными [Будаев, 2009] или ценностными [Остапенко, 2022] характеристиками КВН, включают в актуальное проблемное поле его социализирующие и воспитательные функции [Петров, 2016; Сарайкина, 2019; Монтлевич, 2022], проводятся в контексте юмористической культуры в целом [Букланс, 2008] либо концентрируются на установлении специфики определенного типа юмора [Барашков, 2018] и т. д. Значительная часть публикаций посвящена анализу содержания и форматов представления юмористического материала, его восприятию и функционированию в текущем контексте [Игошина, 2009, 2015; Кулаева, 2015; Юмашев, 2016; Сухарева, 2021]. Особенно важными для нас являются работы, в которых рассматри-

ваются жанровые и дискурсивные параметры текстов, прозвучавших в программах КВН [Беззубикова и др., 2020; Кузнецова, 2024]. Однако исследований, обобщающих характеристики дискурса КВН в целом, обнаружить не удалось. Целью нашей работы является определение отличительных черт дискурса КВН, обладающего цельностью и жанровым многообразием, являющегося одной из разновидностей юмористического дискурса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сущность и функции смеха

Традиция, восходящая к Аристотелю, постулирует мысль о том, что в основе смешного лежит противоречие, «которое обнаруживается неожиданно, что составляет психологический механизм смеха» [Боров, 2002, с. 88]. Противоречие может быть между «собственными преимуществами и чужими слабостями (Гоббс), логическим и нелепым (Кант), величием и ничтожностью (Жан-Поль, Спенсер), основательностью и иллюзорностью (Гегель, Маркс, Энгельс), понятием и реальностью (Шопенгауэр), целью и средствами (Фрейд), живым и механистичным (Бергсон)», оно может рассматриваться в контексте «реакции на явление, отклоняющееся от нормы» [Сычев, 2003, с. 42].

Базисная контрастность смешного обуславливает существование его антиподных свойств, представленных, например, в антиномии «комическое — трагическое», закрепленной в «Поэтике» Аристотеля как классическое противопоставление трагедии и комедии. Представленная антитеза трансформируется в эстетических исследованиях XIX века, когда в качестве категорий, составляющих второй полюс оппозиции при осмыслении смешного (комического), последовательно предлагаются «возвышенное», «сентиментальное», «серьезное», которые тем не менее не высвечивают всей полноты смыслов смеха.

Позднее антитезами *смеха* становятся *плач* и *страх* как противоположный полюс мироощущения [Там же, с. 67], *стыд* как парадоксальная реакция, существующая «в телесном и чувственном, этическом и эстетическом проявлениях» [Карасев, 1996, с. 63], *серьезность* как противоположность смеху, вторая сторона культуры [Дмитриев, 1996, с. 6]. Думается, что подобная разноплановость антиподов смеха в полной мере отражает его полиморфизм, позволяющий комическому выполнять разнообразные функции, в которых проявляется его социокультурная природа.

Одна из важнейших воздействующих функций юмора — *функция социализации*. А. В. Дмитриев рассматривает ее реализацию на примере черного юмора в детской среде, цель которого — подготовить к взрослой жизни, гораздо более опасной и жестокой, чем замкнутый семейный

мир [Дмитриев, 1996, с. 15]. Далее выделяются взаимосвязанные функции *идентификации* и *дифференциации*, когда юмор становится маркером принадлежности к определенной социальной группе или среде. Именно поэтому возникает национальный, профессиональный, молодежный юмор, эти разновидности юмора проводят идентификацию в парадигме «свой — чужой». Обратной стороной реализации этих функций является *сплачивание* «своих» на основе общих интересов и ценностей, реализуемых в юморе. *Коммуникативная* функция юмора проявляется в ситуациях установления контакта, помогает создать положительный настрой на общение, сделать его более продуктивным.

Итак, базисная контрастность смешного воплощается не только в противоречии между характеристиками, обусловленными исходной посылкой, но и в проявлении функций смеха, связанных с его социокультурной природой.

3.2. Юмористический дискурс как реализация концепции смешного

Среди подходов к изучению дискурса выделяется прагмалингвистический (по В. И. Карасику), опирающийся на различие таких видов общения, как «серьезное — несерьезное, ритуальное — неритуальное, информативное — фасциативное, фатическое — нефатическое, прямое — не прямое» [Макаров, 2003; Карасик, 2002, с. 200]. Концептуальные установки теории смешного реализуются в юмористическом дискурсе, причисляемом к «несерьезному общению» [Карасик, 2002, с. 200].

Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения [Карасик, 2002, с. 208—209], что характерно и для КВН. Однако постепенное превращение программы в мощное движение со своими установками и нормами, его оформление в виде телевизионного проекта ведут к формированию у него черт институциональности (по В. И. Карасику).

Думается, что в основе таких изменений лежит реформатирование в рамках данного типа дискурса статуса коммуникантов модели «отправитель — получатель» и собственно ситуации общения, которая является искусственно организованной. В этом формате общения роли «отправителя (участника игры)» и «получателя (зрителя)» функционально ограничены. Участник, передавая «закодированное» сообщение, стремится вызвать совершенно определенный отклик — смех. Зритель имеет лимитированный набор реакций: смех, аплодисменты, молчание и т. д. «Получатель» в этом случае предстает своеобразным индикатором успешности коммуникации по шкале «смешно — не смешно». Неуспешность общения неизбежно связывается с проблемой идентификации сообщения как смешного как со стороны участника, так и со стороны зрителя. Для такого определения,

по словам Ю. Борева, «необходимо обладать способностью воспринимать юмор, понимая его смысл и цель использования» [Борев, 2002, с. 90].

О процессе институализации свидетельствуют также очерченность хронотопа (пространственно-временная ограниченность игры); четкое выражение цели — рассмешить; определение ценности юмористического номера в парадигме «смешно — не смешно»; формирование собственной прецедентности (знаковых выступлений, оставивших след в истории юмора); наличие специфических дискурсивных формул (*а если серьезно... , почему мы показали этот номер... ; в зале сидят уважаемые люди и т. д.*).

Таким образом, указанные черты относятся именно к рассматриваемому формату групповых юмористических выступлений, что позволяет говорить о формировании разновидности юмористического дискурса — дискурса КВН.

3.3. Генерализующие характеристики КВНа как одной из разновидностей юмористического дискурса

Учитывая природную контрастность юмористического дискурса как такового, сформулируем генерализующие признаки выступлений команд КВН в виде антиномий, отражающих его сущностные свойства.

3.3.1. Актуальность юмора на момент выступления / стремление смеяться над «вечными» темами

Эти две противоположные характеристики тесно переплетаются, поскольку шутки на злобу дня (в профессиональном жаргоне игроков КВН — *в актуал*) необходимы для созвучия с текущей реальностью, а осмысление вечных тем продлевает «комическую жизнь».

Стилистика советской эпохи предстает ведущим мотивом творчества многих коллективов 1990—2000-х годов, когда осмысливаются стереотипные образы, идеи, нормы поведения и ценностные установки в ироническом, понижающем ключе. Так, музыкальный номер сборной Санкт-Петербурга «Боб Марли в Москве» (1/2 финала 1999 года) строится на представлении о закостеневшей советской эпохе, когда концерт культового музыканта приходится проводить подпольно. Конфликт заключается в том, что на мероприятие приходит девушка Полина, чей папа является видным партийным функционером. Герои музыкального андеграунда той эпохи (К. Кинчев, Б. Гребенщиков и др.) присутствуют на концерте в качестве персонажей, когда обыгрывается рождение шедевра: *«Под небом... А где я спать сегодня буду? / Народу много, твоя любимая ванна занята, поэтому будешь спать на диванчике с Сережской. / Голубым. Есть город... А портвейн почему брали? / Две — два. / Золотой [КВН Сборная Питера, 00.18.02-00.18.43].*

Сборная БГУ (Минск) в 1/2 финала 1999 года предлагает празднование 7 ноября, где ведущий рефреном поет строки «Ленин всегда живой»,

«Песняры» исполняют знаменитую «Беловежскую пушу», а хор сварочно-го цеха превращается в хор «геев из Лос-Анджелеса» [Концерт на заводе].

Однако в настоящее время этот пласт юмора не считается зрителем, поскольку действительность изменилась, ушла узнаваемость культурного контекста, следовательно, и комическая составляющая перестает быть таковой.

В среде игроков КВН есть понятие «золотого номера», остающегося интересным долгие годы. Так, в номере «Сальто Делчева», поставленном студенческим театром эстрадных миниатюр (СТЭМ) «Уральские пельмени» (1/2 финала 2000 года), обыграна типичная ситуация: экзаменатор и недалекий абитуриент, который не может восьмой год пробиться на кафедру штанги. Контраст внешней оптимистичности профессора с непробиваемой глупостью поступающего создает эффект юмора «с сумасшедшинойкой», который определял тогда комический почерк команды: *Профессор: «Кто первый выполнил сальто Делчева?» / Абитуриент молчит. / Профессор: «Голубчик, может, вы не знаете наших правил, специфики, так сказать, но можно отвечать...» / Абитуриент молчит. / Профессор: «А, да, хорошо. Понимаете, голубчик, ответ на этот вопрос, как бы лежит вот здесь вот, в самом вопросе. Попробуйте покопаться там, в районе Делчева...» / Абитуриент молчит. / Профессор: «Ничего, да? Хм, хорошо. Давайте я вам дам некий алгоритм. Нет, не запоминайте это слово! Сальто Делчева выполнил...Дел...Делче...» / Абитуриент: «... в». / Профессор (с воодушевлением): «Намного лучше стало, после 8 лет, намного лучше стало! Давайте закрепим: кто первый выполнил трюк Джобара?» / Абитуриент: «Ну, Делчев» [Золотой фонд КВН, 11.19-13.09].*

В данном номере типажи героев, взаимоотношения между ними регулируются противопоставлением «умный — глупый», гиперболизированы актерским исполнением и по-прежнему остаются понятными зрителям. Подобных комических образов и текстов, рассматривающих типические ситуации взаимоотношений между людьми, создано много: «сериал» об отношениях Игоря и Лены («Днепр»), социальные басни от А. Якушева («Прима»), недалекий студент Сороход («Триод и Диод»), «реальный пацан» Колян («Парма») и т. д.

Итак, взаимодействие противоположных тенденций при выборе важных для определенного периода тем, идей и событий приводит к постоянной балансировке юмористического дискурса между «актуальным» и «вечным».

3.3.2. Использование значимых прецедентных феноменов / создание собственной прецедентности

КВН как явление, существующее в определенной культурной среде, аккумулирует мировоззренческие и ценностные установки, этические

и эстетические нормы, транслируя их в собственных произведениях. КВН — своеобразный индикатор, показывающий весомость того или иного прецедентного феномена. Например, обращения к культовому фильму «Ирония судьбы, или с легким паром!» исключительно многочисленны, особенно в финале сезона, когда «новогодняя прецедентность» призвана создать особое настроение для восприятия юмора.

В финале КВН 2011 года команда «Сок» выступила с номером, представив наиболее известные этнические стереотипы (соотносительные с такими странами, как США, Израиль, Германия, Мексика) в их наложении на выборочные сцены из этого советского фильма. Типажи героев обозначены лаконичными, но узнаваемыми средствами: белый парик Нади, пейсы, пончо, сомбреро. Речь персонажей маркирована характерным выговором страны. Приведем «израильскую» версию: *Надя: «Как вам это нравится?! Я возвращаюсь домой, а какой-то поц взял за моду отмечать Новый год у меня дома!» / Женя: «С каких это пор Палестина — ваш дом?» Надя: «Убирайтесь! Сейчас сюда придет моя мама.» / Женя: «Мама? Вы живете с мамой?» Надя: «А вы знаете хоть одного еврея, который не живет с мамой? Сейчас мой друг Ипполит вас отсюда выкинет!» / Женя: «Ничего он мне не сделает!» / Надя: «Почему?» / Женя: Так сегодня суббота. Ну, хорошо, скажите, сколько я должен вам за рыбу и все. / Надя: Да подавитесь, вы мне ничего не должны!» / Женя: «В таком случае какая это замечательная заливная рыба!» [КВН «Ирония судьбы или с легким паром» в разных странах, 0.45-1.23].*

В финале 2012 года команда «Город Пятигорскъ», сохраняя общую стилистику первоисточника, преобразует характеры персонажей и суть взаимоотношений между ними. Надя — взрослая одинокая корпулентная женщина, которая рада появлению в доме мужчины. Женя, случайно оказавшийся в Пятигорске, боится свою новую знакомую, поэтому звонит в полицию: *Женя: «Але, мужчина, помогите! Я в Пятигорске в квартире с незнакомой женщиной, что мне делать?» / Неизвестный мужчина в трусах: «Дружище, да с кем не бывает! Ты принимай наш препарат, там 10 капсул, надолго хватит!» / Надя: «Что, восьмерку забыл набрать? Ха-ха» [КВН 2012 Высшая лига Финал, 1.16.34-1.17.00].*

Эффект обманутого ожидания вызван не только тем, что ответ не соответствует нормам взаимодействия полиции с населением, но и тем, что происходит перенос известного в тот период рекламного образа в новый контекст, где формируются новые смыслы. Как видим, трансформация прецедентного материала осуществляется по принципу противоречия, когда вновь создаваемые образы приобретают черты, максимально далекие от привычных, но тем не менее остаются узнаваемыми.

Итак, прецедентные феномены выступают в качестве обобщенной основы представления, задавая логику изложения и выстраивая цепь зрительского «предвосприятия». Переработка компонентов прецедентного феномена осуществляется так, чтобы они все же оставались узнаваемыми, что может достигаться как сценическими образами персонажей, так и использованием прецедентных фраз и ситуаций. Именно контраст между тем, как «было», и тем, как «стало», создает юмористический эффект.

Подобный подход к созданию номеров является достаточно распространенным: «Ромео и Джульетта» («ЧП», ¼ финала, 2005 год; «Парапапарам», ½ финала, 2011 год; «Город Пятигорск», финал 2013 года; «Азия микс», ¼ финала, 2015 год), «Жестокий романс» («Луна», ½ финала, 2005 год); «Русалочка» («Город Пятигорск», 1/8 финала, 2012 год; «Борцы», 1/8 финала, 2019 год), «Игрушка» («Сборная Краснодарского края», 1/8 финала, 2010 год) и т. д.

Длительная история игры позволяет говорить о формировании ее собственной базы прецедентности. Как правило, наиболее удачные номера КВН создаются с учетом текущего культурного контекста, который не всегда может быть опознан зрителем, поскольку новые комические смыслы оказываются более актуальными. Так, песня команды «Станция Спортивная» «Грузчик» (1/2 финала 2009 года) в «оптимистическом исполнении парней 90-х» стала гимном кризиса начала XXI века. В ней остро обозначались проблемные точки современности: *«Я учился 8 лет на экономиста, / аспирант, почти доцент, вуз закончил чисто. / Мир финансов для меня книга был открытая. / Кризис грянул, и теперь угадайте, кто я? / Грузчик, грузчик, парень работающий. / Грузчик, грузчик, прет, кладет и тащит. / Все, кто может деньги правильно посчитать, грузчиком, конечно, в детстве мечтали стать...»* [КВН Станция спортивная, 0.28-1.03].

Однако концепция выступления (мелодия, реквизит, костюмы участников) были калькой чешской группы «Banjo Band», выступавшей в 1970-е годы с песней «Йожин з бажин» [Banjo Band Ivana Mládká]. Понятно, что в русской лингвокультуре первоисточник не мог быть узнан по причине значительного временного разрыва между исполнениями.

«Социальная рок-опера» коллектива «Союз» (1/8 финала 2013 года), в которой персонаж в образе Ф. Меркьюри исполняет песню на мотив «I Want to Break Free», становится квинтэссенцией юмора того периода, когда ведущей является тенденция критического осмысления действительности: *«Дороги в стране, как машины в стране, как и футбол, ЖКХ и, конечно, кино — GOD KNOWS!»* [КВН в разрыв, 0.09-0.40]. Созвучие английского

варианта с русским словом со сниженной коннотацией ставит номер на грань допустимого, что в сочетании с нарочито «просвещенным» контекстом дает мощный юмористический эффект.

Прецедентность в выступлениях КВН оформляется и в виде отдельных высказываний. Так, в «Сказке про подстаканники» сборной Санкт-Петербурга (1/8 финала 2002 года) прозвучали слова: «*А чтобы тебе веселее было бежать, вот тебе волшебный пендель!*», запустившие фразу, которая получила популярность и вошла в речевую практику со значением ‘строгое внушение, побуждающее человека к тому, чтобы он выполнил какую-либо работу, задачу, начал действовать’ [КВН Сборная Питера, 37.23-37.27]. В 2003 году «Уральские пельмени» в пародии на игру «Что? Где? Когда?» произнесли афористичную реплику, тоже затем усвоенную носителями русского языка в качестве универсального ответа на вопрос, не заслуживающий разъяснений с точки зрения отвечающего: «*Потому что гладиолус!*» [Потому что гладиолус, 3.17-4.30].

Таким образом, обращение к значимым культурным феноменам позволяет участникам команд КВН не только вести интеллектуальную игру со смыслами, но и формировать новые. Базис, используемый в подобного рода выступлениях, дает мощную подпитку создаваемым произведениям, позволяет им встраиваться в культурный фон, становясь самостоятельными явлениями.

3.3.3. Следование дискурсивным и жанровым канонам / тенденция к разрушению канонов

В КВН существуют полноценные дискурсивные и жанровые каноны, следование которым позволяет командам встраиваться в игру, особенно в период поиска собственного почерка. Назовем несколько каноничных черт.

1. Сложившиеся способы формирования команд: «концепт», когда коллектив собирается намеренно и транслирует специально созданный образ; и «сборная друзей» — стихийно возникшая компания единомышленников. Отметим, что команды-проекты стали появляться относительно недавно, когда игра превратилась в мощный телевизионный продукт. К таким коллективам можно отнести сборную Пермского края, созданную к 300-летию Перми, сборную МАИ, представившую типаж инженеров, команду «Неудержимый Джо», в которую вошли известные «КВНщики» прошлых лет, и т. д.

2. Устоявшаяся система конкурсов в КВН, каждый из которых имеет специфику содержания, ситуативного и речевого оформления. Конкурсная система КВН подробно описана в книге М. Марфина и А. Чивурина «Что такое КВН?» [Марфин и др.].

За годы своего существования КВН не мог не меняться. Исключительно богатая история игры, которая ведет отчет телепрограмм с 1961 года, вместе с умением ее участников мыслить нетривиально (что необходимо для создания шутки) обусловили переход к этапу ломки сложившегося конкурсного канона. Так, в финале 2017 года команда «Плюшки» в конкурсе «Музыкальное домашнее задание» предлагает зрителям вместо трогательной песни, массового танца и смешных миниатюр стилизованное праздничное застолье: Андрей: «А к музыкальному финалу мы подготовили песню и танец». / Богдан: «Ребят, ну какая песня и танец? Это может сделать любая команда. Но мы же не такая команда?» / Андрей: «Ну и что ты предлагаешь?» / Богдан: «Предлагаю сделать то, что еще никто никогда не делал». / Андрей: «Например?» / Богдан: «Сесть и похавать». / Андрей: «В смысле?» / Богдан: «В прямом смысле. Сесть и покушать. Садитесь». / Андрей: «Что, можно есть?» / Богдан: «Ешь. (пауза) А прикинь, с этим выиграем?!» [КВН Плюшки имени Ярослава Гашека, 0.09-1.07].

Как видим, эта часть номера основывается на стратегическом противопоставлении с конкурсными нормами в целом и завершается ироничной фразой, которая показывает способность команды выходить за пределы жанра, оценивая свой номер со стороны.

3. Существование игровых типажей в команде.

Фронтмен (или фронт) — это участник, задействованный в выступлении наиболее активно. Причем степень вовлеченности фронта может значительно варьироваться. Так, в сборной Мурманска говорил только фронтмен, что было частью концепции.

«Забор» — участники, стоящие на сцене, но не произносящие текст. Часто выступление строится на контрасте между фронтом и «забором», когда динамику номера определяет центральный персонаж, а остальные участники должны создавать образ управляемой массы. По такому принципу были организованы приветствия сборной Краснодарского края, где фронтмены Коля и Демис исполняли практически всю текстовую часть.

Выходящий персонаж — участник, который появляется по ходу выступления на некоторое время, придавая динамику сюжету. Например, полицейский дядя Паша («Русская дорога»), фактурная Валя («Раисы») и т. д.

«Фрик» — подчеркнуто странный, нелепый герой, поведение и речь которого заметно отличаются от общепринятых норм. Подобные персонажи, как правило, располагают характеристиками, которые намеренно выбираются предметом шуток для других членов команды. Это может быть «особенная» внешность: Ваня («Так-то»), Валдис («Нате»), Д. Дорохов («Камызяки»); манера поведения или свойства характера: Дима («Кефир»), Богдан («Плюшки»), Вадик («Флеш-Рояль») и т. д.

«Такстопер» (производно от «Так, стоп!») — персонаж, который администрирует процедуру исполнения номера в роли контролера, направляющего ход общего выступления команды, прерывает речь других участников, не позволяет им сказать «лишнее», дает указания, останавливает или торопит и под. Подобные функции выполняли Кирилл («Союз»), Лена («Раисы»), Дима («СОК»), их появление на сцене определяло динамику исполнения номера.

История КВН показывает, что указанные типажы могут появляться не во всех выступлениях команды или совмещаться в лице одного члена команды. Фронт может выходить на сцену периодически, но задавать тон выступления и произносить наиболее выигрышные репризы. Так оформлялись выходы Игоря Саныча («Сборная Пермского края»), Д. Шпенькова («25-я») и т. д. Выходящий персонаж может быть фриком, чья нарочитая инаковость дозируется, чтобы зрители не привыкали к образу. Подобным образом вводились Вадик («Флеш-Рояль»), Коля («Ровеньки»), Д. Дорохов («Сборная Камызякского края»). Более того, фронт может быть фриком, если это позволяет общая концепция коллектива. Таким персонажем был Череп (М. Киселев) из команды «Триод и Диод», чьи нарочито «пацанские» манеры являлись стилеобразующим элементом их выступлений.

4. Формирование особых игровых приемов подачи материала, к которым можно отнести «линейку», когда реплики последовательно произносятся членами команды, выстроенными в прямую линию на сцене, или «миниатюры», когда разыгрывается ситуация, имеющая сюжетную театрализованную организацию. На современном этапе названные приемы презентации юмора комбинируются, однако «линейка» имеет более длительную историю существования.

5. Формирование игровых ходов, то есть типичных ситуаций, в которых существует шутка. К ним относится обращение к жюри; обращение к А.В. Маслякову; приглашение «звезд» в качестве «усиления» и т. д. Актуальные ходы со временем приобретают характер стереотипа, который может быть переосмыслен в комическом ключе. Так произошло с обращением к жюри. В 1/2 финала 2023 года команда «Юрикен» представляет миниатюру, в которой иронически обыгрывается характер отношения команд к жюри: *Первый участник: «Именно поэтому мы идем в финал! Где финал? Туда? Туда в финал?» / Второй участник: «Да подожди!» / Первый участник: «Что? Я в финал!» / Второй участник: «Это жюри решает. Ты что забыл?!» / Первый участник (очень пафосно): «Я забыл про уважаемых жюри! Что обо мне подумают! (Поет). Члены жюри, я уважаю вас от зари до зари, члены жюри!»* [Песня уважаемым членам жюри, 1.54-2.25]. Как видим, ход с жюри приобретает характер осмеиваемого штампа.

6. Оформление особых речевых формул, обозначающих этапы номера, вводящие персонажей, создающие динамику выступления и т. д.

«Так, стоп!» — сюжетообразующая формула, поскольку она обозначает начало конфликта; выявляет противоречие между персонажами; используется для остановки провокационной шутки. У нее есть синонимы: «Да вы с ума сошли! / Что вы делаете?», а также продолжение: «Что вы себе позволяете, в зале сидят уважаемые / приличные люди!». Обычно приведенную фразу произносит «такстопер», являющийся антагонистом слишком откровенно шутящих участников. В результате создается сложная драматургия выступления: шутка произнесена, на нее получена реакция, усиленная контрастным поведением «такстопера», однако острота репризы часто нивелируется тем, что ее выдает «фрик», к чьим высказываниям нельзя относиться серьезно.

Одним из наиболее успешных «такстопных» коллективов стала команда «Союз» (чемпион Высшей лиги 2014 года, обладатель 5 КиВинов). В их выступлениях конфликт строился на противостоянии между «нормальным» Кириллом и другими участниками, исполнявшими короткие музыкальные зарисовки на грани приличий: *Айдар: «Тюменский драматический театр для неуравновешенных актеров «Солнышко», представляет.» / Айдар (поет): «В коридоре сером, в коридоре сером ждут пенсионеры, ждут пенсионеры...» / Все вместе поют: «Очень-очень душно, но жить на что-то нужно! Пенсионный фонд, жара, июль!..» / Кирилл: «Так, остановитесь! Вы опять начинаете!»* [КВН Так, стоп! 00.00-00.43].

Особое речевое оформление определенных игровых моментов в ходе выступления (например, регулярно используемых ходов) присуще и отдельным командам. Так, приветствия «Русской дороги» начинались со слов: «Привет, титл! А что вы такие грустные сидите, как будто это вы из Армавира приехали?»; коллектив «Бак-Соучастники» использовал рефрен: «Выступаем на расслабоне... Мы знаем, что все у нас будет хорошо...». Такая индивидуализация юмора позволяет сделать творческий почерк команды узнаваемым и создать почву для формирования собственной прецедентности в КВНе.

Итак, десятилетия существования игры позволили очертить границы дискурса КВН, сформировать его признаки (систему выступлений, игровых типажей и ходов), образовать ряд устойчивых речевых формул, подчеркивающих его целостность, стабильность и узнаваемость. Тенденция к разрушению сложившихся канонов проявляется во втором десятилетии XXI века, когда история КВН становится чрезвычайно богатой и разнообразной, то есть игра оказывается способной перерабатывать собственный материал.

3.3.4. Авторство шуток / эффект «размытого» автора / смещение авторства

КВН — командная игра, где каждый коллектив представляет итоговый продукт на суд зрителей и жюри, которые оценивают именно то, что получилось на сцене в данное время и в данном месте. Неважно, насколько интенсивной была подготовка, какие идеи и шутки предлагались — в истории остается именно то, что получилось. Вся закулисная работа оставалась за кадром до появления так называемых обзоров [Белевцев и др.], которые делают люди, интересующиеся историей КВН. Обзоры включают аналитику, интервью с командами, где обсуждаются профессиональные секреты: как шла реализация идеи выступления, какие шутки были запланированы, что осталось в эфире и т. д. Интересно, что такие «вторичные» продукты также становятся предметом исследований [Рязанов, 2020].

Проникновение в закулисы игры позволило поднять вопрос об авторстве шуток. Автор в зрительском восприятии и в понимании участников позиционируется по-разному. Для зрителя командное выступление, с одной стороны, создает эффект «размытого» автора, когда произнесение шутки связывается именно с коллективом. С другой стороны, яркая индивидуальность актера позволяет ему «присвоить» шутку. В этом случае намечается линия индивидуализации юмора, когда в «безымянной командной массе» может быть выделен яркий персонаж, чье имя будут знать зрители. Так, в команде «Утомленные солнцем» (чемпион 2003 года) одним из наиболее популярных участников был М. Галустян, известный яркими образами: бабушка Сирануш, охранник в библиотеке, солист в пионерском хоре, Наполеон и т. д. Примеров выдающихся участников КВН множество: Г. Мартиросян («Новые армяне»), Д. Хрусталев (Сборная Санкт-Петербурга), С. Пермякова («Парма»), С. Тарбаев (Сборная РУДН), А. Якушев («Прима») и т. д.

С позиции участников команды автор — конкретный человек, придумавший шутку. За годы существования игры сформировался своеобразный институт авторства, когда КВНщики, уже закончившие выступать, помогают писать материал другим командам, работают в «продакшене» компании «АМИК» или создают новые юмористические программы. Например, проекты KAM-EDY CLUB, шоу «Уральские пельмени», «STAND UP на ТНТ», «Женский STAND UP», сериал «Реальные пацаны» созданы бывшими участниками КВН.

Итак, авторство в КВН представляет собой сложное явление, интерпретация которого зависит от выбора точки отсчета. В зрительском восприятии авторство может «размываться», ассоциируясь с целым коллективом, или смещаться на личность участника. Внутри команды автор практически всегда известен, однако он тоже может быть коллективным, когда в создании выступления принимают участие несколько человек.

4. Заключение = Conclusions

Более чем 60-летняя история игры позволяет считать КВН значимым культурным явлением, включение которого в дискурсивную парадигму дает возможность рассматривать его в качестве коммуникативной фигуры, состоящей из текстовой части, ситуации, в которой существует текст, и контекстуального поля действительности.

Будучи встроенным в поле юмористического дискурса, КВН является одним из его разновидностей, поскольку отличается тематической, композиционной и стилистической устойчивостью. Вместе с тем относительная самостоятельность игры, ее функционирование в качестве специфического феномена приводят к формированию черт, схожих с характеристиками институционального дискурса.

Специфические черты дискурса КВН могут быть определены в виде антиномий, поскольку суть комического состоит именно в выявлении противоречия.

Актуальность юмора сообразно времени создания и стремление смеяться над «вечными» темами — хромотипическая характеристика дискурса КВН, поскольку она показывает социальную и историческую обусловленность юмора.

Использование значимых прецедентных феноменов и создание собственной прецедентности свидетельствуют о культурном базисе юмора и его способности творчески осмысливать значимые явления действительности, образуя новое произведение.

Следование дискурсивным и жанровым канонам и тенденция к разрушению канонов позволяют говорить о КВН как об одной из самых важных разновидностей юмористического дискурса, одновременно обладающей жанровым разнообразием и способностью к трансформации.

Авторство шуток, эффект «размытого» автора и смещение авторства в юморе подчеркивают его дискурсивный характер и выявляют тенденцию к его индивидуализации, когда творческий потенциал личности реализуется особенно мощно.

Обширность материала исследования позволяет говорить о том, что выделенные генерализирующие характеристики свойственны в той или иной степени юмористическому дискурсу в целом.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Белевцев К.* (Субъективный Крафти) : аккаунт [Электронный ресурс] / К. Белевцев // Вконтакте. — Режим доступа : <https://vk.com/club624> (дата обращения 24.03.2024).
2. *Золотой фонд КВН.* Уральские Пельмени. Сборник № 1 [Электронный ресурс] / ПРО КВН. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=xaOrSZ48mJ0> (дата обращения 24.03.2024).
3. *КВН* «Ирония судьбы или с легким паром» в разных странах. Официальный канал КВН [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=7lqVYoKiMfw> (дата обращения 24.03.2024).
4. *КВН 2012* Высшая лига Финал (28.12.2012) [Электронный ресурс] // Официальный канал КВН. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=8i2_QKKD-ZI (дата обращения 24.03.2024).
5. *КВН БГУ* — Концерт на заводе. 1/2 финала 1999 [Электронный ресурс] // Официальный канал КВН. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=adLnSloDbH8> (дата обращения 24.03.2024).
6. *КВН* в разрыв! Союз — Социальная рок-опера [Электронный ресурс] // Официальный канал КВН. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=CcvOe2ysA5w> (дата обращения 24.03.2024).
7. *КВН* Плюшки имени Ярослава Гашека — 2017 Высшая лига Финал Музыкалка [Электронный ресурс] // Официальный канал КВН. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=UUUZLhsGC1g> (дата обращения 24.03.2024).
8. *КВН* Сборная Питера / Сборник лучших номеров. Под небом голубым. ½ финала, 1999 [Электронный ресурс] // Официальный канал КВН. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=tn41tySqs-I> (дата обращения: 24.03.2024).
9. *КВН* Так, стоп! Сборник. 1 часть [Электронный ресурс] // ПРО КВН. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/@prokvn> (дата обращения 14.07.2024).
10. *КВН* Станция спортивная — Грузчик [Электронный ресурс] // Официальный канал КВН. — Режим доступа : [youtube.com/watch?v=Gg4RxjR_CiQ](https://www.youtube.com/watch?v=Gg4RxjR_CiQ) (дата обращения 24.03.2024).
11. *Марфин М.* Что такое КВН? [Электронный ресурс] / М. Марфин, А. Чивурин. — Режим доступа : <https://kvn.ru/static/intro> (дата обращения 24.03.2024).
12. *Песня* уважаемым членам жюри [Электронный ресурс] // ПРО КВН. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=97mM2vm3Fm4> (дата обращения 24.03.2024).
13. *Потому что* гладиолус — КВН Уральские Пельмени [Электронный ресурс] // ПРО КВН. — Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=FJBSVeWI4-0> (дата обращения 24.03.24).
14. *Vanjo* Band Ivana Mládka : Jožin z bažin [1977] — Live / Bulgur MUSIC [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=2FOisIRpeEA> (accessed 24.03.2024).

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136—137.
2. *Барашков А. Е.* Феномен политического юмора в КВН / А. Е. Барашков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Политические, социологические и экономические науки. — 2018. — № 4. — С. 5—12. — DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-5-12.
3. *Беззубикова М. В.* Дискурсивные параметры КВН — игры / М. В. Беззубикова, Э. С. Минивалеева // Электронный научный журнал. — 2020. — № 7 (36). — С. 77—81.

4. *Борев Ю.* Эстетика / Ю. Б. Борев. — Москва : Высш. шк., 2002. — 511 с. — ISBN 5-06-004105-0.
5. *Будаев П. Е.* КВН-хронотоп : социокультурная характеристика : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук : 22.00.06 / Павел Евгеньевич Будаев. — Ростов-на-Дону, 2009. — 27 с.
6. *Букланс Д. Г.* Коммуникативные особенности КВН в контексте массовой культуры / Д. Г. Букланс // Информационно-Коммуникация-Общество. — 2010. — Т. 1. — С. 16—19.
7. *Букланс Д. Г.* Феномен КВН в контексте традиций русской смеховой культуры / Д. Г. Букланс // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2008. — Т. 14. — № 5. — С. 193—195.
8. *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк ван. — Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с. — ISBN 5-80157-202-3.
9. *Дмитриев А. В.* Социология юмора : Очерки / А. В. Дмитриев ; Рос. акад. наук, Отд-ние философии, социологии, психологии и права. — Москва : ОФСПП РАН, 1996. — 214 с. — ISBN 5-201-01908-0.
10. *Игошина Ю. В.* КВН-язык как маркер молодежных субкультурных форм / Ю. В. Игошина // Вестник ВятГУ. — 2009. — № 4. — С. 110—116.
11. *Игошина Ю. В.* Смех как форма коммуникативного процесса (на примере юмористических программ) / Ю. В. Игошина // Международный журнал исследований культуры. — 2015. — № 2 (19). — С. 119—128.
12. *Карасев Л. В.* Философия смеха / Л. В. Карасев. — Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. — 222 с. — ISBN 5-7281-0036-8
13. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
14. *Ковалев М. Н.* КВН (Клуб веселых и находчивых) как социокультурное явление современной России : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук : 22.00.06 / Михаил Николаевич Ковалев. — Москва, 2004. — 24 с.
15. *Кузнецова В. В.* Классификация жанров медийно-развлекательного дискурса / В. В. Кузнецова // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. — 2024. — № 1 (5). — С. 47—52.
16. *Кулаева Г. М.* Сигналы эстетической информации в текстах телеэфира юмористически ориентированных программ / Г. М. Кулаева // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2015. — № 1 (13). — С. 162—166.
17. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : Гнозис, 2003. — 280 с. — ISBN 5-94244- 005-0.
18. *Монтлевич Т. А.* КВН как средство социализации подростка в образовательном пространстве / Т. А. Монтлевич // Про-ДОД. — 2022. — № 1 (37). — С. 57—61.
19. *Остапенко И. А.* Смеховая культура КВН как отражение системы ценностей современного студента / И. А. Остапенко // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. — 2022. — № 1. — С. 22—26.
20. *Петров С. В.* Использование педагогического потенциала КВН в вузе как инновационный подход в развитии конкурентных качеств личности / С. В. Петров // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. — 2016. — № 2. — С. 115—118.
21. *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 224 с. — ISBN 5-89349-653-1.

22. Рязанов Д. А. Интернет-сообщество как феномен современной сетевой культуры (на примере КВН-сообщества в социальной сети ВКонтакте) / Д. А. Рязанов // Коммуникология. — 2020. — Т. 8. — № 2. — С. 146—154. — DOI: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-146-155>.

23. Сарайкина Ю. А. КВН как массовое молодежное движение в современном российском обществе / Ю. А. Сарайкина // Инновационные научные исследования: теория, методология, тенденции развития. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. — 2019. — С. 177—180.

24. Серю П. Как читают тексты во Франции? / П. Серю // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999. — С. 14—53.

25. Сухарева И. А. Механизмы языковой игры как способ создания комического (на материале КВН — реприз и стендап-монологов) / И. А. Сухарева // Русский язык в поликультурном образовательном пространстве : Всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых с международным участием, Астрахань, 18—19 ноября 2021 года. — Астрахань : Цифровая типография «Нова», 2021. — С. 303—309.

26. Сычев А. А. Природа смеха или Философия комического / А. А. Сычев. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. — 176 с. — ISBN 5-7103-0910-9.

27. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 136 с.

28. Шведова Л. Е. Социальные сети как инструмент формирования имиджа команды КВН / Л. Е. Шведова, Г. И. Задерейчук // МедиаВектор. — 2022. — № 4. — С. 126—131.

29. Юмашев Д. О. Сатира в сетевых аудиовизуальных СМИ : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Д. О. Юмашев. — Воронеж, 2016. — 24 с.

30. Stubbs M. Discourse Analysis : The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. — Chicago : University of Chicago Press, 1983. — 272 p.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024,
одобрена после рецензирования 10.10.2024,
подготовлена к публикации 21.10.2024.

Material resources

Banjo Band Ivana Mládka: Jožin z bažin [1977] — Live / *Bulgur MUSIC*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=2FOisIRpeEA> (accessed 24.03.2024).

Because gladiolus — KVN Ural Dumplings. In: *PRO KVN*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=FJBSVeW14-0> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).

Belevtsev, K. (Subjective Crafting): account. In: *Vkontakte*. Available at: <https://vk.com/club624> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).

KVN “Irony of fate or with a light steam” in different countries. In: *The official KVN channel*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7lqVYoKiMfw> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).

KVN 2012 Major League Final (12/28/2012). In: *Official KVN channel*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=8i2_QKKD-ZI (accessed 24.03.2024). (In Russ.).

KVN BSU — Concert at the factory. 1/2 finals 1999. *Official KVN channel*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=adLnSloDbH8> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).

KVN Buns named after Yaroslav Gashek — 2017 Higher League Final Muzykalka. In: *Official KVN channel*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=UUUzLhsGC1g> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).

- KVN Gold Fund. ural dumplings. Collection № 1. In: *PRO KVN*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=xaOrSZ48mJ0> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).
- KVN in the gap! Soyuz — Social Rock Opera. In: *Official KVN channel*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=CevOe2ysA5w> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).
- KVN So, stop! Collection. Part 1. In: *PRO KVN*. Available at: <https://www.youtube.com/@prokvn> (accessed 14.07.2024). (In Russ.).
- KVN Station sportivnaya — Loader. In: *Official KVN channel*. Available at: [youtube.com/watch?v=Gg4RxjR_CiQ](https://www.youtube.com/watch?v=Gg4RxjR_CiQ) (accessed 42.03.2024). (In Russ.).
- KVN Team of St. Petersburg / Collection of the best numbers. Under the blue sky. ½ finals, 1999. In: *The official KVN channel*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=tn41tySqs-I> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).
- Marfin, M., Chivurin, A. *What is KVN?* Available at: <https://kvn.ru/static/intro> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).
- Song to dear members of the jury. In: *PRO KVN*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=97mM2vm3Fm4> (accessed 24.03.2024). (In Russ.).

References

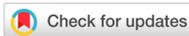
- Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. In: *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 136—137. (In Russ.).
- Barashkov, A. E. (2018). The phenomenon of political humor in KVN. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 4: 5—12. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-4-5-12. (In Russ.).
- Bezzubikova, M. V., Minivaleeva, E. S. (2020). Discursive parameters of the KVN game. *Electronic scientific journal*, 7 (36): 77—81. (In Russ.).
- Borev, Yu. (2002). *Aesthetics*. Moscow: Higher School. 511 p. ISBN 5-06-004105-0. (In Russ.).
- Budaev, P. E. (2009). *KVN-chronotope: socio-cultural characteristics*. Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 27 p. (In Russ.).
- Buklans, D. G. (2010). Communicative features of KVN in the context of mass culture. *Information—Communication—Society*, 1: 16—19. (In Russ.).
- Buklans, D. G. (2008). The phenomenon of KVN in the context of the traditions of Russian laughing culture. *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 14 (S): 193—195. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2006). *The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence*. Moscow: Flint: Nauka. 136 p. (In Russ.).
- Dijk van, T. A. (2000). *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: Baudouin de Courtenay BGC. 308 p. ISBN 5-80157-202-3. (In Russ.).
- Dmitriev, A. V. (1996). *Sociology of Humor: Essays*. Moscow: OFSPP RAS. 214 p. ISBN 5-201-01908-0. (In Russ.).
- Igoshina, Yu. V. (2009). KVN-language as a marker of youth subcultural forms. *Bulletin of Vyatka State University*, 4: 110—116. (In Russ.).
- Igoshina, Yu. V. (2015). Laughter as a form of the communicative process (on the example of humorous programs). *International Journal of Cultural Studies*, 2 (19): 119—128. (In Russ.).
- Karasev, L. V. (1996). *Philosophy of laughter*. Moscow: Russian State Humanitarian University. Univ. 222 p. ISBN 5-7281-0036-8. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

- Kovalev, M. N. (2004). *KVN (Club of the cheerful and resourceful) as a socio-cultural phenomenon of modern Russia*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Kulaeva, G. M. (2015). Signals of aesthetic information in the texts of the television broadcast of humorously oriented programs. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*, 1 (13): 162—166. (In Russ.).
- Kuznetsova, V. V. (2024). Classification of genres of media and entertainment discourse. *Proceedings of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological sciences*, 1 (5): 47—52. (In Russ.).
- Makarov, M. L. (2003). *Fundamentals of the theory of discourse*. Moscow: Gnosis. 280 p. ISBN 5-94244-005-0. (In Russ.).
- Montlevich, T. A. (2022). KVN as a means of socialization of a teenager in the educational space. *Pro-DOD*, 1 (37): 57—61. (In Russ.).
- Ostapenko, I. A. (2022). Smekhovaya kultura KVN as a reflection of the value system of a modern student. *Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University*, 1: 22—26. (In Russ.).
- Petrov, S. V. (2016). The use of the pedagogical potential of KVN in higher education as an innovative approach in the development of competitive personality qualities. *Bulletin of the scientific society of students, postgraduates and young scientists*, 2: 115—118. (In Russ.).
- Prokhorov, Yu. E. (2004). *Reality. Text. Discourse*. Moscow: Flint: Nauka. 224 p. ISBN 5-89349-653-1. (In Russ.).
- Ryazanov, D. A. (2020). The Internet community as a phenomenon of modern network culture (on the example of the KVN community in the VKontakte social network). *Communicologiya*, 8 (2): 146—154. DOI: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-146-155>. (In Russ.).
- Saraikina, Yu. A. (2019). KVN as a mass youth movement in modern Russian society. *Innovative scientific research: theory, methodology, development trends. Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference*. 177—180. (In Russ.).
- Serio, P. (1999). How are texts read in France? In: *Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis*. Moscow: Progress. 14—53. (In Russ.).
- Shvedova, L. E., Zaderechuk, G. I. (2022). Social networks as a tool for forming the image of the KVN team. *Media Vector*, 4: 126—131. (In Russ.).
- Stubbs, M. (1983). *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Chicago: University of Chicago Press. 272 p.
- Sukhareva, I. A. (2021). Mechanisms of language play as a way to create a comic (based on the material of KVN reprises and stand-up monologues). In: *Russian language in a multicultural educational space: All-Russian scientific and practical conference of students and young scientists with international participation, Astrakhan, November 18—19, 2021*. Astrakhan: Digital printing house “Nova”. 303—309. (In Russ.).
- Sychev, A. A. (2003). *The nature of laughter or the Philosophy of the comic*. Saransk: Publishing House of Mordovia. Unita. 176 p. ISBN 5-7103-0910-9. (In Russ.).
- Yumashev, D. O. (2016). *Satire in online audiovisual media*. Author's abstract of PhD Diss. Voronezh. 24 p. (In Russ.).

*The article was submitted 25.03.2024;
approved after reviewing 10.10.2024;
accepted for publication 21.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ребрина Л. Н. Функционирование концептуальной метафоры при формировании образа Ирака в региональных и федеральных СМИ Германии / Л. Н. Ребрина, Л. Х. М. А. Аль-Хафаджи // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 210—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-210-228.

Rebrina, L. N., Al-Khafaji, L. H. M. A. (2024). Functioning of Conceptual Metaphor in Shaping Image of Iraq in Regional and Federal Media in Germany. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 210-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-210-228. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Функционирование концептуальной метафоры при формировании образа Ирака в региональных и федеральных СМИ Германии

Ребрина Лариса Николаевна
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
доктор филологических наук, доцент
кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики
корреспондирующий автор
lnrebrina@volsu.ru

Аль-Хафаджи Лайт
Хамид Мохаммед Али
orcid.org/0009-0000-1060-421X
аспирант, кафедра иноязычной
коммуникации и лингводидактики
alkafajil@gmail.com

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

Functioning of Conceptual Metaphor in Shaping Image of Iraq in Regional and Federal Media in Germany

Larisa N. Rebrina
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics
Corresponding Author
lnrebrina@volsu.ru

Laith Hamid M. A. Al-Khafaji
orcid.org/0009-0000-1060-421X
Post-graduate student,
Department of Foreign Language
Communication and Linguodidactics
alkafajil@gmail.com

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится сопоставительное изучение концептуальной метафоризации как средства формирования образа Ирака в региональных и федеральных СМИ Германии в 2019—2024 годах. Анализируются частотность метафоры, величина и доминанты номинативного поля метафор, семантические и частеречные свойства репрезентантов метафор, актуализируемые признаки страны как составляющие образа, парадигматические и синтагматические связи; устойчивые и вариативные закономерности метафоризации в двух группах СМИ. Выделены функционирующие в обеих группах СМИ метафоры «Ирак — живое существо», «Ирак — нецелое целое», «Ирак — место неконтролируемой силы», «Ирак — воин», «Ирак — театр», «Ирак — игрушка», «Ирак — убежище». Делается вывод об эффективности концептуальной метафоры как средства стереотипизации; о схожем составе метафор на фоне различия их частотности и плотности номинативных полей в разных СМИ Германии; о преобладании сложных, структурных и онтологических метафор; о наличии совместимых и согласованных метафор. Отмечаются взаимозависимость частотности и плотности номинативного поля метафор, большая плотность номинативных полей метафор в федеральных СМИ; устойчивость метафор в плане их тяготения к определенной частеречной принадлежности репрезентантов и доминирование существительных-репрезентантов; преимущественное пересечение доминант номинативных полей метафор в разных группах СМИ; наличие метафор с большей и меньшей степенью шаблонности.

Ключевые слова:

имагология; федеральные и региональные СМИ Германии; концептуальная метафора; образ государства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This comparative study examines the role of conceptual metaphoricization as a means of shaping the image of Iraq in regional and federal media in Germany from 2019 to 2024. The analysis focuses on the frequency of metaphors, the magnitude and dominant features of the nominative field of metaphors, semantic and part-of-speech properties of metaphor representatives, and the salient characteristics of the country as components of its image, along with paradigmatic and syntagmatic relationships. It identifies both stable and variable patterns of metaphoricization across the two groups of media. The study highlights recurring metaphors such as “Iraq as a Living Being,” “Iraq as an Incomplete Whole,” “Iraq as a Place of Uncontrolled Power,” “Iraq as a Warrior,” “Iraq as a Theater,” “Iraq as a Toy,” and “Iraq as a Refuge.” The findings conclude the effectiveness of conceptual metaphor as a tool for stereotyping; similarities in the composition of metaphors despite differences in their frequency and density across various German media; a predominance of complex, structural, and ontological metaphors; and the presence of compatible and coherent metaphors. Notably, there is an interdependence between the frequency and density of the nominative field of metaphors, with higher density observed in federal media; stability in terms of the part-of-speech affiliation of representatives and dominance of noun representatives; predominant overlap in the dominant features of nominative fields across different media groups; and the existence of metaphors with varying degrees of conventionality.

Key words:

Imagology; Federal and Regional Media in Germany; Conceptual Metaphor; State Image.

УДК 811.112.2'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-210-228

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Функционирование концептуальной метафоры при формировании образа Ирака в региональных и федеральных СМИ Германии

© Ребрина Л. Н., Аль-Хафаджи Л. Х. М. А., 2024

1. Введение = Introduction

На фоне современного идеологизированного, селективного информирования в массовой коммуникации возрастает интерес к концептуальным метафорам как средству дискурсивного конструирования социальной реальности, инструменту манипулирования в дискурсе СМИ, эффективно воздействующем на *когнитивную*, эмоциональную и интерактивную *сферы массового адресата*. Изучение концептуальной метафоры имеет богатую исследовательскую традицию, но, несмотря на это, данный лингвоментальный, лингвокультурный и лингвосоциальный феномен остается в фокусе исследовательского внимания. При этом проблематика дискурсивного конструирования реальности, ее фрагментов вызывает активный интерес исследователей. СМИ, создавая свою медиареальность, обладают значимым потенциалом в данной области. Особым, привлекающим пристальное внимание исследователей концептуальной метафоры объектом является образ государства.

Актуальность предпринятого исследования определяется важностью дальнейшего изучения взаимодействия ментальных и языковых механизмов, сохраняющимся активным интересом к проблематике концептуальной метафоризации и к дискурсу СМИ с его высоким социально-регулятивным потенциалом в контексте закономерностей дискурсивного (в том числе метафорического) конструирования социальной реальности, познавательным потенциалом внутрдискурсивных сопоставлений в данной исследовательской области; обращением к образу страны, занимающей сегодня особое место в современной международной политической повестке дня, на фоне растущего внимания к миру ислама. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие имагологии, исследований дискурсивного метафорического конструирования реальности, взаимосвязи ментальных, языковых и социальных процессов.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Изучение концептуальной метафоры постоянно обогащается новыми теориями и моделями (традиционная теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концепция первичных метафор и сложных метафор Дж. Греди, дескрипторная концепция метафоры А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, концепция метафорического моделирования А. П. Чудинова, коннективная концепция метафоры Л. Ричи, теория блендинга М. Тернера и Ж. Фоконье, когерентная концепция метафоры Б. Шпельмана, теория телесного разума Й. Цинкен, концепция общих структурных и исторических метафор И. Хеллстен, когнитивно-дискурсивный анализ метафоры А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, А. П. Чудинова [Балашова, 2015; Будаев, 2020; Будаев и др., 2013]).

Концептуальная метафора рассматривается нами как когнитивный механизм, как основанная на модуле фиктивности интерпретация объекта одного рода (принадлежащего к области-мишени) посредством понятий, описывающих объект другого рода (относящийся к области-источнику), как правило, более знакомый / понятный; как инструмент, способный влиять на наши восприятие и оценку реальности [Балашова, 2015; Кобозева, 2001]. Принимая тезис Э. Маккормака, считаем, что, концептуальная метафора — трехуровневый когнитивный процесс, в котором взаимосвязаны а) поверхностный язык, б) семантика и синтаксис, в) познание [Маккормак, 1990; Геворкян, 2012]. Вслед за Й. Цинкен, Р. Пэрис, Д. Ричи [Paris, 2002; Ritchie, 2004; Zinken, 2003], опираясь на постулаты теории «телесного разума» [Hellsten, 1997], мы учитываем важность для метафорического понимания действительности, помимо физического и психического опыта человека, также культурного и исторического контекста, анализа влияющего на интерпретацию отношений между концептуальными доменами коммуникативного контекста.

При анализе текстов для выявления актуализируемых концептуальных метафор особое внимание следует уделять разнообразным нарушениям привычных сочетаемостных характеристик языковых единиц, расхождениям между основным, прямым и контекстуальным значениями единиц, регулярности номинаций с определенной (позитивной / негативной) коннотацией. Важной характеристикой метафор является плотность номинативного поля. Она отражает степень вариативности номинаций, вводящих значимые смысловые оттенки в рамках соответствующих концептуальных метафорических пространств, большую / меньшую детализацию средствами языка данных пространств [Карасик, 2004, с. 112].

При анализе концептуальных метафор мы исходим из выделения их следующих видов:

1) структурные метафоры (упорядочивание и конкретизация абстрактных сущностей реализуется посредством структурирования опыта), ориентационные метафоры (структурирование концептуальных областей происходит на основе линейной пространственной ориентации субъекта концептуализации), онтологические метафоры (имеют место выдвижение и проецирование конкретного свойства предмета действительности на абстрактную сущность) [Будаев и др., 2021; Lakoff, 1993];

2) выделяемые в соответствии с тезисом о частичности отображения структуры сферы-источника в структуре сферы-цели и разных вариантах соотношения сигнификативных и денотативных дескрипторов метафор на уровне синтактики и парадигматики: а) согласованные метафоры (соотносятся с более общим концептом, реализуется связь «вид — род», парадигматические отношения метафор); б) совместимые метафоры (создающие вместе общий образ, относятся к синтактике, предполагают часто сочетания различных областей-источников) [Lakoff, 1993];

3) вычленяемые по типу связи концептов (Дж. Греди [Grady, 2005; Новицкая, 2019]): а) первичные метафоры (базируются на образующихся на основе первичных, повторяющихся сцен и взаимосвязей концептах, на воплощенном физическом (реже социокультурном) опыте, отсылают к одному чувственному опыту, осваиваются в детстве, являются универсальными); б) сложные метафоры (представляют собой комбинацию первичных метафор в результате концептуальной интеграции, могут быть культурно обусловленными).

Проблематика дискурсивного конструирования фрагментов реальности в СМИ вызывает активный интерес лингвистов. Мы исходим из того, что выступающий посредником между политиками и гражданами медиаполитический дискурс в ходе реализации своих основных функций (информирующей, воздействующей, рекреационной) транслирует идеологически и культурно обусловленные структуры общественного знания, создавая в сознании массового адресата образы с высоким потенциалом стереотипизации [Rebrina, 2022].

Особым, привлекающим пристальное внимание ученых (в том числе занимающихся концептуальной метафоризацией) объектом исследования является образ государства. Образ страны является также объектом (политической) имагологии, которая изучает условия и принципы создания образов, вхождение последних в общественное сознание, их стереотипизацию [Поляков и др., 2013]. Вслед за М. В. Берендеевой мы рассматриваем образ страны как некоторую представленную в определённых оценках версию; интерпретацию, частично реконструирующую объект в зависимости от дискурсивных смыслов [Берендеев, 2011]. Образ в политике обладает

следующими основными сущностными характеристиками: 1) абстрактность и искусственность; 2) частотная повторяемость; 3) целенаправленность; 4) эмоциональная окрашенность; 5) информативность (это свернутый текст, аккумулирует в себе большие массивы информации; именно он потребляется массовым адресатом и может при необходимости быть развернут в большой текст в нужном направлении «под управлением» СМИ, то есть это — дискурсивное явление) [Почепцов, 2017].

Наше исследование нацелено на комплексную сопоставительную характеристику концептуальной метафоризации как средства формирования образа Ирака в региональных и федеральных СМИ Германии в период 2019—2024 годов, на выделение устойчивых и вариативных закономерностей использования выявленных концептуальных метафор в двух группах немецких СМИ. Алгоритм анализа включает следующие исследовательские шаги: формирование исследовательского корпуса контекстов реализации концептуальных метафор в публикациях об Ираке региональных и федеральных СМИ Германии, выделение ядерных и периферийных метафор; характеристика метафор относительно совокупности количественных и качественных параметров: частотность метафоры, величина номинативного поля, доминанты номинативного поля, семантические и частеречные свойства репрезентантов метафоры, привносимые в «портрет» страны признаки, степень тривиализации, шаблонности метафор, парадигматические и синтагматические связи метафор, выделяемые по разным основаниям виды используемых концептуальных метафор); определение устойчивых / общих и вариативных / специфичных для каждой группы СМИ черт метафорической концептуализации образа Ирака в двух анализируемых видах СМИ Германии.

Для решения исследовательских задач используются сравнение и классификация, количественные подсчеты, метод сплошной выборки, дефиниционный, семантический, контекстуальный анализ. Материалом исследования послужили посвященные Ираку публикации а) региональных (Aachener-Zeitung, Berliner Morgenpost, Berliner Zeitung, Gießener Allgemeine, INK Reutlingen, Ludwigsburger Kreiszeitung, Mitteldeutsche Zeitung, Münchner Merkur, Neue Ruhr Zeitung, Die Rheinpfalz, Saarbrücker Zeitung, Sächsische.de, Schweriner Volkszeitung, Stuttgarter Nachrichten, Tageblatt, Tagesspiegel, Wolfsburger Allgemeine Zeitung, Weser Kurier), б) федеральных (Spiegel, Süddeutsche Zeitung, Tagesschau, Zeit Online, Frankfurter Rundschau, FAZ, Welt, TAZ, Tagespost, Das Erste, STERN.de, FOCUS online, T-Online.de) СМИ Германии. Период охвата материала: 2019—2024 годы; объем выборки составил 1080 и 1100 контекстов реализации концептуальных метафор соответственно.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Обобщенные качественные и количественные характеристики концептуальной метафоризации образа Ирака в Германских СМИ

По результатам анализа нами были выделены следующие регулярно реализуемые концептуальные метафоры: «Ирак — живое существо», «Ирак — нецелое целое», «Ирак — место неконтролируемой силы», «Ирак — воин», «Ирак — театр», «Ирак — игрушка», «Ирак — убежище». Их количественные характеристики варьируются в двух изучаемых группах СМИ Германии.

На диаграммах представлены частотность и плотность номинативного поля метафор, реализуемых в региональных СМИ Германии (рис. 1, рис. 2).

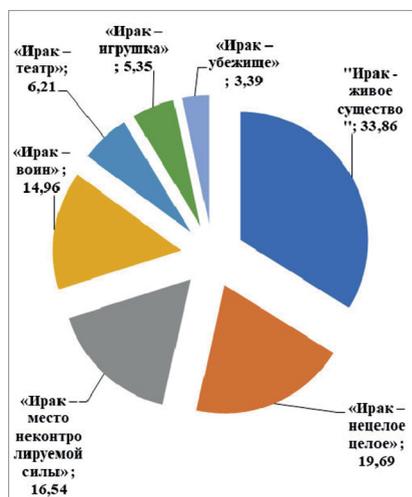

Рис 1. Частотность концептуальных метафор при формировании образа Ирака в региональных СМИ Германии (%)

Figure 1. Frequency of conceptual metaphors in shaping the image of Iraq in the German regional media (%)

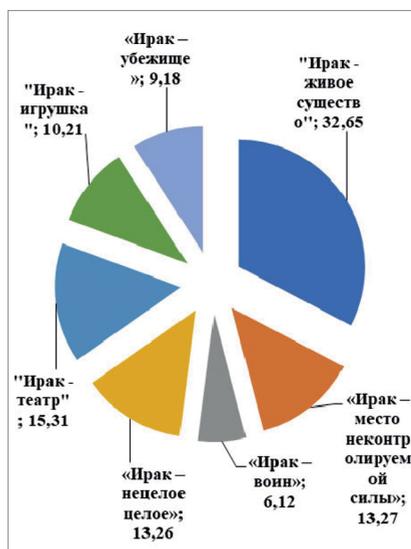

Рис 2. Уровень развития номинативных полей концептуальных метафор, участвующих в формировании образа Ирака в региональных СМИ Германии (%)

Figure 2. The level of development of the nominative fields of conceptual metaphors involved in shaping the image of Iraq in the German regional media (%)

Далее на диаграммах (рис. 3, рис. 4) представлены аналогичные характеристики для метафор, функционирующих в федеральных СМИ.

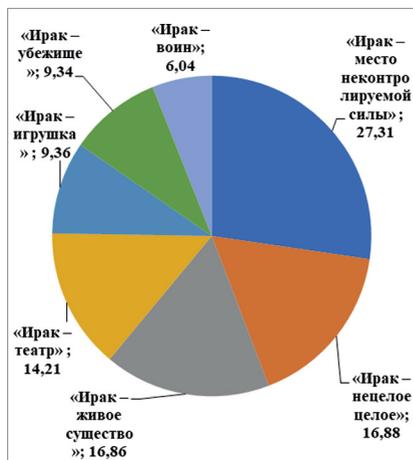

Диаграмма 3. Частотность концептуальных метафор при формировании образа Ирака в федеральных СМИ Германии (%)

Figure 3. Frequency of conceptual metaphors" in shaping the image of Iraq in the German federal media (%)

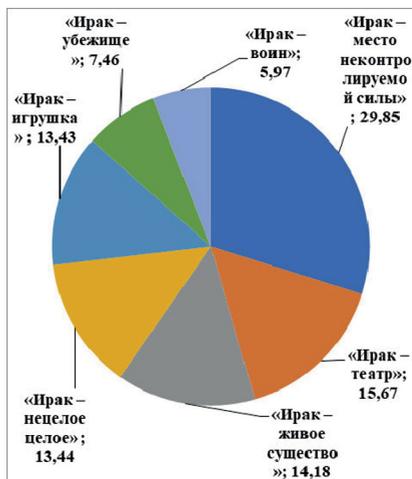

Диаграмма 4. Уровень развития номинативных полей концептуальных метафор, участвующих в формировании образа Ирака в федеральных СМИ Германии (%)

Figure 4. The level of development of the nominative fields of conceptual metaphors involved in shaping the image of Iraq in the German federal media (%)

Выполненный анализ позволяет сделать вывод об общих семантических характеристиках репрезентантов выделенных ядерных и периферийных концептуальных метафор, используемых для конструирования образа Ирака в германских СМИ. Номинативные поля выделенных концептуальных метафор в обеих группах СМИ включают конститuenty следующих семантических групп: «речемыслительная деятельность», «психическое состояние», «физическое состояние», «движение», «часть», «деление», «интенсивные психические проявления», «погодные проявления», «война», «защита», «безопасность», «пространственно-временные искусства» (в основном зрелищные, исполнительские, куда относятся театральное искусство, киноискусство, эстрада и т. д.), «спортивная игра», «командная игра», «детская игра», «карточная игра», «настольная игра».

3.2. Иллюстрация выполненного анализа на примере реализации концептуальной метафоры «Ирак — игрушка» в федеральных германских СМИ

Для иллюстрации выполненного анализа приведем пример описания одной из периферийных концептуальных метафор, используемых при кон-

струировании образа Ирака в федеральных СМИ Германии. Рассмотрим реализацию частотной периферийной метафоры «Ирак — игрушка» с довольно высокой плотностью номинативного поля. Большая часть ЛЕ номинативного поля низкочастны; основные ЛЕ-репрезентанты относятся к семантическому полю «игра» (подгруппы «спортивные игры», «настольные игры», «детские игры», «карточные игры», «шахматы»):

а) ядерные ЛЕ: *Spiel* (в том числе в составе выражений *ins Spiel bringen, auf dem Spiel stehen, Spiel spielen*); *Spielball*; *spielen* (на долю которых приходится 51,41 % контекстов реализации описываемой метафоры);

б) периферийные ЛЕ: *Regeln*; *Gedankenspiel*; *Spielmacher*; *Sandkasten*; *Schachbrett*; *auf die Karte setzen*; *Mitspieler*; *Fäden ziehen*; *ausspielen*; *Ball*; *Pattsituation*; *Tauziehen*; *Schachzug*; *Dominoeffekt*; *Mikado-Spielen*.

В номинативном поле доминируют существительные (77,77 %), доля глагольных единиц — 22,23 %. Частотность ЛЕ представлена на диаграмме 5.

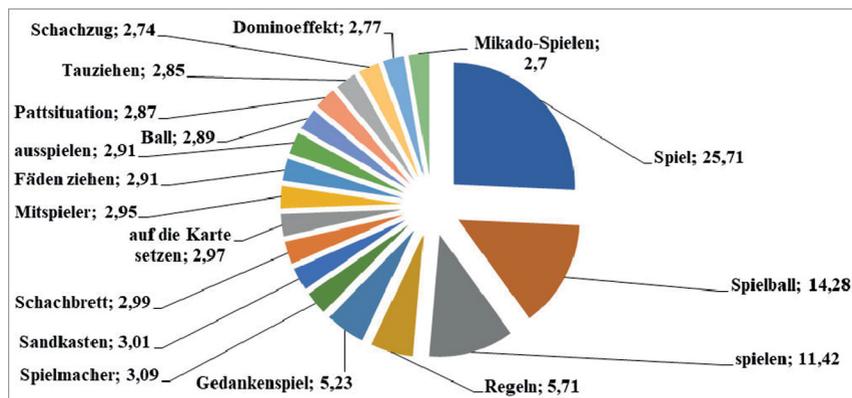

Диаграмма 5. Частотность ЛЕ-репрезентантов метафоры «Ирак — игрушка» (%) в федеральных СМИ Германии

Figure 5. The frequency of LE-representatives of the metaphor "Iraq is a toy" (%) in the German federal media

Использование данной метафоры способствует восприятию Ирака как объекта чужих манипуляций, страны, чья судьба решается другими.

Существительное *Spiel*, в том числе в составе устойчивых выражений, выступает активным средством актуализации рассматриваемой метафоры, акцентируя роль Ирака-игрока / интерпретацию происходящего как игры по определенным правилам / наличие чужих интере-

сов и стороннее влияние на Ирак. ЛЕ имеет развитую семемную структуру: «Tätigkeit des Spielens; Grundlage oder Mittel des Spielens; (künstlerische) Ausgestaltung der Darbietung, Interpretation; Synonym zu Bühnenwerk; freie Beweglichkeit, Spielraum von mechanischen (Bau-)Teilen; Freiraum, freier Abstand zwischen beweglichen Körpern; Zusammenwirken mehrerer gleichartiger, zusammengehöriger oder unterschiedlicher Erscheinungen, Objekte o. Ä. (und dadurch erzielter Effekt); [spezieller] leichtfertiger, unbeschwerter Umgang mit etw. bzw. Verhalten, das etw. (zu) leichtnimmt» [DWDS] // «игровая деятельность; основа или средство игры; (художественное) оформление представления, интерпретации; синоним сценического произведения; подвижность, свободное пространство между движущимися телами; взаимодействие нескольких похожих, связанных или разных явлений, объектов и т. п. (и, таким образом, достигнутый результат); свободное перемещение, свободное пространство между движущимися телами; взаимодействие нескольких похожих, связанных или разных явлений, объектов и т. п. (и, таким образом, достигнутый результат, эффект); [особый] легкомысленный, беззаботный подход к кому-либо или чему-либо, поведение, когда (слишком) легкомысленно воспринимается что-либо» (здесь и далее перевод наш. — Л. Р.). Например: а) *Scholz will Energiepartnerschaft mit dem Irak. ... Beim Antrittsbesuch des irakischen Ministerpräsidenten bringt Bundeskanzler Scholz den Irak als Energielieferanten ins Spiel* [TS, 13.01.2023] // Шольц хочет энергетического партнерства с Ираком. ... Во время инаугурационного визита премьер-министра Ирака канцлер Германии Шольц вводит в игру Ирак в качестве поставщика энергии.

Частотным ядерным репрезентантом данной метафоры является также существительное *Spielball* (интересна внутренняя форма ЛЕ — букв. «мяч для игры»; значение: «machtloses oder willenloses Werkzeug» // «бессильный или безвольный инструмент» [DWDS]. Например: *Damit wurde der Irak nicht nur zum Spielball wirtschaftlicher Interessen westlicher Politik, sondern zugleich Schauplatz regionaler Machtkämpfe zwischen den vermeintlichen Schutzmächten Saudi-Arabien und Iran* [FR, 13.01.2019] // Таким образом, Ирак стал не только игрушкой имеющей свои экономические интересы за западной политики, но и ареной региональной борьбы за власть между предполагаемыми странами-гарантами Саудовской Аравией и Ираном.

Метафора игры в мяч сменяется в следующем контексте метафорой другой спортивной командной игры — перетягивание каната. Ее актуализации способствует использование периферийной ЛЕ-репрезентанта *Tauziehen* («[Mannschaftssport] Sportart, bei der zwei Mannschaften ihre Kräfte messen, indem sie jeweils an einer Hälfte eines Seils ziehen, bis die Mitte des Seils eine vorher festgelegte Markierung überschreitet» [DWDS] // «[командный вид спорта]

вид спорта, в котором две команды измеряют свои силы, каждая тянет за одну половину веревки, пока центр веревки не превысит заранее установленную отметку»): 20 Jahre nach US-Invasion. *Die Post-Saddam-Generation. Vorangegangen war ein monatelanges, teilweise gewaltsames Tauziehen um die Macht im Staat. Und auch die wirtschaftliche Lage sei äußerst schwierig, so der irakische Analyst Raad Karim* [Tagesschau, 20.03.2023] // Спустя 20 лет после вторжения США. Поколение после Саддама. Этому предшествовало многомесячное, иногда с применением насилия состязание в перетягивании каната в борьбе за власть в государстве. По словам иракского аналитика Раада Карима, экономическая ситуация также крайне сложная.

Приводимый далее контекст вводит метафору шахматной партии. ЛЕ-репрезентантом выступает существительное *Schachbrett* («quadratisches Spielbrett mit 64 abwechselnd hell und dunkel gefärbten Feldern (auf dem Schach gespielt wird)» [DWDS] // «квадратная игровая доска с 64 квадратами чередующихся светлых и темных цветов (используется для игры в шахматы)»). Метафора поддерживается также посредством использования ЛЕ *Bauer* (пешка; «[Schach] für jede Spielfarbe je achtmal vorhandene (kleinste) Figur, die einen Schritt (beim ersten Zug zwei Schritte) gerade ziehen und diagonal nach vorne schlagen kann und in der Grundaufstellung in der vorderen Reihe steht» [DWDS]): „*Nein zu den USA!*“ *Dass die beiden Erzfeinde den Irak wie ein Schachbrett nutzen, auf dem die Iraker nur die Bauern sind ...* [Zeit, 04.04.2020] // «Нет США!» Нет тому, что два заклятых врага используют Ирак как шахматную доску, на которой иракцы — всего лишь пешки ... Использование метафоры «Ирак — игрушка» способствует восприятию Ирака как недостаточно самостоятельного, как объекта чужих манипуляций. Данная метафора среди периферийных концептуальных метафор в федеральных СМИ имеет наиболее развитое номинативное поле (50 % от репрезентантов всех периферийных метафор).

Метафору шахматной игры реализует также ЛЕ *Pattsituation* (= *Patt*; «Schach — als unentschieden gewertete Stellung im Schachspiel, bei der einer der Spieler zugunfähig, aber nicht mattgesetzt ist» [DWDS] // «Шахматное: пат, положение в шахматной игре, при котором один из игроков не может играть, но не имеет мата»). Например: *Erst mit der Unterstützung des Staatschefs kann eine neue Regierung gebildet werden. Damit entstand eine politische Pattsituation. Im Juni waren al Sadrs Abgeordnete geschlossen zurückgetreten* [ST, 30.08.2022] // Только при поддержке главы государства может быть сформировано новое правительство. Это привело к политической патовой ситуации. В июне депутаты аль Садр подали в отставку в закрытом режиме.

Приведем пример использования еще одного репрезентанта рассматриваемой метафоры. При формировании образа Ирака в федеральных

СМИ Германии ситуация также отождествляется с детской игрой. Проведению такой аналогии, в частности, способствуют: а) использование существительного *Sandkasten* («mit Brettern o. Ä. eingefasste Grube oder auf dem Boden stehender flacher, oben offener Kasten mit Sand zum Spielen für Kleinkinder» [DWD] // «яма, огороженная досками или т. п., или стоящий на земле неглубокий ящик с песком, открытый сверху, для игры малышей, песочница»): *Die Linke und der Krieg: Pazifisten und „Bellizisten“. Das mach ja im Sandkasten bei den Förmchen so grade noch angehen — hm! ... Das ist die Tragik: der Westen ist so inkonsequent, und so interessenverteidigend, dass es kaum Menschen (und Wähler) gibt, die Militäreinsätze befürworten ...* [TAZ, 12.02.2021] // Левые и война: пацифисты и «воинствующие». Так делают в песочнице с формочками! — Хм! ... Вот в чем трагедия: Запад настолько непоследователен и настолько отстаивает свои интересы, что почти нет людей (и избирателей), которые одобряют военные действия; б) использование сложного существительного *Sandkasten-Spiel* (игра в песочнице): *Nicht nur Sandkasten-Spiele. Wie sich die USA auf einen Irak-Krieg vorbereiten und wie dort offen über Szenarien und Risiken debattiert wird* [FR, 04.02.2019] // Не только игры в песочнице. Как США готовятся к войне в Ираке и как там открыто обсуждаются сценарии и риски.

Данная метафора формирует образ Ирака как объекта чужих манипуляций. Следует отметить, что в СМИ Германии наряду с данной метафорой используется близкая в сигнификативном плане метафора «Ирак — театр» (замыкающая список ядерных метафор в федеральных СМИ), в рамках актуализации которой действительность представляется как нереальная, постановочная, своего рода спектакль, где участники играют свои партии, Ирак предстает как сцена, место реализации чужих интересов, планов, развития событий по некому сценарию. Метафора «Ирак — театр» и рассмотренная концептуальная метафора «Ирак — игрушка» формируют общее концептуальное пространство и единый сложный образ Ирака как несамостоятельной страны, то есть связаны отношением совместимости. Рассматриваемая семантическая модель «Ирак — игрушка» является сложной метафорой, интегрирующей разные первичные уподобления (например: абстрактный объект — конкретный предмет; процессы и действия с абстрактной сущностью — физические действия с конкретным предметом; действия нескольких участников с определенными ролями и целью — игра, пассивный объект действий данных игроков — игрушка). Метафора сочетает в себе свойства онтологической метафоры (выдвижение и проецирование свойства пассивности, зависимости, безвольности на государство) и структурной метафоры (перенос структуры концептуального поля «Игра» (есть игроки, игрушка, правила игры и пр.) на государство).

3.3. Сопоставительная систематизация количественных характеристик концептуальной метафоризации образа Ирака в двух группах германских СМИ

В таблице отражены количественные характеристики описанных метафор в двух группах германских СМИ, позволяющие в ходе сопоставления выделить общие и специфичные черты образа Ирака в германских региональных и федеральных СМИ.

Таблица / Table

Количественные характеристики концептуальных метафор,
участвующих в формировании образа Ирака
в региональных и федеральных СМИ Германии
Quantitative characteristics of conceptual metaphors involved in shaping
the image of Iraq in the regional and federal media in Germany

Региональные СМИ				Федеральные СМИ			
метафора	частотность (%)	плотность ном. поля (%)	доминанта	метафора	частотность (%)	плотность ном. поля (%)	доминанта
«Ирак — живое существо»	33,86	32,65	<i>leiden</i>	«Ирак — место неконтролируемой силы»	27,31	29,85	<i>Eskalation, Chaos, erschüttern</i>
«Ирак — нецелое целое»	19,69	13,26	<i>Teil</i>	«Ирак — нецелое целое»	16,88	13,44	<i>zwischen, zerrieben, zerreißen, zerrissen</i>
«Ирак — место неконтролируемой силы»	16,54	13,27	<i>toben</i>	«Ирак — живое существо»	16,86	14,18	<i>leiden</i>
«Ирак — воин»	14,96	6,12	<i>kämpfen</i>	«Ирак — театр»	14,21	15,67	<i>Szenario, orchestrieren</i>
«Ирак — театр»	6,21	15,31	<i>Szenario</i>	«Ирак — игрушка»	9,36	13,44	<i>Spiel, Spielball</i>
«Ирак — игрушка»	5,35	10,21	<i>Spielball</i>	«Ирак — убежище»	9,34	7,46	<i>sich verstecken, fliehen, Hochburg</i>
«Ирак — убежище»	3,39	9,18	<i>sich verstecken</i>	«Ирак — воин»	6,04	5,97	<i>ringen, kämpfen, Kampf</i>

4. Заключение = Conclusions

Концептуальные метафоры являются эффективным, активно влияющим на наше восприятие и оценку реальности, меняющим когнитивную, эмоциональную и интерактивную сферы массового адресата лингвокогнитивным инструментом дискурсивного конструирования образа государства, способствуя прочному вхождению элементов создаваемого «портрета» в общественное сознание адресата, их стереотипизации. Формируемый в индивидуальном и массовом сознании образ Ирака характеризуется некоторой абстрактностью, условностью; предполагает для своего закрепления повторяемость выбранных для предъявления адресату характеристик; сопряжен с обращением к эмоциональной сфере адресата, его подсознанию (что облегчает формирование стереотипов); будучи элементом политической сферы, отличается информативностью и функционирует как свернутый текст.

В публикациях региональных и федеральных СМИ Германии, посвященных Ираку, регулярно актуализируются концептуальные метафоры «Ирак — живое существо», «Ирак — нецелое целое», «Ирак — место неконтролируемой силы», «Ирак — воин», «Ирак — театр», «Ирак — игрушка», «Ирак — убежище». Состав используемых концептуальных метафор для обеих групп СМИ одинаков, различия обнаруживаются в отношении их продуктивности и плотности номинативных полей метафор. Преобладают сложные метафоры, чаще всего сочетающие характеристики онтологической или структурной метафоры, поскольку используется структура области-источника для описания области-мишени, выдвигаются конкретные признаки области-мишени.

Ирак в германских СМИ изображается как страдающее живое существо; как место неконтролируемых, стихийных и отличающихся интенсивностью процессов; как разделенный на части и расколотый в результате этих процессов; как место срежиссированных, управляемых кем-то событий в угоду чужим интересам, как несамостоятельный, подобный игрушке в чужих руках, объект манипуляций; как воин, борющийся с разнообразными сложностями, защищающий свои ценности, и как место спасения, дающее защиту.

Продуктивность метафор, участвующих в формировании образа Ирака в региональных и федеральных германских СМИ, и плотность их номинативного поля являются взаимосвязанными величинами; большая продуктивность, как правило, соответствует более развитому номинативному полю.

В номинативных полях метафор при их реализации в обеих группах СМИ Германии доминируют репрезентанты-существительные, превалируют в номинативных полях 4/7 метафор. При этом метафоры обнаруживают в плане тяготения к определенной частеречной принадлежности репрезентантов тенденцию к устойчивости: и в федеральных, и в региональных

СМИ метафоры «Ирак — место неконтролируемой силы», «Ирак — воин», «Ирак — живое существо» характеризуются доминированием в их номинативных полях глагольных единиц, что указывает на деятельностную интерпретацию данных элементов портрета страны; остальные метафоры в обеих группах СМИ («Ирак — театр», «Ирак — игрушка», Ирак — убежище», «Ирак — нецелое целое») характеризуются доминированием в их номинативных полях существительных.

Из описанных только одна метафора («Ирак — нецелое целое») характеризуется устойчивым статусом продуктивности в рейтинге метафор двух групп СМИ (второе место по частотности в региональных и федеральных СМИ); при этом ее частотность несколько выше в региональных СМИ, а плотность номинативного поля — в федеральных СМИ, доминанты полей данной метафоры не совпадают, акцентируя в рамках соответствующего элемента «портрета» страны признак разделенности на части / разорванности, разрозненности, расколотости.

Совокупность метафор, участвующих в формировании образа Ирака в СМИ Германии, включает в себя метафоры, связанные отношением согласования («Ирак — живое существо» и «Ирак — воин» связаны родовидовым отношением; «Ирак — убежище», «Ирак — место неконтролируемой силы», «Ирак — нецелое целое» выступают видовыми вариантами родовой концептуальной области «пространственный объект», «высвечивая» его разные варианты, но не создавая общий образ), и совместимые метафоры, участвующие вместе в формировании общего образа («Ирак — театр» и «Ирак — игрушка» благодаря пересечению сигнификативных дескрипторов участвуют в формировании представления о несамостоятельном, управляемом объекте).

Следует отметить, что в целом номинативные поля реализуемых в федеральных СМИ концептуальных метафор характеризуются большей плотностью (совокупная величина всех номинативных полей выявленных метафор в федеральных СМИ в 1,4 раза превосходит соответствующую величину в региональных СМИ). Это может объясняться большим процентом развернутых авторских материалов, более компетентным составом авторов, необходимостью привлекать и удерживать внимание существенно более обширного круга читателей. Большее номинативное поле обеспечивает большую дифференциацию приписываемых стране признаков в рамках релевантных элементов конструируемого образа. При этом доминанты номинативных полей концептуальных метафор в региональных и федеральных СМИ преимущественно характеризуются пересечением (в 70 % случаев), что свидетельствует о превалирующем совпадении признаков, акцентируемых в рамках элементов «портрета» страны.

Обращают на себя внимание случаи (немногочисленные) несовпадения места в «рейтинге» метафор по их частотности и величине номинативного поля. Более низкая частотность при более высоком показателе развитости номинативного поля позволяет сделать предположения об особой яркости, свежести метафоры, ее меньшей стертости или клишированности восприятия отображаемых признаков, примером чего может служить метафора «Ирак — театр в обеих группах СМИ. И наоборот, метафора «Ирак — место неконтролируемой силы» в обеих группах СМИ характеризуется обратным несоответствием статуса метафоры по параметру «частность и величина номинативного поля», что может свидетельствовать о большей стереотипизированности, тривиализации транслируемых представлений, некоторой шаблонности приписываемых признаков. Аналогичный вывод на основании высокой частотности и самого низкого показателя плотности номинативного поля в региональных СМИ (большой разрыв), минимальной величины номинативного поля в федеральных СМИ (однако, и при низкой частоте актуализации метафоры) мы склонны сделать и относительно метафоры «Ирак — воин».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 13.12.2023).
2. FR — *Frankfurter Rundschau* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.fr.de> (accessed 10.11.2023).
3. ST — *Stern* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.stern.de> (accessed 13.01.2024).
4. TS — *Tagesschau* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.tagesschau.de> (accessed 13.11.2023).
5. TAZ — *Tageszeitung* [Electronic resource]. — Access mode : <https://taz.de> (accessed 16.01.2024).
6. Zeit — *Zeit Online* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.zeit.de> (accessed 11.01.2024).

Литература

1. *Балашова Л. В.* Динамическая концепция метафоры : от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л. В. Балашова // Вестник Омского университета. — 2015. — № 2. — С. 169—177.
2. *Берендеев М. В.* Образ и дискурс : к вопросу о дискурсивном характере формирования политических образов / М. В. Берендеев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2011. — № 6. — С. 91—99.

3. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : монография / Э. В. Будаев. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-8299-0206-3.
4. Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2013. — № 1 (110). — С. 6—13.
5. Будаев Э. В. Онтологические метафоры как средство моделирования будущего России в СМИ США / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Коммуникативные исследования. — 2021. — Т. 8. — № 1. — С. 22—36. — DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(1).22-36.
6. Геворкян И. А. Когнитивная теория метафоры Эрла Маккормака / И. А. Геворкян // Филология и культура. — 2012. — № 1 (27). — С. 18—21.
7. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 390 с. — ISBN 5-7333-0143-0.
8. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. — 2001. — № 6. — С. 132—149.
9. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория Метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 358—386. — ISBN 5-01-001599-4.
10. Новицкая И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) / И. В. Новицкая // Язык и культура. — 2019. — № 46. — С. 76—101. — DOI: 10.17223/19996195/46/5.
11. Поляков О. Ю. Имагология : теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова. — Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. — 162 с. — ISBN 978-5-906544-27-8.
12. Почепцов Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Русайнс, 2017. — 698 с. — ISBN 5-87983-096-9.
13. Grady J. Primary metaphors as inputs to conceptual integration / J. Grady // Journal of Pragmatics. — 2005. — № 37. — Pp. 1595—1614.
14. Hellsten I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism / I. Hellsten // Journalism at the Crossroads : Perspectives on Research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. — Tartu : Tartu University Press, 1997. — Pp. 121—141.
15. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — Pp. 202—251. — ISBN 9780521405614.
16. Paris R. Kosovo and the Metaphor War / R. Paris // Political Science Quarterly. — 2002. — Vol. 117. — № 3. — Pp. 423—450.
17. Rebrina L. N. Collective Memory as a Social Construct in German Discourse / L. N. Rebrina, M. I. Solnyshkina, T. A. Soldatkina // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2022. — Vol. 13. — № 4. — Pp. 876—897. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897.
18. Ritchie L. D. Common Ground in Metaphor Theory : Continuing the Conversation / L. D. Ritchie // Metaphor and Symbol. — 2004. — Vol. 19 (3). — Pp. 233—244.
19. Zinken J. Ideological Imagination : Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse / J. Zinken // Discourse and Society. — 2003. — Vol. 14 (4). — Pp. 507—523.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024,
одобрена после рецензирования 12.09.2024,
подготовлена к публикации 13.10.2024.

Material resources

- DWDS — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 13.12.2023). (In Germ.).
- FR — *Frankfurter Rundschau*. Available at: <https://www.fr.de> (accessed 10.11.2023). (In Germ.).
- ST — *Stern*. Available at: <https://www.stern.de> (accessed 13.01.2024). (In Germ.).
- TS — *Tagesschau*. Available at: <https://www.tagesschau.de> (accessed 13.11.2023). (In Germ.).
- TAZ — *Tageszeitung*. Available at: <https://taz.de> (accessed 16.01.2024). (In Germ.).
- Zeit — *Zeit Online*. Available at: <https://www.zeit.de> (accessed 11.01.2024). (In Germ.).

References

- Balashova, L. V. (2015). The dynamic concept of metaphor: from Aristotle to modern cognitive linguistics. *Bulletin of Omsk University*, 2: 169—177. (In Russ.).
- Berendeev, M. V. (2011). Image and discourse: on the issue of the discursive nature of the formation of political images. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, 6: 91—99. (In Russ.).
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2013). Cognitive theory of metaphor: new horizons. *Izvestiya Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*, 1 (110): 6—13. (In Russ.).
- Budaev, E. V. (2020). *Comparative political metaphorology: monograph. 2nd ed., ispr. and add.* St. Petersburg: High-tech Technologies. 464 p. ISBN 978-5-8299-0206-3. (In Russ.).
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2021). Ontological metaphors as a means of modeling the future of Russia in the US media. *Communicative research*, 8 (1): 22—36. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(1).22-36. (In Russ.).
- Gevorikyan, I. A. (2012). Cognitive theory of metaphor by Earl McCormack. *Philology and Culture*, 1 (27): 18—21. (In Russ.).
- Grady, J. (2005). Primary metaphors as inputs to conceptual integration. *Journal of Pragmatics*, 37: 1595—1614.
- Hellsten, I. (1997). Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism. In: *Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research*. Tartu: Tartu University Press. 121—141.
- Karasik, V. I. (2004). *Linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: Gnosis. 390 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2001). Semantic problems of political metaphor analysis. *Bulletin of the Moscow State University. Series 9. Philology*, 6: 132—149. (In Russ.).
- Lakoff, G. (1993). The Contemporary Theory of Metaphor. In: *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. 202—251. ISBN 9780521405614.
- McCormack, E. (1990). Cognitive theory of metaphor. In: *Theory of Metaphor*. Moscow: Progress. 358—386. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).
- Novitskaya, I. V. (2019). Theory of conceptual metaphor and the development of alternative concepts within the framework of the cognitive direction of metaphorology (based on the materials of modern English studies). *Language and culture*, 46: 76—101. DOI: 10.17223/19996195/46/5. (In Russ.).
- Paris, R. (2002). Kosovo and the Metaphor War. *Political Science Quarterly*, 117 (3): 423—450.
- Pocheptsov, G. G. (2017). *Imageology. 3rd ed., ispr. and add.* Moscow: Rusains. 698 p. ISBN 5-87983-096-9. (In Russ.).

- Polyakov, O. Y., Polyakova, O. A. (2013). *Imagology: theoretical and methodological foundations*. Kirov: Raduga-PRESS LLC. 162 p. ISBN 978-5-906544-27-8. (In Russ.).
- Rebrina, L. N., Solnyshkina, M. I., Soldatkina, T. A. (2022). Collective Memory as a Social Construct in German Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (4): 876—897. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-876-897.
- Ritchie, L. D. (2004). Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation. *Metaphor and Symbol*, 19 (3): 233—244.
- Zinken, J. (2003). Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse. *Discourse and Society*, 14 (4): 507—523.

*The article was submitted 09.07.2024;
approved after reviewing 12.09.2024;
accepted for publication 13.10.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Анастасия Вадимовна Миргородова, младший науч. сотрудник (Москва)

Вера Григорьевна Новикова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

Евгений Андреевич Куликов, канд. филол. наук (Нижний Новгород)

Екатерина Павловна Овсянникова (Саранск, Санкт-Петербург)

Ильгам Рясимович Куряев, канд. филол. наук (Саранск)

Любовь Александровна Мельникова, канд. филол. наук (Балашов)

Мазай Гаджимагомедович Селимов, канд. филол. наук (Москва)

Мария Михайловна Ожигова, канд. филол. наук (Москва)

Наталья Владимировна Захарова, д-р филол. наук (Москва)

Информация для цитирования:

Захарова Н. В. Литературы стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии : художественные течения на рубеже нового и Новейшего времени / Н. В. Захарова, А. В. Миргородова, М. Г. Селимов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 230—248. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-230-248.

Zakharova, N. V., Mirgorodova, A. V., Selimov, M. G. (2024). Literature of East Asian and Southeast Asian Countries: Artistic Movements at Turn of Modern and Contemporary Eras. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 230-248. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-230-248. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Литературы стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: художественные течения на рубеже нового и Новейшего времени

Захарова Наталья Владимировна
orcid.org/0000-0002-1434-1901
доктор филологических наук,
корреспондирующий автор
radaeva2002@gmail.com

Миргородова Анастасия Вадимовна
orcid.org/0009-0000-5716-352X
младший научный сотрудник
avmirgorodova@edu.hse.ru

Селимов Мазай Гаджимагомедович
orcid.org/0000-0001-6937-0948
кандидат филологических наук
mazay_sv@yahoo.com

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00110

Literature of East Asian and Southeast Asian Countries: Artistic Movements at Turn of Modern and Contemporary Eras

Natalia V. Zakharova
orcid.org/0000-0002-1434-1901
Doctor of Philology,
corresponding author
radaeva2002@gmail.com

Anastasiya V. Mirgorodova
orcid.org/0009-0000-5716-352X
avmirgorodova@edu.hse.ru

Mazay G. Selimov
orcid.org/0000-0001-6937-0948
PhD of Philology
mazay_sv@yahoo.com

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-00110

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен анализ эволюции традиционных и зарождения новых художественных течений в странах Дальнего Востока (Китай и Япония) и Юго-Восточной Азии (Таиланд) на рубеже Нового и Новейшего времени. Исследование позволяет выявить общие типологические черты развития словесности в этих странах. Подтверждается, что ускоренное развитие (термин Г. Гачева) было присуще всем трем странам. Доказано, что хронологические рамки перехода к новой исторической формации в этих странах не совпадали. В Японии феодальная система была ликвидирована к 70-м годам XIX века. Примерно в эти же годы в Таиланде началась активная вестернизация. В Китае первые призывы к созданию новой литературы датируются вторым десятилетием XX века. Подчеркивается, что западная словесность сыграла решающую роль в обновлении литератур Японии, Китая и Таиланда, поскольку внесла существенный вклад в создание нового литературного языка, который, в свою очередь, запустил процесс рождения новой литературы. Отмечается, что в японской, китайской и тайской литературах переводы европейских, русских и американских авторов стали посредниками между западной и восточной словесностью, привнеся новые художественные методы. Сделан вывод о том, что соприкосновение восточной и западной литератур породило плеяду литераторов, которые приняли художественные идеи, приемы и стили инородной культуры (сентиментализм, романтизм и реализм), и обусловило переход от традиционалистских к авторско-индивидуальным взглядам рубеж XIX—XX веков.

Ключевые слова:

литература Японии; литература Китая; литература Таиланда; литературные течения; Новое время; Новейшее время.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study presents an analysis of the evolution of traditional and the emergence of new artistic movements in East Asian (China and Japan) and Southeast Asian (Thailand) countries at the turn of the Modern and Contemporary eras. The research identifies common typological features in the development of literature across these nations. It is confirmed that accelerated development — a term coined by G. Gachev — was characteristic of all three countries. The findings demonstrate that the chronological boundaries for transitioning to a new historical formation did not align. In Japan, the feudal system was abolished by the 1870s, while Thailand began its active westernization around the same period. In China, the first calls for a new literature emerged in the second decade of the 20th century. The study emphasizes that Western literature played a crucial role in revitalizing the literatures of Japan, China, and Thailand, significantly contributing to the creation of a new literary language that, in turn, initiated the birth of contemporary literature. It is noted that translations of European, Russian, and American authors served as intermediaries between Western and Eastern literatures, introducing new artistic techniques. The conclusion drawn is that the interaction between Eastern and Western literature fostered a generation of writers who embraced artistic ideas, techniques, and styles from foreign cultures (sentimentalism, romanticism, and realism), facilitating a shift from traditionalist to authorial-individual perspectives at the turn of the 19th to 20th centuries.

Key words:

Japanese literature; Chinese literature; Thai literature; literary movements; Modern era; Contemporary era.

УДК 821.581+821.521+821.582.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-230-248

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Литературы стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: художественные течения на рубеже нового и Новейшего времени

© Захарова Н. В., Миргородова А. В., Селимов М. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Процесс формирования и эволюции литературных направлений является чрезвычайно важной проблемой истории и теории литературы. Изучение этого процесса в данной статье строится на примере литератур Китая, Японии и Таиланда на рубеже Нового и Новейшего времени — в период перехода от традиционалистских к авторско-индивидуальным взглядам. Новизна заключается в комплексном исследовании литератур стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии с целью определения единства их художественно-стилевых моделей. Формирование культурных и религиозно-философских парадигм в странах Востока происходило в разных исторических условиях, соответственно, по-разному зарождались и развивались письменность и словесность. Тем не менее исследователи выявляют общие закономерности процесса литературного развития в отдельных государствах Востока, обычно в пределах одного культурного региона. Этот процесс мало изучен мировой наукой, гораздо меньше, чем закономерности развития литератур западных стран. В результате игнорируются важнейшие особенности динамики литературной мысли, имеющей решающее воздействие на формирование национальной словесности. Изучение этих особенностей определяет новизну исследования.

Зарождение и эволюция литературно-художественных течений на Востоке обусловлено не только историей национальной духовной культуры, но влиянием литератур Запада и реформированием национальной системы образования. Хотя в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии мы наблюдаем многокрасочное культурное разнообразие, существует неизученная пока типология литературных течений, которую необходимо исследовать наряду со специфическими особенностями развития художественных направлений в каждой отдельной стране. Результаты исследования важны для понимания кросскультурных процессов в мировой литературе,

для формирования картины типологических связей между культурами и литературами Востока, трансформации традиционных форм в пространстве перехода к современной литературе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — проследить, как типологические и национальные факторы развития литературного процесса определяли формирование основных категорий поэтики в литературах стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, выявить их связь с переходом от традиционалистского типа художественного мышления (с поправкой на национальную специфику) к художественно-аналитическому. Для достижения этой цели привлечены научные материалы на русском, английском и китайском языках.

В статье С. С. Аверинцева, М. Л. Андреева, М. Л. Гаспарова, П. А. Гринцера, А. В. Михайлова «Категории поэтик в смене литературных эпох» был представлен анализ категорий поэтики литератур различных стран, прослежена эволюция типов художественного сознания [Категории поэтик ..., 1994]. Авторы статьи определили основные векторы исторического движения художественных направлений в эпоху, когда художественные системы меняют свой облик и смысл, вступают в новые связи и отношения. В качестве теоретического материала по китайской литературе нами были привлечены статьи Вэнь Жумэй «Трансформации реализма в новой литературе» [Вэнь Жумэй, 1988] и «Проникновение европейского реализма и реализм движения “4-го мая”» [Вэнь Жумэй, 1986]. Китайский исследователь отмечает, что процесс творческого взаимодействия европейской и китайской литератур способствовал эволюции взглядов китайских литераторов на роль отечественной словесности в решении задач, стоявших перед китайским обществом после свержения маньчжурской династии в 1911 году. Вэнь Жумэй указывает на необходимость поисков новых жанровых форм реалистической литературы в условиях борьбы с традиционалистским типом художественного сознания.

Известный английский ученый китайского происхождения С. Т. Ся в книге «A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957» определяет основные векторы исторического движения художественных направлений в китайской словесности в тот период, когда они меняют свой облик и смысл и вступают в новые связи и отношения [Hsia, 1961]. О влиянии западных литератур на развитие современной японской словесности пишет Т. Массимилиано в монографии «Rhetoric in Modern Japan: Western Influences on the Development of Narrative and Oratorical Style» [Massimiliano, 2004]. Этой же теме посвящена статья К. Г. Саниной «Специфика перевода и адаптации литературных произведений в Японии эпохи Мэйдзи (1868—

1912)», в которой отмечено, что процесс перевода западной литературы на японский язык «носил хаотичный характер, поскольку переводчики не ставили перед собой целей и не выработали единую концепцию отбора произведений для перевода, основанную на их ценности для мировой литературы» [Санина, 2010, с. 54—55].

Кросскультурные процессы и их влияние на формирование новых литературных течений современной тайской литературы стали объектом исследования Т. Чалоемтиарана (статья «Read till It Shatters: Nationalism and Identity in Modern Thai literature») [Chaloemtiarana, 2018]. Автор статьи считает, что лучшие образцы английской литературы способствовали закреплению позиций реализма в тайской литературе.

Методология исследования базируется на теоретических принципах историко-литературного, историко-культурного и сравнительно-исторического анализа. Используются элементы нарратологического, интертекстуального и рецептивного подходов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Историческая ситуация в Китае, Японии и Таиланде в конце XIX — начале XX века

Рубеж Нового и Новейшего времени в странах Дальнего Востока (Китае и Японии) и Юго-Восточной Азии (Таиланде) при несовпадении хронологических рамок характеризуется общими типологическими чертами. В Японии это время приходится на эпоху Мэйдзи (明治時代, 1868—1912) — один из знаковых периодов в развитии, который характеризуется эволюцией японской словесности, культуры и общества. Особенность Мэйдзи заключалась в том, что была ликвидирована феодальная система эпохи Токугава (徳川時代, 1603—1868), в результате чего закончилась искусственная изоляция Японии от внешнего мира. Страна стала на путь технического прогресса, общество пришло к мысли о необходимости сблизиться с европейскими империями и избежать угрозы превращения в колонию Запада — оказаться в унижительном положении, в котором, например, пребывал Китай.

В Таиланде активная вестернизация началась со второй половины XIX века, хотя повсеместные контакты с европейскими странами имели место еще с XVII века. Под эгидой королей Рамы IV Монгкута (прав. 1851—1868 гг.) и Рамы V Чулалонгкорна (прав. 1868—1910 гг.) в стране прошел ряд реформ, благоприятно сказавшихся на модернизации страны.

Рубеж Нового (русские синологи чаще называют Новое время эпохой Просвещения) и Новейшего времени в Китае, в отличие от Японии, датируется вторым десятилетием XX века. Это время национально-осво-

бодительной Синьхайской революции 1911 года (辛亥革命), положившей конец правлению маньчжурской династии (1644—1911 годы), период активизации антифеодального, демократического движения «4-го мая» (五四运动) — движения за новую культуру и литературу. Усилилась борьба представителей прогрессивной интеллигенции за демократизацию и модернизацию общества, выразившуюся в критике феодальной культуры и требовании замены письменного языка *вэньянь* (文言) на разговорный *байхуа* (白话). Китай начал активно приобщаться к мировой культуре и литературе.

Литературный процесс в Китае в эти годы был типологически схож с литературным развитием в Японии после Реставрации Мэйзи. Так же, как и в Японии, литературная динамика в Китае во многом была определена контактами как с самой Японией, так и с европейскими странами. Усвоение «чужих» ценностей осуществлялось благодаря переводческой деятельности.

В период Мэйдзи Япония вступает в прямой контакт с западной словесностью. Произведения Данте Алигьери, Уильяма Шекспира, Мигеля де Сервантеса и многих других становятся для японцев образцами новой литературы. Знакомство с иной литературной традицией побудило японских интеллектуалов пересмотреть свою собственную традицию и, главное, — пересмотреть функциональность письменных средств выражения. Для перевода произведений западной литературы, подражания и создания новой литературы уже было недостаточно статичного языка, который нес в себе наследие многовековой литературной практики; начался процесс создания упрощенной формы письменного выражения, основанной на разговорном языке — эксперимент с народным языком стал важнейшей чертой академического дискурса рубежа эпох.

Процесс взаимодействия с западной словесностью запустили переводчики. Активная его фаза началась во второй половине XIX века, когда Японию наводняют английская, русская, французская, немецкая и другие литературы.

Западная художественная словесность воспринималась в первую очередь как источник полезной информации, поэтому переводить ее было необходимо с точностью до мелочей. Техника реалистического описания, которой стали пользоваться переводчики, была новой для Японии, что инициировало рождение *сясэйбун* (写生文, «литература, правдиво отражающая жизнь»). Поэт Масаока Сики (正岡子規, 1867—1902) стал родоначальником *сясэйбун* — сначала он использовал эту технику в поэзии, а позже и в прозе: «Методом *сясэй* руководствовалось целое направление в литературе конца XIX — начала XX века — *сядзичу-ха* (букв. “школа изображения действительности”)» [Дьяконова, с. 123]. Это была совершенно

новая техника для японских писателей, поскольку распространенным литературным приемом в то время являлось использование фиксированных фраз, обычно написанных классическим китайским письмом.

3.2. Переводы произведений западной литературы в Японии, Китае и Таиланде

Переводчики стали первыми реформаторами в области языка. Японский язык затруднял подробное изложение и логическое описание идей западных литераторов и часто искажал текст-источник, поэтому переводчики привнесли в японский язык элементы английского и других западных языков. Благодаря этому им удавалось достаточно точно воспроизводить оригинальные формы. Эти «наброски», появившиеся в контексте межкультурного взаимодействия, создали новый тип текста на японском языке.

Потребность, связанная с переводом западной литературы на японский язык, запустила процесс пересмотра функциональности письменных средств выражения. Начались дискуссии о необходимости изменения языка, который к началу эпохи Мэйдзи значительно отличался от разговорного.

У китайских читателей в первые годы знакомства с западной литературой также несомненной популярностью пользовались произведения английских и американских писателей, причем китайцы брались за перевод и поэтических «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера (1340/1345—1400), «Песни о Гайавате» Генри Уодсворта Лонгфелло (1807—1882) и приключенческого романа Генри Райдера Хаггарда (1856—1925) «Копи царя Соломона» [Geil, 1911, p. 68]. Европейский вектор интересов китайцев во многом был связан с политической ситуацией в стране: заинтересованность в знакомстве с культурой и литературой государств, опережавших Китай в экономическом развитии, с иным государственным устройством, объяснялась стремлением через литературу узнать о жизни в этих странах и, возможно, использовать их опыт в Поднебесной.

С конца XIX века до двадцатых годов XX века значительную часть опубликованных в Китае книг составляли переводы беллетристики, а также сочинения социального, политического и просветительского характера. Переводческий бум пришелся на первые два десятилетия XX века, что было вызвано, кроме прочих причин, потрясениями в политической жизни страны. Поражение «ста дней реформ» 1898 года подтолкнуло представителей прогрессивной китайской интеллигенции к мысли о том, что для возрождения Китая необходимо заняться просвещением простых людей. А для этого следовало реформировать традиционную систему образования, сделать ее доступной простым китайцам. Реализация этой программы в начале XX века осуществлялась еще с использованием переводов на

классический литературный язык *вэньянь*, а со второго десятилетия — уже с привнесением в литературный язык элементов разговорной речи.

Рубеж XIX и XX веков в Таиланде аналогично характеризуется появлением адаптаций и переводов европейской, прежде всего англоязычной, литературы. Первым европейским художественным произведением, переведенным и опубликованным в Таиланде (1901—1902 годы), считается «Вендетта, или История всеми забытого» английской писательницы Марии Корелли. Этот роман представил тайским читателям новую форму повествования и реалии жизни иностранцев с собственными самобытными традициями, требующими пояснений для тайцев. Знакомство с английской словесностью повлекло изменения в литературном тайском языке: упрощение слога и новации в правописании, появление транслитерации, новой лексики; была заимствована пунктуация английского языка. Перевод романа Марии Корелли правомерно назвать адаптацией с многочисленными вставками и комментариями переводчика, порой отнюдь не беспристрастными, с элементами сатиры и насмешки. По мнению тайского исследователя Чалоэмтиарана, адаптация была своеобразной формой сопротивления западному влиянию, контроля границ собственной культуры. Представители тайской интеллигенции понимали «плагиаторский» характер своих адаптаций и подражаний и не стыдились этого, так как отрицали превосходство Запада в общем и западной литературы в частности, см. подробнее: [Chaloemtiarana, 2018, p. 16—26].

Эта тенденция в литературе получила своеобразный отклик в высшем сословии. В 1914 году на базе Королевской библиотеки Вачираянан (**วชิรญาณ**; ныне — Национальная библиотека Таиланда) королем Рамой VI Вачиравудом было создано Литературное общество (**วรรณคดีสโมสร** ваннакхадии самоосон). Основная цель организации заключалась в том, чтобы отобрать и предоставить писателям лучшие образцы тайской литературы, на художественную выразительность и язык которых необходимо равняться. При помощи деятельности общества также продвигалась высокая европейская литература (например, произведения Шекспира) в противовес многочисленным адаптациям «плохо написанных» западных произведений, см. подробнее: [Nagavajara, 1985, p. 68].

На тайский язык переводили в основном англоязычные произведения романтического, детективного и приключенческого жанров известных авторов: Уильяма Шекспира (1564—1616), Чарльза Гарвиса (1850—1920), Энтони Хоупа (1863—1933), Генри Хаггарда (1856—1925), Сакса Ромера (1883—1959), Артура Конан Дойля (1859—1930). Выбор этих писателей вряд ли был случайным. Во-первых, свою роль играла их популярность на родине, во-вторых, приведенные выше жанры характерны для класси-

ческой тайской литературы и всегда были интересны тайскому читателю, особенно романтические истории со счастливым концом.

Хотя в конце XIX века Таиланд установил тесные контакты с Российской империей (в начале XX века в России обучались представители тайской интеллигенции), переводы произведений русской литературы (в частности, творчества Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького) были осуществлены лишь в 30-х годах XX века с английского языка.

Интерес к зарубежной литературе в странах Дальнего Востока и Юго-восточной Азии инициировал движение за унификацию письменного и разговорного языка в Японии и за переход от письменного языка к разговорному в Китае.

3.3. Литературные сообщества и их роль в становлении литературы Новейшего времени

Движение «Гэмбун ити» (言文一致) за унификацию письменного и разговорного языка стало главной особенностью периода Мэйдзи. Реализация не была простой, поскольку письменный язык раннего Мэйдзи характеризовался разнообразием стилей. Споры, связанные с созданием современных средств выражения, были долгими и напряженными. Значимую роль в развитии нового литературного стиля сыграл писатель и переводчик русской литературы Фтабатэй Симэй (二葉亭四迷, 1864–1909). В 1887 году он опубликовал роман «Дрейфующее облако» (浮雲, Укигумо), который стал первым современным романом в Японии, написанным на народном языке. Перед писателем стояла сложная задача: создать новый литературный язык, который подходил бы для точного описания реальности — расплывчатость классического языка была непригодна для этого. Литератор Таяма Катай (田山花袋, 1872—1930) назвал повествовательный стиль Фтабатэя «чудесным новым стилем» (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*) [Grauer, 1967, p. 82].

В 1875 году эссеист Фукути Гэнъитиро (福地源一郎, 1841—1945) написал о необходимости очистить письменный язык от языковых украшательств, двусмысленности, аллюзий и т. д.: «очарование письма заключается не в эфемерности, а в действительности» [Massimiliano, 2004, p. 112]. Шекспировед и теоретик литературы Цубоути Сёё (坪内逍遙, 1859—1935) также призвал к реалистичному подходу в литературе. Этот призыв точно воспроизводить реальность без субъективного вмешательства автора был аргументом в пользу простого, прямолинейного языка, который мог бы описать тонкости человеческой жизни без преувеличений и украшений. Теоретическая поддержка, которую Цубоути Сёё предоставил упрощенному письменному средству, стимулировала эксперименты с языком.

Этот период можно обозначить как эпоху Просвещения (1868—1885) — период адаптаций, переводов, подражаний, эволюции языка. Главными путеводными звездами эпохи стали члены просветительского сообщества «Мэйрокуся» (明六社, Общество шестого года Мэйдзи), основанного японским политическим деятелем Мори Аринори (森有礼, 1847—1889): Фукудзава Юкити (福澤諭吉, 1835—1901), Ниси Аманэ (西周, 1829—1897), Накамура Масанао (中村正直, 1832—1891). Такие труды, как «Самопомощь» (Self-Help, 1859) шотландского писателя Сэмюэля Смайлса (Samuel Smiles, 1812—1904), переведенная на японский язык конфуцианским ученым Накамурой Масанао, и серия работ, издававшаяся с 1872 по 1876 годы под заголовком «Призыв к знаниям» (学問のすすめ, Гакумон-но сусумэ), японского литератора и ученого Фукудзавы Юкити, «должны были воспитать человека новой эпохи, освобожденного от предрассудков прошлого» [Селимов, с. 26].

Необходимость создания современной литературы китайская интеллигенция также связывала с требованием отказа от ее элитарности и призывала к замене *вэньяня*, письменного языка конфуцианских канонов и классической китайской литературы, на разговорный язык байхуа. *Вэньянь*, воспринимаемый только в графическом исполнении и непонятный на слух, своеобразная китайская «латынь», будучи записью формальных и идеологических констант феодального Китая, тормозил развитие литературы, которая с переходом на *байхуа* становилась доступной всем грамотным китайцам, что значительно расширяло читательскую аудиторию. Движение «4-го мая» 1919 года, одним из лозунгов которого был переход на разговорный язык, во многом было подготовлено публикациями прогрессивного журнала «Новая молодежь» («Синь циннянь», «新青年»). Авторами журнала были молодые прогрессивные литераторы, в том числе Ху Ши (胡适, 1891—1962), который первым связал требования осуществления революции в языке с переходом от *вэньяня* на *байхуа*. Чжоу Цзожэнь (周作人, 1885—1967), переводчик и публицист, в статье «Поговорим о литературе» («谈文») и «Вновь поговорим о литературе» («再谈文»), опубликованных в журнале, выступил с критикой статей на *вэньяне*, именно он выдвинул тезис о создании «литературы человека» («人的文学»).

В Китае значительную роль в поисках китайскими литераторами новых творческих подходов сыграли литературные сообщества, возникшие в самом начале третьего десятилетия XX века. В 1921 году около двухсот писателей, поэтов и критиков организовали «Общество изучения литературы» («Вэньсюэ яньцзю хуэй», «文学研究会»). Среди членов «Общества» велась резкая полемика по многим вопросам литературной деятельности.

Чаще всего дискуссии возникали по поводу необходимости использовать новые творческие приемы, отличные от традиционных китайских. Творчество членов «Общества» китайские критики ассоциируют с рождением реалистического направления в литературе Поднебесной. Известный современный китайский критик литературы Вэнь Жумэй (温儒敏) считает, что «главное отличие китайского реализма от европейского заключалось в революционности идей, борьбе против старой литературы, влиянии переводов, философичности, привычке к национальной эстетике и в более длительном периоде развития национальной прозы» [Вэнь Жумэй, 1986]. Однако более правомерна оценка ситуации, представленная китайским исследователем Чжан Юй, призывающим осторожнее относиться к использованию термина *реализм* при характеристике творческого подхода членов «Общества изучения литературы» [Чжан Юй, 2018, с. 44].

Вопрос о возникновении реалистического направления в литературе Китая остается дискуссионным на протяжении почти столетия. В этом нет ничего удивительного, ведь и среди европейских и американских литературоведов нет единого мнения относительно времени рождения реализма как художественного метода в литературе XX века, см., например: [Зусева-Озкан, с. 178—183]. Сложность выдвигания однозначного ответа на вопрос о времени становления реализма заключается в том, что о нем как о литературном течении в Китае узнали достаточно поздно. Известные китайские писатели, такие как Лу Синь (鲁迅, 1881—1936), его брат Чжоу Цзожэнь, публицист Лян Цичао (梁启超, 1873—1929), в конце XIX—XX веков обучались в Японии и имели возможность через переводы на японский язык познакомиться с философской, художественной и критической литературой Англии, Франции, Германии и России, благодаря чему узнали в том числе и о реализме.

Участники «Общества изучения литературы» в 20-е годы обратились к новому для китайской словесности жанру — «проблемным рассказам» («问题小说»), в которых можно отметить такие присущие европейскому реализму черты, как «идея взаимообусловленности человека и среды <...>, ощущение непрерывного изменения, движения жизни» [Зусева-Озкан, с. 180].

Как считал Чжоу Цзожэнь, «“проблемная проза” — продукт народной литературы современной эпохи <...>, находится в процессе формирования, но в ней заложена мораль будущего <...>. “Проблемная проза” не могла родиться в условиях традиционного Китая, она — результат пробуждения современного мышления» [Цит. по: Вэнь Жумэй, 1988, с. 30]. Наиболее органично обращение к «проблемной прозе» проявилось в творчестве Бин Синь 冰心, это рассказы «Сверхчеловек» (1921), «В одиночестве я

безутешен» (1921), цикл рассказов на военную тематику, опубликованных в 1921—1922 годах, проза Ван Тунчжао (王统照, 1898—1957).

Поиски новых способов творческого выражения, ставшие доминантой литературного процесса в первые десятилетия XX века, в Китае, так же как в Японии и Индии, привели к увлечению романтизмом. Восприятие нового художественного метода отличалось «особым импульсом в момент рецепции романтизма восточным художественным сознанием, <...> вместе с романтизмом он [Восток. — Н. З., А. М., М. С.] воспринял у Запада <...> новый взгляд на самого себя, свой образ, созданный западной поэзией и мыслью» [Пригарина, 1992, с. 87].

Признание романтических идей как наиболее созвучных мыслям китайских писателей совпало с процессом создания сообщества «Творчество» («Чуанцзао шэ», «创造社»), деятельность которого в значительной степени определила литературную жизнь страны на ближайшие десятилетия.

«Творчество» было основано в один год с Обществом изучения литературы — в 1921 году. Как подчеркивают исследователи китайской литературы, часто пристрастия в сфере западной литературы определяли эстетические установки того или иного объединения [Чжоу Бинчэн, 1985, с. 83; Hsia, 1961, p. 56—57]. Так, для писателей «Общества изучения литературы», на многих участников которого оказали влияние русская и западноевропейская литературы, это реализм. Прозаики и поэты, входившие в литературное объединение «Творчество» («Чуанцзао»), провозгласили своими эстетическими принципами романтизм, декадентство и экспрессионизм. Они придерживались субъективно-идеалистических взглядов и создавали свои сочинения в духе романтизма. Объединяло участников этих двух литературных групп изменение социолингвистической ситуации в Китае, связанное с официальным признанием разговорного языка *байхуа*, а также увлечение западными литературными направлениями.

Участником общества «Творчество» — Юй Дафу (郁达夫, 1896—1945), Го Можо (1892—1978), Чжан Цзыпину (1893—1959), Чэн Фанью (1897—1984) — была близка романтическая эстетика, в центре которой — «творческий субъект, гений, убежденный в универсальности своего видения действительности (“мир души торжествует победу над внешним миром” — Гегель)» [Категории поэтик ..., 1994, с. 34—35]; в их творчестве, как и у западных писателей, на первый план выдвигались личностные элементы романтизма, то есть «экспрессивность и метафоризм стиля, лиризм жанров, субъективность оценок, культ воображения, которые мыслятся единственным инструментом постижения реальности и т. д.» [Там же, с. 34—35].

В то же время литераторы, называвшие себя приверженцами романтического течения, в своем творчестве не отказывались от художественных особенностей классической китайской литературы.

3.4. Художественные течения на рубеже Нового и Новейшего времени и их национальные особенности

В Японии расцвет романтизма и возрождение интереса к классицизму датируются самым началом XX века и связаны с деятельностью журнал Мёдзё (明星, «Утренняя звезда», 1900), редактором которого был поэт Ёсано Тэкан (与謝野鉄幹, 1873—1935). Журнал публикует романтическую поэзию — в нем впервые были опубликованы романтические танка блестящей поэтессы эпохи Ёсано Акико (与謝野晶子, 1878—1942). Поэт Ма-саока Сики (正岡子規, 1867—1902) призвал к обновлению традиционных форм японской поэзии.

Чуть позже устанавливается доминирование *натурализма* (так называли японские критики реализм), отсчет существования которого можно вести с момента выхода романов «Нарушенный завет» (破戒, Хакаи, 1905) Симадзакки Тосона (島崎藤村, 1872—1943) и «Постель» (蒲団, Футон, 1907) Таямы Катай (田山花袋, 1872—1930). Он характеризуется насыщением литературой среды в Японии европейскими идеями до такой степени, что можно говорить о второй волне европеизации и второй волне реализма, который ранее был на время вытеснен романтическим движением.

В отличие от Японии и Китая литература Сиама на протяжении веков находилась под господством высших социальных слоев: членов королевских семей, аристократов, монахов. В первую очередь именно они создавали литературные произведения, следовательно, и во времена перемен модернизация культуры шла «сверху». Этому способствовало то, что в XIX веке многие представители светского общества, в том числе и принцы, отправлялись в Европу, чтобы получить образование; полученные там знания находили свое отражение в литературном творчестве.

В исследуемый период в литературе Таиланда происходит переформирование жанровой системы, ее пополнение новыми формами. Традиционно в тайской литературе поэзия доминировала над прозой. Дидактические, художественные произведения в основном писались в стихах, на удел прозы оставались правовые и исторические документы. Во второй половине XIX века под влиянием западной литературы появляются предтечи жанров рассказа и романа, которые к середине XX века практически полностью вытесняют традиционные поэтические жанры. Первые рассказы, написанные обучавшимися за границей представителями тайской элиты, были созданы в юмористическом и несколько наивном ключе и отражали воззрения их авторов на современный Таиланд и его общество. Тайское общество вызы-

вало скорее неудовлетворение у образованной молодежи, зачитывавшейся иностранными журналами во время учебы в Европе. Также нередко поднималась проблема «отцов и детей»: вернувшиеся из-за рубежа молодые люди, воспринявшие западные ценности, неминуемо вступали в конфликт со своими родителями, придерживавшимися традиционных тайских воззрений. Некоторые истории содержали характерные для классической тайской литературы сказочные мотивы и буддийские реминисценции. Авторы экспериментировали со стилем в попытках писать «по-западному»: старались создавать более реалистичные сюжеты, использовали иноязычную пунктуацию и грамматические конструкции, см. подробнее: [Chaloemtiarana, 2009, p. 92]. Эти рассказы печатались в журналах и газетах.

В начале XX века в литературную среду Таиланда начинают проникать европейские литературоведческие термины, появляются зачатки новой литературной критики. В 30-е годы были опубликованы статьи принца Ван Вайтайакона (พระองค์เจ้าวรวงศ์ไชยยากร; 1891—1976) о новой критике. Он повествует о том, что в своем подходе интегрировал идеи А. Беннетта (1867—1931) и А. А. Ричардса (1893—1979). Принц Ван Вайтайакон считается одним из основоположников текстологии и литературной критики нового типа в Таиланде, однако такой подход был непопулярен в тайских литературоведческих исследованиях вплоть до 70-х годов, см. подробнее: [Boonkhachorn, p. 106—107]. Появившееся тогда слово «роман» (นวนิยาย «наванияй») по аналогии с английским словом *novel* образовалось из элементов *нава* «новый» и *ниай* «традиционная история или легенда». Слово «рассказ» (เรื่องสั้น «рыанг сан») является калькой английского *short story* «короткая история».

Европейское влияние на литературу Таиланда в начале XX века имело определяющее значение в некоторой степени, однако еще не означало складывание полноценных литературных течений в тайской словесности. В этот период развитие тайской литературы принято характеризовать как «ускоренное» (термин Г. Гачева). Тайская литература отличалась фрагментарностью и «точечностью»: 20—30-е годы характеризуются лишь «чертами романтизма» [Саенгнатесванг, 2023, с. 169], а элементы сентиментального течения можно найти только в немногих произведениях, например, в эпистолярном романе короля Вачиравуда «Сердце юноши» [Волкова, 2022, с. 113].

Зарождение реалистического художественного направления в литературе Таиланда совпало с переходом от абсолютной монархии к конституционной (1932 год). В конце 20-х — начале 30-х годов появились первые литературные произведения с элементами реализма, персонажами которых стали простые люди, а не короли, принцы и волшебники, герои

классической тайской литературы. К середине XX века среди писателей также было больше выходцев из простолюдинов, среднего класса. В конце 20-х годов некоторые из них объединились в литературную группу «Супхабурут» (สุภาพบุรุษ; «Джентльмены»), чем обозначились изменения как в обществе в целом, так и в литературном сообществе в частности. Расширилась читательская аудитория, появилась новая платформа для обсуждения роли литературы в обществе и выражения своего мировоззрения с позиций народа, а не аристократии (многие писатели группы «Супхабурут» впоследствии стали писателями реалистического направления). Благодаря этому начала формироваться профессия писателя. Литературные группы, сформировавшиеся в преддверии революции 1932 года, играли важную роль не только в предоставлении платформы для новых произведений, но и в складывании профессиональной идентичности писателя.

Только к середине XX века в реалистическом направлении появляются различные течения, условно называемые *натурализм* и *социальный реализм*. Американская исследовательница Кепнер называет их *literature of social preservation* («консервативная» литература) и *literature of social consciousness* (литература «общественного сознания»). Писатели, принадлежавшие к первому течению, выражали сожаления об изменениях, произошедших в тайском обществе, и критиковали современное общество (Акат Дамкенг (อากาศดำเกิง; 1905—1932), Кыкрит Прамот (ศีกฤทธิ์ ปราโมช; 1911—1995)), ностальгируя о прошлом и призывая к необходимости жить в соответствии с традиционными буддийскими ценностями (Докмайсот (ดอกไม้สด; настоящее имя — Бупха Нимманхемин (บุปผา นิมมานเหมินท์); 1905—1963), говорили о необходимости воспитывать у тайцев чувства патриотизма и превосходства над иностранцами. Нередко их послы были довольно радикальными, несли элементы национализма. Авторы-представители второго течения (Атсани Пхонлачан (อัสนี พลจันทร์; 1918—1987), Сибурапха (ศรีบุรพา; настоящее имя — Кулап Сайпрадит (กุลาป สายประดิษฐ์); 1906—1974)) в своих сочинениях пытались вскрыть актуальные социальные проблемы, показать тяжелую жизнь простого народа, существующее неравенство, призывали к общественным изменениям. В произведениях этих авторов реалистического течения часто наблюдается влияние марксистской идеологии и демократических идей. Впоследствии это направление будет названо *литературой для жизни*.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, на примере анализа тенденций, складывавшихся в литературе Японии, Китая и Таиланда, мы можем говорить о ряде типологических сходений. Во-первых, критический пересмотр классических

литературных стилей и последовавшие за ним литературные эксперименты с языком стали важнейшими чертами академического дискурса второй половины XIX — начала XX веков. Во-вторых, западная словесность сыграла решающую роль в обновлении литератур Японии, Китая и Таиланда, поскольку внесла существенный вклад в создание нового литературного языка, который, в свою очередь, запустил процесс рождения новой литературы. В японской, китайской и тайской литературах переводы европейских, русских и американских авторов стали посредниками между западной и восточной словесностью, привнеся новые художественные методы. Соприкосновение восточной и западной литератур породило плеяду литераторов, которые приняли художественные идеи, приемы и стили инородной культуры. Они создали новый тип литературы, радикально отличающийся от всего того, что было известно ранее.

Особенностью формирования новых художественных направлений в Японии, Китае и Таиланде следует считать одновременность появления критических статей о литературных методах (в большей степени в Китае, в меньшей — в Японии и Таиланде) и создание литературных произведений в духе романтизма и реализма. В исследуемый исторический период японская, китайская и тайская словесности постепенно осваивали непривычные для них темы, в том числе и имевшие отношение к социальным проблемам, тем самым наполняя свои произведения жизненной достоверностью. Обновленные черты литературы проявлялись также в преобразовании структуры произведения, своеобразии повествовательного стиля (например, совмещении элементов художественного и публицистического повествования), усилении роли автора, новых изобразительных средствах. Постепенное накопление всех художественных элементов привело в дальнейшем к усилению компонентов романтизма и реализма, которые развились не последовательно, а соприкасались и пересекались.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Волкова К. Б. Жанровое своеобразие романа короля Вачиравуда «Сердце юноши» / К. Б. Волкова // *Litera*. — 2022. — № 7. — С. 111—119. — DOI: 10.25136/2409-8698.2022.7.38491.

2. *Вэнь Жумэй*. Проникновение европейского реализма и реализм движения «4-го мая» / *Вэнь Жумэй* // *Чжунго шэжунэй кэсюэ*. — 1986. — № 3. — С. 193—209. — Режим доступа : <http://xueshu.baidu.com/s?wd=paperuri%3A%28a82d6d9f822a377cc27fa967>

5e32 (дата обращения 21.09.2022) (温儒敏. 欧洲现实主义传于 «五四» // 中国社会科学. — 1986. — № 3. — 193-209页).

3. *Вэнь Жумэй*. Трансформации реализма в новой литературе / Вэнь Жумэй. — Пекин : Изд-во Пекинского университета, 1988. — 262 с. (温儒敏. 新文学现实主义的流变. 北京 : 北京大学出版社 1988. 262 页).

4. *Дьяконова Е. М.* Вещь в поэзии трехстиший (хайку) / Е. М. Дьяконова // Вещь в японской культуре. — Москва : Восточная литература, 2003. — С. 120—136.

5 *Зусева-Озкан В.* Реализм. Вводная статья / В. Зусева-Озкан // Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка. В двух книгах. — Москва : ИМЛИ РАН. 2023. — С. 178—183.

6. *Категории* поэтик в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров, П. А. Гринцер, А. В. Михайлов // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — Москва : Наследие, 1994. — С. 3—38.

7. *Пригарина Н. А.* Восточный романтизм в диалоге Востока и Запада / Н. А. Пригарина // Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада. — Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1992. — Выпуск 1. — С. 87—100.

8. *Саенгнатесванг В. А.* Тенденции развития сиамской литературы нового времени / В. А. Саенгнатесванг // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 161—178. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-161-178>.

9. *Санина К. Г.* Специфика перевода и адаптации литературных произведений в Японии эпохи Мэйдзи (1868—1912) / К. Г. Санина // Вестник Центра японоведения Восточного института Дальневосточного государственного университета. — 2010. — Филологический выпуск 2. — С. 53—73.

10. *Селимов М. Г.* Образы идеальных женщин в творчестве Танидзаки Дзюньитиро 1910-х — 1930-х гг. : динамика идейно-эстетических воззрений писателя : диссертация ... кандидата филологических наук / М. Г. Селимов. — Москва, 2023. — 246 с.

11. *Чжан Юй*. Реализм на литературной арене Китая в 20-е годы XX века / Чжан Юй // Вестник Нанкинского педагогического института. — 2018. — № 3. — С. 44—49. (张玉. 现实主义在 20 世纪年代的中国文坛. 南京师范大学 学报. — 2018. — № 3. — 44—49 页).

12. *Чжоу Бинчэн*. Ранняя проза и Юй Дафу и западная романтическая литература / Чжоу Бинчэн // Изучение современной литературы Китая. — 1985. — № 25. — С. 82—102. (周炳成. 郁达夫前期小说与西方浪漫主义文学. 中国现代文学研究. — 1985. — № 25. — 82—102页).

13. *Boonkhachorn T.* The Development and Trends of Literary Studies in Thailand / T. Boonkhachorn // MANUSYA : Journal of Humanities. — 2000. — Vol. 3.1. — Pp. 99—111.

14. *Chaloemtiarana Th.* Making New Space in the Thai Literary Canon / Th. Chaloemtiarana // Journal of Southeast Asian Studies. — 2009. — Vol. 40. — № 1. — Pp. 87—110.

15. *Chaloemtiarana Th.* Read till It Shatters : Nationalism and Identity in Modern Thai literature / Th. Chaloemtiarana. — Australia : ANU Press, 2018. — 256 p.

16. *Geil W. E.* Eighteen capitals of China / W. E. Geil. — London : Constable, 1911. — 429 p.

17. *Grayer R.* Japan's first Modern Novel : Ukigumo of Futabatei Shimei / R. Grayer. — NY : Columbia University Press, 1967. — 381 p.

18. *Hsia C. T.* A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957 / C. T. Hsia. — New Haven : Yall-University Press, 1961. — 726 p.

19. *Massimiliano T. Rhetoric in Modern Japan : Western Influences on the Development of Narrative and Oratorical Style / T. Massimiliano.* — Honolulu : University of Hawaii Press, 2004. — 224 p.

20. *Nagavajara Ch. Literary Historiography and Social-Cultural Transformation : The Case of Thailand / Ch. Nagavajara // Journal of The Siam Society.* — 1985. — Vol. 73. — Pp. 60-76.

*Статья поступила в редакцию 05.07.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 05.10.2024.*

References

- Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grinzer, P. A., Mikhailov, A. V. (1994). Categories of poetics in the change of literary epochs. In: *Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness*. Moscow: Heritage. 3—38. (In Russ.).
- Boonkachorn, T. (2000). The Development and Trends of Literary Studies in Thailand. In: *MANUSYA: Journal of Humanities, 3.1*: 99—111.
- Chaloemtiarana, Th. (2009). Making New Space in the Thai Literary Canon. *Journal of Southeast Asian Studies, 40 (1)*: 87—110.
- Chaloemtiarana, Th. (2018). *Read till It Shatters: Nationalism and Identity in Modern Thai literature*. Australia: ANU Press. 256 p.
- Dyakonova, E. M. (2003). The thing in the poetry of three verses (haiku). In: *A thing in Japanese culture*. Moscow: Oriental Literature. 120—136. (In Russ.).
- Geil, W. E. (1911). *Eighteen capitals of China*. London: Constable. 429 p.
- Grayer, R. (1967). *Japan's first Modern Novel: Ukigumo of Futabatei Shimei*. NY: Columbia University Press. 381 p.
- Hsia, C. T. (1961). *A History of Modern Chinese Fiction, 1917—1957*. New Haven: Yale University Press. 726 p.
- Massimiliano, T. (2004). *Rhetoric in Modern Japan: Western Influences on the Development of Narrative and Oratorical Style*. Honolulu: University of Hawaii Press. 224 p.
- Nagavajara, Ch. (1985). Literary Historiography and Social-Cultural Transformation: The Case of Thailand. *Journal of the Siam Society, 73*: 60—76.
- Prigarina, N. A. (1992). Oriental romanticism in the dialogue of East and West. In: *Interaction of cultures and literatures of East and West, 1*. Moscow: Nauka, The Main editorial Office of Oriental Literature. 87—100. (In Russ.).
- Saengnateswang, V. A. (2023). Trends in Development of Modern Siamese Literature. *Nauchnyi dialog, 12 (7)*: 161—178. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-161-178>. (In Russ.).
- Sanina, K. G. (2010). Specificity of translation and adaptation of literary works in Japan of the Meiji era (1868—1912). *Bulletin of the Center for Japanese Studies of the Oriental Institute of the Far Eastern State University, 2*: 53—73. (In Russ.).
- Selimov, M. G. (2023). *Images of ideal women in the works of Tanizaki Junichiro of the 1910s — 1930s: dynamics of the writer's ideological and aesthetic views*. PhD Diss. Moscow. 246 p. (In Russ.).
- Volkova, K. B. (2022). Genre originality of King Vachiravudh's novel "The Heart of a young man". *Litera, 7*: 111—119. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.7.38491.

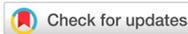

- Wen Jumei. (1986). The penetration of European Realism and the realism of the May 4th movement. *Zhongguo shehui kexue*, 3. Available at: <http://xueshu.baidu.com/s?wd=paperuri%3A%28a82d6d9f822a377cc27fa9675e32> (accessed 21.09.2022). (In Chin.).
- Wen Jumei. (1988). *Transformations of realism in new literature*. Beijing: Publishing house of Beijing University. 262 p. (In Chin.).
- Zhang Yu. (2018). Realism in the literary arena of China in the 20s of the twentieth century. *Bulletin of the Nanjing Pedagogical Institute*, 3: 44—49. (In Chin.).
- Zhou Bingcheng. (1985). Early prose and Yu Dafu and Western Romantic literature. *The study of modern literature in China*, 25: 82—102. (In Chin.).
- Zuseva-Ozkan, V. (2023). Realism. Introductory article. In: *Dictionary of literary trends of the twentieth century. Russia, Europe, America. In two books*. Moscow: IMLI RAS. 178—183. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 05.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Куликов Е. А. Эволюция категории *другого* в творчестве Тома Вулфа / Е. А. Куликов, В. Г. Новикова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 249—269. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-249-269.

Kulikov, E. A., Novikova, V. G. (2024). Evolution of Category of the Other in Works of Tom Wolfe. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 249-269. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-249-269. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эволюция категории *другого* в творчестве Тома Вулфа

Куликов Евгений Андреевич

orcid.org/0000-0001-5037-7226

кандидат филологических наук, доцент
кафедры зарубежной литературы,
корреспондирующий автор
kulikov@ff.unn.ru

Новикова Вера Григорьевна

orcid.org/0000-0002-7398-3867

доктор филологических наук,
профессор
кафедры зарубежной литературы
wnovikova@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Evolution of Category of the Other in Works of Tom Wolfe

Evgeny A. Kulikov

orcid.org/0000-0001-5037-7226

PhD of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature,
Corresponding Author
kulikov@ff.unn.ru

Vera G. Novikova

orcid.org/0000-0002-7398-3867

Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Literature
wnovikova@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме художественного воплощения категории другого в произведениях американского журналиста и писателя Тома Вулфа. Материалом исследования явились ранние очерки журналиста, объединенные в сборники, изданные в первой половине 1960-х годов, и поздний роман «Я — Шарлотта Симмонс» (2004). Эти книги разделяет почти вся вторая половина XX столетия — период формирования, расцвета и упадка постмодерна. Цель работы — проследить диахроническое изменение осмысления автором категории другого, репрезентирующей в его ранних и поздних текстах. Само стремление к инаковости у молодых людей первых послевоенных десятилетий означало принципиальный отказ от норм, правил, законов во имя отторжения всех форм тоталитарности, приведших к катастрофе уничтожения человечности во Второй мировой войне. Как журналист, Т. Вулф объективно и сочувствующе показывает разнообразные стили жизни нового поколения. Последствия заложенных тогда тенденций он демонстрирует в написанном через сорок лет университетском романе. В статье показано, что в этом произведении посредством многоуровневого конфликта представлена инаковость разнообразных статусных групп университетского социума. Однако они остаются замкнутыми, враждебными по отношению друг к другу. Отказ от рационального сознания привел к примитивизации личности и распаду образования. Роман является яркой иллюстрацией негативных результатов постмодерна.

Ключевые слова:

Том Вулф; инаковость; категория другого; новый журнализм; постмодерн; университетский роман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the artistic embodiment of the category of the Other in the works of American journalist and writer Tom Wolfe. The study focuses on Wolfe's early journalistic essays, compiled in collections published in the early 1960s, as well as his later novel "I Am Charlotte Simmons" (2004). These texts are separated by nearly the entire second half of the 20th century — a period marked by the emergence, flourishing, and decline of postmodernism. The aim of this work is to trace the diachronic evolution of the author's understanding of the category of the Other, as represented in his early and late texts. The desire for otherness among young people in the first post-war decades signified a fundamental rejection of norms, rules, and laws in the name of rejecting all forms of totalitarianism, which led to the catastrophic destruction of humanity during World War II. As a journalist, Wolfe objectively and empathetically depicts the diverse lifestyles of a new generation. He illustrates the consequences of these emerging trends in his university novel written forty years later. The article demonstrates that this work presents the otherness of various status groups within the university community through a multi-layered conflict. However, these groups remain isolated and hostile towards one another. The abandonment of rational consciousness has led to the primitivization of individuality and the disintegration of education. The novel serves as a vivid illustration of the negative outcomes of postmodernism.

Key words:

Tom Wolfe; otherness; category of the Other; new journalism; postmodernism; university novel.

Эволюция категории *другого* в творчестве Тома Вулфа

© Куликов Е. А., Новикова В. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Категория «инаковость» являлась одной из самых востребованных в гуманитарных науках второй половины XX века и остается актуальной по сей день. Взрыв интереса к инаковости после 1945 года был предопределен потребностью в переосмыслении дихотомии *я — другой*, архетипичной и в значительной степени конституирующей человеческое существование и мышление на всех этапах развития цивилизации. В формировании ценностных ориентаций исторического прошлого в коллективном мироощущении доминировало противопоставление *я другому* как *чужому*. Обретая разные смыслы с развитием социума, эта оппозиция воплотилась в предельной межчеловеческой дезинтеграции в периоды Первой и Второй мировых войн, когда противопоставление *своего другому* привело к уничтожению миллионов жизней. Последствия этих исторических катаклизмов предопределили радикальное изменение общественного самосознания как на уровне философской рефлексии, так и в обыденном сознании масс. В философии обозначились тенденции к переосмыслению архетипической дихотомии в поисках не противопоставления, а взаимодействия, взаимопонимания *своих* и *чужих*, когда *чужой* не отторгается, а притягивается, становится интересным именно в силу своей инаковости. Для понимания инаковости принципиально важен выбор в альтернативе: неизбежность противопоставления, интенция к которому заложена в самом слове (от *иной*), или возможность сопоставления. Первое предполагает борьбу, отторжение «чуждого», стремление к вражде, второе — диалог с иным, стремление к взаимопониманию.

Историки выделяют разработку «философии диалога» в Германии (О. Розеншток-Хюсси, Ф. Розенцвейг, М. Бубер), Австрии (Ф. Эбнер) и России (круг М. М. Бахтина): «...философы диалога, по сути, предлагают радикальную программу “обновления” не нигилистического мировоззрения человека в виде оригинальной онтологии человеческого общения. Согласно этому подходу, человек понимается с точки зрения первичности его

экзистенциальных связей с другими “Я” по отношению к его собственному самосознанию. Диалогисты также глубоко продумали конституирующие социо- и культуротворческие аспекты общения, по-новому осмыслили угрозы, вызванные ослаблением или распадом человеческой общности» [Евдокимцев, 1999, с. 2].

Особое влияние в этом плане оказывает концепция Э. Левинаса, создавшего свое учение о *другом*. Он писал: «Инаковость Другого не зависит от какого-либо качества, которое отличает его от меня, поскольку подобное различие как раз и полагало бы между нами родовую общность, сводящую инаковость на нет» [Левинас, 2000, с. 216]. Центром идей Э. Левинаса является этическое отношение человека к человеку, не подразумевающее никаких видов насилия. Именно поэтому его учение оказалось особенно значимым в середине XX века.

Существенно важно, что формирование представлений об «инаковости» свидетельствует о всеобщем стремлении к слову оппозиции *свой* — *чужой* как спасительному для цивилизации, поскольку он позволит не противостоять *чужому* вплоть до убийства последнего, но, напротив, сосуществовать с ним. «Инаковость» означает, с одной стороны, свой опыт «бытия в мире», с другой — подразумевает возможность диалога с *другими* опытами бытия. Подобный перелом в общественном сознании свидетельствует о процессе формирования постмодерного мышления, отказывающегося от любых оппозиций и деконструирующего их, и является важнейшей характеристикой этого мышления.

На уровне общественного сознания отказ от классического мышления привел к созданию контркультуры. Аналогичный процесс уже имел место после Первой мировой войны, особенно заметно проявившись в течениях дадаизма и сюрреализма. После Второй мировой войны выдвигаются на первый план субкультуры, созданные молодежным протестным движением в США. Уже в первое послевоенное десятилетие, в конце 40-х — начале 50-х годов, развивается субкультура «разбитого поколения» (битников), дополняющаяся в 60-е субкультурой хиппи. Формально движение закончило свое существование к началу 70-х годов. Однако многие изменения продолжали происходить под его влиянием вплоть до конца века. Процесс и результаты этих изменений определяют во многом современную социокультурную ситуацию, поэтому так актуально их осмысление.

Одним из летописцев жизни протестующих молодых людей в США становится журналист Том Вулф (*Tom Wolfe, 1930—2018*), фиксирующий в своей публицистике 60-х годов конкретику непосредственных событий и обобщающий свои наблюдения. Впоследствии он напишет несколько романов (в контексте проблемы инаковости особое значение из них име-

ет «Я — Шарлотта Симмонс» (*I Am Charlotte Simmons*), вышедший в свет в 2004 году). В романе подводятся итоги деятельности нескольких поколений молодых людей, охваченных жадой инаковости. Таким образом, целью исследования становится сопоставительный анализ ранней публицистики и одного из последних романов Тома Вулфа в аспекте репрезентации категории *другого*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение указанного материала невозможно без учета двух особенностей творческой манеры автора. Первая из них касается специфики художественной формы, сложившейся в его публицистике. Том Вулф — один из родоначальников авангардного течения «новый журнализм» (или «новая журналистика», англ. *New Journalism*), которым характеризовалась передовая американская журналистика и — шире — культура 1960—70-х годов. Новый журнализм с момента своего появления вызывал интерес множества исследователей, не утраченный и в XXI веке [Gutkind, 2004; Несмелова и др., 2011; Рябухина и др., 2011]. Также в 2024 году на русский язык впервые были переведены очерки одного из основоположников нового журнализма Гэя Тализа [Тализ, 2024], что свидетельствует о неутраченной актуальности данного течения и творчества его представителей.

Техника, которой придерживались журналисты этого направления (помимо самого Т. Вулфа и вышеозначенного Г. Тализа, это Труман Капоте, Хантер Томпсон, Норман Мейлер и др.), порождает уникальный для того времени синтез документального и художественного начал. Принципы, исповедуемые приверженцами нового журнализма: разнообразие точек зрения, призванное создать наиболее полную картину; включение в текст описаний так называемых «статусных» деталей (в том числе привычек, жестов, манер), созданных для более объёмной и яркой характеристики персонажей; построение повествования в виде отдельных сцен, создающее ощущение реальности описываемых событий; включение в текст не отдельных цитат, а полноценных диалогов, причём написанных не книжной, а живой, разговорной лексикой, что также свидетельствует о фактографичности материала и создаёт у читателя эффект присутствия, — все эти приёмы затем перекочёвывают и в романное творчество вышеозначенных журналистов, становясь характерными особенностями нового журнализма уже не как направления в журналистике, а как литературного явления. Самым важным компонентом, скорее даже базисной идеей нового журнализма является факт. Только при помощи описания фактов реальной действительности можно как передать свою точку зрения, так и описать происходящее.

Вторая особенность творчества Т. Вулфа заключается в том, что он подходит к сбору и оформлению материала своих произведений как социолог. Исследователи отмечают его «одержимость» социологией [Menand, 2018; Price, 2016; Best, 2001]. Т. Вулф получил хорошее университетское образование: в 1951 году он окончил Washington and Lee University. В 1957 году в Йельском университете он был удостоен докторской степени по специальности «American Studies», в период подготовки к которой изучал американскую историю, американскую литературу, экономику и социологию. Вначале его отношение к последней из этих дисциплин было таким же, что и у современных ему англоязычных гуманитариев, то есть как к науке «безжизненных немецких интеллектуалов». Однако изучение им трудов Макса Вебера изменило ситуацию. Наиболее известным в США было эссе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», написанное еще в 1905 году, но наибольшее впечатление на Вулфа, по его собственному признанию, произвели другие работы: «Что привлекло мое воображение, так это единственное слово “статус”. В очень коротком, очень насыщенном эссе под названием “Класс, статус и партия” Вебер ввел совершенно новую концепцию» [Wolfe, 2006] (собственно, отсюда в дальнейшем и вырастает один из отмеченных выше характерных приёмов новых журналистов вообще и Т. Вулфа в частности — использование *статусных* деталей для характеристики персонажей). По мнению Т. Вулфа, понятие «статус» синонимично «социальному классу», «социальной стратификации», «системе престижа» и «мобильности». «Шесть лет спустя термины Вебера “стремление к статусу” и “символы статуса” начали появляться в прессе. Вскоре они стали частью повседневного языка», — считает нужным подчеркнуть писатель [Wolfe, 2006]. Подобная социальная стратификация противостояла идеологии мыслителей, поддерживавших концепцию экономического класса (или формации, по К. Марксу) и, соответственно, теорию классовых систем и их бескомпромиссной борьбы. Настроению Т. Вулфа соответствует идея статуса, в логике развития которой нет и мысли о насилии, завоевании господства. По сути, статусные группы, по Т. Вулфу, предполагают мирное сосуществование множества социальных групп. Дж. Бест подчеркивает, что Том Вулф в своих работах в значительной степени опирается на социологию, а журналистика Т. Вулфа представляет собой целостное видение современного общества, которое подчеркивает важность того, что стало забытым социологическим понятием, — статуса [Best, 2001]. Вулф утверждает, что экономическая экспансия после Второй мировой войны способствовала появлению новых «статусных сфер» и поощряла статусную конкуренцию. «Статус» и «стиль жизни» (“lifestyle”) — главные категории в творчестве Тома Вулфа.

Традиции классического европейского мышления и культуры как-то сохраняются после войны: «образованные классы в Соединенных Штатах, люди, доросшие до контроля над визуальными и печатными средствами массовой информации» остаются «подключенными к все той же древней аристократической эстетике» [Вулф, 2007, с. 14]. Однако традиционное сознание на данном этапе выглядит чаще всего ограниченно бургерским («идеология, что лежит в солнечном сплетении каждого славного серого бургера»), склонным к образу мыслей типа «мамочкин яблочный пирог» (для бургеров, кстати, и предназначен журнал, где будут размещены статьи Вулфа) [Вулф, 2007, с. 8].

На смену приходит разнообразие подростковых стилей, «нечто невообразимое», с точки зрения старших. Памятники этому «нечто» приняты «форму самодельных автомобилей, твиста, джерка, манки, шейка, в целом рок-музыки, брюк в обтяжку, декольных глаз» [Вулф, 2007, с. 13]. Разнообразие форм, вычурность, аффектация и, самое главное, лежащее в основе глубокое потрясение самих основ классического мышления — то, на что автор обращает самое пристальное внимание. Создателей новой культуры автор обнаруживает в Лас-Вегасе, в агрессии «гонок с выбиванием», смысл которых в разрушении автомобилей, в акустическом безумии новых радиостанций («великое маниакальное состязание в воплях, смешках, фальцетах, тяжелой буффонаде, смехотворном полоскании горла, убойной болтовне старшеклассников, криках, выдохах, вздохах, скверных шуточках, абсурдистских стишках, каламбурах, безумных акцентах» [Вулф, 2007, с. 73—74]) и появившемся типе «истеричного» жокея, в одежде и поведении провинциальных и столичных тинейджеров.

Стиль молодых оказывается в чём-то очень похожим на «майамский модерн» Лас-Вегаса, стремительно выросшего после войны города игровых автоматов (подробнее об этом см., например: [Вентури и др., 2023]). В его электрохимических красках: «мандариновый, бурлящий пурпур, ярко-розовый, кроваво-красный, скромно-фуксиевый, конгово-рубиновый, метилово-зеленый, изумрудный, аквамаринный, феносафраниновый, сияющий оранжевый, лихорадочный аловато-лиловый, цианово-голубой, мозаично-бронзовый, оранжевый» [Вулф, 2007, с. 31], в его рекламных щитах, в его стиле «позднеамериканское богатство», в его обитателях, по карманам которых рассованы наркотики, обнаруживается та же «освобожденная кора головного мозга», к которой стремится и молодежь.

Но независимый наблюдатель Том Вулф все-таки обнаруживает те признаки новой культуры, которые скорее примиряют с ней, чем отталкивают. Он находит то же «священное вдохновение», которое отличало творцов

прошлого, в молодых людях, просто их творческий порыв обнаруживается уже не в мансардах, а в гаражах [Вулф, 2007, с. 11]. The Kandy-Kolored Tangerine-Flake Streamline Baby становится символом романтического энтузиазма новых творцов.

Журналист оказывается одним из первых обнаруживших, что тинейджеры влияют на жизнь всей страны. «Поп-группы» становятся образцом для высшего общества, и оно превращается в поп-общество. Его признаки — рок-музыка, танцы (джерк, манки, шейк), андеграундные фильмы и поп-живопись. «Супергиперверсией» гламурного стиля становится Лас-Вегас, где монумент своему стилю жизни воздвигают пролетарско-бюргерские американцы, гангстеры.

Для того чтобы читатель смог максимально полно погрузиться в стиль мышления тех, кто для старшего поколения еще недавно был не более чем «вшивым народцем с всклокоченными волосами, дерматитом, слабыми грудными клетками и тому подобным, тошнотворным народцем» [Вулф, 2007, с. 14], автор использует ненормативную лексику (первый очерк начинается несколько десятков раз повторенной в разном графическом оформлении ненормативной языковой единицей), передает «задыхающуюся истерику» радиоэфира, насыщает очерки перечнями невозможных цветовых палитр интерьеров, окраски автомобилей, одежды и т. д.

Особое место в творчестве Т. Вулфа занимает изданная в 1968 году книга «Электропрохладительный кислотный тест» (*The Electric Kool-Aid Acid Test*), своеобразно продолжающая поднимаемые в предыдущем сборнике темы и вопросы. Эта «особость» определяется тем значением, которое обретают описанные здесь люди и события в плане воздействия на умы своего и последующих поколений, и той достоверностью изображения, которая сделала названное произведение одним из самых значимых в публицистике США XX века. Здесь в довольно отчетливой хронологической последовательности описывается формирование в 1958 году, расцвет в середине шестидесятых и распад в 1966 году коммуны «Веселых проказников» (*Merry Pranksters*). В центре этого объединения стоял писатель Кен Кизи (*Ken Kesey, 1935—2001*), автор романа «Пролетая над гнездом кукушки» (*One Flew Over the Cuckoo's Nest, 1962*). Сам Т. Вулф остается здесь отстраненным наблюдателем, хотя и принимает непосредственное участие в некоторых описываемых событиях.

Действующие лица называют себя «торчками». Свою инаковость они подчеркивают одеждой и аксессуарами: «длинные иисусовы волосы, индейские бусы, индейские головные повязки, бисер, колокольчики, амулеты, мандалы, божественные взоры, флюоресцирующие жилеты, рога единорога, дуэльные рубахи в стиле Эррола Флинна» [Вулф, 2006, с. 6—7].

Все остальные люди — как полицейские в Калифорнии: аккуратные, «чистенькие и правильные, как кубики льда».

Главной задачей автора является воссоздание той «субъективной реальности», которая становится смыслом существования коммуны. Ее члены искали те формы выражения, которые привели бы к единому переживанию, «чувствам нарастанию». В основе этих форм смешивались «среды» сангхи, манихейства, Заратустры, Майджиомаонгхи и пятерых правоверных перед Виштапу, Магомета, Абу-Бекира и апостолов среди фарисействующих корейш Мекки, Гаутамы, etc. [Вулф, 2006, с. 34], влияющие в совокупности на создаваемое ими некое мистическое братство.

Субъективная реальность этих людей формируется постепенно. Значимым является выбор ими мест обитания. Вначале это Перри-лейн, район, где в 50-е годы жила «стэнфордская богема», избранные интеллектуалы. Впоследствии коммуна переезжает в Ла-Хонде, участок в лесу в штате Калифорния. Т. Вулф указывает, что «лес Кизи представлял себе фантастической декорацией, ... на фоне которой будет ежедневно происходить некий хэппенинг, рождаться новый вид искусства» [Вулф, 2006, с. 60].

Поворот в мировоззрении К. Кизи знаменует собой радикальные изменения в устремлениях молодых людей 60-х. Развитый интеллект окончательно теряет для них свою ценность. Они выстраивают новые принципы «the art of living». Всесилию разума противопоставляется поиск возможностей раскрытия души. В данном стремлении, очевидно, концентрируются самые значимые тенденции послевоенных десятилетий: вместо одномерности конформной личности, ставшей основой манипулирования массами в период войны, — поиск себя, процесс самоидентификации, коррелирующий с очевидным субъективизмом философии последующих десятилетий.

Для Кена Кизи и его окружения «ключ» к проникновению внутрь себя дали разрабатываемые в этот период медикаменты. Сам писатель смог почувствовать их воздействие одним из первых, будучи участником медицинского эксперимента. Ориентиром для него и его друзей был Олдос Хаксли, прошедший подобный опыт в 1953 году, назвавший свои ощущения «психоделикой» и передавший их в эссе «Двери восприятия» (*The Doors of Perception*, 1954). Опыт коммуны закреплял для участников «самое удивительное ощущение в жизни» — интересубъективность. В каждом случае раскрывалось сознание каждого, и все они сливались в единое целое, чувство общности. Это и стало искусством жизни хиппи.

3.2. Переоценка ценностей на позднем этапе творчества Т. Вулфа

В 2004 году Т. Вулф вновь обращается к проблемам нового молодого поколения, появившегося почти через полвека после легендарных битников и хиппи, в романе «Я — Шарлотта Симмонс». К этому моменту из-

начально журналист Т. Вулф практически отходит от эссеистического характера творчества в пользу более художественных и беллетризованных форм, полностью в духе времени желая написать не просто роман, а так называемый «великий американский роман». В данном случае жанровым образцом становится подвид университетского романа под названием *varsity novel*. О. Ю. Анцыферова даёт ему следующую дефиницию: «университетский роман, написанный со студенческой точки зрения» [Анцыферова, 2010, с. 6]. Книга представляет из себя полифоническую структуру, объединяющую партии четырёх главных героев, по-своему *других* в том или ином аспекте: это Джоджо Йоханссен, белый баскетболист в полностью чёрной команде; презирающий всех ниже себя по *статусу* представитель студенческого братства Хойт Торп; тихий и покорный ботаник Эдам Геллин, попавший в университет не по статусным или финансовым причинам, а из-за своего интеллекта; и, наконец, как будто бы главная героиня романа, вынесенная в его заглавие, Шарлотта Симмонс, отличница из малообеспеченной провинциальной семьи, вопреки условиям сдавшая экзамены на высший балл и получившая возможность поступить в один из крупнейших университетов США Дьюпонт (его образ автором вымышлен по подобию реальных университетов, входящих в Лигу плюща).

Сама полифоническая структура Т. Вулфом выбрана неслучайно, поскольку работает на глобальную задумку, свойственную новым журналистам: дать как можно более полную и объёмную картину происходящего, что, с одной стороны, помогает со- и противопоставить героев по разнообразным параметрам внутри самого текста, с другой — «изъять» эксплицитную авторскую точку зрения из повествования, оставляя моральную оценку на откуп реципиенту. Впрочем, сама задача Т. Вулфа ясна: если в раннем творчестве он обращался к подчёркнуто демократичным, вернакулярным, неинституциональным формам социализации, то в данном случае автор переносит фокус своего внимания на образовательную институцию, оказывающуюся коррумпированной и несостоятельной по многим параметрам, что, по мысли автора, не может не воздействовать на умы и характеры современной молодёжи. Микрокосм Дьюпонта в рамках авторской задумки сопоставим с макрокосмом всего американского социума, поляризованного и конфликтогенного. Неслучайно «точкой входа» в данную реальность становится именно образ Шарлотты Симмонс, максимально далёкой от высшего общества и от культурной и политической жизни страны по причине рурального положения её родного городка Спарта, округ Аллегани, штат Северная Каролина. Героиню шокируют нравы и атмосфера разврата и вседозволенности, царящие в стенах старейшего вуза.

Автор здесь с еще большей очевидностью, чем в ранних эссе, показывает разные *статусные* признаки, объединяющие молодых людей в группы. Подобных групп довольно много, однако это уже не вполне мирное их сосуществование. Раскрытию нового этапа феномена «инаковости» служит многоуровневый конфликт, построенный в романе по типической модели «я — другие» с нетипичным количеством персонажей — четырьмя, каждый из которых является *чужим* для всех остальных.

Первый уровень конфликта — базовый для любой страны, но особенно актуальный для такой мультикультурной и мультиэтнической страны, как США, — это расовый. Характеристика практически каждого персонажа, встречающегося в тексте романа, обязательно включает в себя цвет его кожи. Для любого героя цвет кожи — не самый важный, но самый очевидный маркер, характеризующий другого человека. Таким предстаёт перед нами Джоджо Йоханссен, белый парень, очевидно, скандинавского происхождения, играющий в «весь этот чёрный баскетбол» — вид спорта, в котором значительную часть успешных игроков составляют афроамериканцы. «... Десять молодых парней (восемь чёрных и двое белых) играли в баскетбол». На занятиях «белого коротко стриженного великана перебил такой же Гулливер, только чёрный и сидевший на один ряд впереди. <...> — Ни черта себе! — подхватил ещё один чернокожий гигант с бритой головой, сидевший по соседству с белым» [Вулф, 2006а, с. 149]. Так характеризуются и многие другие: «Судя по всему, веселятся здесь чёрные», — отметил про себя Эдам. Умом он, конечно, понимал, что нет никакой разницы в том, какой цвет кожи у заказчика. Но где-то в глубине души, запертой внутри грудной клетки, он позволил себе усомниться в этом» [Вулф, 2006а, с. 252].

Подобные ремарки будут встречаться на протяжении всего романа, будто бы задавая примитивную бинарную оппозицию «белый — чёрный», на самом деле преследуя более сложные цели. Во-первых, эти ремарки говорят не об авторском отношении, а о рациональном или иррациональном восприятии окружающих героями романа. Те, кто, как Эдам, находятся на более высоком интеллектуальном уровне, понимают неверность и ошибочность подобного ни на чём не основанного в каждый конкретный момент предвзятого мнения. Но они знают, что это мнение опирается на некую социальную и культурную память предков и в принципе на социальную обстановку: для белых людей чёрные — это опасность, даже если вы играете в одной команде и они на твоей стороне, не говоря уж о ситуациях, когда ты сталкиваешься с ними в обычных условиях.

Во-вторых, данная оппозиция является вовсе не бинарной: чернокожие есть более светлые и более тёмные, то же самое — с белыми, поэто-

му более тёмный белый парень оказывается ближе к чёрным, чем более светлый; кроме этой дихотомии, есть ещё азиаты или, например, латиноамериканцы, к каждому из которых у героев романа также есть предубеждение. Например, когда в романе повествуется о школьных годах Хойта, мы видим героя в первый семестр в обычной школе после отчисления из элитного учебного заведения: «На третий день пребывания Хойта в новой школе его отловили на перемене в коридоре четверо парней испанистого вида» [Вулф, 2006а, с. 164]. Речевая характеристика персонажей показывает восприятие самого Хойта, не описываются ни их внешность, ни их имена, просто человеку необходимо моментальное маркирование и наклейка лейблов и ярлыков на всё, с чем он сталкивается в жизни. В итоге мы видим, что цвет кожи сразу же влияет на отношение героев к тем, с кем они взаимодействуют, — даже если на рациональном уровне они понимают, что подобные предрассудки не совсем верны.

Очевидно, что подобное расовое и этническое разграничение свидетельствует о латентном расизме. В США данный вопрос всегда был и остаётся по сей день остро актуальным. Национальная коллективная память включает в себя времена рабства, повлиявшего как на чёрное, так и на белое население Америки. Расовые оскорбления, уменьшение прав этнических меньшинств, возникновение не только группировок по расовому и этническому принципу, но и целых городских кварталов, фактически — сегрегаций, где селятся выходцы из одной и той же страны или части света, — всё это является настоящим Америки. В вымышленном Дьюпонтском университете — моделирующем социальную реальность по законам жанра — можно проследить те же самые проблемы, которые уверенно экстраполируются на всю социальную жизнь США. Причём акцент в своём романе Том Вулф делает на виде расизма, обсуждение которого находилось и находится под негласным запретом и считается моветоном в приличном обществе, — обратном расизме. Примером становится университетская баскетбольная команда.

Спорт в принципе является одной из важнейших составляющих американской национальной идентичности, особенно аутентичные для США его виды (подробнее об этом см., напр.: [Vale, 2008; Куликов, 2018, с. 43—45]). Спорт работает как сплачивающая и объединяющая нацию сила, что особенно актуально для американской нации «по причине этнического, расового и культурного многообразия последней» [Носикова, 2014, с. 97]. И, пока баскетбольные соревнования выполняют свою функцию объединения людей (болельщикам, приходящим на матчи, не важны раса или этническая принадлежность своих кумиров), сама команда раздираема внутренними противоречиями. Вот что об этой ситуации говорит Джджо

Йоханссен: «Устал я от всего этого чёрного баскетбола. Почему заведомо считается, что они лучше нас? Вот тренер — он же белый. И большинство тренеров белые. Но поставь перед ними двух игроков абсолютно одинакового класса, чёрного и белого — они обязательно скажут, что чёрный лучше. <...> у чёрных, мол, нервы крепче, и бросают они лучше. Он, видите ли, не промахнётся. Вот белый игрок такого же класса — он, конечно, промахнётся и подведёт команду» [Вулф, 2006а, с. 75]. Собственно, эта бинарная оппозиция проявляет себя на двух уровнях: профессиональном и межличностном. С точки зрения самореализации как спортсмена Джоджо достигает определённых успехов: его ценят болельщики и руководство университета, он принимает участие в матчах, хотя и в меньшем объёме, чем ему бы того хотелось, и набирает очки (хотя тоже меньше возможного их количества, так как в рамках тренерских указаний вынужден отдавать пасы своим чернокожим партнёрам, а не бросать сам). Но главная проблема заключается именно в коммуникации и социализации: партнёры не воспринимают Йоханссена за своего, игнорируют его или нарочито демонстрируют его чуждость. «И ещё одна их привычка ужасно раздражала Джоджо: они всё время говорили не просто на своём немислимом жаргоне, но ещё и с каким-то специфическим акцентом. За годы общения Джоджо вполне освоился с этим языком и не только хорошо понимал его, но и мог изъясняться не хуже любого из его «носителей». Тем не менее стоило ему подойти к товарищам по команде, как они, желая лишний раз напомнить Джоджо, что не принимают белого за своего, переходили на обычный, общепринятый английский язык. <...> в конце концов, он всю свою жизнь состязался с чёрными баскетболистами в той игре, в которой, по их мнению, белые не могли с ними соперничать» [Вулф, 2006а, с. 69—70]. То, с чем сталкивается Йоханссен, — проблема любого неграмотно построенного поликультурного социума, когда этнические меньшинства вместо ассимиляции, наоборот, обособляются, замыкаются в обществе себе подобных, выстраивая психологические, а иногда и физические редуты на пути к своему тесному мирку и к своему «я». Возникновение подобных замкнутых сообществ никак не способствует ни развитию общества вообще, ни развитию данной структуры в частности, поскольку мешает возникновению понимания между этническим большинством и меньшинствами, первое из которых, может, и хотело бы принять в свои ряды другие этносы, но те, варясь в собственном соку, создавая отдельные жилые кварталы, разговаривая на собственном языке и не стремясь проникнуться иной культурой, не дают ему возможности это сделать. Безусловно, в диахроническом плане данная проблема гораздо более многоаспектная и сложная (это происходило не только из-за внутренней потребности, но и по причине дикта-

та со стороны белых колонистов), однако в рамках текстовой реальности точки зрения Джордžo Йоханссена это не находит своего отражения.

Ещё один уровень репрезентации противостояния «я — *другие*», тесно связанный с темой меньшинств, выводит читателя из ряда обычных межличностных отношений в политическую плоскость. В интервью журналу *Esquire* Том Вулф говорит: «Я демократ до мозга костей. Думаю, я самый демократически настроенный писатель из всех, кого я знал» [Правила жизни...]. Именно поэтому Хойт Торп, персонаж с яркими республиканскими взглядами, получился в романе Вулфа наиболее отталкивающим, см., например: [Вулф, 2006а, с. 142]. Подобная риторика, помноженная на отсутствие интеллекта и уверенность в собственной избранности, приводит Хойта к мысли о том, что только члены студенческого братства — белые, сильные, гетеросексуальные — являются «настоящими мужиками». Вулф фактически показывает становление представителей того самого поколения, которые в замкнутой группе своих студенческих братств, финансово обеспеченные своими родителями, могущие получить место в любой престижной компании из-за обучения в престижном университете, нахальные, самоуверенные, необразованные, начинают определять будущее целой страны, ставя в один ряд отличников, панков и чёрных и определяя их на низшую социальную ступень.

Тема спорта позволяет выявить ещё одну сторону конфликта в художественной реальности романа. Зачастую, чтобы почувствовать себя лучше собеседника или окружающих людей, персонажу достаточно быть не более умным, более развитым, более знаменитым или более богатым, а просто — более физически сильным. Физическое превосходство в подобных замкнутых социальных группах возвращает людей в царство животных, где более сильный всегда находится выше в иерархии, чем более слабый. Сопоставление людей и зверей пронизывает всё содержание романа, но именно в этом аспекте, наряду с вопросом сексуального поведения, становится доминантным. Неслучайно, наряду с цветом кожи, ещё одной постоянной речевой характеристикой персонажей становится их физическое состояние: «За парнями, осуществлявшими фейс-контроль, стоял, скрестив руки на груди и с каменным выражением лица, ещё один человек — материальное подкрепление их власти: шея у этого вышибалы была шире головы, а тугая зелёная футболка, казалось, сейчас разорвётся, разодранная могучими, вздымающимися в такт дыханию мышцами. Предплечья, блестящие от пота, были у него толще, чем ноги обычного человека» [Вулф, 2006а, с. 298]; «Руки и плечи у всех десятерых накачаны, как у культуристов. Трапециевидные мышцы, сбегające от шеи к спине, выпуклые, как дыни. Эти силачи-великаны, покрытые потом, так и сверкали в свете лю-

минексовских ламп, который переливался на дельтовидных, грудных, трапециевидных и косых мышцах» [Вулф, 2006а, с. 52] и т. д. Показательной для подтверждения нашей мысли о важности физического превосходства для самоидентификации персонажей являются две параллельных друг другу сцены, в которых два физически развитых героя — Джоджо и Хойт — дают словесную характеристику Эдаму Геллину. Первый взаимодействует с ним как с приставленным руководством университета куратором: сами спортсмены, приносящие славу своему вузу на национальной арене, имеют «поблажки» в академической среде, по сути представляющие из себя полную свободу от выполнения учебных заданий и перекладывание ответственности на плечи тех самых кураторов, зачастую — бедных студентов со старших курсов, отличающихся хорошей успеваемостью и не имеющих возможности отказаться. Второй — Хойт — редко пересекается с Эдамом, но первое их знакомство происходит в момент, когда Геллин, подрабатывающий в студенческой газете «Дэйли вэйв» и мечтающий стать настоящим журналистом, пытается взять интервью у членов студенческого братства. Джоджо, достаточно воспитанный и порядочный человек, говорит об Эдаме так: «Если взять в качестве образца какую-нибудь звериную стаю, то этот очкарик занял бы в ней самое последнее место. Он бы безропотно терпел издевательства и унижения других членов стаи, скрипел бы зубами от злости, но так и не решился бы проявить эту злость, восстать против тех, кто сильнее и увереннее в себе. Другое дело — Джоджо и его друг Майк. Таких, как они, называют доминирующими самцами» [Вулф, 2006а, с. 181]. Хойт, воспитанием и добродетелью не отличающийся, выражается ещё откровеннее: «Редкостный придурок. К тому же и внешние данные незнакомца, прямо скажем, оставляли желать лучшего: невысокий, тощий, явно физически слабосильный, словно сделанный из жёсткой проволоки скелет, едва прикрытый туго натянутой кожей. Нет, ему только ошейника не хватает, подумал Хойт. С надписью: “МУДАК-БОТАНИК”» [Вулф, 2006а, с. 360]. Таким образом, тема физического превосходства и животной иерархии, не проявлявшая себя в раннем творчестве Т. Вулфа, в более позднем романе выходит на передний план, становясь одной из основополагающих, по мнению писателя, в построении современного ему социума.

Помимо вышеозначенных, пунктиром можно обозначить и другие уровни противопоставления «я — *другие*», возникающие в тексте романа: антитеза интеллектуалов и совершенно не интересующихся знаниями студентов (на примере Шарлотты Симмонс и Эдама Геллина в противодействии их однокурсникам); антитеза студенческой и взрослой жизни (на примере размышлений каждого из главных героев о том, что их бытование в кампусе далеко от реальной действительности); классовые различия (на

примере родителей Шарлотты Симмонс, небогатых работающих людей, и состоятельных отца и матери соседки Шарлотты по комнате в общежитии Беверли); антитеза между Шарлоттой и её родителями, которых она очень любит, но не может не замечать их недостатки и ограниченность, поэтому хочет дистанцироваться и сепарироваться от своего родного дома и города. Однако все эти вопросы, по сути, сводятся к одному общему, которым так или иначе задаются не только герои романа Тома Вулфа, но и обычные американцы: «Кто мы?» (в данном контексте нельзя не вспомнить книгу знаменитого американского социолога Сэмюэла Хантингтона [Хантингтон, 2008]). Это вопрос самоидентичности, проблема, с которой сталкивается любой человек в своей жизни. Нужно ли до конца оставаться собой или смешиваться с толпой? Нужно ли пытаться стать *своим* в маленькой социальной группе или же держаться особняком, чтобы не потерять свою самость? Стоит ли подчиниться общественному мнению или не позволять чужим оценочным суждениям влиять на себя? Стоит ли делить окружающих людей по расовому, этническому, гендерному, сексуальному или другим признакам, или важны их личные качества и интеллект, а не внешние показатели? А поскольку для американской нации вопрос о национальной идентичности стоит особенно остро, подобные размышления Т. Вулфа на самом деле экстраполируются с Дьюпонтского университета на всю Америку. Показательно, что *другой* здесь — это не внешний враг, не иноземец, это *другой* внутри собственной нации и даже внутри собственной социальной группы. Это противостояние, которое ведёт к разъединению нации, и именно это демократу Вулфу, ратующему за мультикультурализм и глобализацию, особенно горько видеть. Поиск же инаковости остаётся ограничен усилиями по обретению своей статусной группы.

4. Заключение = Conclusions

Даты написания ранних очерков Тома Вулфа (1960-е годы) и его романа «Я — Шарлотта Симмонс» (2004) охватывают практически всю вторую половину XX века. Это период того состояния культуры, которое получило название *постмодернизм*. Сопоставление названных произведений в ракурсе феномена инаковости позволяет в определенной мере проследить начало формирования комплекса идей и результаты их воздействия. Одним из факторов постмодернизма стало всеобщее стремление избежать любых видов власти: государства, языка, расовой принадлежности, гендера и всех иных видов тотализирующего воздействия. В первые послевоенные десятилетия эта тенденция воспринималась как несомненно спасительная для социума. Она же подразумевала высокий уровень свободы личности. В очерках 60-х годов Том Вулф фиксирует наиболее заметные формы бы-

тия молодых людей (в возрасте от 13 до 30 лет) США. Сам автор является носителем вполне рационально ориентированного сознания интеллектуала, однако он с большой симпатией фиксирует многообразные проявления раскрепощенного, направленного на эмоциональное восприятие мира поколения тех, кто вырослел в конце 50-х — начале 60-х годов. Инаковость находит опору в отказе от всех нравственных норм и законов, разрушении всех эстетических и иных эталонов, деконструкции любых авторитетов, раскрепощении индивидуального сознания при помощи любых средств в новом игровом стиле бытия. Автор подчеркивает силу воздействия создаваемой молодыми людьми контркультуры на общественное сознание.

В романе показаны результаты этого мощного воздействия спустя несколько десятилетий. Автор избирает абсолютно релевантную для своего замысла жанровую форму, позволившую раскрыть жизнь университетской среды, в которой концентрируются черты глобального социума. Главными признаками деятельности университета являются практически полное отсутствие в нем полноценной образовательной системы и принципиальная немотивированность студентов к обучению. Абсолютная свобода молодого человека проявляется в постоянном неумеренном поглощении спиртного, сексуальной раскрепощенности, отсутствии сдерживающих нравственных центров. Осталась неразрешимой проблема расизма, несмотря на провозглашаемые принципы толерантности, политкорректности, мультикультурности. Отказ от классического рационального мышления привел к примитивности сознания и отсутствию достойного человека целеполагания.

Таким образом, роман Т. Вулфа стал констатацией не удовлетворяющих его итогов постмодерна. В 2006 году Том Вулф произносит Джефферсоновскую речь (*The Jefferson Lecture in the Humanities*) [Wolfe, 2006]. Он назвал ее «Человек-зверь», воспользовавшись названием романа любимого им Э. Золя. В этом последнем общественно значимом его высказывании журналист и писатель достаточно пессимистично размышляет о возможностях эволюции человека.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Вулф Т. Конфетнораскрашенная апельсиннолепестковая обтекаемая малютка / Т. Вулф ; [пер. с англ. М. Кондратьева]. — Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2007. — 479 с. — ISBN 978-5-367-00388-8.

2. Вулф Т. Электропрохладительный кислотный тест / Т. Вулф ; [пер. с англ. В. Кога-на]. — Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2006. — 422 с. — ISBN 5-94278-409-4.
3. Вулф Т. Я — Шарлотта Симмонс : [роман] / Т. Вулф ; [пер. с англ. В. Правосудова]. — Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2006а. — 1016 с. — ISBN 5-367-00186-6.
4. Wolfe T. The Human Beast [Electronic resource] / T. Wolfe // Jefferson Lecture. — 2006 — Access mode : <https://www.neh.gov/about/awards/jefferson-lecture/tom-wolfe-biography> (accessed 11.08.2024).

Литература

1. Анцыферова О. Ю. Университетский роман : парадоксы жанровой номенклатуры / О. Ю. Анцыферова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2010. — № 1 (10). — С. 3—8.
2. Вентури Р. Уроки Лас-Вегаса. Забытый символизм архитектурной формы / Р. Вентури, Д. Скотт Браун, С. Айзенур ; пер. с англ. И. Третьяков. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2023. — 208 с. — ISBN 978-5-91103-726-0.
3. Евдокимцев Д. В. Проблема другого «я» в диалогической философии Мартина Бубера : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Д. В. Евдокимцев. — Москва, 1999. — 23 с.
4. Куликов Е. А. Национальные и культурные коды в романах Дэна Симмонса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Е. А. Куликов. — Нижний Новгород, 2019. — 203 с.
5. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. — Москва-Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. — 416 с. — ISBN 5-7914-0083-5.
6. Несмелова О. О. Новый журнализм : теоретические принципы и их художественное воплощение / О. О. Несмелова, Ж. Г. Коновалова // Ученые записки Казанского университета. — 2011. — Т. 153. — Книга 2. — С. 245—258.
7. Носикова Д. В. Спорт и литература как два объединяющих начала в американской культуре / Д. В. Носикова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2014. — № 28. — С. 95—105.
8. Правила жизни Тома Вулфа [Электронный ресурс] // Esquire. — 2011 — Режим доступа : <https://www.pravilamag.ru/hero/74-tom-wolfe/> (дата обращения 11.08.2024).
9. Рябухина О. А. Том Вулф как теоретик и практик «нового журнализма» / О. А. Рябухина, И. М. Удлер // Мировая литература в контексте культуры. — 2011. — № 6. — С. 103—106.
10. Тализ Г. Фрэнк Синатра простудился и другие истории / Г. Тализ ; [пер. с англ. И. Заславской, Л. Мотылёва]. — Москва : Individuum, 2024. — 352 с. — ISBN 978-5-907696-49-5.
11. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. — Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. — 635 с. — ISBN 978-5-17-024800-1.
12. Bale J. Anti-Sport Sentiments in Literature : Batting for the Opposition / J. Bale. — Oxon, New York : Routledge, 2008. — 222 p. — ISBN 9780415596251.
13. Best J. “Status! Yes!” : Tom Wolfe as a sociological thinker / J. Best // The American Sociologist. — 2001. — Vol. 32. — № 4. — Pp. 5—22. — DOI: <https://doi.org/10.1007/s12108-001-1001-z>.
14. Gutkind L. In Fact: The Best of Creative Nonfiction / L. Gutkind. — New York, London : W. W. Norton & Company, 2005. — 480 p. — ISBN 0393326659.

15. *Menand L.* Tom Wolfe, Sage of Status Anxiety [Electronic resource] / L. Menand // The New Yorker. May 15, 2018. — Access mode : <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/tom-wolfe-sage-of-status-anxiety> (accessed 11.08.2024).

16. *Price D. A.* Where Tom Wolfe got his status obsession [Electronic resource] / D. A. Price // Nieman Storyboard. — July 5, 2016. — Access mode : <https://niemanstoryboard.org/stories/where-tom-wolfe-got-his-status-obsession/> (accessed 11.08.2024).

Статья поступила в редакцию 17.08.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 15.10.2024.

Material resources

Wolfe, T. (2007). *The Kandy-Kolored Tangerine-Flake Streamline Baby*. St. Petersburg: Amphora. TID Amphora. 479 p. ISBN 978-5-367-00388-8. (In Russ.).

Wolfe, T. (2006). *The Electric Kool-Aid Acid Test*. St. Petersburg: Amphora. TID Amphora. 422 p. ISBN 5-94278-409-4. (In Russ.).

Wolfe, T. (2006). The Human Beast. *Jefferson Lecture*. Available at: <https://www.neh.gov/about/awards/jefferson-lecture/tom-wolfe-biography> (accessed 11.08.2024).

Wolfe, T. (2006a). *I Am Charlotte Simmons: [novel]*. St. Petersburg: Amphora. TID Amphora. 1016 p. ISBN 5-367-00186-6. (In Russ.).

References

Antsyferova, O. Y. (2010). University novel: paradoxes of genre nomenclature. *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities, 1 (10)*: 3—8. (In Russ.).

Bale, J. (2008). *Anti-Sport Sentiments in Literature: Batting for the Opposition*. Oxon, New York: Routledge. 222 p. ISBN 9780415596251.

Best, J. (2001). “Status! Yes!”: Tom Wolfe as a sociological thinker. *The American Sociologist, 32 (4)*: 5—22. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12108-001-1001-z>.

Evdokimtsev, D. V. (1999). *The problem of the other self in Martin Buber's dialogical philosophy*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Gutkind, L. (2005). *In Fact: The Best of Creative Nonfiction*. New York, London: W. W. Norton & Company. 480 p. ISBN 0393326659.

Huntington, S. (2008). *Who are we? The Challenges to America's National identity*. Moscow: AST: AST MOSCOW. 635 p. ISBN 978-5-17-024800-1. (In Russ.).

Kulikov, E. A. (2019). *National and cultural codes in the novels of Dan Simmons*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 203 p. (In Russ.).

Levinas, E. (2000). *Favorites. Totality and the infinite*. Moscow-St. Petersburg: University Book. 416 p. ISBN 5-7914-0083-5. (In Russ.).

Menand, L. (2018). Tom Wolfe, Sage of Status Anxiety. *The New Yorker. May 15*. Available at: <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/tom-wolfe-sage-of-status-anxiety> (accessed 11.08.2024).

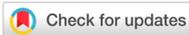
Nesmelova, O. O., Konovalova, J. G. (2011). New journalism: theoretical principles and their artistic embodiment. *Scientific notes of the Kazan University, 53 (2)*: 245—258. (In Russ.).

Nosikova, D. V. (2014). Sports and literature as two unifying principles in American culture. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolybov, 28*: 95—105. (In Russ.).

- Price, D. A. (2016). Where Tom Wolfe got his status obsession. *Nieman Storyboard*. July 5. Available at: <https://niemanstoryboard.org/stories/where-tom-wolfe-got-his-status-obsession/> (accessed 11.08.2024).
- Ryabukhina, O. A., Udler, I. M. (2011). Tom Wolf as a theorist and practitioner of “new journalism”. *World literature in the context of culture*, 6: 103—106. (In Russ.).
- Talese, G. (2024). *Frank Sinatra Has a Cold, and other stories*. Moscow: Individuum. 352 p. ISBN 978-5-907696-49-5. (In Russ.).
- Tom Wolfe’s Rules of life. (2011). *Esquire*. Available at: <https://www.pravilamag.ru/hero/74-tom-wolfe/> (accessed 11.08.2024). (In Russ.).
- Venturi, R., Scott Brown, D., Izenour, S. (2023). *Learning from Las Vegas. The Forgotten symbolism of architectural form*. Moscow: Ad Marginem Press. 208 p. ISBN 978-5-91103-726-0. (In Russ.).

*The article was submitted 17.08.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 15.10.2024.*

Информация для цитирования:

Куряев И. Р. Визуальность романов «Библиотекарь» и «Мультки» М. Елизарова как способ трансформации соцреалистического канона / И. Р. Куряев, Е. П. Овсянникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 270—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-270-287.

Kuryaev, I. R., Ovsyannikova, E. P. (2024). Visuality of M. Elizarov's Novels "Librarian" and "Cartoons" as a Means of Transforming Socialist Realist Canon. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 270-287. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-270-287. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Визуальность романов «Библиотекарь» и «Мультки» М. Елизарова как способ трансформации соцреалистического канона

Куряев Ильгам Рясимович¹
orcid.org/0000-0002-4294-5817

кандидат филологических наук, кафедра
русской и зарубежной литературы,
корреспондирующий автор
kuryev.ilgam@yandex.ru

Овсянникова Екатерина Павловна^{1,2}
orcid.org/0000-0002-2740-9178
исполнитель проекта отдела
сопровождения научных проектов
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹Мордовский государственный
университет
им. Н. П. Огарёва
(Саранск, Россия)

²Русская христианская гуманитарная
академия имени Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда
№ 23-18-01007 (Русская христианская
гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского),
<https://rscf.ru/project/23-18-01007/>

Visuality of M. Elizarov's Novels "Librarian" and "Cartoons" as a Means of Transforming Socialist Realist Canon

Ilgam R. Kuryaev¹
orcid.org/0000-0002-4294-5817
PhD in Philology, Department
of Russian and Foreign Literature,
corresponding author
kuryev.ilgam@yandex.ru

Ekaterina P. Ovsyannikova^{1,2}
orcid.org/0000-0002-2740-9178
Project Executive Department
support for scientific projects
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

²Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-18-01007
(Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky),
<https://rscf.ru/project/23-18-01007/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается роль визуального аспекта текста в реактуализации элементов соцреалистического канона. В качестве материала исследования избраны романы Михаила Елизарова «Библиотекарь» и «Мультики». Установлено, что, во-первых, М. Елизаров сознательно конструирует свои произведения согласно принципам литературной кинематографичности, и одной из ярких составляющих здесь становится визуальность. Во-вторых, визуальность способствует включению в сюжетное развёртывание элементов советского проекта, выраженных в пространствах и вещах. Кроме того, визуальность позволяет реактуализировать их, переозначить через включение в новые контексты. В-третьих, актуализации пространств и вещей способствует фигура героя, который представляется в романах через приём тревеллинга. В-четвертых, само сюжетное развёртывание романов имеет сходство с соцреалистическими сюжетами о перевоспитании. В-пятых, через образ романного героя подчеркивается актуальность оппозиции «глаз — взгляд», что в свою очередь способствует актуализации идеи контроля, моделирования поведения. Именно взгляд Другого, который ощущают на себе герои, способствует их включению в сюжетные схемы, близкие соцреалистическим, и принятию героями определённой роли, роли героя текста, обременённого соцреалистической мотивикой. Наконец, указывается, что специфическая позиция героя способствует лучшему отождествлению читателя с ним и изменению самого статуса Книги.

Ключевые слова:

проза Михаила Елизарова; соцреализм; литературная кинематографичность; визуальность; глаз и взгляд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the role of the visual aspect of the text in the recontextualization of elements from the socialist realist canon. The study focuses on Mikhail Elizarov's novels "Librarian" and "Cartoons." It is established that, firstly, Elizarov consciously constructs his works according to the principles of literary cinematicity, with visuality serving as a prominent component. Secondly, visuality facilitates the integration of elements from the Soviet project into the narrative, expressed through spaces and objects. Furthermore, it allows for their recontextualization by embedding them within new contexts. Thirdly, the reactivation of spaces and objects is aided by the figure of the protagonist, who is presented through the technique of traveling. Fourthly, the narrative development of the novels bears similarities to socialist realist plots concerning re-education. Additionally, through the image of the protagonist, the relevance of the opposition between "eye" and "gaze" is emphasized, which in turn contributes to the actualization of ideas related to control and behavior modeling. The gaze of the Other, experienced by the characters, draws them into narrative structures akin to those found in socialist realism, compelling them to adopt specific roles — the role of a character burdened with socialist realist motives. Finally, it is noted that the protagonist's distinctive position enhances reader identification and alters the very status of the Book.

Key words:

Mikhail Elizarov's prose; socialist realism; literary cinematicity; visuality; eye and gaze.

УДК 821.161.1Елизаров.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-270-287

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Визуальность романов «Библиотекарь» и «Мультики» М. Елизарова как способ трансформации соцреалистического канона

© Куряев И. Р., Овсянникова Е. П., 2024

1. Введение = Introduction

Современная литературная ситуация отмечена не только формальными экспериментами, важной составляющей которых является включение литературы в цепочки взаимосвязей различных медиа (результатом чего в том числе становится актуализация такого явления, как литературная кинематографичность), но и ре-интерпретацией различных тем, сюжетов, образов прошлого, включая традиции соцреалистической литературы. В этом контексте примечательно творчество М. Елизарова, которое не только является наиболее примечательным примером прозы, построенной по принципам литературной кинематографичности, но и представляет в качестве одного из ключевых семантических узлов содержания советский проект [Безрукавая, 2014; Жиндеева и др., 2011; Кириллина, 2018; Колобродов, 2010; Круглова, 2011; Кузьменков, 2011; Литовская, 2009; Куряев и др., 2023; Малахова, 2019; Меланин, 2021; Меркушов, 2013; Ханов, 2015а; Цуркан, 2015; Юрьев, 2016], в симпатии к которому прозаик часто признаётся в многочисленных интервью. Так, писатель в одном из интервью отмечал «Союз даже на своем излете обладал блеском, который меня и ослепил, причем уже лет через десять после своего распада. <...> если бы мне некий волшебник сказал: хочешь, чтобы бы был Союз, но ты не будешь писателем, я бы на это согласился» [Куроптев, 2010, с. 105]. При этом, на наш взгляд, кинематографичность прозы — и конкретно создание не просто видимого, но наблюдаемого пространства — позволяет писателю по-новому представить классические соцреалистические элементы текста, используемые им для выстраивания произведений.

В связи с этим *актуальность* настоящего исследования объясняется необходимостью анализа специфики реализации визуальности в прозе М. Елизарова и её роли в ре-интерпретации элементов соцреалистического канона. *Научная новизна* статьи заключается в том, что авторы стреми-

лись комплексно рассмотреть визуальный аспект прозы в романах «Библиотекарь» и «Мульттики» М. Елизарова.

Цель статьи — выявить специфику визуального аспекта как механизма ре-интерпретации элементов соцреалистического канона в романах М. Елизарова «Библиотекарь» и «Мульттики». *Задачи* нашей работы — проанализировать функции визуальности в конструировании мира и ре-актуализации элементов советского проекта, исследовать роль протагониста в репрезентации наблюдаемого пространства и функции приёма тревеллинга, осмыслить значение оппозиции «глаз — взгляд» в моделировании роли протагониста текста и пространства, в котором он действует, и переосмыслении соцреалистического сюжета о перевоспитании, «перековке» героя, проанализировать трансформацию роли читателя и самого произведения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом нашего исследования являются романы М. Елизарова «Библиотекарь» (2007) [Елизаров, 2023а] и «Мульттики» (2010) [Елизаров, 2023б].

Авторы статьи использовали сравнительно-исторический метод, посредством которого определяются различия в подходах прозаика к работе с визуальным аспектом текста в романах. Применение этого метода для анализа художественных особенностей произведения даёт возможность проанализировать, как трансформируется соцреалистический канон в рассматриваемых произведениях. Также был использован метод целостного анализа художественного произведения, который позволяет рассмотреть визуальность текста в неразрывной связи с проблемно-тематическим полем романов М. Елизарова.

Теоретической основой явились работы, посвящённые, во-первых, феномену соцреализма [Добренко, 1997; Добренко, 2007; Соцреалистический канон ..., 2000] и его рецепции в постсоветской литературе [Круглова, 2011; Литовская, 2009], во-вторых, функционированию советского дискурса в творчестве М. Елизарова [Безрукавая, 2014; Жиндеева и др., 2011; Куряев и др., 2023; Ханов, 2015; Юрьев, 2016]. Кроме этого, мы опирались на ряд исследований, посвящённых визуальности в литературе, специфике репрезентации телесного в литературе, фотографии, кинематографе [Барт, 2021; Лакан, 2004; Лотман и др., 1994; Мартыанова, 2011; Сонтаг, 2013; Ямпольский, 2019; Ямпольский, 2020], специфике оппозиции «глаз — взгляд» [Лакан, 2004; Подорога, 1995; Фуко, 2015].

Отметим, что кинематографичность прозы М. Елизарова уже рассматривалась исследователями его творчества [Маркуччи, 2015; Юрьев, 2016].

Так, Д. Юрьев акцентирует внимание на конструировании специфического видения и внесении в текст такого кинематографического приёма, как план. Д. Маркуччи отмечает визуальность прозы писателя, вписанность в них кинематографического кода на уровне киносюжетности. Однако полноценного анализа роли визуальности как элемента литературной кинематографичности в произведениях М. Елизарова не проводилось.

Отметим, что в нашей статье мы будем понимать визуальность как авторскую стратегию, направленную на формирование визуального образа художественного мира произведения, связанного с «конкретизацией “предметно-видовых” уровней» [Поэтика ..., 2008, с. 37] произведения, экфрасисом и апеллирующего к визуальной компетенции читателя, сформированной в том числе кинематографом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль визуальности в репрезентации пространств и вещей в прозе М. Елизарова

В произведениях прозаика прослеживается сознательная установка на создание кинематографического, подчёркнуто видимого, слышимого, наблюдаемого динамического действия. Неслучайным здесь является тот факт, что сам писатель получил образование телережиссера в немецкой киношколе, а также то, что одно из произведений М. Елизарова (роман «Библиотекарь») было экранизировано в виде одноимённого сериала (2023 год, режиссёр — И. Твердохлебов): экранизация отличается от первоисточника, больше акцентирует внимание на экшн-элементах, однако уже ситуация переноса произведения в формат телевизионного сериала подчёркивает одну из важнейших составляющих не только текста, ориентированного на «кинематографическое» восприятие, но и современного массового текста, который акцентирует внимание на яркой сюжетности, а также на факте её ликвидности, способности транслировать сюжеты в пространствах иных медиа, особенно визуальных.

При этом визуальность текста позволяет писателю реактуализировать элементы советского дискурса и мотивы соцреализма. Романы «Библиотекарь» (2007) и «Мультяшки» (2010) представляют собой историю «перевоспитания», трансформации героя, его отказа (добровольного или вынужденного) от прошлого образа жизни и принятие им новой бытийной, идеологической концепции. Подобный сюжет отождествляется со структурными схемами соцреалистической литературы, однако М. Елизаров — через обращение к яркому динамичному повествованию, физиологичности описаний, акцентированию мотивов насилия, смерти (что сближает прозу писателя, по мнению одних исследователей, с «новым реализмом»

[Юрьев, 2016], а по мнению других — с прозой В. Сорокина [Кузьменков, 2011]) — добивается его серьёзной трансформации.

Прозаик в обоих романах ставит перед собой задачу создания последовательного, линейного повествования, где каждая сцена, монтируемая с другими посредством утилитарного монтажа, построена согласно принципам визуальности. Это позволяет писателю сконструировать объёмное и динамичное пространство, которое может быть наблюдаемо читателем-зрителем. Отдельно отметим, что сцены часто разворачиваются вокруг ситуации диалога, который подчёркивает драматургический акт говорения, или ситуации активного действия, то есть в обоих случаях сделан акцент на визуальном и аудиальном аспектах демонстрируемой истории. При этом создаваемое пространство наполнено различными видимыми, воспринимаемыми героями деталями, вещами, отмеченными принадлежностью к советской эпохе (часы, магнитофоны, игральные карты, книги и проч.). Примечательно, что и сами основные пространства действия принадлежат советскому времени: обычная квартира дяди Алексея Вязинцева, обставленная соответствующим образом, детская комната милиции № 7, дом престарелых и проч. Через акценты на этих пространствах и соотносительных с ними вещах автор включает читателя в специфическую игру, основанную на эффекте *punctum*'а Р. Барта [Барт, 2021], то есть использует апелляцию к опыту самого читающего, к возможности узнавания через актуализацию визуального опыта (прожитого лично или воспринятого опосредованно) читателя. Художественные пространства, в которых существуют герои, отмечены идеей «советского». Однако важно положение этих «советских» вещей на начальном этапе повествования: они постоянно подвергаются некоторому воздействию, замещению. Так, в «Библиотекаре» вещи оказываются на периферии быта, получают статус «мусора», макулатуры, ненужного, сама квартира дяди Алексея Вязинцева должна быть продана; в «Мультиках» время действия — эпоха «перестройки» — уже подразумевает серьёзную трансформацию «советского мира», сам же Герман Рымбаев стремится заместить «советские» вещи вещами импортными как имеющими более высокий статус. Примечательно, что и герои (Вязинцев, ощущающий себя неудачником, и Рымбаев, неспособный на правах равного вписаться в школьное пространство) существуют на периферии общественного пространства, что особенно ярко представлено на примере Рымбаева: компания хулиганов, встреча за гаражами, пьянки по квартирам. Так в произведениях прозаика выстраивается пространство разваливающегося или уже развалившегося советского мира. Актуализируется идея руинизации: устаревшая техника, ненужные вещи, затерянная среди новостроек детская комната милиции. Кстати, и главные герои уподобляются «руине». Однако, как всякая руина хранит в себе целое,

так и герой, ощущающий себя выброшенным на периферию истории, в ходе развития сюжета становится «правильным» гражданином, отмеченным идеей советского проекта.

При этом в сюжете обоих романов происходит своеобразный слом: история жизни Вязинцева превращается в историю о становлении «библиотекаря» в «громовском» мире; «школьная повесть» [Ханов, 2015б, с. 90] о хулиганской жизни Рымбаева трансформируется в «роман воспитания» [Там же], «педагогическую поэму». В новом контексте вещи и пространства, отмеченные идеей советского, переозначиваются, возвращают себе статус чего-то важного. В этом контексте наиболее примечателен роман «Библиотекарь»: квартира дяди становится местом «читальни», военным штабом; броня членов библиотек и читален составляется из старых вещей (особенно примечательна кольчуга, составленная из советских монет, то есть «не нужных» в актуальном для Вязинцева времени, но «перепридуманных» в новом контексте); сами книги Дмитрия Громова из третьеразрядной прозы, обречённой стать макулатурой, становятся артефактами, за которые ведутся войны. Примечательно, что и персонажи, населяющие «громовский» мир, отмечены идеей «складки» [Ямпольский, 2020, с. 388], существуют в двух ипостасях. С одной стороны, обычный гражданин, который снова представляет собой классический и визуально легко узнаваемый читателем образ советского человека (и в то же время является маской, прикрытием): бабушка, сидящая у подъезда, дачник, рабочий и проч., — заброшенного ходом истории на периферию жизни. С другой — представитель «читальни», притом эта ипостась мыслится персонажами как их истинная сущность, скрываемая маской.

Необходимо отметить, что герои обязательно обращаются к чему-то старому, устаревшему, к тому, что «отстаёт» от эпохи, но именно оно становится воплощением не только и не столько ностальгии, но истинности, своеобразной теплоты, оно словно обволакивается идеей уникальности, специфической аурой [Беньямин, 2019, с. 293]. Так, книги Громова в «Библиотекаре» предстают как объекты культа, подробно описанный диапроектор в «Мультиках» — как механизм для перевоспитания, «перековки» (а ещё раньше та же функция была у «волшебного фонаря», которым орудовал педагог Разума, Арсений Сухово). Примечательно, что Герман Рымбаев, герой романа «Мультики», сохраняет тёплые воспоминания о детстве в провинциальном городе Краснославске, представляющем собой некоторую идею «потерянного рая», идеального советского детства (собранного из определённого набора визуальных образов: дворовый футбол, купание на озере, езда на велосипеде, товарищи, «казавшиеся мне самыми замечательными и верными, точно из фильмов про пионерскую дружбу» [Ели-

заров, 2023б, с. 4]), а моральное падение персонажа связано с переездом в большой город, где у мальчика, по словам его родителей, будет «больше перспектив» [Там же]. Очевидно, что персонаж из мира «старых» вещей переходит в мир вещей «новых», лишаясь возможности вырасти «правильно». Через визуальность текста, через акцент на деталь М. Елизаров подчеркивает «коррозию» советского проекта, его кризисное состояние, а затем вписывает этот проект в иной контекст, что позволяет писателю по-новому представить элементы советского мира.

3.2. Функции героя романа при выстраивании визуального пространства

Необходимо отметить, что моделирование и восприятие художественного пространства происходит через героя. Повествование в обоих романах конструируется от первого лица, протагонист здесь находится в субъектно-объектной позиции: подчёркивается, что происходящее — воспоминание, своеобразный взгляд в прошлое, который в определённой степени организует пространство, способствует последовательному выстраиванию уже случившихся событий. При этом вспоминает герой, уже находящийся в иной позиции, в иной идеологической парадигме. Можно предположить, что я-повествование является средством прорисовки пути героя: в «Библиотекаре» перед рассказчиком стоит задача представить свою историю как историю принятия истины, особой роли «библиотекаря»; в «Мультиках» — как движение к «правильной» жизни. В обоих случаях представлено перевоспитание, превращение человеческой «руины» в нечто цельное, законченное, обретающее значимость (как обретают новую значимость советские вещи).

Формально само повествование выстраивается через героя посредством приёма тревеллинга как репрезентации точки зрения нарратора, постоянно наблюдающего и следующего за героем при относительно линейном разворачивании времени в ситуации игнорирования прочих субъектов наблюдения (что также позволяет читателю легче отождествить себя с персонажем). Вне самого действующего героя художественный мир не представляется, то есть актуализируются только те элементы пространства, те вещи, детали, которые способен видеть, наблюдать герой. Подобный подход позволяет писателю «заземлить» повествование, внести факт «физичности», тактильности пространства, даже если происходящее с героем может быть воспринято как нечто абсурдное, мистическое.

Сама специфика видения героем и героя становится одним из центральных принципов моделирования идейной составляющей обоих романов. Так, сам рассказ отмечен субъективностью восприятия, герой не способен выйти за пределы своего личного опыта. К примеру, в «Мультиках» объективность реальности, воспринимаемой Рымбаевым, ставит-

сы под сомнение благодаря введению мотива иллюзорности, морока, сна: герой после просмотра диафильма теряет сознание, а впоследствии не в состоянии найти ни место, где проходила его «перековка», ни человека, её совершавшего. Важно отметить, что герой, взаимодействуя с центральными элементами пространства, вещами, вокруг которых и формируется сцена или даже мир, где важными становятся не только визуальные, но и гаптические маркеры (книги Громова как вещь, которую можно воспринимать тактильно, диапроектор Разума как вещь, бывшая в использовании), переводит чтение / смотрение в статус ритуала. Чтение книг Громова при соблюдении условий «Тщания и Непрерывности» способствует приобретению особого эффекта, зависящего от самой книги; просмотр диафильма «К новой жизни!» превращается в акт психологического воздействия, психофизической «перековки». Примечательными здесь также являются те образы советской действительности, которые видел герой «Библиотекаря» при чтении Книги Памяти: «Книга словно открыла артезианский колодец, из которого устремился безудержный поток позабытых слов, шумов, красок, голосов, отмерших бытовых мелочей, надписей, этикеток, наклеек» [Елизаров, 2023а, с. 164]. При всём их разнообразии герой определяет их как «обманные видения», «подброшенное детство» [Там же], однако он готов в них верить. Стоит отметить, что Ж.-Л. Годар заявлял о реальности всякого образа, отсутствии оппозиции «правильный образ» — «неправильный образ» [Досс, 2021, с. 499]. Тем самым наблюдаемые героями пучки образов, создаваемых при чтении книг или транслируемых в диафильме, отмеченных определённой стилизацией, несущих на себе печать «советского», конструируют особую реальность, которая заявляет о себе как о сверхреальности, транслирующей свою власть на героя текста.

3.3. Роль оппозиции «глаз — взгляд» при реконструировании социалистического сюжета

Примечательно, что заявленная власть над героем распространяется также и через оппозицию «глаз — взгляд» [Лакан, 2004, с. 83—84; Подорога, 1995; Ямпольский, 2019]. Выше мы отмечали, что именно наблюдение героя за миром и актуализирует пространство, о котором повествуется в романах. Его «глаз» предстаёт как механизм понимания и освоения мира героем, как инструмент контроля. Однако сама позиция действующего персонажа уже находится под властью нарратора, конструирующего его движение по сюжету. Так, в контексте «Библиотекаря» можно говорить о присутствии взгляда самого рассказчика, Алексея Вязинцева, уже принявшего роль хранителя, вечного чтеца книг Громова, условного «летописца», принявшего «истину». Однако внутри диегетического мира присутствуют источники «взгляда», транслирующие свою власть на героя. Можно сказать,

что герой превращается в «объект, который подчиняется оптической логике» [Подорога, 1995, с. 212]. В обоих романах протагонист наблюдаем, он вписывается чужим взглядом в определённые системы, частью которых до этого герой не был. Вязинцев как только попадает в квартиру своего дяди, оказывается под наблюдением членов «читальни», которые впоследствии вынуждают его стать частью их сообщества, требуют от него соблюдения статуса «библиотекаря»; сама позиция квартиры как «осаждённой крепости», окружённой врагами, постоянно за ней наблюдающими, переводит героя в героическое измерение [Цуркан, 2015]. Таким образом, в этом романе герой становится ведомым, он подобен «попаданцу», проваливающемуся из привычного, бытового мира в мир героический, обременённый Смыслом и Целью, и достигающему в нём значимого статуса. При этом Алексей обречён быть героем — героем именно текста (здесь снова становится важна роль нарратора как рассказывающего о «громовском» мире), специфического дискурса, отмеченного идеей советского. Крайне примечателен финал романа, в котором Вязинцев оказывается запертым в комнате с фотообоями Кремля, его «глаз» становится дисфункционален, а сам он наблюдаем. Этот факт постоянного наблюдения со стороны, нахождения под взглядом Другого становится актом насильственной «перековки», вынуждает героя отказаться от «Я» в пользу «Мы», окончательно принять собственную роль защитника страны: «Повзрослевшему, мне упростили задачу — предложили облегченный вариант подвига. Даже погибать было не нужно. Наоборот, вечно жить на благо Родины — чего же тут было бояться? Меня не особенно волновало, что будет со мной, если я вдруг прерву чтение спустя, допустим, год? Выйду ли как медведь из спячки или же рассыплюсь прахом, сработает ли вообще пресловутый механизм бессмертия, заложенный в Книге...» [Елизаров, 2023а, с. 342].

В романе «Мульттики» концепция взгляда Другого усложняется. Наиболее ярко это проявляется, когда Герман Рымбаев попадает в детскую комнату милиции № 7. Примечательно уже то, что герой оказывается здесь не по своей воле, его «глаз» как механизм контроля даёт сбой, он не позволяет герою определить собственное местоположение, что также подчёркивается самим лиминальным характером пространства (лабиринт комнат детской комнаты милиции, замурованные двери, непроглядный мрак, который только и видит Рымбаев из окна). В самом помещении протагонист оказывается под перекрёстными взглядами — милиционеров, старшего инспектора Данько, фотографий и самого педагога Алексея Аркадьевича Разумовского, это же подчёркивается ситуацией разговора-допроса, который проводит Данько. Таким образом, Рымбаев, находясь в детской комнате милиции, постоянно наблюдаем, он испытывает на себе взгляд Другого,

который является взрослым человеком, наделённым властью (милиционер, педагог). Однако и это положение героя впоследствии интенсифицируется: во время просмотра диафильма Рымбаев, вынужденный сидеть в неудобной позе (что так же можно воспринимать как акт контроля за телом героя), не способен видеть Разума, однако ощущает его взгляд. Как отмечает В. Подорога, «Взгляд, исходящий от Другого, скрывает его облик» [Подорога, 1995, с. 172]. Герман во время сеанса слышит его голос, который звучит словно из пустоты, мрака комнаты, что не только усиливает эффект от демонстрируемого в диафильме, но и подчёркивает мистичность, авторитетность самого статуса Разума. Ю. Лотман отмечает: «Невидимый голос звучит авторитетнее. Видеть говорящего — значит понимать, что мы слышим мнение отдельного человека, с которым можно соглашаться или не соглашаться. Голос невидимого претендует на большее — на абсолютную истину» [Лотман и др., 1994, с. 145]. Сама фигура Разумовского моделирует поведение Рымбаева и переводит показ диафильма — через собственную игру голосом, через пространство, сюжет демонстрируемой истории — в специфический ритуал насильственной «перековки».

Здесь большую роль начинает играть диафильм «К новой жизни!», который вынужден смотреть протагонист. Во-первых, в романе подчёркивается факт воздействия (физиологического, психологического) визуального аттракциона, что проявляется в специфической реакции не только на диафильм, демонстрируемый Разумом, но и на тауматроп, который показывает врач Божко. Меднум становится специфическим оружием Разума. Кроме того, во время самого сеанса Герман — будучи зрителем — словно лишается своего тела (что подчёркивается и неудобной позой, в которой он толком не может двигаться), превращается только в смотрящего, воспринимающего, зачарованного зрелищем, в Глаз. Во-вторых, диафильм предстаёт метафорой зеркала: сама рассказываемая Разумом история даёт возможность Герману отождествить себя с героями диафильма, однако это отождествление навязывается насильственно: Рымбаев оказывается в ситуации, схожей с той, которую переживает герой романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин». Не в состоянии отвернуться, он вынужден воспринимать историю, которая принимает форму рекурсии, становится специфической матришкой: алгоритм взаимодействия «педагог — ученик» неожиданно начинает распространяться и на самого Рымбаева, оказывающегося персонажем истории среди прочих. В-третьих, указанный факт присутствия героя в сюжете диафильма заявляет идею контроля: Герман вынужден — как в зеркале — смотреть на себя, но не принадлежащего себе, зафиксированного кем-то на плёнке, захваченного из реальности без ведома самого героя. Изображение героя — это манифестация власти чьего-то Взгляда,

направленного на героя, трансляция идеи обладания [Сонтаг, 2013]. Примечательно, что Рымбаев наблюдает именно диафильм, который слагается из ряда изображений. Используя сравнение с фотографией, можно сказать, что герой диафильма лишён какой-либо свободы (случайного, непреднамеренного движения, неверной интонации и проч. — как это могло быть в кино), каждый демонстрируемый педагогом кадр подразумевает только определённые позу, жест, реплику — и только. При этом крайне важно и то, что всякий кадр показываемой Разумом истории нарисован неким художником Борисом Геркелем. Это подразумевает не только идею тотального контроля чужого Взгляда над видимым (здесь — над Рымбаевым), манифестацию идеи о том, что Некто (кто не видим, но кто имеет Взгляд) знает куда больше о Германе, чем он сам, но и факт специфической переработки реальности, её трансформации, моделирования, что соотносится с «лакировкой действительности» в соцреализме (примечательно, что сами иллюстрации к диафильму, если верить надписям, были сделаны в 1951 году). Опознавая себя в герое диафильма, Герман подмечает существенные различия — в жестах, позах, репликах, которые больше соответствуют именно соцреалистическому тексту, нежели стратегии самого Рымбаева вести себя смело, «по-пацански», стараясь не предать своих друзей. Таким образом, протагонист романа полностью лишается какой-либо власти над своим экранным двойником, который подчиняется выбранной стратегии рассказывания, выбранному стилю, разворачивающемуся именно в традиции соцреализма.

Наблюдение за происходящим влияет на Рымбаева. Показанная в диафильме модель поведения навязывается герою; будучи вынужденным отождествляться с самим собой, точнее — с соцреалистической моделью себя, с экранным Другим, вписанным в ряд прочих «педагогов», Герман насильно оказывается включённым в разворачивающийся фрактальный сюжет о «перековке», становлении хулигана на путь исправления и превращения в «педагога», готового на собственном опыте перевоспитывать других хулиганов. Рымбаев (как и Вязинцев) становится именно героем истории, некоторого художественного пространства, которое он должен пройти, приняв на себя навязанную роль.

Через демонстрацию «искажённого», точнее — исправленного образа происходит дисциплинирование тела (по М. Фуко) Германа. Он словно осознаёт себя в пространстве паноптикума [Фуко, 2015, с. 238], понимает, что постоянно находится под наблюдением, под Взглядом Разума, который может в любой момент появиться в его жизни, вызвав приступ, и забрать его в Реформаторий. Неслучайно в конце романа Рымбаев получает бандероль с плёнкой диафильма. И этот страх способствует изменению

поведения, отказу от привычного для хулигана образа жизни и формированию подходящего навязанной роли габитуса (понятие П. Бурдьё): отказ от «мультиков», от аморальных поступков, учёба на хорошие оценки, поступление в педагогический институт и так далее. Примечательно, что это формирование габитуса сопровождается физическим недостатком: возможность припадков лишает Рымбаева физической силы, переключает его усилия на развитие умственных способностей, заставляет его уйти из периферийного пространства (гаражи, квартирники и проч.) и обосноваться в границах «обычной» «правильной» жизни.

В этом контексте крайне показательна позиция читателя. С одной стороны, он поддерживает ситуацию подчинения героя, его взгляд вписывается во взгляд Другого, который испытывает на себе протагонист. С другой стороны, читатель от выбранного автором я-повествования и выстраивания художественного пространства через тревеллинг оказывается в позиции этого героя, отождествляет себя с ним, оказывается привязанным к «заземлённому» пространству и — что важно — получает возможность принять участие в специфическом ритуале воздействия образов и ощутить на себе дисциплинирующее влияние взгляда Другого. Читатель, равно как и Вязинцев, читает книгу, которая может содержать в себе саму концепцию всеобъемлющего смысла; как и Рымбаев, он смотрит диафильм, демонстрирующий идею всеильного перевоспитания. Книга М. Елизарова здесь словно стремится вернуть себе механизмы идеологического воздействия на читателя, реализовать воспитательный потенциал.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, визуальность становится одним из основных аспектов прозы М. Елизарова. Она позволяет прозаику актуализировать пространства советского проекта, обрисовать их бытование, подчеркнуть их статус как руины, но в то же время вписать и ре-интерпретировать фрагменты советской эпохи в новых контекстах. Визуальность же способствует и продуктивному выстраиванию сюжетов, близких к сюжетам соцреалистической традиции. Большую роль в этом играет главный герой, вокруг которого и объективируется наблюдаемое им пространство посредством приёма тревеллинга. Герой же актуализирует в тексте оппозицию «глаз — взгляд». Алексей Вязинцев и Герман Рымбаев, «проваливаясь» в параллельный привычному мир, оказываются в ситуации постоянного наблюдения, ощущают на себе взгляд Другого. Этот взгляд способствует трансформации поведения героев, их отказу от привычного, принятию особой роли, которую навязывают им, специфической «перековке». Примечательно здесь то, что в обоих случаях герои ощущают на себе влияние советского проекта, а

их «перевоспитание» во многом связано с принятием концепции служения общему делу и соотносится с соцреалистической концепцией воспитания идеального гражданина. Указанные роли отмечены осмысленностью и призванием, включены в большую историю (будь то история громовских книг или нескончаемый сюжет о «педагоге и ученике»), они выводят Вязинцева и Рымбаева из бессмысленного существования к осмысленному бытию. Примечательно, что визуальность также включает читателя в разворачивание текста и — через возможность отождествления его с героем произведения — способствует потенциальному возвращению книге как таковой функции воспитания, прямого воздействия на читающего её.

Перспективой дальнейшего исследования, на наш взгляд, может стать, во-первых, углубленный анализ средств визуализации как в малой прозе, так и в других романах М. Елизарова, во-вторых, выявление других способов ре-интерпретации соцреалистического канона в прозе Елизарова и других писателей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Елизаров М. Ю.* Библиотекарь / М. Ю. Елизаров. — Москва : АСТ, 2023а. — 416 с. — ISBN 978-5-17-119087-3.
2. *Елизаров М. Ю.* Мультики / М. Ю. Елизаров. — Москва : АСТ, 2023б. — 272 с. — ISBN 978-5-17-123304-4.

Литература

1. *Барт Р.* Camera lucida. Комментарии к фотографии / Р. Барт. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. — 272 с. — ISBN 978-5-91103-071-1.
2. *Безрукавая М. В.* Концепция человека в романах М. Елизарова / М. В. Безрукавая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 4—3 (34). — С. 31—34.
3. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин // Судьба и характер : эссе. — Санкт-Петербург : Азбука, 2019. — С. 284—329. — ISBN 978-5-389-15380-6.
4. *Добренко Е. А.* Политэкономия соцреализма / Е. А. Добренко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с. — ISBN 5-86793-482-9.
5. *Добренко Е. А.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературы / Е. А. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. — 321 с. — ISBN 5-7331-0083-4.
6. *Досс Ф.* Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография / Ф. Досс. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. — 672 с. — ISBN 978-5-85006-347-4.

7. *Жиндеева Е. А.* Миф о советской эпохе в исполнении Вен. Ерофеева и М. Елизарова : опыт сравнительно-сопоставительного анализа двух произведений / Е. А. Жиндеева, Н. А. Дергунова // Гуманитарные науки и образование. Филология. — 2011. — № 1. — С. 64—69.
8. *Кириллина О. М.* «Мультики» М. Ю. Елизарова и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина : подростковый бунт на сломе эпох / О. М. Кириллина // Художественное образование и наука. — 2018. — № 3. — С. 123—127.
9. *Колобродов А.* Мультики без пульта, или Конец чебурашки [Электронный ресурс] / А. Колобродов. — 2010. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/volga/2010/5/multiki-bez-pulta-ili-konecz-cheburashki.html> (дата обращения 20.06.2024).
10. *Круглова Т. А.* Героический миф в постсоветском пространстве : рецепция социализма в современной России (на примере произведений А. Гайдара) / Т. А. Круглова // Вестник ТГГПУ. — 2011. — № 2 (24). — С. 189—193.
11. *Кузьменков А.* Гомер, Милтон & Елизаров [Электронный ресурс] / А. Кузьменков. — 2011. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/ural/2011/7/gomer-milton-elizarov.html> (дата обращения 20.06.2024).
12. *Куроптев Ю.* Михаил Елизаров : Я бы обменял свои книги на возрождение СССР / Ю. Куроптев // Вещь. — 2010. — № 2. — С. 104—107.
13. *Кураев И. Р.* Актуализация телесного аспекта как способ реконструкции социалистического дискурса в романе «Библиотекарь» М. Елизарова / И. Р. Кураев, А. П. Трушкина // Научный диалог. — 2023. — № 12 (9). — С. 245—264. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-245-264.
14. *Лакан Ж.* Четыре основные понятия психоанализа (Семинары : Книга XI (1964)) / Ж. Лакан. — Москва : Гнозис-Логос, 2004. — 304 с. — ISBN 5-8163-0037-7.
15. *Литовская М. А.* Социалистический реализм как предмет рефлексии постсоветской прозы / М. А. Литовская // Советское прошлое и культура настоящего. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета. — 2009. — Т. 1. — С. 117—129. — ISBN 978-5-7996-0471-4.
16. *Лотман Ю. М.* Диалог с экраном / Ю. М. Лотман, Ю. Г. Цивьян. — Таллинн : Александра, 1994. — 214 с. — ISBN 9985-827-04-X.
17. *Малахова Д. В.* Образ детства в романе Михаила Елизарова «Мультики» / Д. В. Малахова // Смоленский филологический сборник. — 2019. — № 11. — С. 81—87.
18. *Мартыанова И. А.* Кинематограф русского текста / И. А. Мартыанова. — Санкт-Петербург : Свое изд-во, 2011. — 237 с. — ISBN 978-5-4386-0002-2.
19. *Маркуччи Д.* Литературная кинематографичность : «Мультики» в переводе / Д. Маркуччи // Языки. Культуры. Перевод. — 2015. — № 1. — С. 174—182.
20. *Меланин А. М.* Роман Михаила Елизарова «Библиотекарь»: неявная автобиографичность / А. М. Меланин // INTIUM. Художественная литература : опыт современного прочтения : сборник статей молодых ученых. — Екатеринбург : УГИ УрФУ, 2021. — Выпуск 4. — С. 193—197.
21. *Меркушов С. Ф.* Игра с классикой : литературные мутации в прозе М. Елизарова (на примере текстов «Госпиталь» и «Мультики») / С. Ф. Меркушов // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2013. — № 4. — С. 227—232.
22. *Подорога В. А.* Феноменология тела / В. А. Подорога. — Москва : Ad Marginem, 1995. — 341 с. — ISBN 5-88059-006-2.
23. *Поэтика* : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. — Москва : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. — 358 с. — ISBN 978-5-903955-01-5.

24. *Сонтаг С. О фотографии* / С. Сонтаг. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. — 272 с. — ISBN 978-5-91103-303-3.

25. *Социалистический канон : сборник статей* / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 1040 с. — ISBN 5-7331-0192-X.

26. *Фуко М. Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы* / М. Фуко. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. — 416 с. — ISBN 978-5-91103-430-6.

27. *Ханов Б. А. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь»* / Б. А. Ханов // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2015а. — Т. 157. — С. 229—238.

28. *Ханов Б. А. Функционирование советского дискурса в романе М. Елизарова «Мультики»* / Б. А. Ханов // Вестник Костромского государственного университета. — 2015б. — № 6. — С. 90—94.

29. *Цуркан В. В. Художественная концептосфера романа М. Елизарова «Библиотекарь»* / В. В. Цуркан // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. — 2015. — Т. 3. — С. 62—65.

30. *Юрьев Д. Ю. Проза Михаила Елизарова (поэтика и нравственная проблематика) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. Ю. Юрьев. — Краснодар, 2016. — 22 с.*

31. *Ямпольский М. Б. Изображение. курс лекций* / М. Б. Ямпольский. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 424 с. — ISBN 978-5-44-480963-1.

32. *Ямпольский М. Б. Ловушка для льва. Модернистская форма как способ мышления без понятий и «больших идей»* / М. Б. Ямпольский. — Санкт-Петербург : Сеанс, 2020. — 560 с. — ISBN 978-5-905669-39-2.

*Статья поступила в редакцию 04.07.2024,
одобрена после рецензирования 05.09.2024,
подготовлена к публикации 07.10.2024.*

Material resources

Elizarov, M. Y. (2023a). *Librarian*. Moscow: AST. 416 p. ISBN 978-5-17-119087-3. (In Russ.).

Elizarov, M. Y. (2023b). *Cartoons*. Moscow: AST. 272 p. ISBN 978-5-17-123304-4. (In Russ.).

References

Bart, R. (2021). *Camera lucida. Comment on the photo*. Moscow: Ad Marginem Press. 272 p. ISBN 978-5-91103-071-1. (In Russ.).

Benjamin, V. (2019). A work of art in the era of its technical reproducibility. In: *Fate and character: essays*. St. Petersburg: Azbuka. 284—329. ISBN 978-5-389-15380-6. (In Russ.).

Bezrukavaya, M. V. (2014). The concept of man in the novels of M. Elizarov. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 4—3 (34)*: 31—34. (In Russ.).

Dobrenko, E. A. (2007). *The Political Economy of Socialist realism*. Moscow: New Literary Review. 592 p. ISBN 5-86793-482-9. (In Russ.).

Dobrenko, E. A. (1997). *The shaping of the Soviet writer. The social and aesthetic origins of Soviet literature*. St. Petersburg: Academic Project. 321 p. ISBN 5-7331-0083-4. (In Russ.).

Doss, F. (2021). *Gilles Deleuze and Felix Guattari. Cross-biography*. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPА. 672 p. ISBN 978-5-85006-347-4. (In Russ.).

- Foucault, M. (2015). *To supervise and punish: The birth of prison*. Moscow: Ad Marginem Press. 416 p. ISBN 978-5-91103-430-6. (In Russ.).
- Khanov, B. A. (2015a). The peculiarity of the functioning of the Soviet discourse in M. Y. Elizarov's novel "The Librarian". Scientific notes of the Kazan University. *The Humanities series*, 157: 229—238. (In Russ.).
- Khanov, B. A. (2015b). Functioning of Soviet discourse in M. Elizarov's novel "Cartoons". *Bulletin of Kostroma State University*, 6: 90—94. (In Russ.).
- Kirillina, O. M. (2018). "Cartoons" by M. Y. Elizarova and "The Captain's daughter" by A. S. Pushkin: teenage rebellion at the break of epochs. *Art education and science*, 3: 123—127. (In Russ.).
- Kolobrodov, A. (2010). *Cartoons without a remote control, or the End of Cheburashka*. Available at: <https://magazines.gorky.media/volga/2010/5/multiki-bez-pulta-ili-konecz-cheburashki.html> (accessed 06/20/2024). (In Russ.).
- Kruglova, T. A. (2011). The heroic myth in the post-Soviet space: the reception of Socialist Realism in modern Russia (on the example of the works of A. Gaidar). *Bulletin of the TGGPU*, 2 (24): 189—193. (In Russ.).
- Kuroptev, Yu. (2010). Mikhail Elizarov: I would exchange my books for the revival of the USSR. *Thing*, 2: 104—107. (In Russ.).
- Kuryaev, I. R., Trushkina, A. O. (2023). Actualization of Bodily Aspect as Means of Reconstructing Socialist Realist Discourse in Novel "Librarian" by M. Elizarov. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 245—264. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-245-264> (In Russ.).
- Kuzmenkov, A. (2011). *Homer, Milton & Elizarov*. Available at: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/7/gomer-milton-elizarov.html> (accessed 20.06.2024). (In Russ.).
- Lacan, J. (2004). *The Four Basic Concepts of Psychoanalysis (Seminars: Book XI (1964))*. Moscow: Gnosis-Logos. 304 p. ISBN 5-8163-0037-7. (In Russ.).
- Litovskaya, M. A. (2009). Socialist realism as a subject of reflection of post-Soviet prose. In: *The Soviet past and the culture of the present, 1*. Yekaterinburg: Ural University Press. 117—129. ISBN 978-5-7996-0471-4. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M., Tsvyvan, Yu. G. (1994). *Dialogue with the screen*. Tallinn: Alexandra. 214 p. ISBN 9985-827-04-X. (In Russ.).
- Malakhova, D. V. (2019). The image of childhood in Mikhail Elizarov's novel "Cartoons". *Smolensk Philological collection*, 11: 81—87. (In Russ.).
- Marcucci, D. (2015). Literary cinematography: "Cartoons" in translation. *Languages. Culture. Translation*, 1: 174—182. (In Russ.).
- Martianova, I. A. (2011). *Cinematography of the Russian text*. St. Petersburg: Its publishing house. 237 p. ISBN 978-5-4386-0002-2. (In Russ.).
- Melanin, A. M. (2021). Mikhail Elizarov's novel "The Librarian": implicit autobiography. In: *INITIUM. Fiction: the experience of modern reading: a collection of articles by young scientists, 4*. Yekaterinburg: UGI UrFU. 193—197. (In Russ.).
- Merkushov, S. F. (2013). Playing with classics: literary mutations in M. Elizarov's prose (on the example of the texts "Hospital" and "Cartoons"). *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 4: 227—232. (In Russ.).
- Podoroga, V. A. (1995). *Phenomenology of the body*. Moscow: Publishing house "Ad Marginem". 341 p. ISBN 5-88059-006-2. (In Russ.).
- Poetics. Dictionary of current terms and concepts*. (2008). Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. 358 p. ISBN 978-5-903955-01-5. (In Russ.).

- Sontag, S. (2013). *About photography*. Moscow: Ad Marginem Press. 272 p. ISBN 978-5-91103-303-3. (In Russ.).
- The Socialist Realist canon: a collection of articles*. (2000). St. Petersburg: Academic Project. 1040 p. ISBN 5-7331-0192-X. (In Russ.).
- Tsurkan, V. V. (2015). The artistic conceptosphere of M. Elizarov's novel "The Librarian". *Actual problems of modern science, technology and education*, 3: 62—65. (In Russ.).
- Yampolsky, M. B. (2019). *Image. course of lectures*. Moscow: New Literary Review. 424 p. ISBN 978-5-44-480963-1. (In Russ.).
- Yampolsky, M. B. (2020). *The trap for the lion. The Modernist form as a way of thinking without concepts and "big ideas"*. St. Petersburg: Session. 560 p. ISBN 978-5-905669-39-2. (In Russ.).
- Yuryev, D. Y. (2016). *Mikhail Elizarov's prose (poetics and moral problems)*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 22 p. (In Russ.).
- Zhindeeva, E. A., Dergunova, N. A. (2011). The Myth of the Soviet era performed by Veins. Yerofeeva and M. Elizarova: the experience of comparative analysis of two works. *Humanities and Education. Philology, 1*: 64—69. (In Russ.).

*The article was submitted 04.07.2024;
approved after reviewing 05.09.2024;
accepted for publication 07.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мельникова Л. А. Традиции Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» / Л. А. Мельникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 288—304. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-288-304.

Melnikova, L. A. (2024). Influence of Fedor Dostoevsky on Anna Seghers' Novel "Dead Stay Young". *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 288-304. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-288-304. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Традиции Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»

Мельникова Любовь Александровна
orcid.org/ 0000-0001-5257-6069
кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологических дисциплин
lmelnikova5@mail.ru

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени
Н. Г. Чернышевского,
Балашовский институт (филиал)
(Балашов, Россия)

Influence of Fedor Dostoevsky on Anna Seghers' Novel "Dead Stay Young"

Lyubov A. Melnikova
orcid.org/0000-0001-5257-6069
PhD of Philology, Associate Professor,
Department of Philological Disciplines
lmelnikova5@mail.ru

Saratov State University,
Balashov Institute (branch)
(Balashov, Russia)

© Мельникова Л. А., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

С точки зрения литературных взаимосвязей анализируются романы А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Установлено, что произведения Федора Достоевского побуждают как положительных, так и отрицательных героев Анны Зегерс к серьезным размышлениям и вносят коррективы в систему их взглядов на мир. Выявляются сходства в образах Эрнста фон Ливена и Ивана Карамазова: образованность, презрительное отношение к людям, демоническое начало, пропагандирование идеи вседозволенности. Показано, что история Ивана развивается в контексте истории его семьи, история Ливена — в контексте утверждения нацизма в Германии первой половины XX века. Если персонажа русского автора отличает постоянное рефлексирование над коренными вопросами бытия, то герою немецкой писательницы свойственно настроение самодовольства и поиска личной выгоды. Иван способен на внутренний нравственный самосуд, Ливену чуждо раскаяние. Персонаж русского классика является амбивалентным, персонаж немецкой писательницы — исключительно отрицательным. А. Зегерс разделяет идею Ф. М. Достоевского о том, что человек должен понести наказание за совершенное им зло. Зегерс учитывает традиции Ф. М. Достоевского в аспекте нравственной проблематики, что получает отражение на персонажном и идейном уровнях романа, но в то же время сохраняет индивидуальное своеобразие своего творческого метода, выступая в данном произведении обличительницей нацистской идеологии и ее приверженцев.

Ключевые слова:

немецкая проза; *Братья Карамазовы*; Федор Достоевский; Анна Зегерс; литературный диалог.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the literary connections between Anna Seghers' "The Dead Stay Young" and Fedor Dostoevsky's "The Brothers Karamazov." It is established that Dostoevsky's works provoke both positive and negative characters in Seghers' narrative to engage in profound reflections, thereby reshaping their worldview. Similarities are identified between the characters Ernst von Liven and Ivan Karamazov, including their education, disdain for humanity, demonic traits, and the promotion of the idea of moral permissiveness. The evolution of Ivan's story unfolds within the context of his family's history, while Liven's narrative is set against the backdrop of the rise of Nazism in early 20th-century Germany. Whereas the Russian character is marked by constant reflection on fundamental existential questions, the German protagonist exhibits a demeanor of self-satisfaction and a pursuit of personal gain. Ivan is capable of internal moral judgment, while Liven is devoid of remorse. The character from the Russian classic is ambivalent, whereas Seghers' character is unequivocally negative. Seghers aligns with Dostoevsky's idea that individuals must face consequences for their wrongdoings. She engages with Dostoevsky's traditions concerning moral issues, which are reflected on both character and thematic levels in her novel, while simultaneously maintaining her unique artistic approach as a critic of Nazi ideology and its adherents.

Key words:

German prose; *The Brothers Karamazov*; Fyodor Dostoevsky; Anna Seghers; literary dialogue.

Традиции Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»

© Мельникова Л. А., 2024

1. Введение = Introduction

Анна Зегерс (Anna Seghers, настоящее имя и фамилия Netty Radvanyi, урожд. Reiling, 1900—1983) — немецкая писательница, творчество которой традиционно рассматривается в рамках литературы ГДР. Многие ее тексты отмечены ярко выраженной антифашистской направленностью. Стоит отметить при этом, что художественный мир ряда ее романов («Транзит», «Седьмой крест», «Мертвые остаются молодыми») отмечен следами рецепции идей и творческих приемов Ф. М. Достоевского. Впервые познакомившись с произведениями этого русского классика в школьные годы, А. Зегерс пережила, по ее собственным словам, глубокое потрясение. Впоследствии, рассуждая о Ф. М. Достоевском, она признавалась: «Я не могу оценить его влияния на мою писательскую работу, так как мне не свойственен подобный подход к себе. Я могу лишь повторить, что он необычайно сильно на меня воздействовал» [Достоевский и его время ..., 1971, с. 6]. А. Зегерс подвергала осмыслению образы и идеи Ф. М. Достоевского не только в своих художественных текстах, но и в литературно-критических работах, подтверждением тому служат статьи «Князь Андрей и Раскольников» («Fürst Andrei und Raskolnikow») (1944), «Наполеоновская идеология власти в произведениях Толстого и Достоевского» («Der napoleonische Macht-Ideologie in den Werken Tolstois und Dostojewskis») (1948), «Идея наполеоновской власти в произведениях Толстого и Достоевского» («Die Idee von der napoleonischen Macht in Romanen von Tolstoi und Dostojewski») (1963).

На факт наличия параллелей в поэтике текстов Ф. М. Достоевского и А. Зегерс обращали внимание И. Мишин [Мишин, 1974], Г. М. Фридлендер [Фридлендер, 1978], Т. Л. Мотылева [Мотылева, 1984], Ю. Леман [Леман, 2018], Г. Г. Ишимбаева [Ишимбаева, 2021], а также автор настоящей статьи Л. А. Мельникова [Мельникова, 2022].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в российском литературоведении проблема творческих взаимосвязей текстов А. Зегерс и Ф. М. Достоевского изучена недостаточно подробно и разнопланово. Развернутый сравнительно-сопоставительный анализ отдельных образов и идей романов А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» представляется своевременным ввиду того, что в настоящее время в отечественной науке о литературе отсутствуют труды, содержащие развернутые результаты подобных исследований. Это обосновывает новизну нашей работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются романы А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Актуальность нашего исследования обусловлена, во-первых, возрастающим интересом современного отечественного литературоведения к проблемам русско-немецкого литературного диалога XIX—XXI веков, что подтверждает серия научных конференций «Россия — Германия: литературные встречи», «Россия / СССР и Запад. Литературные контакты. XX век», проводимых на базе Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН, во-вторых, необходимостью изучения влияния идей русских писателей-классиков на проблематику романной прозы А. Зегерс, так как это позволит расширить представления о специфике художественного метода данного автора.

Цель нашей работы — посредством развернутого сравнительно-исторического анализа образов героев романов А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — Эрнста Ливена и Ивана Карамазова — выявить признаки литературного влияния традиций русского классика на поэтику романа немецкой писательницы на персонажном и идейном уровнях. Данная цель может быть достигнута посредством решения следующих задач: 1) выявить влияние сюжетов и мотивов русской литературы на художественный мир романа А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»; 2) проанализировать творческие параллели в характерах Эрнста фон Ливена и Ивана Карамазова; 3) определить значение демонического начала в раскрытии образов Ливена и Карамазова; 4) рассмотреть специфику раскрытия проблемы вины и ответственности в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» в контексте рецепции идей Ф. М. Достоевского.

Автор статьи использовал сравнительно-исторический метод анализа, посредством которого выявляются сходства в образной системе, идейном содержании названных произведений. Применение данного метода для

анализа художественных миров романов «Братья Карамазовы» и «Мертвые остаются молодыми» позволяет определить роль влияния Ф. М. Достоевского на эстетические установки А. Зегерс в аспекте разработки ею социальной и антифашистской проблематики, изображения переживаний «маленького человека» в ее последующем творчестве.

Теоретической базой исследования явились работы, посвященные изучению романного творчества Ф. М. Достоевского [Фридлендер, 1964; Кийко, 1976; Кантор, 1983; Геригк, 2016; Подосокорский, 2007; Струк и др., 2022] и А. Зегерс [Фридлендер, 1978; Мотылева, 1984; Леман, 2018; Ишимбаева, 2021].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XIX века, истории зарубежной литературы XX века, спецкурсах, посвященных русско-зарубежным, русско-немецким литературным связям, специфике немецкого романа XX столетия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Русская литература в художественном мире романа А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми»

Роман «Мертвые остаются молодыми» (“Die Toten bleiben jung”), увидевший свет в 1949 году, занимает особое место в творческом наследии данной писательницы, так как это произведение — самое широкоохватное творение Анны Зегерс, в котором во всю мощь раскрылось ее эпическое дарование, реалистическое дарование «рассказчика», умеющего видеть и показывать жизненные судьбы в широких взаимосвязях и сопоставлениях [Топер, 1989, с. 581—582].

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880), по мнению многих исследователей, является вершинным творением русского писателя. Данный текст примечателен тем, что в нем обрисована широкая картина жизни России пореформенной эпохи, выведена галерея разнообразных и сложных характеров, в нем разворачивается целая цепь острых, драматически напряженных событий, описанных с огромной психологической правдивостью и художественной силой [Фридлендер, 1964, с. 326—327].

Выбор произведений для сопоставительного анализа обусловлен наличием в романе «Мертвые остаются молодыми» эксплицитных и имплицитных отсылок к мотивам, образам и идеям вышеназванного текста русского классика. Это вполне объяснимо с учетом того обстоятельства, что сама А. Зегерс относила «Братьев Карамазовых» к числу своих любимых произведений Ф. М. Достоевского.

В романе «Мертвые остаются молодыми», воссоздающем наиболее драматичные моменты немецкой истории первой половины XX века, особое место отведено русской литературе. В имени одного из героев — Отто фон Клемма — есть собака, *«ее звали, как собаку в одном русском романе — Перезвон»* [Зегерс, 1989, с. 134] Часть жизни другого персонажа романа А. Зегерс — Эрнста фон Ливена — была связана с Россией. Он вырос в Петербурге, учился в русско-немецкой школе, при этом *«<...> все эти годы был одинок и поневоле, еще мальчиком, привык находить себе друзей среди героев книг. Его ближайшими товарищами стали Родион Раскольников и Иван Карамазов»* [Там же, с. 82].

А. Зегерс использует отсылки к русской литературе в том числе и для того, чтобы сопоставить по принципу контраста нравственные идеалы русских авторов и своих героев — последователей фашистской идеологии. Особенно показательны это в контексте периодически возникающего в романе мотива раскаяния. Лютгенс в ответ на исповедь Ливена о соблазнении им дочери управляющего Шубгута выносит весьма категоричный вердикт: *«<...> у тебя в крови застряла чисто славянская бактерия самобичевания. У русских писателей то и дело наталкиваешься на героев, для которых нет больше радости, чем раскаяние. Я вынужден лишить тебя этой радости»* [Там же, с. 216—217]. Отметим, что увлечение русской литературой в данном случае становится причиной косвенной критики Ливена его собеседником. Согласно художественной концепции А. Зегерс, чтение романов Ф. М. Достоевского серьезно повлияло на систему мировоззренческих координат персонажа Эрнста фон Ливена, однако этот герой немецкой литературы осмысливал идеи, ключевые для произведений русского писателя, не целостно, а выборочно, фрагментарно.

Тексты русского классика он делает одним из предметов обсуждения во время разговоров с супругой Клемма, а саму ее сравнивает с одной из героинь Ф. М. Достоевского. После своего отъезда из имения Клеммов Ливен присылает Леноре без всякой подписи книгу «Преступление и наказание». Позже Ленора, уже после завершения кратковременного романа с Ливеном, самостоятельно углубляется в изучение названных Эрнстом текстов: *«Его честолюбивое желание — оставить навсегда след в ее жизни — осуществилось в том смысле, что ей запомнились названия нескольких книг. Ей было хорошо, только когда она читала. Ленора не сомневалась, что все страсти, описанные в книгах, действительно существуют, но книги кончались тогда, когда на самом деле все только начиналось»* [Там же, с. 244]. Описывая подобные настроения своей героини, А. Зегерс показывает, что русская классическая литература оказывает сильное влияние на умы читателей многих других стран. Ленора читает Достоевского не просто для

того, чтобы заполнить свое время перед сном, но и для того, чтобы найти себе пищу для серьезных размышлений, а также разнообразить свою серую, монотонную жизнь, познакомиться в книгах с чувствами и страстями, которые оказались ей недоступными в реальной действительности.

В финале романа к чтению текстов русского писателя приобщается племянница Леноры Аннелиза Венцлов: *«Как-то поздно вечером Ленора вошла в комнату племянницы, где еще горел свет. По раскрасневшемуся лицу, по растерянному взгляду Ленора поняла, что девушка переживает точь-в-точь то же, что некогда переживала она сама. В книгах Аннелиза столкнулась с такими необыкновенными людьми и чувствами, какие ей не встречались в обыденной жизни; приход тетки как будто застал ее врасплох на запретном знакомстве»* [Там же, с. 526]. Затем она кратко излагает свое понимание сюжета и смысла «Преступления и наказания», специально останавливаясь на идее о том, что «человек не вошь». Мысль героини отталкивается от литературы, ее сюжетов и образов и движется к реальной жизни и к самоопределению, Аннелиза задумывается о коллективной и личной ответственности за все, что происходит в мире. Через изображение таких героев Анна Зегер актуализирует гуманистические идеи Достоевского, которые понятны и близки «непотерянному поколению» молодых немцев в нацистской Германии накануне ее краха [Ишимбаева, 2021, с. 245].

Из вышесказанного можно заключить, что знакомство с произведениями Ф. М. Достоевского способствует духовному преображению героев романа А. Зегерс, более глубокому пониманию ими жизни и отношений между людьми. Романы русского классика помогают персонажам немецкой писательницы осмыслить события своего настоящего и в итоге приводят многих героев к серьезным нравственным метаморфозам. Остановимся подробнее на сопоставительном анализе Эрнста фон Ливена и Ивана Карамазова с целью выявления литературных взаимосвязей между романами «Мертвые остаются молодыми» и «Братья Карамазовы».

3.2. Эрнст фон Ливен и Иван Карамазов: творческие параллели образов

В описании Эрнста фон Ливена отчетливо прослеживаются аллюзии на образ Ивана из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

И Ливен, и Иван обучались вдали от дома и испытывали из-за этого острое чувство одиночества. Отсутствие рядом близких людей привело к тому, что жизнь стала для Ивана борьбой, прежде всего за то, чтобы быть независимым и ощущать себя свободным даже от вынужденной благодарности, ибо Ивану ненавистно быть в долгу перед кем-либо [Флорес Лопес, 2007, с. 140]. Сердце Ливена также очерствело от одиночества, он избегает продолжительных

дружеских или любовных связей, не терпит внезапного вторжения в его личное пространство и очень дорожит своей независимостью.

И Иван, и Ливен принадлежат к числу образованных, много читающих людей. Ивана считают ученым, интеллектуалом, широкий кругозор Ливена также вызывает восхищение у окружающих, он производит впечатление блестящего и остроумного человека.

Иван является умственным нигилистом, который не верит ни в какие положительно-прекрасные идеалы, но при этом и с идеалом содомским примириться не может [Флорес Лопес, 2007, с. 140]. Подобная позиция приводит данного героя к увлечению идеей «вседозволенности». Обладая холодным умом, аналитическим складом мышления, он делает из атеистических идей анархические выводы, отрицая “любовь к ближнему” и всякую вообще нравственную ответственность личности перед обществом [Фридлендер, 1964, с. 329—330]. По мнению Ивана, если нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено.

Идея вседозволенности становится ядром мировоззрения Ливена под влиянием чтения романов Достоевского. Он разделяет взгляды своего кузена Отто, который во время разговора с Эрнстом излагает их общую концепцию: *«Та сила, которой создается история, никогда не шла от масс. Она всегда рождалась только из идей, а идеи рождались в отдельных личностях, как вы и я»* [Зегерс, 1989, с. 138].

Иван обосновывает свою теорию в специальной статье, Ливен же ограничивается устными рассуждениями. Однако оба персонажа выступают не только носителями разрушительных убеждений, но и пропагандистами их в своей среде.

Ливен также живет рассудком, а не сердцем. Как и Иван, он скептически настроен к миру. Внешним выразителем такого настроения является насмешливый взгляд — отличительная черта Эрнста в романе, элемент его своеобразной маски: *«Это выражение появлялось у него всегда, когда он высказывался о чем бы то ни было, хотя бы предмет и не заслуживает насмешки»* [Там же, с. 270].

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» отсутствует портретное описание внешности Ивана. Нулевой портрет данного героя, с точки зрения исследователей, выполняет ряд важных художественных функций: 1) выделение и обособление героя в системе персонажей, 2) акцентирование внимания на драматической природе образа, 3) создание элемента «таинственности» героя в читательском восприятии, 4) сближение образа с гоголевской традицией изображения «демонизма обыденности», 5) идейно-смысловая незавершенность, «открытость», «диалогичность» сознания героя [Струк и др., 2022, с. 258—260].

В романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» у образа Ливена нет ни ореола таинственности, ни драматической амбивалентности характера, ни обособленного статуса в системе персонажей произведения. Для репрезентации портретных характеристик данного персонажа используются внешние точки зрения других героев, например, несобственно-прямая речь Амалии Венцлов, которой не нравятся ни манера поведения Эрнста за столом, ни его внешность: «...*глаза гостя ей тоже не понравились. Хотя они были голубые, но раскосые, и потом — что за странный выговор, невучий и резкий?*» [Зегерс, 1989, с. 28]. Красивое спокойное лицо Эрнста, его длинные руки, необыкновенно длинные и густые ресницы вызывают чувство неприятия и отторжения и у его сослуживца Венцлова.

Сам же Ливен считает себя необыкновенной личностью, поскольку он *«ощущал жизнь только когда стоял на тончайшей грани между жизнью и смертью, на грани, которой с таким ужасом избегают мелкие людишки. От серых будней у него почти делалось головокружение, как у канатоходца, который чувствует себя уверенно на своем канате и неуверенно на ровной земле»* [Зегерс, 1989, с. 272].

Однако в его размышлениях нет напряженной динамики, свойственной самосознанию Ивана Карамазова. Отсутствие у персонажа А. Зегерс перемен в отношении к миру подчеркивает и внешний облик Ливена, воссоздаваемый в тексте посредством репрезентации точки зрения его сослуживца Венцлова, который во время их очередной встречи с Эрнстом после длительного перерыва замечает: *«Взгляд его серых, косо поставленных глаз был так же независим и насмешлив, как прежде. Так же блестели слишком мелкие мышинные зубы между дерзкими красивыми губами»* [Там же, с. 269]. В данном портретном описании внешняя привлекательность контрастирует с отталкивающим внутренним миром персонажа. Ливен уверен в собственной исключительности, но выразительные художественные детали, используемые писательницей для воссоздания портрета данного героя, подчинены цели акцентировать несоответствие между представлениями Ливена о самом себе и подлинной сущностью его натуры, что усиливает дихотомия «мелкие мышинные зубы» — «дерзкие красивые губы».

Иван Карамазов — «загадка не только для других, но и для самого себя. Он никак не может самоопределиться, и отсюда его постоянные колебания, смятение, отсутствие четкого выбора жизненной позиции» [Кантор, 1983, с.93]. Иван — идеолог по своей натуре, очень верно подмечает это Алеша: *«Иван не денег, не спокойствия ищет. Он мученья, может быть, ищет <...> в нем мысль великая и неразрешенная. Он из тех, которым*

не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить» [Достоевский, 1982, т. 11, с. 96—97].

Сомнения и колебания присущи и Ливену, но они связаны не с решением философских вопросов, а с желанием обрести определенный социальный статус. После вынужденного перехода в «гражданскую среду» он долго не может найти себе должного применения: работает то агентом световой фирмы, то служащим в банке и обретает чувство удовлетворения только после вступления в ряды национал-социалистической партии, что представляется ему наиболее выгодным для него решением. Сам персонаж дает себе следующую характеристику: *«Я отноюсь не христианин, я до мозга костей язычник, и я поклоняюсь тому, чему поклоняются язычники: Силе и Красоте, Власти и Наслаждению»* [Зегерс, 1989, с. 137].

Иван по-настоящему любит невесту Мити Катерину Ивановну, Ливен же смотрит на женщин лишь как на предмет удовлетворения своих сексуальных потребностей, он добивается легких любовных побед и бросает соблазненных им девушек, не испытывает сострадания к их чувствам и переживаниям.

В образе Ивана ведут борьбу доброе и светлое начала, в образе же Ливена постоянно подчеркиваются только негативные черты — он циничен и жесток. Пиком процесса нарастания отрицательных коннотаций в образе героя становится его превращение в нациста не только по долгу службы, но и по его внутренним убеждениям.

Личность Ивана, как и испытываемые им чувства, отличает масштабность: ненависть и презрение, обнаруженные Иваном по отношению к разным людям, и в том числе к отцу и брату, указывают на патологические размеры этих чувств в душе героя, а вместе с тем и на то, что любовь Ивана к человечеству («Бунт», «Великий инквизитор») имеет характер в значительной степени рассудочный и отвлеченный [Ветловская, 2007, с. 93—94]. Ливен же, в сущности, слабый и внутренне опустошенный человек [Фридлендер, 1978, с. 174]. С одной стороны, он стремится продемонстрировать безразличие к окружающим, с другой, *«его равнодушие нуждается в людях, которых бы это злило»* [Зегерс, 1989, с. 164].

Персонажа русского классика мучают угрызания совести, ведь злое намерение Смердякова тайне одобряется им, хотя в открытую это позиция им не высказывается [Геригк, 2016, с. 203]. После совершения преступления усвоившим его идею вседозволенности Смердяковым Иван заболевает «горячкой», бремя моральной ответственности за смерть собственного отца ложится на его плечи. Ливен же не испытывает никаких нравственных страданий из-за совершаемых им преступлений, поскольку утверждение «все дозволено» превращается в его жизненное кредо.

Главный моральный итог развернутой сюжетной линии, связанной с образом Ивана Карамазова в романе Ф. М. Достоевского, заключается в следующем: личность ответственна не только за собственные деяния, но еще в большей мере за последствия, к которым могут привести распространяемые ею идеи [Кийко, 1976, с. 129]. В романе А. Зегерс также подчеркивается неотвратимость расплаты человека за совершенное им зло.

3.3. Демоническое начало в образах Ивана Карамазова и Эрнста фон Ливена

Значительным для раскрытия характеров Ивана Карамазова и Эрнста Ливена в романах «Братья Карамазовы» и «Мертвые остаются молодыми» является демоническое начало, связанное с образом черта у Ф. М. Достоевского и образом дьявола у А. Зегерс.

В разговоре Ивана с чертом раздвоенность персонажа достигает своего апогея. Галлюцинации Ивана объясняются не только его соучастием в смерти отца, но и его неспособностью разгадать тайну мироздания, а для такого мыслителя, как Иван, это означает жить в аду [Флорес Лопес, 2007, с. 153]. Черт выступает как двойник этого-героя атеиста. Двойники в романах Достоевского делают явными, проговаривают самые сокровенные мысли героев, те их заветные идеи, которые сами герои проговорить не смеют, придают их теоретическим построениям логическую завершенность [Подосокорский, 2007, с. 102].

Сам Иван прекрасно осознает истинную природу внезапно посетившего его гостя: *«Ты моя галлюцинация. Ты воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых»* [Достоевский, 1982, т. 12, с. 150].

После того как произошло убийство Федора Павловича, Иван начинает сомневаться в своей теории. Сторонник вседозволенности, Иван осуждает себя сначала через собственный бунт (бунтует потому, что многого не позволено), а потом через свое неприятие убийства отца. Таким образом, Иван отрицает весь мир (в том числе и себя в нем) и не знает, как ему быть, ибо образ идеала в герое все же силен — образ того, чем должен бы быть этот мир в противоположность тому, что он есть [Флорес Лопес, 2007, с. 157].

Беседа с чертом превращается для данного персонажа в нравственное самоосуждение. После беседы с чертом Иван решает пойти на суд для того, чтобы назвать имя настоящего убийцы, оправдать Дмитрия, признать свою вину в совершении преступления. Это становится первым шагом героя на пути к его освобождению от пагубной теории. По Достоевскому, спасение Ивана — в подвиге деятельностной любви. Иван должен выздороветь и отречься от своего прежнего пренебрежения к человеку и Богу [Флорес Лопес, 2007, с. 160].

В романе А. Зегерс присутствует косвенное сравнение Ливена с дьяволом. Разочаровавшаяся после рождения ребенка в своем муже Элизабет в ответ на реплику супруга о том, что нацисты, видя в Берлине беспризорных голодных детей, рассчитывают точно: *«столько-то должно выжить, столько-то подохнуть»* [Зегерс, 1989, с. 513], — первоначально приходит в замешательство, а спустя некоторое время осознает: *«Такого выбора нет, да и не должно быть. Это бывало только в старых легендах, где дьявол предлагал на выбор: либо я погублю твоего ребенка, либо твою душу»* [Там же, с. 514]. Образ дьявола распространяется в данном случае, по всей видимости, не только на Эрнста, но и на весь нацизм в целом. Символично, что косвенное сравнение с дьяволом появляется в романе незадолго до гибели Ливена.

Анализирует Элизабет и идею вседозволенности, стержневую для нацистской идеологии. Это происходит в тот момент, когда становится понятно, что Вторая мировая война Германией проиграна. Героиня понимает абсурдность тезиса о вседозволенности, связанного с убежденностью в том, что нация превыше всего, ведь ввиду последнего разрешенными оказываются даже гнусные поступки. Эгоистичная и циничная в начале романа, в финале произведения Элизабет достигает духовного прозрения гораздо раньше своего супруга: *«Германская нация превыше всего, — значит, все дозволено. А если нет, если ей вдруг станет ясно, что не все дозволено, значит, и нация не выше всего?»* [Там же, с. 514]. Таким образом, неприятие супруга-фашиста приводит Элизабет к осознанию подлинных масштабов преступлений нацизма, желанию отмежеваться от него и его приверженцев. Иллюзорность надежд этой героини на спасение в трагико-иронической форме показана в эпизоде ее бегства вместе с сыном от преследователей, во время которого она принимает лунный блеск, отражающийся на ледяной глади озера, за огни деревни, и, направившись туда, блуждает в заснеженном лесу и погибает там вместе со своим ребенком. Таким образом, А. Зегерс показывает своим читателям, что отмежеваться от фашизма невозможно, расплатой за причастность к нему может быть только смерть.

В обоих произведениях возникновение демонических образов либо упоминание о них становится поворотным моментом для перемен в судьбах героев, ведущих к их отказу от идеи вседозволенности, хотя делают они это по-разному. В романе Ф. М. Достоевского появление черта символизирует кульминационную точку переживаемого Иваном духовного кризиса, возникающий в романе А. Зегерс образ дьявола подчеркивает чудовищную бесчеловечность, изощренную жестокость совершаемых нацистами преступлений.

3.4. Проблема вины и ответственности в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» в контексте литературного влияния Ф. М. Достоевского

Проблема ответственности за совершаемое человеком зло в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» тесно связана с антифашистским пафосом данного произведения. Несмотря на широкий охват времени и пространства, основное действие романа связано с описанием дальнейших судеб пяти палачей Эрвина после расстрела ими данного героя, а также судьбы его возлюбленной Марии и их общего с ней сына Ганса.

Положительных героев романа А. Зегерс отличает осознание собственной вины за совершенные ими преступления. Так, Ганс, сражаясь рядах гитлеровской армии, вынужден убивать советских людей, и впоследствии он размышляет над этим: *«С ним произошло то, что он считал совершенно невыносимым. Он не только выстрелил в первый раз, но и стрелял бесчисленное количество раз. И стрелял не только в пространство, в ближнем бою он видел, в кого стреляет. Он видел серп и молот и все-таки стрелял. Знак серпа и молота он с малолетства встречал в самых различных местах <...> А теперь стрелял по нему. Потому что все стреляли. Почему же все стреляли?»* [Зегерс, 1989, с. 473]. Герой романа мучительно ищет ответ на вопрос, что же толкнуло его на путь жестокости и насилия. В итоге он понимает, что причиной этого является водораздел не зависящих от него историко-политических событий, которому, с одной стороны, невозможно противостоять, с другой — нет шансов вырваться из него: *«<...> он не может выскочить из общего ряда, как одна волна не может выскочить из целого потока. Если с той стороны выстрелят на секунду раньше, конец ему и всем остальным»* [Там же, с. 473]. В осознании этого обстоятельства трагедия не только отдельной личности, но и всего немецкого народа в целом. Однако писательница достаточно категорична в вопросе ответственности своих персонажей за их бесчеловечные поступки. Ценой расплаты за них может быть только их собственная жизнь. Как справедливо отмечает исследователь И. Мишин, А. Зегерс и Ф. М. Достоевского сближает то, что у каждого из этих авторов герои, наделенные совестью, мучительно переживают совершенные ими преступления. На примерах своих положительных персонажей, к числу которых в романе «Мертвые остаются молодыми» относится Ганс, писательница показывает, что не бывает маленьких людей, которые могут стоять в стороне от всех событий, что люди не винтики, послушно работающие на гитлеровскую машину, что каждый человек должен отвечать перед своей совестью и совестью народа за поступки другого так же, как за свои собственные [Мишин, 1974, с. 62].

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что русской литературе, творчеству Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Мертвые остаются молодыми» отведен особый статус. Для героев данного произведения тексты русского классика не только становятся предметом размышлений, но и дают импульс к тому, чтобы осмыслить события своей современности.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ образов Ивана Карамазова и Эрнста фон Ливена показал, что в романе «Мертвые остаются молодыми» А. Зегерс опирается на традиции и эстетику произведений Ф. М. Достоевского для обличения фашизма. Стоит отметить, что по своему художественному масштабу образы данных персонажей несопоставимы, однако отдельные аллюзийные отсылки к образу героя русского классика в образе персонажа немецкой писательницы присутствуют.

И Ливен, и Иван Карамазов — герои-атеисты, не только опирающиеся в своей жизни на идею вседозволенности, но и пропагандирующие ее. Оба этих персонажа одиноки, одержимы гордостью, высокомерным и презрительным отношением к людям, интеллектуально они выше большинства окружающих. В образе и героя Ф. М. Достоевского, и героя А. Зегерс присутствует демоническое начало, которое хотя и раскрывается с различной степенью полноты, но тем не менее в обоих романах свидетельствует о пагубности декларируемых героями идей и совершаемых поступков.

В то же время между данными персонажами присутствует и ряд различий. Иван после убийства отца осознает ошибочность собственных мировоззренческих установок и в итоге идет в суд и признает свою вину в совершившемся преступлении. Ливен же не раскаивается в своих преступных деяниях. Вина Ивана — нравственная, вина Ливена — непосредственно физическая и юридическая.

Образ Ивана амбивалентен, образ Ливена отрицателен. А. Зегерс не дает ему никаких шансов на спасение, потому что, по ее представлениям, человек должен понести наказание за совершенное им зло. Ф. М. Достоевский же позволяет своему герою вступить на путь освобождения от пагубной идеи, заставляет его пережить раскаяние и дает ему надежду на духовное и нравственное исцеление.

Проведенный анализ показал, что А. Зегерс в романе «Мертвые остаются молодыми» подвергает творческой переработке художественный опыт Ф. М. Достоевского, изображая силу влияния его произведений на сознание и умы последующих поколений читателей не только в России, но и за ее пределами. Немецкая писательница солидарна с русским автором

в том, что следование идее вседозволенности неизбежно ведет человека к жизненному краху. В обоих произведениях показано, как человеко-нави́стничество побуждает к совершению преступлений, но в различных масштабах: в романе «Братья Карамазовы» — внутри одной семьи, в романе «Мертвые остаются молодыми» — в рамках целой нации. А. Зегерс создает самобытное произведение, основанное на материале истории ее родной страны, но при этом, выражая свои убеждения, учитывает литературные традиции Ф. М. Достоевского.

Выявленные в поэтике романов «Братья Карамазовы» и «Мертвые остаются молодыми» переключки и взаимосвязи свидетельствуют о параллелях в идейных взглядах русского и немецкого авторов, что, в свою очередь, позволяет наметить направления дальнейших исследований по выявлению влияния Ф. М. Достоевского на особенности разработки антифашистской проблематики в более поздних произведениях А. Зегерс.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 12 т. — Москва : Правда, 1982. — Т. 11. — 624 с. ; Т. 12. — С. 5—521.
2. *Зегерс А.* Мертвые остаются молодыми / А. Зегерс ; пер. с нем. Н. Касаткиной и В. Станевич. — Москва : Правда, 1989. — С. 5—580.

Литература

1. *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. — Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2007. — 640 с. — ISBN 978-5-91476-001-1.
2. *Геригк Х. Ю.* Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Х. Ю. Геригк ; авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — Санкт-Петербург : Пушкинский Дома ; Нестор-История, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-87781-042-6; 978-5-4469-0834-9.
3. *Достоевский и его время* / под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. — Ленинград : Наука, 1971. — 368 с.
4. *Ишимбаева Г. Г.* Рецепция русской литературы в творчестве Анны Зегерс / Г. Г. Ишимбаева // Вестник Башкирского университета. — 2021. — Т. 26. — № 1. — С. 241—249. — DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.38.
5. *Кантор В.* «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского / В. Кантор. — Москва : Художественная литература, 1983. — 192 с.
6. *Кийко Е. И.* Из истории создания «Братьев Карамазовых» (Иван и Смердяков) / Е. И. Кийко // Достоевский. Материалы и исследования. — Ленинград : Наука, 1976. — Т. 2. — С. 125—129.
7. *Леман Ю.* Между партийностью и критической дистанцией: поздний период творчества Анны Зегерс / Ю. Леман // Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязыч-

ных писателей с XVIII века до настоящего времени. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. — С. 288—293. — ISBN 978-5-907117-03-7.

8. Мельникова Л. А. Рецепция художественного опыта Ф. М. Достоевского в романе А. Зегерс «Транзит» / Л. А. Мельникова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2022. — Т. 2. — № 2 (38). — С. 89—95. — DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_89.

9. Мишин И. Достоевский и зарубежные писатели (основные проблемы творчества, традиции и новаторство) : учеб. пособие по спецкурсу / И. Мишин. — Ростов-на-Дону : [б. и.], 1974. — 135 с.

10. Мотылева Т. Л. Анна Зегерс. Личность и творчество / Т. Л. Мотылева. — Москва : Художественная литература, 1984. — 399 с.

11. Подосоковский Н. Н. Картина наполеоновского мифа в романе «Братья Карамазовы» / Н. Н. Подосоковский // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» : современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. — Москва : Наука, 2007. — С. 98—114. — ISBN 5-02-033864-8.

12. Струк А. А. Функциональный портрет Ивана Карамазова / А. А. Струк, С. В. Сливко // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 4 (95). — С. 258—261.

13. Топер П. Последействие / П. Топер // Зегерс А. Мертвые остаются молодыми : пер. с нем. Н. Касаткиной и В. Станевич. — Москва : Правда, 1989. — С. 581—590.

14. Флорес Лопес Х. Л. Иван Карамазов. Философия отрицания / Х. Л. Флорес Лопес // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» : современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. — Москва : Наука, 2007. — С. 137—160. — ISBN 5-02-033864-8.

15. Фридендер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. / Г. М. Фридендер // Достоевский в зарубежных литературах. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 117—174.

16. Фридендер Г. М. Реализм Достоевского / Г. М. Фридендер. — Москва, Ленинград : Наука, 1964. — 405 с.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 12.10.2024.

Material resources

Dostoevsky, F. M. (1982). *The Brothers Karamazov*. In: *Collected works in 12 volumes*. Moscow: Pravda. 11: 624 p.; 12: 5—521. (In Russ.).

Zegers, A. (1989). *The dead remain young*. Moscow: Pravda. 5—580. (In Russ.).

References

Bazanov, V. G., Friedlander, G. M. (eds.). (1971). *Dostoevsky and his time*. Leningrad: Nauka. 368 p. (In Russ.).

Flores Lopez, H. L. (2007). Ivan Karamazov. Philosophy of Denial. In: *F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the current state of study*. Moscow: Nauka. 137—160. ISBN 5-02-033864-8. (In Russ.).

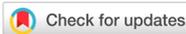
Friedlander, G. M. (1964). *Dostoevsky's Realism*. Moscow, Leningrad: Nauka. 405 p. (In Russ.).

Friedlander, G. M. (1978). Dostoevsky, German and Austrian prose of the twentieth century. In: *Dostoevsky in foreign literatures*. Leningrad: Nauka. 117—174. (In Russ.).

- Gerigk, H. Y. (2016). *Dostoevsky's literary skill in development. From "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov"*. St. Petersburg: Pushkin House; Nestor-History. 320 p. ISBN 978-5-87781-042-6; 978-5-4469-0834-9. (In Russ.).
- Ishimbayeva, G. G. (2021). Reception of Russian literature in the works of Anna Zegers. *Bulletin of Bashkir University*, 26 (1): 241—249. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.38. (In Russ.).
- Kantor, V. (1983). *"Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky*. Moscow: Fiction. 192 p. (In Russ.).
- Kiiko, E. I. (1976). From the history of the creation of the "Brothers Karamazov" (Ivan and Smerdyakov). In: *Dostoevsky. Materials and research*, 2. Leningrad: Nauka. 125—129. (In Russ.).
- Lehman, Yu. (2018). Between Partisanship and critical distance: the late period of Anna Zeger's work. In: *Russian literature in Germany. The perception of Russian literature in the artistic work and literary criticism of German-speaking writers from the XVIII century to the present*. Moscow: YASK Publishing House. 288—293. ISBN 978-5-907117-03-7. (In Russ.).
- Melnikova, L. A. (2022). Reception of F. M. Dostoevsky's artistic experience in A. Zeger's novel "Transit". *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2 / 2 (38): 89—95. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_2_89. (In Russ.).
- Mishin, I. (1974). *Dostoevsky and foreign writers (the main problems of creativity, traditions and innovation): textbook. the manual on the special course*. Rostov-on-Don: [b. i.]. 135 p. (In Russ.).
- Motyleva, T. L. (1984). *Anna Zegers. Personality and creativity*. Moscow: Fiction. 399 p. (In Russ.).
- Podosokorsky, N. N. (2007). The picture of the Napoleonic myth in the novel "The Brothers Karamazov". In: *F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov": the current state of study*. Moscow: Nauka. 98—114. ISBN 5-02-033864-8. (In Russ.).
- Struk, A. A., Slivko, S. V. (2022). Functional portrait of Ivan Karamazov. *The world of science, culture, and education*, 4 (95): 258—261. (In Russ.).
- Toper, P. (1989). Afterword. In: *Zegers A. The dead stay young*. Moscow: Pravda. 581—590. (In Russ.).
- Vetlovskaya, V. E. (2007). *Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"*. St. Petersburg: Pushkin House. 640 p. ISBN 978-5-91476-001-1. (In Russ.).

*The article was submitted 24.07.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 12.10.2024.*

Информация для цитирования:

Ожигова М. М. Религиозно-философское и антропологическое измерение диалога М. Горького и И. Канта (на материале текста «Мужик» М. Горького) / М. М. Ожигова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 305—323. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-305-323.

Ozhigova, M. M. (2024). Religious-Philosophical and Anthropological Dimensions of Dialogue between Maxim Gorky and Immanuel Kant: A Study of Gorky’s Text “The Peasant”. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 305-323. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-305-323. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Религиозно-философское
и антропологическое
измерение диалога
М. Горького и И. Канта
(на материале текста
«Мужик» М. Горького)**

Ожигова Мария Михайловна ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-9631-0446
кандидат филологических наук,
¹преподаватель кафедры
теории литературы;
²младший научный сотрудник
ozhigova13.m@gmail.com

¹Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

²Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-28-00421
«М. Горький в кругу искусств»

**Religious-Philosophical and
Anthropological Dimensions
of Dialogue between Maxim
Gorky and Immanuel Kant:
A Study of Gorky’s Text
“The Peasant”**

Maria M. Ozhigova ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-9631-0446
PhD of Philology,
¹Lecturer,
Department of Literary Theory;
²junior research scientist
ozhigova13.m@gmail.com

¹Lomonosov Moscow
State University
(Moscow, Russia)

²A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00421
“Maxim Gorky in the Circle of Arts”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме влияния философии Иммануила Канта на творчество Максима Горького. Целью исследования является рассмотрение влияния философии Канта на мировоззрение Горького и формирование его прозы. Материалом исследования является незавершенное произведение Горького «Мужик», создававшееся в 1899 — начале 1900 годов. Доказано, что текст является своеобразным «заочным диалогом» Горького с Кантом, в ходе которого писатель полемизирует с философом о природе человека, общественном устройстве, справедливости и морали. Высказано предположение, что резкие оценки, данные Канту в письмах и в указанном произведении, связаны с общим неприятием Горьким намеренной усложненности и аналитичности кантовского языка и излишне рационалистического подхода философа к истолкованию непостижимого, к осмыслению человека, его места и назначения в мире, законов бытия. Доказывается, что Горький не разделял абсолютного рационализма Канта, а выступал за гармонизацию разумного и чувственного начала в человеке. Показано, что вместе с тем писателю были близки морально-правственные начала философии Канта. Таким образом, по-новому раскрывается религиозно-философский и антропологический аспекты творчества Горького.

Ключевые слова:

Максим Горький; Иммануил Кант; религиозно-философский диалог; русская литература; немецкая философия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the influence of Immanuel Kant's philosophy on the works of Maxim Gorky. The study aims to explore how Kant's philosophical ideas shaped Gorky's worldview and contributed to the development of his prose. The primary material for this research is Gorky's unfinished work "The Peasant," written between 1899 and the early 1900s. It is demonstrated that the text serves as a unique "epistolary dialogue" between Gorky and Kant, in which the writer engages in a polemic with the philosopher regarding human nature, social organization, justice, and morality. The article posits that Gorky's harsh critiques of Kant, expressed in letters and within the aforementioned text, stem from his general aversion to the deliberate complexity and analytical nature of Kant's language, as well as the philosopher's excessively rationalist approach to interpreting the incomprehensible and understanding humanity's place and purpose in the world, along with the laws of existence. It is argued that Gorky did not share Kant's absolute rationalism but instead advocated for a harmony between reason and emotion in human beings. Furthermore, it is shown that Gorky resonated with the moral and ethical principles of Kantian philosophy. Thus, this study offers a fresh perspective on the religious-philosophical and anthropological aspects of Gorky's oeuvre.

Key words:

Maxim Gorky; Immanuel Kant; religious-philosophical dialogue; Russian literature; German philosophy.

УДК 821.161.1Горький.07+821.112.2Кант.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-305-323

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Религиозно-философское и антропологическое измерение диалога М. Горького и И. Канта (на материале текста «Мужик» М. Горького)

© Ожигова М. М., 2024

1. Введение = Introduction

Специфика и стиль прозы Максима Горького формировались во многом под влиянием обширного круга чтения. Особый интерес у писателя вызывали в том числе и труды крупных мировых философов, таких как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и многие другие. Знакомство с философией оставило след и на прозе Горького, что можно увидеть во многих его произведениях. На это обращали внимание еще современники писателя. Так, одним из первых в статье 1898 года на сходство «психологии героев г. Горького» с ницшевской философией обратил внимание Ник. Михайловский [Михайловский, 1997, с. 372]. В то же время «элементы ницшеанства» [Гельрот, 1997, с. 381] в текстах Горького анализировали уже современники М. Горького. Позже новые грани в этом отношении раскрывали такие современные исследователи, как Л. А. Спиридонова, Н. Н. Примочкина и др. [Спиридонова, 2022; Примочкина, 2022 и др.]. Однако, кроме очевидных вышеприведенных отзывов современников и работ современных ученых, особый исследовательский интерес представляют неочевидные влияния, к которым относится особое отношение М. Горького к философии Иммануила Канта. Впрочем, для русской культуры рубежа XIX—XX веков был характерен интерес к школам «...западноевропейского кантианского и неокантианского движения» [Абрамов, 1994, с. 227].

В целом фигура Канта и ее влияние на русскую литературу всегда вызывало немалый исследовательский интерес. Так, А. Н. Круглов в книге «Кант и кантовская философия в русской художественной литературе» дает попытку систематизации кантовского влияния на отечественных писателей. Работа представляет собой своеобразный справочник, в котором приводятся цитаты из писем и упоминания Канта в некоторых произведениях русских писателей [Круглов, 2012]. К сожалению, перечень кантов-

ских упоминаний у Горького далеко не полный, впрочем, пособие имеет исключительно справочный характер. Отдельно стоит перечислить некоторых исследователей, занимавшихся проблематикой влияния философии Канта на русскую литературу. Так, Я. Э. Голосовкер анализирует влияние кантовских идей на генезис романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», подчеркивая не только восприятие, но и своеобразный «поединок» [Голосовкер, 1963, с. 3] Достоевского по отношению к мысли Канта. Некоторые исследователи выделяли «культурологические идеи Иммануила Канта в повести М. М. Пришвина «Жень-Шень»» [Трубицына, 2016, с. 72] или, например, давали «сравнительный анализ философии Канта и моральных воззрений Ф. М. Достоевского» [Золотарев, 2018, с. 73].

Однако тема «Кант и Горький», разрабатываемая нами, совершенно новая в горьковедении, в частности, проблематика эстетического диалога раскрывается в статье «Максим Горький и Иммануил Кант: к полемике о природе творчества в «Рассказе об одном романе» (Берлин, 1924 год)» [Ожигова, 2021, с. 199].

При этом важно отметить, что актуализации кантовской темы в прозе М. Горького не единичны, мы можем утверждать, что отношение к самой фигуре И. Канта и его философии отражалось на специфике многих произведений Горького. Нас интересует религиозное и антропологическое измерение своеобразного диалога М. Горького с И. Кантом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является неоконченный текст Максима Горького «Мужик», относящийся к раннему периоду его творчества. Целью исследования стало выявление влияния взглядов Иммануила Канта на мировоззрение и прозу Горького. Для этого к исследованию привлечены работы И. Канта «Религия в пределах только разума», «Антропология с практической точки зрения» и «Критика чистого разума». При анализе текста используется сравнительный метод, который позволяет сопоставить религиозно-философскую и антропологическую позицию М. Горького и И. Канта, а также проследить степень влияния идей кёнигсбергского философа на личную и творческую эволюцию Максима Горького. Кроме того, дополнительно привлекаются письма Горького.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблематика и творческая история неоконченного текста «Мужик»

Диалог Максима Горького с Иммануилом Кантом начался еще в ранние годы. Уже в горьковских письмах 1900-х годов можно увидеть нега-

тивные оценки философии Канта. В целом упоминания Канта в письмах Горького разных лет были далеко не комплементарными. Так, в одном из писем Горький называет Канта «китайцем из Кенигсберга» [Горький, 2000, с. 264]. Оценки Канта и его философии выступают свидетельством влияния соответствующих философских концепций и на формирование Горького как писателя, и в данном исследовании мы рассмотрим религиозно-философское и антропологическое измерение полемики Горького с философом.

Прежде всего, следует сказать о необычной творческой истории текста «Мужик», работа над которым была начата в конце 1899 — начале 1900 годов. Произведение осталось незаконченным не потому, что Горький сам решил отказаться от замысла или разочаровался в идее. Скорее всего, будущие читатели получили бы законченную повесть, если бы не курьезная история. Первые главы печатались в журнале «Жизнь» в 1900 году, и в этом же году Горький читал их в поезде по пути в Севастополь В. С. Мирлюбову и В. А. Поссе. Вот как об этом вспоминает Поссе: «Выходило литературно, но тягуче...<...>... отчасти потому, что “Мужик” Горького врезался в “Воскресение” Толстого» [Поссе, 1929, с. 166]. Реакция слушателей Горькому не понравилась, поэтому он сказал тогда Поссе, что «прочитанное продолжение он уничтожит и “Мужика” писать не будет» [Поссе, 1929, с. 168]. Поссе был уверен, что это «решение окончательное и непоколебимое» [Поссе, 1929, с. 168], однако он ошибался. Впоследствии Горький, читая книгу Поссе, «подчеркнул слова: “Мужика” писать не будет», — и написал на полях: «Не верно» [Горький, 1970, с. 542]. Таким образом, неоконченным «Мужик» остался по совсем другой, курьезной причине, о которой также упоминает Поссе в своей книге. Он пишет, что через некоторое время узнал, будто бы «Горький прислал продолжение “Мужика”» [Поссе, 1929, с. 168], однако в редакции вскоре выяснилось, что никакого продолжения Горький не присылал, а следующие главы, которые были отправлены в набор, в журнал отправила некая женщина из Курска, которой так понравилось произведение, что она решила опубликовать собственное продолжение. Горький недоумевал, как такое вообще могло произойти, ведь тем более огорчительным это известие было для него, что еще в июне он сообщал К. П. Пятницкому: «Я осел в Мануйловке до октября и буду работать над “Мужиком” и прочими вещами» [Горький, 1997, с. 33]. Из-за сложившейся странной ситуации, Горький не стал продолжать работу над текстом, хотя, очевидно, был раздосадован тем, что «продолжение» «Мужика» решили дописать и опубликовать без его участия.

Как можно увидеть, Горький довольно серьезно относился к этому произведению, а идеи, заложенные в тексте, в том числе и диалог с Кантом, имеют большое значение для понимания степени влияния филосо-

фии и фигуры Канта на творчество писателя. Вместе с тем «кантовская тематика» будет еще не раз воплощаться Горьким в художественной форме в дальнейшем. Еще одним аргументом в пользу рассмотрения неоконченного текста является то, что Горький «начал свой творческий путь и вошел в большую литературу как автор ярких, оригинальных очерков и рассказов» [Примочкина, 2022, с. 17]. Таким образом, произведение «Мужик», несмотря на его необычную судьбу и незавершенность, представляет собой важную составляющую творческого пути Горького.

Главным героем произведения «Мужик» является Аким Шебуев — архитектор, выбившийся в люди из крестьян, как он сам говорит, прошедший «тяжелый путь» [Горький, 1970, с. 388], испытавший много «горя, страданий и унижений» [Там же]. После своего приезда в уездный город, Шебуев вызывает в местных кружках большой интерес, а в одном из собраний он становится завсегдаем.

Горький, вводя Шебуева в кружок учительницы гимназии Варвары Васильевны Любимовой, не только раскрывает психологический портрет своего героя, но и рисует портреты других членов кружка, описывая нравы и перспективы развития общества в целом. Писатель устанавливает своеобразную экспозицию персонажей, которые представляют наиболее типичных на тот момент представителей общества. При этом Горький не воссоздает «картины мещанского быта» [Журылев, 1988, с. 71], а показывает определенный срез общества, как вспоминал Поссе: «русскую интеллигенцию, так сказать, в сословном срезе» [Поссе, 1929, с. 166]. Так, в кружке Любимовой есть и верящая в силу жизни Татьяна Николаевна Ляхова, лишившаяся сына и мужа, есть архиерейский певчий Кирмалов, продавец в книжном магазине Хребтов, санитарный врач Малинин, доктор Кропотков, балагур и богатый наследник Сурков, а также богатейший купец Марк Чечевицын, с которым связана отдельная линия взаимоотношений с Шебуевым. В тексте незримо присутствует даже и сам повествователь, который и дает краткую ретроспекцию судьбы Акима Шебуева. Участники встреч кружка излагают различные точки зрения на проблемы общественного развития, обсуждают место человека в мире, его воспитание и формирование. Кроме того, герои говорят и об устройстве русской действительности, о том, каким должно стать общество в будущем. Таким образом, Горький в целом обращается к довольно известной в русской литературе теме интеллигенции и народа, однако делает это на религиозно-философских основаниях. Вместе с тем религиозно-философское измерение текста выражается в своего рода философском диалоге с И. Кантом, который ведет как главный герой Аким Шебуев, так и, по всей видимости, сам Горький, вкладывая в уста героев определенные реплики.

Собственно, уже первая часть произведения (к слову, работа Горького прервалась на третьей части) содержит оживленный спор о роли интеллигенции, развернувшийся между участниками кружка Любимовой. В разгар спора один из членов кружка обратился к Шебуеву с вопросом, что такое интеллигенция. Шебуев ответил, что «это цвет ржи» [Горький, 1970, с. 368], роль которой в том, чтобы «цвести ныне, и присно, и во веки веков» [Там же, с. 369]. Эта реплика литературного персонажа очевидно отсылает читателей к вступительной части молитв в православном богослужении: *Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков!* Как можно видеть, Шебуев, говоря об интеллигенции, использует религиозную символику: интеллигенция — это рожь, то есть в будущем зерно. Здесь уместно вспомнить значение евангельской символики пшеницы, отражающейся, например, в словах Иоанна Крестителя об Иисусе: «Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф. 3:12). Таким образом, Креститель здесь говорит о будущем пришествии Христа, Который отделит пшеницу от соломы [Словарь библейских образов ..., 2005, с. 960]. Иначе говоря, символическая коннотация образа пшеницы (как и ржи) — ‘ценность, нечто ценное’. Так и интеллигенция, по мысли Шебуева, станет живительным субстратом для развития общества. При этом народившийся «хлеб» будет, по мнению Шебуева, есть народ, то есть именно благодаря интеллигенции жизнь простого народа в будущем улучшится. Важно отметить, что весь текст пронизан библейской символикой. Так, уже в другую встречу разговор в кружке заходит о жизни, человеке и развитии. Именно в этот вечер члены кружка узнают о тяжелом прошлом Шебуева, он говорит им о том, как его били «пучком сосновой лучины» [Горький, 1970, с. 388], отправляли кормить свиней, «их было семь; они сидели в темном хлеве, они были огромные, прожорливые и страшно злые от темноты. Они бросались... заслышав запах корма, сбивали... с ног и давили своими тяжелыми тушами» [Там же], при этом Шебуев вспоминает, как падал в грязь хлева и однажды чуть не захлебнулся в ней. В рассказе Шебуева, на наш взгляд, дано аллегорическое представление семи смертных грехов, которые тянут человека в грязь, вниз, стремясь полностью уничтожить его человеческий облик и его самого. В этом смысле герой изображен не только как человек, поднявшийся из бедности, но и как личность, преодолевшая собственные слабости и стремление к греху. Продолжая свой монолог, Шебуев говорит о том, что, несмотря на все трудности и невзгоды, несмотря на то, что он пришел оттуда, где «грязь и тьма, где человек — еще полуживер» [Там же], «жизнь все-таки прекрасна» [Там же]. При этом, по убеждению героя, везде, где есть человек, находится место и светлomu, и по сути, пользу-

ясь библейской символикой, Шебуев констатирует: «...в малых зернах... И зерна не гибнут все: они...дадут плод своей жизни...» [Там же, с. 389]. Можно говорить о своеобразной контаминации двух притч. С одной стороны, можно усматривать аллюзию на притчу Иисуса Христа о горчичном зерне и Царстве небесном. С другой стороны, значение имеет и притча о сеятеле, ведь Шебуев искренне верит, что зерна светлого в человеке обязательно «прорастут», что человек, поднявшись из любых условий, может преобразить жизнь. Выслушав пламенную речь Акима Шебуева, почти все члены собравшегося общества были потрясены, а один из геров санитарный врач Малинин, впечатленный словами архитектора, сравнивает его с пророком, возвещавшим пришествие Мессии: «Прийти оттуда, от... погибающих во мраке людей... взойти на верх жизни и сказать о чувствах, думах, желаниях этих людей... и потрясти сердца до ужаса <...> Ведь для этого нужно иметь язык пророка Исаяи...» [Там же, с. 393]. Горький изображает Шебуева как одного из первых представителей людей, преодолевших социальное неравенство, пробившихся наверх и готовых реально менять жизнь. Он в некотором смысле противопоставлен всем кружкам, где ведутся разговоры о возможном переустройстве жизни, однако эти разговоры ровно ничего не могут изменить. Шебуев прежде всего человек дела. В этом смысле символично даже имя главного героя Аким, являющееся производным от имени Иоаким, что означает «Ставленник Божий», а профессия архитектора отсылает к образу Бога как великого архитектора (Фома Аквинский, Ж. Кальвин и проч). Таким образом, главный герой задуман как персонаж, имеющий ресурс для преобразования жизни людей. При этом важно, что, появившись в городе, Шебуев действительно начинает менять тусклую и беспросветную жизнь горожан к лучшему. Так, он заводит дружбу с богатейшим купцом края Марком Чечевицыным (отсылка к ветхозаветному образу «чечевичной похлебки», за которую Исав продал свое первородство, возможно, содержит намек на важность купеческого сословия, не так много, однако, делающего для общего блага). Благодаря дару убеждения Шебуева, жадный купец «решил выстроить в городе “народный дом”» [Горький, 1970, с. 398], в котором предполагалась чайная, столовая, «помещение для ночлега на триста человек» [Там же, с. 398] и даже ясли. При этом сам Шебуев в разговоре признается, что «рассчитывал на большее» [Там же, с. 399]: еще «нужен театр, библиотека и читальня» [Там же]. В то же время взаимоотношения Шебуева с Чечевицыным показывают и двойственность образа главного героя. С одной стороны, он обладает огромной волей к жизни и даже способен действительно что-то улучшить в той среде, где находится. С другой стороны, имея большой запас физических и духовных сил, веря в лучшее в человеке, Шебуев уверен,

что сила, которая поможет ему преобразить мир, заключается в деньгах. Это становится очевидно в сцене в трактире, где он в беседе с врачом Малининым рассказывает о том, что в этот раз не очень удачно попросил денег у Чечевицына, признается, что купец ему «не даст денег, старый чёрт!» [Там же, с. 411]. В этом же трактире к беседе присоединяется другой герой Нагрешин (опять говорящая фамилия), который искренно верит, что «миллион может переродить человека» [Там же, с. 419], и утверждает, что если ему дать миллион, то он полюбит людей и даже будет помогать им. Тут же Нагрешин тонко намекает Шебуеву, что в городке есть богатая невеста Надя Лаптева. Из высказываний Шебуева после ухода Нагрешина становится ясно, что он не разделяет позицию своего собеседника, однако признается, что в чем-то она ему и близка. Таким образом, деятельность главного героя становится двойственной: с одной стороны, ему уже удастся привнести что-то хорошее в жизнь людей, однако действует он с опорой на деньги, в условиях той среды, где находится. Иначе говоря, неясно, насколько в действительности Шебуев способен изменить мир, ведь, по сути, он по-прежнему подчинен условиям действительности. Именно это видят и члены кружка, понимая, что архитектор, вроде бы добывая ресурсы для улучшения жизни людей, все больше погрязает в погоне за выгодой.

Как видно, текст представляет собой не только попытку осмыслить злободневную тогда проблему интеллигенции и народа, основной его темой является как раз религиозно-философское и антропологическое измерение жизни человека. Примечательно, что рассуждения архитектора о том, что жизнь прекрасна, как и его воспоминания о прошлом, подготавливаются едва ли не самым длинным из всех монологов Шебуева, посвященным Иммануилу Канту. Текст построен на своеобразном диалоге с Кантом, при этом в «Мужике» восприятие кантовской мысли преломляется в религиозном и антропологическом ключе.

3.2. Религиозно-философское и антропологическое измерение диалога М. Горького с И. Кантом в неоконченной повести «Мужик»

Важно отметить, что в повести «Мужик» еще нет полемики с Кантом, которая оформится в поздних текстах Горького, например, острое несогласие в отношении трактовки природы творчества [Ожигова, 2021, с. 203]. В данной статье мы хотим сконцентрироваться исключительно на взаимодействии Горького с кантовской мыслью по религиозному и антропологическому направлениям. Так, вся вышеперечисленная религиозная символика, весь пафос текста связаны с уточнением понимания человека, путей его развития, того, каким образом должно меняться общественное устройство. Говоря об этом, участники кружка Любимовой заводят разговор о соотношении рационального и чувственного в жизни человека. Шебуев ут-

верждает, что «непомерно развитый интеллект всегда ослабляет непосредственное чувство» [Горький, 1970, с. 380]. Один из героев доктор Крупов в ответ на это высказывание обращается к Шебуеву с вопросом: «А если этот рост интеллекта создаст из человека Канта, — что вы скажете?» [Там же]. На этот вопрос архитектор даст развернутый ответ, предварив этим весь дальнейший разговор о жизни, морали и человеке. В своем монологе Аким Шебуев рассуждает о том, каким должен быть человек будущего. Противопоставляя всесторонне развитого человека человеку, развитому лишь умственно, он говорит следующее: «Кант был очень жалкий и уродливый человек, ибо он не знал ничего в жизни, кроме своей философии. Но все-таки он — Кант, и пускай он жалок, пускай он только жертва нам, нашему стремлению познать тайны бытия... Пускай он всю жизнь думал и, быть может, никогда не чувствовал, что он живет. Его несчастье полезно для нас, оно — наша гордость и слава. И, разумеется, для общей пользы жизни нужны такие люди, что не мешает мне считать их уродами. <...> Таких... мудрецов я не сочту людьми: не могу! Я буду изумляться силе их мысли и даже преклонюсь пред этой силой, но односторонне развитый человек — не идеал человека. Канты и Спинозы — только огромные головы, Бетховены — только изумительно развитые уши и пальцы. А жизнь хочет гармоничного человека, человека, в котором интеллект и инстинкт сливались бы в стройное целое. Нужен человек, все способности которого были бы приведены в строй равномерный и, одна другую оттеняя, всегда, все и всегда, гармонически откликались бы на каждое впечатление бытия. Нужен человек не только умный, но и добрый, не только всё понимающий, но и всё чувствующий» [Там же, с. 306]. Заметим, что на самом деле высказанное Акимом Шебуевым мнение (соотносится ли оно с позицией самого Горького, мы рассмотрим далее) не противоречит взгляду Иммануила Канта на развитие человека: философ также считал, что человека необходимо развивать и воспитывать разносторонним. Вместе с тем Горький через своего героя Акима Шебуева протестует против переразвитости одного единственного качества, будь то интеллект, музыкальные способности или что-либо другое. По сути, Шебуев рисует некий недостижимый идеал: человека, который развит всесторонне настолько, что способен достигать успеха в разных сферах человеческой деятельности. Он считает пороком «гиперразвитость» одного качества, даже если оно определяет гениальность природы. По мнению Шебуева, в этом случае человек ущемлен в чем-то другом. Однако вызывает удивление даже не сама мысль, высказанная героем, а вся вложенная в нее эмоциональность. За этим высказыванием видится уже не случайная реплика, брошенная в салоне, а нечто, напоминающее манифест, идейную позицию. В фокусе вни-

мания оказывается антропологический аспект — взгляды на соотношение разума и чувства.

Философия Канта пронизана стремлением понять природу фундаментальных категорий мироздания, осмыслить их детально. Сложность языкового выражения идей (конечно, во многом дань своему времени и влиянию Вольфа и Баумгартена) обусловлена задачей расщепить, кажется, неделимые вечные и непостижимые понятия. На страницах своих книг Кант излагает свои мысли о бытии, Боге, смерти, препарировав их, — как раз о тех вещах, которые для Горького не подлежат обсуждению на публике. И эта писательская установка предопределила выступление не против философии как таковой, а скорее против метаязыка философии и вообще любого «сложного» языка абстракций, применяемого для обсуждения вечных и непознаваемых категорий. Косвенное объяснение эстетической позиции Горького можно обнаружить в его воспоминаниях, например, об Александре Блоке, где он говорит о том, что не может описывать свои эмоции, свои переживания: «Говорить о себе — тонкое искусство, я не обладаю им» [Горький, 1973, с. 224]. Однако это не означает, что Горький вообще не способен к передаче психологических состояний. Данная позиция имеет под собой более глубокое основание. Для Горького все вопросы, являющиеся предметом философии, относятся к личным, не предназначенным для обсуждения с посторонними людьми: «...вопросы о смысле бытия, о смерти, о любви — вопросы строго личные, интимные, вопросы только для меня. Я не люблю выносить их на улицу, а если, изредка, невольно делаю это — всегда неумело, неуклюже» [Там же]. Становится понятным, почему Горький наделяет своего героя Акима Шебуева таким отношением к фигуре Иммануила Канта, вкладывает в уста героя резкие оценочные высказывания. При этом, конечно, очевидно, что Горький расходится со своим персонажем в оценке Канта как человека и отдает дань его гениальности. Но в соотношении личного мнения Горького и слов его героя можно увидеть некое внутреннее несогласие, своеобразный протест Горького не против Канта (или по крайней мере, не против большинства положений его философии), но против самого языка его философии, самого способа изложения тем, связанных с вопросами смерти, жизни и Бога, изоэренного интеллектуализма, претендующего (по мнению главного героя Горького) на познание всех процессов и законов мироздания. Эта мысль находит подтверждение в письмах Горького. Так, в письме А. К. Виноградову в 1931 году он пишет о «кантовом убеждении в бессилии интеллекта преобразовать мир» [Горький, 2019, с. 14]. Можно сказать, что Аким Шебуев гиперболизирует внутреннюю человеческую и эстетическую позицию Горького. Здесь важно отметить, что для Горького две эти позиции пере-

секались и тесно взаимодействовали на протяжении всего его творческого пути, и откровения Горького в воспоминаниях или высказывания его героя Акима Шебуева не являются случайными.

Однако важно пояснить, что имел в виду Горький, говоря о бессилии интеллекта. Безусловно, он не мог отрицать достижения прогресса, открытия, совершаемые с помощью разума. Речь здесь именно о противопоставлении рационального чувственному (опытному) началу. Эстетическая установка Горького заключалась в трансмутации чувственного, опытного знания в художественный текст. Это подтверждает и автобиографичность очень многих произведений Горького, являющаяся важнейшей характеристикой его прозы. Конечно, у многих писателей присутствует элемент автобиографичности, образы многих героев и событий берутся из жизни. Однако проза Горького автобиографичностью своей часто граничит с очерком, так как образы во многих его рассказах — это слепки с реальных людей, которых он мог наблюдать и в период своего трудного детства, и во время своего хождения по Руси. Ведь даже текст «Мужик» имеет подзаголовок «очерки». «Антропологическая» позиция Горького заключается в том, что человек является венцом творения и что лучшим способом познания жизни и себя служит опыт. В этом смысле Горький через своего героя действительно полемизирует с Кантом, ведь вся аналитичность его философии, стремление с помощью разума познать границы бытия и сознания неспособны, по Горькому, приблизить к пониманию человека и его назначения. При взгляде с этого ракурса становится понятно, что главный герой рассматриваемого произведения словно бросает вызов Канту не только словом, но и делом: пытается перейти от разговоров, свойственных интеллигенции, к реальному делу.

Таким образом, своеобразная полемика с Кантом здесь идет по двум направлениям. С одной стороны, неприятие писателя вызывает метаязыковой уровень суждений Канта: Горькому был не близок сам стиль изложения в работах Канта. С другой стороны, налицо расхождение Горького и Канта в антропологическом ключе: писатель возражает, как он считал, намерению философа «отделить» человека от мира. В 1908 году, находясь на Капри («Мужик» создавался в 1900-х), в одном из писем А. А. Богданову Горький напишет: «... “китаец из Кенигсберга” был человеком, который завершил философское обоснование индивидуализма и тем окончательно отрезал человека от мира» [Горький, 1997, с. 264]. А в 1927 году Горький еще более прямо сформулирует свою позицию: «Канта — не люблю, и это именно он помещает человека вне “земли и неба”, а я — геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист» [Горький, 2013, с. 250]. Так, видно, что отразившаяся в «Мужике» позиция Горького, верившего, что человек «...

преодолел природу собственными усилиями...» [Агурский, 1991, с. 64], сохранилась и в период жизни в Италии, и во время длительной эмиграции, уже во второй половине 20-х годов.

Горький, конечно, обвиняет Канта в отделении человека от мира, ориентируясь на собственное понимание кантовской философии, ведь то, что сам философ оценивал в своей работе как «коперниканский переворот», и было сдвигом фокуса внимания с общих метафизических понятий и попыток познания мира собственно на человека, его способы познания и мышления: «...опыт сам есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, стало быть, а priori; <...> мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [Кант, 1994, с. 24]. Подробнее проблематика «коперниканского переворота» Канта рассматривается в работах ряда исследователей [Михайлов, 2018, с. 300—306; Шульц, 2010; Асмус, 2005]. Однако Горький рассматривал философию, искусство и науку неотрывно от социальных процессов. Таким образом, и сам кантовский переворот в мышлении Горький оценивал с позиции его значимости для социального развития человека, а в этом смысле кантовское представление о человеке, по Горькому, оставляет людей наедине с чистым разумом; оперируя его категориями, они имеют только слабую надежду познать лишь малую часть мироздания.

С другой стороны, в произведении «Мужик» Горький не только спорит с Кантом, но и в чем-то сближается с ним, что подчеркивает важность кантовской темы в тексте. Как уже говорилось выше, текст содержит в себе немало элементов библейской символики. Вопросы веры и религии Горьким здесь не поднимаются (хотя мы не знаем, не было ли этого аспекта в замысле), однако затрагиваются важные темы справедливости, социального переустройства, жизни и человеческой природы — все те же вопросы, на решение которых был направлен и ум Канта. Как пишет философ в работе «Антропология с прагматической точки зрения», «человек предназначен своим разумом к тому, чтобы пребывать в обществе людей и совершенствоваться в нем с помощью искусства и наук свою культуру, цивилизованность и моральность, и как бы велика ни была его животная склонность пассивно предаваться покою и благополучию, которые он называет счастьем, ему надлежит, ведя деятельную борьбу с препятствиями, связанными с грубостью его природы, стать достойным человечества» [Кант, 1994, с. 366]. Как можно увидеть у Горького, именно к этому и стремится Аким Шебуев, поднявшийся, как он признается, «из низов», преодолевший грубость природы и ставший достойным членом общества. При этом Шебуев, констатируя, что «жизнь — все-таки прекрасна» [Горький, 1970,

с. 388], говорит о том, что в жизни есть «грязь и тьма, где человек — еще полузверь, где вся жизнь — только труд ради хлеба.», но и «там есть любовь, и там красота — всюду, где есть человек, есть и хорошее» [Там же, с. 389]. В этом смысле Горький, вкладывая уста своего героя эти слова, солидаризируется с Кантом. Ведь философ в работе «Религия в пределах только разума», рассуждая о природе человека, говорил, что «человек по природе зол» [Кант, 1994, с. 32], имея в виду изначальную склонность ко злу, которую «мы можем называть изначальным, прирожденным злом в человеческой природе» [Там же, с. 33]. Здесь видно, что в религиозно-философском аспекте Горький как будто согласен с Кантом: человек склонен ко злу и может ошибаться, однако задача человечества в том, чтобы противостоять негативным сторонам и преобразовывать не только себя, но и все вокруг. Другой вопрос заключается в том, как созидать, имея склонность ко злу, ведь «общеизвестна кантовская метафора о “кривом дереве”, из которого сделан человек...» [Кумпф, 2007, с. 327]. Для Канта в этом смысле важен непостижимый моральный закон, имеющийся внутри человека. Моральный императив не зависит от личной склонности, выгоды или удовольствия, а непосредственно связан с категорией долга. В свою очередь, «представление о личности как самоцели неотделимо в этике Канта от идеи долга. Связь эта делает в глазах Канта совершенно неприемлемой эпикурейскую этику наслаждения» [Асмус, 2005, с. 285]. Однако главный герой Шебуев констатирует: «Жизнь — этот прекрасный процесс созидания идей, накопления красоты и мудрости, неустанного творчества новых форм, процесс таинственный, глубоко интересный и радостный...» [Горький, 1970, с. 383]. Как видно из этой манифестной фразы, для Шебуева процесс жизнотворчества и саморазвития связан с радостью и должен приносить как эстетическое, так и чувственное удовольствие, о чем герой и говорит далее: «Любовь к идеалу — чувство деятельное и страстно склонное к жертве... Даже женщин, любить которых нас так упорно заставляет инстинкт, — мы и женщин не любим. Нечем! Нет чувства! <...> Чувство наше покрылось книжной пылью <...> Личный опыт каждого из нас поразительно ничтожен» [Там же]. Эта позиция находится в явном противоречии с этикой Канта, согласно которой «там, где речь о долге, недопустимо рассматривать наслаждение жизнью как движущую силу поведения или даже как малейшую часть этой силы...» [Асмус, 2005, с. 285], а счастье не является высшей целью «нашего морального действия» [Клемме, 2007, с. 227].

Вместе с тем Горький, споря с Кантом, прекрасно понимает и сложность позиции своего героя, стремящегося соединить в гармонии рациональное и чувственное начало. Однако окончательного ответа, удастся

ли герою добиться успеха, писатель не дает (возможно, потому, что текст остался незавершенным). Аким Шебуев, пытаясь улучшить жизнь людей, руководствуется двоякими принципами, за что и сам себя осуждает. Этим объясняется обилие религиозной символики, присутствующей в тексте, ведь «“золотое правило” морально правильного действия... сохранило центральное значение также в христианской и исламской традициях...» [Фегер, 2007, с. 234]. А если применить кантовскую философию, то поведение Шебуева в отношении купца Чечевицына оказывается ошибочным, даже если архитектору и удастся заставить Чечевицына выделить деньги на нужды города. Конечно же, Горький не стремится показать идеального человека. В образе Шебуева представлен персонаж с моральным законом внутри, который подсказывает ему, что он достигает целей (общественного благополучия) негодными средствами. Кант, в свою очередь, предполагает, что в теории при развитии общества моральный закон возьмет верх и человек научится преодолевать свою «злую» природу. Горький же задает вопросы и сознательно рисует человека, стремящегося преобразовать жизнь, однако на практике, при столкновении с опытом, с реальностью становится ясно, что изменить жизнь, как и преодолеть свои «злые» наклонности, оказывается гораздо сложнее, чем это выглядит в теории. Отсюда и явный вызов, брошенный Канту в тексте, ведь «Горький попытался искать ответы в книгах, не только в философских, но и в социально-политических» [Спиридонова, 2022, с. 48]. Вместе с тем с позиции Горького философствования Канта о достижении человеком справедливости, развитии общества выглядят как сложные построения, далекие от жизни и соблазнов, с которыми приходится сталкиваться человеку.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, при рассмотрении текста Горького «Мужик» выявляются новый ракурс и истоки своеобразного диалога, который писатель заочно вел с философом Иммануилом Кантом. Важно отметить, что кантовская тема возникает у Горького еще в ранних письмах, продолжается уже в поздний период и трансформируется в художественные произведения в виде своеобразных диалогов, иногда полемических, как, например, в более позднем тексте немецкого периода «Рассказ об одном романе».

В статье было рассмотрено религиозно-философское и антропологическое измерение диалога, развернувшегося на страницах произведения Горького «Мужик». Показано, что неприятие кантовской философии, не раз высказываемое Горьким в письмах, было связано в том числе и с мировоззренческими вопросами. Так, Горькому было совершенно не близко кантовское разграничение рационального и чувственного в пользу раци-

онального начала. Это манифестом звучит в словах главного героя Акима Шебуева, который говорит о необходимости гармонизации чувственного и рационального в человеке. При этом если для Канта важна этика долга, где нет места гедонизму, то для Шебуева деятельность на благо общества тесно переплетается со всеми радостями жизни, а «аскетизм — тоже уродство и болезнь» [Горький, 1970, с. 421]. Вместе с тем Горький в чем-то соглашается с Кантом, так, например, ему близка идея всеобщей гармонично развитого человека, которую провозглашает его герой и которая хорошо соотносится с близкой Канту концепцией *Bildung* («... образовывания человека как активного, действующего существа...» [Быкова, 2007, с. 300]). Более того, несмотря на то, что текст относится к раннему периоду творчества Горького, в нем присутствует немало элементов библейской символики, что указывает на сближение в области религиозных вопросов, справедливости и морали. В религиозно-философском отношении многие положения кантовской философии близки Горькому, и можно предположить, что такие резкие оценки, данные Канту в письмах, связаны с общим неприятием Горьким намеренной усложненности и аналитичности кантовского языка и излишне рационалистического подхода философа к истолкованию непостижимого, к осмыслению человека, его места и назначения в мире, законов бытия. Ведь те вещи, о которых Кант пытается рассуждать в категориях «чистого разума», по Горькому, относятся в сфере очень личного и трудновыразимого. Таким образом, при рассмотрении произведения «Мужик» раскрывается еще одна грань религиозно-философского и антропологического аспекта творчества Горького.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1997. — Т. 2. — 480 с. — ISBN 5-02-011192-9.
2. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2000. — Т. 6. — 623 с. — ISBN 5-02-011192-9.
3. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2013. — Т. 16. — 981 с. — ISBN 5-02-011192-9.
4. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 2019. — Т. 21. — 1014 с. — ISBN 5-02-011192-9.
5. Горький М. Полное собрание сочинений : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1970. — Т. 5. — 567 с.
6. Горький М. Полное собрание сочинений : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1973. — Т. 17. — 631 с.

7. *Кант И.* Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант. — Москва : Чоро, 1994. — Т. 3. — 741 с. — ISBN 5-8497-0003-X.
8. *Кант И.* Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант. — Москва : Чоро, 1994. — Т. 6. — 613 с. — ISBN 5-8497-0006-4.
9. *Кант И.* Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант. — Москва : Чоро, 1994. — Т. 7. — 495 с. — ISBN 5-8497-0007-2.
10. *Словарь библейских образов* / под ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. — Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005. — 1423 с. — ISBN 0-8308-1451-5.

Литература

1. *Абрамов А. И.* О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» / А. И. Абрамов // Кант и философия в России. — Москва : Наука, 1994. — С. 227—247.
2. *Агурский М. С.* Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) / М. С. Агурский // Вопросы философии. — 1991. — № 8. — С. 54—74.
3. *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант / В. Ф. Асмус. — Москва : Высшая школа, 2005. — 439 с. — ISBN 5-06-004516.
4. *Быкова М. Ф.* Кант и концепция Bildung / М. Ф. Быкова // Иммануил Кант : наследие и проект. — Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 291—310. — ISBN 978-5-88373-192-0.
5. *Гельрот М. В.* Ницше и Горький (Элементы нищезнания в творчестве Горького) / М. В. Гельрот // Максим Горький : pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 381—429. — ISBN 5-88812-014-6.
6. *Голосовкер Я. Э.* Достоевский и Кант : Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума» / Я. Э. Голосовкер. — Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 103 с.
7. *Золотарев А. В.* Идеи кантовской моральной философии в творчестве Ф. М. Достоевского / А. В. Золотарев // Соловьевские исследования. — 2018. — Выпуск 4 (60). — С. 73—89.
8. *Клемме Х. Ф.* Форма добра / Х. Ф. Клемме // Иммануил Кант : наследие и проект. — Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 221—233. — ISBN 978-5-88373-192-0.
9. *Круглов А. Н.* Кант и кантовская философия в русской художественной литературе / А. Н. Круглов. — Москва : Канон+, 2010. — 479 с. — ISBN 978-5-88373-272-9.
10. *Кумпф Ф.* Понятие разума у Канта и его видение перманентного Просвещения / Ф. Кумпф // Иммануил Кант : наследие и проект. — Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 321—329. — ISBN 978-5-88373-192-0.
11. *Курылев Ю. И.* Философско-этические воззрения А. М. Горького / Ю. И. Курылев. — Саратов : Изд-во Сарат. Ун-та, 1988. — 152 с.
12. *Михайлов К. А.* Теоретическая философия Иммануила Канта и современная логика: Опыт нового прочтения «Критики чистого разума» / К. А. Михайлов. — Москва : ЛЕНАНД, 2018. — 352 с. — ISBN 978-5-9710-4710-0.
13. *Михайловский Н. К.* О г. Максиме Горьком и его героях / Н. К. Михайловский // Максим Горький: pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 325—380. — ISBN 5-88812-014-6.
14. *Ожигова М. М.* Максим Горький и Иммануил Кант : к полемике о природе творчества в «Рассказе об одном романе» (Берлин, 1924 г.) / М. М. Ожигова // Новый филологический вестник. — 2021. — № 2 (61). — С. 198—207. — DOI: 10.54770/20729316-2022-2-198.

15. *Поссе В. А. Мой жизненный путь* / В. А. Поссе. — Москва, Ленинград : Земля и Фабрика, 1929. — 548 с.

16. *Примочкина Н. Н. Поэтика эксперимента : творчество М. Горького начала 1920-х гг* / Н. Н. Примочкина. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-4499-2813-9.

17. *Спиридонова Л. А. М. Горький — мыслитель, художник, человек* / Л. А. Спиридонова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2022. — 432 с. — ISBN 978-5-9208-0697-0.

18. *Трубицына Н. А. Культурологические идеи Иммануила Канта в повести М. М. Пришвина «Жень-Шень»* / Н. А. Трубицына // Сибирский филологический журнал. — 2016. — № 1. — С. 72—76.

19. *Фегер Г. Как категорический императив обретает свое применение?* / Г. Фегер // Иммануил Кант : наследие и проект. — Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 234—249. — ISBN 978-5-88373-192-0.

20. *Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»* / И. Шульц. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. — 152 с. — ISBN 978-5-397-01495-3.

*Статья поступила в редакцию 16.07.2024,
одобрена после рецензирования 29.09.2024,
подготовлена к публикации 07.10.2024.*

Material resources

Gorky, M. (2000). *Complete works: in 24 volumes, 6*. Moscow: Nauka. 623 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Gorky, M. (2013). *Complete works: in 24 volumes, 16*. Moscow: Nauka. 981 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Gorky, M. (2019). *Complete works: in 24 volumes, 21*. Moscow: Nauka. 1014 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Gorky, M. (1970). *The complete works: in 25 volumes, 5*. Moscow: Nauka. 567 p. (In Russ.).

Gorky, M. (1997). *The complete works: in 24 volumes, 2*. Moscow: Nauka. 480 p. ISBN 5-02-011192-9. (In Russ.).

Gorky, M. (1973). *The complete works: in 25 volumes, 17*. Moscow: Nauka. 631 p. (In Russ.).

Kant, I. (1994). *Collected works: in 8 volumes, 6*. Moscow: Choro. 613 p. ISBN 5-8497-0006-4. (In Russ.).

Kant, I. (1994). *Collected works: in 8 volumes, 7*. Moscow: Choro. 495 p. ISBN 5-8497-0007-2. (In Russ.).

Kant, I. (1994). *Collected works: in 8 volumes, 3*. Moscow: Choro. 741 p. ISBN 5-8497-0003-X. (In Russ.).

Ryken, L., Wilhoit, D., Longman, T. (eds.). (2005). *Dictionary of Biblical Images*. St. Petersburg: The Bible for All. 1423 p. ISBN 0-8308-1451-5. (In Russ.).

References

Abramov, A. I. (1994). On Russian Kantianism and neo-Kantianism in the journal Logos. In: *Kant and Philosophy in Russia*. Moscow: Nauka. 227—247. (In Russ.).

Agursky, M. S. (1991). The Great heretic (Gorky as a religious thinker). *Questions of philosophy*, 8: 54—74. (In Russ.).

Asmus, V. F. (2005). *Immanuel Kant*. Moscow: Higher School. 439 p. ISBN 5-06-004516. (In Russ.).

- Bykova, M. F. (2007). Kant and the concept of Bildung. In: *Immanuel Kant: heritage and project*. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 291—310. ISBN 978-5-88373-192-0. (In Russ.).
- Feger, G. (2007). How does the categorical imperative find its application? In: *Immanuel Kant: legacy and project*. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 234—249. ISBN 978-5-88373-192-0. (In Russ.).
- Gelrot, M. V. (1997). Nietzsche and Gorky (Elements of Nietzscheanism in Gorky's work). In: *Maxim Gorky: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 381—429. ISBN 5-88812-014-6. (In Russ.).
- Golosovker, Ya. E. (1963). *Dostoevsky and Kant: The reader's reflection on the novel "The Brothers Karamazov" and Kant's treatise "Criticism of Pure Reason"*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 103 p. (In Russ.).
- Klemme, H. F. (2007). The form of goodness. In: *Immanuel Kant: legacy and project*. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 221—233. ISBN 978-5-88373-192-0. (In Russ.).
- Kruglov, A. N. (2010). *Kant and Kantian philosophy in Russian fiction*. Moscow: Kanon+. 479 p. ISBN 978-5-88373-272-9. (In Russ.).
- Kumpf, F. (2007). Kant's concept of reason and his vision of permanent Enlightenment. In: *Immanuel Kant: legacy and project*. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation". 321—329. ISBN 978-5-88373-192-0. (In Russ.).
- Kurylev, Yu. I. (1988). *Philosophical and ethical views of A. M. Gorky*. Saratov: Sarat Publishing House. Unita. 152 p. (In Russ.).
- Mikhailov, K. A. (2018). *The theoretical philosophy of Immanuel Kant and modern logic: The experience of a new reading of the Critique of Pure Reason*. Moscow: LENAND. 352 p. ISBN 978-5-9710-4710-0. (In Russ.).
- Mikhailovsky, N. K. (1997). About Maxim Gorky and his heroes. In: *Maxim Gorky: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 325—380. ISBN 5-88812-014-6. (In Russ.).
- Ozhigova, M. M. (2021). Maxim Gorky and Immanuel Kant: towards a polemic about the nature of creativity in the "Story of a Novel" (Berlin, 1924). *New Philological Bulletin*, 2 (61): 198—207. DOI: 10.54770/20729316-2022-2-198. (In Russ.).
- Posse, V. A. (1929). *My life path*. Moscow, Leningrad: Land and Factory. 548 p. (In Russ.).
- Primochkina, N. N. (2022). *The poetics of experiment: the work of M. Gorky in the early 1920s*. Moscow: Direct Media. 320 p. ISBN 978-5-4499-2813-9. (In Russ.).
- Schultz, I. (2010). *Explanatory exposition of the "Critique of pure reason"*. Moscow: LIBRO-COM. 152 p. ISBN 978-5-397-01495-3. (In Russ.).
- Spiridonova, L. A. (2022). *M. Gorky — thinker, artist, man*. Moscow: IMLI RAS. 432 p. ISBN 978-5-9208-0697-0. (In Russ.).
- Trubitsyna, N. A. (2016). Cultural ideas of Immanuel Kant in the novel by M. M. Prishvin "Zhen-Shen". *Siberian Philological Journal*, 1: 72—76. (In Russ.).
- Zolotarev, A. V. (2018). The ideas of Kant's moral philosophy in the works of F. M. Dostoevsky. *Solovyov studies*, 4 (60): 73—89. (In Russ.).

*The article was submitted 16.07.2024;
approved after reviewing 29.09.2024;
accepted for publication 07.10.2024.*

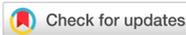
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Алевтина Михайловна Сафронова, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Александр Игоревич Егоров, д-р истор. наук (Нижний Новгород)
Виктория Викторовна Бондарева, канд. истор. наук (Краснодар)
Дарья Алексеевна Пинаева, канд. истор. наук (Казань)
Евгений Владимирович Игумнов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Екатерина Олеговна Муслимова, канд. истор. наук (Тюмень)
Елена Олеговна Старовойтова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Иван Владимирович Ильичев, соискатель (Саранск)
Ирина Александровна Кунина, д-р философии (Баку, Азербайджан)
Искандэр Эдуардович Магадеев, канд. истор. наук (Москва)
Наталья Викторовна Ракитина, старший научный сотрудник (Тюмень)
Оксана Валерьевна Зарецкая, канд. истор. наук (Архангельск)
Сергей Викторович Куликов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Рашит Алимович Мухамедов, д-р истор. наук (Ульяновск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бондарева В. В. Соборы как средство воздействия на общественное сознание Западной Европы в эпоху Средневековья (X—XVI века) / В. В. Бондарева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 325—348. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-325-348.

Bondareva, V. V. (2024). Cathedrals as Instruments of Influence on Public Consciousness in Medieval Western Europe (10th-16th Centuries). *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 325-348. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-325-348. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Соборы как средство
воздействия
на общественное
сознание Западной Европы
в эпоху Средневековья
(X—XVI века)**

Бондарева Виктория Викторовна
orcid.org/0000-0002-7316-1484
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра рекламы и связи
с общественностью
lotus_blanc@mail.ru

Кубанский государственный
технологический университет
(Краснодар, Россия)

**Cathedrals as Instruments
of Influence on Public
Consciousness in Medieval
Western Europe
(10th-16th Centuries)**

Victoria V. Bondareva
orcid.org/0000-0002-7316-1484
PhD in History, Associate Professor,
Department of Advertising
and Public Relations
lotus_blanc@mail.ru

Kuban State
Technological University
(Krasnodar, Russia)

© Бондарева В. В., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается функциональное воздействие христианских соборов Западной Европы на общественное средневековое сознание. На основе метода системного анализа и ценностного подхода соборы рассматриваются как один из структурных элементов системы религиозных коммуникаций, как ключевое средство воздействия на общественное сознание Западной Европы в средние века, посредством которого в массы транслировались основные идеи христианства. Отдельное внимание уделяется искусству каменных календарей, рассматриваемых в качестве одного из факторов формирования христианского мировоззрения в средние века. Выявляются ценностные, символические и функциональные характеристики средневековых соборов как средств религиозной коммуникации. Обозначаются общие принципы архитектурной организации католических храмов во взаимосвязи с их функциями воздействия на общественное сознание. Выявляется влияние романских соборов на направленность развития общественного сознания в западноевропейском средневековье. Автор приходит к выводу, что христианские соборы как средство воздействия на общественное средневековое сознание обладали выраженным управленческим и мотивационным эффектом и реализовывали широкий спектр социокультурных функций, способствуя стабилизации и духовно-нравственному совершенствованию средневекового западноевропейского общества.

Ключевые слова:

христианские соборы; западноевропейское Средневековье; средневековое общественное сознание; романский стиль; готический стиль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the functional impact of Christian cathedrals in Western Europe on medieval public consciousness. Utilizing a systemic analysis method and a values-based approach, cathedrals are examined as structural elements within the framework of religious communication, serving as key instruments for shaping public consciousness during the Middle Ages. Through these edifices, the core tenets of Christianity were disseminated to the masses. Special attention is given to the art of stone calendars, which are considered a significant factor in the formation of a Christian worldview during this period. The study identifies the value-laden, symbolic, and functional characteristics of medieval cathedrals as tools of religious communication. It outlines the overarching principles of architectural organization in Catholic churches in relation to their roles in influencing public consciousness. The influence of Romanesque cathedrals on the trajectory of public consciousness in medieval Western Europe is also examined. The author concludes that Christian cathedrals, as instruments of influence on medieval public consciousness, possessed a pronounced managerial and motivational effect, fulfilling a wide range of sociocultural functions that contributed to the stabilization and spiritual-moral development of medieval Western European society.

Key words:

Christian cathedrals; medieval Western Europe; medieval public consciousness; Romanesque style; Gothic style.

Соборы как средство воздействия на общественное сознание Западной Европы в эпоху Средневековья (X—XVI века)

© Бондарева В. В., 2024

1. Введение = Introduction

Средства воздействия на общественное сознание зародились в глубокой древности и прошли длительный путь исторического развития вместе с человечеством, проявляя себя изначально и в наскальной живописи, и в промысловой магии, и в обрядовых танцах первобытного человека. Исторически процесс формирования системы средств воздействия на общественное сознание был связан в первую очередь со сферой религиозной культуры, поскольку именно религия всегда играла ключевую роль в социокультурном развитии общества и государства, распространяя сферу сакрального на область человеческих отношений и обеспечивая нужный уровень социальной стабильности и баланс различных сил. Средства воздействия на массы как элемент социокультурной системы наряду с ярко выраженной эстетической функцией, присущей любому искусству, обладают еще и управленческим эффектом, позволяющим способствовать в совокупности с мотивацией формированию определенного социально-политического порядка, характеризующегося стабильностью и гармонизацией общественных отношений в государстве.

Каждый период отличается своими историческими условиями, мировоззренческими характеристиками, моделями общественных отношений и социокультурными средствами управления общественным сознанием. Западноевропейское Средневековье, хронологически определяемое V—XVII веками [Хачатурян, 2000, с. 24–27], как особый исторический отрезок времени прошло под знаком идеологического господства христианства, оказывавшего сильнейшее воздействие на направленность развития общественно-политических и историко-культурных процессов.

Христианство стало одним из важнейших факторов, обеспечивавших единство западноевропейской цивилизации, а христианские соборы наряду с проповедями священников — одним из ключевых средств, оказывающих воздействие на массовое сознание с целью регулирования общественных отношений и формирования поведенческой модели, отвечающей

христианскому мировоззрению. Общий хронологический период, характеризовавшийся господством в западноевропейской средневековой культуре сначала романского, а потом готического архитектурных стилей, определяется X—XVI веками, включая в себя конец эпохи раннего Средневековья, период расцвета феодальных отношений и начало позднего феодализма.

Исследуемая тема актуальна, поскольку христианские соборы средневековой Европы как памятники искусства и в наши дни продолжают волновать современное общество своей высокой эстетикой, глубоким символизмом, сложной и в то же время очень гармоничной архитектурной организацией, многогранностью смыслового повествовательного контекста, воздействуя на общественное сознание с большой социокультурной силой. Как отмечала в свое время Н. А. Хачатурян (1931—2020), ведущий специалист в области политической истории Западной Европы в Средние века, архитектура готики и романская архитектура, «органически вошедшие в архитектурный ансамбль западноевропейских городов, и сегодня материализуют образ средневековой эпохи», а «живая связь времен» побуждает «в особенностях прошлого искать ответы» на вопросы современной жизни [Хачатурян, 2000, с. 29].

В плане историографии особой значимостью для настоящего исследования обладают работы зарубежных специалистов Э. Маля, Ж. Дюби и Р. Рехта [Маль, 2008; Дюби, 2002; Рехт, 2014]. Французский ученый-энциклопедист Эмиль Маль (1862—1954) одним из первых связал искусство готических соборов западноевропейского Средневековья с библейскими текстами и памятниками богословия, указав на то, что соборы способствуют духовному просвещению. Просветительскую функцию средневековых соборов Западной Европы подчеркивал в своих исследованиях и известный историк средневекового искусства Ролан Рехт (1941), предложивший современную трактовку искусства собора как особой визуальной художественной системы, включающей в себя архитектуру, скульптуру, монументальную живопись и мелкую пластику. Крупнейший французский историк-медиевист Жорж Дюби (1919—1996) отмечал высокую цивилизационную значимость католических соборов, в искусстве которых получили свое отражение мировоззренческие представления средневекового западноевропейского общества.

В настоящей работе христианские соборы западноевропейского Средневековья рассматриваются не просто как символ определенной исторической эпохи и часть религиозной культуры Западной Европы, а как средство воздействия на общественное сознание, обладающее выраженным управленческим и мотивационным эффектом, реализующим ряд социокультурных функций, способствующих стабилизации общественно-политической жизни, духовно-нравственному развитию и совершенствованию общества.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Важным источником, позволяющим уяснить смысловой контекст символики христианского искусства и оценить его ценностную составляющую, является труд настоятеля епископального прихода Святого Филиппа в Тусоне (штат Аризона, США) Джорджа Фергюссона. Его книга, впервые изданная в середине 50-х годов XX века и выдержавшая несколько изданий, продолжает оставаться авторитетным источником по изучению символов в христианском искусстве [Fergusson, 1959]. Джон Уолкер, почетный директор Национальной галереи искусств в Вашингтоне, высоко ценил работу Д. Фергюссона, отмечая, что на английском языке не существует работы, которую бы можно было сопоставить с трудом Д. Фергюссона. Конкретика смыслового значения христианских символов, представленная в работе Д. Фергюссона, позволяет понять и почувствовать сквозь призму христианской идеологии те ценности, которыми жил и дышал человек в эпоху соборов западноевропейского Средневековья.

Многочисленный фотоматериал, представленный в изданиях зарубежных и отечественных авторов (Э. Виолле-ле-Дюк, Э. Маль, Ж. Дюби, О. А. Лясковская и др.) [Виолле-ле-Дюк, 2018; Маль, 2008; Дюби, 2002; Лясковская, 1973; Готика ..., 2000; Всеобщая история..., 1966], а также на интернет-ресурсах [ZSatAC], послужил ценным источником для изучения искусства христианских соборов в плане выявления особенностей их воздействия на средневековое общественное сознание. В процессе анализа фотоматериала при помощи ценностного подхода были выявлены духовно-нравственные ценности, которые транслировались посредством искусства соборов в сознание средневекового человека, определяя образ восприятия мира, мышления, поведения, придавая христианский смысл человеческой жизни и обеспечивая определенный порядок в государстве, обществе и взаимоотношениях людей друг с другом.

Материалы зарубежного историка искусства Гюнтера Биндинга (1936) из немецкого архива культуры (Archiv für Kulturgeschichte) послужили источником для выявления происхождения готического стиля и содержания самого понятия «готики», изначально называемой «Opus Francigenum», что буквально означает «французская работа». Именно готический стиль отличается особенно высокая сила воздействия на общественное сознание ввиду более изящной, таинственной и мистической архитектурной подачи христианской идеологии. Поэтому понимание культурных истоков, смысловых и содержательных контуров понятия «готического стиля» представляется важным для настоящей работы.

Основополагающим для настоящего исследования является метод системного анализа, который позволил комплексно рассмотреть функ-

циональный ряд искусства средневековых соборов как единую систему, оказывающую социокультурное воздействие на сознание средневекового общества и обладающую ярко выраженным управленческим и мотивационным эффектом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Христианская идеология как основа духовного развития и нравственного совершенствования средневекового общественного сознания

Историческое развитие Западной Европы в эпоху Средневековья происходило в условиях полного господства христианства, которое кардинальным образом изменило представления западноевропейского общества об окружающем мире и взаимоотношениях людей друг с другом. В первую очередь утвердилось принципиально иное отношение к ближнему и обществу в целом, основанное на любви и жертвенности. Как отмечал в свое время ирландский историк XIX века Уильям Лекки (1838—1903), христианство, вселяющее в сердца людей пламенную любовь, показало свою способность действовать на все времена, нации, темпераменты и состояния, являясь не только высшим образцом добродетели, но и сильнейшим стимулом к практическому действию [Lecky, 1869, p. 9]. Именно христианство с его ключевым постулатом любви к Богу и ближнему способствовало гуманизации общественных отношений [Там же], превращению женщин и детей в полноценных членов общества, развитию социальной защиты в средневековом западноевропейском обществе [Blainey, 2013, p. 19—20; 214—215; Stark, 2020, p. 95—104]. Милосердие впервые было возведено в ранг добродетели и поставлено на первое место в нравственной жизни и наставлениях христианских проповедников [Lecky, 1869, p. 84].

Следующим важным принципом христианской идеологии стало изменение смыслового содержания понятия «силы»: акцент был смещен с силы физической на силу духа, которая воспитывалась воздержанием от пищи и телесных удовольствий, молитвенным подвигом, аскетизмом, милостыней, служением ближнему, обществу и государству. Социокультурное развитие общества в средневековой Европе полностью определялось христианством, которое формировало поведенческую модель общества, определяло направленность его духовно-нравственного развития. Основой нравственного совершенствования выступало Евангелие (Новый Завет), где в притчах Иисуса Христа, Мессии из Назарета, излагались правила поведения человека и организации его быта. При этом следует подчеркнуть, что заветы Иисуса Христа были направлены не на внешнюю (обрядовую), а на внутреннюю (духовную) сторону совершенствования человека (в этом учение

Иисуса кардинальным образом противопоставлялось фарисейству, в рамках которого основным было следование правилу (закону): как известно из Евангелия, Христос, невзирая на обычай, исцелял даже в субботный день, за что его пытались осуждать фарисеи). Согласно американскому ученому, профессору богословских исследований Далласской духовной семинарии Джеффри Бингэму, высокие этические и моральные принципы обусловили чрезвычайную популярность (привлекательность) христианского вероучения среди населения [Bingham, 2009, p. 24].

Христианство не делает акцента на материальных благах и богатстве, высшим подвигом считается обретение сокровищ духовных: спасение души через преодоление страстей и познание Бога. В период Реформации (начало XVI века — 60-е годы XVII века), когда начало развиваться протестантство, понятие «богатства» было переосмыслено, появилась трактовка, отвечающая духу капитализма: во главу угла был поставлен честный приумножающий труд, рост богатства стал восприниматься как признак божественной благодати (богоизбранности) и возможность совершения богоугодных дел. Значительное внимание этому вопросу уделено в известной работе крупнейшего немецкого социолога и экономиста Максимилиана Вебера (1864—1920) «Протестантская этика и дух капитализма», впервые опубликованной в 1905 году [Вебер, 1990].

Особое восприятие иерархии миропорядка и места человека в ней — еще одна ключевая идея христианства, в соответствии с которой организовывается поведенческая модель общества. Становится главным не место человека в иерархии мира, а его внутренний (духовный) порядок: кем бы ни был человек в этом мире, главным смыслом его бытия, с точки зрения христианской этики, является сохранение духовной чистоты, благодаря которой становится возможным союз с Богом. Этот постулат обеспечивал внутреннему состоянию человека духовную самодостаточность, свободу и покой, основой которых выступало обещание спасения и вечной жизни (великой награды на небесах). А государство и властные структуры видели в христианской этике гарантию политической и социальной стабильности. Следует отметить, что понятие «духовной чистоты» чрезвычайно широко в христианстве и включает в себя в числе прочего и доктрину непротивления и покорности высшим властям, поскольку нет власти не от Бога, и всякий, противящийся власти, противится Богу.

Высочайшая социокультурная востребованность и действенность христианской этики и морали, глубоко актуальной во все времена и способной изменять поведенческие модели человека и общества, подтверждается многими историческими примерами. Христианская этика, в частности, играла значимую роль в империи Константина Великого (306—337), пер-

вого христианского императора, который, по словам американского профессора Ганса Польсандера, при помощи христианства стремился укрепить и сохранить свою империю [Pohlsander, 2004, p. 78—79]. Консервативный дух христианской этики, подчеркиваемый Г. Польсандером, указывает на стабилизирующую функцию христианства в русле реализации задач управления общественным сознанием и поведением.

Итак, на уровне идеи христианство есть любовь, жертвенность, самоотверженное служение Богу через служение ближнему, безропотное перенесение страданий, которые в концепции христианской веры очищают и совершенствуют человеческую душу. Рассмотрим, каким же было архитектурное воплощение идей христианской этики в Западной Европе в эпоху Средневековья.

3.2. Ценностные, символические и функциональные характеристики средневековых соборов как своего рода средств коммуникации

Средневековая христианская архитектура, скульптура и живопись выступали материальными средствами, при помощи которых идеи веры транслировались в массовое сознание и закреплялись в нем благодаря зрительной наглядности и образной выразительности. Причем подчас не сама идея, а именно средства транслирования идеи являлись главным мотивирующим фактором к определенному образу жизни и поведению. Соборы как своего рода средства коммуникации от лица церкви продвигали в массовое сознание средневекового общества определенную ценностную модель мировоззрения и поведения, реализуя тем самым стабилизирующую функцию в отношении общественного порядка, в чем чрезвычайно были заинтересованы правящие структуры. Характерной чертой христианских соборов, оказывающих влияние на общественное средневековое сознание, был также долгосрочный эффект воздействия: взглянув единожды на страдания Христа в католическом храме, прихожанин внутренне менялся на всю жизнь. В его сознании на уровне конкретного изображения навсегда запечатлевался образ Сына Божьего, добровольно принесшего себя в жертву из любви за грехи человеческие и глубоко страдавшего во имя того, чтобы смыть своей святой кровью печать первородного греха с человека и приблизить его к Богу, открыв ему путь спасения. Духовный подвиг Христа заключался не только в том, что он страдал, но и в том, что он любил тех, кто распинал его. Это была принципиально иная для того времени ценностная концепция мира и организации общественных отношений, глубокий духовный переворот, кардинально изменивший сознание средневекового общества. Если в язычестве приносили жертву Богу, чтобы умиловить и умиротворить его грозную силу, то здесь сам Бог принес себя в жертву из глубокой любви и милости к человечеству. В язычестве

так никогда не изображали Бога, как распятого Христа: кроткого, глубоко страдающего, которого, как последнего раба, подвергли самой позорной казни и страшным мучениям на кресте.

Христианская средневековая архитектура Западной Европы, как и вообще вся культура, глубоко символична и пронизана антитезами (противопоставлениями). Весь мир в соответствии с христианской идеологией представляет собой определенную религиозно-иерархическую систему, в которой божественное, несущее духовный свет, небесное царство противопоставляется миру земному (низменному, греховному, материальному). В соответствии с этим принципом храмовые сооружения устремляли свои купола и шпили ввысь, «унося взор и душу верующего, созерцавшего средневековые соборы, к Богу» [Шестаков, 2018, с. 35].

Христианские соборы стали одним из основных и самых эффективных средств воздействия на общественное сознание в средневековой Западной Европе. Современный российский медиевист, доктор исторических наук В. И. Уколова называет средневековые соборы «своеобразными каменными энциклопедиями универсального знания, “библиями мирян”», в которых воплотился один из важнейших принципов средневековой культуры — «тяготение к энциклопедизму, целостному охвату всего сущего» [Уколова, 2000, с. 571]. С точки зрения социокультурных коммуникаций соборы были призваны не просто воздействовать на общество, вызывая эмоции духовного трепета, они должны были транслировать в массовое сознание конкретное информационное послание, определенную ценностную концепцию мировосприятия, реализуя тем самым мировоззренческую, информационную, просветительскую и консолидирующую функции. Такой эпитет соборов, как «библия мирян», встречающийся не только в трудах современных исследователей, но и в среде современников Средневековья, весьма четко и удачно подчеркивает выполняемую ими роль информационного послания. Каменные послания соборов были призваны обеспечить строго заданный социокультурный результат: изменить и определенным образом организовать в соответствии с христианской идеологией сознание средневекового человека, мотивировать его на определенные действия, поступки, поведение.

Следует принять во внимание, что западноевропейское средневековое общество было неоднородным, в связи с чем примечателен тот факт, что информационно-просветительское воздействие соборов охватывало все слои, включая неграмотное, необразованное население, которое, созерцая соборы, узнавало о христианском вероучении. На просветительский характер христианского искусства в свое время указывал итальянский ученый, специалист по средневековой эстетике Умберто Эко (1932—2016), полагавшийся на средневековые документы (постановления Аррасского Синода 1025 года)

и рассуждения влиятельных церковных авторов Средневековья — аббата Сугерия из Сен-Дени (около 1081—1151), а также философа-богослова Горнория Отенского (около 1070 — после 1139) [Эко, 2004, с. 39—40].

По мнению известного французского историка искусства Ролана Рехта, распространение практики реализации просветительской функции средневековыми соборами связано с эпохой Григория Великого (около 540—604), «настаивавшего на необходимости прибегать к изображениям для просвещения неграмотных» [Рехт, 2014, с. 219]. Р. Рехт приводит постановления Аррасского Собора («то, что простецы и неграмотные не могут увидеть в писаниях, пусть они видят в живописи»), уточняя, что изображения определялись как «письмена для мирян» (у Сикарда Кремонского) или как «книги для мирян» (у Альберта Великого). Принимая во внимание значимость визуального образа для прихожан и полагаясь на средневековых авторов, Р. Рехт отмечает, что изображения, согласно признанию Гильома Дюрана, «волнуют душу больше, чем тексты»; они, по мнению святого Бонавентуры, «побеждают невежество простецов, косность чувств и слабость памяти» [Там же]. Здесь уместно вспомнить тот момент, о котором уже упоминалось ранее: человек менялся, глядя на распятого Христа, запечатленного в храмовой скульптуре и живописи. Он смотрел на него и думал: если Бог подвергнут таким мукам, то, что же будет с ним, грешным человеком, после смерти. Изображение распятого Христа как особое средство воздействия на общественное сознание, помимо просветительской функции, обладало еще и мощным управленческим и мотивационным эффектом, ориентируя человека к внутреннему духовному исправлению и совершенствованию, к ведению добродетельного образа жизни.

3.3. Каменные календари соборов как фактор формирования христианского мировоззрения в Средние века

Священное Писание, высеченное в камне, читать можно было по-разному, поскольку оно обладало множеством глубоких смысловых пластов. При этом в плане воздействия общая смысловая концепция в библейских текстах и их архитектурных выражениях всегда оставалась единой (речь идет о различных уровнях глубины восприятия и познания смысла). Каждый прихожанин в зависимости от социального положения, уровня образования и глубины восприятия христианского вероучения извлекал свой смысл. В качестве примера можно обратиться к распространившемуся буквально с первых веков христианства обычаю украшения средневековых соборов календарями, высеченными на камне и восходящими к древним образцам, позаимствованным в дохристианских культурах. Как отмечал крупнейший французский искусствовед Эмиль Маль (1862—1954), «церковь, несомненно, позаимствовала у язычников привычные образы, но она

освятила их, истолковав в христианском смысле» [Маль, 2008, с. 116]. Отечественный теоретик искусства Б. А. Успенский (1937) процесс усвоения дохристианских образов и наполнения их христианским содержанием назвал «воцерковлением язычества» [Успенский, 2006, с. 253—257].

Самые живописные соборные календари, представляющие собой зодиакальный цикл с сопровождающими его сельскими сценами, встречаются в Шартре, Париже, Амьене и Реймсе. Каждому месяцу соответствовала своя картинка в виде медальона крестообразной формы, где помещались определенные изображения. В частности, в Амьенском календаре, начинающем отчет года от Рождества Христова (25 декабря), июню соответствовало изображение крестьянина с косой на поле жатвы, июлю — работник, заготавливающий корм для животных, августу — труженик с цепом, молотящий колосья, и т. д. [Маль, 2008, с. 116—127; ZSatAC]. Э. Маль называл это каменное повествование «подлинной поэзией», «прекрасной поэмой месяцев», «Герогиками старой Франции, полными благодущия и величия» [Маль, 2008, с. 116—117]. На этих небольших «совершенно не банальных» рельефах, где «все детали глубоко прочувствованы мастерами, жившими на лоне природы», можно было увидеть «людей, занятых трудами, неизменными от века» [Там же]. Согласно Э. Малью, который одним из первых связал скульптуру и живопись средневековых соборов с библейскими текстами и памятниками богословской мысли, безусловно, средневековый мастер каменных дел хотел изобразить французского крестьянина, но это был еще и «вечный человек, согнувшийся над землей, бессмертный Адам» [Там же].

Христианин, остановившийся на пороге собора, чтобы рассмотреть изображения каменных календарей, находил много тем для размышления. В представленных композициях каменных календарей крестьянин видел привычные картины своей трудовой сельской жизни, тяжелый труд, на который он был обречен до конца своих дней. Однако расположенная рядом статуя Иисуса Христа напоминала простому труженику о главном смысле христианской жизни и надежде на спасение. Священнослужитель, знакомый с литургической наукой, соотносил изображение каждого месяца с определенными событиями земной жизни Иисуса Христа и святых, связывая его уже не с циклом сельскохозяйственных работ, а с великими деяниями. Ученый-богослов стремился трактовать год философски и видел в нем образ Иисуса Христа, чье тело есть четыре евангелиста (четыре времени года) и двенадцать апостолов (двенадцать месяцев) [Там же].

Таким образом, в процессе трансляции информационного послания, заложенного в календаре с фасада средневекового собора, одна и та же информация преломлялась совершенно по-разному в сознании простого труженика, священника и ученого-богослова. Воспринимаемое с разной

степенью глубины информационное послание, тем не менее, вызывало в душе каждого христианина одни и те же чувства: надежду на спасение души посредством изменения образа жизни в соответствии с евангельскими заповедями. Выявляя силу воздействия каменных посланий на общественное сознание, целесообразно обратиться к средневековому богослову Руперту Дейтцкому (1075—1129), который отмечал, что созерцание календарей на стенах соборов делает людей более расположенными к служению Богу [Там же].

Календари демонстрировали циклическую модель времени, в которой все повторяется до тех пор, пока существует мир, то есть вплоть до Страшного суда. Причем Страшный суд олицетворяет собой июль — время жатвы: Христос говорит в Евангелии, что придет время жатвы, когда зерна (праведники) окончательно будут отделены от плевел (грешников). Необходимо обратить внимание, что по кругу движется только личное, бытовое время христианина (утро — день — вечер — ночь; зима — весна — лето — осень) [Уколова, 2000, с. 569]. На макроуровне движение времени, наполняемое в христианстве сакральным смыслом, воспринимается как линейно-направленное, движущееся от сотворения мира к Рождеству Христову, а после — к Страшному Суду, когда «Господь грядет во славе», и завершению земной истории [Уколова, 2000, с. 569; Уколова, 2013, с. 17—18, 23]. Именно линейную направленность времени и развивали в своих трудах христианские философы-богословы, и в частности Григорий Нисский (ок. 335 — после 394 годов), которому, по словам современного российского исследователя и религиозного мыслителя П. Б. Михайлова, «удалось выпрямить античное циклическое (космологическое) время и обогатить его сотериологическим смыслом...» [Михайлов, 2015, с. 131—132].

Сотериология (учение о спасении) составляет суть всего христианского богословия, которое, согласно американскому профессору теологии Джорджу Кроссу (1862—1929), есть не что иное, как организованная сотериология [Cross, 1915, p. 32]. Идея спасения была ключевой во всем средневековом христианском искусстве соборов, в том числе и в искусстве каменных календарей, прославляющих трудящегося человека и возводящих труд в ранг христианской добродетели, совершенствующей человеческую душу. Позиционирование непрерывного труда как добродетели, как одного из способов спасения, мотивировало средневекового человека к деятельности, оказывая глубокое психологическое воздействие на него. Изменялась вся концепция человеческой жизни, наполненной трудовыми тяготами и заботами, получая в христианстве сотериологическое измерение и обретая ярко выраженный смысл земного бытия человека — духовно-телесное спасение.

3.4. Общие принципы архитектурной организации католических соборов как средств воздействия на общественное сознание в Средневековье

Все принципы архитектурной организации католических соборов, выступавших основным средством воздействия на общественное сознание, передавали идею крестных страданий Иисуса Христа и страданий человека, последовавшего за Христом во имя своего спасения. Символ креста был важнейшим в архитектуре средневековых храмов: крест можно увидеть в плане церковных сооружений, крестообразную форму имеют медальоны каменных календарей, в форме креста выполнялись планы опоры храмовых конструкций, крест читался в способе кладки сводов средневековых храмов Европы, очертания креста угадываются и в лабиринтах — фигурной кладке пола соборов. Крест как древнейший символ, используемый во многих культурах, в христианстве обрел особенное значение, став главной святыней христиан, символизирующей спасение. Активное использование символики креста в архитектуре соборов, безусловно, создавало особое сакральное пространство, проникнутое духом веры и воздействующее на психоэмоциональное состояние прихожан.

Господствующим типом средневекового храма являлась базилика, выполненная в планировке в форме креста [Готика ..., 2000, с. 18—19, 21] и состоявшая, как правило, из трех (реже пяти) продольных нефов (вытянутых помещений, отделяемых друг от друга рядом колонн) и одного поперечного нефа (трансепт) [Всеобщая история ..., 1966, с. 109, 111, 113, 116, 118, 332]. Трехнефное строение храма трактовалось как воплощение идеи троичности Бога, пространство алтаря — как его местопребывание, а купол и своды — как символ неба, иного возвышенного мира, проникнутого высокой божественной правдой [Шестаков, 2018, с. 35]. Важно подчеркнуть, что великолепие и благолепие христианских храмов в плане воздействия на общественное сознание выражало ценность красоты духовной, духовного преображения, которое достигается только в союзе с Богом.

Двумя главными архитектурными канонами Средневековья, «важнейшими воплощениями культурных архетипов того времени» стали романский и готический стили [Там же]. Художественные композиции средневековых соборов выполняли несколько функций — просветительскую и экономическую. Возбуждая интерес горожан к религиозным сооружениям, соборы, с одной стороны, содействовали просвещению в русле христианского мировоззрения, с другой стороны, увеличивали прибыль религиозных учреждений, обеспечивая рост паствы. Средневековые соборы, рассматриваемые в качестве социокультурного средства воздействия на общественное сознание, относятся к сфере коммуникаций западно-като-

лической Церкви, представлявшей собой в средние века ведущую идеологическую силу общества и выступавшей в роли исполнителя и заказчика храмовых построек [Там же].

Социокультурная значимость соборов в западноевропейском Средневековье, транслировавших в общественное сознание определенные модели мировосприятия, поведения и бытоорганизации, была необычайно высока. Известный американский исследователь Томас Вудс в своей работе подчеркивает огромный вклад католической церкви, покровительствующей строительству соборов, в социокультурное развитие западноевропейского общества [Woods, 2012, p. 115—134]. Т. Вудс с большой уверенностью отмечает, что «Церковь, по сути, построила западную цивилизацию» [Woods, 2012, p. 1]. Кеннет Кларк считал так же, отмечая, что «западная цивилизация ... создана Церковью» [Кларк, 2022, с. 43]. Крупнейший французский историк-медиевист Жорж Дюби в истории западной цивилизации выделил особый период, назвав его «временем соборов», отражавших особенности мировоззрения средневекового общества в архитектуре и скульптуре [Дюби, 2002, с. 119—211]. Соборы выступали ключевым средством в просвещении, информировании, социокультурном развитии и духовном совершенствовании масс, выступая в замкнутом и однообразном бытии средневекового общества предметом восхищения и «немыслимой красоты», вдохновлявшей душу на подвиг [Кларк, 2022, с. 44].

3.5. Влияние романских соборов на направленность развития общественного сознания в западноевропейском Средневековье

Романский стиль, господствовавший в X—XII веках и распространившийся по всей католической Европе, сформировался под влиянием архитектурной классики древнего Рима. Храмы, выполненные в романском стиле («Замки Бога»), продолжали развивать старую форму базилики, характеризовавшуюся трехнефной (реже пятинефной) продольной организацией внутреннего пространства здания, пересекаемого трансептом. Для романской базилики характерна суровая крепостная архитектура, все постройки которой носили оборонительный характер и отличались массивностью, геометричностью (параллелепипед, цилиндр, полуцилиндр, конус, пирамида), толстыми стенами, полукруглыми арками, узкими окнами, широкими межколонными проемами и башнями (главными элементами композиции).

Основным видом сооружений в этот период становятся храмы-крепости. Утверждая могущество Бога и символизируя мощь католической церкви, они «несли печать несокрушимого спокойствия, суровой силы» [Шестаков, 2018, с. 35]. Важно также отметить, что все постройки гармонично привязывались к ландшафту, располагались на возвышенных ме-

стах, доминируя над местностью и вызывая тем самым глубокие чувства восхищения и духовного преклонения.

Для романского стиля характерен синтез архитектуры со скульптурой, выполнявшей важнейшую функцию каменной проповеди и обладавшей высокой силой воздействия на средневековое общество наряду со словом священника. Чаще это была не именно скульптура, а скульптурные рельефы (самостоятельные, полностью отделенные от стен скульптурные изваяния появятся только в позднероманский период), которые очень часто располагались в храмах романского стиля на капителях колонн, тимпанах (полукруглых пространствах сводов над входами), декоративно обрамляли стены. В Средневековье в большинстве случаев практически все работы художников, скульпторов анонимны, что, вероятно, может указывать на христианское смирение и скромность мастеров, не осмеливавшихся указывать свои имена на скульптурных композициях или иконах [Кларк, 2022, с. 54].

Скульптурные композиции соборов романского стиля тесно взаимосвязаны с библейскими повествованиями: развивались идеи борьбы добродетели с грехом, идеи страшного суда, спасения и последующего воскресения человека; изображались сцены из Евангелия, житий святых; демонстрировалась взаимосвязь историй Ветхого и Нового Заветов. Особое внимание уделялось проблеме выбора человека. Изображение борьбы добра и зла в человеческой душе и за человеческую душу, так называемая психомахия (от греч. *psyche* — душа, и *machomai* — сражаюсь), предстает центральной темой в образно-символическом ряде романской базилики. Основы психомахии были заложены Пруденцием (348—405), христианским поэтом из Рима. Как отмечал известный франко-канадский медиевист Поль Зюмтор (1915—1995), «Психомахия» Пруденция была необыкновенно популярна в средневековой Европе и оказала сильнейшее влияние на ее культуру, включая церковные догматы и пластическое искусство [Зюмтор, 2003, с. 126].

Сцены психомахии из Библии обычно размещались на капителях романских храмов и были глубоко символичны, как и вся христианская культура. Посредством символов, воплотившихся в многообразном христианском искусстве, в том числе в искусстве соборов, оказывалось воздействие на массы в средние века. Символы сакрализировали мир вокруг человека, погружая его в особое, божественное пространство, способствуя переживанию определенных состояний (страха Божьего наказания, терпения, смирения, раскаяния, благоговения) и мотивируя его на конкретную поведенческую модель и мировосприятие в соответствии с христианскими заповедями.

Одним из ключевых моментов глубоко символического христианского искусства было освобождение души от пороков и страстей, выбор между

добром и злом, что находило отображение в искусстве христианских средневековых соборов. К примеру, освобождение души от порока в романской скульптуре могло передаваться через изображение человека, выплевывающего лису — традиционный символ порока, хитрости, коварства, а также олицетворение лукавого [Fergusson, 1959, p. 18]. Хитрость, как сугубо лисье качество в фольклоре, указывает на поглощенный страстями ум; рыжий окрас лисы ассоциируется с огнем страстей, который поглощает душу грешника. Жизненный выбор человека между добром и злом могло символизировать дерево в форме буквы Y, по обеим сторонам которого стоят кентавры — существа наполовину с телом человека, наполовину — животного (лошади), символизировавшие в христианском искусстве дикие, порочные страсти, и в особенности грех прелюбодеяния [Fergusson, 1959, p. 14]. С обеих сторон на дереве висят виноградные грозди — символ крови Христа и его искупительной жертвы за грехи людей [Fergusson, 1959, p. 31]. Они указывают на то, что Господь всегда с человеком и готов спасти его в любую минуту жизни, даже если он идет по пути греха. Но возможности спасения человека ограничены: дерево в форме буквы Y символизирует жизнь земную, виноградные гроздья, как символ Христа, жизнь вечную: таким образом, жизнь земная соприкасается с жизнью вечной и переходит в нее только в том случае, если человек обращается к Христу при жизни (обретает небо на земле). Образ человека, выплевывающего лису, и изображение древа спасения с кентаврами, в частности, можно увидеть на капителях из часовни святого Фиакра (ок. 600—670 годов) в Ле-Фуэ в Бретани во Франции.

Силы, с которыми предстояло бороться человеку, жаждущему спасти свою душу, изображались в виде страшных монстров, чудовищ, фантастических существ (химеры, ящеры, полуптицы). Эти образы были заимствованы из варварских мифологических представлений и в рамках христианской идеологии передавали образы демонических сил, пороков и страстей, с которыми надлежало непрестанно бороться. Сюжеты, связанные с торжеством Иисуса Христа, полны высокого восторга и пафоса. Христос предстает как Спаситель Мира, Великий Судья и Вседержитель (Пантократор), одно из воплощений Бога-Отца.

Характерными чертами романских рельефов в целом являются многофигурность композиций, предельное обобщение лиц персонажей, отсутствие портретных характеристик, строгость и простота изображений. В частности, простота изображений необходима была для того, чтобы обеспечить быстрое, практически молниеносное психологическое воздействие на мирян, поскольку сложный образ трудно понимаем. Сложный, труднопознаваемый образ ведет к ослаблению психологической связи мирянина с предметом религиозного искусства.

Подобно скульптуре в тесной взаимосвязи с храмовой архитектурой развивалась и романская религиозная живопись, носившая глубоко символическую направленность и отличавшаяся условностью приемов и стилизацией форм. Наибольшей силой воздействия обладали картины, где изображался Страшный суд, демонстрировавший богословский взгляд на иерархическую структуру мира [Шестаков, 2018, с. 35]. Изображение Иисуса Христа всегда помещалось в центре композиции, справа от Христа — праведники, слева — грешники. Над Иисусом Христом — мир небесный, божественный, внизу — грешный, земной мир. Неземная, нематериальная одухотворенность образов передавалась посредством особых приемов (изображений крупных голов, суровых лиц, больших, широко распахнутых глаз), оказывающих сильное психологическое воздействие на созерцающих картины. Размер фигур определялся иерархической значимостью. «Царь Царей» Иисус Христос изображался всегда больше святых, изображения которых, в свою очередь, были крупнее фигур простых смертных [Там же, с. 36]. Воздействуя на сознание средневекового человека и общества, религиозная живопись должна была вызвать желание занимать определенное место в христианской иерархии мира: стяжать жизнь вечную, быть по правую руку с Христом, в райских, надмирных обителях.

3.6. Воздействие готических соборов на формирования общественного сознания Западной Европы в Средние века

Вторым архитектурным каноном Средневековья стала выразительная и загадочная готика, находившаяся под сильным влиянием предшествовавшей ей романской архитектуры [Watkin, 1986, p. 126] и охватившая всю Западную Европу. Однако ведущая роль в ее создании, развитии и воплощении, несомненно, принадлежит Франции [Лясковская, 1973, с. 118]. Изначально этот стиль называли «Opus Francigenum», что буквально означает «французская работа» [AfK, 1989, s. 45]. Готическому стилю в архитектуре свойственно использование заостренных кверху удлиненных витражных окон, остроконечных арок и полуарок (аркбутанов), кованых шпилей, узких башенок, а также широкое использование цветных витражей и обилие богатого декора, призванного вызвать трепет у прихожан католического собора. Примечательной, выразительной деталью готического храма являлось окно-«роза», размещаемое в центре фасада и разбиваемое на большое количество симметрично расположенных витражных сегментов, в совокупности по форме напоминающих цветок или звезду [Encyclopedia Britannica]. Витражи и удлиненные окна увеличивали освещенность внутри храмов, что создавало атмосферу благоговения и располагало к особому молитвенному состоянию. По мнению зарубежного исследователя Дэвида Уоткина, большое количество света в готическом храме, как свойствен-

ная ему деталь, определялось богословскими доктринами [Watkin, 1986, p. 127—128].

Все характеристики в плане социокультурного воздействия, которые были выделены выше применительно к романским соборам, относятся и к соборам готического стиля. Готические соборы, как и соборы романики, представляли собой информационные послания в форме каменных книг, стремясь донести до средневекового общества библейские сюжеты и заповеди, в соответствии с которыми необходимо было организовать свою жизнь, в том числе и в плане отношения к обществу и государству. Изменилась лишь художественная форма подачи информационного послания, она стала более изящной (особенность декора, который в ряде случаев напоминал каменные кружева), таинственной и мистической (главным образом за счет использования витражей), что обеспечивало еще большую силу эмоционального воздействия на массовое сознание средневекового общества. Если в романском стиле доминировала горизонталь, то готический стиль привнес господство вертикали, поэтому с точки зрения силы социокультурного воздействия именно готический храм в наибольшей степени в своей архитектурной концепции воплощал стремление человека к Богу и идею слияния с божественным миром. Согласно отечественному искусствоведу О. Я. Лясковской (1892—1988), опубликовавшей в 1973 году первую в нашей стране монографию, посвященную французскому готическому стилю, соборы Средневековья являлись «каменной энциклопедией» и отражением высших идеалов, чаяний и разочарований различных слоев средневекового общества Франции [Лясковская, 1973, с. 118]. Одной из основных характеристик готического стиля в плане его воздействия на общественное сознание была монументальность, направленность на удовлетворение духовно-эстетических потребностей широких народных масс [Там же].

В рамках господства каменных проповедей в западноевропейском Средневековье получила развитие деятельность донаторов — лиц, которые выделяли средства на создание храмов, храмовых скульптур и икон, зачастую заказывая мастеру размещение и своего изображения на иконе или в скульптурной композиции. Как правило, донаторов изображали предстоящими перед Иисусом Христом и Богородицею, а также перед святыми. В качестве примера можно привести работу Яна Ван Эйка (1370—1426) «Мадонна канцлера Роллена», написанную около 1435 года, где изображен поклоняющийся Богородице донатор, бургундский канцлер Н. Роллен (1376—1462). Подобная практика изображения донаторов в скульптурных композициях или иконах, по мнению исследователей, является проявлением самопродвижения, самопрезентации и прослеживается уже с X века [Шестаков, 2018, с. 37], получая широкое распространение в XV—XVI веках. В эпоху поздне-

го Средневековья (XV—XVII века) данная сторона деятельности донаторов была подвергнута общественной критике. В частности, гуманисты видели в этом противное христианству проявление гордыни и честолюбия, совершение доброделания напоказ (насколько известно, в соответствии с христианской этикой милостыня должна быть анонимной). Донаторы, в свою очередь, стремились опровергнуть критику гуманистов и позиционировали свои действия как одну из форм обращения к Богу и выражения Ему своей надежды на спасение, как проявление стремления оградить себя от действий демонических сил посредством вписывания своего образа в сакральное пространство. Зарубежный историк, крупный западный специалист в области истории искусств Кеннет Кларк (1903—1983) считал, что демонстративной деятельности покровителей-донаторов предшествовала практика начертания имен художников на стенах храмов [Кларк, 2022, с. 54]. Одним из самых известных художников, обладавшим глубоким талантом рассказывания библейской истории в камне, является средневековый мастер Гизлебертус, создатель уникальных скульптурных композиций собора Сен-Лазар в Отене в Бургундии (Франция). Композиция Страшный суд, созданная Гизлебертусом на тимпане собора Сен-Лазар (1130—1140), является одной из самых сильных и выразительных во всем западноевропейском Средневековье. В рамках этой композиции под ногами Христа начертано имя: «Это сделал Гизлебертус» («Gislebertus hoc fecit») [Там же]. Из под ног Христа на эту надпись взирает воскресший праведник, впереди которого шествует ангел со свитком. Надпись носит не только идентифицирующий, но и презентационный характер, в ней все: и демонстрация публике своего имени и мастерства, и гордость за создание столь роскошного шедевра, и надежда на спасение через совершение богоугодных дел.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, Средневековье как особый период в истории человечества характеризуется широким развитием религиозных коммуникаций, направлявших развитие общества в соответствии с постулатами христианства. Ключевым средством воздействия на общественное сознание Западной Европы в эпоху Средневековья (X—XVI века) выступали христианские соборы, выполнявшие роль информационного послания. Воздействие соборов на общественное средневековое сознание было настолько велико, что их можно считать прототипом современных средств массовой информации. Основная цель ценностного воздействия сводилась к трансляции в массовое сознание определенной поведенческой модели, основанной на христианской этике и морали, вмещающей в себя мощный мотивационный и управленческий эффект. Соборы выступали важнейшим фактором фор-

мирования христианского мировоззрения, архитектурным воплощением идей христианской этики в Западной Европе в эпоху Средневековья.

Все христианское искусство храмов является глубоко символичным. Символичность христианских соборов сама по себе выступала мощным средством воздействия на сознание средневекового общества, обеспечивая высокую скорость, психоэмоциональную остроту и нужный ракурс информационного восприятия. Все символические сцены в архитектуре христианских соборов призывали человека к духовному спасению и совершенствованию. Примечательной деталью символического и художественного ряда средневековых соборов является использование привычных образов, восходящих к древним, дохристианским культурам. Использование архаичных образов, аккумулировавших в себе первичный практический и духовный опыт, позволяло обеспечить высокую силу воздействия христианской культуры на общественное сознание, которое легко принимало привычные, наполненные теперь уже христианским смыслом образы, соотносимые с жизнью и деятельностью человека, с его определенными переживаниями и духовными состояниями.

Функциональное воздействие христианских соборов Западной Европы на общественное средневековое сознание было многогранно. Как один из структурных элементов системы религиозных коммуникаций, как ключевое средство воздействия на общественное сознание Западной Европы в Средние века, христианские соборы обладали выраженным управленческим и мотивационным эффектом и реализовывали эстетическую, мировоззренческую, информационную, просветительскую, стабилизирующую и интегрирующую функции, способствуя тем самым стабилизации социально-политической и социально-экономической обстановки в средневековой Европе, а также духовно-нравственному совершенствованию всех слоев средневекового западноевропейского общества.

Таким образом, христианские средневековые соборы в Западной Европе обладали выраженными ценностными, символическими и функциональными характеристиками, тесно взаимосвязанными между собой. Принципиально новые (в определенной степени революционные) для западноевропейского культурного пространства христианские ценности воплотились в особой символике, лаконичной, но в то же время очень выразительной, способной передать несколько смысловых пластов, оказывая на общество многогранное функциональное воздействие в строго заданном направлении. Хотелось бы подчеркнуть, что так называемое «многосмыслие» исключало двусмысленность: смысловые пласты информационных посланий в искусстве каменных соборов, и в частности календарей, дополняли друг друга, отображая глубину восприятия и познания христианской истины.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. AfK — Archiv für Kulturgeschichte. Opus Francigenum. Ein Beitrag zur Begriffsbestimmung von Günther Binding // Archiv für Kulturgeschichte. — 1989. — Vol. 71. — № 1. — С. 45—54.
2. *Fergusson G. Signs and Symbols in Christian Art* / G. Fergusson. — Oxford : Oxford University Press, 1959. — 183 p.
3. ZSatAC — *Zodiac Signs at Amiens Cathedral* [Electronic resource]. — Access mode : <https://astrologyandart.wordpress.com/2014/05/04/zodiac-signs-at-amiens-cathedral/> (accessed 16.06.2024).

Литература

1. *Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма* / М. Вебер ; Перевод с немецкого ; Составление и общая редакция Ю. Н. Давыдова. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с. — ISBN 5-01-001584-6.
2. *Виолле-ле-Дюк Э. Э. Архитектура. Всемирная история архитектуры* / Э. Э. Виолле-ле-Дюк ; пер. с фр. С. С. Балатиной. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — ISBN 978-5-17-107294-0.
3. *Всеобщая история архитектуры. В 12 томах. Архитектура Западной Европы. Средние века* / Под редакцией А. А. Губера (ответственный редактор). — Ленинград ; Москва: Стройиздат, 1966. — Т. 4. — 693 с.
4. *Готика. Архитектура. Скульптура. Живопись* / Под. ред. Р. Томана (издание на русском языке). — Берлин : Konemann, 2000. — 521 с. — ISBN 3-8290-5419-X.
5. *Дюби Ж. Время соборов. Искусство и общество 980—1420 годов* / Ж. Дюби ; Пер. с фр. М. Ю. Рожновой, О. Е. Ивановой ; коммент. Д. Э. Харитоновича. — Москва : Ладомир, 2002. — 379 с. — ISBN 5-86218-394-9.
6. *Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики* / П. Зюмтор. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. — 544 с. — ISBN 5-89329-566-8
7. *Кларк К. Цивилизация* / К. Кларк ; пер. с англ. Н. Роговской. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 384 с. — ISBN 978-5-389-21875-8.
8. *Лясковская О. А. Французская готика XII—XIV веков. Архитектура. Скульптура. Витраж* / О. А. Лясковская. — Москва : Искусство, 1973. — 318 с.
9. *Маль Э. Религиозное искусство XIII века во Франции* / Э. Маль. — Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2008. — 552 с. — ISBN 978-5-94242-032-4.
10. *Михайлов П. Б. Категория времени в христианской метафизике : Григорий Нисский и Максим Исповедник* / П. Б. Михайлов // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция (История и археология. Философия, этика, религиоведение). — 2015. — № 1. — Т. 9. — С. 119—136.
11. *Рехт Р. Верить и видеть. Искусство соборов XII—XV веков* / Р. Рехт ; пер. с фр. и науч. ред. О. С. Воскобойникова ; пер. с фр. прил. «Предмет истории искусства» О. С. Воскобойникова, Л. Ю. Мартышевой. — Москва : ИД Высшей школы экономики, 2014. — 352 с. — ISBN 978-5-7598-1007-0.
12. *Уколова В. И. Время и история на исходе империи : Аврелий Августин* / В. И. Уколова // Вестник РГГУ. Серия : «Исторические науки. История / Studia classica et mediaevalia». — 2013. — № 17 (118). — С. 12—36.

13. Уколова В. И. Средневековая культура Западной Европы V—XV вв. / В. И. Уколова // История средних веков : в 2-х т. / Под. ред. С. П. Карпова. — Москва : Изд-во МГУ ; ИНФРА-М, 2000. — Т. 1. — С. 544—574.
14. Успенский Б. А. Крест и круг : Из истории христианской символики / Б. А. Успенский. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 488 с. — ISBN 5-9551-0108-X.
15. Хачатурян Н. А. Сущность понятий «средние века» и «феодализм» / Н. А. Хачатурян // История средних веков : в 2-х т. / Под. ред. С. П. Карпова. — Москва : Изд-во МГУ ; ИНФРА-М, 2000. — Т. 1. — С. 7—29.
16. Шестаков Ю. А. Религиозная реклама развитого средневековья / Ю. А. Шестаков // История рекламы. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2018. — 259 с. — ISBN 978-5-369-01496-7.
17. Эко У. Эволюция средневековой эстетики / У. Эко ; пер. с итал. Ю. Ильина и А. Струковой. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 288 с. — ISBN 5-352-00601-8.
18. Bingham J. The Routledge Companion to Early Christian Thought / J. Bingham. — London : Routledge, 2009. — 360 p. — ISBN 9780415442251.
19. Blainey G. A Short History of Christianity / G. Blainey. — London : Rowman & Littlefield Publishers, 2013. — 636 p. — ISBN 978-1-4422-2589-3.
20. Cross G. The Modern Trend in Soteriology / G. Cross // The American Journal of Theology (The University of Chicago Press). — 1915. — Vol. 19. — № 1. — Pp. 32—44.
21. *Encyclopedia Britannica*. Gothic art [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.britannica.com/art/Gothic-art> (accessed 26.06.2024).
22. Lecky W. History of European Morals From Augustus to Charlemagne (Complete). In two volumes / W. Lecky. — London : Longmans, Green and Co, 1869. — Vol. 2. — 468 p.
23. Pohlsander H. A. The Emperor Constantine / H. A. Pohlsander. — London and New York : Routledge / Taylor & Francis Group, 2004. — 144 p. — ISBN 0-415-31938-2.
24. Stark R. The Rise of Christianity : A Sociologist Reconsiders History / R. Stark. — Princeton : Princeton University Press, 2020. — 256 p.
25. Watkin D. A History of Western Architecture / D. Watkin. — London : Barrie & Jenkins, 1986. — 591 p. — ISBN 10: 0712612793; ISBN 13: 9780712612791
26. Woods T. E. (Jr). How the Catholic Church Built Western Civilization / T. E. (Jr). Woods. — Washington : Regnery Publishing, 2012. — 280 p. — ISBN-10: 1596983280 ; ISBN-13: 978-1596983281.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024,
одобрена после рецензирования 21.09.2024,
подготовлена к публикации 21.10.2024.

Material resources

- AfK — Archiv für Kulturgeschichte. Opus Francigenum. Ein Beitrag zur Begriffsbestimmung von Günther Binding. (1989). *Archiv für Kulturgeschichte*, 71 (1): 45—54. (In Germ.).
- Fergusson, G. (1959). *Signs and Symbols in Christian Art*. Oxford: Oxford University Press. 183 p.
- ZSatAC — *Zodiac Signs at Amiens Cathedral*. Available at: <https://astrologyandart.wordpress.com/2014/05/04/zodiac-signs-at-amiens-cathedral/> (accessed 16.06.2024).

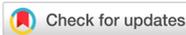
References

- Bingham, J. (2009). *The Routledge Companion to Early Christian Thought*. London: Routledge. 360 p. ISBN 9780415442251.
- Blainey, G. (2013). *A Short History of Christianity*. London: Rowman & Littlefield Publishers. 636 p. ISBN 978-1-4422-2589-3.
- Clark, K. (2022). *Civilization*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 384 p. ISBN 978-5-389-21875-8. (In Russ.).
- Cross, G. (1915). The Modern Trend in Soteriology. *The American Journal of Theology (The University of Chicago Press)*, 19 (1): 32—44.
- Duby, J. (2002). *The time of cathedrals. Art and Society of 980—1420*. Moscow: Ladomir. 379 p. ISBN 5-86218-394-9. (In Russ.).
- Eco, U. (2004). *The evolution of medieval aesthetics*. St. Petersburg: ABC Classics. 288 p. ISBN 5-352-00601-8. (In Russ.).
- Encyclopedia Britannica. Gothic art*. Available at: <https://www.britannica.com/art/Gothic-art> (accessed 26.06.2024).
- Huber, A. A. (ed.). (1996). *Universal History of Architecture. In 12 volumes. Architecture of Western Europe. The Middle Ages, 4*. Leningrad; Moscow: Stroyizdat. 693 p. (In Russ.).
- Khachaturian, N. A. (2000). The essence of the concepts of “the Middle Ages” and “feudalism”. In: *The History of the Middle Ages: in 2 volumes, 1*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; INFRA-M. 7—29. (In Russ.).
- Lecky, W. (1869). *History of European Morals From Augustus to Charlemagne (Complete). In two volumes, 2*. London: Longmans, Green and Co. 468 p.
- Lyaskovskaya, O. A. (1973). *French Gothic of the XII—XIV centuries. Architecture. Sculpture. Stained glass window*. Moscow: Iskusstvo. 318 p. (In Russ.).
- Mal, E. (2008). *Religious art of the XIII century in France*. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas. 552 p. ISBN 978-5-94242-032-4. (In Russ.).
- Mikhailov, P. B. (2015). The category of time in Christian metaphysics: Gregory of Nyssa and Maxim the Confessor. *Scholae. Philosophical Antiquity and Classical Tradition (History and Archaeology. Philosophy, ethics, religious studies)*, 1 (9): 119—136. (In Russ.).
- Pohlsander, H. A. (2004). *The Emperor Constantine*. London and New York: Routledge / Taylor & Francis Group. 144 p. ISBN 0-415-31938-2.
- Recht, R. (2014). *To believe and see. The art of cathedrals of the XII—XV centuries*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 352 p. ISBN 978-5-7598-1007-0. (In Russ.).
- Shestakov, Yu. A. (2018). Religious advertising of the developed Middle Ages. In: *History of advertising*. Moscow: RIOR; INFRA-M. 259 p. ISBN 978-5-369-01496-7. (In Russ.).
- Stark, R. (2020). *The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History*. Princeton: Princeton University Press. 256 p.
- Toman, R. (ed.). (2000). *Gothic. Architecture. Sculpture. Painting*. Berlin: Konemann. 521 p. ISBN 3-8290-5419-X. (In Russ.).
- Ukolova, V. I. (2000). Medieval culture of Western Europe in the V—XV centuries. In: *The History of the Middle Ages: in 2 volumes, 1*. Moscow: Publishing House of Moscow State University; INFRA-M. 544—574. (In Russ.).
- Ukolova, V. I. (2013). Time and history at the end of the Empire: Aurelius Augustine. *Bulletin of the Russian State University. Series: “Historical Sciences. History / Studia classica et mediaevalia”*, 17 (118): 12—36. (In Russ.).

- Uspensky, B. A. (2006). *Cross and circle: From the history of Christian symbolism*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 488 p. ISBN 5-9551-0108-X. (In Russ.).
- Violet-le-Duc, E. E. (2018). *Architecture. The World History of Architecture*. Moscow: AST Publishing House. 256 p. ISBN 978-5-17-107294-0. (In Russ.).
- Watkin, D. (1986). *A History of Western Architecture*. London: Barrie & Jenkins. 591 p. ISBN 10: 0712612793; ISBN 13: 9780712612791
- Weber, M. (1990). *Protestant ethics and the Spirit of capitalism*. Moscow: Progress. 808 p. ISBN 5-01-001584-6. (In Russ.).
- Woods, T. E (Jr). (2012). *How the Catholic Church Built Western Civilization*. Washington: Regnery Publishing. 280 p. ISBN-10: 1596983280; ISBN-13: 978-1596983281.
- Zyumtor, P. (2003). *The experience of building medieval poetics*. St. Petersburg: Aleteya. 544 p. ISBN 5-89329-566-8. (In Russ.).

*The article was submitted 05.07.2024;
approved after reviewing 21.09.2024;
accepted for publication 21.10.2024.*

Информация для цитирования:

Зарецкая О. В. Становление экономических и культурных связей СССР и Швеции в 1924—1937 годах / О. В. Зарецкая // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 349—365. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-349-365.

Zaretskaya, O. V. (2024). Emergence of Economic and Cultural Ties between USSR and Sweden (1924—1937). *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 349-365. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-349-365. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Становление
экономических
и культурных связей
СССР и Швеции
в 1924—1937 годах**

Зарецкая Оксана Валерьевна
orcid.org/0000-0003-1623-3143
кандидат исторических наук, доцент,
директор Высшей школы
социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации
o.zaretskaya@narfu.ru

Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Благодарности:

Исследования проведены
при финансовой поддержке РФФ,
проект № 23-28-00768
«Фундаментальные проблемы
трансформации образа
русского “Другого” в контексте
межгосударственного соперничества
в Арктике в XX — начале XXI вв.»

**Emergence of Economic
and Cultural Ties
between USSR and Sweden
(1924—1937)**

Oksana V. Zaretskaya
orcid.org/0000-0003-1623-3143
PhD of History, Associate Professor,
Director of the Higher School of Social
and Humanitarian Sciences
and International Communication
o.zaretskaya@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00768
“Fundamental issues of transforming
the image of the Russian ‘Other’
in the context of interstate
competition in the Arctic
in the 20 — early 21 century”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье выявлены особенности становления экономического и культурного взаимодействия СССР и Швеции с 1924 по 1937 годы. Источниковой базой исследования послужил комплекс материалов, включающих в себя официальные документы, публикации периодической печати, а также источники личного происхождения. В основу методологического подхода положена имагология международных отношений. Это научное направление ориентировано на изучение ментальной (воображаемой) географии, транснациональных образов, стереотипов восприятия и мифов, на сопоставление «Своего» и «Чужого» и на понимание роли «Других» в выстраивании национальной «Я-концепции». Автор исследует, как повлияло на развитие отношений двух стран изменение отношения шведов к Советской России, и определяет, какой вклад внесла в советско-шведское взаимодействие А. М. Коллонтай, посол СССР в Швеции с 1930 года. В статье показано, как шведские политические деятели, преследуя собственные интересы, видели в советском обществе элементы возможной ролевой модели для реформирования своих стран, что определялось внутренней «повесткой дня»: политическими и социально-экономическими изменениями.

Ключевые слова:

советско-шведские отношения; Александра Коллонтай; русский *Другой*; экономическое сотрудничество; культурное сотрудничество.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the distinctive features of the economic and cultural interactions between the USSR and Sweden from 1924 to 1937. The research is grounded in a comprehensive array of sources, including official documents, publications from the periodical press, and personal accounts. The methodological framework is informed by the imagology of international relations, which focuses on the study of mental geography, transnational imagery, perception stereotypes, and myths, as well as the comparison of the "Self" and the "Other" to understand the role of "Others" in shaping national self-conceptions. The author investigates how shifts in Swedish perceptions of Soviet Russia influenced the development of bilateral relations and assesses the contributions of A.M. Kollontai, the Soviet ambassador to Sweden since 1930, to Soviet-Swedish interactions. The article illustrates how Swedish political figures, pursuing their own interests, viewed elements of Soviet society as potential models for reforming their own countries, shaped by their internal agendas of political and socio-economic change.

Key words:

Soviet-Swedish relations; Alexandra Kollontai; Russian Other; economic cooperation; cultural cooperation.

Становление экономических и культурных связей СССР и Швеции в 1924—1937 годах

© Зарецкая О. В., 2024

1. Введение = Introduction

Актуальность изучения особенностей становления отношений СССР и Швеции в 1924—1937 годах определяется современным кризисом российско-шведских отношений. Несмотря на осложнение взаимодействия между двумя странами ввиду сложившейся внешнеполитической ситуации и антироссийских санкций, исследование развития советско-шведских связей в 1920—1930-е годы, позволит использовать данный опыт на современном этапе информационной войны и антироссийской кампании в зарубежных СМИ.

Научная актуальность темы обусловлена и тем, что вплоть до настоящего времени нет комплексного исследования, посвящённого изучению не только становления советско-шведских отношений, но и трансформации представлений шведов о России и роли А. М. Коллонтай в развитии этого процесса на посту дипломатического представителя. Как правило, при изучении личности Коллонтай в центре внимания стоит её деятельность по развитию женского движения, борьба за равноправие полов, и основную массу работ составляют труды, имеющие ненаучный характер.

На современном этапе развития исторической науки изучение международных отношений тесно связано с вопросами взаимовосприятия и формирования образов разных стран, народов и культур. Исследователи обращают все больше внимания не только на реальное, но и на воображаемое в истории, поскольку сложившиеся стереотипы восприятия могут служить руководством к действию в международных отношениях. Тем не менее необходимо учитывать, что любой инонациональный образ формируется в социокультурном контексте общества, его порождающего, и «трактруется сквозь призму базовых культурных ценностей <...>, а также с учетом национальной внутри- и внешнеполитической “повестки дня”» [Журавлева, 2010, с. 143] этого общества.

В Швеции образы России играли и продолжают играть значительную роль. Российско-шведские контакты насчитывают несколько столетий ассиметричного соседства, сотрудничества и конфликтов, которые, безусловно, повлияли на формирование образов «восточного соседа» и оказывают серьезное воздействие на современные отношения России и Швеции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данного исследования стало выявление особенностей развития советско-шведских отношений в контексте трансформации представлений шведов о русских и деятельности А. М. Коллонтай в 1920—1930-е годы. Источниковая основа исследования представляет собой совокупность различных групп исторических источников. К источникам официального происхождения относятся дипломатические акты, акты государственной власти, которые отражены в договорах и директивных документах, определяющих направления сотрудничества в торгово-экономических, военно-политических и культурных сферах [ВПСССР, т. 3; ВПСССР, т. 4].

Источники личного происхождения — личная переписка, мемуары, автобиографии. Использование мемуаров [КДД; КИМЖИР; КИСИР; КЛММ] А. М. Коллонтай даёт нам возможность изучить множество значимых деталей. Особое внимание при изучении дипломатической деятельности А. М. Коллонтай стоит обратить на «Дипломатические дневники», в которых она отразила свой многогранный опыт, приобретенный на внешнеполитическом поприще. В полном объёме дневники, изданные в двух томах, вышли в свет в 2001 году и являются ценнейшим источником при проведении исследования. Значение источников личного происхождения заключается в том, что они представляют информацию, отображающую личную позицию автора по вопросам политики, дипломатии и позволяющую ознакомиться с его точкой зрения на те или иные события.

В начале XXI века были опубликованы сочинения И. В. Сталина, отдельная глава которых посвящена «Беседе Сталина с Коллонтай» [БССК]. Диалог между советским дипломатом и руководителем Советского государства содержит в себе подробности политических перипетий того времени, а также размышления Сталина о международном положении Советского Союза и о предстоящей военной угрозе.

Отдельно стоит выделить такую группу источников, как записки о путешествиях в Швецию и Россию, представленные в статье Хелен Карлбек [Carlback, 2014], в которых прослеживаются сравнения «своего» и «чужого». Важно отметить, что эти записки публиковались и были широко известны читателям.

Анализ публицистических источников [RA] расширяет понимание риторических приемов, с помощью которых распространялись стереотипы восприятия России, а также помогает понять, какие аспекты российской действительности интересовали шведов в различное время.

Использование всех этих групп источников позволяет представить различные уровни отношений между СССР и Швецией, рассмотреть различные дискурсы о России, существовавшие в шведском обществе, и выявить трансформацию образов русского «Другого» в 1920—1930-е годы.

В работе применялись базовые методы исторического исследования: историко-типологический, историко-генетический и историко-сравнительный. Ключевую роль при проведении исследования играли методологические подходы, лежащие в основе междисциплинарного научного направления, которое получило название *имагология международных отношений*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление шведско-советских отношений и представления шведов о Советской России в 1920-е годы

Середина 20-х годов XX века оказалась эрой послевоенной стабильности. Особое значение для Советского Союза имел 1924 год, ставший «годом признания» со стороны европейских государств, вышедших победителями из мировой войны, и ряда нейтральных стран. В данный период советско-шведские отношения проходили стадию нормализации с уклоном на развитие внешней торговли. В марте 1924 года нарком Г. В. Чичерин и министр иностранных дел Королевства М. фон Вюртемберг обменялись нотами о восстановлении отношений между правительствами СССР и Швеции. Одновременно с установлением дипломатических отношений были подписаны торговое соглашение и декларация об отказе от взаимных претензий [Кен и др., 2005].

Дипломаты, которые работали с советским правительством, оставили ценные записи о том, каким образом они воспринимали Россию в этот период: что казалось им странным, а что, наоборот, вписывалось в их «картину мира». Еще в 1920 году между Советской Россией и Швецией было заключено так называемое «Красинское соглашение» (по фамилии народного комиссара торговли и промышленности), ставшее своеобразным «прорывом в экономических отношениях Советов с заграницей» [Кан, 1999, с. 192]. Формально это соглашение было заключено не между государствами, а между российскими кооператорами и Всеобщим объединением шведских экспортеров. Тем не менее Красина встречала шведская правительственная делегация во главе с бароном Эриком Пальмшерной — министром иностранных дел.

В дневниках Пальмшерны содержится очень интересное описание Красина: «Тип русского с татарскими чертами, представитель среднего класса, с некоторой немецкой выучкой, тонким интеллектом, но все же не высшей пробы, беззастенчив, с чрезвычайной силой воли и жадной власти... Одновременно у него есть черты восточного деспота с чрезвычайным пренебрежением к человеческой жизни» [Palmstierna, 1954, s. 66]. Отношение к человеку как к инструменту отмечали и многие другие шведские наблюдатели: подобное казалось им проявлением «восточной» природы русских, которая еще больше проявилась после революции.

Однако это не означало, что в Швеции возобладали «пессимистические» образы России. Экономические отношения, установленные между Советской Россией и Швецией, актуализировали представления о шведском позитивном влиянии на Россию, об особой «цивилизаторской» миссии шведов. Такой точки зрения придерживались некоторые «русские шведы» — люди, которые жили и работали в России на протяжении нескольких поколений: предприниматели, рабочие, инженеры и т. д. Конечно, многие из них пострадали во время гражданской войны от политики «военного коммунизма», национализации, однако введение новой экономической политики пробудило в них новые надежды. Например, Эмиль Хамрин, типичный «русский швед», в 1922 году опубликовал официальный меморандум от лица Шведской таможенной комиссии, в котором содержались рассуждения о возможной шведской «колонизации» России: «... Есть хорошие причины верить, что шведская активность в России может определенным образом компенсировать отсутствие шведских колоний» [RA]. Речь идет о своеобразной мирной «экономической колонизации»: установление прочных торговых отношений с Россией будет не только способствовать развитию торговли, но также поможет повлиять на Россию изнутри.

Не только Хамрин придерживался этой точки зрения. Представления о «глобальной исторической миссии» [Hjarne, 1908, p. 95] шведов были довольно популярны в первые десятилетия XX века. Так, например, известный шведский историк Харальд Хьярне считал, что, хотя после смерти Карла XII в 1718 году эта миссия на некоторое время прервалась, интересы Швеции должны быть обращены на Восток, к России. При этом «цивилизаторская» миссия шведов в России может быть как мирной, так и агрессивной.

Представления о России как своеобразном «поле деятельности» шведов свидетельствуют о нескольких вещах. Во-первых, отмечается активная роль Швеции по сравнению с Советской Россией в двусторонних экономических отношениях. Это было связано в числе прочего и с так называемым «вторым периодом шведского великодержавия», который приходится как раз на 1920-е годы: шведская экономика активно развивалась и была готова

к установлению новых связей и использованию новых рынков. Во-вторых, до начала холодной войны «можно было представить два альтернативных пути развития: капитализм или социализм» [Carlback, 2014, p. 205]. Таким образом, представления о Советском Союзе как о модернизирующемся государстве были не лишены умеренного оптимизма.

Тем не менее свертывание НЭПа и начало политических репрессий в СССР для некоторых оставались свидетельством «варварства» русских. Проводились параллели между внутривнутриполитической борьбой и теми методами, которые применялись в России по отношению к противникам власти еще до революций. Однако подобные свидетельства были характерны в первую очередь для дипломатов, которые непосредственно находились в Советском Союзе и имели опосредованный доступ к информации о политических процессах.

Заключение торгового договора привело к увеличению товарооборота обеих стран в 1924—25 годах, но по мере возвращения СССР на мировой рынок лесоматериалов в шведских деловых кругах нарастало напряжение, а шведский экспорт всё больше терял прежние позиции.

Под воздействием этих обстоятельств на первый план в советско-шведских отношениях выдвигались общеполитические интересы, главная роль в которых отводилась переговорам о заключении договоров о нападении и нейтралитете.

3.2. Советско-шведские экономические связи и деятельность А. М. Коллонтай по их укреплению в начале 1930-х годов

В 1930 году А. М. Коллонтай была официально назначена послом СССР в Швеции — там, где по закону она не имела права появляться. С начала первой мировой войны Коллонтай, находясь в эмиграции в Швеции, выступила с антивоенной статьей в защиту ленинских тезисов в шведской молодежной газете. Эта статья вызвала большой резонанс и недовольство, после чего Коллонтай оказалась в стокгольмской тюрьме. В 1914 году после выступлений прогрессивной общественности в поддержку Коллонтай по личному указу шведского короля она была выслана из страны «навсегда».

Но в 1930 году шведское правительство было вынуждено отменить свое решение и в правительственном вестнике «Пост и Инрикестиднинг» была напечатана заметка об отмене указа [Шейнис, 1987, с. 223]. 30 октября этого же года в Стокгольме впервые в истории состоялась торжественная церемония вручения дипломатом-женщиной верительных грамот будущему королю Швеции Густаву Адольфу VI.

Приезд Коллонтай в Стокгольм был большой сенсацией, её появление привлекло внимание многих: от «высшего общества» и политических кругов до простого рабочего народа. В работе Барбары Эванс Клеменс опи-

сывается отношение шведского общества к Александре: «В оценках политической деятельности Коллонтай шведы отмечают её заботу и уважение к Скандинавии, её обаяние и сдержанность. На положительное отношение шведов к Коллонтай никак не влияет ни международная напряженность, сложившаяся в последнее десятилетие, ни жуткие известия относительно сталинских чисток. Они неоднократно подчёркивали, что Коллонтай является другом Швеции» [Clements, 1979, p. 251].

Деятельность А. М. Коллонтай в это время осложнялась двумя факторами: во-первых, резким ухудшением дипломатических взаимоотношений между СССР и капиталистическими странами в период всемирного экономического кризиса; во-вторых, сложной политической ситуацией внутри самого Советского Союза и внутри партии большевиков. Кроме того, были постоянные смены кадрового состава, что часто не позволяло назначить на ответственный пост компетентного сотрудника. Атмосфера страхов, слезки и доносов окутала все советские полпредства. Поскольку зарубежная пресса была заполнена сообщениями о репрессиях в СССР, иностранные дипломатические круги проявляли явную настороженность к представителям Советского Союза.

Несмотря на то, что в будущем Коллонтай будет делать большие успехи на посту полпреда, изначально своё назначение Александра Михайловна отчасти восприняла с сожалением. По приезде в Стокгольм Коллонтай писала Мовинкелю (Йохан Лудвиг Мовинкель — премьер-министр Норвегии в 1924—1926, 1928—1931 и 1933—1935 годах), что «Стокгольм — элегантный и красивый город и лично к ней любезный и дружественный, но ей не хватает Норвегии. Ей принадлежит мысль о том, что между русскими и норвежцами больше духовных контактов» [Рымко, 2004, с. 103]. В своих дневниках Александра указывала на то, что первое время в Швеции она ощущала напряжение и чувствовала себя некомфортно, но, несмотря на это, она довольно быстро освоилась в новых условиях, легко вписалась в круг политиков и деятелей культуры [КДД, т. 1, с. 459]. Должность посланника СССР в Швеции была дипломатическим постом, которому Коллонтай посвятила 15 лет своей жизни. При ней советское посольство стало культурным центром, вокруг которого сплотились все сторонники СССР в Швеции.

Всё же дальнейшую работу Коллонтай в Стокгольме облегчило то, что как дипломат она уже была известна шведскому министерству иностранных дел благодаря успешной дипломатической карьере в должности советского полпреда в Мексике в 1926—1927 годах и в должности торгового и политического представителя СССР в Норвегии. К тому же, находясь в эмиграции, Александра наладила множество контактов с молодыми

шведскими социалистами, которые теперь стали занимать крупные государственные посты [Шейнис, 1987, с. 226].

В начале 30-х годов Советский Союз, осуществляя свой пятилетний план, ощутил необходимость в экономических связях с Западом. Так, одной из задач А. М. Коллонтай на новой службе стало улучшение экономических связей между СССР и Швецией. Очевидно, что в это время существовали определённые трудности по экономическо-политической линии, связанные с конкуренцией на мировом рынке лесоэкспорта. Этот конфликт заметно подпортил отношения между государствами, в шведской прессе проводилась антисоветская кампания. Коллонтай предстояло решение этих непростых вопросов, поскольку СССР был заинтересован в шведских поставках машин, металлов и различного оборудования. В дипломатических дневниках Коллонтай писала: «Для меня ясно, что, пока мы не выдернем этот хозяйственный клин из наших взаимоотношений со Швецией, нам не построить здесь нормальных политических отношений» [КДД, т. 2, с. 34].

В течение года Коллонтай прощупывала почву в торгово-промышленных кругах и налаживала связи. Огромной удачей для Коллонтай было то, что в сентябре 1932 года на выборах в риксдаг победу одержали социал-демократы, с которыми Александре удалось договориться о предоставлении кредита на сумму сто миллионов крон для осуществления закупки необходимого СССР оборудования.

В октябре 1932 года премьер-министр заверил полпреда СССР в Стокгольме А. М. Коллонтай в том, что «социал-демократия больше, чем все другие партии, заинтересована в том, чтобы установить тесный контакт с Союзом в области хозяйственных интересов, и что, разумеется, и в области внешней политики эсдековский кабинет будет вести дружественную нам линию» [Кен и др., 2005, с. 39].

Соглашение о предоставлении СССР долгосрочного займа в 100 миллионов крон для закупки промышленных и сельскохозяйственных шведских товаров было подписано Коллонтай и министром Р. Сандлером 16 марта 1934 года [Млечин, 2013, с. 312]. Окончательное решение вопроса о госкредите осложнялось согласием Риксдага, так как только после ратификации договор мог вступить в силу. Тогда же свою активность стали проявлять консервативные круги, которые были против правительства социал-демократов и не поддерживали ратификацию договора с СССР [Шейнис, 1987, с. 230]. От признания этого договора зависел престиж Советского Союза. Александра Коллонтай незамедлительно информировала Москву о кампании против предоставления займа, развернутой буржуазными партиями. В результате центральный аппарат НКВД принял решение об отка-

зе от ратификации договора советской стороной [Кен и др., 2005, с. 53] под предлогом того, что условия договора не являются достаточно выгодными.

Сложившиеся обстоятельства Коллонтай воспринимала тяжело, возлагая на себя вину за провал заключения договора, и даже предлагала НКВД заменить её другим полпредом в Швеции, но её инициатива была отвергнута. После подписания ноты Александра Михайловна сетовала: «Такое чувство, будто я убила собственного ребёнка. Ведь я целый год работала над подготовкой этого договора» [Шейнис, 1987, с. 230].

Ранее, в январе 1930 года в Стокгольме прошли переговоры советской, шведской и финляндской делегаций, касающиеся соглашения об экспорте леса. Советский Союз вышел на мировой рынок с крупными предложениями, что могло выбить шведов и финнов с завоеванных ими лесных рынков [Олесин, 1990, с. 234]. Ситуация была осложнена и тем, что в связи с ростом советского могущества наметилось обострение классово-борьбы в Швеции, увеличивалось рабочее движение, так как в лесную отрасль промышленности была вовлечена огромная часть населения. Долгое время договориться о разделе рынка не удавалось, но Коллонтай настаивала на поддержании хороших отношений с влиятельными лесопромышленниками Скандинавии, которые впоследствии помогли бы договориться. Для решения этой проблемы было необходимо соглашение, удовлетворяющее запросам всех сторон: «Соглашение по лесоэкспорту окажет прямое противодействие враждебным настроениям и ослабит барабанный бой шведов, общий с финнами...» [КДД, т. 2, с. 50]. В результате длительной и упорной работы А. М. Коллонтай 16 ноября 1935 года в Копенгагене было заключено соглашение о регулировании вывоза леса на иностранные рынки и согласовании цен. Оно было подписано между СССР, Швецией, Финляндией, Польшей, Румынией, Югославией, Чехословакией и Австрией [Млечин, 2013, с. 302]. Принятое соглашение ослабило конкурентную напряжённость, и оно вполне удовлетворяло советские интересы.

Как отмечала А. М. Коллонтай уже в 1936 году, подписание соглашения благоприятно сказалось на отношении шведских деловых кругов к СССР и в итоге позволило достичь главной политической цели: «...После заключения с нами в 1935 году соглашения по лесу, когда цены на лес значительно поднялись и продолжают подниматься, среди лесоэкспортеров замечается несомненный рост интереса к Советскому Союзу...» [Кен и др., 2005, с. 167].

3.3. Культурная дипломатия советских властей и советско-шведские культурные связи в 1930-х годах

Многочисленные изменения, которые произошли в России после революции, привлекли иностранных наблюдателей, пытавшихся найти в совет-

ском опыте своеобразную «ролевую модель», которую можно применить у себя на родине. Безусловно, интерес этих людей был связан с теми социальными изменениями, которые происходили в Скандинавских странах.

Отметим, что посещение Советского Союза иностранцами сопровождалось многочисленными мероприятиями пропагандистского характера. Американский русист Майкл Дэвид-Фокс в своей книге «Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921—1941 годы» показал, каким образом в этих мероприятиях взаимодействовали внутренняя и внешняя составляющая советской системы. В частности, в качестве элементов своеобразного «культпоказа» он отмечает создававшиеся еще в 1917 году своеобразные общества в миниатюре (например, организованные как образцовые учреждения коммуны-поселения и т. д.). При этом впоследствии «подходы, изначально примененные к западным гостям, повлияли на методы, которые в гораздо больших масштабах применялись к населению» [Дэвид-Фокс, 2015, с. 521] СССР. При этом политика, которая проводилась Сталиным в отношении иностранцев, не была целостной: изоляционистские и интернационалистские идеи существовали одновременно.

Безусловно, эти мероприятия производили впечатление, которое оказывало влияние на восприятие советской «ролевой модели». Одним из примеров подобного взгляда в Скандинавских странах является точка зрения, которой придерживалась Ханна Рид, шведский либеральный политик, борющаяся за права женщин. В 1935 году она посетила Советский Союз и была поражена тем, что женщины там могли работать, более того, занимались даже традиционно мужскими профессиями, например работали на стройке. Она писала, что право работать — это право жить. В самой Швеции в этот момент многие женщины, в особенности замужние, были фактически лишены возможности освоить те профессии и занять те должности, которые они хотели бы. Также шведскому наблюдателю казалась привлекательной идея «коммунального» проживания с совместным приготовлением пищи, уборкой; распространение детских садов и послешкольной активности для подростков. Ставилось в пример и отношение советских людей к сексуальности, особенности заключения брака в Советском Союзе, которые, по мнению автора, привели к снижению уровня проституции.

Подобные заметки активно публиковались в женских журналах, например, «Hertha» и «Morgonbris». В то же время следует понимать, что «советские модели» активно использовались в политической борьбе и были связаны с конкретными интересами тех или иных групп. Назначение А. М. Коллонтай на должность посла также являлось для шведской общественности отличным примером работающей «советской модели»

в борьбе женщин за свои права. В тех ситуациях, когда реформы, которые проводились в Советском Союзе, соответствовали системе ценностей определенных людей, они включали их во внутреннюю «повестку дня», например, в дискуссии о правах женщин, контроле рождаемости, экономической поддержке материнства и т. д. В то же время на страницах тех журналов, где превозносилась советская медицина и социальная сфера, критиковали «железную диктатуру и вмешательство государства в частную жизнь» [Carlback, 2014, с. 208].

20 мая 1935 года при активном участии Коллонтай было создано шведско-советское общество культурных связей. Оно способствовало укреплению и взаимному сотрудничеству в сфере культуры между обеими странами. В апреле 1936 года Коллонтай писала, что среди «радикальной интеллигенции Швеции, несомненно, намечается усиливающийся рост симпатий к СССР. Это сказывается в составе групп туристов, едущих в Союз (технические и научные силы, студенчество, общественные и коммунальные деятели и пр.), в тоне прессы, в закреплении общества культурных связей». Необходимо отметить, что в этот период внимание общественности в Швеции было приковано к принятию в СССР Конституции, которая была переведена на шведский язык. Кроме того, шведы проявляли большой интерес и к классической русской культуре. По сообщению Коллонтай, в Швеции с большим успехом прошли «Пушкинские дни» [Фокин, 2008]. Читательский интерес шведов был проявлен также к Шолохову, который, как известно из дневниковой записи Коллонтай, наряду с Верой Инбер был самым популярным именем новейшей советской литературы. Коллонтай даже поставила вопрос о выдвижении его кандидатуры на Нобелевскую премию по литературе в 1935 году, которую, однако, он смог получить только в 1965 году. О присуждении премии Бунину она высказалась следующим образом: «В Москве, конечно, не понравится, что шведы выдвинули на мировую премию эмигранта, но факт тот, что Нобелевский комитет состоит из архиреакционных стариков, которым всем за восемьдесят лет, и их выбор кандидата на премию уже не раз вызывал неприятности в Швеции... Во всяком случае, шведы могли бы быть тактичнее, когда у нас идут серьезные переговоры...» [КДД, т. 2, с. 198—199].

В целом, Коллонтай принимала меры для того, чтобы возбудить в Москве интерес к нобелевскому движению и создать необходимые условия для полноценного участия советских ученых и писателей в достойном соперничестве с их зарубежными коллегами за обладание престижными нобелевскими наградами. Еще в 1934 году она развернула широкую кампанию в пользу оживления культурных связей и использования их для полноценного участия советских ученых и писателей в конкуренции за премию.

Она стала добиваться приглашения на VII Менделеевский съезд, который должен был состояться в Ленинграде, шведского химика В. Пальмера, который положительно относился к СССР. Таким образом, Коллонтай всячески способствовала втягиванию Советского Союза в орбиту нобелевского движения, а также развитию связей советских ученых с нобелевскими учреждениями. Однако это не принесло успеха по причине того, что после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1935 года в СССР наступила эпоха «Большого террора», и, соответственно, несанкционированная переписка с зарубежными учреждениями становилась опасной [Блох, 2001].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в 1920—1930-е годы советско-шведские отношения отличаются весьма динамичным развитием. Восстановление дипломатических отношений в 1924 году, заключение торгового соглашения и увеличение товарооборота — все это стало возможным и благодаря тому, что в межвоенный период отношение к России (многие шведы продолжали ассоциировать Советский Союз с Россией) в Швеции претерпело значительную трансформацию. С Февральской революцией связывали «оптимистические» надежды на «нормализацию» России, что способствовало бы упрочению мира, безопасности и взаимовыгодных отношений между государствами. Восприятие Октябрьской революции и связанное с ней формирование образа революционного русского «Другого» зависело от политических идеалов наблюдателя.

Для части социал-демократов революция стала возможностью наделять русского «Другого» чертами «учителя» в том, что касалось социальной значимости происходивших изменений, и использовать это в своей политической борьбе. В то же время в 1920-е годы во время формирования советской системы сохранялись надежды на «нормализацию» Советского государства. В Швеции это было связано с идеями об особой «цивилизаторской» миссии шведов на Балтике. В то же время среди тех, кто разделял «оптимизм» по поводу Февральской революции, установление советского правительства вызвало волну разочарования, что привело к их включению в «пессимистический» дискурс. Отчасти это было обусловлено неприятием коммунистической идеологии, отчасти — тем, что многие либералы симпатизировали деятелям Временного правительства, считали их своими сторонниками. Тем не менее одним из ключевых трендов восприятия России в Швеции в этот период является возможное заимствование тех или иных элементов советского опыта в проведении политических, экономических или социальных реформ. Внутренняя «повестка дня», социальное и политическое беспокойство определяли, что именно интересовало тех, кто с интересом разглядывал «витрины великого эксперимента».

Назначение А. М. Коллонтай послом СССР в Швеции в 1930 году положило начало новому этапу советско-шведского экономического и культурного взаимодействия.

Одной из первых задач для Коллонтай стало улучшение торгово-экономических связей со Швецией. Началом послужило решение вопроса об экспорте леса, так как СССР, восстанавливая свою экономику, вышел на мировой рынок лесозэкспорта с крупными предложениями, что создавало огромную конкуренцию шведской и финской стороне. Долгое время договориться о разделе рынка не удавалось, но благодаря упорной работе Коллонтай в ноябре 1935 года соглашение о регулировании вывоза леса на иностранные рынки было подписано, что привело к смягчению советско-шведских отношений.

В то же время внутренние репрессии в СССР и нарастание международной напряженности во второй половине 1930-х годов осложнили отношения между государствами. Начало Второй мировой войны стало серьезным испытанием как для советских граждан, так и для шведов и серьезно повлияло на взаимовосприятие и последующие отношения двух стран.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БССК — *Беседа* Сталина с Коллонтай / Сталин И. В. Сочинения. — Тверь : Информационно-издательский центр «Союз», 2006. — Т. 18. — С. 338—342.
2. ВПСССР — *Внешняя политика СССР* : Сборник документов / Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук ; Составитель научный сотрудник Кабинета Социально-Экономических Наук Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминец. — Москва : [б. и.], 1945. — Т. 3. — 801 с.
3. ВПСССР — *Внешняя политика СССР* : Сборник документов / Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук ; Составитель научный сотрудник Кабинета Социально-Экономических Наук Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминец. — Москва : [б. и.], 1946. — Т. 4. — 647 с.
4. КДД — *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники : 1922—1940 : в 2 т. / А. М. Коллонтай ; предисл. и примеч. М. М. Мухамеджанова. — Москва : Academia, 2001. — Т. 1. — 528 с.
5. КИМЖИР — *Коллонтай А. М.* Из моей жизни и работы : Воспоминания и дневники / А. М. Коллонтай. — Москва : Советская Россия, 1974. — 446 с.
6. КИСИР — *Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи / А. М. Коллонтай. — Москва : Политиздат, 1972. — 430 с.
7. КЛИММ — *Коллонтай А. М.* Летопись моей жизни / А. М. Коллонтай. — Москва : Academia, 2004. — 336 с. — ISBN 5-87444-200-6.
8. RA — *Riksarkivet, Tull- och traktatkomitten.* — maj 1922. — Vol. 161. (Национальный архив Швеции, Таможенно-договорный комитет. — май 1922. — Т. 161).

Литература

1. *Блох А. М.* Советский Союз в интервьюере Нобелевских премий : Факты. Документы. Размышления. Комментарии / А. М. Блох ; под ред. проф. А. И. Мелуа. — Санкт-Петербург : Гуманистика, 2001. — 606 с. — ISBN 5-86050-121-8.
2. *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921—1941 гг. / М. Дэвид-Фокс. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 568 с. — ISBN 978-5-4448-0215-1.
3. *Журавлева В. И.* Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики : итоги и перспективы / В. И. Журавлева // Американский ежегодник. — 2010. — № 2008—2009. — С. 142—166.
4. *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем / А. С. Кан. — Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. — 357 с. — ISBN 5-7281-0140-2.
5. *Кен О. Н.* Швеция в политике Москвы, 1930—1950-е годы [Текст] / О. Н. Кен, А. Рупасов, Л. Самуэльсон ; Российская акад. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории, Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Handelshögskolan i Stockholm-Institutet för Ekonomisk Historisk Forskning. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 446 с. — ISBN 5-8243-0665-6.
6. *Млечин Л. М.* Коллонтай / Л. М. Млечин. — Москва : Молодая Гвардия, 2013. — 480 с. — ISBN 978-5-235-03642-0.
7. *Олесин М. И.* Первая в мире : биографический очерк об А. М. Коллонтай / М. И. Олесин. — Москва : Полииздат, 1990. — 384 с.
8. *Рымко Е. П.* Мадам Коллонтай / Е. П. Рымко // Современная Европа. — 2003. — № 4 (16). — С. 99—106.
9. *Фокин В. И.* Проблема «Балтийского Локарно» в общественном сознании скандинавских стран в 20—30-е гг. XX в. / В. И. Фокин // Скандинавские чтения 2006 года : Этнографические и культурно-исторические аспекты / сост. И. Б. Губанов ; Отв. ред. Б. С. Жаров, Т. А. Шрадер ; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2008. — С. 117—124.
10. *Шейнис З. С.* Путь к вершине. Страницы жизни А. М. Коллонтай / З. С. Шейнис. — Москва : Советская Россия, 1987. — 304 с.
11. *Carlback H.* Swedish images of Russia — glimpses from the past hundred years / H. Carlback // Балтийское соседство : Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX—XXI вв. — Москва : Ленанд, 2014. — С. 201—211. — ISBN 978-5-9710-5720-8
12. *Clements B. E.* Bolshevik Feminist : The Life of Aleksandra Kollontai / B. E. Clements. — Bloomington and London : Indiana University Press, 1979. — 352 p.
13. *Hjarne H.* Svensk och frammande / H. Hjarne. — Stockholm : Geber, 1908. — 238 s.
14. *Palmstierna E.* Dagjmaning 1920-1921. Politiska dagboksanteckningar / E. Palmstierna. — Stockholm : Tiden, 1954. — 248 s.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2024,
одобрена после рецензирования 03.09.2024,
подготовлена к публикации 22.10.2024.*

Material resources

- BSSK — *Stalin's conversation with Kollontai, 18.* (2006). Tver: Information and Publishing Center "Soyuz". 338—342. (In Russ.).
- KDD — *Kollontai, A. M. (2001). Diplomatic diaries: 1922—1940: in 2 volumes, 1.* Moscow: Academia. 528 p. (In Russ.).

- KIMZHIR — Kollontai, A. M. (1974). *From my life and work: Memoirs and diaries*. Moscow: Soviet Russia. 446 p. (In Russ.).
- KISIR — Kollontai, A. M. (1972). *Selected articles and speeches*. Moscow: Politizdat. 430 p. (In Russ.).
- KLMM — Kollontai, A. M. (2004). *The chronicle of my life*. Moscow: Academia. 336 p. ISBN 5-87444-200-6. (In Russ.).
- RA — Riksarkivet, Tull- och traktatkomitten, 161. Maj. (1922). (In Swed.).
- VPSSSR — *Foreign Policy of the USSR: Collection of documents / Higher Party School under the Central Committee of the CPSU(b). Cabinet of Socio-Economic Sciences; Compiled by A. S. Tisminets, researcher at the Cabinet of Socio-Economic Sciences of the Higher Party School under the Central Committee of the CPSU(b)*, 3. (1945). Moscow: [b. i.]. 801 p. (In Russ.).
- VPSSSR — *Foreign policy of the USSR: A collection of documents / Higher Party School under the Central Committee of the CPSU (b). Cabinet of Socio-Economic Sciences; Compiled by A. S. Tisminets, researcher at the Cabinet of Socio-Economic Sciences of the Higher Party School under the Central Committee of the CPSU(b)*, 4. (1946). Moscow: [b. i.]. 647 p. (In Russ.).

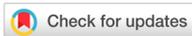
References

- Bloch, A. M. (2001). *The Soviet Union in the interior of the Nobel Prizes: Facts. Documents. Reflections. Comments*. St. Petersburg: Humanistics. 606 p. ISBN 5-86050-121-8. (In Russ.).
- Carlback, H. (2014). Swedish images of Russia — glimpses from the past hundred years. In: *The Baltic neighborhood: Russia, Sweden, the Baltic States against the background of the epochs and events of the XIX—XXI centuries*. Moscow: Lenand. 201—211. ISBN 978-5-9710-5720-8.
- Clements, B. E. (1979). *Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai*. Bloomington and London: Indiana University Press. 352 p.
- David-Fox, M. (2015). *Showcases of the great experiment. Cultural diplomacy of the Soviet Union and its Western guests. 1921—1941*. Moscow: New Literary Review. 568 p. ISBN 978-5-4448-0215-1. (In Russ.).
- Fokin, V. I. (2008). The problem of the “Baltic Locarno” in the public consciousness of the Scandinavian countries in the 20—30s of the XX century. In: *Scandinavian readings 2006: Ethnographic and cultural-historical aspects*. St. Petersburg: MAE RAS. 117—124. (In Russ.).
- Hjarne, H. (1908). *Svensk och frammande*. Stockholm: Geber. 238 s. (In Swed.).
- Kan, A. S. (1999). *Sweden and Russia in the past and present*. Moscow: Ros. state humanitarian. Univ. 357 p. ISBN 5-7281-0140-2. (In Russ.).
- Ken, O. N., Rupasov, A., Samuelson, L. (2005). Sweden in Moscow politics, 1930s —1950s [Text]. In: *Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History, European University in St. Petersburg, Handelshögskolan I Stockholm-Institutet för Ekonomisk Historisk Forskning*. Moscow: ROSSPEN. 446 p. ISBN 5-8243-0665-6. (In Russ.).
- Mlechin, L. M. (2013). *Kollontai*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 480 p. ISBN 978-5-235-03642-0. (In Russ.).
- Olesin, M. I. (1990). *The first in the world: a biographical essay on A. M. Kollontai*. Moscow: Polizdat. 384 p. (In Russ.).

- Palmstierna, E. (1954). *Dagmaning 1920—1921. Politiska dagboksanteckningar*. Stockholm: Tiden. 248 s. (In Swed.).
- Rymko, E. P. (2003). Madame Kollontai. *Modern Europe*, 4 (16): 99—106. (In Russ.).
- Sheinis, Z. S. (1987). *The way to the top. Pages of the life of A. M. Kollontai*. Moscow: Soviet Russia. 304 p. (In Russ.).
- Zhuravleva, V. I. (2010). Studying the imagology of Russian-American relations on both sides of the Atlantic: results and prospects. *American Yearbook*, 2008—2009: 142—166. (In Russ.).

*The article was submitted 08.07.2024;
approved after reviewing 03.09.2024;
accepted for publication 22.10.2024.*

Информация для цитирования:

Игумнов Е. В. Статистические комитеты и создание музеев в России во второй половине XIX — начале XX веков / Е. В. Игумнов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 366—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-366-383.

Igumnov, E. V. (2024). Statistical Committees and Establishment of Museums in Russia during Late 19th to Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 366-383. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-366-383. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Статистические комитеты
и создание музеев в России
во второй половине
XIX — начале XX веков**

Игумнов Евгений Владимирович

orcid.org/0000-0002-3260-4824
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и философии
eigumnov@list.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
ветеринарной медицины
(Санкт-Петербург, Россия)

**Statistical Committees and
Establishment of Museums
in Russia during Late 19th
to Early 20th Centuries**

Evgeny V. Igumnov

orcid.org/0000-0002-3260-4824
PhD in History, Associate Professor,
Department of History and Philosophy
eigumnov@list.ru

Saint-Petersburg State University
of Veterinary Medicine
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность губернских и областных статистических комитетов в качестве центров по устройству провинциальных музеев в России в дореволюционный период. Отмечается, что, несмотря на наличие достаточно большого числа работ, посвященных становлению музейного дела и вкладу отдельных статистических комитетов в создание и развитие музеев, данная тема до сих пор не подвергалась системному исследованию. Прослеживаются формирование музейных коллекций и возникновение сети музеев статистических комитетов, начиная от первых музеев, созданных при Владимирском и Архангельском комитетах, и заканчивая несостоявшимся открытием музеев при Нижегородском, Саратовском и Забайкальском губернских и областных статистических комитетах. Указываются общие черты формирования провинциальных музеев и особенности их организации при статистических комитетах. Подчеркивается принадлежность статистических комитетов к числу учреждений государственного типа. Выясняется профильная направленность деятельности музеев. Пристальное внимание уделяется причинам реорганизации и отделению музеев от статистических комитетов в конце XIX — начале XX веков. На основании изученных источников устанавливается, что многие музеи статистических комитетов перешли в ведение научных обществ, архивных комиссий и специально созданных комитетов.

Ключевые слова:

губернские и областные статистические комитеты; административная статистика; музейное дело; провинциальные музеи; ученые архивные комиссии; научные общества.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the activities of provincial and regional statistical committees as centers for the establishment of provincial museums in pre-revolutionary Russia. It highlights that, despite a considerable number of studies dedicated to the emergence of museum practices and the contributions of individual statistical committees to the creation and development of museums, this topic has yet to undergo systematic investigation. The formation of museum collections and the emergence of a network of museums affiliated with statistical committees are traced, beginning with the first museums established by the Vladimir and Arkhangelsk committees and concluding with the unsuccessful attempts to open museums by the Nizhny Novgorod, Saratov, and Transbaikal statistical committees. Common features in the development of provincial museums and the specific organizational characteristics of those associated with statistical committees are identified. The article emphasizes the classification of statistical committees as state-type institutions and clarifies the specialized focus of museum activities. Particular attention is paid to the reasons for the reorganization and separation of museums from statistical committees in the late 19th to early 20th centuries. Based on the examined sources, it is established that many museums previously under the auspices of statistical committees transitioned to scientific societies, archival commissions, and specially created committees.

Key words:

provincial and regional statistical committees; administrative statistics; museum studies; provincial museums; scholarly archival commissions; scientific societies.

УДК 069(470)“18/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-366-383

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Статистические комитеты и создание музеев в России во второй половине XIX — начале XX веков

© Игумнов Е. В., 2024

1. Введение = Introduction

XIX — начало XX веков — период организационного оформления административной статистики в Российской империи. Внутриполитические процессы, реформирование центральных и местных органов управления, необходимость модернизации экономики страны, социальной сферы потребовали от государства упорядочить систему сбора и учета статистических данных и с этой целью улучшить взаимодействие между бюрократическим аппаратом и научно-исследовательскими силами. Большое значение для становления административной статистики имело создание и последующее развитие региональных статистических комитетов. Согласно высочайше утвержденным в декабре 1834 года «Правилам для Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел и статистических комитетов в губерниях» их деятельность заключалась в получении и приведении в порядок статистических сведений, составлении на основе полученных материалов итоговых отчетов и таблиц, подробном и точном описании губернской промышленности, торговли, хозяйства. Министерство внутренних дел дополнительным распоряжением рекомендовало губернским властям в качестве членов-корреспондентов привлекать к работе в комитетах «просвещенных и благонамеренных жителей губернии», готовых сообщать о своих наблюдениях над народным бытом, о нуждах, средствах, особенностях края и др. [О штатах ..., 1835, с. XLIII].

Положение 1860 года упорядочило деятельность губернских и областных статистических комитетов. Был определен состав членов комитетов с разделением их на непременных, действительных (избираемых из лиц, способных своими познаниями и опытом принести пользу комитетам) и почетных, введена должность секретаря комитета, назначаемого начальником губернии или области, утверждена постоянная субсидия от государства в размере от 1500 до 2000 рублей в год, уточнены функции. По Положению, помимо исправного содержания местной административной статистики, им вменялось в обязанность по мере возможности заботиться

о составлении подробных описаний губерний и областей, городов, чем-либо примечательных местностей в топографическом, историческом, сельскохозяйственном, промышленном, торговом отношениях, подготовке и издании печатных трудов. Пунктом шестнадцатым определялось право статистических комитетов на проведение обыкновенных собраний по назначению председателя комитета. В начале года каждому комитету предписывалось проводить общее собрание для обсуждения отчета секретаря о действиях и занятиях комитета за прошедший год [ПСЗРИ-Ц, 1862, с. 509].

Вследствие предпринятых мер к последней четверти XIX века многие статистические комитеты приобрели значение стационарных научных центров, схожих по своей структуре и деятельности с научными обществами и занимавшихся не только статистическими исследованиями, но и комплексом других вопросов, связанных с изучением обширной территории России. Это вело к накоплению при них различных предметов, отражавших специфику и условия развития российских регионов, способствовало началу складывания музейных коллекций. Графиня П. С. Уварова, с 1885 по 1917 годы председатель Императорского Московского археологического общества, выступая 20 августа 1887 года на заключительном заседании VII археологического съезда с докладом «К вопросу о провинциальных музеях», выделила 10 групп музеев и среди них отдельно сеть музеев, образованных губернскими и областными статистическими комитетами. По имевшимся в ее распоряжении сведениям, 20 из 80 существовавших на тот момент комитетов обладали собственными музейными коллекциями [Уварова, 1890, с. 10].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Учитывая разнонаправленность занятий статистических комитетов, в том числе их участие в развитии музейного дела, вполне объясним интерес историков к различным аспектам их деятельности. Роль отдельных статистических комитетов в формировании музеев рассматривается в статьях С. В. Лебедева [Лебедев, 2009], И. В. Грабянчука [Грабянчук, 2009], В. А. Скопы [Скопа, 2012], Р. О. Костопрравова [Костопрравов, 2022], А. С. Майоровой [Майорова, 2023] и др., этот вопрос затрагивается и в работах, посвященных становлению музейного дела, статистической службы и краеведения в российских регионах [Дзудцова, 2023; Бронникова, 2015; Уткина, 2019; Захарова, 2002; Маркина, 2003; Бурыкина, 2021] и т. д. При этом история музеев статистических комитетов пока не подвергалась комплексному изучению, остается нераскрытым вклад целого ряда статистических комитетов в устройство провинциальных музеев.

Цель статьи — систематизировать сведения о деятельности губернских и областных статистических комитетов по созданию музеев в России во второй половине XIX — начале XX веков.

При работе над статьей в качестве основных источников были использованы опубликованные отчеты о работе статистических комитетов, материалы фонда 1290 (Центральный статистический комитет МВД) Российского государственного исторического архива, нормативные документы и др. При написании статьи применялись типологический, сравнительно-исторический и описательно-повествовательный методы исследования, предоставляющие возможность, с одной стороны, выстроить общую картину возникновения и становления музеев статистических комитетов, а с другой — показать особенности их развития.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Создание сети музеев статистических комитетов

Первые шаги по созданию музеев были предприняты в 1850-е годы Владимирским, Архангельским и Воронежским статистическими комитетами. Владимирский музей впервые упоминается в отчете статистического комитета в 1854 году, но вплоть до 1869 года из-за отсутствия подходящего помещения его коллекции оставались закрытыми для публичного осмотра. В 1859 году был создан музей Архангельского губернского статистического комитета (далее — ГСК). В 1865 году к нему присоединен музей при Палате государственных имуществ Архангельской губернии и, таким образом, сформирован единый губернский музей [РГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 608, л. 481]. В июне 1857 года член Воронежского ГСК Н. И. Второв представил на имя воронежского губернатора Н. П. Синельникова докладную записку с проектом об учреждении музея. «Для более обстоятельного изучения Воронежской губернии, — писал он, — весьма было бы полезно учреждение при губернском статистическом комитете музея, который в малом объеме представлял бы возможно полную картину естественного богатства здешнего края, промышленных сил его, степени образованности обитателей и пр.» [Поликарпов, 1896, с. 3—4]. Несмотря на согласие директора Михайловского кадетского корпуса разместить музей в здании учебного заведения, его открытие тогда не состоялось, так как в июле 1857 года главный инициатор Н. И. Второв уехал из Воронежа. К вопросу о создании музея при статистическом комитете в Воронеже удалось вернуться лишь в середине 1880-х годов.

С середины 1860-х годов последовало создание одного за другим новых музеев. В 1864 году основан музей при Уфимском (до 1865 года Оренбургском) ГСК. Уфимский комитет одним из первых поднял вопрос

о строительстве для музея особого здания. На первых порах планировалось разместить его коллекции в мужской гимназии. Однако из-за опасений, что у публики не будет свободного доступа к зданию гимназии, от этой идеи пришлось отказаться [Сираева, 2016, с. 99]. Поэтому на заседании комитета в октябре 1865 года было принято решение о строительстве собственного здания, возведение которого завершилось в 1872 году. В 1865 году образован музей при Новгородском ГСК, в 1867 году его экспозиция открыта для публичного посещения. Недостаток средств привел к тому, что в конце 1867 года статкомитет передал музей в ведение новгородского губернского земского самоуправления. Временный подъем в работе музея сменился кризисом, и в конце 1870-х годов он был возвращен статистическому комитету. В 1892 года при поддержке краевой общественности для него построено новое здание у стен Златоустовской башни Новгородского Кремля. В 1866 году по инициативе тверского губернатора П. Р. Багратиона учрежден музей при Тверском ГСК. Для музея было отведено место в одной из зал губернской гимназии, наблюдение за ним поручалось одному из учителей гимназии. В 1867—1868 годах созданы музеи при Могилевском, Минском, Гродненском и Витебском статистических комитетах. По сути, тем самым подготовлена почва для дальнейшего развития музейного дела на территории современной Белоруссии.

В 1870-е годы продолжает расширяться география деятельности музеев статистических комитетов. В 1871 году в Петрозаводске по предложению олонецкого губернатора Г. Г. Григорьева при статистическом комитете образован Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей. 24 ноября 1872 года астраханский губернатор Н. Н. Бишпен на заседании местного комитета заявил о необходимости создания музея и, таким образом, положил начало музею Астраханского ГСК. В отчете за 1872 год сообщается, что музей был учрежден при комитете «в видах ознакомления с Астраханской губернией в физическом, экономическом, историческом и этнографическом отношениях» и к началу 1873 года состоял из 174 предметов «преимущественно моделей разных судов, сельских орудий и снарядов для ловли рыбы» [Отчет ..., 1873, с. 3]. 5 ноября 1871 года принято решение о создании музея членами Псковского ГСК. Его открытие состоялось в мае 1876 года [Протоколы ..., 2014, с. 5]. В 1879 году в Екатеринодаре (с 1920 года — Краснодар) создан Кубанский областной статистический комитет (далее — ОСК), и тогда же при нем учрежден Кубанский Войсковой музей. В 1891 году на базе уже имевшихся при комитете коллекций открыт музей Пензенского ГСК [Попов, 1891, с. 1]. 13 марта 1893 года считается днем основания музея Терского ОСК во Владикавказе. В этот день на собрании комитета образована особая комиссия, на которую

возложена задача разработать программу музея и приступить к собиранию для него предметов. В апреле 1897 году музей был открыт для посетителей [Кобахидзе, 2016, с. 155].

Одним из первых музеев, образованных в Азиатской части России, являлся музей Тобольского ГСК. Музей создан в 1870 году. В его основу были положены коллекции, ранее собранные сотрудниками комитета и характеризовавшие географическое положение Тобольской губернии, историю, культуру, хозяйственное развитие края. В 1874 году секретарь статистического комитета И. Н. Юшков пополнил коллекции черепом мамонта, чучелами песка, колонка, лисицы, трех горностаев, белки, частями кольчуги и медным оружием, в 1875 году в музей поступило 36 предметов по этнографии [Журнал ..., 1888, с. 10—15]. В 1883 году образован музей Семипалатинского ОСК. Фонды музея быстро пополнялись новыми предметами, и к середине 1890-х годов его коллекции уже насчитывали более 2000 экспонатов. Поэтому с начала 1890-х годов статистический комитет приступил к сбору денег на строительство здания для своих музея и библиотеки. К 1896 году собранная им сумма составила 2316 рублей 30 копеек, в 1898 году достигла 2990 рублей 58 копеек [РГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 493, л. 10 об.]. 26 мая 1891 года состоялось официальное открытие музея при Якутском ОСК, хотя его двери для публики были открыты еще раньше. К моменту открытия музей успели посетить более 1000 человек, в том числе воспитанники и воспитанницы реального училища, женской прогимназии, духовной семинарии [Николаев, 1911]. В 1898 году в городе Верном (с 1921 — Алма-Ата) учрежден музей при Семиреченском ОСК. Сотрудниками комитета ставились перед ним достаточно широкие практические, культурно-просветительные и научные задачи, вполне соответствовавшие современным представлениям о назначении музеев в жизни общества — служить естественно-историческому изучению области и распространению полученных знаний среди местного населения, содействовать разрешению вопросов, связанных с развитием промышленности и народного образования в крае [Скопа, 2019, с. 137].

Работы по созданию музеев также велись при Нижегородском, Саратовском и Забайкальском статистических комитетах. Идея о создании губернского музея впервые прозвучала на заседании Нижегородского ГСК в 1863 году. Развернулся сбор экспонатов, поиск помещения и денежных средств. Несмотря на прилагаемые усилия, найти необходимую поддержку среди нижегородцев не удалось. В 1877 году после очередного неудачного обращения к губернскому земскому собранию попытки открыть музей были прекращены, большая часть собранных вещей оказалась рассылена между другими учреждениями [Уткина, 2019, с. 48]. В 1870—1880-е годы

собственная музейная коллекция, состоявшая из предметов по палеонтологии, истории и этнографии, сформировалась при Саратовском ГСК. С учреждением в 1886 году Саратовской ученой архивной комиссии вся коллекция, по мнению А. С. Майоровой, так и не преобразованная в музей, была передана в ее распоряжение [Майорова, 2023, с. 22]. В конце 1880-х годов приступил к собиранию музейной коллекции Забайкальский ОСК. На заседании 24 января 1889 года члены комитета постановили заняться изысканием предметов, дающих общее представление о Забайкалье. Стали поступать первые вещи. В 1890 году И. С. Боголюбский пожертвовал комитету значительное число книг и естественнонаучных экспонатов, есаул Станкевич — изданное Императорским Русским археологическим обществом «Сказание о завоевании Сибири» [Протокол ..., 1890]. В 1894 году, по всей видимости, коллекция комитета перешла во владение только что образованного Читинского отделения Приамурского отдела Императорского русского географического общества.

3.2. Особенности организации и профильная направленность деятельности музеев статистических комитетов

В течение XIX века в России сложилась целая сеть провинциальных музеев, и, начиная со второй половины XIX столетия, можно говорить о провинциальных или местных музеях как об особом феномене российской культуры [Филатова, 2007, с. 312]. Организация местных музеев была подготовлена созданием в пореформенный период благоприятных социальных, экономических и политических условий, возросшим уровнем культуры в провинции. Л. В. Быкасова, рассуждая о предпосылках формирования сети местных краеведческих музеев во второй половине XIX — начале XX веков, называет такие факторы, как наличие огромных природных ресурсов на окраинах Российской империи, необходимость освоения неиспользованных земель с целью решения проблемы аграрного перенаселения в центральных районах страны, буржуазно-либеральные реформы 1860—1870-х годов, возникновение научных обществ и деятельность местной интеллигенции [Быкасова, 2014, с. 28]. Особую роль общественной инициативы и местной интеллигенции в развитии музеев также подчеркивают другие авторы [Комиссарова, 2017; Рыгалова, 2019, и т. д.].

Своеобразной чертой музеев статистических комитетов являлось то, что последние, хотя и были ориентированы на использование общественного ресурса, представляли собой учреждения государственного типа, и это открывало для них дополнительные возможности. На содержание музеев комитетами обычно выделялась денежная сумма в размере до 100—200 рублей в год. Для заведования музеями назначались отдельные лица. Чаще всего это были секретари статистических комитетов, вокруг которых

сосредотачивалась вся научно-исследовательская и собирательская работа комитетов. В частности, заметный вклад в создание и становление музеев внесли секретари статистических комитетов: Владимирского — К. Н. Тихонравов, Воронежского — Л. Б. Вейнберг, Кубанского — Е. Д. Фелицын, Витебского — А. М. Сементовский-Курилло, Новгородского — Н. Г. Богословский, Олонецкого — А. И. Иванов, Пензенского — В. П. Попов, Псковского — И. И. Васильев, Терского — Г. А. Вертепов, Уфимского — Н. А. Гурвич, Тобольского — И. Н. Юшков, Семипалатинского — Е. П. Михаэлис, Якутского — А. И. Попов и др. Формированию музейных коллекций также способствовало требование, включенное в Положение 1860 года, об оказании содействия статистическим комитетам всеми лицами, подчиненными губернскому начальству. В итоге, несмотря на то что денежных средств, субсидируемых статистическими комитетами и необходимых для удовлетворения музейных потребностей, было недостаточно, официальная поддержка стимулировала создание музеев и объединение общественности вокруг них. В этом отношении музеи статкомитетов по своему положению были схожи с музеями земских и городских органов самоуправления, обладавших определенными властными полномочиями и материальными средствами. Вместе с земствами и городскими думами статистические комитеты до 1890-х годов служили центрами становления музейного дела в российских регионах.

Как и большинство провинциальных музеев России, музеи статистических комитетов преимущественно носили комплексный характер. В составе коллекций, по крайней мере, на начальных этапах развития преобладали естественнонаучные отделы. Пристальное внимание уделялось формированию коллекций, отражавших основные занятия жителей губерний и областей: местные промыслы, земледелие, промышленность и т. д. В дальнейшем в связи с ростом грамотности населения, осознанием культурной уникальности каждого региона стали быстрыми темпами образовываться и расти исторические и этнографические отделы. Например, музей Владимирского ГСК после создания получил название Музей естественных и промышленных изделий Владимирской губернии. В 1860-е годы с поступлением новых предметов музей трансформировался в собрание предметов по истории, археологии, этнографии и палеонтологии. Музей при Новгородском ГСК вскоре после открытия заявил о себе как об одном крупнейших собраний древностей. В его основу была положена коллекция старинных церковных вещей, собранная Н. Г. Богословским в 1863 году и дополненная образцами произведений местной промышленности и естественных богатств [Ласковский, 1893, с. 2]. Уникальные коллекции по археологии и этнографии были собраны музеями при Кубанском, Псковском и других статистических коми-

тетах. Псковский комитет в 1871 году с целью учреждения музея, управления им, собрания, изучения и сохранения памятников старины постановил устроить особую архивную комиссию. В 1880 году ее полномочия перешли к Псковскому археологическому обществу.

3.3. Реорганизация деятельности музеев статистических комитетов в конце XIX — начале XX веков

Музейное дело, наряду с исследовательской работой и изданием научных трудов, относилось к числу необязательных занятий статистических комитетов. По мере возрастания значимости музеев в жизни общества сложились предпосылки для выделения музееведческой работы в самостоятельную сферу деятельности, требовавшей более серьезной научно-методической подготовки, усиления денежного и материального обеспечения. Статистическим комитетам, постепенно переключавшимся на выполнение своей главной функции — исправное содержание местной административной статистики, было сложно гарантировать дальнейшее развитие музеев. Во второй половине 1870-х годов замерла деятельность музея Тобольского ГСК, в 1889—1890 годах фактически произошла ликвидация музея Владимирского ГСК, долгие годы из-за отсутствия собственного здания страдала работа музея Новгородского ГСК. С трудностями в виде нехватки денежных средств, разрывов в преемственности между заинтересованными лицами, отсутствия помещений приходилось бороться и другим музеям. Поэтому в конце XIX — начале XX веков наметились процесс отделения музеев от статкомитетов и их переход в ведение научных обществ, архивных комиссий, специально созданных комитетов. При этом статистические комитеты по возможности продолжали оказывать музеям материальную помощь, участвовать в формировании музейных коллекций.

В середине 1880-х годов столкнулся с кризисом музей Астраханского ГСК. И. С. Иванов, заступивший на должность секретаря комитета, в 1888 году предложил передать коллекции музея Петровскому обществу исследователей Астраханского края, что и было сделано по согласованию с астраханским губернатором Л. Д. Вяземским. Вслед за тем городская дума отвела под помещение музея небольшую комнату и выделила 180 рублей на сторожа и отопление [Виноградов, 1908, с. 1]. В 1886 году после почти десятилетнего перерыва возобновилась деятельность музея Тобольского ГСК. 4 июня 1887 года во время празднования 300-летнего юбилея Тобольска произведена закладка здания музея [РГИА, ф. 1290, оп. 2, д. 298, л. 248 об.]. В 1890 году на основании принятого Устава он перешел под управление особого комитета и тем самым получил самостоятельность от статкомитета. В 1891 году Тобольский губернский музей взял под свое покровительство наследник престола Николай Александрович.

В 1880-е годы возобновилась работа по организации музея в Воронеже. 7 февраля 1894 года на заседании Воронежского ГСК принято решение о создании устроительной комиссии, подготовившей обращение ко всем известным воронежским любителям и собирателям старины об оказании помощи в пополнении музейных коллекций. 9 сентября 1894 года последовало официальное открытие Воронежского губернского музея. В 1900 году в Воронеже учреждена Ученая архивная комиссия, наладившая тесное взаимодействие со статистическим комитетом и принимавшая деятельное участие в дальнейшей судьбе музея. В 1909 году по ее инициативе были приняты меры по строительству музейного здания [Комитет ..., 1910]. В 1916 году музей перешел в полное ведение архивной комиссии.

В 1896 году в заведывание Тверской ученой архивной комиссии перешел музей Тверского ГСК. В 1898 году для управления им образован особый Совет, состоявший из членов архивной комиссии и представителей от министерства народного просвещения, Тверской городской думы, губернского земства, епархиального ведомства. До начала реорганизации статкомитетом на содержание музея ежегодно выделялось 120 рублей. С 1 января 1901 года назначена государственная субсидия в размере 1000 рублей в год. В 1903 году музей под свое покровительство взял великий князь Михаил Александрович [Колосов, 1916, с. 17]. В 1897 году был принят Устав и осуществлено преобразование музея Архангельского ГСК, получившего наименование «Архангельский городской публичный музей». В своем новом виде музей признавался общественным учреждением, состоявшим под высшим наблюдением архангельского губернатора. Управление им поручалось Попечительному совету в составе городского головы, двух гласных городской думы, преподавателя гимназии и секретаря статистического комитета. Из сумм, назначаемых статкомитетом и городским управлением, музею отпускалась субсидия в 400 рублей и предоставлялось бесплатное помещение в здании городской управы [Отчет ..., 1899, с. 5]. В 1906 году произошло отделение музея от Кубанского ОСК. Денежные средства на его содержание выделялись из войсковых сумм Кубанского казачьего войска.

С конца XIX века на ключевые позиции в деле создания провинциальных музеев выходят краевые научные общественные организации. Под их руководство также перешли некоторые из музеев статистических комитетов. В 1898 году Семипалатинский ГСК откликнулся на просьбу Общества попечения о начальном образовании в г. Семипалатинске и согласился передать в его распоряжение музейные коллекции и средства, собранные на постройку здания областного музея и общественной библиотеки. В 1902 году бывший музей статистического комитета вошел в структуру

Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества [Отчет ..., 1903, с. 2]. В 1911 году Якутский ОСК передал свой музей во временное управление недавно образованного в Якутске Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. В 1915 году по распоряжению статкомитета музей перешел в ведение созданного в 1913 году Якутского отдела Императорского Русского географического общества [Отчет ..., 1915, с. 1]. В 1913 году в Петрозаводске создано Общество изучения Олонецкой губернии, которое приступило к устройству собственного музея. В 1914 году по распоряжению олонецкого губернатора М. И. Зубовского обществу был передан Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей статистического комитета [Краткий отчет ..., 1914, с. 156].

4. Заключение = Conclusions

В течение XIX века в России в результате формирования административной статистики были созданы губернские и областные статистические комитеты. Не ограничиваясь решением только одних государственно-административных задач, статистические комитеты занимались координацией исследовательской деятельности на местах, способствовали становлению музейного дела. Материалы научных работ по истории возникновения и развития провинциальных музеев в досоветский период, а также сведения, полученные при написании данной статьи, позволяют сделать следующие выводы.

Во второй половине XIX века статистические комитеты проявили себя в роли одного из центров организации провинциальных музеев. В процессе деятельности статкомитетов благодаря поступлению предметов от официальных и частных лиц происходило складывание музейных коллекций и, как итог, образование музеев. Всего в общей сложности статистическими комитетами было учреждено более 20 музеев на Кавказе, в Белоруссии, Сибири, Центральной Азии и других районах Российской империи.

Рост числа музеев при статистических комитетах был основан на общественной поддержке. При этом важной составляющей их развития являлась принадлежность статкомитетов к структуре государственных учреждений. Соответственно, это обеспечивало им получение содействия со стороны краевой администрации, оказание им помощи в виде назначения небольших ежегодных субсидий, предоставление помещений.

Как и большинство провинциальных музейных собраний, музеи статистических комитетов представляли собой музеи краеведческого типа, носили комплексный характер, то есть были призваны отображать особенности природы, экономики, истории и культуры определенного региона.

На рубеже XIX—XX веков статистические комитеты постепенно начали утрачивать свое значение как центры развития музейного дела. Можно назвать причины реорганизации музеев и их отделений от статкомитетов. Первая причина заключалась в том, что музейное дело наряду с научной деятельностью не относилось к числу обязательных занятий статистических комитетов. Помимо этого можно отметить в качестве причин следующие: сосредоточение статкомитетов на выполнении их главной функции по обеспечению органов государственной власти статистической информацией; необходимость улучшить научно-методическое, финансовое и материальное положение музеев; создание и выдвижение на первый план новых центров развития музейного дела в виде ученых архивных комиссий, научных обществ.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Колосов В. И. Высочайшее посещение его императорским величеством государем императором Николаем Александровичем Тверского музея, состоящего под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Михаила Александровича 21-го апреля 1915 года / В. И. Колосов. — Тверь : Губернская типография, 1916. — 44 с.
2. Комитет по постройке Воронежского губернского музея // Вестник постройки Воронежского губернского музея. — 1910. — № 1. — С. 3.
3. Краткий отчет о деятельности Общества за 1914 год и ведомости о приходе и расходе // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. — 1914. — Т. 4. — № 8. — С. 28—34.
4. Отчет Астраханского губернского статистического комитета. За 1872 год. — Астрахань : Губернская типография, 1873. — 54 с.
5. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1898 год. — Архангельск : Губернская типография, 1899. — 157 с.
6. Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1902 год. — Семипалатинск : [б. и.], 1903. — 5 с.
7. Отчет Якутского отдела Императорского Русского географического общества за время с 10 декабря 1913 г. по 1 января 1915 г. // Известия Якутского отдела Императорского Русского географического общества. — 1915. — Т. I. — С. 1—5.
8. О штатах канцелярии и департаментов Министерства внутренних дел и об учреждении Статистического Отделения при совете сего министерства // Журнал Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Типография Карла Края, 1835. — Ч. 15. — № 2. — С. XXXVII—XLV.
9. ПСЗРИ-II. — Полное собрание законов Российской империи. — II собрание. — Санкт-Петербург, 1862. — Т. XXXV. — Отделение второе. — № 36453.
10. Попов В. П. Описание книг, рукописей, учебных пособий и вещей, находящихся в библиотеке и музее Пензенского губернского статистического комитета / В. П. Попов. — Пенза : Губернская типография, 1891. — 42 с.

11. *Протокол* Забайкальского областного статистического комитета 30 октября 1890 г. № 3 // Забайкальские областные ведомости. — 1890. — № 48. — С. 8—9.
12. *Протоколы* Псковской археологической комиссии (Публикация М. М. Медникова) // Научно-практический, историко-краеведческий журнал. — 2014. — № 41. — С. 3—10.
13. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. — Ф. 1290 (Центральный статистический комитет МВД). Оп. 2. Д. 299. Л. 248 об. Д. 493. Л. 10 об. Д. 608. Л. 481.
14. *Уварова П. С.* Областные музеи / П. С. Уварова. — Москва : Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890. — 24 с.

Литература

1. *Бронникова Е. П.* Музеи города Архангельска в XIX — начале XX вв. / Е. П. Бронникова // Вопросы музеологии. — 2015. — № 2 (12). — С. 46—55.
2. *Бурыкина Л. В.* К вопросу о миссии музеев в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа в 1870-х гг. — начале XX в. / Л. В. Бурыкина, Л. Д. Федосеева // Кубанские исторические чтения. Материалы XII Международной научно-практической конференции. — Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2021. — С. 106—111.
3. *Быкасова Л. В.* К вопросу о формировании сети краеведческих музеев во второй половине XIX — начале XX в. / Л. В. Быкасова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 28. — С. 26—31.
4. *Виноградов В. Н.* Краткий исторический ход основания Астраханского Петровского музея / В. Н. Виноградов // Ежегодник Астраханского Петровского музея. — Астрахань : Паровая новая русская типография, 1908. — С. 1—2.
5. *Грбянчук І. В.* Музеі пры губернскіх статыстычных камітэтах у Беларусі (другая палова XIX — пачатак XX ст.) / І. В. Грбянчук // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2009. — № 1. — С. 54—61.
6. *Дзудцова Л. С.* Предпосылки возникновения музейного дела в Северной Осетии / Л. С. Дзудцова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2023. — № 4. — С. 30—38. — DOI: 10.29025/1994-7720-2023-4-30-38.
7. *Захарова И. М.* Олонекский губернский статистический комитет : этапы становления (1834—1917) / И. М. Захарова // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. — 2002. — № 30. — С. 69—71.
8. *Кобахидзе Е. И.* Из истории создания Терского областного музея / Е. И. Кобахидзе // Известия СОИГСИ. — 2016. — № 22 (61). — С. 149—171.
9. *Комиссарова Е. В.* Общественные инициативы в развитии музейного дела : Монография / Е. В. Комиссарова, И. А. Петрова, О. В. Галкова. — Волгоград : Изд-во ВолгоГМУ, 2017. — 556 с. — ISBN 978-5-9652-0434-2.
10. *Костоправов Р. О.* Собрание Музея естественных и промышленных произведений при Владимирском губернском статистическом комитете / Р. О. Костоправов // Материалы исследований Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. — Владимир : Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2022. — С. 3—12. — ISBN 978-5-906608-56-7.
11. *Лебедев С. В.* Музейный аспект в деятельности Астраханского губернского статистического комитета / С. В. Лебедев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 93. — С. 74—80.
12. *Майорова А. С.* Музейная коллекция Саратовского губернского статистического комитета / А. С. Майорова // Национальное культурное наследие России : региональный

аспект. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. — Самара : Самарский государственный институт культуры, 2023. — С. 20—23.

13. *Маркина Г. К.* Организации Новгорода, занимавшиеся краеведческой деятельностью в дореволюционный период / Г. К. Маркина // Новгородский исторический сборник. — 2003. — № 9 (19). — С. 494—506.

14. *Николаев М.* Исторический очерк развития Якутского музея и постройки здания Музея — Публичной библиотеки / М. Николаев // Якутские областные ведомости. — 1911. — № 46. — С. 5—6.

15. *Поликарпов Н.* Историческая записка о Воронежском губернском музее (1832—1894 гг.) / Н. Поликарпов. — Воронеж : Типо-литография Воронежского губернского правления, 1896. — 24 с.

16. *Рыгалова М. В.* Муниципальные музеи в социокультурном пространстве региона (на примере музеев Алтайского края (Россия)) / М. В. Рыгалова // Библиотеки и музеи в современной образовательной и социокультурной среде : сохранение традиций и перспектива развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию факультета информационно-документных коммуникаций Белорусского государственного университета культуры и искусств. — Минск : Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2019. — Ч. 2. — С. 47—50.

17. *Сираева З. В.* Общественная деятельность статистической службы Уфимской губернии во второй половине XIX века / З. В. Сираева // Проблемы востоковедения. — 2016. — № 1 (71). — С. 98—102.

18. *Скопа В. А.* Вклад статистических комитетов Степного края в формирование музейных фондов последней трети XIX — начале XX в. / В. А. Скопа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 2 (16). — С. 185—187.

19. *Скопа В. А.* История организации и развития музея при Семиреченском областном статистическом комитете в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 61. — С. 137-141. — DOI: 10.17223/19988613/61/18.

20. *Уткина Н. А.* «Музейная потребность» и создание музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х — 1917 гг. / Н. А. Уткина // Музей. Памятник. Наследие. — 2019. — № 2 (6). — С. 45—54.

21. *Филатова А. Л.* Провинциальный музей как явление культурной жизни России второй половины XIX — начала XX в. / А. Л. Филатова // Регионоведение. — 2007. — № 2 (59). — С. 312—320.

*Статья поступила в редакцию 31.07.2024,
одобрена после рецензирования 11.10.2024,
подготовлена к публикации 21.10.2024.*

Material resources

A brief report on the activities of the Society for 1914 and statements of income and expenditure. (1914). *Izvestia of the Society for the Study of the Olonets province*, 4 (8): 28—34. (In Russ.).

Committee for the Construction of the Voronezh Provincial Museum. (1910). *Bulletin of the construction of the Voronezh Provincial Museum*, 1: P. 3. (In Russ.).

- Kolosov, V. I. (1916). *The highest visit by His Imperial Majesty the Sovereign Emperor Nikolai Alexandrovich to the Tver Museum, which consists under the august patronage of His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Alexandrovich on April 21, 1915*. Tver: Gubernskaya printing House. 44 p. (In Russ.).
- On the staff of the Chancellery and departments of the Ministry of Internal Affairs and on the establishment of a Statistical Office under the Council of this Ministry. (1835). In: *Journal of the Ministry of Internal Affairs*, 15 (2). St. Petersburg: Printing House of Karl Kraj. XXXVII—XLV. (In Russ.).
- Popov, V. P. (1891). *Inventory of books, manuscripts, textbooks and things in the library and museum of the Penza Provincial Statistical Committee*. Penza: Provincial printing House. 42 p. (In Russ.).
- Protocol of the Zabaikalsky Regional Statistical Committee № 3 on October 30, 1890. (1890). *Zabaikalsky regional Gazette*, 48: 8—9. (In Russ.).
- Protocols of the Pskov Archaeological Commission (Publication by M. M. Mednikov). (2014). *Scientific and practical, historical and local lore journal*, 41: 3—10. (In Russ.).
- PSZRI-II. — *The complete collection of laws of the Russian Empire. II meeting, XXXV (36453)*. (1862). St. Petersburg. (In Russ.).
- Report of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee for 1898*. (1899). Arkhangelsk: Provincial Printing House. 157 p. (In Russ.).
- Report of the Astrakhan Provincial Statistical Committee. For the year 1872*. (1873). Astrakhan: Provincial Printing House. 54 p. (In Russ.).
- Report of the Yakut Department of the Imperial Russian Geographical Society for the period from December 10, 1913 to January 1, 1915. (1915). *News of the Yakut Department of the Imperial Russian Geographical Society*, 1: 1—5. (In Russ.).
- Report on the activities of the Semipalatinsk sub-department of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society for 1902*. (1903). Semipalatinsk: [b. i.]. 5 p. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1290 (Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs)*. (In Russ.).
- Uvarova, P. S. (1890). *Regional museums*. Moscow: Printing house of E. Lissner and Y. Roman. 24 p. (In Russ.).

References

- Bronnikova, E. P. (2015). Museums of the city of Arkhangelsk in the XIX — early XX centuries. *Questions of museology*, 2 (12): 46—55. (In Russ.).
- Burykina, L. V., Fedoseeva, L. D. (2021). On the issue of the mission of museums in the socio-cultural space of the North-Western Caucasus in the 1870s — early XX century. In: *Kuban Historical readings. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference*. Barnaul: IP Kolmogorov I. A. 106—111. (In Russ.).
- Bykasova, L. V. (2014). On the formation of a network of local history museums in the second half of the XIX — early XX century. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 28: 26—31. (In Russ.).
- Dzudtsova, L. S. (2023). Prerequisites for the emergence of museum business in North Ossetia. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, 4: 30—38. DOI: 10.29025/1994-7720-2023-4-30-38. (In Russ.).

- Filatova, A. L. (2007). Provincial Museum as a phenomenon of the cultural life of Russia in the second half of the XIX — early XX century. *Regionology*, 2 (59): 312—320. (In Russ.).
- Grabianchuk, I. V. (2009). Museums of the great provincial historical monuments in Belarus (another palova of the XIX — pachatak of the XX century). *Bulletin of the Polessky State University. A series of social sciences and humanities*, 1: 54—61. (In Russ.).
- Kobakhidze, E. I. (2016). From the history of the creation of the Tersk regional Museum. *Izvestiya SOIGSI*, 22 (61): 149—171. (In Russ.).
- Komissarova, E. V., Petrova, I. A., Galkova, O. V. (2017). *Public initiatives in the development of museum business: Monograph*. Volgograd: Publishing house of VolgSMU. 556 p. ISBN 978-5-9652-0434-2. (In Russ.).
- Kostopravov, R. O. (2022). Collection of the Museum of Natural and Industrial Works at the Vladimir Provincial Statistical Committee. In: *Research materials of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve*. Vladimir: State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve. 3—12. ISBN 978-5-906608-56-7. (In Russ.).
- Lebedev, S. V. (2009). Museum aspect in the activities of the Astrakhan Provincial Statistical Committee. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzen*, 93: 74—80. (In Russ.).
- Markina, G. K. (2003). Organizations of Novgorod engaged in local history activities in the pre-revolutionary period. *Novgorod historical collection*, 9 (19): 494—506. (In Russ.).
- Mayorova, A. S. (2023). Museum collection of the Saratov Provincial Statistical Committee. In: *National cultural heritage of Russia: a regional aspect. Materials of the X All-Russian scientific and practical conference*. Samara: Samara State Institute of Culture. 20—23. (In Russ.).
- Nikolaev, M. (1911). A historical sketch of the development of the Yakut Museum and the construction of the Museum — Public Library building. *Yakut regional Gazette*, 46: 5—6. (In Russ.).
- Osprey, V. A. (2012). Contribution of statistical committees of the Steppe region to the formation of museum funds in the last third of the XIX — early XX century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2 (16): 185—187. (In Russ.).
- Osprey, V. A. (2019). The history of the organization and development of the museum at the Semirechensk regional Statistical Committee in the late XIX — early XX century. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 61: 137—141. DOI: 10.17223/19988613/61/18. (In Russ.).
- Polikarpov, N. (1896). *Historical note on the Voronezh Provincial Museum (1832—1894)*. Voronezh: Typo-lithography of the Voronezh Provincial Government. 24 p. (In Russ.).
- Rygalova, M. V. (2019). Municipal museums in the socio-cultural space of the region (on the example of museums in the Altai Territory (Russia)). In: *Libraries and museums in the modern educational and socio-cultural environment: preservation of traditions and prospects for development: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Faculty of Information and Documentary Communications of the Belarusian State University of Culture and Arts*, 2. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts. 47—50. (In Russ.).
- Siraeva, Z. V. (2016). Public activity of the statistical service of the Ufa province in the second half of the XIX century. *Problems of Oriental studies*, 1 (71): 98—102. (In Russ.).

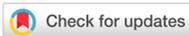

- Utkina, N. A. (2019). “Museum need” and the creation of museums in Nizhny Novgorod in the 1860s — 1917. *Museum. Monument. Heritage*, 2 (6): 45—54. (In Russ.).
- Vinogradov, V. N. (1908). A brief historical course of the foundation of the Astrakhan Petrovsky Museum. In: *Yearbook of the Astrakhan Petrovsky Museum*. Astrakhan: Steam New Russian Printing House. 1—2. (In Russ.).
- Zakharova, I. M. (2002). Olonetsky provincial Statistical Committee: stages of formation (1834—1917). *Newsletter of the Association History and Computer*, 30: 69—71. (In Russ.).

*The article was submitted 31.07.2024;
approved after reviewing 11.10.2024;
accepted for publication 21.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Куликов С. В. Руководство внешней политикой Российской империи в контексте создания Основных законов 1906 года / С. В. Куликов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 384—405. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-384-405.

Kulikov, S. V. (2024). Guiding Foreign Policy of Russian Empire in Context of 1906 Fundamental Laws Creation. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 384-405. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-384-405. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Руководство внешней политикой Российской империи в контексте создания Основных законов 1906 года

Куликов Сергей Викторович
orcid.org/0009-0000-3829-3150
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела Новой истории России
sergeyikulikov70@mail.ru

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской Академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

Guiding Foreign Policy of Russian Empire in Context of 1906 Fundamental Laws Creation

Sergey V. Kulikov
orcid.org/0009-0000-3829-3150
PhD in History,
Senior Researcher,
Department of Modern History of Russia
sergeyikulikov70@mail.ru

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется процесс решения проблемы руководства внешней политикой Российской империи при создании Основных государственных законов 23 апреля 1906 года. Отмечается, что было важным сохранить за монархом и МИД ведение международных отношений, выведя его из влияния Государственной думы. Излагаются мнения авторов трех проектов Основных законов: П. А. Харитонова, А. П. Саломона и графа А. Ф. Гейдена. Если Харитонов и Саломон допускали участие Государственной думы в заключении международных договоров, то Гейден такое участие исключал. В январе-феврале 1906 года проект Харитонова был переработан высшими чинами Государственной канцелярии под руководством барона Ю. А. Икскуля фон Гильденбандта и графа Д. М. Сольского. Показано, что в проекте Государственной канцелярии к заключению международных договоров были по-прежнему причастны как император, так и Государственная дума. В марте 1906 года этот проект обсуждался в кабинете графа С. Ю. Витте, и уже в проекте Совета министров, несмотря на экспертизу профессора Ф. Ф. Мартенса, народное представительство было лишено права на участие в заключении международных договоров. Показано, что необходимость этого обосновывал и проект Основных законов, составленный профессором О. О. Эйхельманом. Уделяется внимание Особому совещанию, которое заседало под председательством Николая II в апреле 1906 года и закрепило в Основных законах монополию монарха на управление внешней политикой. Вместе с тем автор полагает, что те же самые Основные законы обеспечили в этой области косвенное влияние Государственной думы, поскольку без ее рассмотрения и одобрения бюджет МИД и все мидовские законопроекты не могли поступать на утверждение царя.

Ключевые слова:

Основные законы 1906; Министерство иностранных дел; внешняя политика; император; Особое совещание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the process of solving the problem of managing the foreign policy of the Russian Empire when creating the Fundamental State Laws on April 23, 1906. It emphasizes the importance of retaining control over international relations by the monarch and the Ministry of Foreign Affairs, effectively removing it from the influence of the State Duma. The perspectives of the authors of three drafts of the Fundamental Laws — P. A. Kharitonov, A. P. Salomon, and Count A. F. Heyden — are presented. While Kharitonov and Salomon permitted the involvement of the State Duma in the conclusion of international treaties, Heyden excluded such participation. In January-February 1906, Kharitonov's draft was revised by senior officials of the State Chancellery under the leadership of Baron Yu. A. Ikskul von Hildenbandt and Count D. M. Solsky. It is shown that in the Chancellery's draft, both the emperor and the State Duma remained involved in the conclusion of international treaties. This draft was discussed in March 1906 in Count S. Yu. Witte's cabinet, and in the Council of Ministers' version, despite an expert review by Professor F. F. Martens, popular representation was stripped of its right to participate in international treaty-making. The necessity for this was also justified by a draft of the Fundamental Laws prepared by Professor O. O. Eichelman. Attention is given to the Special Conference chaired by Nicholas II in April 1906, which consolidated the monarch's monopoly over foreign policy within the Fundamental Laws. Nevertheless, the author argues that these same Fundamental Laws indirectly ensured the influence of the State Duma in this area, as without its review and approval, the budget of the Ministry of Foreign Affairs and all related legislative proposals could not be submitted for the emperor's endorsement.

Key words:

Fundamental Laws of 1906; Ministry of Foreign Affairs; foreign policy; emperor; Special Conference.

УДК 94(47)“1906”+327(47)“190”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-384-405

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Руководство внешней политикой Российской империи в контексте создания Основных законов 1906 года

© Куликов С. В., 2024

1. Введение = Introduction

Основные государственные законы 23 апреля 1906 года, которые стали первой отечественной действующей конституцией, впервые в истории России статьями 12 и 13 определили и полномочия главы государства, императора Всероссийского, в области руководства внешней политикой. Тем не менее этот сюжет, важный для изучения не только дореволюционного конституционализма, но и внешней политики Российской империи, до сих пор остается малоисследованным. Его вкратце касались дореволюционные авторы — Б. Б. Глинский [Глинский, 1913, с. 981, 982] и В. М. Гессен [Гессен, 1916, стб. 1323, 1328], а также, более пространно, Н. С. Таганцев — в своих мемуарах [Таганцев, 1918, с. 168—169, 196], которые иногда имеют характер научной монографии. Из советских историков И. В. Бестужев ограничился анализом содержания статей 12 и 13 [Бестужев, 1961, с. 52], А. В. Игнатъев же остановился на роли графа С. Ю. Витте в подготовке Основных законов 1906 года, однако на появление указанных статей внимания не обратил [Игнатъев, 1989, с. 295]. То же самое характерно для М. Ф. Флоринского [Флоринский, 1978, с. 35—39] и А. В. Георгиева [Георгиев, 1988, с. 58—73], поскольку в их новаторских работах рассматривается более поздний период.

В постсоветской историографии В. А. Емец, опять-таки — вкратце, поставленную проблему затронул в контексте истории внешнеполитического ведомства Российской империи [Емец, 1997, с. 80—81]. Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, освещая участие С. Ю. Витте в создании Основных законов 1906 года, обошли стороной, как и А. В. Игнатъев, статьи 12 и 13 [Ананьич, 1999, с. 304—311]. Наоборот, В. А. Кустов уделил этим статьям особое внимание, но только с точки зрения анализа их содержания [Кустов, 2014, с. 32], как и И. В. Бестужев. Из зарубежных историков М. Шефтель [Szeftel, p. 55] и Д. Мак-Ларен [MacLaren MacDonald, p. 92—102] удостоили данную тему столь же краткого рассмотрения. Ситуация в историографии объясняется тем, что перечисленные исследователи, в силу разных обсто-

ятельств, не обращали внимания на документы, которые хранятся в РГИА и были опубликованы в 1998 [Куликов, 1998, с. 91—164], 2004 [Куликов, 2004, с. 29—64] и 2015 годах [Куликов, 2015, с. 80—132]. Помимо этих документов, далее будут использованы материалы, находящиеся в фондах Библиотеки царскосельского Александровского дворца [ГАРФ, ф. 543], баронов Нольде [РГИА, ф. 727], Государственной канцелярии [РГИА, ф. 1162] и совещаний, образованных при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях [РГИА, ф. 1544].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В начале XX века руководство внешней политикой включало в себя направление дипломатических отношений, объявление войны и заключение мирных и прочих международных договоров. Осуществление этих функций было исключительной прерогативой главы государства, монархов или президентов, которые реализовывали ее при помощи министров иностранных дел и возглавляемых ими внешнеполитических ведомств. «Все монархические конституции и весьма большая часть республиканских, — отмечал в 1909 году С. А. Котляревский, — признают, что представительство государства во внешнем мире, следовательно, и руководство внешней политикой принадлежит главе данного государства» [Котляревский, 1993, с. 160]. Не стала исключением из этого, а наоборот, в области руководства внешней политикой была образцом для остальных конституционных монархий Великобритания. «В международных вопросах, — писал В. Ансон (William Anson), самый авторитетный, в начале XX века, истолкователь английской неписаной конституции, — Корона является представительницей государства. Никакое лицо или учреждение, за исключением Короля, не может вступать в переговоры с иностранным государством чрез своих министров или аккредитованных представителей, имеющие своей целью приобретение известных прав и установление известных обязанностей для всего государства» [Энсон, 1914, с. 318]. Даже в тех странах, где конституция и практика признавали верховенство народного представительства, «всюду» его контроль в сфере внешней политики, заключал Котляревский, «остается весьма общим», и «оно не пытается руководить подготовительной работой и довольствуется оценкой результатов» [Котляревский, 1993, с. 171]. Следовательно, изолированность народного представительства от руководства внешней политикой в республиках если не юридически, то фактически была такой же, как и в монархиях.

Некоторые различия существовали только относительно объявления войны и заключения договоров. Во всех монархиях (кроме Германской империи — формально и Норвегии — реально) суверен имел право объявить

войну, не спрашивая мнения парламента, причем Великобритания и здесь являла образец. «Король, действующий по совету министров, — указывал В. Энсон, — объявляет войну, заключает мир. Палата общин может отказать в средствах на войну, каждая из Палат может выразить неодобрение резолюциями министерской политике или адресом Короне, или путем создания затруднений министерской работе, но у Парламента нет непосредственных средств ни вызвать войну, ни положить ей конец» [Энсон, 1914, с. 323]. В республиках осуществление президентами права объявления войны конституции обуславливали согласием народного представительства [Котляревский, 1993, с. 127]. Однако соответствующие конституционные статьи, подчеркивал Н. И. Лазаревский, «должны остаться мертвою буквою», поскольку во внешней политике существует «своя логика вещей, более сильная, чем писанные тексты законов», и потому эти статьи «реального значения иметь не могут» [Лазаревский, 1910, с. 190].

С точки зрения отношения народного представительства к заключению международных договоров различали три типа государств: английский, бельгийский и республиканский. Английский тип (Великобритания, Дания, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Швеция, Япония, а также монархии Германской империи, в частности — Бавария, Баден, Гессен и Саксония) не предполагал участия парламента в заключении и ратификации договоров, остававшихся всецело за монархом. Бельгийский тип (остальные европейские монархии, в том числе Бельгия, Германская империя, а в ней — Пруссия, Италия) подразумевал обязательность непосредственного согласия парламента на заключение не всех, а некоторых договоров. Третий тип воплощали большинство республик, в которых народное представительство давало согласие на заключение всех договоров [Котляревский, 1993, 57—58, 74—75, 79—80, 106—107]. Статья 68 Бельгийской конституции 1831 года постановляла, что король «заключает мирные, союзные и торговые договоры», но оговаривала: «Договоры торговые и те, которые могут обременить государство или связать лично бельгийцев, вступают в силу только после получения согласия палат. Уступка, обмен и приращение территории может состояться только в силу закона» [Современные конституции..., с. 129]. Иными словами — тоже только при участии парламента.

Статья 48 Прусской конституции 1850 года, созданной по образцу Бельгийской конституции 1831 года, присваивала королю право «заключать мир и вступать в другие договоры с иностранными государствами», однако для «законности» договоров торговых и тех, которыми «налагаются повинности на государство или обязательства на отдельных граждан», требовала «согласия палат» [Там же, с. 396]. Впрочем, уже в конце XIX века прусское правительство «перестало повергать на утверждение палат различные договоры»,

и к этому времени статья 48 утратила «все свое значение» [Дюприе, 1906, с. 30]. В Пруссии конституционная норма перестала соответствовать реальности, чего не наблюдается в случае с Российской империей.

Основные законы 1832 года не содержали статей о полномочиях императора в области руководства внешней политикой, однако эти полномочия абсолютного монарха ограничивала статья 31 Учреждения Государственного совета. Действительно, согласно данной статье, «на уважение» высшего законосовещательного органа должны были поступать в том числе и такие вопросы, как «объявление войны, заключение мира и другие важные внешние меры, когда, по усмотрению обстоятельств, могут они подлежать предварительному общему рассмотрению» [Учреждение..., 1901, с. 13]. Это была реально действующая норма, поскольку законосовещательный Государственный совет неоднократно обсуждал, например, торговые договоры.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Полномочия царя и народного представительства в области руководства внешней политикой согласно проектам Основных законов конца 1905 — начала 1906 года

После издания Манифеста 17 октября 1905 года, объявившего о соглашении Николая II даровать населению гражданские свободы и преобразовать законосовещательную Государственную думу в законодательную, стала очевидной необходимость подготовки новых Основных законов. К декабрю этого года у царя были три их проекта, составленные товарищем (заместителем) государственного секретаря П. А. Харитоновым при участии сенатора Н. П. Гарина, директором Александровского лицея А. П. Саломоном и начальником императорской Военно-походной канцелярии графом А. Ф. Гейденом.

Статья 3 проекта П. А. Харитонova гласила, что государственные границы «могут быть изменены не иначе, как на основании особого о том закона», то есть только при участии народного представительства. Статья 11 этого проекта постановляла, что император «объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами», договоры же, сопряженные «с обязательствами для государственной казны» или исполнение которых потребовало бы «изменения либо дополнения действующих законов», воспринимают силу «не прежде, как по одобрении их Государственной думой и Государственным советом» [Куликов, 1998, с. 101, 102]. Итак, Харитонов предполагал наделить императора в области заключения договоров полномочиями, характерными для монархов бельгийского типа государств. Статьи 5 и 7 проекта А. П. Саломона указывали, что император назначает и увольняет «дипломатических представителей Российской

империи в иностранных государствах» и «объявляет войну и заключает мир». Однако статья 11 Приложения к данному проекту, называвшегося «О Государственных палатах», конкретизировала, что их ведению подлежат мирные и торговые договоры, а равно «все те, кои связаны с установлением для государственной казны обязательств, с изменением границ государственной территории, или же исполнение которых требует изменения или дополнения действующих законов» [Там же, с. 116, 128]. Очевидно, что Саломон, как и Харитонов, находил необходимым полномочия относительно заключения договоров разделить между царем и Государственной думой. В проекте А. Ф. Гейдена статья 5 провозглашала: «Император объявляет войну и заключает мир» [Там же, с. 134]. Это означало, что руководство внешней политикой сохранялось исключительно за царем.

В январе-феврале 1906 года по повелению Николая II, отдававшего явное предпочтение проекту П. А. Харитонова, подготовкой новых Основных законов занимались председатель Государственного совета граф Д. М. Сольский и непосредственный начальник Харитонова — государственный секретарь барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт, руководитель Государственной канцелярии, которая не только обеспечивала делопроизводство Государственного совета, но и ведала кодификацией. Под председательством Икскуля 14 января прошло Сопровождение высших чинов Государственной канцелярии, подвергшее переработке проект Харитонова с учетом содержания двух других проектов. Судя по печатному экземпляру харитоновского проекта с карандашной правкой Икскуля, именно по его инициативе из статьи 11 удалили ее третье предложение, в котором перечислялись договоры, требовавшие одобрения Государственной думы и Государственного совета [РГИА, ф. 1162, оп. 5, д. 26, л. 14, об.]. Однако статью 3, об изменении границ не иначе, как при участии народного представительства, сохранили, и значит по-прежнему — оно бы разделяло с императором полномочия в области заключения договоров, а Россия должна была относиться к бельгийскому типу государств.

Б. Б. Глинский справедливо характеризовал текст статьи 11 проекта Государственной канцелярии (так на этой стадии стал называться проект Харитонова) как «умалчивавший о верховном руководстве Государем внешними сношениями государства и направлении, им непосредственно, международной политики России» [Глинский, 1913, с. 981]. По мнению В. М. Гессена, полномочия монарха в сфере международного управления проектом Государственной канцелярии определялись «в полном соответствии с аналогичными постановлениями прусской, японской и др. конституций», причем он сослался на статьи 48 и 46 Прусской и 13 Японской конституций [Гессен, 1916, стб. 1323]. Но ссылки на эти статьи не

вполне корректны, поскольку в 48 статье перечислялись договоры, требовавшие одобрения Ландтага, а 46 статья присваивала королю «верховное начальство над армией» [Современные конституции..., с. 396]. Статья 13 Японской конституции 1889 года гласила: «Император объявляет войну, заключает мир и вступает в договоры» [Там же, с. 589]. Однако ссылка В. М. Гессена и на эту статью неосновательна, так как в проекте Государственной канцелярии присутствовала статья 3, которая подразумевала, что договоры об изменении границ могли заключаться только при участии народного представительства. Между тем, согласно комментариям князя Х. Ито, автора Японской конституции, «право объявления войны, заключения мира и договоров с иностранными державами принадлежит исключительно императору, и для этого не требуется согласия Диэты», то есть парламента [Иошитанне-Санномийя, 1906, с. 28]. Оно и понятно, учитывая, что Япония относилась к английскому типу государств.

3.2. Решение проблемы руководства внешней политикой в проектах Совета министров и О. О. Эйхельмана (март 1906 года)

В конце февраля 1906 года проект Государственной канцелярии Д. М. Сольский по повелению Николая II передал председателю Совета и Комитета министров графу С. Ю. Витте, который поручил изучить проект управляющему делами (начальнику канцелярии) Комитета министров барону Э. Ю. Нольде, а он попросил сделать это своего секретаря И. И. Тхоржевского. Последний составил замечания на проект, и в них написал: «Статья 3-я, как содержащая в себе требование предварительного одобрения Государственной думой и Государственным советом наиболее важных международных договоров, заключаемых верховной властью, находится в противоречии со статьей 11 и подлежит исключению» [Куликов, 2015, с. 87]. В составленных на основе замечаний Тхоржевского замечаниях Нольде относительно статьи 3 отмечалось: «По существу, не худо, но едва ли необходимо. Статья эта ограничивает указанные в ст[атье] 11 права Государя императора. В Прусской конституции аналогичное правило имеется (ст[атья] 2)» [Там же, с. 97]. Действительно, статья 2 Прусской конституции постановляла, что границы «государственной территории» Пруссии «могут быть изменены не иначе, как законом (в источнике так. — С. К.)» [Современные конституции..., 1905, с. 390]. В замечаниях Витте на проект Государственной канцелярии выносился окончательный вердикт: «Статью 3-ю следовало бы исключить как не соответствующую статье 11-й» [Куликов, 2004, с. 50]. Тем самым премьер полностью исключал и какую-либо прямую причастность народного представительства к руководству внешней политикой, а будущая конституционная Россия переходила из бельгийского типа государств в английский.

В начале марта 1906 года, несомненно — по инициативе С. Ю. Витте, министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф обратился к непременно члену Совета МИД профессору Ф. Ф. Мартенсу, всемирно признанному авторитету в области международного права. Ламздорф передал Мартенсу проект Государственной канцелярии и поручил ему дополнить проект статьей, которая, напоминал профессор министру в письме от 7 марта, «обеспечивала бы свободу действий Государя императора и Императорского правительства в делах внешней политики, которую невозможно вести всегда открыто и публично». В качестве образца Ламздорф указал Мартенсу на Японскую конституцию, в которой, по мнению графа, «находится постановление, ограждающее в этой сфере свободу действий “высшей власти”» [Куликов, 2015, с. 104—105]. Н. С. Таганцев ошибочно полагал, что к профессору обратился сам премьер, а не руководитель МИД [Таганцев, 1918, с. 168—169]. Реакция Мартенса на поручение Ламздорфа предопределялась однозначно либеральными взглядами профессора, которые нашли выражение в его фундаментальном курсе международного права. Если в абсолютной монархии «государь имеет неограниченное право обязывать свой народ трактатами», то в представительных государствах, подчеркивал Мартенс, «осуществление этого права весьма часто обставлено известными предусмотренными в законе формальностями, и глава государства, без согласия народных представителей, не всегда может считаться дееспособным к подписанию международных обязательств» [Мартенс, 2008, с. 303]. День издания Манифеста 17 октября 1905 года, обусловившего превращение Российской империи в представительное государство, Мартенс охарактеризовал как «счастливейший день», который «обращает самодержавную и бюрократическую или приказную Россию в свободную, новую и конституционную Россию». «Да здравствует законная свобода и правовой порядок!» — восклицал профессор на радостях [Пустогаров, 1999, с. 211].

Возвращая В. Н. Ламздорфу проект Государственной канцелярии, Ф. Ф. Мартенс информировал своего шефа 7 марта, что двукратное внимательное прочтение текста Японской конституции не оставило в нем «ни малейшего сомнения» в отсутствии в этой конституции «специального постановления о безответственности японского правительства в делах внешней политики пред японским парламентом». Вышеприведенную статью 13 Мартенс квалифицировал как «единственное постановление Японской конституции, которое касается внешней политики или международных отношений». Он признавал, что статья 55 устанавливает «ответственность японских министров исключительно перед самим императором» [Куликов, 2015, с. 105]. Эта статья постановляла: «Государственные министры состоят советниками императора и ответственны перед ним» [Современные

конституции..., 1905, с. 593]. Однако далее Мартенс обращал внимание на статью 40 [Куликов, 2015, с. 105], которая, в частности, гласила: «Обе палаты могут делать правительству представления и составлять всякого рода законопроекты» [Современные конституции..., 1905, с. 591—592]. Отсюда Мартенс делал вывод, что Японская конституция «допускает запросы в парламенте в обеих палатах также по делам внешней политики» [Куликов, 2015, с. 105]. Вывод русского профессора соотносится с комментариями японского сановника, который писал: «Диета не только принимает участие в законодательстве, но на ее обязанности лежит косвенным образом наблюдать за администрацией. Поэтому обе палаты могут входить к правительству с представлениями относительно полезности или бесполезности, выгоды или невыгоды той или другой меры вне сферы законодательства» [Иошитанне-Санномийя, 1906, с. 42]. Несомненно, что Х. Ито подразумевал запросы, или интерpellации.

По мнению Ф. Ф. Мартенса, опыт парламентской жизни Японии показывал, что «по делам внешней политики не только заявлялись постоянно запросы, но также вызывались министерские кризисы». Так, в январе 1898 года министр иностранных дел виконт Т. Нисси должен был уйти в отставку именно вследствие заявленного ему запроса. Народное недовольство, вызванное Портсмутским мирным договором 1905 года, привело не только к падению в январе 1906 года кабинета графа К. Таро, но и к отставке другого руководителя МИД — маркиза Д. Комуры. «Таким образом, — подытоживал Мартенс, — ни Японская конституция, ни практика японского парламента не исключает дела внешней политики от вмешательства и закономерного надзора со стороны представителей народа, собранных в парламенте». Более того, в европейских и американских конституциях «не встречается ни единого слова, обеспечивающего неограниченную свободу действий правительства в области внешней политики», поскольку их авторы исходили из убеждения, что «международные сношения и политика касаются величайших жизненных интересов народа и потому должны подлежать известному общественному контролю». По наблюдениям профессора, полная солидарность членов кабинета в Японии и во всех остальных цивилизованных странах «обеспечивает соблюдение общих интересов государства со стороны правительства во *всех* сферах управления» [Куликов, 2015, с. 105—106]. Следовательно, юрист-международник признавал неизбежность если не прямого, то косвенного вмешательства парламента в деятельность МИД.

Отвечая на вопрос о том, желательно ли внести в новые Основные законы «особенное постановление относительно свободы действий в области внешней политики», Ф. Ф. Мартенс писал, что это «совершенно не жела-

тельно», в доказательство чего привел несколько соображений. Во-первых, статья 11 проекта Государственной канцелярии сходна со статьей 13 Японской конституции, а потому — «совершенно обеспечивает свободу действий и прерогативу Государя императора в области внешней политики». «От Него, — полагал Мартенс, — будет зависеть назначение министров иностранных дел и верховное направление внешней политики России, подобно тому, как император германский и австрийский свободно управляет внешней политикой Германии и Австрии». Во-вторых, отмечал профессор, «при представительном порядке управления государством нет решительно никакой возможности совершенно изъять дела внешней политики от всякого контроля со стороны людей, облеченных доверием народа и имеющих поручение охранять его жизненные интересы». Мартенс исходил из того, что «вопросы мира и войны слишком близко и чувствительно затрагивают вопросы о жизни и смерти народа», а потому «особенное постановление об изъятии такого рода дел из ведения Государственной думы не может устоять перед непреодолимою силою обстоятельств». «Невзирая на запрещение, — прогнозировал профессор будущую практику российского парламента, — вопросы внешней политики будут поставлены в Государственной думе, в которой будут заседать представители того самого народа, который своею кровью и жизнью защищает в международных отношениях честь и целостность Империи». Наконец, в-третьих, отмечал Мартенс, «нет того парламента и нет того государства, в которых установлена для министра иностранных дел обязанность отвечать на все вопросы, которые ему могут ставить представители народа. Везде существует абсолютное право его отказываться от ответов или публичных объяснений, если этого требуют польза государства и состояние дипломатических переговоров». В этом отношении в конституционных государствах министр иностранных дел, удостоверял профессор, «силою вещей находится в привилегированном положении в сравнении с своими коллегами», что, по его мнению, доказывали парламентские речи лорда Г. Д. Пальмерстона и князя О. фон Бисмарка, представлявшие собой «неисчерпаемый источник для таких ответов на парламентские запросы, которые ничего не говорят и охраняют полную свободу действий руководителя внешней политики» [Там же, с. 106—107]. Заключительный вывод юриста-международника как бы уравновешивал его предыдущие выводы, менее приятные для адресата профессора.

Хотя, в целом, со стороны Ф. Ф. Мартенса стремление В. Н. Ламздорфа, а значит, и С. Ю. Витте изолировать Государственную думу от какого-либо влияния на внешнюю политику встретило тактичный, но твердый отпор, это стремление заявило о себе при обсуждении проекта Государственной канцелярии в Совете министров 10, 12, 14, 18 и 19 марта 1906 года.

Мемория Совета министров от 19 марта указывала, что он, в развитие статьи 11 проекта, «признал правильным указать на высшее со стороны монарха руководство международною политикою России» — «согласно заявлению министра иностранных дел» [Совет министров..., 1990, с. 362]. Однако позднее, в своих мемуарах, инициативу в решении этого вопроса Витте приписывал не Ламздорфу, а себе. Витте писал, что в начале обсуждения проекта правительством он поинтересовался у министра иностранных дел, нет ли с его стороны возражений по поводу статьи 11, и был «очень удивлен», когда Ламздорф ответил, что «никаких принципиальных возражений» не имеет. Тогда премьер заявил, что «не может согласиться» с постановкой вопроса «по части внешних сношений», поскольку, по его мнению, ведение таких сношений «должно принадлежать верховному главе правительства, то есть императору, и должно составлять предмет обсуждения Думы и Государственного совета только с точки зрения финансовой, то есть государственной росписи». «Я, — мотивировал свою точку зрения Витте, — считал и поныне убежденно считаю, что вмешательство в эти дела Думы при существующих условиях страны, которые еще долго не переменятся, было бы бедствием и имело бы последствием понижение мирового влияния России». Вследствие заявления премьер министр и представил свои соображения и проект подлежащей статьи, в силу которой «государь является свободным руководителем и вершителем внешних сношений» [Из архива С. Ю. Витте..., 2003, с. 463]. В действительности Ламздорф, да и Витте явно не торопились.

После трех заседаний Совета министров, 10, 12 и 14 марта 1906 года, как явствует из помеченного 17 марта предварительного проекта Основных законов, статья 3 проекта Государственной канцелярии отсутствовала, но статья 11, ставшая 13, по-прежнему гласила: «Государь Император объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами» [РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 56, л. 61, 61 об.]. Проект новой редакции статьи 13 кабинет рассмотрел только 18 марта, что видно из адресованного С. Ю. Витте письма В. Н. Ламздорфа, который в этот день сообщал премьеру: «Ввиду предстоящего сего числа обсуждения в Совете министров проекта Основных государственных законов имею честь препроводить при сем проект измененной редакции ст[атьи] 13 сих Законов с объяснительной к нему запиской. По внимательном обсуждении, в связи с другими постановлениями о правах верховной власти, прежней редакции означенной статьи, — каковая представляется мне безусловно недостаточною, — я считаю долгом особенно настаивать на принятии предлагаемой ныне редакции (не столько самой “редакции”, как смысла дополнения), точно определяющей ту часть внешних отношений Империи, которая входит

в область непосредственного действия верховной власти» [Куликов, 2015, с. 113]. Это письмо также доказывает, что инициатива присвоения царю «высшего руководства» внешней политикой исходила от В. Н. Ламздорфа, а не от С. Ю. Витте.

Автором новой редакции статьи 13 стал ученик Ф. Ф. Мартенса — вице-директор 2-го Департамента МИД профессор барон М. А. Таубе. На заседании Совета министров 14 сентября 1916 года он, уже будучи сенатором, восстанавливая обстоятельства создания этой статьи, сказал: «Я автор по Министерству иностранных дел. Смысл вложили (граф Ламздорф [передал] высочайшее указание — норма, устраняющая сомнения [относительно] полноты прав Его Императорского Величества в области международных договоров)» [Совет министров..., 1999, с. 352, 353]. Позднее, в эмиграции, Таубе подтверждал, что «касающиеся внешних сношений Империи» постановления Основных законов 1906 года «прошли почти без изменений в составленной мною редакции» [Таубе, 2007, с. 105]. В окончательном варианте проекта Совета министров статья 13 стала 12 и постановляла: «Государь Император есть верховный руководитель внешних сношений Российского государства. Ему принадлежит высшее направление международной политики России. Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами» [Куликов, 2004, с. 54]. Тем самым формально закреплялась полная самостоятельность императора в области руководства внешней политикой, а Россия относилась к английскому типу государств.

Б. Б. Глинский обособленно считал, что, согласно статье 12 проекта Совета министров, император оказался «единственным верховным руководителем всех внешних сношений государства и направления его международной политики» [Глинский, 1913, с. 982]. В. М. Гессен соглашался с тем, что правительством были внесены «чрезвычайно существенные изменения» «в характеристику полномочий монарха в сфере международного управления». Однако он полагал, что в проекте Совета министров статья 12 «впервые» получила редакцию, «вполне соответствующую» редакции статей 12 и 13 окончательного текста Основных законов [Гессен, 1916, стб. 1328], а это, как будет видно из дальнейшего, не вполне соответствовало действительности. М. Шефтель отмечал, что в статье 12 проекта Совета министров «прерогативы императора в области внешней политики» получили «гораздо более сильный акцент с упором на общее руководство монархом внешними отношениями Российского государства». Под Российским государством, по тонкому замечанию американского историка, подразумевалась не только Российская империя, но и Великое княжество Финляндское — как составляющие единое государство. Вместе с тем

М. Шефтель полагал, будто статья 12 была «буквально включена в окончательную версию» Основных законов [Szeftel, 1976, p. 55], но с этим, как и с выводом В. М. Гессена, согласиться нельзя.

Вслед за проектом Совета министров Николай II получил и проект, составленный профессором Киевского университета О. О. Эйхельманом и изложенный им в адресованных царю 24 марта 1906 года «Соображениях о новом изложении Основных государственных законов Российской империи». Статья 88 проекта Эйхельмана постановляла: «Государь Император есть верховный представитель нераздельной Российской империи во всех сношениях ее с иностранными государствами; объявление войны иностранной державе и заключение мира с противником на войне зависят от Его Императорского Величества». По объяснениям профессора, эта статья утверждала «незыблемые начала верховной исполнительной власти Императора и Самодержца Всероссийского, в коих новейшие реформы ничего не поколебали и поколебать не могли» [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 10, ч. 1, л. 123, об.]. Рассуждения Эйхельмана не означали, что он обосновывал сохранение за царем в области руководства внешней политикой абсолютной власти. Комментируя статью 88, профессор писал, что трактуемая в ней «функция верховной исполнительной власти главы государства обычно подтверждается еще особо во всех подобных Основных государственных законах в культурных странах», то есть странах, имеющих конституции. Для этого, по мнению Эйхельмана, юриста-международника, имелся «специальный мотив», заключавшийся в том, чтобы «выставить, рельефным образом, не только просто функцию верховного управления главой государства в этой специальной области, но особенно отметить характер главы государства, как верховного представителя — репрезентанта — от лица государства — державы, как международного правового субъекта». Государь, — отмечал профессор, — являлся для этого субъекта «лицетворением его, носителем прав международно-правового субъекта, за которым презумируется, безо всякого особого формального акта с чье-либо стороны, характер полного поверенного представляемого им государства» [Там же, л. 124 об.]. Соображения Эйхельмана, относившего Россию к английскому типу государств, Николай II счел резонными, а потому назначил профессора членом Особого совещания по пересмотру Основных государственных законов.

3.3. Обсуждение проблемы руководства внешней политикой на Особом совещании под председательством Николая II (апрель 1906 года)

Особое совещание заседало под председательством императора 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года и рассматривало проекты Государственной кан-

целярии, Совета министров и О. О. Эйхельмана. В Особом совещании, подчеркивал Н. С. Таганцев, «обмен мнений по отдельным проявлениям верховной власти был весь направлен к установлению возможно широкого объема прав монарха, недостижимого для какого-нибудь контроля над действиями правительства во всех проявлениях верховного управления», в том числе и по статье 12 [Таганцев, 1918, с. 196]. Явно под влиянием эйхельмановских соображений после заседания 9 апреля С. Ю. Витте составил такую редакцию статьи 12: «Государь Император есть Верховный Представитель Российского государства во всех его сношениях с иностранными державами. Ему принадлежит руководство всеми внешними с ними сношениями России. Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами». П. А. Харитонов, как заведующий делопроизводством Особого совещания, при всеподданнейшей записке от 10 апреля представил Николаю II «проекты статей 8, 11, 12 и 47, а также новой — дополнительной — статьи Основных законов, составленные по указаниям статс-секретаря графа Витте» [ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 10, ч. 1, л. 180—182]. В статье 12 царь зачеркнул, было, слово «Представитель» и написал над ним «Глава» [Там же, л. 181], однако впоследствии эта правка влияния на окончательную редакцию этой статьи не оказала.

В заседании Особого совещания 11 апреля А. С. Стишинский подверг критике виттевскую редакцию, полагая, что император «не есть представитель России», но «олицетворяет собою всю Россию», и предложил вообще исключить первое предложение, начав статью 12 со второго предложения: «Государю императору принадлежит руководство всеми внешними с иностранными державами сношениями». С. Ю. Витте, объясняя свою редакцию, сказал: «Для меня важно изложить статью так, чтобы не было ни малейшего сомнения в том, что внешние сношения не подлежат ведению Государственного совета и Государственной думы. Поэтому надо придумать такую редакцию, которая точно бы выражала эту мысль». Сказать, что императору «принадлежит верховное руководство во внешних сношениях», — это значит, полагал граф, «ничего не сказать». Ведь в Думе «будут постоянные запросы», и в их оправдание «будут говорить», что «верховное руководство касается только общего направления политики, а отдельные акты совершаются министрами, которые, будучи вследствие сего за них ответственными, и обязаны отвечать на запросы». Очевидно, что премьер остался под впечатлением от экспертного заключения Ф. Ф. Мартенса о влиянии на внешнюю политику парламентских интерpellаций, с тем большим упорством отстаивая свое мнение. «Исключить возможность Государственной думе вмешиваться в дела Министерства иностранных дел, — говорил Витте, — необходимо, а то Дума

перессорит нас со всеми иностранными государствами. Вся внешняя политика и международные сношения должны подлежать непосредственному руководительству государя императора» [Русский конституционализм..., 2001, с. 132]. Парируя доводы графа, Стишинский сослался на Учреждение Государственной думы, согласно которому она могла делать запросы министрам относительно закономерности их действий, по поводу же внешней политики, подчеркнул оппонент Витте, «запросов быть не может, ибо для нее не существует специальных законов». «Надо, — полагал Стишинский, — ясно выразить, что Государь Император есть державный вождь Земли Русской» [Там же, с. 132—133]. По мнению Н. С. Таганцева, «в редакционном отношении граф Витте искусен не был», и это «вызвало справедливое замечание Стишинского, что Государь есть державный вождь, а не представитель» [Таганцев, 1918, с. 196]. «Тогда, — пошел на попятную Витте, — самое лучшее принять первоначальную редакцию». Николай II, завершая дискуссию, заметил: «Я с этим соглашаюсь» [Русский конституционализм..., 2001, с. 133]. Это означало, что на данном этапе в силе остается статья 12 проекта Совета министров.

По итогам работы Особого совещания П. А. Харитонов, используя статью 12 и усиливая роль императора как руководителя внешней политики, составил ее новую редакцию, ставшую статьей 13, которая декларировала: «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского государства. Он объявляет войну и заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами». Проект новой редакции П. А. Харитонов отправил В. Н. Ламздорфу 13 апреля, и уже в тот же день министр иностранных дел уведомил товарища государственного секретаря, что «эта редакция вполне удачна» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 81—82]. Однако перипетии со статьей 13 не закончились.

4. Заключение = Conclusions

Еще во время работы Особого совещания кадетские газеты «Речь» и «Право» опубликовали проект Совета министров и подвергли его резкой критике. По просьбе дворцового коменданта генерала Д. Ф. Трепова, исполнявшего, несомненно, волю Николая II, оппозиционные правоведы составили контрпроект, представленный генералом суверену 18 апреля. Статья 12 контрпроекта объявляла: «Государь Император есть верховный руководитель внешних сношений Российского государства. Ему принадлежит высшее направление международной политики России. Он объявляет войну, заключает договоры и миры (sic!) и политические союзы с ино-

странными государствами». Между тем в проекте Совета министров конец этой статьи изложен так: «Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами» [Из архива С. Ю. Витте..., 1925, с. 123]. Следовательно, авторы контрпроекта право на заключение не политических, а торговых и прочих договоров попытались распространить на народное представительство, то есть отнести Россию к бельгийскому, а не английскому типу государств, но, видимо, именно по этой причине данная поправка не прошла.

Между 19 и 22 апреля Николай II ознакомился с окончательным проектом Особого совещания и внес в него собственноручную правку. В частности, он разделил единую статью 13 на две статьи — 12 и 13. В результате статья 12 стала гласить: «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского государства». Статья же 13 теперь постановляла: «Государь Император объявляет войну и заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 222 об.]. В таком виде эти статьи и вошли в Основные законы, которые царь утвердил 23 апреля.

По букве Основных законов 1906 года руководство внешней политикой принадлежало исключительно монарху и было изъято из ведения народного представительства. Однако фактически в этой области царскую прерогативу ограничивали закрепленные в Основных законах бюджетные полномочия Государственной думы, поскольку смета МИД ежегодно проходила через нижнюю палату и поступала на высочайшее утверждение только после ее одобрения. В отличие от Военного или Морского министерств, все меры по МИД, являвшиеся законами в материальном смысле, проводились, опять-таки — в силу Основных законов, через Государственную думу и Государственный совет. Более того, министры иностранных дел, с изволения Николая II, по актуальным внешнеполитическим вопросам давали уже в III Государственной думе подробные объяснения, квалифицированные С. А. Котляревским как «вполне соответствующие типу, выработанному западным парламентаризмом» [Котляревский, 1993, с. 173]. Тем самым Государственная дума и Государственный совет Российской империи были причастны к руководству внешней политикой если не прямо, то косвенно, как и парламенты прочих конституционных монархий начала XX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 543 (Библиотека царскосельского Александровского дворца). Оп. 1. Д. 10. Ч. 1. Материалы по кодификации Основных законов Российской империи.
2. *Из архива С. Ю. Витте* // Красный архив. — 1925. — Т. 11—12. — С. 107—143.
3. *Из архива С. Ю. Витте* // Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 2. — 646 с. — ISBN 5-86007-236-8.
4. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 727 (бароны Нольде). Оп. 2. Д. 56. Проекты Основных государственных законов, замечания Нольде Э. Ю. и других лиц на эти проекты, Мемория Совета министров, проекты Манифеста Николая II об издании Основных законов и другие материалы об изменении Основных законов (печатные, машинописные и рукописные копии) ; Ф. 1162 (Государственная канцелярия). Оп. 5. 1905. Д. 26. Материалы по составлению проекта Основных законов, в связи с Манифестом 17 октября 1905 г. ; Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 2. Д. 28. Основные государственные законы, измененные соответственно Манифесту 17 октября 1905 г. Печатные материалы. 1906 г. ; Ф. 1544 (совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях). Оп. 1. Д. 24. По пересмотру Основных государственных законов ; Ф. 1544 (совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях). Оп. 1. Д. 25. По пересмотру Основных государственных законов.
5. *Русский конституционализм* : от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. Сборник документов / Составители А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. — Москва : Гардарики, 2001. — 489 с. — ISBN 5-8297-0094-8.
6. *Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг.* Документы и материалы / Под редакцией Р. Ш. Ганелина. — Ленинград : Наука, 1990. — 473 с.
7. *Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны*. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — 558 с.
8. *Современные конституции*. Сборник действующих конституционных актов. Конституционные монархии. — Санкт-Петербург : Книжный склад издательства «Право», 1905. — Т. 1. — 596 с.
9. *Таганцев Н. С.* Пережитое. В 2 вып. / Н. С. Таганцев. — Петроград : 18-ая Государственная типография, 1919. — Выпуск 1. — 224 с.
10. *Таубе М. А.* «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917) / М. А. Таубе. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2007. — 270 с.
11. *Учреждение Государственного совета*. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1901. — 132 с.

Литература

1. *Ананьич Б. В.* Сергей Юльевич Витте и его время / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — 429 с. — ISBN 5-86007-180-9.
2. *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910 / И. В. Бестужев. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. — 406 с.
3. *Георгиев А. В.* Царизм и российская дипломатия накануне Первой мировой войны / А. В. Георгиев // Вопросы истории. — 1988. — № 3. — С. 58—73.

4. *Гессен В. М.* Четыре редакции (К истории текста Основных законов) / В. М. Гессен // *Право*. — 1916. — № 22. — Стлб. 1321—1331.
5. *Глинский Б. Б.* К истории составления Основных законов в 1906 г. (Ответ на запрос читателей) / Б. Б. Глинский // *Исторический вестник*. — 1913. — № 3. — С. 977—987.
6. *Дюприе Л.* Государство и роль министров в Пруссии. Государство и роль канцлера в Германии / Л. Дюприе. — Санкт-Петербург : Дело, 1906. — 123 с.
7. *Емец В. А.* Глава II. Механизм принятия внешнеполитических решений / В. А. Емец // *История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции)*. — Москва : Международные отношения, 1997. — С. 50—89.
8. *Игнатьев А. В.* С. Ю. Витте — дипломат / А. В. Игнатьев. — Москва : Международные отношения, 1989. — 333 с.
9. *Иошитанне-Санномий* Государственный строй Японии / Иошитанне-Санномийя. — Москва : Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1906. — 183 с.
10. *Котляревский С. А.* Правовое государство и внешняя политика / С. А. Котляревский. — Москва : Международные отношения, 1993. — 363 с.
11. *Куликов С. В.* Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / С. В. Куликов // *Русское прошлое*. — 1998. — Книга 8. — С. 91—164.
12. *Куликов С. В.* Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы / С. В. Куликов // *Нестор № 4 (2000, № 4)*. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Наука и власть. Источники, исследования, рецензии. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — С. 29—64.
13. *Куликов С. В.* Неизвестный этап создания первой русской конституции : вокруг и внутри Совещания высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. — март 1906 г.) / С. В. Куликов // *Российская история XIX—XX вв. Государство и общество. События и люди. Сборник статей / Ответственный редактор Р. Ш. Ганелин*. — Санкт-Петербург : Лики России, 2013. — С. 102—159.
14. *Куликов С. В.* Венец премьерства графа С. Ю. Витте. Подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. (по новым документам) / С. В. Куликов // С. Ю. Витте — экономист, политик, дипломат. — Москва : Культурная революция, 2015. — С. 80—132. — ISBN 978-5-902764-54-0.
15. *Кустов В. А.* Представительная власть в системе формирования внешней политики Российской империи (апрель 1906 — июнь 1907 г.) / В. А. Кустов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : «Международные отношения»*. — 2014. — Т. 14. — Выпуск 1. — С. 31—39.
16. *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. Конституционное право / Н. И. Лазаревский. — Санкт-Петербург : Типография Акционерного общества «Слово», 1910. — Т. 1. — 479 с.
17. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. / Ф. Ф. Мартенс. — Москва : Зерцало, 2008. — Т. 1. — 332 с. — ISBN 978-5-94373-273-7.
18. *Пустогаров В. В.* Федор Федорович Мартенс — юрист, дипломат / В. В. Пустогаров. — Москва : Международные отношения, 1999. — 286 с.
19. *Флоринский М. Ф.* Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907—1914 гг. / М. Ф. Флоринский // *Вестник Ленинградского университета. Серия : «История, язык, литература»*. — 1978. — № 2. — Выпуск 1. — С. 35—39.
20. *Энсон В.* Английская корона, ее конституционные законы и обычаи / В. Энсон. — Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1914. — 480 с.

21. *MacLaren MacDonald D.* United Government and Foreign Policy in Russia 1900—1914 / D. MacLaren MacDonald. — Cambridge (Mass.) ; London : Harvard University Press, 1992. — 276 p.

22. *Szeftel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906 : Political Institutions of the Duma Monarchy / M. Szeftel. — Bruxelles : Les editions de la librairie encyclopedique, 1976. — 517 p.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 12.10.2024.

Material resources

Establishment of the State Council. (1901). St. Petersburg: State Printing House. 132 p. (In Russ.).

From the archive of S. Y. Witte. (1925). *Krasny archiv*, 11—12: 107—143. (In Russ.).

From the archive of S. Y. Witte. (2003). In: *Memoirs. The stories are in shorthand. Handwritten notes. In 2 volumes*, 2. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 646 p. ISBN 5-86007-236-8. (In Russ.).

Ganelin, R. S. (ed.). (1990). *Council of Ministers of the Russian Empire. 1905—1906. Documents and materials.* Leningrad: Nauka. 473 p. (In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation. F. 543 (Library of the Tsarskoye Selo Alexander Palace). Op. 1. D. 10. Part 1. Materials on the codification of the Fundamental Laws of the Russian Empire.* (In Russ.).

Modern constitutions. Collection of current constitutional acts. Constitutional monarchies, 1. (1905). St. Petersburg: Book warehouse of the publishing house “Pravo”. 596 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 727 (Barons of Nolde). Op. 2. D. 56. Drafts of Fundamental State Laws, comments by Nolde E. Yu. and others on these projects, Memoria of the Council of Ministers, drafts of the Manifesto of Nicholas II on the publication of Fundamental Laws and other materials on the amendment of Fundamental Laws (printed, typewritten and handwritten copies); F. 1162 (State Chancellery). Op. 5. 1905. d. 26. Materials on the drafting of Fundamental Laws, in connection with the Manifesto of October 17, 1905; F. 1276 (Council of Ministers). Op. 2. d. 28. The Fundamental State Laws, amended accordingly to the Manifesto of October 17, 1905. Printed materials. 1906; F. 1544 (meetings formed at the State Council to discuss the issue of state transformations). Op. 1. D. 24. On the revision of the Fundamental State Laws; F. 1544 (meetings formed at the State Council to discuss the issue of state transformations). Op. 1. D. 25. On the revision of the Fundamental State Laws.* (In Russ.).

Russian Constitutionalism: from autocracy to constitutional and parliamentary monarchy. Collection of documents. (2001). Moscow: Gardariki. 489 p. ISBN 5-8297-0094-8. (In Russ.).

Tagantsev, N. S. (1919). *The experience. In the 2nd issue, 1.* Petrograd: 18th State Printing House. 224 p. (In Russ.).

Taube, M. A. (2007). “Zarnitsy”. *Memories of the tragic fate of pre-revolutionary Russia (1900—1917).* Moscow: Russian Political Encyclopedia. 270 p. (In Russ.).

The Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. Papers of A. N. Yakhontov (recordings of meetings and correspondence). (1999). St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 558 p. (In Russ.).

References

- Ananyich, B. V., Ganelin, R. S. (1999). *Sergey Yulievich Witte and his time*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 429 p. ISBN 5-86007-180-9. (In Russ.).
- Anson, V. (1914). *The English Crown, its constitutional laws and customs*. St. Petersburg: N. K. Martynov. 480 p. (In Russ.).
- Bestuzhev, I. V. (1961). *Struggle in Russia on foreign policy issues. 1906—1910*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 406 p. (In Russ.).
- Dupree, L. (1906). *The state and the role of ministers in Prussia. The state and the role of the Chancellor in Germany*. St. Petersburg: Delo. 123 p. (In Russ.).
- Florinsky, M. F. (1978). The Council of Ministers and the Ministry of Foreign Affairs in 1907—1914. *Bulletin of the Leningrad University. Series: "History, language, literature"*, 2 (1): 35—39. (In Russ.).
- Georgiev, A. V. (1988). Tsarism and Russian diplomacy on the eve of the First World War. *Questions of history*, 3: 58—73. (In Russ.).
- Gessen, V. M. (1916). Four editions (On the history of the text of the Fundamental Laws). *Law*, 22: 1321—1331. (In Russ.).
- Glinsky, B. B. (1913). On the history of drafting Fundamental Laws in 1906 (Response to a request from readers). *Historical Bulletin*, 3: 977—987. (In Russ.).
- Ignatiev, A. V. (1989). *S. Y. Witte — diplomat*. Moscow: International Relations. 333 p. (In Russ.).
- Kotlyarevsky, S. A. (1993). *The rule of law and foreign policy*. Moscow: International Relations. 363 p. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (1998). New materials for the history of the creation of the Fundamental State Laws of 1906. *Russian past*, 8: 91—164. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2004). Institute of expertise in the creation of the Fundamental Laws of 1906 Unpublished documents. In: *Nestor № 4 (2000, № 4). Quarterly journal of the History and Culture of Russia and Eastern Europe. Science and power. Sources, research, reviews*. St. Petersburg: Nestor—Istoriya. 29—64. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2013). The unknown stage of the creation of the first Russian constitution: around and inside the Meeting of the highest ranks of the State Chancellery (December 1905 — March 1906). In: *Russian history of the XIX—XX centuries. The state and society. Events and people. Collection of articles*. St. Petersburg: Faces of Russia. 102—159. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2015). The crown of the premiership of Count S. Y. Witte. Preparation of Fundamental State Laws on April 23, 1906 (according to new documents). In: *S. Y. Witte — economist, politician, diplomat*. Moscow: Cultural Revolution. 80—132. ISBN 978-5-902764-54-0. (In Russ.).
- Kustov, V. A. (2014). Representative power in the system of forming the foreign policy of the Russian Empire (April 1906 — June 1907). *Izvestiya Saratov University. A new series. Series: "International Relations"*, 14 (1): 31—39. (In Russ.).
- Lazarevsky, N. I. (1910). *Lectures on Russian state law. Constitutional law, 1*. St. Petersburg: Printing house of the Joint-Stock Company "Slovo". 479 p. (In Russ.).
- MacLaren MacDonald, D. (1992). *United Government and Foreign Policy in Russia 1900—1914*. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press. 276 p.
- Martens, F. F. (2008). *Modern international law of civilized peoples. In 2 vols., 1*. Moscow: Zertsalo. 332 p. ISBN 978-5-94373-273-7. (In Russ.).
- Pustogarov, V. V. (1999). *Fedor Fedorovich Martens — lawyer, diplomat*. Moscow: International Relations. 286 p. (In Russ.).

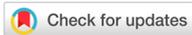

- Szeftel, M. (1976). *The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of the Duma Monarchy*. Bruxelles: Les editions de la librairie encyclopedique. 517 p.
- Yemets, V. A. (1997). Chapter II. The mechanism of making foreign policy decisions. In: *The history of Russia's foreign policy. The end of the XIX — beginning of the XX century (From the Russian-French union to the October Revolution)*. Moscow: International Relations. 50—89. (In Russ.).
- Yoshitanne-Sannomiya. (1906). *The State system of Japan*. Moscow: Publishing House of the I. D. Sytin Association. 183 p. (In Russ.).

*The article was submitted 10.07.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 12.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кунина И. А. Вестфальская система международных отношений : особенности формирования и предпосылки распада / И. А. Кунина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 406—425. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-406-425.

Kunina, I. A. (2024). Westphalian System of International Relations: Formation Dynamics and Disintegration Factors. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 406-425. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-406-425. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вестфальская система международных отношений: особенности формирования и предпосылки распада

Кунина Ирина Александровна

orcid.org/0000-0002-6746-5406

доктор философии

по политическим наукам,

доцент кафедры

«Международные отношения»

kunina.irina@mail.ru

Азербайджанский
университет языков
(Баку, Азербайджан)

Westphalian System of International Relations: Formation Dynamics and Disintegration Factors

Irina A. Kunina

orcid.org/0000-0002-6746-5406

Doctor of Philosophy

in Political Science,

Associate Professor,

the Department

of International Relations

kunina.irina@mail.ru

Azerbaijan University
of Languages
(Baku, Azerbaijan)

© Кунина И. А., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы формирования и становления системы международных отношений. Утверждается, что положения Вестфальского мира 1648 года, ознаменовавшего конец Тридцатилетней войны, в корне изменили механизм межгосударственных отношений и тем самым заложили основу всей системы международных отношений. Автор выполняет комплексный анализ основных принципов Вестфальского мира. Выявлены критерии и универсальные индикаторы традиционной системы межгосударственных отношений в рамках Вестфальской модели. Утверждается, что научный интерес представляет изучение процесса трансформации системы международных отношений. Прослеживаются этапы последующих вариаций системы — от государственно-центричной до институционально-политической. Дается описание свойств каждой реконфигурации Вестфальской системы с учетом их временных и пространственных характеристик. Определены движущие силы процесса генезиса и функционирования всех моделей традиционной системы межгосударственных отношений. Проведено исследование основных причин распада Вестфальской системы международных отношений. Показаны наиболее существенные международно-политические условия, в рамках которых происходят процессы перестройки и формирования новой системы. Автор приходит к выводу о переходе системы международных отношений в новое качество, отличное от качественной определенности традиционной системы межгосударственных отношений.

Ключевые слова:

международные отношения; Вестфальская система международных отношений; государство; суверенитет; баланс сил.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the formation and evolution of the system of international relations, asserting that the principles established by the Peace of Westphalia in 1648, which marked the conclusion of the Thirty Years' War, fundamentally transformed inter-state relations and laid the groundwork for the entire framework of international relations. The author conducts a comprehensive analysis of the core principles of the Westphalian system, identifying criteria and universal indicators of traditional state-centric international relations within this model. The study emphasizes the significance of examining the transformative processes within international relations, tracing subsequent variations from a state-centric to an institutionally-political framework. Each reconfiguration of the Westphalian system is described with attention to its temporal and spatial characteristics. The driving forces behind the genesis and functioning of all models of traditional inter-state relations are delineated. Furthermore, the research investigates the primary causes behind the disintegration of the Westphalian system, highlighting critical international political conditions that facilitate restructuring and the emergence of new systems. The author concludes that the system of international relations is transitioning into a qualitatively distinct phase, diverging from the traditional state-centric paradigm.

Key words:

International Relations; Westphalian System; State; Sovereignty; Balance of Power.

УДК 327.56(4)“1648”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-406-425

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Вестфальская система международных отношений: особенности формирования и предпосылки распада

© Кунина И. А., 2024

1. Введение = Introduction

Исторически так сложилось, что структурные трансформации системы международных отношений фактически были следствием разрешения международных кризисов. Преобразовываясь, система международных интеракций устанавливала новый порядок через хаос.

История знает четыре модели системы международных отношений. Тридцатилетняя война — эпохальное противостояние, которое вылилось в тяжелый, масштабный и продолжительный конфликт на территории Европы в XVII веке, — завершилась формированием Вестфальской системы международных отношений. Венская система международных отношений, сложившаяся после наполеоновских войн, была нормативно зафиксирована Венским конгрессом 1814—1815 годов. Вестфальская и Венская системы являются европейскими региональными системами. По итогам Первой Мировой войны складывается Версальско-Вашингтонская система, которая представляет собой первую в истории попытку формирования глобальной системы международных отношений. Ялтинско-Потсдамская система, закреплённая договорами и соглашениями на Ялтинской (4—11 февраля 1945 года) и, соответственно, Потсдамской (17 июля — 2 августа 1945 года) конференциях глав государств Антигитлеровской коалиции, характеризуется как биполярная, которая просуществовала всю вторую половину XX века вплоть до распада СССР [Колосова, 2022, с. 168; Крайнов, 2015].

Ранее мы уже писали о том, что спецификой эволюции систем международных отношений является внутрисистемное переустройство, которое представляет собой непрерывный и динамичный процесс. Так, в течение XX века система международных отношений не единожды находилась в процессе трансформации. К тому же состояние международной системы коррелирует с состоянием миропорядка, и в результате значительных модификаций системы международных отношений формируется и новый мировой порядок.

За отправную точку берется Вестфальская система международных отношений, которая претерпела модификации в рамках последующих систем международных отношений. Сегодня современные глобализационные процессы вносят радикальные изменения в классическую систему государств Вестфалия, моделируя новую онтологию мирового порядка. Складывается новая система международных отношений, характерными чертами которой являются полицентричность и многоуровневость. На каждом этапе структурных преобразований система усложняется: привносятся новые элементы, разрабатываются новые концепции регулирования. Так, наряду с государствами, как доминирующими участниками международных отношений, появление новых действующих субъектов мировой политики стало побудительным мотивом для формирования новых подходов интегрального анализа преобразований в международных отношениях.

Современная система международных отношений все еще находится в процессе концептуализации, поэтому существует настоятельная необходимость комплексного исследования процесса трансформации системы международных отношений, что делает актуальным настоящее исследование и обосновывает его новизну.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Положения Вестфальского мира 1648 года являются тем фундаментом, на котором строилась современная система международных отношений. Уникальность этого явления состоит в том, что впервые в XVII веке коренным образом произошел распад старой системы и формирование новой. Так, Вестфальский мир отменил средневековую систему централизованной религиозной власти и заменил ее децентрализованной системой суверенных территориальных государств. Познавательный интерес побуждает к изучению процесса становления, развития этой системы. Объектом эмпирических исследований и попыток концептуальных обоснований становится сама Вестфальская система международных отношений, а также ее модификации в процессах трансформации.

Исследованием феномена Вестфальской системы международных отношений, особенностей ее формирования и особенно причин распада занимаются как российские ученые, так и их западные коллеги. Большой интерес представляют работы Ю. Саямова, который прослеживает эволюцию Вестфальской системы международных отношений и анализирует ее принципы и значение применительно к современности [Саямов, 2018, с. 95—105]. Р. Зуйков на основе выявления критериев Вестфальской системы проводит анализ межгосударственных отношений XVII—XX веков и конца XX — начала XXI веков [Зуйков, 2010, с. 13—27]. В статье

И. В. Борщ представлены новые концепции понимания религиозной проблемы на Вестфальском конгрессе с точки зрения эволюции публичного права в Европе [Борщ, 2023, с. 54—73]. Основные положения Вестфальского мира были изучены К. Гаджиевым [Гаджиев, 2018, с. 156—173]. Непосредственно вопросы трансформации системы международных отношений рассматриваются в работах таких авторов, как В. Винокуров [Винокуров, 2019, с. 8—14], И. Колосова [Колосова, 2022, с. 354—366], М. Кошкарева [Кошкарева, 2017, с. 276—283]. Также научный интерес представляют труды Лео Гросса [Gross, 1948, pp. 20—41], который впервые описал Вестфальскую систему как традиционную систему межгосударственных отношений. Влияние Вестфальского мира на международные отношения, внешнюю политику, дипломатию проанализировал в своем труде Стивен Паттон [Patton, 2007, pp. 91—99]. Однако, несмотря на значительный массив научной литературы, существует необходимость в продолжении исследований по теме Вестфальской системы международных отношений и ее последующих трансформаций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вестфальский мир: экскурс в историю

Тридцатилетняя война не была обособленным или вновь возникшим историческим явлением. Она входит в комплекс других предшествующих конфликтов, что в целом служит отражением процессов модификации международной геополитической обстановки в самой Европе того времени. Немецкий политолог Х. Мюнклер характеризует эпоху до Вестфалья как период начала Нового времени, когда тесно переплелись, спрессовались конфессиональные, политические, экономические противоречия, которые в свою очередь послужили причиной каскада войн, почти столетних противостояний [Münkler, 2003, p. 18]. Таким образом, Тридцатилетняя война стала кульминацией так называемого «общего кризиса XVII века», вызванного социальными и экономическими факторами.

В Западной Европе в течение почти полутора столетий до Вестфальского мира, то есть с начала XVI века международная жизнь была наполнена борьбой двух политических концепций: универсалистской имперской и партикуляристской национально-государственной. Первая являлась, в сущности, моделью внутривосточного устройства, охватывающего страны, включенные в универсальную «Империю», вторая — международно-политического. Существование системы международных отношений было возможным только в рамках второй модели, основанной на принципе юридического равенства суверенных государств (национальных и территориальных) [Зуйков, 2010, с. 14].

Необходимость найти компромиссное решение открыла возможность для переговоров в 1644 году, которые завершились в 1648 году подписанием в Мюнстере и Оснабрюке мирных договоров, более известных под названием *Вестфальский мир*.

В современный период появилось несколько противоположных точек зрения относительно значения Вестфальского мира и сформировавшейся на его основе системы и мирового порядка. Американский юрист Лео Гросс в 1948 году в своей статье, посвященной трехсотлетию юбилею Вестфальского мира, выдвинул концепцию комплекса Вестфальских договоров 1648 года как исходной точки формирования международного права. По его мнению, Вестфальский мир положил конец эпохе религиозных войн и ознаменовал начало периода формирования нового миропорядка. Данная концепция была поддержана реалистом Гансом Моргентау [Morgenthau, 1948, p. 210]. В своей книге «Политические отношения между нациями» автор развил идею концепции Вестфальского мира как фундамента современной системы международных отношений. Эту идею подхватили и дополнили представители английской школы теории международных отношений (ТМО), в частности, Хедли Булл и Барри Бузан. В свою очередь Генри Киссинджер также отмечал значимость Вестфальского мира: «В наше время Вестфальский мир принято считать первым шагом в осуществлении новой концепции международного порядка, которая впоследствии распространилась по всему миру» [Киссинджер, 2015, с. 3].

Таким образом, по мнению сторонников конвенционализма, Вестфаль глубоко изменил структуру международной системы и сформировал современную международную политику, основанную на концепции суверенитета, невмешательства и равноправных национальных государств. Согласно Калеву Холсти, мир 1648 года сформировал западноевропейские страны на основе концепции партикуляризма. Данное обстоятельство создало новые реалии и изменило баланс сил между средневековыми властями, папством и Священной Римской империей [Holsti, 1995, p. 38]. Аналогичным образом, Джон Рагги отмечает, что мир 1648 года стал решающим разрывом с прошлым и коренным образом изменил структуру международной системы. Таким образом, согласно общепринятой на сегодняшний день точке зрения, вестфальская система стала поворотным моментом в истории [Ruggie, 1982, p. 382].

По мнению некоторых ученых, значимость Вестфальского мира заключается в том, что он стал залогом солидарности и взаимозависимости европейских стран. Идею общности, в частности, отражало коллективное признание независимости Швейцарской конфедерации и Голландии, а также обязательство совместно бороться против притязаний на гегемонию какого-либо из государств.

Однако в современных исследованиях существует и другой подход к истории международных отношений, в основе которого лежит отказ от рассмотрения международно-политического порядка в качестве ее ключевого параметра.

Согласно Бенно Тешке, традиционные взгляды на мир, в том числе реалистов, представителей английской школы и конструктивистов, стали основополагающим мифом в рамках науки о международных отношениях. В противоположность идее, которой придерживается традиционная школа мысли, Тешке утверждает, что «...1648 год, ни в коей мере не отмечая прорыв в сторону нововременных межгосударственных отношений, на самом деле был апогеем эпохи формирования абсолютистских государств: он зафиксировал признание и упорядочение международных, или — если говорить более точно — междинастических отношений абсолютистских, династических политических образований» [Тешке, 2019, с. 3].

Процесс пересмотра основных положений «вестфальского мифа» был запущен в 1993 году, когда британский ученый С. Краснер опубликовал свою работу «Вестфаль и все это» [Куприянов, 2019, с. 41]. Принимая это во внимание, нельзя игнорировать также мнения противников Вестфальской системы мира. Тезис о Вестфальском мире как фундаменте всей современной системы международных отношений был всесторонне исследован, и утвердившееся мнение о новаторском характере соглашений 1648 года оказалось подвергнуто серьезной критике. Критически высказались в первую очередь историки и юристы — Д. Кростон, А. Осиандер, Ст. Болак. В 2007 году Осиандер опубликовал результаты исследования, посвященного эволюции европейской международной системы от греческих полисов до XIX века. В 2010 году в Интернете была размещена очередная статья Болака, посвященная критике «Вестфальского мифа». В 2013 году вышла в свет фундаментальная работа Крокстона, в которой он отстаивает идею о том, что Вестфальский мир был не началом нового мирового порядка, а попыткой вернуть прежний, став по сути «последним христианским миром» [Пенской, 2020, с. 111]. Также некоторые ученые считают, что Вестфальский мир не сформировал механизм разрешения конфликтов, при этом разрушив нормы иерархического международного порядка, не создал защитных барьеров, также не беря в расчет подвижность баланса сил.

Однако все же Вестфальский мир целесообразно рассматривать как отправную точку, которая вобрала в себя все наработки более ранних периодов. Историческими реалиями было окончание беспорядочных войн, завершение порядка нестабильности. Вестфальский мир был удобен для объяснения формирования суверенных государств, которые сложились задолго до его заключения. Положительными результатами Вестфальского

мира, конечно, является сотрудничество Европы и последующая эволюция международных институтов.

Дискуссии, обсуждения итогов Тридцатилетней войны с последующим подписанием мирного договора заняли четыре года. В результате этого переговорного процесса главными бенефициарами стали Франция и Швеция. Следует отметить, что в переговорах участвовали не только воюющие державы, но все заинтересованные стороны, и это является важным шагом вперёд в истории дипломатии. Дипломатические представители 96 государств присутствовали на переговорах, которые проходили в Мюнстере и в Оснабрюке. Под Вестфальским договором поставили подписи представители 145 государственных образований Европы.

Известны основные принципы Вестфальской системы международных отношений:

- приоритет национальных интересов;
- принцип баланса сил;
- приоритет государств-наций;
- принцип государственного суверенитета;
- право требовать невмешательства в свои дела;
- равенство прав государств;
- обязательство выполнять подписанные договоры;
- принцип действия международного права и применения дипломатии в международных отношениях [Саямов, 2018, с. 97].

Долгосрочные последствия компромисса, достигнутого в рамках Вестфальского мира, были значительными, а сам мир был монументальным, революционным для своего времени. Таким образом, Вестфальский мир являлся итогом первого дипломатического конгресса. Он установил новые территориальные границы и новые принципы межгосударственных отношений, сохранившиеся вплоть до начала Французской революции.

3.2. Основные принципы Вестфальского мира

Вестфальская система рассматривалась как система суверенных государств Западной Европы и формировалась последовательно, во главу угла была поставлена идея централизованного национального государства. Этот аспект коренным образом изменил структуру акторов системы, следовательно, и рациональность формирования международной среды. Международные отношения стали пониматься как отношения между нациями, организованными в государства, что стало предпосылкой формирования государственно-центричной системы, отличной от других моделей Средневековья. С возникновением наций-государств связано появление таких ценностей, как безопасность, порядок, стабильность, справедливость. Базисным принципом, заложенным в Вестфальском мирном дого-

воре, стало взаимное признание национального государственного суверенитета государств. Концепция национального суверенитета подразумевала обладание государством всей полнотой власти на своей территории в осуществлении внутренней и внешней политики. Вестфальский трактат напрямую не упоминает данный термин, а использует более мягкое словосочетание — *территориальная власть*. Такой вывод вытекает из раздела 1 статьи VIII Оснабрюкского мирного договора, согласно которому имперские чины получили территориальную власть (*Jus territorialis*), или, как интерпретировали это право в более позднее время, — территориальный суверенитет [Сафонов, 2021, с. 115].

Создание института суверенитета послужило мощным импульсом национальной самоидентификации государств. Следует отметить, что в средневековой Европе международные обязательства властителей носили личный характер, были продиктованы религией либо обычаем, народ же оставался в стороне от этого процесса. Этот принцип, получивший свое развитие в Европе после Вестфальского мира 1648 года, основывался на теории государства Жана Бодена и естественно-правовой доктрине Гуго Гроция [Сафонов, 2021, с. 114].

Хитросплетение разнородных интересов, приводящих порой к конфронтации, послужило фоном для формирования историко-культурных, социально-политических общностей различного этнического состава, заложив, таким образом, основу для формирования нации-государства. Несмотря на то, что процесс формирования централизованных национальных государств шел уже давно, именно Вестфаль стал предпосылкой обретения государством достаточно определенных национальных характеристик. Ключевыми параметрами национального государства, обладающего суверенитетом, являются: 1) наличие территории; 2) наличие населения, проживающего на данной территории; 3) легитимное управление населением; 4) признание другими национальными государствами [Крайнов, 2015, с. 47].

И хотя специфика внешней политики и международных взаимодействий государств радикально не изменилась, определенный прогресс все же был. Произошло фактическое признание общенациональных интересов. Вытеснив с внешнеполитической авансцены религиозные и династические, на тот момент не столько национальные, сколько государственные интересы стали приобретать политические контуры и определенную ориентацию. И первой страной в качестве нации-государства выступила Франция. Именно кардинал Ришелье в свое время, будучи первым министром Франции, отстаивал принцип верховенства государственного интереса, отказавшись от средневековой концепции универсальности религиозных ценностей [Быков, 2010, с. 9].

В рамках этой модели межгосударственную агрессию предполагалось сдерживать с помощью баланса сил. Начиная с Вестфальского договора 1648 года баланс сил занял видное место в правовой и политической мысли, причем теоретики права и политики рассматривали эту концепцию как центральный вопрос международного права. Это стало возможным в связи с потерей единой церковью положения основного источника легитимности, а также в связи с ослаблением позиций императора Священной Римской империи. Теория гласит, что, когда власть сбалансирована, между конкурирующими государствами достигается мир, но неравновесие во власти означает, что сильное государство может напасть на более слабое государство и лишит последнее его безопасности и независимости. Соблюдение государствами этих правил поведения в рамках системы международных отношений позволяло последней поддерживать или восстанавливать свое равновесие, на основе которого обеспечивалась ее стабильность [Зуйков, 2010, с. 17]. Именно так проявляется динамика системы, а ее стабильность поддерживается условиями самовоспроизводства и сохранения.

Согласно Вестфальским договорам религия перестала быть связующим звеном между европейскими государствами, уступив место международному праву. В договорах были зафиксированы новые принципы и институты международного права, но в то же время были внесены изменения в некоторые существующие. Вестфальский трактат подтвердил существование независимых, формально равноправных государств. Швеция и Голландская республика были уравнены в правах с такими ведущими державами, как Франция и Австрия. Это стало возможным благодаря тому, что были установлены норма, запрещающая вмешательство во внутренние дела другого государства, и все тот же принцип вестфальского суверенитета.

Договоры стали фундаментом для становления и развития института международно-правовых гарантий. Была сформулирована декларативная теория признания государств, в соответствии с которой достаточно самого факта провозглашения нового государства для возникновения у него международной правосубъектности. Именно на Вестфальском конгрессе была признана независимость Швейцарии и Нидерландов.

Важнейшими аспектами двусторонних и многосторонних взаимодействий между государствами становятся выполнение обязательств по договору, следование принципам и нормам международного права, которые стали определять содержание международных отношений. Именно в этот период многие вопросы международных отношений стали регулироваться договорами, ср., например, договоры о торговле и мореплавании, которые касались и правового положения иностранцев [Баскин и др., 1990, с. 94].

Еще одним важным вопросом было обсуждение природы войны. До 1648 года война была единственным средством разрешения конфликтной ситуации. Однако Вестфальские договоры, ставшие закономерным итогом разрушительной войны, предусматривали предотвращение новых конфликтов такого масштаба. Таким образом, новый международный порядок, хотя и не объявлял войну вне закона, установил ряд процедур, направленных на то, чтобы избежать ее любой ценой. Именно дипломатия и переговорный процесс становятся лучшей альтернативой войне, а также как средством разрешения конфликтов. Каждое государство обязалось не начинать войну, не исчерпав сначала все доступные средства мирного урегулирования спора. Согласие на посредничество было обязательным правилом. Все это послужило поводом для формулировки норм, предусматривавших мирное разрешение споров и коллективные санкции против нападающей стороны.

В вестфальскую эпоху значительные изменения наметились и в самой дипломатической практике. Создается система постоянно действующих посольств при иностранных дворах, устанавливается дипломатическая иерархия, развивается дипломатический протокол, формируется представление о дипломатической неприкосновенности. Следует отметить, что современная дипломатическая система постепенно формировалась на Апеннинском полуострове, в Италии. Так как основными критериями «итальянской модели дипломатии» является суверенитет и баланс сил, эта модель стала способом взаимодействия между европейскими государствами поствестфальского периода [Зонова, 2003, с. 25].

Вестфаль преобразовал международное публичное право, что стало результатом деятельности тех государств, которые ставили светское выше религиозного, что послужило формированию доктрины, основы которой были заложены во время войны такими личностями, как знаменитый голландский юрист Гуго Гроцием. Это была одна из первых попыток кодификации международного свода законов. Таким образом, процесс становления светского международного права легитимизировал возникшую систему международных отношений. По мере того как влияние Европы распространялось по всему миру, эти вестфальские принципы, особенно концепция суверенных государств, стали центральными в международном праве и господствующим мировом порядке.

3.3. Причины распада Вестфальской системы международных отношений

Формирующаяся система международных отношений современного периода отличается от предыдущего более высоким уровнем сложности. Отличается она не только по своей конфигурации (иерархичности, много-

уровневости, структурности), композиции, но и по способу функционирования, так как многоуровневость обуславливает определенные нормы ее поведения, а эффективность является результатом взаимодействия всех ее сторон и уровней. Эти аспекты предопределяют необходимость поиска подходов к формированию новой концепции мирового устройства.

Процесс становления глобальной системы международных отношений проходит поэтапно. На каждом этапе структурных преобразований система все больше усложняется: привносятся новые элементы, разрабатываются новые концепции регулирования.

Начиная с 1648 года Вестфальская система международных отношений претерпела ряд модификаций, каждая из которых была результатом масштабных военных конфликтов. Следующим после Тридцатилетней войны крупным военным конфликтом, более масштабным и кровопролитным, были наполеоновские завоевания.

Венский конгресс 1815 года определил послевоенное устройство мира, обусловленное новой расстановкой сил. Внутрисистемные взаимодействия строились по принципу иерархии, в соответствии с которым великие державы регулировали отношения с малыми и зависимыми государствами. Своеобразным воплощением этого принципа стал «Священный союз», созданный в ходе Венского конгресса императорской Россией, Габсбургской империей и Пруссией. Венская система международных отношений (или система Европейского концерта) представляла собой новую систему баланса сил между европейскими державами [Крайнов, 2015, с. 48].

Основным системным принципом стал принцип контроля зависимых территорий в пределах колониальных империй, что стало началом «эрозии Вестфальской системы». Все сложные вопросы, конфликтные ситуации должны были решаться не военными способами, а дипломатическими.

Впервые в рамках Венской системы, как следствие коалиционного взаимодействия в антинаполеоновской кампании, в Европе сложилась особенная архитектура международной безопасности — коллективная безопасность. Данное обстоятельство стало решающим аргументом в деле сохранения status quo международной системы, что помогло не допустить вспышки масштабных кровопролитных международных конфликтов на достаточно долгий период. Гомогенность акторов и их заинтересованность в сохранении сложившегося баланса сил придавали системе устойчивость [Колосова, 2022, с. 360].

Еще одна трансформация Вестфальской системы международных отношений произошла в ходе формирования Версальско-Вашингтонской системы, которая сформировалась после Первой мировой войны. Это был конфликт мирового масштаба, возникновению которого способствовали исто-

рические условия и политическая обстановка в мире. Он привел к эрозии Венского порядка. Однако можно с уверенностью указать на тот факт, что создание Версальско-Вашингтонской системы было одним из первых шагов на пути к формированию глобальной системы международных отношений [Михайленко, 2003, с. 77—78]. Эта система, состоящая из двух региональных подсистем, характеризуется как крайне неустойчивая ввиду асинхронности трансформационных процессов в обеих подсистемах. Она была самой непродолжительной по времени. Следует выделить еще один важный аспект данной системы — она не была евроцентристской системой, так как среди государств-участников системы также были США и Япония, которые претендовали на равный статус с европейскими державами. В свою очередь договорно-правовая база и механизм принятия коллективных решений выступали основными принципами этой системы. Функционирование системы по отношению с другими системами было самым краткосрочным вплоть до ее распада перед началом Второй мировой войны [Колосова, 2022, с. 361].

Последняя, по крайней мере на сегодняшний день, трансформация Вестфальской системы международных отношений произошла после Второй мировой войны. Ялтинско-Потсдамский мировой порядок существенно отличался от предыдущих состояний и считался одновременно и наивысшей точкой развития, и закатом Вестфальской системы. Существенной отличительной чертой является само состояние мирового порядка, который определяется как переход от многополярности к биполярности с доминированием и соперничеством двух сверхдержав — СССР и США.

Идеологическая составляющая стала линией разлома, разделяющей два лагеря стран, образовавших биполярную систему и имеющих разные представления о мировом развитии. Отличительной особенностью этой системы стали Холодная война и блоковое противостояние [Колосова, 2022, с. 363]. Однако, несмотря на внутреннюю конфронтационность, Ялтинско-Потсдамская система позиционируется как первая глобальная система международных отношений. Хотя, согласно Вестфальским принципам, государства юридически равны, они внутренне дифференцированы до такой степени, что различия в их характеристиках, статусе и власти определяют их место, а также отношения внутри системы международных отношений, образующих иерархию. Иерархия Ялтинско-Потсдамской системы существенно отличалась от иерархии государств других систем и была сформирована следующим образом: вершину пирамиды венчали две супердержавы, за ними шла группа великих держав, далее страны, менее значимые по весу и влиянию в мировых делах. По мнению многих исследователей, именно биполярная Ялтинско-Потсдамская система являлась самой устойчивой и стабильной.

Однако с распадом СССР началась эрозия последней вариации Вестфальской системы международных отношений, а происходящие процессы глобализации стали катализатором размывания ее основ. На рубеже двух столетий — XX и XXI — происходят грандиозные процессы трансформации в системе международных отношений.

Уникальность современного периода заключается в том, что современная система не кодифицирована и постоянно меняется. К тому же динамика трансформационных процессов системы международных отношений кардинально изменила структуру и сущность мирового порядка и международной системы в целом. Изменение традиционной Вестфальской системы международных отношений затрагивает сегодня не только содержание мировой политики, но и круг ее субъектов. Если на протяжении трех с половиной веков государства были доминирующими участниками международных отношений, а мировая политика — в основном политикой межгосударственной, то в последние годы их теснят транснациональные корпорации (ТНК), международные частные финансовые институты, неправительственные общественные организации, не имеющие определенной национальности, во многом космополитичные, внутригосударственные регионы. Помимо государств, которые становятся все менее централизованными, появляется сектор транснациональных акторов, логика организации и функционирования которых противоречит организации централизованного национального государства [Кунина, 2012, с. 277].

В современном мире суверенитет государства перестал быть неким «организмическим целым», поскольку между государствами усиливается «дифференциация суверенных полномочий», продолжается «изменение внутренних конфигураций суверенитета». Национальное государство перестало быть единственным источником политического суверенитета не только потому, что его существенная часть передается наднациональным структурам, но и потому, что процесс национального самоопределения деполитизируется, приобретая экономический и культурный характер. В ходе данного процесса происходит изменение содержания вестфальского суверенитета в связи с переходом части функций государства к другим акторам.

Таким образом, формирующаяся система международных отношений больше не является системой унитарных государств. К тому же изменение состава действующих акторов мировой политики сопровождалось модификацией ее проблематики, что послужило импульсом к формированию альтернативного инструментария, с помощью которого могут рассматриваться произошедшие в практике международных отношений изменения.

По мнению исследователя международных отношений Дж. Н. Розенау в современный период происходит замена государство-центричного

мира на мультицентричный мир. Данный постулат еще раз подчеркивает гибридность структуры акторов международной среды.

Суверенные государства, равные между собой, обеспечивающие собственную безопасность и территориальную целостность, деятельность которых регулируется международным правом, — это каноны Вестфальской системы международных отношений. Несмотря на формальное равенство, эти государства составляют определенную иерархию во главе с доминирующими сверхдержавами. Характерными особенностями этой системы являются сравнительно высокий уровень институционализации, но, однако, сравнительно низкая адаптивность к происходящим изменениям. Мультицентричный мир является полной противоположностью государство-центричного. Особенности этой системы являются низкий уровень институционализации и формализованные способы взаимоотношения и сотрудничества [Ataka, 2021, p. 40].

Естественно, что эрозия государственно-центричной модели мира, Вестфальской модели, потеря части суверенных полномочий болезненно воспринимаются государствами. При данных обстоятельствах перед государствами вестфальской формации открываются два пути: 1) совместно с другими акторами, ориентированными на сотрудничество с государствами, выстраивать новую модель мира; 2) пытаться сохранить властные полномочия в прежнем объеме, ограничивая других акторов. Таким образом, очевидно, что становление новой системы международных отношений будет проходить довольно трудно и с большими издержками.

4. Заключение = Conclusions

На рубеже XX—XXI веков многие исследователи стали ставить под сомнение значение Вестфальского мира, перефразировав этот феномен в «Вестфальский миф» [Куприянов, 2019, с. 37]. Однако, как бы критично к этому ни относились, все же в науке о международных отношениях данное событие обладает определенной актуальностью.

Среди ученых-международников принято считать две даты (1648 и 1815 года) историческими вехами, маркерами «классического периода» государственности, суверенитета и складывания международных отношений, имеющего глобальные последствия далеко за пределами Европы. Но именно Вестфальский мир был для своего времени революционным и монументальным достижением. Особенно важная деталь заключается в том, что все государства, которые участвовали в переговорных процессах, взяли на себя обязательство исполнять все положения договоров. Таким образом, договоры, входящие в состав этого мира, стали залогом структурных изменений межгосударственных связей, что фундаменталь-

но изменило механизм межгосударственных отношений. Секуляризация международной политики, концепция государственного суверенитета, посредничество между нациями и дипломатия — все это нашло свое отражение в этих договорах, подписанных более трехсот пятидесяти лет назад. Также Вестфальские договоры — это первая попытка кодификации международного права, которая, по сути, заложила основу для таких международных сообществ, как Европейский союз и Организация Объединенных Наций.

В процессе становления и развития исторически формировалась специфика международных отношений — от государственно-центричной системы этих отношений в середине XVII века через «равновесие сил» первой половины XIX столетия и «баланс интересов» второй половины XX века к последующей «общности интересов». Сейчас разворачивается процесс формирования новой модели международных отношений, где, возможно, сложится благоприятная внешняя среда для развития государств и интенсифицируется укрепление деловых и культурных взаимосвязей, что перевесит все негативные факторы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Акимов А. В.* Методологические аспекты моделирования международных отношений / А. В. Акимов // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. — Выпуск 7. — С. 54—73.
2. *Баскин Ю. Я.* История международного права / Ю. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. — Москва : Междунар. Отношения, 1990. — 205 с. — ISBN 5-7133-0219-9.
3. *Борщ И. В.* Вестфальский мир и религия в контексте эволюции публичного права в Европе / И. В. Борщ // Современная Европа. — 2023 — № 1. — С. 173—183. — DOI: 10.31857/S020170832301014X.
4. *Быков О. Н.* Национальные интересы и внешняя политика / О. Н. Быков. — Москва : ИМЭМО РАН, 2010. — 284 с. — ISBN 978-5-9535-0264-1.
5. *Винокуров В. И.* Трансформация международной системы и мирового порядка — движение в бесполярный беспорядок? / В. И. Винокуров // Дипломатическая служба. — 2019. — № 3. — С. 20—25.
6. *Гаджиев К. С.* Слово в защиту верховенства вестфальских принципов / К. С. Гаджиев // Международная жизнь. — 2018. — № 11. — С. 138—154.
7. *Зонова Т. В.* Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития / Т. В. Зонова. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2003. — 336 с. — ISBN 5-8243-0384-3.
8. *Зуйков П.* Вестфальская система межгосударственных отношений : критерии и трансформация / П. Зуйков // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 3. — С. 13—27. — DOI: 10.20542/0131-2227-2010-3-13-27.

9. *История международных отношений : учебник и практикум для вузов* / Н. А. Власов [и др.] ; под редакцией Н. А. Власова. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 316 с. — ISBN 978-5-534-18708-3.

10. *Киссинджер Г. Мировой порядок* / Г. Киссинджер. — Москва : АСТ-2014. — 512 с. — ISBN 978-5-17-111098-7.

11. *Колосова И. В. Особенности системной истории международных отношений и мировой политики* / И. В. Колосова // Проблемы постсоветского пространства. — 2022. — Т. 9. — № 3. — С. 354—366. — DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-3-354-366.

12. *Кошкарлова М. Трансформация системы международных отношений: теоретические аспекты* / М. Кошкарлова // Государственное управление и государственная служба. — 2017. — № 1 (60) — С. 276—283.

13. *Крайнов Г. Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе* / Г. Н. Крайнов // Scientific Notes. — 2015. — № 1 (42). — С. 47—54.

14. *Кунина И. Кризис Вестфальской системы : проблема государственного суверенитета* / И. Кунина // Nowa Polityka Wschodnia. — 2012. — № 2 (3). — С. 277—284.

15. *Куприянов А. В. “Вестфальский миф” и “вестфальский” суверенитет* / А. В. Куприянов // Анализ и прогноз Журнал ИМЭМО РАН. — 2019. — № 4. — С. 11—24. — DOI: 10.20542/afij-2019-4-11-23.

16. *Михайленко В. И. Версальско-Вашингтонская система. Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы* / В. И. Михайленко, Т. П. Нестерова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. — Ч. 1. — 131 с. — ISBN 5-86037-033-4.

17. *Пенской В. В. Деконструкция деконструкции : о книге Б. Тешке «Миф о 1648 году...»* / В. В. Пенской // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2020. — Т. 6. — № 3. — С. 108—125. — DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-9.

18. *Сафонов В. Е. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права* / В. Е. Сафонов // Гражданин. Выборы. Власть. — 2021. — № 2 (20). — С. 110—117.

19. *Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня* / Ю. Н. Саямов // Век глобализации. — 2018. — № 3. — С. 95—105. — DOI: 10.30884/vglob/2018.03.09.

20. *Современная мировая политика. Прикладной анализ* / А. А. Байков и др. ; отв. ред. А. Д. Богатуров. — Москва : Аспект-Пресс, 2009. — 588 с. — ISBN 978-5-7567-0559-1.

21. *Суслов Е. В. Блеск и нищета Вестфальского мира, или почему нельзя создать систему международных отношений, пригодную на все времена* / Е. В. Суслов // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». — 2016. — Т. 2. — № 2 (6). — С. 89—95.

22. *Тешке Б. Миф о 1648 году : класс, геополитика и создание современных международных отношений* / Б. Тешке / пер. с англ. Д. Кралечкина. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 416 с. — ISBN 978-5-7598-0827-5.

23. *Ataka H. The Constraints of Change : Deconstructing the Westphalian Narrative in Theory and Practice* / H. Ataka, A. Shibasaki, N. Yamashita // Ritsumeikan International Research. — 2021. — № 34—2. — Pp. 35—60. — DOI: 10.34382/00015269_

24. *Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty* / D. Croxton // The International History Review. — 1999. — Vol. 21. — № 3. — Pp. 569—591. — DOI: 10.1080/07075332.1999.9640869.

25. *Dogan M. The Westphalian system of the international relations : sovereignty, ignorance of indigenous rights, and extension of medieval practices in the case of Mosul occupa-*

tion / M. Dogan // *Alternatif Politika*. — 2023. — № 15 (2). — Pp. 368—384. — DOI: <https://doi.org/10.53376/ap.2023.14>.

26. Gross L. The Peace of Westphalia, 1648—1948 / L. Gross // *The American Journal of International Law*. — 1948. — № 42 (1). — Pp. 20—41.

27. Holsti K. War, Peace, and the State of the State / K. Holsti // *International Political Science Review*. — 1995. — № 16 (4). — Pp. 319—339. — DOI: [10.1007/978-3-319-28818-5_28](https://doi.org/10.1007/978-3-319-28818-5_28)

28. Krasner S. D. Westphalia and All That / S. Krasner // *Ideas and Foreign Policy : Beliefs, Institutions and Political Change* / Ed. J. Goldstein, R. Keohane. — London : Cornell University Press, 1993. — 235 p.

29. Morgenthau H. J. *Politics Among Nations : The Struggle for Power and Peace* / H. Morgenthau. — New York : Alfred Knopf, 1948. — 489 p.

30. Munkler H. The Wars of the 21st Century / H. Munkler // *International Review of the Red Cross*. 2003. — Vol. 85. — № 849. — Pp. 7—22. — DOI: [10.1017/S0035336100103508_2](https://doi.org/10.1017/S0035336100103508_2)

31. Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth / A. Osiander // *International Organization*. — 2001. — Vol. 55. — № 2. — Pp. 251—287. — DOI: https://doi.org/10.1162/00208180151140577_2

32. Parrott D. The Peace of Westphalia / D. Parrot // *Journal of Early Modern History*. — 2004. — Vol. 8. — Iss. 1. — Pp. 153—159.

33. Patton S. The Peace of Westphalia and its Effects on International Relations, Diplomacy and Foreign Policy / S. Patton // *The Histories*. — 2019. — Vol. 10. — Iss. 1. — Pp. 91—99.

34. Pietras M. The Late Westphalian International Order / M. Pietras // *Polish Political Science*. — 2007. — Vol. XXXVI. — Pp. 134—157. — DOI: [10.15804/ppsy2007009_2](https://doi.org/10.15804/ppsy2007009_2)

35. Ruggie J. International Regimes, Transactions, and Change : Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order / J. Ruggie // *International Organization*. — 1982. — № 36 (2). — Pp. 379—415. — DOI: [10.4324/9781315251981-6_2](https://doi.org/10.4324/9781315251981-6_2)

36. Teschke B. Theorizing the Westphalian System of States : International Relations from Absolutism to Capitalism / B. Teschke // *European Journal of International Relations*. — 2003. — Vol. 8. — № 1. — Pp. 5—48. — DOI: [10.1177/1354066102008001001_2](https://doi.org/10.1177/1354066102008001001_2)

*Статья поступила в редакцию 07.08.2024,
одобрена после рецензирования 12.10.2024,
подготовлена к публикации 22.10.2024.*

References

- Akimov, A. V. (2007). Methodological aspects of modeling international relations. In: *Document. Archive. History. Modernity, 7*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 54—73. (In Russ.).
- Ataka, H., Shibasaki, A., Yamashita, N. (2021). The Constraints of Change: Deconstructing the Westphalian Narrative in Theory and Practice. *Ritsumeikan International Research*, 34—2: 35—60. DOI: [10.34382/00015269](https://doi.org/10.34382/00015269).
- Baskin, Yu. Ya., Feldman, D. I. (1990). *History of international law*. Moscow: Mezhdunarod. Relations. 205 p. ISBN 5-7133-0219-9. (In Russ.).
- Bogaturov, A. D. (ed.). (2009). *Modern world politics. Applied analysis*. Moscow: Aspect-Press. 588 p. ISBN 978-5-7567-0559-1. (In Russ.).
- Borsch, I. V. (2023). The Vetsfalsky world and religion in the context of the evolution of public law in Europe. *Modern Europe, 1*: 173—183. DOI: [10.31857/S020170832301014X](https://doi.org/10.31857/S020170832301014X). (In Russ.).

- Bykov, O. N. (2010). *National interests and foreign policy*. Moscow: IMEMO RAS. 284 p. ISBN 978-5-9535-0264-1. (In Russ.).
- Croxton, D. (1999). The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. *The International History Review*, 21 (3): 569—591. DOI: 10.1080/07075332.1999.9640869.
- Dogan, M. (2023). The Westphalian system of the international relations: sovereignty, ignorance of indigenous rights, and extension of medieval practices in the case of Mosul occupation. *Alternatif Politika*, 15 (2): 368—384. DOI: <https://doi.org/10.53376/ap.2023.14>.
- Gadzhiev, K. S. (2018). The word in defense of the supremacy of the Westphalian principles. *International Life*, 11: 138—154. (In Russ.).
- Gross, L. (1948). The Peace of Westphalia, 1648—1948. *The American Journal of International Law*, 42 (1): 20—41.
- Holsti, K. (1995). War, Peace, and the State of the State. *International Political Science Review*. — 1995. — № 16 (4). — Pp. 319—339. — DOI: 10.1007/978-3-319-28818-5.
- Kissinger, G. (2014). *World Order*. Moscow: AST. 512 p. ISBN 978-5-17-111098-7. (In Russ.).
- Kolosova, I. V. (2022). Features of the systemic history of international relations and world politics. *Problems of the post-Soviet space*, 9 (3): 354—366. DOI: 10.24975/2313-8920-2022-9-3-354-366. (In Russ.).
- Koshkarova, M. (2017). Transformation of the system of international relations: theoretical aspects. *Public administration and public service*, 1 (60): 276—283. (In Russ.).
- Krainov, G. N. (2015). Evolution of the system of international relations and its features at the present stage. *Scientific Notes*, 1 (42): 47—54. (In Russ.).
- Krasner, S. D. (1993). Westphalia and All That. In: *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. London: Cornell University Press. 235 p.
- Kunina, I. (2012). The crisis of the Westphalian system: the problem of state sovereignty. *Nova Polityka Wschodnia*, 2 (3): 277—284. (In Russ.).
- Kupriyanov, A. V. (2019). “Westphalian myth” and “Westphalian” sovereignty. *Analysis and forecast Journal of IMEMO RAS*, 4: 11—24. DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23. (In Russ.).
- Mikhailenko, V. I., Nesterova, T. P. (2003). *Versailles-The Washington system. The First World War and the formation of the Versailles-Washington system, 1*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 131 p. ISBN 5-86037-033-4. (In Russ.).
- Morgenthau, H. J. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred Knopf. 489 p.
- Munkler, H. (2003). The Wars of the 21st Century. *International Review of the Red Cross*, 85 (849): 7—22. DOI: 10.1017/S0035336100103508.
- Osiander, A. (2001). Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*, 55 (2): 251—287. DOI: <https://doi.org/10.1162/00208180151140577>.
- Parrott, D. (2004). The Peace of Westphalia. *Journal of Early Modern History*, 8 (1): 153—159.
- Patton, S. (2019). The Peace of Westphalia and it Affects on International Relations, Diplomacy and Foreign Policy. *The Histories*, 10 (1): 91—99.
- Penskoi, V. V. (2020). Deconstruction of deconstruction: about the book by B. Teschke “The Myth of 1648...” *Scientific result. Social and humanitarian studies*, 6 (3): 108—125. — DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-9. (In Russ.).
- Pietras, M. (2007). The Late Westphalian International Order. *Polish Political Science*, XXXVI: 134—157. DOI: 10.15804/ppsy2007009.

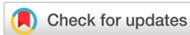

- Ruggie, J. (1982). International Regimes, Transactions, and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order. *International Organization*, 36 (2): 379—415. DOI: 10.4324/9781315251981-6.
- Safonov, V. E. (2021). The Westphalian Treatise of 1648 and its influence on the formation of the principles of international law. *Citizen. Elections. Power*, 2 (20): 110—117. (In Russ.).
- Sayamov, Yu. N. (2018). The Westphalian world and its principles yesterday and today. *Century of globalization*, 3: 95—105. DOI: 10.30884/vglob/2018.03.09. (In Russ.).
- Suslov, E. V. (2016). Brilliance and poverty of the Westphalian world, or why it is impossible to create a system of international relations suitable for all times. *Bulletin of the Mari State University. The series "Historical Sciences. Legal sciences"*, 2 / 2 (6): 89—95. (In Russ.).
- Teschke, B. (2003). Theorizing the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism. *European Journal of International Relations*, 8 (1): 5—48. DOI: 10.1177/1354066102008001001.
- Teschke, B. (2019). *The myth of 1648: class, geopolitics and the creation of modern international relations*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 416 p. ISBN 978-5-7598-0827-5. (In Russ.).
- Vinokurov, V. I. (2019). Transformation of the international system and world order — movement into a non-polar disorder? *Diplomatic Service*, 3: 20—25. (In Russ.).
- Vlasov, N. A. (ed.). (2020). *History of international relations: textbook and workshop for universities*. Moscow: Yurait Publishing House. 316 p. ISBN 978-5-534-18708-3. (In Russ.).
- Zonova, T. V. (2003). *The modern model of diplomacy. The origins of formation and prospects of development*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 336 p. ISBN 5-8243-0384-3. (In Russ.).
- Zuikov, R. (2010). Westphalian system of interstate relations: criteria and transformation. In: *World economy and international relations*, 3: 13—27. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-3-13-27. (In Russ.).

*The article was submitted 07.08.2024;
approved after reviewing 12.10.2024;
accepted for publication 22.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Магадеев И. Э. «Венгерский фактор» в центрально- и восточноевропейской политике Франции (весна — лето 1920 года) / И. Э. Магадеев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 426—443. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-426-443.

Magadeev, I. E. (2024). 'Hungarian Factor' in Central and Eastern European Politics of France (Spring — Summer 1920). *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 426-443. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-426-443. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**«Венгерский фактор»
в центрально-
и восточноевропейской
политике Франции
(весна — лето 1920 года)**

Магадеев Искандэр Эдуардович
orcid.org/0000-0002-6521-2202
кандидат исторических наук,
кафедра истории и политики стран
Европы и Америки
iskander2017@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-18-00461,
<https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

**‘Hungarian Factor’
in Central and Eastern
European Politics of France
(Spring — Summer 1920)**

Iskander E. Magadeev
orcid.org/0000-0002-6521-2202
PhD in History,
Department of History and Politics
of European and American Countries
iskander2017@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00461,
<https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена роли и значению «венгерского фактора» в центрально- и восточноевропейской политике Франции в период с апреля по август 1920 года. Новизна исследования видится в том, что проанализировано не только двустороннее франко-венгерское взаимодействие, но и вопрос о том, как представления Парижа о месте Венгрии в Европе были связаны с иными векторами внешней политики Третьей Республики. Источниками выступили опубликованные французские дипломатические документы, дневник начальника Генштаба французской армии генерала Э. Бюа, отдельные донесения военного атташе Франции в Великобритании генерала А. де ла Пануза. Автор приходит к выводу о том, что «венгерский фактор» воздействовал на центрально- и восточноевропейскую политику Третьей Республики противоречивым образом. Показано, что отношение к Венгрии как к проигравшей стране отвечало целям Парижа по утверждению статуса Франции как державы-победительницы, по укреплению пояса дружественных государств в Центрально-Восточной Европе, по расширению сферы финансово-экономического присутствия. Вместе с тем подчеркивается, что Венгрия не воспринималась как прямая угроза интересам Третьей Республики, а в условиях наступления Красной армии на Запад потенциально могла быть встроена в антисоветскую коалицию.

Ключевые слова:

Франция; Венгрия; Парижская мирная конференция; советско-польская война; Миллеран.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the role and significance of the “Hungarian factor” in the central and eastern European political landscape of France during the period from April to August 1920. The novelty of this research lies in its analysis not only of the bilateral Franco-Hungarian interactions but also of how Paris’s perceptions of Hungary’s place in Europe were intertwined with other vectors of the Third Republic’s foreign policy. The study utilizes published French diplomatic documents, the diary of General Edmond Buat, Chief of Staff of the French Army, and select reports from General Artus de la Panouse, the French military attaché in the United Kingdom. The author concludes that the “Hungarian factor” influenced the central and eastern European policy of the Third Republic in a contradictory manner. It is demonstrated that France’s view of Hungary as a defeated nation served Paris’s objectives of affirming its status as a victorious power, consolidating a belt of friendly states in Central-Eastern Europe, and expanding its financial and economic presence. At the same time, it is emphasized that Hungary was not perceived as a direct threat to the interests of the Third Republic; rather, in the context of the Red Army’s advance westward, it could potentially be integrated into an anti-Soviet coalition.

Key words:

France; Hungary; Paris Peace Conference; Soviet-Polish War; Millerand.

«Венгерский фактор» в центрально- и восточноевропейской политике Франции (весна — лето 1920 года)

© Магадеев И. Э., 2024

1. Введение = Introduction

Почти триумфом стала мысль о том, что межвоенный период в истории Европы (если не весь XX век) протекал «в тени» Первой мировой войны [Магадеев, 2021]. Ход и специфика окончания самой войны напрямую повлияли на целый ряд важных стратегических и политических характеристик послевоенного устройства. Одну из них можно обозначить следующим образом: дихотомия между ситуацией к Западу от Германии, где странам Антанты удалось добиться к осени 1918 года выраженного превосходства на фронтах (хотя сама война закончилась практически на западных границах Германии), и положением дел на Востоке Европе, где военно-политическое присутствие Великобритании, Франции, не говоря уже о США, было несравнимо меньшим.

Такое положение дел вызывало у руководства Третьей Республики повышенную обеспокоенность. Председатель Совета министров и военный министр «Ж. Клемансо и его окружение хорошо понимали также, что две пострадавшие от войны державы, [такие] как Германия и большевистская Россия, имеют веские основания для объединения сил в борьбе с победителями» [Ачкинази, 2020, с. 118]. Исходя из подобных условий, а также концепций, выработанных еще в 1917—1918 годах, Париж стремился укрепить воссозданные и / или новообразованные государства в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ). Руководство Франции отводило им тройную роль: 1) сдерживать Германию с Востока и образовать в случае войны «второй фронт» против нее (отсюда французское обозначение ряда центрально- и восточноевропейских государств как «тыловых союзников», то есть союзников Франции в тылу Германии); 2) образовать «санитарный кордон» для недопущения военно-политической и революционной экспансии Советской России на Запад; 3) осложнить контакты и не допустить

доминирования Берлина и Москвы на европейском пространстве между Германией и Советской Россией [Magadeev, 2022].

Взаимосвязанная политика по укреплению «тыловых союзов» и строительству «санитарного кордона» затрагивала главным образом дружественные Франции государства. В марте 1919 года, реагируя в ходе Парижской мирной конференции на предложения премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа смягчить условия будущего мирного договора для Германии, Клемансо не согласился с подобным курсом. Напротив, он предложил поддержать Польшу и Чехословацкую республику (ЧСР) — «единственный барьер, который отделяет русский большевизм от германского большевизма» [Néré 1975, p. 268—269]. Однако в 1920 году казалось, что отчасти схожую функцию сможет выполнить Венгрия — бывший противник, только что переживший революционные потрясения, но вместе с тем страна, не имевшая фундаментальных противоречий с Францией и продолжавшая оставаться немаловажной фигурой на европейской «шахматной доске».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — выявить роль и значение «венгерского фактора» в центрально- и восточноевропейской политике Франции в период с апреля по август 1920 года. Постановка вопроса о «венгерском факторе» обусловлена тем, что автор стремится не только проанализировать двустороннее франко-венгерское взаимодействие, но и кратко продемонстрировать, как представления Парижа о месте Венгрии в Европе были связаны с иными векторами французской дипломатии (отношения с Польшей, Германией, Советской Россией, ЧСР). Речь идет о том, чтобы избежать «тисков билатеральности» [Ланник, 2022] и не упустить воздействия на двусторонние отношения условно «внешних» факторов; иными словами, вписать франко-венгерское взаимодействие в более широкий международный контекст, без понимания которого картина отношений между Парижем и Будапештом может выглядеть неполной или даже искаженной.

Хронологические рамки статьи обусловлены двумя основными обстоятельствами. Во-первых, весна и лето 1920 года были временем наиболее активного дипломатического маневрирования Франции в отношениях с Венгрией. Казалось, что Париж был готов пойти на отдельные дипломатические уступки Будапешту, в том числе при согласовании Трианонского мирного договора.

Во-вторых, на указанный хронологический период пришелся наиболее драматичный отрезок советско-польской войны 1919—1921 годов (подчас ее датируют лишь 1920 годом, что представляется не совсем точным). Как

будет показано ниже, данный вооруженный конфликт напрямую влиял на венгерскую политику Парижа, хотя это обстоятельство отнюдь не всегда артикулировалось в историографии [Карлей, 2017]. Французский историк Ж.-А. Суту, развивавший тезис о нацеленности Парижа летом 1920 года сформировать широкую антибольшевистскую коалицию из стран ЦВЕ (с участием Венгрии) [Soutou, 2015, p. 340—341], отмечал, что другие историки, «как правило, встречали его со скепсисом» [Journal..., 2015, p. 8]. Один из примеров выражения подобной скептической позиции — работа французского историка П. Градволя, подчеркивавшего, что планы Парижа по выстраиванию антисоветского фронта в ЦВЕ остались весьма абстрактными и лишенными конкретики [Gradwohl, 2017, p. 96].

Источниковую базу статьи составили опубликованные еще в 1997—2002 годах французские дипломатические документы за 1920 год [DDF, 1997—2002, vol. 1—3]. Их исследовательский потенциал, однако, нельзя считать исчерпанным. Важные сведения, касающиеся оценок стратегической ситуации весны — лета 1920 года, которые циркулировали в военном руководстве Третьей Республики, были почерпнуты из дневника начальника Генштаба французской армии генерала Э. Бюа [Journal..., 2015], а также из отдельных донесений военного атташе Франции в Великобритании генерала А. де ла Пануза [SHD/DAT 7 N 2794].

Выбранный исследовательский подход, а также привлечение недавно введенных в научный оборот источников определяют новизну статьи. Акцент, сделанный автором на роли общего международного контекста, позволит уточнить ряд выводов, имеющих в историографии, а также несколько иначе расставить акценты.

Историки, изучавшие французское дипломатическое маневрирование в отношениях с Венгрией весной — летом 1920 года, как правило, увязывали его с взглядами и деятельностью влиятельного генерального секретаря МИД Франции (Кэ д'Орсэ) М. Палеолога (занимал пост в январе — сентябре 1920 года). Его отставка нередко рассматривалась исследователями как конец французского дипломатического зондажа на венгерском направлении и переключение на поддержку формирующейся антивенгерской группировки государств — Малой Антанты в составе ЧСР, Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Румынии [Ádám, 1985; Hochwald, 2008]. Также подчеркивалась роль бизнес-интересов влиятельной французской промышленной группы «Шнейдер и Ко.», которая в указанный период вела активные переговоры с венгерскими властями [Orde, 1980; Marguerat, 2004]. Вместе с тем авторы-составители «Французских дипломатических документов» призывали не преувеличивать степени франко-венгерского сближения накануне подписания Трианонского договора [DDF, 1997, p. xiv].

Изучение роли и значения «венгерского фактора» в центрально- и восточноевропейской политике Парижа позволит уточнить и дополнительный историографический вопрос — об отношении французских властей к Малой Антанте, начало формированию которой положило заключение чехословацко-югославской конвенции о взаимопомощи 14 августа 1920 года.

Уже современники событий нередко сомневались в том, насколько Франция, действительно, определяла ход событий в субрегионе. В депеше от 6 января 1945 года, оглядываясь на опыт межвоенного периода, французский дипломат М. Дежан даже писал, что Франция «вместо того, чтобы направлять новообразованные государства», «подстраивала свою внешнеполитическую линию под их действия» [DDF, 1998, р. 12]. Фундированный тезис о том, что Франция, стремившаяся к консолидации ЦВЕ на более широкой основе, а не на базе альянса ЧСР, КСХС и Румынии, отнюдь не сыграла решающей роли в образовании Малой Антанты, был высказан советским историком А. А. Языковой [Языкова, 1974, с. 102—106]. С привлечением новых документов он был развит современными российскими исследователями [Пресняков, 2014, с. 206]. Все же и в современной отечественной историографии можно встретить мысль о том, что именно Париж стимулировал образование Малой Антанты, а сама группировка являлась своего рода сателлитом Франции [Зонова, 2016, с. 90; Сергеев, 2017, с. 322]. В связи с этим важным представляется дополнительное прояснение ситуации.

К тому же в современной англо- и франкоязычной историографии вопрос о внешней политике Парижа на венгерском направлении в 1920-е годы не получил столь же детального освещения, как отношения Третьей Республики с Польшей [Dessberg, 2009] и ЧСР [Davion, 2009]. Ключевыми во многом продолжают быть написанные ранее труды венгерских исследовательниц М. Адам [Ádám, 2004] и М. Ормош [Ormos, 1990], для которых характерно некоторое преувеличение степени мадярофильства французской дипломатии.

Вопрос о взаимодействии Будапешта с Парижем не был центральным и для работ советского историка А. И. Пушкаша. Его исследования по внешней политике Венгрии остаются базовыми для современной русскоязычной историографии [Пушкаш, 1981]. Важным дополнением к ним стали в новейший период статьи российского историка А. С. Стыкалина [Стыкалин, 2014; Стыкалин, 2020] и белорусского исследователя А. О. Пеганова [Пеганов, 2015; Пеганов, 2016].

Актуальность статьи связана, прежде всего, с тремя обстоятельствами. Во-первых, текущий период нестабильности в международных отношениях стимулирует к изучению в чем-то схожих хронологических отрезков в европейской истории. Период весны — лета 1920 года характеризовал-

ся повышенной турбулентностью, а также наличием вооруженного конфликта в Восточной Европе. Во-вторых, анализ французской политики в отношении Венгрии дает материал для понимания модусов влияния на субрегиональную ситуацию «внешнего» игрока (в данном случае — Франции). В-третьих, современная международная обстановка демонстрирует наличие у таких государств, как Венгрия, определенного пространства для дипломатического маневра и попыток воздействия на макроисторические процессы. В этом аспекте просматриваются отдельные параллели с положением дел в выбранный хронологический период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Венгрия в системе внешнеполитических координат Парижа

Контекст венгерской политики Парижа в апреле — августе 1920 года задавали несколько основных обстоятельств, чье значение, с точки зрения французских властей, не было постоянным и со временем менялось (подчас — достаточно резко). Основными вехами можно считать следующие события: 1) подготовка и подписание Трианонского договора 4 июня¹; 2) менявшийся ход советско-польской войны: начало польского наступления против советских республик 25 апреля; переход Красной армии в контрнаступление в конце мая — начале июня; контрудар польских войск под Варшавой, начиная с 16 августа; 3) согласование концессионного договора фирмы «Шнейдер и Ко.» и венгерских властей (подписан 22 июня).

Восприятие Венгрии политическим руководством, военными и дипломатами Третьей Республики оставалось волатильным и зависело от положения дел как на двустороннем уровне (прежде всего — в контексте подготовки Трианонского договора, хотя, очевидно, его условия согласовывались в первую очередь членами Антанты), так и в ЦВЕ в целом, где перипетии советско-польской войны влияли на позицию Парижа. Вместе с тем подобная волатильность имела свои пределы, которые в значительной степени определяли более широкие интересы, которые руководство Франции планировало реализовать на Парижской мирной конференции и за ее пределами.

Взаимодействие с основными союзниками по Антанте (прежде всего с Великобританией) при всей внутренней сложности отношений оставалось императивом для Парижа с целью закрепления итогов пусть и относительной, но победы в Первой мировой войне. Характеризуя позицию Клемансо, французские исследователи отмечали, что, с его точки зрения, после войны, которую вела коалиция, никто не мог в одиночку диктовать условия мира:

1 При отсутствии упоминания года в тексте статьи по умолчанию подразумевается 1920 год.

необходимо было принести «все жертвы ради поддержания согласия между четырьмя державами-победительницами» [Becker et al., 1990, p. 141]. На условиях «весак» французской дипломатии взаимодействие с Венгрией также не перевешивало отношений с Польшей, ЧСР, Румынией и КСХС — «нашими малыми союзниками», как их нередко называли во внутренней переписке МИД Третьей Республики [DDF, 1997, p. 296, 604].

Можно констатировать двойственность восприятия Венгрии французской дипломатией. С одной стороны, она рассматривалась как бывший противник, который должен понести бремя поражения и быть ослаблен в пользу дружественных Франции государств. В инструкциях, отправленных 6 марта высокому комиссару Франции в Венгрии Ж. Дюльсе, председатель Совета министров и министр иностранных дел А. Мильеран подчеркнул: «Агрессия против Сербии, за которую они [венгры. — *И. М.*] несут прямую ответственность, была причиной мировой войны. Венгрия, сообщница Германии, должна пострадать вместе с ней и подчиниться, как Германия, мирному договору, который несет освобождение и фиксирует возрождение угнетенных национальностей» [DDF, 1997, p. 306]. Маршал Франции Ф. Фош, председатель Союзного военного совета в Версале, как свидетельствовала его записка Мильерану от 22 января, стремился навязать Венгрии условия по разоружению и призывал внимательно следить за попытками Будапешта «развивать венгерские вооруженные силы и военную промышленность в наступательных целях» [DDF, 1997, p. 55].

Однако, с другой стороны, Париж был готов пойти на определенное лавирование в отношениях с Венгрией и сыграть на ожиданиях Будапешта относительно того, что отношения с Францией позволят смягчить условия готовившегося мирного договора.

Начиная с марта Париж осуществлял осторожное дипломатическое заигрывание с Будапештом. Важным посредником в этих контактах выступал венгерский предприниматель и адвокат К. Гальмош, который, как считали в МИД Франции, пользовался доверием регента Венгрии М. Хорти и был вхож в круги венгерского правительства [DDF, 1997, p. 419; 505]. Уже первые контакты Гальмоша с Палеологом демонстрировали, что венгерский посредник стремился привлечь французскую сторону в лице «Шнейдер и Ко.» обещанием передать в концессию различные объекты государственной собственности в Венгрии (железные дороги, порты и др.). Взамен Будапешт надеялся на послабление территориальных и военно-политических условий готовившегося мирного договора [DDF, 1997, p. 411].

Одним из итогов дипломатического флирта между Парижем и Будапештом стала отправка Мильераном сопроводительного письма венгерским властям 6 мая [DDF, 1997, p. 610—613]. В нем содержался осторожный на-

мек на возможные локальные изменения границ по сравнению с проектом мирного договора. Этот шаг был воспринят премьер-министром Венгрии Ш. Шимоньи-Шемадамом и министром иностранных дел П. Телеки как обещание «осуществить в ближайшем будущем смягчение условий [мирного] договора» (письмо Мильерану от 17 мая) [DDF, 1999, p. 11].

Эти надежды оказались завышенными. Как свидетельствовала записка Палеолога от 13 мая, отправленная новому высокому комиссару Франции в Венгрии М. Фуше, Париж был готов лишь предложить свои добрые услуги в переговорах Венгрии с соседними государствами, подчиняя подобные действия условиям мирного договора [DDF, 1997, p. 641].

Степень французского «ревизионизма» в контактах с представителями Венгрии, действительно, не стоит преувеличивать. Власти Третьей республики отнюдь не были готовы пойти на хоть сколько-нибудь серьезные территориальные уступки Венгрии, а рассматривали эту дипломатическую игру в сугубо прагматических и тактических целях. Комментируя заявление Фуше венгерскому правительству о том, что желательно усилить торгово-экономические связи в Дунайской Европе, Мильеран в послании от 27 июня послу Третьей Республики в Великобритании П. Камбону высказал важную мысль. Он подчеркнул, что эта декларация «не ослабит ценности подписанных нами соглашений, а также не станет прецедентом, к которому сможет апеллировать Германия» в ревизионистских целях: «... мы получаем от Венгрии экономические привилегии в обмен на обещанное проявление доброй воли, реализуя которую мы ни в коей мере не выходим за пределы постановлений мирного договора и сопроводительного письма к нему» [DDF, 1999, p. 187].

К осени разочарование Будапешта во «французской опции» было очевидным. Встреча Гальмоша с генеральным секретарем Конференции послов стран Антанты, французским дипломатом Ж. Ларошем, состоявшаяся 27 октября в Париже, продемонстрировала, что МИД Третьей Республики весьма сдержан в удовлетворении венгерских требований (ослабление военных и территориальных условий Трианона, создание специальной Репарационной комиссии по Венгрии). На полях записки Лароша, резюмировавшей встречу, генеральный секретарь Кэ д'Орсэ Ф. Бертелло, сменивший Палеолога и известный прочехословацкими симпатиями, начертал: «... мы не можем пойти ни на какие шаги, которые противоречат [мирному] договору и могут нанести вред нашим союзникам» [DDF, 2002, p. 181—183].

3.2. Роль и назначение Венгрии во внешнеполитических планах руководства Франции

Резоны дипломатического маневрирования Парижа в отношении с Будапештом были разнообразны; также менялся и уровень приоритета,

отдаваемого тому или иному из них. Стратегические и долгосрочные интересы переплетались с текущими и тактическими.

Одним из ключевых резонов дипломатического флирта правительства Мильерана с Будапештом в марте июне служил проект концессии «Шнейдер и Ко.». Как подчеркивал Палеолог, данное соглашение рассматривалось не просто как дело частных предпринимателей, а как торгово-экономическая операция, «соответствующая политике, которую проводит правительство Республики» [DDF, 1999, p. 163].

Сделка была согласована 22 июня, но аннулирована к ноябрю 1920 года. Помимо финансово-экономических факторов (недостаток ресурсов у «Шнейдер и Ко.» для реализации полученных прав, отказ Министерства финансов Франции поддержать проект), свою роль сыграл политический фактор — разочарование венгерских властей в результатах сближения с Францией [Orde, 1980, p. 486—487; Marguerat, 2004, p. 133]. Можно сказать, что контракт венгерских властей с фирмой «Шнейдер и Ко.» был объектом двойного торга: во-первых, по условиям самого соглашения; во-вторых, относительно политической «цены», которую официальный Париж негласно готов заплатить за финансово-экономические уступки Будапешта. По обоим трекам ожидания сторон в итоге не совпали.

Вместе с тем во внешней политике Третьей Республики на венгерском направлении имелись концептуальные константы. Французская дипломатия стремилась не допустить сближения Венгрии с Германией или социалистической революции в стране. Периодически поступавшие на Кэ д'Орсэ сведения о возможных поставках в Венгрию немецких вооружений [DDF, 1999, p. 45] или о германофильских настроениях части венгерской элиты [Пресняков, 2014, с. 223], казалось, подтверждали опасения французской дипломатии.

Париж также боролся против утверждения в Венгрии преимущественного британского и / или итальянского влияния, ратовал за усиление французского экономического и культурного присутствия в стране. В донесении в Париж от 2 августа Фуше в апологетическом ключе даже противопоставлял французское влияние, «мягкое по форме» и уважительное «к национальной гордости венгров», британским методам, «всегда немного brutальным, которые, без сомнения продолжают применяться за кулисами» [DDF, 1999, p. 362]. О глубине противоречий между Францией и ее союзниками по Антанте говорила, например, поступавшая в Париж информация о предполагаемых итальянских и британских поставках оружия в Венгрию [DDF, 1997, p. 423].

В целях не допустить немецко-венгерского сближения и сократить возможность аншлюса (присоединения Австрии к Германии) Париж также не

исключал использования «монархической опции», то есть утверждения на венгерском престоле одного из представителей династии Габсбургов. Как сообщал Фуше в донесении в Париж от 31 марта, «монархический режим, по всей вероятности, будет восстановлен в этой стране, согласно почти единодушным пожеланиям населения» [DDF, 1997, р. 452]. Однако Мильеран со скепсисом относился к варианту реставрации Габсбургов, отметив в инструкциях для Дульсе от 6 марта, что «республиканская форма правления в Венгрии дала бы нам наиболее солидные гарантии против возвращения агрессивного национализма» [DDF, 1997, р. 307].

Таким образом, как в силу стратегических, так и тактических причин французская дипломатия не хотела чрезмерно антагонизировать Венгрию и подталкивать ее в сторону Германии. Подобные соображения сыграли определенную роль в восприятии официальным Парижем начала формирования Малой Антанты в августе.

Реакцию правительства Мильерана на заключение чехословацко-югославской конвенции о взаимопомощи можно охарактеризовать как несколько настороженную. Такой ее характер был обусловлен двумя основными обстоятельствами.

Первое из них заключалось в том, что Париж выступал за образование более широкой группы, считая чехословацко-югославский «базис» Малой Антанты слишком узким. Речь шла не только о скорейшем присоединении Румынии к формирующейся группе для создания «барьера против большевистского натиска в Центральной Европе», о чем 4 августа Мильеран писал П. Камбону [DDF, 1999, р. 377], но и о потенциальном сближении ЧСР с Польшей, что было реализовать намного сложнее. С точки зрения главы французской военной миссии и одновременно начальника Генштаба чехословацкой армии генерала М. Пелле, которую он сформулировал в письме Бертело от 14 сентября, французской дипломатии стоило «оказать давление на Польшу, дабы продемонстрировать насущную необходимость ее сближения с Чехословакией» [DDF, 1999, р. 611].

Второе ключевое обстоятельство, которое обусловило настороженное отношение Кэ д'Орсэ к началу формирования Малой Антанты, было связано с опасением, что данный процесс приведет к нарастающему реваншистским настроениям в Венгрии и к ее возможному сближению с противниками Франции. Как отметил Пелле, в МИД Третьей республики «были удивлены формированием Малой Антанты, которое не вызвало большого удовлетворения ввиду опасений, что после этого шага Венгрия бросится в противоположный лагерь» [DDF, 1999, р. 610].

Наличие указанных соображений не означало вместе с тем готовности Парижа идти на действительно серьезные уступки Будапешту или делать

ставку на Венгрию как на основной фактор стабилизации Дунайской Европы. О наличии полноценного французского проекта по созданию некоей Дунайской конфедерации, который нередко ассоциируется в историографии с личностью Палеолога [Язькова, 1974, с. 102; Ádám, 1985, p. 40; Hochwald, 2008, p. 82; Пресняков, 2014, с. 206], говорить затруднительно. Скорее, как свидетельствовали инструкции Мильерана от 6 марта [DDF, 1997, p. 307] и циркулярная телеграмма Палеолога от 22 июня [DDF, 1999, p. 163—165], речь шла о достаточно общих идеях о необходимости торгово-экономического сближения стран-наследниц Австро-Венгрии и нормализации отношений между ними. В донесении Мильерану от 13 сентября поверенный в делах Франции в Италии Ф. Шарль-Ру отдельно подчеркнул, что в инструкциях для французской дипломатической миссии в Вене содержался специальный запрет «прикладывать усилия к созданию Дунайской конфедерации» [DDF, 1999, p. 603]. Туманный прожект (особенно — в реалиях первых послевоенных лет) отнюдь не был для руководства Третьей Республики потенциальной заменой тех столпов, на которые пыталась опереться французская дипломатия в ЦВЕ — взаимодействие с государствами Большой и Малой Антант.

3.3. «Советский фактор» и его воздействие на венгерскую политику Парижа

Наибольшие изменения в венгерскую политику Парижа грозил привести «советский фактор». Будапешт стремился использовать обострение в советско-польской войне как рычаг для того, чтобы продемонстрировать Франции (и шире — странам Антанты) полезность Венгрии как союзника в борьбе против Красной армии и добиться взамен территориальных и военно-политических уступок. Власти Третьей Республики, в свою очередь, встали перед дилеммой: как укрепить антисоветскую коалицию, не допустив краха послевоенного урегулирования и не испортив фатальным образом отношений с «малыми союзниками»?

Разыгрывание «советской карты» венгерскими представителями началось еще до перехода польской армии в наступление. В записке от 13 апреля, адресованной Палеологу, Гальмош ссылаясь на Хорти, утверждавшего, что Венгрия при необходимости сможет выставить «армию в 500 000 храбрых, верных и дисциплинированных солдат» [DDF, 1997, p. 522]. В этом прочитывалось стремление заинтересовать Париж в венгерском содействии накануне нового обострения советско-польской войны в обмен на ослабление военных статей Трианона (ограничивали венгерскую армию численностью в 35 тысяч человек).

В условиях советского контрнаступления подобные демарши Будапешта стали еще более настойчивыми. Венгерские власти пытались увя-

зать оказание помощи Польше с получением территориальных уступок от стран Большой Антанты (обеспечение общей польско-венгерской границы и отказ отсоединять от Венгрии так называемые северные комитаты (Словакию) [DDF, 1997, р. 506, 633—634]. Представители Венгрии пытались убедить Фуше и главу французской военной миссии в Будапеште генерала Ж. К. Амлена в критическом характере ситуации, в необходимости для Венгрии иметь армию в 60—70 тысяч человек [DDF, 1999, р. 45], оккупировать часть территории ЧСР (Подкарпатскую Русь) якобы ввиду слабости чехословацкой армии и необходимости остановить дальнейшее продвижение Красной армии. Хотя Фуше не исключал варианта оккупации Подкарпатской Руси венгерской армией под командованием генералов из стран Антанты, Пелле ясно дал, что такой вариант неприемлем для Праги. В телеграмме от 29 июля Мильеран поддержал Пелле и заблокировал обсуждавшийся вариант [DDF, 1999, р. 313—314, 342]. О том, что председатель Совета министров Франции не собирался идти на поводу у Будапешта, говорил и его недипломатичный отказ встретиться с венгерскими представителями в Париже 11 августа, что вызвало возмущение венгерских властей [DDF, 1999, р. 411—412].

В письме от 7 августа 1920 года, отправленном Амлену, Телеки, переместившийся в кресло премьер-министра, утверждал, что намерение советского правительства — «начать в ближайшем будущем наступление на Венгрию и поход на Будапешт» [Попова, 1996, с. 41]. Амлен и Фуше понимали, что одним из глубинных мотивов венгерских властей остается стремление, примкнув к потенциальной антисоветской коалиции, добиться смягчения и ревизии Трианонского договора [DDF, 1999, р. 313, 375, 412].

В Париже присутствовали и более алармистские оценки. О встревоженности французских военных говорило донесение ла Пануза от 30 июля. Военный атташе Франции в Великобритании не исключал, что отправка англо-французской миссии в Польшу, стоявшая тогда в повестке дня, может стать прологом прямого конфликта между странами Антанты и советскими республиками [SHD/DAT 7 N 2794]. В дневниковой записи от 8 августа Бюа зафиксировал крайнюю встревоженность военного министра А. Лефевра. Последний полагал, что «русские не остановятся на этом пути. Этой осенью, победив поляков, они решат вопрос с Врангелем, их противником в Крыму. Весной 1921 года настанет черед румын, а летом — Чехословакии, за которой последуют Венгрия и Австрия. Большевизм тем самым закрепится в центре Европы» [Journal..., 2015, р. 909].

Начало польского контрнаступления под Варшавой, немаловажную роль в организации которого сыграли французские офицеры, стало облегчением для официального Парижа. Вместе с тем даже в критические

августовские дни власти Третьей Республики не хотели идти на серьезные уступки Венгрии. Примечательно, что при всем своем алармизме Лефевр критиковал прошлую «дружественную политику в отношении венгров, поскольку она настраивает чехов и румын против нас» [Journal..., 2015, p. 910]. Изменение хода советско-польской войны лишило Будапешт возможности разыграть «советскую карту» на данном этапе.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, «венгерский фактор» воздействовал на центральную и восточноевропейскую политику Третьей Республики в апреле — августе 1920 года противоречивым образом. Отношение к Венгрии как к проигравшей стране отвечало целям Парижа по закреплению статуса Франции как одной из ключевых держав-победительниц в Первой мировой войне, по усилению пояса дружественных государств в ЦВЕ, по расширению сферы французского финансово-экономического присутствия в субрегионе. Вместе с тем Венгрия не воспринималась как прямая угроза интересам Третьей Республики, а в условиях наступления Красной армии на Запад потенциально даже могла быть встроена в антисоветскую коалицию.

Эволюция венгерской политики Парижа в рассмотренный период демонстрировала сложности, с которыми сталкивалось руководство Франции при попытках координировать различные векторы внешней политики. Общая концептуальная рамка Кэ д'Орсэ строилась на идее стабилизации торгово-экономических, а затем политических отношений между государствами ЦВЕ, недопущении дрейфа Венгрии в сторону Германии и противодействию аншлюсу, борьбе с попытками Великобритании и Италии занять в этой стране доминирующие позиции. Однако реализация подобного замысла наталкивалась на разнообразные сложности. Польско-венгерское сближение в условиях наступления Красной армии на Запад, сулившее стратегические дивиденды, негативно воспринималось ЧСР — ключевым государством формирующейся Малой Антанты и важным элементом французской системы «тыловых союзов».

При определенной волатильности французской позиции она держала в себе твердое «ядро» базовых установок. Дипломатический флирт с Будапештом отнюдь не перевешивал в оценках французской дипломатии отношений с «малыми союзниками», не говоря уже о ключевых державах Большой Антанты. Париж рассчитывал использовать «венгерский фактор» для достижения своих вариативных целей при минимальных уступках Будапешту. Потенциал франко-венгерского взаимодействия оставался небольшим, что по-своему было понятно уже к осени 1920 года.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. DDF — *Documents diplomatiques français*. 1920. — Paris : Imprimerie nationale ; Bruxelles : P. I. E.—Peter Lang, 1997. — Т. 1. — 717 p. — ISBN 978-2-1108-9141-9 ; *Documents diplomatiques français*. 1945. — Paris : Imprimerie nationale, 1998. — Т. 1. — 894 p. — ISBN 978-2-1108-9146-4 ; *Documents diplomatiques français*. 1920. — Paris : Imprimerie nationale, 1999. — Т. 2. — 688 p. — ISBN 978-2-1108-9149-5 ; *Documents diplomatiques français*. 1920. — Bruxelles : P. I. E.—Peter Lang, 2002. — Т. 3. — 667 p. — ISBN 978-9-0520-1969-7.
2. *Journal du général Buat*, 1914—1923. — Paris : Perrin, 2015. — 1400 p. — ISBN 978-2-2620-3839-7.
3. SHD/DAT — *Service historique de la Défense / Département de l'armée de terre* (Vincennes, France). 7 N (État-major de l'armée et attachés militaires). 7 N 2794 (Rapports des attachés militaires. Grande-Bretagne. 1920—1924).

Литература

1. Ачкинази Б. А. Проблема безопасности Франции после окончания Первой мировой войны / Б. А. Ачкинази // Новая и новейшая история. — 2020. — Т. 64. — № 3. — С. 107—129. — DOI: 10.31857/S013038640009147-9.
2. Зонова Т. В. История внешней политики Италии / Т. В. Зонова. — Москва : Международные отношения, 2016. — 352 с. — ISBN 978-5-7133-1530-6.
3. Карлей М. Дж. Антибольшевизм во внешней политике Франции : польский кризис 1920 г. / М. Дж. Карлей // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2017. — № 3 (10). — С. 52—73.
4. Ланник Л. В. В тисках билатеральности : новое поколение сборников документов по истории двусторонних отношений России с ее западными соседями / Л. В. Ланник // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2022. — № 2 (29). — С. 234—256. — DOI: 10.24412/2409-1413/2022-2-234-256.
5. Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны : дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы / И. Э. Магадеев. — Москва : Аспект Пресс, 2021. — 864 с. — ISBN 978-5-7567-1112-7.
6. Пеганов А. О. Чехословакия в политике Будапешта на завершающем этапе Великой войны (от Белградского перемирия 1918 г. до Трианонского мира 1920 г.) / А. О. Пеганов // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы : очерки истории. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. — С. 556—578. — ISBN 978-5-7576-0349-0.
7. Пеганов А. О. Попытки Венгрии нормализовать отношения с Чехословакией в 1920—1921 годы / А. О. Пеганов // Славяноведение. — 2016. — № 3. — С. 20—30.
8. Попова С. С. «Они готовы возобновить борьбу» : Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии. 1920—1921 гг. / С. С. Попова // Исторический архив. — 1996. — № 1. — С. 41—70.
9. Пресняков А. З. Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии : роль великих держав (1918—1921 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00, 07.00.03 / А. З. Пресняков. — Москва, 2014. — 287 с.

10. *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 — апрель 1927 г. / А. И. Пушкаш. — Москва : Наука, 1981. — 368 с.
11. *Стыкалин А. С.* Проекты Дунайской Федерации Оскара Яси в контексте национально-территориальных споров в Средней Европе (1910-е — 1940-е годы) / А. С. Стыкалин // Балканы в европейских политических проектах XIX—XX вв. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2014. — С. 373—394. — ISBN 978-5-7576-0316-2.
12. *Стыкалин А. С.* Трианонский мирный договор 1920 года и его последствия для Венгрии и Центральной Европы. К 100-летию роковой годовщины в венгерской истории / А. С. Стыкалин // Вишеградская Европа. — 2020. — № 1—2. — С. 25—44.
13. *Язькова А. А.* Малая Антанта в европейской политике. 1918—1925 / А. А. Язькова. — Москва : Наука, 1974. — 330 с.
14. *Ádám M.* Les deux coups d'État de l'ex-roi Charles et la Petite Entente / M. Ádám // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1985. — Т. 31. — № 1—2. — Pp. 33—85.
15. *Ádám M.* The Versailles System and Central Europe / M. Ádám. — Farnham : Ashgate, 2004. — 383 p. — ISBN 978-0-8607-8905-5.
16. *Becker J.-J.* Victoire et frustrations 1914—1929 / J.-J. Becker, S. Berstein. — Paris : Seuil, 1990. — 480 p. — ISBN 978-2-0201-2069-2.
17. *Davion I.* Mon voisin, cet ennemi : la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939 / I. Davion. — Bruxelles : Peter Lang, 2009. — 472 p. — ISBN 978-9-0520-1496-8.
18. *Dessberg F.* Le triangle impossible : les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935) / F. Dessberg. — Bruxelles : Peter Lang, 2009. — 440 p. — ISBN 978-9-0520-1466-1.
19. *Gradwohl P.* Les militaires français et la Hongrie en 1918—1920 / P. Gradwohl // Militaires et diplomates français face à l'Europe centrale. — Paris : Eur'Orbem Éditions, 2017. — Pp. 83—96. — ISBN 979-10-96982-01-1.
20. *Hochwald Ch.* La diplomatie française face à la crise royale en Hongrie (1921) / Ch. Hochwald // Revue historique des armées. — 2008. — № 251. — Pp. 78—84.
21. *Magadeev I. E.* L'alliance franco-polonaise dans les estimations militaires et diplomatiques de Moscou dans les années 1920 / I. E. Magadeev // Guerres mondiales et conflits contemporains. — 2022. — № 4 (288). — Pp. 51—64. — DOI: 10.3917/gmcc.288.0051.
22. *Marguerat Ph.* Les investissements français dans le Bassin danubien durant l'entre-deux-guerres : pour une nouvelle interprétation / Ph. Marguerat // Revue historique. — 2004. — № 629. — Pp. 121—162. — DOI: 10.3917/rhis.041.0121.
23. *Néré J.* The Foreign Policy of France from 1914 to 1945 / J. Néré. — London : Routledge, 1975. — 366 p. — ISBN 978-0-7100-7968-8.
24. *Orde A.* France and Hungary in 1920 : Revisionism and Railways / A. Orde // Journal of Contemporary History. — 1980. — Vol. 15. — № 3. — Pp. 475—492.
25. *Ormos M.* From Padua to the Trianon 1918—1920 / M. Ormos. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1990. — 410 p. — ISBN 978-0-8803-3195-1.
26. *Soutou G.-H.* La grande illusion : quand la France perdait la paix 1914—1920 / G.-H. Soutou. — Paris : Tallandier, 2015. — 382 p. — ISBN 979-1-0210-3979-7.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024,
одобрена после рецензирования 09.10.2024,
подготовлена к публикации 15.10.2024.

Material resources

DDF — *Documents diplomatiques français. 1920, 1.* (1997). Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P. I. E.–Peter Lang. 717 p. ISBN 978-2-1108-9141-9; *Documents diplomatiques français. 1945, 1.* (1998). Paris: Imprimerie nationale. 894 p. ISBN 978-2-1108-9146-4; *Documents diplomatiques français. 1920, 2.* (1999). Paris: Imprimerie nationale. 688 p. ISBN 978-2-1108-9149-5; *Documents diplomatiques français. 1920, 3.* (2002). Bruxelles: P. I. E.–Peter Lang. 667 p. ISBN 978-9-0520-1969-7.

Journal du général Buat, 1914—1923. (2015). Paris: Perrin. 1400 p. ISBN 978-2-2620-3839-7. (In Frenc.).

SHD/DAT — *Service historique de la Défense / Département de l'armée de terre (Vincennes, France). 7 N (État-major de l'armée et attachés militaires). 7 N 2794 (Rapports des attachés militaires. Grande-Bretagne. 1920—1924).* (In Frenc.).

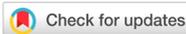
References

- Achkinazi, B. A. (2020). The problem of French security after the end of the First World War. *New and modern history*, 64 (3): 107—129. DOI: 10.31857/S013038640009147-9. (In Russ.).
- Ádám, M. (1985). Les deux coups d'État de l'ex-roi Charles et la Petite Entente. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 31 (1—2): 33—85. (In Frenc.).
- Ádám, M. (2004). *The Versailles System and Central Europe*. Farnham: Ashgate. 383 p. ISBN 978-0-8607-8905-5.
- Becker, J.-J., Bernstein, S. (1990). *Victoire et frustrations 1914—1929*. Paris: Seuil. 480 p. ISBN 978-2-0201-2069-2. (In Frenc.).
- Carley, M. J. (2017). Anti-Bolshevism in French foreign policy: the Polish crisis of 1920. *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 3 (10): 52—73. (In Russ.).
- Davion, I. (2009). *Mon voisin, cet ennemi: la politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939*. Bruxelles: Peter Lang. 472 p. ISBN 978-9-0520-1496-8. (In Frenc.).
- Dessberg, F. (2009). *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935)*. Bruxelles: Peter Lang. 440 p. ISBN 978-9-0520-1466-1. (In Frenc.).
- Gradvohl, P. (2017). Les militaires français et la Hongrie en 1918—1920. In: *Militaires et diplomates français face à l'Europe centrale*. Paris: Eur'Orbem Éditions. 83—96. ISBN 979-10-96982-01-1. (In Frenc.).
- Hochwald, Ch. (2008). La diplomatie française face à la crise royale en Hongrie (1921). *Revue historique des armées*, 251: 78—84. (In Frenc.).
- Lannik, L. V. (2022). In the grip of bilaterality: a new generation of collections of documents on the history of bilateral relations between Russia and its Western neighbors. *Journal of Russian and Eastern European Historical Studies*, 2 (29): 234—256. DOI: 10.24412/2409-1413/2022-2-234-256. (In Russ.).
- Magadeev, I. E. (2021). *In the shadow of the First World War: dilemmas of European security in the 1920s*. Moscow: Aspect Press. 864 p. ISBN 978-5-7567-1112-7. (In Russ.).
- Magadeev, I. E. (2022). L'alliance franco-polonaise dans les estimations militaires et diplomatiques de Moscou dans les années 1920. *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 4 (288): 51—64. DOI: 10.3917/gmcc.288.0051. (In Frenc.).
- Marguerat, Ph. (2004). Les investissements français dans le Bassin danubien durant l'entre-deux-guerres: pour une nouvelle interprétation. *Revue historique*, 629: 121—162. DOI: 10.3917/rhis.041.0121. (In Frenc.).

- Néré, J. (1975). *The Foreign Policy of France from 1914 to 1945*. London: Routledge. 366 p. ISBN 978-0-7100-7968-8.
- Orde, A. (1980). France and Hungary in 1920: Revisionism and Railways. *Journal of Contemporary History*, 15 (3): 475—492.
- Ormos, M. (1990). *From Padua to the Trianon 1918—1920*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 410 p. ISBN 978-0-8803-3195-1.
- Peganov, A. O. (2015). Czechoslovakia in the politics of Budapest at the final stage of the Great War (from the Belgrade Armistice of 1918 to the Trianon Peace of 1920). In: *The First World War and the fate of the peoples of Central and Southeastern Europe: essays on history*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 556—578. ISBN 978-5-7576-0349-0. (In Russ.).
- Peganov, A. O. (2016). Hungary's attempts to normalize relations with Czechoslovakia in 1920—1921. *Slavic Studies*, 3: 20—30. (In Russ.).
- Popova, S. S. (1996). “They are ready to resume the struggle”: the Ministry of War and the French Foreign Ministry on white emigration in Hungary. 1920—1921. *Historical Archive*, 1: 41—70. (In Russ.).
- Presnyakov, A. Z. (2014). *The problem of peaceful settlement in the territory of the former Austria-Hungary: the role of the great powers (1918—1921)*. PhD Diss. Moscow. 287 p. (In Russ.).
- Pushkash, A. I. (1981). *The foreign policy of Hungary. November 1918 — April 1927*. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.).
- Soutou, G.-H. (2015). *La grande illusion: quand la France perdait la paix 1914—1920*. Paris: Tallandier. 382 p. ISBN 979-1-0210-3979-7. (In Frenc.).
- Stykalin, A. S. (2020). The Trianon Peace Treaty of 1920 and its consequences for Hungary and Central Europe. To the 100th anniversary of the fateful anniversary in Hungarian history. *Visegrad Europe*, 1—2: 25—44. (In Russ.).
- Styklin, A. S. (2014). Projects of the Danube Federation by Oscar Yasi in the context of national-territorial disputes in Central Europe (1910s — 1940s). In: *The Balkans in European political projects of the XIX—XX centuries*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 373—394. ISBN 978-5-7576-0316-2. (In Russ.).
- Yazkova, A. A. (1974). *The Small Entente in European politics. 1918—1925*. Moscow: Nauka. 330 p. (In Russ.).
- Zonova, T. V. (2016). *History of Italian foreign policy*. Moscow: International Relations. 352 p. ISBN 978-5-7133-1530-6. (In Russ.).

*The article was submitted 24.07.2024;
approved after reviewing 09.10.2024;
accepted for publication 15.10.2024.*

Информация для цитирования:

Муслимова Е. О. Трансрегиональное сотрудничество федеральных земель Германии с регионами и странами Востока (конец XX — XXI века) / Е. О. Муслимова, А. Г. Нестеров, Н. В. Ракитина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 444—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-444-462.

Muslimova, E. O., Nesterov, A. G., Rakitina, N. V. (2024). Transregional Cooperation of German Federal States with Eastern Regions and Countries (Late 20th — 21st Century). *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 444-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-444-462. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трансрегиональное сотрудничество федеральных земель Германии с регионами и странами Востока (конец XX — XXI века)

Муслимова Екатерина Олеговна¹
orcid.org/0000-0003-3866-450X
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных
отношений и регионоведения
корреспондирующий автор
e.o.muslimova@utmn.ru

Нестеров Александр Геннадьевич²
orcid.org/0000-0002-3349-6204
доктор исторических наук, профессор
кафедры зарубежного регионоведения
alexander.nesterov@urfu.ru

Ракитина Наталья Викторовна¹
orcid.org/0009-0004-5312-0134
младший научный сотрудник кафедры
международных отношений и
регионоведения
n.v.rakitina@utmn.ru

¹ Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

Transregional Cooperation of German Federal States with Eastern Regions and Countries (Late 20th — 21st Century)

Ekaterina O. Muslimova¹
orcid.org/0000-0003-3866-450X
PhD in History, Associate Professor,
Department of International
Relations and Regional Studies,
corresponding author
e.o.muslimova@utmn.ru

Alexander G. Nesterov²
orcid.org/0000-0002-3349-6204
Doctor of History, Professor,
Department of Foreign Region Studies
alexander.nesterov@urfu.ru

Natalya V. Rakitina¹
orcid.org/0009-0004-5312-0134
Junior Researcher, Department
of International Relations
and Regional Studies
n.v.rakitina@utmn.ru

¹ University of Tyumen (Tyumen, Russia)

² Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос формирования и развития трансрегиональных отношений федеральных земель Германии (Bundesländer) со странами и регионами Востока. Представлены результаты нормативно-правового анализа основ международной и внешнеполитической деятельности германских федеральных земель (на основе национального законодательства). Уделяется внимание институциональной базе построения трансграничного взаимодействия отдельных административных единиц ФРГ с зарубежными партнерами. Рассмотрено партнерство с ближневосточными и отдаленными восточными территориями. Исследование показало, что международная и внешнеэкономическая деятельность земель ФРГ достаточно широка в соответствии с возможностями, заложенными конституционными документами Германии, и значительно шире и разнообразнее, чем аналогичная деятельность регионов Франции и Италии. Выявлено, что земли Германии участвуют в системе «горизонтального партнерства» по типу регион — регион прежде всего с провинциями Китайской Народной Республики. Сообщается, что по отношению к большинству других стран Востока действует принцип «сетового сотрудничества» отдельных структур, которое затрагивает не только экономические, но и научные, культурные и гуманитарные связи. Доказано, что среди рассмотренных стран ЕС на региональном уровне именно германские земли ведут наиболее успешное и эффективное партнерство с регионами стран Востока.

Ключевые слова:

трансрегиональное сотрудничество; регионы; Европейский союз; ФРГ; Германия; Китай; Индия; Вьетнам.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the formation and development of transregional relations between the federal states of Germany (Bundesländer) and Eastern countries and regions. It presents the findings of a normative-legal analysis of the foundations of international and foreign policy activities of German federal states, based on national legislation. The focus is on the institutional framework for cross-border interactions between individual administrative units of the Federal Republic of Germany and their foreign partners. The research explores partnerships with both neighboring Middle Eastern territories and more distant Eastern regions. The findings indicate that the international and foreign economic activities of the German states are extensive, aligning with the opportunities outlined in Germany's constitutional documents, and are significantly broader and more diverse compared to similar activities in the regions of France and Italy. It has been identified that German states engage in a system of "horizontal partnerships" primarily with provinces of the People's Republic of China. Additionally, it is reported that a principle of "network cooperation" is applied to most other Eastern countries, encompassing not only economic but also scientific, cultural, and humanitarian ties. The study demonstrates that among the examined EU countries at the regional level, German federal states lead in establishing the most successful and effective partnerships with regions in Eastern countries.

Key words:

transregional cooperation; regions; European Union; Federal Republic of Germany; Germany; China; India; Vietnam.

УДК 94(430+510)“199/202”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-444-462

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Трансрегиональное сотрудничество федеральных земель Германии с регионами и странами Востока (конец XX — XXI века)

© Муслимова Е. О., Нестеров А. Г., Ракитина Н. В., 2024

1. Введение = Introduction

С момента подписания в 1951 году Парижского договора об учреждении Европейского объединения угля и стали и в 1957 году Римских договоров о создании Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии Федеративная Республика Германия (ФРГ) выступала основным двигателем европейских интеграционных процессов.

Являясь наряду с Францией одной из ведущих экономик европейского континента, ФРГ на протяжении долгого времени входит в число наиболее активных инициаторов сотрудничества между Европой и странами Азии и Востока. И если ранее основными участниками кооперации выступали страны-участницы Европейских сообществ и их объединения (группы), то, начиная с последней четверти XX века, особое место в европейском политическом пространстве начинают играть регионы — административные единицы государств-членов ЕЭС (земли, регионы, автономные сообщества, области и т. д.). Изучение внешнеполитической и международной деятельности германских федеральных земель (Bundesländer) интересно не только по причине экономического и промышленного лидерства ФРГ: земли активно продвигают производимую на их территории продукцию за рубежом, в том числе в восточных странах. Особый интерес вызывает соотношение полномочий в связке «центр — регионы» в Германии с точки зрения установления внешнеэкономических и внешнеполитических связей, поскольку ФРГ является одним из трех федеративных государств ЕС и одним из шести федеративных стран Европы: в унитарных европейских государствах (Франции, Италии, Испании, Португалии и других) данные отношения регулируются предоставлением или непредоставлением регионам автономии и / или отдельных полномочий «сверху» (от центра), тогда как в федеративных государствах система функционирует иначе, что может отражаться и на

самостоятельной региональной активности в установлении внешних связей [Муслимова и др., 2024; Нестеров и др., 2024].

Данная статья нацелена на рассмотрение основ и особенностей формирования и развития трансрегиональных связей германских земель со странами и регионами Востока.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологию исследования составили принципы историзма, объективности и всесторонности, позволившие изучить эволюцию феномена трансрегионального сотрудничества в проблемно-хронологическом ключе. Историко-системный и историко-сравнительный подходы были задействованы, исходя из необходимости выделения стратегий и форматов взаимодействия территорий. Понятие региона было концептуализировано с опорой на пространственный подход: как территориальное, функциональное и политическое пространство, продукт изменений общественной жизни в структурном международно-политическом и экономическом пространстве. Преимущественно были изучены единицы самого верхнего уровня административно-территориального деления ФРГ — федеральные земли.

В ходе исследования также задействованы теоретические основы федерализма, необходимые для интерпретации связей и процессов в отношениях германского центра и регионов.

Источниковая база включала национальное законодательство ФРГ, материалы местных и региональных органов власти, общественных и иных структур.

Основные хронологические рамки исследования ограничены периодом с 80-х годов XX века по XXI век, однако для более полного изучения вопроса были рассмотрены и более ранние события.

Переходя к историографии вопроса, стоит отметить, что хотя федеральные земли Германии активно участвуют во внешней политике в рамках ЕС, их взаимодействие с регионами неевропейских стран пока не изучены подробно. Нормативные аспекты международной деятельности федеральных земель, в частности нововведения в германское законодательство, вызванные принятием ключевых европейских документов, подробно освещены в работе А. В. Клёмина [Клёмин, 2001]. Т. В. Зонова, А. Эпплер, М. Гроссе Хюттманн и К. Роуви обращают внимание на внутриевропейское межрегиональное взаимодействие, анализируя деятельность Баден-Вюртемберга, Саксонии и Баварии [Зонова, 1999; Erpler et al., 2022]. Некоторые примеры сотрудничества земель ФРГ с восточными партнерами рассмотрены в работах Дж. Виманна, Дж. Сизилской-Кликовской, Ли Хэнчуаня, М. Крауса и Х. Магера. В частности, рассматривается кооперация Гессена с некото-

рыми регионами Китая (в основном в экономической сфере), связи между Северным Рейном-Вестфалией и китайской провинцией Хубэй, Баварией и провинцией Шаньдун [Wiemann, 2008; Ciesielska-Klikowska, 2021; 李恒川, 1998; Kraus et al., 2016]. Таким образом, стоит отметить, что исследование взаимодействия федеральных земель Германии со странами и регионами Востока в XX—XXI веках решает перспективную научную задачу, заполняя имеющийся в научном дискурсе пробел в изучении данного вопроса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Основы международной и внешнеполитической деятельности федеральных земель Германии

Федеративное устройство Германии предполагает особое соотношение полномочий и компетенций в центрлокальных взаимоотношениях. Административно-территориальное деление ФРГ включает шестнадцать федеральных земель, соответствующих региональным единицам второго уровня по классификации ЕС.

Правовые основы международной деятельности германских федеральных земель во внутреннем законодательстве заложены на трех уровнях: в Основном законе для Федеративной Республики Германия (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland), принятом в 1949 году, уточняющих нормативных правовых актах и соглашениях между федеральным центром и землями.

Основной закон ФРГ (статья 32) гласит, что поддержание отношений с иностранными государствами находится в ведении Федерации. В то же время в этой статье зафиксировано право федеральных земель заключать договоры с иностранными государствами, но предварительно вопрос о договорах земель должен быть одобрен Бундесратом [Grundgesetz...], а также согласован с федеральным правительством.

Конфликт интересов между федерацией и землями было решено урегулировать Линдауским соглашением 1957 года, официально известным как «Соглашение между федеральным правительством и государственными канцеляриями земель о праве Федерации на заключение договоров» (Lindauer Abkommen), которое установило четкий порядок взаимодействия между федеральным центром и землями. Суть соглашения сводится к тому, что федеральные земли могут при определенных условиях признавать действие федеральных договоров на своих территориях, относительно которых может возникнуть сомнение в том, подпадают ли они под исключительную нормотворческую функцию самих федеральных земель. Для договоров, которые, по мнению федеральных земель, затрагивают их исключительную компетенцию и права, но не подпадают под только что описанную федеральную компетенцию, соглашение предусматривает

особую процедуру, регулируемую пунктом 3: если договорное обязательство заключенного федерацией международного договора касается федеральных земель, то необходимо получить согласие земель, причем данное согласие должно предшествовать наступлению юридической силы таких договоров на территории той или иной федеральной земли. В случае появления договоров, заключенных Федерацией, затрагивающих существенные интересы земель — независимо от того, относятся они к исключительной компетенции федеральных земель или нет, — земли должны быть проинформированы о предполагаемом заключении таких договоров как можно раньше, чтобы они могли своевременно заявить о своих интересах [Völkerrech, 2015, с. 146]. Для этих целей в рамках Линдауского соглашения была достигнута договоренность о создании постоянного органа из представителей земель, осуществляющего консультативно-переговорную функцию в Министерстве иностранных дел и других федеральных органах государственной власти Германии, принимающих участие в заключении международных договоров [Lindauer Abkommen...]. При этом статус Линдауского соглашения окончательно не установлен; Федеральный конституционный суд Германии определил его как договорное соглашение конституционного характера, заключённое между землями [Ausarbeitung...].

Таким образом, как подчеркивает граф В. Витцтум, земли могут заключать договоры с другими субъектами международного права, если их предмет регулирования не относится к исключительной законодательной компетенции Федерации. В результате в ведении земель остаются полномочия по заключению договоров, прежде всего в области политики по муниципальным вопросам, вопросам культуры, спорта и полиции [Völkerrech, 2015, с. 145—146]. Если предметом договора, заключаемого землей, является вступление в международную организацию, такие договоры рассматриваются как особая категория, находящаяся в ведении федерального центра, так как понятие международной организации включает в себя различные структуры [Völkerrech, 2015, с. 145—146]. Исключением являются случаи установления трансграничного партнерства — как обозначено в статье 24 «приграничных образований сопредельных государств» — но и здесь согласие федерального правительства является необходимой предпосылкой для вступления акта в силу [Grundgesetz ...].

Помимо статьи 32 в Основном законе существует ряд других статей, регулирующих распределение внешних полномочий между федеральными землями и центром, например, статья 73 об исключительном законодательстве в области иностранных дел, статья 24, включающая абзацы о федеральных полномочиях по передаче суверенных прав межправительственным организациям, присоединении к системам коллективной безопасно-

сти и международном арбитраже, статья 59 во взаимосвязи со статьей 58 по международному представительству Федеративной Республики Федеральным президентом, статья 73 (исключительное законодательство в области свободного передвижения, паспортов, иммиграции и эмиграции, а также выдачи; исключительное законодательство в области таможи, торговли, судоходства, торговли, охраны границ), статья 87 (руководство дипломатической службой), статья 26 абзац 2 (контроль за военным оружием и экспортом вооружений), статья 115а абзац 5 (заявления федерального президента о случае обороны), статья 115 абзац 3 (заключение мира федеральным законом) [Grundgesetz ...]. Системный анализ обозначенных статей Основного закона ФРГ позволяет сделать вывод о том, что изначально приоритет осуществления всех полномочий в Германии предоставлен именно федеральным землям, а деятельность федерального центра должна осуществляться на основании либо отдельных уточняющих законов о разграничении полномочий, либо положений, содержащихся в Основном законе, и в случае отсутствия документально закрепленных полномочий все компетенции по осуществлению той или иной деятельности принадлежат непосредственно землям. В случае наличия разграничений и уточнений в законодательстве земли исполняют на своем уровне вышестоящие нормативные правовые акты. Основным представителем интересов земель на федеральном уровне выступает Бундесрат.

Отдельное внимание в Основном законе Германии уделяется главному направлению международной деятельности как Федерации, так и федеральных земель — европейской политике, то есть взаимоотношениям в рамках Европейского союза. Европейская политика федеральных земель регламентирована «европейской» статьей 23, в соответствии с которой для учета интересов земель используется конституционный механизм, согласно которому Бундесрат имеет возможность при участии в интеграционном процессе влиять на волеобразование на федеральном уровне с той степенью интенсивности, с которой затрагиваются интересы земель [Völkerrech, 2015, с. 148—149].

Федеральные земли Германии взаимодействуют с Европейским союзом через Бундесрат. Если в рамках европейской политики затрагиваются интересы конкретной земли, федеральное правительство обязано незамедлительно информировать об этом Бундесрат. Представители земель также участвуют во всех органах ЕС. Реформа 2006 года внесла изменения в статью 23 Основного закона ФРГ: теперь представители земель могут вести переговоры в Совете ЕС только в том случае, если это касается школьного образования, культуры и радиовещания. После ратификации Лиссабонского договора 2007 года (Консолидированный Договор о Европейском союзе) в 2009 году земли смогли добиться расширения своих прав контроля над

законодательными актами ЕС. Так, Бундесрат, наряду с Бундестагом и федеральным правительством, может подавать иски о субсидиарности, если земли подозревают нарушение принципа субсидиарности [Chardon, 2005].

Подводя итог, стоит отметить, что система разграничения полномочий в области ведения международной и внешнеполитической деятельности между землями и центром в ФРГ является гораздо более сложной, нежели аналогичные системы унитарных государств. Несмотря на то, что исследователями отмечается продолжающееся ограничение изначально закрепленной в Основном законе роли земель (в соотношении с полномочиями федерации), тогда как в некоторых унитарных государствах (Испании, Италии) присутствует тенденция расширения региональной автономии, регионы Германии имеют широкие возможности представления своих интересов на международном уровне.

3.2. Институциональная поддержка региональных зарубежных инициатив в ФРГ

Федеративная Республика Германия как явный экономический и политический лидер Европейского союза на протяжении многих лет инициировала различные проекты по продвижению экономических интересов за рубежом.

Институционально сотрудничество между федеральными землями и восточными странами поддерживается посредством Программы германского правительства и федеральных земель (Bund-Länder-Programm, BLP). Также в нем задействованы и органы исполнительной и законодательной власти. Бундесрат, условно называемый верхней палатой парламента Германии (Бундестага), играет важную роль в установлении трансграничных контактов. Делегаты, представляющие позиции всех шестнадцати земель, имеют возможность высказать свое мнение в ходе слушаний и повлиять на стратегии сотрудничества. Федеральное министерство иностранных дел и Бундестаг проводят мониторинг реализации трансрегиональной политики. Так, например, в докладе Бундестага о политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе упоминаются города Китая (Пекин, Шанхай и Нанкин) и Вьетнама (Хошимин) как места организации сельскохозяйственных выставок и центров компетенции, имеющих решающее значение для импорта немецких продуктов питания и соответствующих технологий из Германии [Fortschrittsbericht zur Umsetzung...].

Помимо содействия органов власти, федеральные земли могут также получить поддержку в установлении трансрегиональных связей от государственных экономических структур. В 1948 году в Германии была создана государственная банковская система, которая позволяет реализовать различные проекты во многих партнерских странах — банк «Kreditanstalt

für Wiederaufbau» (KfW). В дальнейшем банк превратился в полноценный институт поддержки международного сотрудничества. Федеральное правительство Германии владеет 80 % акций данного банка, 20 % акций принадлежат федеральным землям Германии [KfW Development Bank]. Банк позиционирует себя как финансовая система и институт, который предоставляет финансирование, а также консалтинговые услуги для развивающихся стран и стран с формирующейся экономикой. Помимо офисов банка во Франкфурте, Берлине и Брюсселе, также имеются зарубежные представительства примерно в семидесяти странах, десять из них расположены на Ближнем Востоке (в Марокко, Египте, Ираке и других странах), тринадцать — в отдаленных восточных странах (Китае, Вьетнаме, Индонезии и т. д.).

Многие проекты были реализованы банком совместно с Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития Германии (Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung, BMZ) в странах и отдельных регионах Востока. В частности, можно отметить несколько инициатив, предпринятых на территории Китая. Помимо экологических и природопользовательских проектов (как, например, проект в Пекине и провинции Хэбэй, направленный на функциональное улучшение водосборных площадей в дренажном бассейне Миуньского водохранилища (наиболее важного водосборного района Пекина)), осуществлялись и гуманитарные программы. В период с 2007 по 2014 годы действовала программа сокращения нищеты в сельских районах проживания этнических меньшинств в западных провинциях Юньнань, Хунань, Синьцзян и Цинхай. В 2006—2014 годах был реализован проект по сокращению бедности в Кашгарском регионе Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики, общее финансирование составило 13,4 млн евро. Проект был нацелен на осуществление мер по повышению производительности сельского хозяйства и более эффективному использованию водных ресурсов [Poverty Alleviation Xinjiang]. В общей сложности в странах Востока банк реализовал более сорока проектов общей стоимостью 749 миллионов евро [Our way of working].

Помимо банковских структур в Германии имеется мощная многоуровневая система торгово-промышленных палат, которые играют важную роль в развитии экономической и политической сферы страны. Существует центральная Немецкая торгово-промышленная палата (Deutscher Industrie- und Handelskammertag, DIHK), контролирующая деятельность семидесяти девяти местных торгово-промышленных палат ИНК, а также зарубежные палаты АНК (Auslandshandelskammern) в девяноста трех странах мира.

Тесная связь между DIHK, ИНКs и АНКs создает синергию и позволяет эффективно использовать экономические и производственные ресурсы. Ре-

гиональная сеть ИНК в Германии предоставляет компаниям из всех секторов быстрый и легкий доступ к услугам, предлагаемым АНК, делегациям и представительствам немецкой экономики. Деятельность АНК варьируется от индивидуальных консультаций до анализа рынка и установления деловых контактов. Внешнеторговые палаты за рубежом регулярно организуют торговые ярмарки, конференции и поездки делегаций для содействия обмену между компаниями. Также предлагаются индивидуальные программы дальнейшего обучения, позволяющие расширить специальные знания и оптимально подготовить сотрудников немецких компаний к работе на международных рынках.

Примером работы внешнеторговых палат Германии в странах Востока является их деятельность в Китае и Индии.

Первое представительство АНК в Китае было открыто в 1981 году в Тайбэе (Тайвань, Китайская Республика), далее появились 3 местных отделения в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу, а затем в Тяньцзине, Шэньяне, Шэньчжэне и Чэнду. В 2022 году палата отметила 50-летие установления дипломатических отношений между КНР и ФРГ и 25-летие открытия офиса АНК в Пекине. К юбилейным мероприятиям был приурочен визит в КНР федерального канцлера Олафа Шольца 4 ноября 2022 года, а также китайско-германский экономический диалог, в котором приняли участие более 300 человек. Для китайских компаний палатой реализуется Программа «Друзья немецкой палаты», которая дает китайским компаниям возможность налаживать связи с немецким бизнес-сообществом и изучать новые возможности сотрудничества. Для немецких компаний создана Программа по связям с правительством. При поддержке палаты был реализован ряд торговых, инновационных и инвестиционных проектов. Так, можно отметить производственный парк в Тайцане, городе-спутнике Шанхая. С момента основания здесь первой немецкой компании «Керн-Либерс» (Kern-Liebers) в 1993 году Тайцан стал одним из наиболее привлекательных районов для немецких компаний. В настоящее время в Тайцане расположены более 387 немецких компаний, в том числе «Шэффлер» (Schaeffler), «Триумф» (Trumpf), «Брозе» (Brose) и другие. 90 % из них успешно расширили свои производственные мощности, многие решили открыть в Китае штаб-квартиру либо центр исследований и разработок [АНК Greater China].

Немецко-индийская торговая палата (АНК India) была основана в 1956 году. Сейчас на территории Индии действуют шесть офисов палаты (в Мумбаи, Нью-Дели, Бангалоре, Ченнаи, Калькутте и Пуне) и работают порядка двух тысяч немецких компаний в сегментах машиностроения, машиностроительных товаров, пластмасс, сельскохозяйственных товаров, химической продукции и фармацевтики. Около ста пятидесяти компаний ведут бизнес в Бенгалии и других частях восточной Индии. Палатой регу-

лярно проводятся индо-германские деловые встречи (IGBM), проходящие в Мумбаи и Пуне [Indo-German Chamber of Commerce].

Кроме того, федеральные земли Германии и немецкие компании могут использовать для ведения международной деятельности и институты публичной дипломатии. К таким ресурсам относятся Германская служба академических обменов (DAAD), а также Институт Гёте (Goethe-Institut). К примеру, сотрудничество земли Шлезвиг-Гольштейн с Индонезией и Китаем в области высшего образования происходит через программу DAAD [Schleswig-Holstein].

Особое место среди инструментов регионального сотрудничества в Германии занимают международные отраслевые выставки. Основные задачи по поддержке выставочной и ярмарочной деятельности в Германии и за рубежом выполняет Ассоциация немецкой выставочной индустрии (AUMA). Немецкие организаторы выставок, входящие в состав AUMA, организуют около 300 собственных выставок каждый год, прежде всего в важных зарубежных регионах, таких как Азия, Северная и Южная Америка, Восточная Европа. С момента основания программы внешнеторговых ярмарок в 1949 году AUMA активно поддерживается Министерством экономики и финансов Германии. Одной из ведущих немецких компаний-организаторов промышленных выставок является «Мессе Франкфурт» (Messe Frankfurt), имеющая филиалы более чем в ста пятидесяти странах мира. Международное торговое партнерство Франкфурта началось весной 1922 года, когда Генуэзская экономическая и финансовая конференция ознаменовала возвращение Германии на мировой рынок после окончания Первой мировой войны. На начальном этапе в каталоге Международной Франкфуртской ярмарки были указаны международные партнеры по продажам в двадцати пяти странах, большинство из которых были расположены в Европе, например, в Италии и Швейцарии. В течение следующих пяти лет были добавлены еще одиннадцать международных торговых партнеров, включая офис в Индии. В течение 40 лет после окончания Второй мировой войны «Мессе Франкфурт» продолжала расширяться, достигнув двух важных вех: первой торговой ярмарки за пределами Германии — «Интерштофф Азия» (Interstoff Asia) в Гонконге в 1987 году — и открытия своего первого зарубежного филиала в Токио в 1990 году. Успешная бизнес-модель «Мессе Франкфурт» особенно очевидна в Азии: компания проводит более 50 мероприятий и является крупнейшим организатором выставок в Китае. Кроме того, «Мессе Франкфурт» является крупнейшим организатором выставок в Индии, где на ее счету более 20 мероприятий [Messe Frankfurt...].

Таким образом, институциональная база внешнеполитической и международной деятельности регионов Германии включает уникальную систему

государственных публичных и частных структур. Специфика институтов, через которые реализуется дипломатия и сотрудничество, обусловлена структурой экономики ФРГ, основанной на разработках, технологиях и производстве, а сеть зарубежных их представительств распространяется на большинство стран Востока, включая таких лидеров, как Индия и Китай.

3.3. Трансрегиональное сотрудничество земель ФРГ со странами и регионами Востока

Среди стран-партнеров германских земель на Востоке — как ближневосточные государства (Турция, Египет, Израиль, Объединенные Арабские Эмираты и другие страны), так и отдаленные восточные территории (Япония, Китай, Индия, Индонезия и т. д.). Региональные органы власти германских земель высоко заинтересованы в развитии внешней торговли и оказывают содействие местным компаниям в продвижении производимой продукции на рынки стран-партнеров.

В первую очередь стоит отметить наиболее развитые в экономическом и внешнеторговом плане земли — Баварию, Саксонию и Гамбург.

В Баварии вопросами международного сотрудничества наряду с региональным Министерством экономических вопросов, регионального развития и энергии занимаются агентства «Инвестируй в Баварию» (Invest in Bavaria) и «Байерн Интернешнл» (Bayern International). Также регион располагает системой зарубежных представительств, расположенных, в частности, в Турции, Израиле, Саудовской Аравии, Египте, ОАЭ. Агентство «Инвестируй в Баварию» было создано в 1999 году с целью предоставления компаниям всего необходимого спектра услуг по ведению бизнеса в регионе. Агентство специализируется на помощи компаниям в различных областях промышленности: от электроники и электротехники до медицинских технологий. В последние годы популярностью пользуются междисциплинарные разработки, например, объединяющие автомобилестроение и искусственный интеллект. Примером может служить сотрудничество «БМВ Групп» (BMW Group) с компанией «Интел» (Intel) и ее израильским подразделением «Мобилай» (Mobileye) в разработке систем искусственного интеллекта для беспилотных автомобилей.

Агентство «Байерн Интернешнл» нацелено на продвижение экспорта баварского среднего и малого бизнеса на различные зарубежные рынки. Основные инструменты здесь — это организация участия баварских компаний в международных промышленных выставках и ведение базы данных «Ключ к Баварии», предоставляющей информацию о местных экспортно-ориентированных предприятиях и научно-исследовательских институтах, заинтересованных в международном партнерстве. По данным платформы, из 34 000 компаний и научно-исследовательских организаций 642 заявля-

ют в качестве ключевого экспортера Турцию, 465 — ОАЭ, 398 — Израиль, 330 — Саудовскую Аравию, 264 — Египет, 165 — Катар. Конечно, данные показатели гораздо ниже в сравнении с количеством компаний, ведущих бизнес с европейскими партнерами. Так, например, число предприятий, предпочитающих в качестве основного рынка сбыта Италию, — 1804 компании [Key to Bavaria...]. Тем не менее партнерство с восточными государствами играет для региона немаловажную роль.

Среди регионов-партнеров Баварии — китайские провинции Шаньдун и Гуандун, индийский штат Карнатака. Зарубежные представительства земли расположены в Китае (здесь присутствуют три представительства — в Чэнду, Циндао, Шэньчжэне), Египте, Индии, Израиле, Саудовской Аравии, ОАЭ, Вьетнаме, Японии. Что касается сотрудничества с последней, в качестве примера можно привести подписание в 2022 году Меморандума о взаимопонимании между агентством «Инвестируй в Баварию» и японским Международным институтом перспективных телекоммуникационных разработок, закрепившее долгосрочное партнерство между институтом и немецкими компаниями.

Восток стал значимым пространством для формирования трансрегиональных партнерств и для Гамбурга. Второй по величине город Германии и крупный транспортный и торговый центр в 1986 году заключил формальное соглашение с Шанхаем, которое затем в 2009 году было подтверждено Меморандумом о сотрудничестве в рамках инициативы «ЧайнаТайм 2008» (ChinaTime 2008). Документы формализовали сотрудничество двух портов, поддерживаемое на протяжении практически ста пятидесяти лет. Такое партнерство можно вполне считать межрегиональным, поскольку Гамбург имеет статус федеральной земли Германии, а Шанхай является одним из четырех городов центрального подчинения в КНР. Гамбург и Шанхай имеют много общего, сотрудничество между ними охватывает широкий спектр тем: от экономики до образования и науки, туризма, культуры и городского брендинга [Hamburg (Germany) and Shanghai].

В десятку крупнейших торговых партнеров порта Гамбурга, помимо Китая, занимающего первое место, входят также Индия и Сингапур. Представительство Гамбурга в Мумбаи в 2023 году отметило значительный всплеск интереса к закупкам из Индии. Уже пятьдесят пять гамбургских компаний, в том числе «Гапаг-Ллойд» (Hapag-Lloyd) и «Люфтганза Техник» (Lufthansa Technik), обосновались в Индии, и все больше компаний открывают здесь центры исследований и разработок [Hamburg: India...].

Кроме того, в 2005 году Сенат Гамбурга учредил фонд «Мост в Азию» (Hamburg Asia-Bridge Foundation) для поддержки проектов в области устойчивого развития в восточных странах. Так, были реализованы обра-

зовательные и экологические проекты в Шри-Ланке, Афганистане и других странах [Hamburg Foundation...].

Саксония поддерживает связи с двумя индийскими штатами: Керала и Тамилнаду. С последней федеральная земля заключила совместную декларацию о намерениях для продвижения академического и технологического обмена и сотрудничества в таких областях, как микроэлектроника, материаловедение и смежные отрасли [Saxony and the Indian state...]. Ключевыми партнерами здесь выступают Технологический университет Дрездена и Технологический институт Мадраса.

Северный Рейн-Вестфалия поддерживает проекты, связанные с улучшением условий жизни в ближневосточных странах. Так, канцелярия земельного правительства оказывала поддержку гуманитарной программе для молодежи из стран Ближнего Востока, предоставлявшей возможность получить степень магистра европейских исследований. В 2021 году правительство земли инициировало пилотный проект совместно с Египтом и Иорданией для тестирования новых процедур и механизмов, предусмотренных Актом о квалифицированных иммигрантах (Skilled Immigration Act) [Middle East and South...].

Программы профессиональной подготовки в рамках партнерства с глобальным югом поддерживает и федеральная земля Саксония-Анхальт. На протяжении нескольких лет компании, работающие в сфере гостеприимства и кейтеринга, осуществляли совместные с вьетнамскими партнерами обучающие программы для персонала. Вьетнам поддерживает связи и с федеральной землей Гессен: Университет Дармштадта внес вклад в развитие вьетнамской системы здравоохранения, разработав систему раннего предупреждения для обнаружения вирусов в сточных водах (проект софинансировался федеральным Министерством экономического сотрудничества и развития). Еще одним примером трансрегионального сотрудничества можно считать совместный Вьетнамско-Германский университет, открытие микробиологической лаборатории здесь также финансировал Гессен.

В 2015 году в Ханое был открыт Вьетнамско-Германский центр клинических исследований (VG-EXCEL). Его строительство поддерживало еще одно научно-исследовательское учреждение ФРГ — Тюбингский университет имени Эберхарда и Карла, расположенный в Баден-Вюртемберге.

Помимо совместных с восточными странами и регионами инициатив, в которых участвуют германские федеральные земли, существуют и прецеденты локального сотрудничества, где в качестве участников выступают города и муниципалитеты. Например, в 1982 году немецкий Дуйсбург и китайский Ухань официально стали городами-побратимами. К 2011 году насчитывалось уже шестьдесят четыре соглашения о побратимстве меж-

ду городами ФРГ и КНР. Коммерческий и образовательный центр Вьетнама — город Да Нанг — заключил меморандум о взаимопонимании по установлению сотрудничества в области развития человеческих ресурсов, инвестиций, торговли, науки, инноваций и культурного обмена с федеральной землей Тюрингия.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно отметить, что международная и внешнеполитическая деятельность германских федеральных земель регулируется Основным законом для Федеративной Республики Германия, а также отдельными подзаконными актами. Федеральные земли могут заключать договоры с иностранными государствами с согласия федерального правительства, если предмет их регулирования не относится к исключительной законодательной компетенции Федерации. Отдельными статьями Основного закона регулируется соотношение полномочий между федеральными землями и федерацией в сфере международной деятельности. Такая система ожидаемо представляется более сложной по сравнению с отношениями центра и регионов в унитарных государствах, однако в отличие от последних в ФРГ есть тенденция к ограничению полномочий земель, в том числе и в сфере внешнеполитического взаимодействия.

Институциональная база построения трансграничного взаимодействия отдельных административных единиц ФРГ с зарубежными партнерами представляет собой комплекс государственных и частных структур, отдельное место в котором занимают государственный банк «Kreditanstalt für Wiederaufbau», структура торгово-промышленных палат и международные отраслевые выставки.

На примере партнерских проектов, реализуемых федеральными землями Германии совместно с регионами и странами Востока, можно видеть весь спектр отраслей трансрегионального сотрудничества. Большую долю здесь занимает экономическая и торговая кооперация, в первую очередь она ведется наиболее развитыми в экономическом плане землями. Среди основных партнеров — Китай, Индия, страны Ближнего Востока. Здесь можно отметить, что сотрудничество строится как горизонтально — на уровне «регион — регион», так и асимметрично — «регион — страна» и «регион — локальный участник». К локальным участникам можно отнести отдельные компании, предприятия, фонды и другие учреждения. Горизонтальное партнерство «регион — регион» реализуется с КНР (существует девятнадцать формализованных партнерств между германскими землями и провинциями Китая), Индией. Сотрудничество в сфере обмена технологиями и научных разработок строится по типу сетевого партнер-

ства — между исследовательскими учреждениями ФРГ и заинтересованными в обмене восточными партнерами, как, например, в случае Вьетнама или Индии. Проекты в области устойчивого развития, гуманитарного сотрудничества реализуются федеральными землями в странах, испытывающих определенные проблемы в этих отраслях. В этой ситуации в отношениях «регион — страна» главенствующую роль берет на себя федеральная земля, поскольку именно она располагает большими ресурсам и опытом. Присутствует и сотрудничество на локальном уровне. Соответственно, основой долгосрочных взаимовыгодных отношений между регионами Германии и восточными территориями остаются не только торгово-экономические, но и научно-технологические, культурные и гуманитарные связи.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *AHK Greater China* [Electronic resource]. — Access mode : <https://china.ahk.de/> (accessed 01.09.2024).
2. *Ausarbeitung* des wissenschaftlichen Dienstes des Bundestages, WD 3 // Was ist das Lindauer Abkommen? [Electronic resource]. — Access mode : <https://akademie-kraatz.de/de/was-ist-das-lindauer-abkommen.htm> (accessed 02.09.2024).
3. *Fortschrittsbericht* zur Umsetzung der Leitlinien der Bundesregierung zum Indo-Pazifik [Electronic resource]. — Access mode : <https://dservet.bundestag.de/btd/20/034/2003431.pdf> (accessed 01.09.2024).
4. *Grundgesetz* für die Bundesrepublik Deutschland. Stand : Zuletzt geändert durch Art. 1 G v. 19.12.2022 I 2478 / Ein Service des Bundesministeriums der Justiz sowie des Bundesamts für Justiz [Electronic resource]. — Access mode : www.gesetze-im-internet.de (accessed 02.09.2024).
5. *Hamburg* (Germany) and Shanghai [Electronic resource]. — Access mode : https://www.citego.org/bdf_fiche-document-1309_en.html (accessed 01.09.2024).
6. *Hamburg Foundation Asia Bridge* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.stiftung-asienbruecke.de/AKTUELLE-PROJEKTE/ABGESCHLOSSENE-PROJEKTE/> (accessed 01.09.2024).
7. *Hamburg* : India is Stepping Out of the Shadows [Electronic resource]. — Access mode : <https://indien.ahk.de/news/news-details/india-is-stepping-out-of-the-shadows> (accessed 01.09.2024).
8. *Indo-German Chamber of Commerce* [Electronic resource]. — Access mode : <https://indien.ahk.de/services/marketing> (accessed 01.09.2024).
9. *Key to Bavaria* — the foreign trade database [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.messefrankfurt.com/frankfurt/en/press/press-releases/2022/100th-anniversary-sales-partner-network.html> (accessed 01.09.2024).

10. *KfW* Development Bank [Electronic resource]. — Access mode : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 01.05.2024).
11. *Lindauer* Abkommen (Text) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.lexexakt.de/index.php/glossar/lindauerabkommentxt.php> (accessed 02.09.2024).
12. *Messe* Frankfurt celebrates the 100th anniversary of its international sales partner network [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.messefrankfurt.com/frankfurt/en/press/press-releases/2022/100th-anniversary-sales-partner-network.html> (accessed 01.09.2024).
13. *Middle East and South Africa — North Rhine-Westphalia (Engagement)* [Electronic resource]. — Access mode : <https://ez-der-laender.de/bundesland/nordrhein-westfalen/partnerschaft/naher-osten-und-suedafrika-nordrhein-westfalen> (accessed 01.09.2024).
14. *Our way of working* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.kfw-entwicklungsbank.de/International-financing/KfW-Development-Bank/Tasks-and-goals/Unsere-Arbeitsweise/> (accessed 01.09.2024).
15. *Poverty* Alleviation Xinjiang [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.kfw-entwicklungsbank.de/Evaluierungsbericht/Evaluierungen/Armutsminderung-Xinjiang/Poverty-Alleviation-Xinjiang-2.html?redirect=654048> (accessed 01.09.2024).
16. *Saxony* and the Indian state of Tamil Nadu agree on scientific and technological cooperation [Electronic resource]. — Access mode : https://tu-dresden.de/ing/maschinenwesen/ilk/das-institut/international/news/sachsen-und-indischer-bundesstaat-tamil-nadu-verstaendigen-sich-auf-wissenschaftliche-und-technologische-zusammenarbeit?set_language=en (accessed 01.09.2024).
17. *Schleswig-Holstein* [Electronic resource]. — Access mode : <https://ez-der-laender.de/bundesland/schleswig-holstein> (accessed 01.09.2024).

Литература

1. *Зонова Т. В.* От Европы государств к Европе регионов / Т. В. Зонова // Полис. — 1999. — № 5. — С. 155—164.
2. *Клёмин А. В.* Регионы в ЕС : права на участие / А. В. Клёмин // Московский журнал международного права. — 2001. — № 2. — С. 209—239. — DOI: 10.24833/0869-0049-2001-2-209-239.
3. *Ли Хэнчуань.* Дружеское сотрудничество между Шаньдунем и Бачжоу — требование времени / Ли Хэнчуань // Going to the World. — 1998. — № 1. — С. 32—33. [李恒川 山东与巴州的友好合作是时代的要求 / 李恒川 // 走向世界. — 1998. — 1号. — 第32-33页].
4. *Муслимова Е. О.* Территориальные сообщества Франции в системе международного сотрудничества со странами и регионами Востока (XX—XXI вв.) / Е. О. Муслимова, А. Г. Нестеров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 4. — С. 464—482. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-4-464-482.
5. *Нестеров А. Г.* Регионы Италии в контексте итальянско-китайских отношений в XXI веке / А. Г. Нестеров, Е. О. Муслимова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 7. — С. 471—485. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-471-485.
6. *Ciesielska-Klikowska J.* Cooperation of German cities with Chinese partners and its importance for Germany's foreign policy / J. Ciesielska-Klikowska // Sprawy Międzynarodowe. — 2021. — No 74. — Pp. 115-147. — DOI: 10.35757/SM.2021.74.1.06.
7. *Eppler A.* More cooperation than conflict despite no 'Third Level'? Understanding the dynamics of paradiplomacy towards the EU in Bavaria and Baden-Württemberg / A. Eppler, M. Große Hüttmann, C. Rowe // Territory, Politics, Governance. — 2024. — № 7. — Pp. 1—20. — DOI: 10.1080/21622671.2024.2369111.

8. Kraus M. Promoting rural development through land consolidation and village innovation : A review and prospect of relevant Sino-German cooperation / M. Kraus, H. Mager // *China Land*. — 2016. — № 05. — Pp. 8—13. — DOI: 10.13816/j.cnki.cn11-1351/f.2016.05.003.
9. *Völkerrecht* / Вольфганг Граф Витцтум [и др.] ; пер с нем., 2-е изд. / [В. Бергманн, сост.]. — Москва : Инфографик Медиа, 2015. — 1072 с.
10. *Wiemann J. Neuausrichtung der Entwicklungspolitik der Bundesländer vor dem Hintergrund der veränderten internationalen Rahmenbedingungen* / J. Wiemann. — Bonn : DIE, 2008. — 55 p — ISBN 978-3-88985-408-7.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 15.10.2024.*

Material resources

- AHK Greater China*. Available at: <https://china.ahk.de/> (accessed 01.09.2024).
- Ausarbeitung des wissenschaftlichen Dienstes des Bundestages, WD 3. *Was ist das Lindauer Abkommen?* Available at: <https://akademie-kraatz.de/de/was-ist-das-lindauer-abkommen.htm> (accessed 02.09.2024). (In Germ.).
- Fortschrittsbericht zur Umsetzung der Leitlinien der Bundesregierung zum Indo-Pazifik. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/034/2003431.pdf> (accessed 01.09.2024). (In Germ.).
- Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Stand: Zuletzt geändert durch Art. 1 G v. 19.12.2022 12478 / Ein Service des Bundesministeriums der Justiz sowie des Bundesamts für Justiz*. Available at: www.gesetze-im-internet.de (accessed 02.09.2024). (In Germ.).
- Hamburg (Germany) and Shanghai*. Available at: https://www.citego.org/bdf_fiche-document-1309_en.html (accessed 01.09.2024).
- Hamburg Foundation Asia Bridge*. Available at: <https://www.stiftung-asienbruecke.de/AKTUELLE-PROJEKTE/ABGESCHLOSSENE-PROJEKTE/> (accessed 01.09.2024).
- Hamburg: India is Stepping Out of the Shadows. Available at: <https://indien.ahk.de/news/news-details/india-is-stepping-out-of-the-shadows> (accessed 01.09.2024).
- Indo-German Chamber of Commerce*. Available at: <https://indien.ahk.de/services/marketing> (accessed 01.09.2024).
- Key to Bavaria — the foreign trade database*. Available at: <https://www.messefrankfurt.com/frankfurt/en/press/press-releases/2022/100th-anniversary-sales-partner-network.html> (accessed 01.09.2024).
- KfW Development Bank. [Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11992M/TXT> (accessed 01.05.2024).
- Lindauer Abkommen (Text). Available at: <https://www.lexexakt.de/index.php/glossar/lindauerabkommtext.php> (accessed 02.09.2024). (In Germ.).
- Messe Frankfurt celebrates the 100th anniversary of its international sales partner network*. Available at: <https://www.messefrankfurt.com/frankfurt/en/press/press-releases/2022/100th-anniversary-sales-partner-network.html> (accessed 01.09.2024).
- Middle East and South Africa — North Rhine-Westphalia (Engagement)*. Available at: <https://ez-der-laender.de/bundesland/nordrhein-westfalen/partnerschaft/naher-osten-und-suedafrika-nordrhein-westfalen> (accessed 01.09.2024).
- Our way of working*. Available at: <https://www.kfw-entwicklungsbank.de/International-financing/KfW-Development-Bank/Tasks-and-goals/Unsere-Arbeitsweise/> (accessed 01.09.2024).

Poverty Alleviation Xinjiang. Available at: <https://www.kfw-entwicklungsbank.de/Evaluierungsbericht/Evaluierungen/Armutsminderung-Xinjiang/Poverty-Alleviation-Xinjiang-2.html?redirect=654048> (accessed 01.09.2024).

Saxony and the Indian state of Tamil Nadu agree on scientific and technological cooperation. Available at: https://tu-dresden.de/ing/maschinenwesen/ilk/das-institut/international/news/sachsen-und-indischer-bundesstaat-tamil-nadu-verstaendigen-sich-auf-wissenschaftliche-und-technologische-zusammenarbeit?set_language=en (accessed 01.09.2024).

Schleswig-Holstein. Available at: <https://ez-der-laender.de/bundesland/schleswig-holstein> (accessed 01.09.2024). (In Germ.).

References

Ciesielska-Klikowska, J. (2021). Cooperation of German cities with Chinese partners and its importance for Germany's foreign policy. *Sprawy Międzynarodowe*, 74: 115—147. DOI: 10.35757/SM.2021.74.1.06.

Eppler, A., Große Hüttmann, M., Rowe, C. (2024). More cooperation than conflict despite no "Third Level"? Understanding the dynamics of paradiplomacy towards the EU in Bavaria and Baden-Württemberg. *Territory, Politics, Governance*, 7: 1—20. DOI: 10.1080/21622671.2024.2369111.

Klemin, A. V. (2001). Regions in the EU: rights to participate. *Moscow Journal of International Law*, 2: 209—239. DOI: 10.24833/0869-0049-2001-2-209-239. (In Russ.).

Kraus, M., Mager, H. (2016). Promoting rural development through land consolidation and village innovation: A review and prospect of relevant Sino-German cooperation. *China Land*, 05: 8—13. DOI: 10.13816/j.cnki.cn11-1351/f.2016.05.003.

Li Hengchuan. (1998). Friendly cooperation between Shandong and Bazhou is a requirement of time. *Going to the World*, 1: 32—33. (In Chin.).

Muslimova, E. O., Nesterov, A. G. (2024). Territorial Communities of France in International Cooperation with Eastern Countries and Regions (20th — 21st Centuries). *Nauchnyi dialog*, 13 (4): 464—482. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-4-464-482>. (In Russ.).

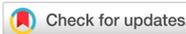
Nesterov, A. G., Muslimova, E. O. (2024). Regions of Italy in Context of Italian-Chinese Relations in 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 13 (7): 470—485. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-7-471-485/>. (In Russ.).

Völkerrecht / Wolfgang Graf Witztum [et al.]. (2015). Moscow: Infotropik Media. 1072 p. (In Russ.).

Wiemann, J. (2008). *Neuausrichtung der Entwicklungspolitik der Bundesländer vor dem Hintergrund der veränderten internationalen Rahmenbedingungen*. Bonn: DIE. 55 p. ISBN 978-3-88985-408-7. (In Germ.).

Zonova, T. V. (1999). From Europe of states to Europe of regions. *Polis*, 5: 155—164. (In Russ.).

*The article was submitted 12.07.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 15.10.2024.*

Информация для цитирования:

Мухамедов Р. А. Аграрный сектор экономики Ульяновской области в 1966—70 годах : растениеводство / Р. А. Мухамедов, И. В. Ильичев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 463—481. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-463-481.

Mukhamedov, R. A., Ilyichev, I. V. (2024). Agricultural Sector of Ulyanovsk Region (1966-1970): A Focus on Crop Production. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 463-481. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-463-481. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Аграрный сектор
экономики
Ульяновской области
в 1966—70 годах:
растениеводство**

Мухамедов Рашит Алимович¹

orcid.org/0000-0001-6181-3249

доктор исторических наук, профессор,
корреспондирующий автор
rasit56@mail.ru

Ильичев Иван Владимирович²

orcid.org/0009-0001-2798-6581

соискатель
ewan.tennis@yandex.ru

¹ Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

² Мордовский государственный
педагогический университет
им. М. Е. Евсевьева
(Саранск, Россия)

**Agricultural Sector
of Ulyanovsk Region
(1966-1970): A Focus
on Crop Production**

Rashit A. Mukhamedov¹

orcid.org/0000-0001-6181-3249

Doctor of History, Professor,
corresponding author
rasit56@mail.ru

Ivan V. Ilyichev²

orcid.org/0009-0001-2798-6581

degree seeker
ewan.tennis@yandex.ru

¹ Ulyanovsk State
University of Education
(Ulyanovsk, Russia)

² National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье комплексно проанализированы модернизационные процессы в отрасли растениеводства Ульяновской области в период восьмой пятилетки. Источниками выступили неопубликованные документы, извлеченные из фондохранилищ Государственного архива Ульяновской области и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, существенная часть из которых впервые введена в научный оборот, статистические материалы и периодическая печать. Рассматривается деятельность партийных органов и руководства хозяйств, направленная на интенсификацию развития отрасли растениеводства. Поднимается вопрос о кадровой политике властей по расширению сети учреждений системы профессионально-технического образования, организации курсов по подготовке специалистов массовых профессий и повышению их уровня квалификации для нужд сельского хозяйства. Уделяется внимание динамике развития отрасли растениеводства в 1966—1970 годах. Оцениваются достижения хозяйств региона в производстве основных видов продукции земледелия. Автор приходит к выводу о том, что в Ульяновской области в указанный период, несмотря на наличие проблемных хозяйств, тенденцию незначительного уменьшения площадей, выделяемых под посевы зерновых культур, властям удалось не только справиться с планом по урожайности, валовому сбору и объему государственных закупок основных видов продукции растениеводства, но и перевыполнить его.

Ключевые слова:

Советский союз; Ульяновская область; сельское хозяйство; растениеводство; колхоз; совхоз; восьмая пятилетка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article provides a comprehensive analysis of the modernization processes in the crop production sector of the Ulyanovsk region during the Eighth Five-Year Plan. The research draws on unpublished documents sourced from the State Archive of the Ulyanovsk Region and the State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk Region, a significant portion of which is introduced into scholarly discourse for the first time, alongside statistical materials and periodicals. The study examines the efforts of party organs and farm leadership aimed at intensifying the development of crop production. It addresses the authorities' personnel policies regarding the expansion of vocational and technical education institutions, the organization of training courses for specialists in mass professions, and the enhancement of their qualifications to meet agricultural needs. The dynamics of crop production development from 1966 to 1970 are analyzed, evaluating the achievements of regional farms in producing key agricultural products. The author concludes that, despite facing problematic farms and a slight reduction in areas allocated for grain crops, the authorities in the Ulyanovsk region managed not only to meet but also to exceed the planned targets for yield, total harvest, and state procurement volumes of primary crop products during this period.

Key words:

Soviet Union; Ulyanovsk Region; agriculture; crop production; collective farm; state farm; Eighth Five-Year Plan.

УДК 94:633(470.42)“1966/1970”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-463-481

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Аграрный сектор экономики Ульяновской области в 1966—70 годах: растениеводство

© Мухамедов Р. А., Ильичев И. В., 2024

1. Введение = Introduction

В России проблема решения аграрного вопроса, предусматривающего в том числе выявление возможных вариантов и методов нивелирования факторов, служащих препятствием для модернизации сельскохозяйственной отрасли экономики в России, а также формирование подходящих реалий для повышения темпов ее интенсификации, сохраняет свою актуальность в течение многих столетий. В государстве ведущие специалисты в области экономики занимались теоретическим обоснованием, а власти — реализацией различных моделей реформирования сельского хозяйства.

Особую актуальность проблема приобретает и сейчас, когда Российская Федерация, столкнувшись с санкционным давлением со стороны США и стран-членов Евросоюза, следствием чего стало нарушение важных логистических цепочек поставок оборудования, сырья и продовольственных товаров. В числе прочих ощутимые последствия санкций ощутила на себе и аграрная отрасль. Несмотря на то, что экспорт зерновых культур не попал под запрет, имеют место трудности их доставки покупателям. Приостановлен и импорт в Россию сельскохозяйственной техники и запчастей к ней, инструментария, семян высокоурожайных сортов, средств защиты растений и кормовых добавок.

В результате возникает потребность скорректировать программу развития аграрной отрасли в соответствии с новыми экономическими и политическими реалиями. Правительством РФ 7 сентября 2022 года была утверждена Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года. В соответствии с основными положениями государственной стратегии развития сельского хозяйства, ведущими направлениями реализуемого правительством курса являются: создание условий для укрепления материально-технической базы хозяйств при уменьшении зависимости от импортных поставок единиц сельскохозяйственной техники и инструментария, а также разработка программы по улучшению условий жизни и труда для закрепления аграриев на рабочем месте.

Не подлежит сомнению тот факт, что добиться эффективности при разработке правительством Российской Федерации и последующей реализации комплексного программного курса по интенсификации сельского хозяйства, в том числе и растениеводства как одной из его ведущих отраслей, не представляется возможным без скрупулезного анализа накопленного исторического опыта и учета достижений советской хозяйственной системы. Именно в 1966—1970 годах советскому правительству удалось в кратчайшие сроки не только преодолеть кризис в сельском хозяйстве, но и вывести отрасль на более качественный уровень развития. Восьмая пятилетка стала временем интенсивного роста урожайности, валового производства и объемов государственных закупок.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В научных трудах историки и экономисты сосредоточились на осмыслении факторов, которые привели к существенному замедлению темпов развития сельского хозяйства в период Л. И. Брежнева. При этом сложившемуся положению были даны неоднозначные оценки. Так, одни исследователи относились к решениям, принятым на Пленуме в марте 1965 года, исключительно критически, считая, что меры изначально не могли создать условия для проведения в полном объеме кампании по интенсификации сельскохозяйственной отрасли, в то время как другие ученые, напротив, признав наличие ряда проблем, возникших в ходе реализации аграрного курса реформ, отмечали его фундаментальный размах и достигнутый результат. Например, С. Н. Максимов установил, что проводимый советским правительством во главе с Л. И. Брежневым политический курс не стоит считать реформационным, так как он не привел к кардинальным изменениям способа хозяйствования и ограничился только внедрением ряда мотивационных инструментов, которые основывались на предоставлении аграриям некоторых материальных благ [Максимов, 1992]. Весьма критически подходят к оценке аграрных реформ И. М. Некрасова и С. И. Дегтев, считавшие, что практически с первых дней масштабная затея Л. И. Брежнева была обречена на провал, так как соединяла два взаимоисключающих принципа — социалистический и рыночный [Некрасова и др., 1994]. Довольно интересная точка зрения представлена в трудах Г. Н. Никоновой [Никонова, 2000] и С. В. Бороздин [Бороздин, 2002]. Авторы выявили, что основным фактором замедления темпов производства в сельском хозяйстве, в том числе и отрасли растениеводства, явилась хаотичная деятельность управленческо-хозяйственных структур власти, препятствовавшая рациональному распределению выделяемого центром объема денежных дотаций. Как отмечают исследователи, категорическое нежелание руко-

водства своевременно в соответствии с текущими социально-экономическими реалиями вносить коррективы в административную систему хозяйствования обусловило значительное снижение темпов развития сельскохозяйственной отрасли.

Заслуживает упоминания труд Е. Н. Бикейкина, где изучен процесс разработки и реализации комплексной системы мер, выявлены характерные особенности региональных кризисов в сельскохозяйственной экономической отрасли [Бикейкин, 2017]. Автор отметил, что кризис в аграрной сфере обуславливался субъективным фактором, а именно: преобладанием администрирования в стиле управления, громоздкостью управленческой системы органов и отсутствием самостоятельности руководства хозяйств при принятии решений. Наряду с вышеперечисленными отечественными специалистами к обозначенной нами проблеме обращались В. В. Наухацкий [Наухацкий, 1996], Г. И. Шмелев [Шмелев, 2000], В. Я. Романченко [Романченко, 2000], Ю. В. Нечипас [Нечипас, 2005], А. А. Шаронов [Шаронов, 2005], М. А. Безнин и Т. М. Димони [Безнин и др., 2014].

Не обошли вниманием вопросы развития сельского хозяйства в СССР, в том числе и отрасли полеводства, также зарубежные исследователи. Стефан Мерль в ходе исследования пришел к выводу, что построить коммунизм представлялось возможным лишь в хорошо развитой в экономическом плане стране и при реалиях исчерпания всех возможностей для развития капитализма, из-за чего СССР, являясь слабо развитым аграрно-индустриальным государством, не имел возможности для перехода к коммунизму [Мерль, 2000]. По мнению Мерля, именно стремление советского руководства любыми средствами сохранить власть и нежелание улучшить материальное положение аграриев свели успехи аграрных реформ на нет, существенно усугубив ситуацию как в полеводстве, так и животноводстве. Интерес представляют и труды, где историки, отказавшись от категоричности и прямолинейности оценок, предприняли попытку продемонстрировать многоуровневость и спорный характер аграрных реформ в период развитого социализма. К примеру, М. Харрисон заостряет внимание на том, что в советском государстве отмечался систематический рост производственных показателей, за исключением краткосрочных временных этапов, когда происходили незначительные кризисные проявления [Harrison, 2002]. К началу 1980-х годов, столкнувшись с внезапным экономическим спадом, власти не сумели своевременно среагировать на ситуацию [Там же]. В подобном ключе была выстроена точка зрения и британским экономистом Ф. Хансоном [Hanson, 2003]. Эти вопросы косвенно были затронуты такими исследователями, как Н. Верт [Верт, 1995], Дж. Хоскинг [Хоскинг, 1994] и Дж. Боффа [Боффа, 1996].

Проблема развития растениеводства в Ульяновской области в 1965—1970 годах была фрагментарно отражена в трудах А. Г. Пашкина, Н. В. Забалухиной, С. В. Степанюка, В. М. Долгова, Р. А. Мухамедова и др. [Долгов, 1990; Мухамедов и др., 2023; Пашкин и др., 2002; Степанюк и др., 2023 и др.], что обуславливает актуальность продолжения исследований темы.

Весомую долю источниковой базы научной статьи составили неопубликованные источники, представленные архивными материалами, значительная часть из которых была впервые введена в научный оборот. Подлежащую анализу информацию об укреплении материально-технической базы хозяйств, о реализации районами Ульяновской области в 1966—1970 годах плана по урожайности, валовой продукции и государственным закупкам, о кадровой ситуации в колхозах и совхозах, о специфике организации обучения специалистов массовых профессий для сельского хозяйства в образовательных учреждениях системы профессионально-технического образования, механизаторского всеобуча и курсов, об их количественной и качественной динамике в регионе за период восьмой пятилетки нам удалось получить из документов, извлеченных из фондов Государственный архив новейшей истории Ульяновской области и Государственного архива Ульяновской области. Кроме этого, оказалось полезным обращение к периодической печати и статистическим материалам.

В основу методологической базы статьи был положен комплекс общенаучных (анализ и синтез, классификация, восхождение от абстрактного к конкретному), конкретных исторических (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, метод исторического описания) принципов и методов научного исследования. В ходе работы применялись и положения теории модернизации, что дало нам возможность глубже понять процессы, которые происходили в отрасли растениеводства в Ульяновской области.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Деятельность властей по созданию условий для интенсификации отрасли растениеводства в 1966—1970 годах в Ульяновской области

Согласно указаниям ЦК КПСС и Совета Министров СССР властям Ульяновской области был спущен новый план на восьмую пятилетку по развитию сельского хозяйства, в том числе и отрасли полеводства. Согласно плану, объем валового производства должен был вырасти по всем категориям хозяйств минимум на 10 %. При этом показатели сбора зерновых культур должны были быть увеличены на 30 %, картофеля — на 5 %, подсолнечника — на 20 % и сахарной свеклы — на 70 %. Кроме этого,

на 30 % предполагалось нарастить и объем продаж государству продукции земледелия [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7. т. 2, д. 1103, л. 5].

В связи с этим в Ульяновской области в марте 1966 года органами власти для выполнения задачи по повышению темпов производства в сельском хозяйстве при участии партийной номенклатуры и ведущих экономистов была разработана специальная программа мероприятий на вторую половину 1960-х годов. В рамках реализации программы планировалось в первую очередь осуществить закупку единиц сельскохозяйственных технических средств и оборудования и провести строительные работы производственного и непроизводственного назначения. Проектом предусматривалось создание специализированных передвижных механизированных колонн и укрепление их материально-технической базы [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 1104, л. 3]. Это обусловило необходимость существенного увеличения объема выделяемых денежных средств со стороны государства и колхозов. В 1966—1970 годах на нужды развития сельского хозяйства государством и колхозами было внесено капитальных вложений на сумму 523 млн рублей. Из этой суммы на объекты производственного назначения отводилось 364,1 млн руб. и на объекты непроизводственного назначения — 158,9 млн рублей [Народное хозяйство ..., 1970, с. 223].

Выделенной государством и колхозами суммы хватило для реализации программного комплекса, ориентированного на интенсификацию производства продукции сельского хозяйства. В частности, существенно укрепилась материально-техническая база агрохозяйств региона. Например, только за 1966—1968 годы колхозы и совхозы региона получили более 5000 единиц сельскохозяйственной техники и грузовых автомобилей и запчастей к ним на сумму в 21 млн рублей [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 1, д. 90, л. 5]. Выросло и качество эксплуатации сельскохозяйственной техники. За период с 1966 по 1970 годы показатель среднегодовой выработки на один трактор в колхозах увеличился с 1215 га до 1348 га, а на зерноуборочный комбайн — со 190 га до 210 га. В свою очередь, за обозначенный временной промежуток показатель среднегодовой выработки на один трактор увеличился с 1074 га до 1291 га, а на зерноуборочный комбайн — со 174 га до 193 га [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 803, л. 5]. Например, показатель среднесменной выработки на физический трактор к концу восьмой пятилетки в Барышском районе составил 4,8 га мягкой пахоты, а на физический комбайн — 13 га, в то время как на начало 1966 года показатель среднесменной выработки по району на физический трактор составлял 4,1 га мягкой пахоты, а на физический комбайн — 12, 2 га [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 58, д. 12, л. 6].

В Ульяновской области основной объём ремонтных работ сельскохозяйственной техники, в том числе и по спецзаказам, направляемым руковод-

ством коллективных хозяйств, производился в 91 мастерском помещении «Сельхозтехники». При этом преобладающая доля мастерских «Сельхозтехники» была оснащена современным оборудованием, которое по своим техническим характеристикам было существенно лучше, нежели имевшееся в мастерских, оборудованных при колхозах [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 53, д. 4, л. 8].

В Ульяновской области, партийным структурам за 1966—1970 годы удалось увеличить средний показатель механизации в сельском хозяйстве. В растениеводстве средний показатель механизации сева и посадки овощных культур вырос на 8,1 %, скоса сена — на 5,6 %, стогования сена — на 2,1 %, а уборки технических культур — на 2,8 % [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 1105, л. 16].

Органами власти в регионе уделялось внимание и электрификации колхозов и совхозов. Во второй половине 1960-х в регионе была осуществлена закупка и установка 17 297 электромоторов, суммарная мощность которых составила 92 млн квт [Народное хозяйство ..., 1970, с. 174]. Благодаря этому в области поступление электроэнергии за счет электромоторов возросло на 64 %. При этом расход электроэнергии на нужды производства возрос на 47 % [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 58, д. 14, л. 10].

С целью увеличения урожайности и валового сбора основных видов сельскохозяйственных культур правительство провело и такие организационно-хозяйственные и технические мероприятия, как мелиорация и химизация. В регионе агрохозяйствами было осуществлено введение в эксплуатацию 6681 га осушенных земель и 24 575 га. Из них в сельском хозяйстве использовалось 5389 га осушенных земель и 20 596 га орошаемых земель [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 968, л. 7]. В районах области при объединениях «Сельхозтехники» были созданы специализированные механизированные отряды, прерогативой которых была добыча торфа, известкование почвенных земель с высокой кислотностью, а также вывозка удобрений [Там же, д. 1004, л. 7]. В совокупности в Ульяновской области за период восьмой пятилетки было внесено 4900 центнеров минеральных и 8700 центнеров органических удобрений под сельскохозяйственные культуры во всех категориях хозяйств [Там же, д. 1005, л. 14].

3.2. Решение проблемы обеспечения рабочей силой сельскохозяйственного производства в Ульяновской области

Для успешной реализации спущенных по линии партии масштабных планов на восьмую пятилетку в рамках программы интенсификации сельского хозяйства органам власти необходимо было нивелировать проблему текучести кадров. В Ульяновской области партийные структуры прежде всего произвели уделили внимание учреждениям, где производилась подготовка кадров массовых профессий для нужд сельского хозяйства, и внесли

корректировки в соответствии с текущим социально-экономическим уровнем развития в регионе в систему обучения управленческих кадров. По распоряжению местных властей руководством и передовиками производства агрохозяйств совместно с комсомольцами на регулярной основе проводилась агитационно-массовая работа среди сельской молодежи на предмет важности овладения профессией механизатора или агронома посредством прохождения обучения в профессионально-технических учреждениях или же в рамках краткосрочных курсов [ГАУО, ф. Р-3072, оп. 1, т. 3, д. 465, л. 3].

В 1968 году в рамках агитационно-массовых мероприятий в Сурском районе были организованы агитационные площадки в колхозах «Заветы Ильича», «Маяк революции», им. Ленина, «Восход», «Красное знамя» и «Вперед к коммунизму», где ежедневно подводились итоги трудовой деятельности механизаторов, передовики производства заносились на доску показателей, в честь призеров поднимался флаг трудовой славы. Выпускался «боевой листок», в котором отражались результаты кампании по сбору урожая [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 51, д. 57, л. 6]. Например, работа агитационной площадки в населенном пункте Княжуха была построена следующим образом. В честь аграриев, достигших передовых результатов, зажигалась красная лампочка, а механизатору вручался руководством хозяйства переходящий красный вымпел. Его близким людям отправляли открытку с праздником. В сентябре 1969 года 13 комбайнеров в селе намолотили 1100 центнеров зерновых культур, за это комбайнерам были вручены звездочки [Чапыркин, 1969, с. 1]. Всего за период восьмой пятилетки в агитационно-массовой работе в регионе приняли участие 1697 агитаторов, 20 работников средств массовой информации и 352 механизатора, неоднократно побеждавших в социалистических соревнованиях [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 51, д. 58, л. 98].

В деревне особым спросом среди молодежи пользовались учебные комбинаты, в которых общеобразовательная подготовка сочеталась с профессиональной. Широкое распространение учебные комбинаты получили в Николаевском районе. Так, в 6 комбинатах в 1970 году успешно освоили профессию тракториста 95 человек и повысили свой квалификационный уровень 120 человек [Климова, 1976, с. 2].

В Ульяновской области повсеместно в районах на базе «Сельхозтехники» и аграрных хозяйств организовывались курсы по подготовке и повышению квалификации специалистов массовых профессий. В частности, в 1967 году в Цильнинском районе на базе местного отделения «Сельхозтехника» и в совхозе «Красный восход» было организован 4-месячный курс по освоению профессии механизатора. Всего курсы прошли 107 человек. В коллективном хозяйстве «Волга» была организована школа передового опыта по выращиванию сахарной свеклы [ГАУО, ф. Р-3072, оп. 1,

т. 3, д. 420, л. 6]. В 1968 году в совхозе «Карлинский» были организованы курсы по повышению квалификации для механизаторов. Слушателями курсов стали 97 человек [ГАУО, ф. Р-3072, оп. 1, т. 3, д. 466, л. 50].

В Новоспасском районе по инициативе партийной организации в колхозах ежегодно проводилась переаттестация специалистов массовых профессий. Например, в 1968—1970 годах в колхозе «Россия» прошли переаттестацию 56 трактористов и 64 шофера. Успешно прошедшие переаттестацию механизаторы получили надбавку к заработной плате в размере 10 % за классность [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 51, д. 58, л. 95]. Закреплению молодых специалистов на селе способствовал и регулярный прирост размера заработной платы. Так, в 1970 году по сравнению с 1966 годом средний размер заработной платы за один месяц вырос с 73,4 рублей до 101 рубля (на 37,6 %) [ГАУО, ф. Р-3038, оп. 9, д. 13, л. 10].

Подготовка механизаторов осуществлялась в Ульяновском сельскохозяйственном институте, ПТУ и их филиалах, учреждениях системы массового механизаторского всеобуча, на курсах при колхозах и в средних общеобразовательных школах. В Ульяновской области за вторую половину 1960-х годов высшими учебными заведениями было подготовлено 1915 чел., а средними специальными — 4684 чел. [Народное хозяйство ..., 1970, с. 322]. В свою очередь, овладели профессией на курсах — 7698 чел., и повысили квалификацию — 49995 чел. [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 1, т. 4, д. 533, л. 51]. Отмечалась положительная динамика и в рамках решения кадрового дефицита в хозяйствах механизаторов. К ноябрю 1970 года количество механизаторов в регионе по сравнению с 1966 годом выросло с 25 726 чел. до 30 769 чел. Количество трактористов, трактористов-машинистов и комбайнеров увеличилось с 21 357 до 23 495 чел., а шоферов — с 4369 до 7254 чел. [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 1, т. 4, д. 534, л. 11].

В Ульяновской области в 1966—1970 годы благодаря проведенному органами власти комплексу мероприятий, организации курсов по подготовке специалистов и повышению их уровня квалификации, расширению сети учреждений системы профессионально-технического образования выросло количество специалистов сельского хозяйства с высшим и средним уровнем образования. В частности, количество инженеров и техников увеличилось с 371 до 1000, агрономов — с 946 до 1270 чел., зоотехников, ветврачей, веттехников, ветфельдшеров — с 1131 до 1530 чел., а прочих специальностей — с 426 до 1000 чел. [Народное хозяйство ..., 1971, с. 292].

3.3. Развитие отрасли растениеводства в Ульяновской области в период восьмой пятилетки

В Ульяновской области в 1966—1970 годах отмечалась тенденция незначительного сокращения на регулярной основе размеров посевных пло-

щадей, прежде всего вследствие решения руководства некоторых хозяйств отдать часть фонда пахотной территории под строительство животноводческих объектов. Территория, отведённая под посевы зерновых культур земли, уменьшилась с 1138 до 1123 тыс. га, под картофель и овоще-бахчевые культуры — с 61,7 до 60,4 тыс. га., а под технические культуры — с 82,3 до 78,6 тыс. га. Тем временем посевная площадь, отведенная под кормовые культуры, увеличилась с 472 до 481 тыс. га [Народное хозяйство ..., 1968, с. 184, 196, 197, 199, 202, 204; Народное хозяйство ..., 1971, с. 175, 178, 179, 182, 184, 186].

Благодаря установленному контролю со стороны руководства агрохозяйств и привлечению опытных агрономов удалось улучшить качество работы аграриев с зерновыми культурами. В колхозах и совхозах по инициативе партийной номенклатуры было осуществлено формирование специальных семеноводческих бригад и отделений, прерогативой которых был контроль над ходом снабжения агрохозяйств семенами высокого сорта. Существенная доля хозяйств была переведена на сплошные сортовые посевы зерновых культур. Кроме этого, в хозяйствах была расширена площадь, выделенная под посевы семян высшего сорта [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 46, д. 3, л. 6]. Например, к 1970 году доля сорта ржи «саратовская крупнозерная» в агрохозяйствах региона увеличилась с 19,7 до 49,4 % от всех посевов этой культуры. Агрономами была увеличена с 16,3 до 50,6 % и доля пшеницы высших сортов, а именно — «мироновской — 808», «саратовской-36», «саратовской-29», «народной», «Волжанки» [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 764, л. 10]. На регулярной основе внедрялись в колхозах и сорта зерновых культур, выведенных селекционерами Ульяновской областной сельскохозяйственной опытной станции. Например, в 1968 году в колхозах Ульяновского района был внедрен сорт яровой пшеницы — «Венец» [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 58, д. 4, л. 6].

В регионе в период восьмой пятилетки аграрии проводили активную работу по введению и освоению севооборотов. Так, к маю 1970 года в регионе было введено 1384 севооборота в 299 хозяйствах. Из них в хозяйствах было освоено 959 севооборотов в 259 хозяйствах, что составляло 76,1 % к общей площади пашни введенных севооборотов [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 843, л. 27].

В Ульяновской области партийным структурам и агрохозяйствам, невзирая на сокращение посевных площадей, удалось выполнить задачу по обеспечению регулярного прироста показателя урожайности по основным группам сельскохозяйственных культур. В частности, в колхозах и совхозах с 1966 по 1970 годы урожайность зерновых культур с 1 га увеличилась с 10,68 до 16,69 ц, подсолнечника — с 5,71 до 10,09 ц, картофеля — с 97,7

до 136,9 ц, кормовой кукурузы — с 82,7 до 115,8 ц, сена — с 13,1 до 15,8 ц. В то же время показатель урожайности сахарной свеклы снизился со 122,9 до 119,7 ц [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 794, л. 9].

Во многом прирост урожайности обуславливался улучшением материально-технической базы колхозов и совхозов, ростом производительности машинно-тракторного парка и грамотно проведенной агрономической работой. Низкий показатель урожайности был преимущественно в тех колхозах и совхозах, в которых руководству не удалось продвинуться в решении вопроса с обновлением парка сельскохозяйственных технических средств. В Барышском районе показатель выработки на один комбайн при обмолоте составил 11,2 га, в Вешкаймском — 8,6 га, Сызранском — 7,5 га и Сенгилеевском — 9,1 га. Так, в 3 колхозах Сызранского района средний показатель выработки на один трактор варьировался лишь от 4,2 до 4,6 условных га, в 5 колхозах Барышского района — от 4,3 до 4,7 условных га и в 2 колхозах Сенгилеевского района — от 4,4 до 4,6 условных га [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 841, л. 4].

За 1966—1970 годы в регионе валовое производство зерновых культур выросло с 1215,8 до 1868,9 тыс. т, технических культур — со 141,86 до 179,88 тыс. т, картофеля и овоще-бахчевых культур — с 623,06 до 826,9 тыс. т и всех кормовых культур — с 1906,27 до 2068,49 тыс. т. [Народное хозяйство ..., 1968, с. 229, 246, 249, 251; Народное хозяйство ..., 1971, с. 209, 213, 214, 217, 220].

Колхозы и совхозы Ульяновской области выполнили и план по обеспечению роста объемов продаж государству продукции земледелия. В частности, в регионе за анализируемый период объем госзакупок зерновых культур вырос с 470,7 до 752,89 тыс. т, сахарной свеклы — с 92,6 до 102,68 тыс. т, подсолнечника — с 31,46 до 41,79 тыс. т, картофеля — с 34,6 до 115,59 тыс. т и овощей — с 21,8 до 25,37 тыс. т [Народное хозяйство ..., 1968, с. 254, 259, 260, 263, 265; ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 794, л. 11].

В период восьмой пятилетки значительная доля хозяйств на регулярной основе успешно справлялись с реализацией плановых показателей и являлись рентабельными в экономическом плане. Например, в 1966 году в Ульяновской области более 68 % хозяйств перевыполнили план по сдаче государству зерновых культур. Всего в совокупности колхозы и совхозы в регионе сдали 487 тысяч тонн хлеба при установленном плане в 465 тысяч тонн [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 2, д. 795, л. 90]. Наибольшую лепту в реализацию плана, несмотря на неблагоприятные для роста и развития сельскохозяйственных культур погодные условия, внесли агрохозяйства Мелекесского района, продавшие государству 61 тысячу тонн зерновых культур, Цильнинского района — 41 тысячу тонн, Чердаклинского — 40,9 тыс. т, Ульяновско-

го — 30,8 тыс. т, Майнского — 31 тыс. т. Например, в Мелекесском районе в среднем аграриям удалось получить 11,9 центнеров урожая зерна. При этом в преобладающей доле хозяйств показатели намолота зерна были существенно выше. Так, в сельхозартели «Ирек» аграриям удалось собрать по 14,8 ц урожая с га, в колхозе «Маяк революции» — 13,6 ц, в колхозе им. 1-го Мая — 14,5 ц, в совхозе им. Крупской — 17,37 ц [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 58, д. 3, л. 4].

Плановые показатели по заготовке зерна регулярно перевыполняли агрохозяйства Инзенского, Кузоватовского, Старокулаткинского, Мелекесского и Радищевского районов. По состоянию на сентябрь 1970 года колхозами и совхозами было доставлено на заготовительные пункты свыше 700 тонн зерновых культур и продано государству 604 тысячи тонн зерна. Высоких результатов удалось достичь совхозу «Бахтевский» Старокулаткинского района. Аграриям удалось собрать по 17,2 центнеров урожая с каждого гектара, тогда как в 1967 и 1968 годах было собрано лишь соответственно 14,8 и 15,7 центнеров с гектара [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7. т. 2, д. 793, л. 5]. Данные результаты были достигнуты благодаря решению агрономов применить перекрестный способ сева и провести ревизию зерна, отобрав лишь семена высокой сортности. Работники совхоза собрали по 24,5 центнеров с гектара яровой пшеницы сорта Народная и намолотили сверхплана 701 центнер зерна, благодаря чему получили чистую прибыль в размере 2801 руб. Кроме этого, успешно было проведено заготовление кормов для скота. Совхоз перевыполнил план на 802 тонны корнеплодов, при этом добившись снижения себестоимости одного центнера с 2,71 до 1,2 руб. [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 58, д. 3, л. 6]. Весомый вклад в дело заготовки кормовой продукции внесло звено, возглавляемое М. П. Нукраевым, перешедшее на безнарядную систему оплаты за произведенную работу. Механизаторы собрали 247 центнеров кукурузы на силос с га. Аграриям колхоза «Маяк революции» Мелекесского района удалось получить рекордный урожай озимой пшеницы сорта Мироновская-808. В частности, Засаровская полеводческая бригада собрала 41 центнер с гектара, что стало возможным благодаря тщательному соблюдению плана агротехнических мероприятий, необходимых для выращивания данной культуры [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7, т. 3, д. 1609, л. 4].

В 1967 году аграрии совхоза им. Крупской Мелекесского района сдали государству 25,5 тыс. т хлеба, в 1968 году — 26,8 тыс. т, в 1969 — 28 тыс. тонн хлеба, а в 1970 году — 36,1 тыс. т хлеба. Тем самым в 1970 году совхоз перевыполнил спущенный партией план в 26,1 тыс. т практически на 38,8 %. За достигнутые успехи совхозу им. Крупской была присуждена высокая награда — орден Ленина [ГАНИ УО, ф. 2187, оп. 1, д. 125, л. 62].

Однако в области все же имелись и хозяйства, которым не удавалось своевременно или в полном объеме выполнять поставленную задачу. К при-

меру, в 1968 году с существенным отставанием от установленных сроков шла уборка кукурузы в колхозах Теренгульского района. Подобного рода положение дел обуславливалось неудовлетворительным состоянием местного машинно-тракторного парка и отсутствием необходимого количества квалифицированных механизаторов и специалистов в области ремонта сельскохозяйственных технических средств. В результате по хозяйствам Теренгульского района средний показатель выработки на силосоуборочный комбайн составил менее 36 гектаров [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 53, д. 1, л. 8]. Аналогичным образом ситуация с уборкой кукурузы обострялась и в колхозах Цильнинского района, где средний показатель выработки на силосоуборочный комбайн составил 38 гектаров [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7. т. 3, д. 1613, л. 15].

В некоторых хозяйствах региона шоферы и механизаторы вовсе не принимали надлежащие меры для того, чтобы сберечь хлеб. Например, в спецхозе «Цильнинский» из-за халатного отношения со стороны руководства механизаторы «...заездили тракторами и машинами только что собранный урожай до такого состояния, что его можно было считать уже потерянным» [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 7. т. 3, д. 1711, л. 50]. В результате было привлечено к ответственности более 10 механизаторов и руководство хозяйства, виновным надлежало компенсировать причиненный ущерб в полном объеме. Нередко срывались и сроки вывоза зерновых культур на элеваторы и приемные пункты. Непосредственно из выделенных на уборку урожая 55 машин первого Ульяновского транспортного предприятия 12 грузовиков ежедневно простаивало по техническим причинам. К тому же иногда районные оперативные группы по использованию автотранспортных средств не следили за соблюдением утвержденного графика вывозки урожая зерновых культур на элеваторы, из-за чего ежедневно свыше ста машин часами простаивали у приемных пунктов [В ударные дни ..., 1969, с. 2].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в период восьмой пятилетки отрасль полеводства как один из ведущих неотъемлемых элементов сельского хозяйства являлась движущей силой экономического механизма, создающего необходимые условия для интенсивного развития Ульяновской области. Увеличение объемов дотаций со стороны государства на нужды развития аграрной отрасли способствовало увеличению производственных фондов всех категорий хозяйств и улучшению в количественном и качественном отношении машинно-тракторного парка. Кроме этого, благодаря росту денежных вливаний в регионе выросла доля хозяйств, применявших электроэнергию для производственных нужд, улучшились показатели комплексной механизации и были выведены на более качественный уровень работы по химизации сель-

ского хозяйства и мелиорации земель. Властям удалось благодаря реализации комплекса мер, включающих организацию курсов на базе хозяйств по подготовке и повышению квалификации специалистов массовых профессий, проведению агитационно-пропагандистской работы среди сельских жителей, расширению сети учреждений системы профессионально-технического образования продвинуться в решении и кадрового вопроса.

Партийно-государственные органы приложили много сил для укрепления материально-технической базы сельского хозяйства региона, специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. По данным статистики в рассматриваемый период, рост объёма агропромышленного производства составил 35—45 %. Доходы колхозов выросли на 15 %, уровень жизни колхозников несколько увеличился, колхозы и совхозы, использовавшие элементы хозрасчёта, получили большую экономическую самостоятельность. С колхозов и совхозов также списывались долги, повышались закупочные цены в 1,5—2 раза, устанавливались надбавки до 50 % за сверхплановую продажу продукции государству. Объём сельскохозяйственной продукции в 1971—1975 годах составлял 19 % совокупного общественного продукта Ульяновской области, однако в последующий период, в 1981—1985 годах, — лишь 13 %.

За 1966—70-е годы стоимость основных производственных фондов в сельском хозяйстве Ульяновской области выросла с 368,6 до 1907 млн руб., или в 5,2 раза. Валовой сбор зерна превышал 1400 тыс. т и был выше уровня предыдущего года на 15,5 %. Производство подсолнечника по сравнению с 1965 годом увеличилось на 42 %, картофеля — почти на 25 %, сахарной свеклы — в 3,6 раза. Рост производства сельскохозяйственных культур в основном был достигнут за счет повышения урожайности. Доля полеводческой продукции аграрного сектора в экономике Ульяновской области находилась в диапазоне до 8,5—9,7 %

Таким образом, для отрасли растениеводства Ульяновской области период восьмой пятилетки можно по праву назвать «золотыми годами». Именно в это время органам власти и руководству преобладающей доли хозяйств удалось, несмотря на тенденцию незначительного сокращения посевных площадей под зерновые культуры, перевыполнить поставленные партией показатели по урожайности, валовому сбору и объёму государственных закупок основных видов продукции растениеводства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *В ударные дни трудиться по-ударному!* // Ульяновская правда. — 5 сентября 1969.
2. ГАНИ УО — *Государственный архив новейшей истории Ульяновской области*. Ф. 8 (Ульяновский областной комитет КПСС). Оп. 46. Д. 3. Л. 6 ; Оп. 51. Д. 57. Л. 6 ; Д. 58. Л. 95, 98.
3. ГАУО — *Государственный архив Ульяновской области*. Ф. Р. 3024 (Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Ульяновского областного Совета народных депутатов). Оп. 1. Т. 4. Д. 533. Л. 51 ; Д. 534. Л. 11 ; Оп. 7. Т. 1. Д. 90. Л. 5 ; Т. 2. Д. 764. Л. 10 ; Д. 793. Л. 5 ; Д. 794. Л. 11 ; Д. 795. Л. 90 ; Д. 803. Л. 5 ; Д. 841. Л. 4 ; Д. 843. Л. 27 ; Д. 968. Л. 7 ; Д. 1103. Л. 5 ; Д. 1104. Л. 3, 7 ; Д. 1105. Л. 14, 16 ; Т. 3. Д. 1609. Л. 4 ; Д. 1613. Л. 15 ; Д. 1711. Л. 50 ; Ф. Р. 3038 (Исполнительный комитет Ульяновского областного Совета народных депутатов). Оп. 9. Д. 13. Л. 10 ; Ф. Р-3072 (Ульяновское областное управление профессионально-технического образования Государственного комитета Совета Министров РСФСР по профтехобразованию). Оп. 1. Т. 3. Д. 420. Л. 6 ; Д. 465. Л. 3 ; Д. 466. Л. 50.
4. *Климова А.* Рабочей молодежи — среднее образование / А. Климова // Ульяновская правда. — 3 сентября 1970.
5. *Народное хозяйство РСФСР в 1967 году* : статистический ежегодник. — Москва : Госстатиздат, 1968. — 648 с.
6. *Народное хозяйство РСФСР в 1970 году* : статистический ежегодник. — Москва : Госстатиздат, 1971. — 488 с.
7. *Народное хозяйство Ульяновской области за 1966—1970 годы* : статистический сборник. — Ульяновск : [б. и.], 1970. — 339 с.
8. *Чапыркин Н.* Агитплощадки на токах / Н. Чапыркин // Ульяновская правда. — 3 сентября 1969.

Литература

1. *Безнин М. А.* Аграрный строй России в 1930—1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Москва : Ленанд, 2014. — 608 с. — ISBN 978-5-9710-6456-5.
2. *Бикейкин Е. Н.* Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья : 1953—1991 гг. : на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Е. Н. Бикейкин. — Саранск, 2017. — 515 с.
3. *Бороздин С. В.* Земельные отношения и аграрные реформы : взгляд неполитизированного экономиста : монография / С. В. Бороздин. — Москва : Единство, 2002. — 238 с. — ISBN 5-238-00369-2.
4. *Боффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964—1994 / Дж. Боффа ; пер. с ит. — Москва : Международные отношения, 1996. — 320 с. — ISBN 5-7133-0895-2.
5. *Верт Н.* История советского государства. 1990—1991 / Н. Верт ; пер. с франц. — 2-е изд., испр. — Москва : Прогресс-Академия, 1995. — 544 с. — ISBN 586225-789-6.
6. *Долгов В. М.* Аграрная политика КПСС и ее социально-экономические результаты 1965—1985 гг. : на материалах областей Поволжья : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.01 / В. М. Долгов. — Саратов, 1990. — 447 с.
7. *Максимов С. Н.* Перестройка и проблемы хозяйственных реформ / С. Н. Максимов. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. — 183 с. — ISBN 5-288-00981-3.

8. Мерль С. Т. Реформа, ошибочная по своей концепции. Заметки к истории аграрной политики при Хрущеве и Брежневев / С. Т. Мерль // Проблемы всемирной истории. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. — С. 262—271. — ISBN 5-86007-220-1.

9. Мухамедов Р. А. Работа партийных комиссий в колхозах и совхозах в 1960—1970 гг. (на примере Ульяновской области) / Р. А. Мухамедов, О. А. Сухова // Интернаука. — 2023. — № 22—2 (292). — С. 8—10.

10. Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965—1990 годах : проблемы разработки и реализации / В. В. Наухацкий. — Ростов-на-Дону : Гефест, 1996. — 187 с. — ISBN 5-87442-079-7.

11. Некрасова И. М. Экономическая реформа 60-х годов : история, проблемы, решения / И. М. Некрасова, С. И. Дегтев // Россия в XX веке : Историки мира спорят : сборник статей ; под ред. : И. Д. Ковальченко. — Москва : Наука, 1994. — С. 585—595. — ISBN 5-02-009724-1.

12. Нечипас Ю. В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945—1984 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Ю. В. Нечипас. — Москва, 2005. — 374 с.

13. Никонова Г. Н. Эволюция и реформирование земельных отношений в России / Г. Н. Никонова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2000. — 100 с. — ISBN 5-7310-1204-0.

14. Пашкин А. Г. Симбирский — Ульяновский край в новейшей истории России. 1917—1991. Люди, события, факты / А. Г. Пашкин, Н. В. Забалухина. — Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2012. — 202 с. — ISBN 978-5-94655-219-6.

15. Романченко В. Я. Государственные сельские хозяйства России : исторический опыт, проблемы, уроки развития : на материалах регионов Европейской части РФ : 1965—1985 годы : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Я. Романченко. — Саратов, 2000. — 463 с.

16. Степанюк С. В. Исторический опыт проведения аграрных реформ в 1950-е — 60-е годы / С. В. Степанюк, Р. А. Мухамедов // История Поволжья сквозь призму истории России. Ульяновск : Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, 2023. — С. 181—184.

17. Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917—1991 / Д. Хоскинг ; пер. С англ. — Москва : Вагриус, 1994. — 510 с. — ISBN 5-7027-0034-1.

18. Шаронов А. А. Проблемы функционирования системы управления сельским хозяйством накануне и в годы восьмой пятилетки (1964—1970 годы) : на материалах Пензенской области : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. А. Шаронов. — Пенза, 2005. — 286 с.

19. Шмелев Г. И. Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке / Г. И. Шмелев. — Москва : Наука, 2000. — 254 с. — ISBN 5-02-008350-X.

20. Hanson P. The rise and fall of the Soviet economy : An economic history of the USSR from 1945 / P. Hanson. — London : Longman, 2003. — 279 p. — ISBN 0-582-29958-6.

21. Harrison M. Economic growth and slowdown / M. Harrison // Brezhnev reconsidered. Studies in Russian and East European History and Society. — London : Palgrave Macmillan, 2002. — Pp. 38—67.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2024,
одобрена после рецензирования 05.09.2024,
подготовлена к публикации 22.10.2024.*

Material resources

- Chapyrkin, N. (1969). Propaganda sites on currents. *Ulyanovsk Pravda*. September 3. (In Russ.).
- GANI UO — *State Archive of the modern history of the Ulyanovsk region*. (In Russ.).
- GAO — *State Archive of the Ulyanovsk region. F. R. 3024 (Department of Agriculture of the Executive Committee of the Ulyanovsk Regional Council of People's Deputies)*. (In Russ.).
- Klimova, A. (1970). Working youth — secondary education. *Ulyanovsk Pravda*. September 3. (In Russ.).
- On shock days, work hard! (1969). *Ulyanovsk Pravda*. September 5. (In Russ.).
- The national economy of the RSFSR in 1967: statistical yearbook*. (1968). Moscow: Gosstatstatdat. 648 p. (In Russ.).
- The national economy of the RSFSR in 1970: statistical yearbook*. Moscow: Gosstatstatdat. 488 p. (In Russ.).
- The national economy of the Ulyanovsk region for the years 1966—1970: a statistical collection*. (1970). Ulyanovsk: [b. i.]. 339 p. (In Russ.).

References

- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2014). The agrarian system of Russia in the 1930s—1980s. Moscow: Lenand. 608 p. ISBN 978-5-9710-6456-5. (In Russ.).
- Bikeikin, E. N. (2017). *Agrarian modernization and development of agriculture in the Middle Volga region: 1953—1991: based on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR*. Doct. Diss. Saransk. 515 p. (In Russ.).
- Boffa, J. (1996). *From the USSR to Russia. The story of the unfinished crisis. 1964—1994*. Moscow: International Relations. 320 p. ISBN 5-7133-0895-2. (In Russ.).
- Borozdin, S. V. (2002). *Land relations and agrarian reforms: the view of an unpoliticized economist: monograph*. Moscow: Unity. 238 p. ISBN 5-238-00369-2. (In Russ.).
- Dolgov, V. M. (1990). *Agrarian policy of the CPSU and its socio-economic results 1965—1985: based on the materials of the Volga regions*. Doct. Diss. Saratov. 447 p. (In Russ.).
- Hanson, P. (2003). *The rise and fall of the Soviet economy: An economic history of the USSR from 1945*. London: Longman. 279 p. ISBN 0-582-29958-6.
- Harrison, M. (2002). Economic growth and slowdown. In: *Brezhnev reconsidered. Studies in Russian and East European History and Society*. London: Palgrave Macmillan. 38—67.
- Hosking, D. (1994). *The history of the Soviet Union. 1917—1991*. Moscow: Vagrius. 510 p. ISBN 5-7027-0034-1. (In Russ.).
- Maksimov, S. N. (1992). *Perestroika and problems of economic reforms*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 183 p. ISBN 5-288-00981-3. (In Russ.).
- Merle, S. T. (2000). Reform, erroneous in its concept. Notes on the history of agrarian policy under Khrushchev and Brezhnev. In: *Problems of World History*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 262—271. ISBN 5-86007-220-1. (In Russ.).
- Mukhamedov, R. A., Sukhova, O. A. (2023). The work of party commissions in collective farms and state farms in the 1960s and 1970s. (on the example of the Ulyanovsk region). *Internauka*, 22—2 (292): 8—10. (In Russ.).
- Nauhatsky, V. V. (1996). *Agrarian policy in the USSR in 1965—1990: problems of development and implementation*. Rostov-on-Don: Hephaestus. 187 p. ISBN 5-87442-079-7. (In Russ.).

- Nechipas, Yu. V. (2005). *The evolution of the agrarian policy of the USSR in 1945—1984*. Doct. Diss. Moscow. 374 p. (In Russ.).
- Nekrasova, I. M., Degtev, I. (1994). Economic reform of the 60s: history, problems, solutions. In: *Russia in the twentieth century: Historians of the world argue: collection of articles*. Moscow: Nauka. 585—595. ISBN 5-02-009724-1. (In Russ.).
- Nikonova, G. N. (2000). *Evolution and reformation of land relations in Russia*. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg State University of Economics and Finance. 100 p. ISBN 5-7310-1204-0. (In Russ.).
- Pashkin, A. G., Zabalukhina, N. V. (2012). *Simbirsky — Ulyanovsk Region in the modern history of Russia. 1917—1991. People, events, facts*. Ulyanovsk: Corporation of Promotion Technologies. 202 p. ISBN 978-5-94655-219-6. (In Russ.).
- Romanchenko, V. Ya. (2000). *State agricultural enterprises of Russia: historical experience, problems, lessons of development: based on the materials of the regions of the European part of the Russian Federation: 1965—1985*. Doct. Diss. Saratov. 463 p. (In Russ.).
- Sharonov, A. A. (2005). *Problems of functioning of the agricultural management system on the eve and during the eighth five-year plan (1964—1970): based on the materials of the Penza region*. PhD Diss. Penza. 286 p. (In Russ.).
- Shmelev, G. I. (2000). *Agrarian policy and agrarian relations in Russia in the XX century*. Moscow: Nauka. 254 p. ISBN 5-02-008350-X. (In Russ.).
- Stepanyuk, S. V., Mukhamedov, R. A. (2023). Historical experience of agrarian reforms in the 1950s — 60s. In: *History of the Volga region through the prism of the history of Russia*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov. 181—184. (In Russ.).
- Vert, N. (1995). *The history of the Soviet state. 1990—1991*. Moscow: Progress Academy. 544 p. ISBN 586225-789-6. (In Russ.).

*The article was submitted 03.06.2024;
approved after reviewing 05.09.2024;
accepted for publication 22.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Пинаева Д. А. Массовое изобретательство в СССР в 1954—1990 годах : оценка эффективности / Д. А. Пинаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 482—504. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-482-504.

Pinaeva, D. A. (2024). Mass Inventiveness in USSR (1954–1990): An Evaluation of Effectiveness. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 482-504. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-482-504. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Массовое изобретательство
в СССР
в 1954—1990 годах:
оценка эффективности**

Пинаева Дарья Алексеевна
orcid.org/0000-0001-9428-2050
кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и права
dashkevna1@mail.ru

Казанский государственный
аграрный университет
(Казань, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00697

**Mass Inventiveness
in USSR (1954–1990):
An Evaluation
of Effectiveness**

Darya A. Pinaeva
orcid.org/0000-0001-9428-2050
PhD of History, Associate Professor,
Department of Philosophy and Law
dashkevna1@mail.ru

Kazan State
Agricultural University
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00697

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории разработки системы планирования и стимулирования эффективности изобретательства и рационализации в Советском Союзе в 1954—1990 годах. На основе анализа данных из опубликованных источников, а также архивных материалов делается вывод о том, что на протяжении исследуемого периода в оценке результативности изобретательства и рационализаторства доминировали количественные показатели, выраженные в абсолютных величинах, причем методики подсчета показателей менялись несколько раз, что затрудняет возможности давать сравнительные характеристики и изучать явления и процессы на длительных временных отрезках. Указывается, что развитие массового изобретательства позволило СССР выйти на передовые позиции в мире по числу регистрируемых заявок на изобретения, а суммарный экономический эффект от внедрения рационализаторских предложений и изобретений демонстрировал устойчивый рост на протяжении всего изучаемого периода. Отмечается, однако, что относительные показатели, характеризующие качественное состояние изобретательства и рационализаторства, указывали на низкие темпы развития отрасли. Делается вывод, что в СССР качественные показатели эффективности не стали определяющими в планировании, оценке и поощрении изобретательства и рационализации.

Ключевые слова:

эффективность изобретательства; статистика изобретений; рационализаторские предложения; научно-техническая политика СССР; внедрение изобретений и рационализаторских предложений; СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the historical development of the planning and incentive system for inventiveness and rationalization in the Soviet Union from 1954 to 1990. Through an analysis of published sources and archival materials, it concludes that during the studied period, quantitative metrics dominated the evaluation of inventiveness and rationalization effectiveness, expressed in absolute figures. Notably, the methodologies for calculating these metrics underwent several changes, complicating comparative assessments and the study of phenomena and processes over extended time frames. The development of mass inventiveness enabled the USSR to achieve a leading position globally in terms of the number of registered invention applications, with the cumulative economic impact of implemented rationalization proposals and inventions showing consistent growth throughout the period examined. However, it is noted that relative indicators reflecting the qualitative state of inventiveness and rationalization revealed low rates of sectoral development. The study concludes that qualitative measures of effectiveness did not play a decisive role in the planning, evaluation, and encouragement of inventiveness and rationalization in the USSR.

Key words:

effectiveness of inventiveness; invention statistics; rationalization proposals; scientific and technical policy of the USSR; implementation of inventions and rationalization proposals; USSR.

УДК 94(47).084.9

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-482-504

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Массовое изобретательство в СССР в 1954—1990 годах: оценка эффективности

© Пинаева Д. А., 2024

1. Введение = Introduction

Сегодня в России вопросам развития науки и техники уделяется пристальное внимание. Осознание на государственном уровне важности и масштабности задач, стоящих перед современной российской наукой, подчеркивается тем, что 2021 год стал Годом науки и технологий [2021 год ...], по результатам которого Указом Президента РФ было объявлено Десятилетие науки и технологий [Об объявлении в Российской Федерации...]. Регионы также не остаются в стороне от указанных трендов. Так, в Республике Татарстан 2024 год объявлен годом научно-технологического развития [Об объявлении 2024 года...]. Государством приняты программные документы, актуализирующие роль науки и инноваций в развитии экономики, национальной безопасности и общества в целом [О стратегии...; Об утверждении...]. В средствах массовой информации появляется все больше сообщений о научных открытиях, технических новшествах и промышленных инновациях, что формирует у граждан представление о значимости науки.

Однако, несмотря на колоссальные усилия государства и значительные средства, сосредоточенные сегодня в инновационном секторе России, реальные успехи пока далеки от желаемых [Митяков, 2022, с. 16—17]. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в России количество зарегистрированных патентных заявок в 2022 году составило 26 924 (минимальный показатель за последние 10 лет). Кроме того, в России наметилась устойчивая тенденция к снижению патентной активности. Так, по сравнению с 2021 годом количество заявок в 2022 году снизилось на 13 %, что является едва ли не самым большим снижением данного показателя среди стран участниц ВОИС [Intellectual property...]. При этом если сравнить изобретательскую активность в СССР, например, с 1980 по 1988 годы, то можно отметить, что СССР был на втором месте в мире по количеству заявок на выдачу государственных регистрационных документов на изобретения (после Японии, США были лишь на третьей позиции), а по количеству выданных в тот же промежуток времени свиде-

тельств на изобретения СССР, за исключением 1984 года, занимал первое место в мире [WIPO IP...]. В связи с этим в последние годы возрос интерес исследователей к советскому опыту, дающему возможность выявить устойчивые институты научно-технологического развития, сложившиеся модели поведения в научно-производственной среде, определившие стремительный взлет и последующую стагнацию научно-технического развития СССР [Бодрова, 2024; Артемов, 2021].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В советское время развитие изобретательства и рационализаторства было важной государственной задачей. В 1950—1980-е годы практически на каждом съезде партии звучали призывы к вовлечению в новаторскую активность все большего количества трудящихся. Так, XX съезд КПСС призвал «всемерно развивать массовое движение рационализаторов, изобретателей и новаторов производства» [КПСС..., 1956, с. 474], а в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии подчеркивалось: «Успех научно-технической революции, ее благотворное воздействие на экономику, на все стороны жизни общества не могут быть обеспечены усилиями только научных работников. Все большую роль приобретает вовлечение в этот исторического значения процесс всех участников общественного производства, всех звеньев хозяйственного механизма» [Материалы XXV..., 1977, с. 48].

Оценка эффективности инновационной деятельности во многом определяется степенью обоснованности показателей и методов оценки результатов, фактического эффекта от изобретательской и рационализаторской деятельности. Однако как в исторической, так и в экономической литературе данному вопросу как в советское время, так и на современном этапе, уделяется мало внимания. Большинство советских авторов, руководствуясь установками партии и Правительства, преимущественно рассматривали аспект изобретательства и рационализации, связанный с привлечением работников новаторству. Исследования 1950-х — начала 1980-х годов изобилуют количественными показателями, характеризующими бесспорные успехи в развитии изобретательской и рационализаторской активности, внесшей огромный вклад в советскую экономику [Остапенко, 1976; Алексеев, 1983]. Вместе с тем уже во второй половине 1970-х годов на специализированных семинарах руководителей ведомств, связанных с реализацией научно-технической политики государства, звучали доклады о серьезных недостатках массового технического творчества. Так, заместитель Председателя Государственного комитета по изобретениям и открытиям Е. И. Артемьев на семинаре руководителей Всесоюзных и Центральных органов НТИ и представителей министерств и ведомств указывал, что бо-

лее 60 % зарегистрированных изобретений так никогда и не реализуются в объектах техники, в то же время наблюдается серьезная нехватка изобретений, воздействующих на главные свойства разрабатываемых объектов техники [Артемьев, 1976, с. 3]. Во второй половине 1980-х годов количество исследований, вскрывающих глубинные проблемы экономического развития СССР, в том числе вопросы, связанные с эффективностью массового изобретательства, увеличивается [Локшина, 1984; Ипполитов, 1989; Крот, 1988; Лахтин, 1990; Рассохин, 1985]. Публикуются доклады, в которых показатели изобретательства в СССР рассматриваются в сравнении с аналогичными показателями капиталистических стран, указывается на комплекс проблем, в том числе связанных с необходимостью пересмотра показателей эффективности массового технического творчества [Некоторые тенденции..., 1986].

Вопросам разработки показателей эффективности инновационной деятельности посвящены некоторые современные исследования [Чехломин, 2019]. В качестве одного из показателей инновационного процесса современные исследователи выделяют результативность изобретательской деятельности, выраженную в создании продуктов, охраняемых государственными регистрационными документами, гарантирующими новизну и оригинальность, а также с высокой степенью достоверности отражающими процессы разработки новых технологий [Стрельцова, 2022, с. 40]. Ряд ученых указывают на необходимость переориентации системы показателей эффективности изобретательства на первоочередную оценку тех, которые отражают экономические показатели внедренческого процесса [Мишулин, 2023].

Настоящая статья посвящена истории разработки системы планирования и стимулирования эффективности изобретательства и рационализации в Советском Союзе в 1954—1990 годах. В ходе исследования привлекались методы историко-генетического, сравнительного, статистического анализа. В качестве источниковой базы использованы материалы съездов и пленумов ЦК КПСС, законодательство СССР по изобретательству и рационализации. В анализе учтены типовые и отраслевые методические указания, а также инструктивные материалы, касающиеся вопросов оценки изобретательской и рационализаторской деятельности. Основная статистическая информация содержится в опубликованных статистических сборниках развития народного хозяйства СССР, а также в материалах ежегодных отчетов Государственного комитета Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий, находящихся в фондах Российского государственного архива экономики. Значительный массив данных содержится в документах Центрального Совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ЦС ВОИР),

Всесоюзного совета Научно-технических обществ (ВСНТО) из фондов Государственного архива Российской Федерации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Показатели результативности изобретательства и рационализаторства в официальной статистике

К результатам технического творчества обычно относят открытия, изобретения, товарные знаки, промышленные образцы, рационализаторские предложения, организационно-технические мероприятия. На уровне промышленного предприятия наиболее распространенным видом технического творчества является рационализация и изобретательство. Важным этапом в процессе анализа изобретательской и рационализаторской активности является сбор и интерпретация данных. Следует опираться исключительно на объективные данные, и методика сбора должна быть одинаковой по всем субъектам и за весь анализируемый период. Надо учесть, что в отличие от стран Запада, где инновационная система развивалась в условиях частной собственности и конкурентной среды, а изобретательство являлось одной из форм коммерческой деятельности, в СССР инновационная система функционировала в соответствии с требованиями плановой экономики, создавая ряд особенных организационных форм. Поскольку коммерческая (сбытовая) составляющая инновационного процесса в современном понимании этого термина отсутствовала в советской экономической теории, возникла проблема с оценкой эффективности изобретательской и рационализаторской деятельности, показатели которой, с одной стороны, создавали бы стимулы к дальнейшему интенсивному развитию, а с другой стороны, не противоречили, а лучше, подтверждали идею о превосходстве плановой экономики над рыночной, социалистической модели хозяйствования над капиталистической.

Наиболее транспарентные данные поступают из регулярных государственных статистических наблюдений. В СССР во второй половине XX века ежегодно издавался сборник статистических сведений «Народное хозяйство СССР», в сводном разделе которого был подраздел «Изобретательство и рационализация в народном хозяйстве». Данный подраздел изначально содержал всего три показателя: число изобретателей и рационализаторов, подавших предложения, количество поступивших предложений и количество предложений, внедренных в производство. С 1972 года в ежегоднике появился отдельный раздел «Наука и технический прогресс», а в подразделе «Изобретательство и рационализация» появился новый показатель — сумма экономии от внедрения изобретений и рационализаторских предложений в расчете на год. В 1973 году добавился показатель затраты на изобретатель-

ство и рационализацию, который отражался в официальной статистике до 1983 года. В 1979 году Центральное статистическое управление (ЦСУ) стало отдельно указывать число использованных изобретений и экономический эффект от использования изобретений. Основные показатели изобретательства и рационализаторства, на основе которых формировалась официальная статистика, отражались в форме 4-НТ (отчет о поступлении и использовании изобретений и рационализаторских предложений), которую должны были составлять все предприятия, организации, учреждения, министерства и ведомства, совхозы и колхозы СССР. Выявленные на основе собранных данных из опубликованных источников, а также из архивных документов Комитета по делам изобретений и открытий, Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов результаты новаторской активности за 1955—1989 годы можно представить в виде таблицы.

Анализ приведенных в таблице данных на первый взгляд говорит о высокой результативности изобретательства и рационализаторства в СССР. Согласно официальным данным, количество авторов изобретений и рационализаторских предложений увеличилось с 1955 по 1988 годы в 4 раза, сумма экономии от рационализаторства и изобретательства за семилетку (1959—1965 годы) суммарно составила более 11 млрд, или 1,6 млрд рублей

Таблица 1

**Динамика изобретательской и рационализаторской деятельности
в 1955—1989 годах**

Год	Число изобретателей и рационализаторов, подавших предложения, тыс. (с 1981 года, млн)	Количество поступивших предложений, тыс. (с 1984 года, млн)	Количество внедренных изобретений и рационализаторских предложений, тыс. (с 1985 года, млн) / в том числе изобретений	Экономия от внедрения предложений, млн руб. (с 1981 года, млрд руб.) / в том числе от изобретений	Затраты на изобретательство и рационализацию, млн руб.
1955	1138	2080	1160	625	—
1956	1341	2376	1405	736	—
1957	1458	2503	1537	813	—
1958	1725	2961	1816	972	—
1959	2080	3506	2162	1173	—
1960	2431	3987	2536	1457	—
1961	2594	4152	2676	1620	—
1962	2732	4259	2818	1 695/126,6	—
1963	2757	4120	2745	1 645/129,6	—
1964	2836	4053	2761	1724	—
1965	2935	4076	2841/6,9	1908	147

Окончание табл. 1

Год	Число изобретателей и рационализаторов, подавших предложения, тыс. (с 1981 года, млн)	Количество поступивших предложений, тыс. (с 1984 года, млн)	Количество внедренных изобретений и рационализаторских предложений, тыс. (с 1985 года, млн) / в том числе изобретений	Экономия от внедрения предложений, млн руб. (с 1981 года, млрд руб.) / в том числе от изобретений	Затраты на изобретательство и рационализацию, млн руб.
1966	3067	4126	2935	-*	—
1967	3117	4141	3025	-*	—
1968	3258	4167	3053	2482,3	—
1969	3457	4343	3218	-*	—
1970	3659	4591	3414/8,1	3004/262	229
1971	3709	4615	3478	3237	247
1972	3843	4733	3561	3411	261
1973	3996	4925	3747	3778	286
1974	4168	4960	3820	4391	291
1975	4336	5113	3977/14,9	4805/828	319
1976	4444	4967	4030/15,6	4910/927	331
1977	4467	4857	3988/16,7	5296/1304	332
1978	4549	4819	4014/17,5	5878/1728	352
1979	4580	4754	4019/20,5	6264/2030	359
1980	4650	5063	4048/24,0	6891/2481	379
1981	4,6	4934	3974/24,0	6,9/2,6	392
1982	4,6	4938	3986/23	7,0/2,6	395
1983	4,6	4908	3969/25	7,0/2,7	—
1984	4,6	4,9	3971/25	7,5/2,9	—
1985	4,7	5,0	4,1/0,025	7,7/3,2	394
1986	4,7	5,0	4,0/0,023	8,1/3,6	411
1987	4,5	4,8	3,9/0,023	8,4/3,8	431
1988	4,0	4,2	3,4/0,022	8,5/3,8	398
1989	2,9	3,1	2,7/0,018	8,0/3,7	325

Источники: [Алексеев, 1983, с. 135; Народное хозяйство СССР в 1962 году, 1963, с. 65; Народное хозяйство СССР в 1964 году, 1965, с. 69; Народное хозяйство СССР в 1968 году, 1969, с. 124; Народное хозяйство СССР в 1973 году, 1973, с. 184; Народное хозяйство СССР в 1975 году, 1976, с. 170; Народное хозяйство СССР в 1979 году, 1980, с. 111; Народное хозяйство СССР в 1980 году, 1981, с. 99; Народное хозяйство СССР в 1982 г., 1983, с. 91; Народное хозяйство СССР в 1988 году, 1989, с. 282, 283; Изобретательство в СССР..., 1990, с. 9; РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 1332, л. 87; д. 4431, л. 3 об.; ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3546, л. 30].

*Показатели экономии по VIII пятилетке (1966—1970 годы) в опубликованных статистических сборниках представлены как средние за год. В исследованных автором ежегодных отчетах Комитета по делам изобретений и открытий показатели экономии от рационализаторской и изобретательской деятельности за 1966, 1967, 1969 годы отсутствуют.

в год. В годы девятой пятилетки (1971—1975) сумма экономии составила 19,6 млрд, то есть 3,9 млрд рублей в год, а в годы десятой пятилетки (1976—1980) — 29,2 млрд, то есть 5,8 млрд рублей в год. В то же время годовой экономический эффект от мероприятий по новой технике в десятой пятилетке составил 21,8 млрд рублей. В 1981 году экономический эффект от использования изобретений и рационализаторских предложений составил 6,9 млрд рублей, в то время как мероприятия по новой технике принесли эффект на 4,8 млрд рублей. При этом учитываемые затраты на внедрение мероприятий по новой технике были более чем в 20 раз выше по сравнению с затратами на изобретательство и рационализацию [Народное хозяйство СССР, 1922—1982..., 1982, с. 128—129].

Вместе с тем система общепринятых отчетных показателей изобретательской и рационализаторской работы, отраженная в официальной статистике, не дает возможности провести серьезный анализ эффективности данной работы. Обращает на себя внимание тот факт, что показатели официальной статистики дают возможность анализировать в основном количественные показатели: массовость (число авторов предложений), поступление и использование изобретений и рационализаторских предложений, показатели внедрения (отношение внедренных предложений к числу принятых), сумма условного годового экономического эффекта. Отметим, что многие количественные показатели являлись определяющими в планировании и оценке изобретательства и рационализации, что создавало внешне благополучную картину при их росте в абсолютных величинах. Кроме того, поскольку до середины 1970-х годов официальная статистика публиковала общие сведения о новаторской активности без разделения на изобретения и рационализаторские предложения, на основе опубликованных данных невозможно было оценить результативность и эффект, получаемый отдельно от рационализации и от изобретательства. Показатели по изобретательству важны, поскольку новая техника создается именно на основе изобретений. Несмотря на внешне позитивную картину развития массового технического творчества, первые же проверки Комитета по делам изобретений и открытий, проведенные на предприятиях, показали, что внедряется большое количество рационализаторских предложений и очень мало изобретений. Так, в 1957 году на заводе «Запорожсталь» (г. Запорожье) было принято к внедрению 1078 рационализаторских предложений и всего 1 изобретение, на Горьковском автомобильном заводе — 9742 рационализаторских предложения и 10 изобретений [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 212, л. 7, 11]. Увеличение количества внедряемых рационализаторских предложений было связано еще с довоенной практикой мобилизации усилий производственников на минимизацию поломок и списаний работаю-

щих станков и оборудования [Наука большой ..., с. 486—489]. Та же тенденция, несмотря на общемировой тренд сокращения сроков создания и внедрения новой техники, сохранилась и в послевоенное время. К тому же суммарный экономический эффект от использования рационализаторских предложений за весь исследуемый период был выше, чем от использования изобретений (табл. 1). В 1971 году экономия от внедрения изобретений составила всего 9 % от общей экономии от рационализации и изобретательства, в 1976 году — 19 % от общей экономии, в 1980 году этот показатель возрос до 36 %, но никогда за весь исследуемый период не доходил до 50 % [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3596, л. 2 об.].

Поскольку собираемые данные конца 1950-х — начала 1960-х годов показали, что в СССР внедряется малое количество изобретений (по официальной статистике, порядка 30—40 % от числа зарегистрированных). Это подтверждалось проверками, проводимыми Комитетом по делам изобретений и открытий. Кроме того, ввиду отсутствия показателя, характеризующего распространение изобретений, в показатели статистического учета по внедрению стали включать повторное использование изобретений на других предприятиях, что обеспечило резкий рост показателя внедренных изобретений в годы восьмой и девятой пятилеток в опубликованных данных. Показатель внедрения с учетом повторно использованных изобретений был в 2—4 раза выше показателя впервые использованного изобретения (табл. 2, 1968—1983 гг.). Только с 1975 года была введена новая статистическая отчетность, которая показывала число использованных изобретений без повторного внедрения.

Показатель количества поданных предложений сохранялся во всех формах отчетности на протяжении всего исследуемого периода. При этом необходимо иметь в виду, что количество поданных на рассмотрение и принятых к рассмотрению предложений сильно разнилось. Все заявки на предполагаемое рационализаторское предложение должны были изучаться техническими отделами цехов, бюро рационализации и изобретательства (БРИЗ) предприятий, а заявки на предполагаемые изобретения попадали на экспертизу в Комитет по делам изобретений и открытий, где проходили предварительную экспертизу на предмет корректного оформления. Погоня за количеством предложений в отсутствие внимания к их содержанию привела к тому, что на протяжении 1960 — начала 1980-х годов порядка 20—25 % поступивших в Комитет предложений отклонялись на стадии предварительной экспертизы. Так, в 1968 году 22 % поступивших заявок было возвращено заявителям в связи с неудовлетворительным оформлением, в 1973 году этот показатель достиг 29 % [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 2323, л. 3, 4; д. 4431, л. 4]. По рационализаторским предложениям процент отклонения был несколько

Таблица 2

Динамика изобретательской активности в СССР в 1955—1990 годах

Год	Подано заявок на изобретения, ед.	Количество зарегистрированных изобретений, ед.	Зарегистрированные к поданным, в %	Использовано изобретений впервые /с повторным внедрением, ед.	Использованные впервые к зарегистрированным, в %
1955	18800	2567	14	1351	53
1956	13436	2751	20	1339	49
1957	25088	6711	27	1573	23
1958	26665	6788	25	1552	23
1959	33432	8764	26	1797	21
1960	41027	9028	22	2619	29
1961	66426	8922	13	3285	37
1962	53053	8516	16	4626	54
1963	62640	7296	12	5172	71
1964	72135	9011	12	6229	69
1965	101188	10146	10	6921	68
1967	83878	20336	24	5939	29
1968	86013	25453	30	7530/20904	30
1969	94775	26626	28	—/23769	-
1970	115520	32466	28	8074/26001	25
1971	129228	35632	28	10017/31347	28
1972	132406	41148	31	11203/36066	27
1973	116480	50519	43	12270/39805	24
1974	106265	43044	41	9990/40005	23
1975	119163	44121	37	14856/25974	34
1976	132855	43142	32	15631/26762	36
1977	125685	48652	39	16679/28326	34
1978	143548	54593	38	17525/29835	32
1979	157151	71208	45	20541/33748	29
1980	168589	94582	56	24054/37494	25
1981	149500	98479	66	24037/36738	24
1982	159958	91096	57	23035/49823	25
1983	151970	74200	49	24912/52189	34
1984	148320	63858	43	22900/—	36
1985	168012	74590	44	25066/38426	34
1986	171807	79367	46	22940/35012	29
1987	180563	85018	47	22946/34286	27
1988	174688	83983	48	22262/31611	27
1989	148813	84577	57	17699/24793	21
1990	118843	84658	71	13435/19186	16

Источники: [Алексеев, 1983, с. 135; Промышленная собственность..., 1991, с. 32, 33, 196, 198; Изобретательство в СССР..., 1990, с. 9; Народное хозяйство СССР в 1962 году, 1963, с. 65; Народное хозяйство СССР в 1964 году, 1965, с. 69; Народное хозяйство СССР в 1968 году, 1969, с. 124; РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 196а, л. 18; д. 132а, л. 3; д. 508а, л. 66; д. 5026, л. 2; д. 1013, л. 11; д. 1332, л. 88; д. 2323, л. 4; д. 2518, л. 34; д. 3680, л. 14; ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3191, л. 2 об; д. 3546, л. 30, 31; д. 3596, л. 2, 2 об.; д. 3802, л. 1].

ниже — порядка 15—20 %, но с учетом количества подаваемых на рацпредложения заявок объемы работы были значительными. Большое количество непродуманных, а порой и бесполезных рационализаторских предложений, поступающих в технические отделы цехов, БРИЗы, фактически обесценивали работу сотрудников этих отделов, притупляли интерес к рассмотрению предложений. Так, председатель БРИЗа завода им. Серго Татарской АССР Бричев указывал: «Нужно 40 предложений собрать, а подают только 10, сроки уходят, скоро придут за отчетными сведениями, поэтому берут какую-нибудь работницу и просят писать предложение, а в результате получается конфуз...» [ГА РТ, ф. Р-1677, оп. 2, д. 3, л. 114].

Таким образом, показатель количества поданных предложений не отражал показатели результативности изобретательства и рационализаторства. На страницах журнала «Изобретательство в СССР» (печатный орган Комитета по делам изобретений и открытий) развернулась дискуссия по поводу необходимости учета данного показателя [О массовости..., 1957, с. 31—32], однако, как отмечалось выше, данный показатель обязательно учитывался во всех формах отчетности деятельности по развитию рационализации и изобретательства предприятий и организаций.

3.2. Проблемы оценки эффективности изобретательства и рационализаторства

В 1950—1960-е годы для оценки работы предприятий в области изобретательства и рационализаторства министерства и ведомства разрабатывали показатели, которые бы наиболее объективно отражали результаты работы в данной области. В отличие от показателей, используемых ЦСУ для публикации официальных данных, в ведомственной статистике в числе прочих использовались относительные показатели: процентное отношение числа внедренных к числу принятых предложений, сумма условно-годовой экономии на одного работающего; число поступивших предложений на каждые 100 работающих и пр. При этом министерства и ведомства, в целях скорейшего внедрения изобретений и рационализаторских предложений устанавливали подведомственным предприятиям контрольные цифры внедрения, которые нужно было выполнять под угрозой взыскания за слабую работу по внедрению предложений. Показатель процента внедрения принятых предложений входил также в показатели социалистического соревнования. При таких условиях учет и сравнение показателей по разным предприятиям вряд ли может отражать эффективность изобретательской и рационализаторской работы. Как указывалось выше, количество поданных предложений, пусть даже и в относительном выражении (например, на 100 работающих), не учитывает качество принятых предложений. Поэтому при данной системе с одинаковым успехом

можно было добиться хороших показателей внедрения, идя по пути увеличения мероприятий по внедрению либо по пути отклонения предложений и уменьшения числа принятых предложений. С учетом необходимости выполнять контрольные показатели внедрения и первый, и второй путь вряд ли могли способствовать реальному совершенствованию производства. Так, выступая на XII съезде Татарской областной конференции ВОИР (Казань, 22 марта 1986 года), Л. Г. Голубев, заведующий кафедрой Казанского химико-технологического института (в настоящее время Казанский национальный исследовательский технологический университет), указывал, что расчет процента внедренных рационализаторских предложений к числу поданных являлся не только не полезным, но даже вредным, поскольку если организация «для галочки» выполняет показатель поданных рационализаторских предложений (независимо от того, нужны они производству или нет), а потом начинает их внедрять, то такое внедрение чревато крупными неприятностями для всего производства. Не случайно на автозаводах СССР сложилось мнение, что качество машин после доводки ухудшается из-за рационализаторских предложений [ГА РТ, ф. Р-1977, оп. 3, д. 595, л. 30.]. При втором подходе предприятие сначала «мобилизует» своих работников в погоне за количеством предложений и авторов, а потом, выполняя показатель отчетности по внедрению, отклоняет большую часть предложений, иногда полезных для производства [Зонн, 1956, с. 33—34].

Таблица 3

Динамика численности авторов изобретений

Пятилетки	Количество зарегистрированных Изобретений, ед.	Численность авторов изобретений, чел.	Средняя численность авторов на одно изобретение
V (1951—1955)	11082	18330	1,7
VI (1956—1960)	34042	83057	2,4
VII (1961—1965)	43891	129847	3,0
VIII (1966-1970)	118107	353176	3,0
IX (1971—1975)	214464	683535	3,2
X (1976—1980)	312177	1062026	3,4
XI (1981—1985)	402223	1448608	3,6
XII (1986—1990)	417603	1501893	3,6

Источники: [Промышленная собственность ..., 1991, с. 196—198].

Показатель массовости (количество авторов, подавших заявки на рационализаторские предложения и изобретения) также необходимо рассматривать во взаимосвязи с изменениями нормативно-правовой базы изобрета-

тельства и рационализаторства. Среднее число авторов росло на протяжении всего исследуемого периода и в 1960—1980 годы составляло примерно 3,3 автора на одно изобретение (табл. 3). Одна из причин роста количества соавторов изобретений в 1960-х годах заключалась в том, что в эти годы за каждое служебное изобретение предприятия и организации начали выплачивать поощрительное вознаграждение в сумме 200 руб., но не более 50 руб. на одного автора. Простая арифметика подсказывала, что число авторов должно укладываться в заданные рамки (4 соавтора), соответственно стали формироваться и авторские коллективы [Мамаев, 1976, с. 42].

Еще в 1965 году на совещании актива ВОИР Волго-Вятского совнархоза представитель Комитета по делам изобретений и открытий И. Л. Митраков говорил, что необходимо разработать оптимальные показатели эффективности изобретательства и рационализаторства для включения их в индикаторы социалистического соревнования. Так, было предложено использовать следующие показатели: экономия от внедрения предложений (отдельно по рационализаторским предложениям и изобретениям) на рубль валовой продукции; экономия от внедрения изобретений и рационализаторских предложений на одного промышленно-производственного рабочего; количество поступивших от изобретателей и рационализаторов предложений на одного, 100 или 1000 человек работающих [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 1777, л. 77—78]. Комитет по делам изобретений и открытий в 1963—1964 годах изучил эти данные по разным совнархозам, и оказалось, что показатели результативности изобретательства и рационализации по относительным показателям не только не росли, а наоборот, падали из года в год, причём значительно. Так, Волго-Вятский совнархоз в 1963 году занимал девятое место по выпуску валовой продукции и 17 место по экономии на один рубль валовой продукции, а в 1964 году данный совнархоз занял уже 28 место по экономии на рубль валовой продукции. По экономии на одного работника данный совнархоз с 27 места за год переместился на 41 место, а по количеству поданных предложений на одного работающего — с 22 на 33 место [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 1777, л. 79—80]. В 1960-е годы Комитет по делам изобретений и открытий даже начал разработку комплексной программы по повышению эффективности изобретательства. Было предложено большое количество мероприятий по улучшению управления изобретательством и рационализацией в стране, в том числе предложены меры по совершенствованию показателей отчетности. Однако большая часть этих предложений так и осталась на бумаге [Пинаева, 2023].

В 1980-е годы проблемы расхождения между официальными показателями развития изобретательства и рационализации и реальным положением дел в промышленности стали настолько очевидны, что едва ли не на

каждом заседании Комитета по делам изобретений и открытий говорилось о необходимости изменения системы планирования изобретательства и пересмотра показателей результативности.

Таблица 4

Динамика изобретательской активности на 10 тыс. рабочих и служащих в 1986—1990 годах

Год	Количество поданных заявок на изобретения на 10 тыс. рабочих и служащих	Выдано авторских свидетельств на 10 тыс. рабочих и служащих	Использовано впервые изобретений на 10 тыс. рабочих и служащих
1986	14,4	5,5	1,9
1987	15,0	7,1	1,9
1988	14,5	7,0	1,9
1989	12,4	7,1	1,5
1990	10,0	7,2	1,2

Источники: [Промышленная собственность ..., 1991, с. 12].

Так, если рассмотреть относительные показатели, например, соотношение количества поданных заявок на изобретения, выданных авторских свидетельств и использованных впервые изобретений в расчете на 10 тысяч рабочих и служащих, то можно отметить снижение как изобретательской активности, так и практического использования изобретений в конце 1980-х годов (табл. 4) при в целом положительной динамике по количеству авторов, заявок и выдаче авторских свидетельств в абсолютных величинах (табл. 2, 3).

Важнейшим показателем эффективности новаторства была сумма годового экономического эффекта. На основании этого индикатора оценивались результаты по годам внедрения (для изобретений — 5 лет, для рационализаторских предложений — 2 года) и определялась сумма вознаграждения авторам.

Расчет условного годового экономического эффекта на предприятиях был регламентирован следующими нормативными актами: «Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях», утвержденное 21 августа 1973 года № 584 [Законодательство СССР..., 1981, с. 19—70]; «Методика (Основные положения) определения экономической эффективности использования в народном хозяйстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений», утвержденная 14 февраля 1977 года [Законодательство СССР..., 1982, с. 314—350]; «Инструкция о порядке составления отчета о поступлении и использовании изобретений и рационализаторских предложений по форме 4-НТ», утвержденная

27 ноября 1980 года [Законодательство СССР..., 1982, с. 24—39]; Отраслевые инструкции, основанные на методике 1977 года. Однако в разделе IV «Методики...» (особенности расчета экономического эффекта от использования изобретений и рационализаторских предложений при определении размеров авторского вознаграждения) указан только перечень показателей, по которым определялась сумма авторского вознаграждения [Законодательство СССР ..., 1982, с. 330—331]. В других нормативных актах также не отражены способы определения экономического эффекта и их особенности по сравнению с другими формами внедрения новой техники.

При этом оценка достоверности исходных данных и обоснованности отдельных статей экономии от внедрения рационализаторских предложений на предприятиях не осуществлялась, поскольку к расчетам обычно привлекались исполнители по изобретательству и рационализации, действующие в цехах и подразделениях на общественных началах, которые были заинтересованы в завышении экономического эффекта. Подтверждение правильности расчетов экономическими службами предприятия производилось только по крупным предложениям. В результате этого по ряду предложений эффект завышался в несколько раз [Локшина, 1984, с. 68—69].

В статистике по изобретательству хотя и наблюдался значительный рост годового экономического эффекта как в абсолютной сумме, так и в расчете на одно изобретение (табл. 5), но он был получен в основном за счет изменений в учете, так как с 1974 года годовой экономической эффект по изобретательству учитывался по полной сумме в течение 5 лет с момента внедрения, а не по приросту эффекта за счет расширения внедрения, как было ранее, что и обеспечило почти двукратный прирост экономии в расчете на одно изобретение в X и XI пятилетках.

Проверки Комитета по делам изобретений и открытий показывали, что внедряемые на предприятиях предложения в большой своей части фактически оказывались убыточными из-за незначительного эффекта в сумме до 50 рублей, который не перекрывался произведенными затратами на внедрение и выплату поощрений. Так, на расширенном заседании коллегии Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий, состоявшемся в октябре 1978 года, первый заместитель Председателя Госкомитета И. С. Наяшков возмущался: «О какой эффективности может идти речь, если, например, Воронежский шинный завод внедрил изобретение «Способ обнаружения короткозамкнутых витков в катушке с магнитопроводом», давшее экономический эффект 5 рублей в год» [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 3835, л. 19]. Многими предприятиями и организациями экономический эффект определялся лишь по четверной части используемых, созданных ими же изобретений, а количество изобретений, дающих эконо-

Таблица 5

 Средние размеры экономии и выплаты вознаграждений
 изобретателям и рационализаторам в 1971—1989 годах

Год	Средний размер экономии на одно рацпредложение, руб.	Средний размер выплаты вознаграждения на одно рацпредложение, руб.	Средний размер экономии на одно изобретение, тыс. руб.	Средний размер выплаты вознаграждения на одно впервые использованное изобретение, руб.
1971	1534	43	31,0	1318
1972	1558	44	28,7	1147
1973	1619	46	30,5	1340
1974	1677	45	53,7	1488
1975	1731	46	45,5	1143
1976	1762	47	45,4	1135
1977	1780	46	52,3	1134
1978	1805	48	59,2	1315
1979	1856	46	55,3	1337
1980	1930	49	59,5	1450
1981	1946	51	54,3	1668
1982	1989	51	52,7	1721
1985	2119	50	51,1	1496
1986	2182	53	50,0	1761
1987	2376	54	49,6	2096
1988	2757	58	48,9	2434
1989	3715	57	49,5	2672

Источники: [Изобретательство в СССР..., 1990, с. 118—119, 146—147; ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3546, л. 3, 4; д. 3596, л. 2, 2 об.; д. 3802, л. 1, 1 об.].

мию до 1 тысячи рублей, доходило до 70 %. По большинству внедренных рационализаторских предложений экономический эффект вообще не рассчитывался. Так, в 1970—1980-е годы только по половине рационализаторских предложений производился подсчет экономии [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3546, л. 3.]. Это свидетельствует о внедрении мелкотемья, а значит, и о невысоком качественном состоянии рационализации и изобретательства. В 1985 году Всесоюзный научно-исследовательский институт патентной информации (ВНИИПИ) разрабатывал научную тему «Совершенствование управления изобретательством при создании и освоении новой техники и технологии», по результатам которой было предложено изменить нормативную базу по изобретательству и рационализации, усовершенствовать показатели статистической отчетности, в том числе форму 4-НТ [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4059, л. 1—110].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в исследуемый период в основу статистического учета развития изобретательства и рационализации в стране были положены количественные показатели, выраженные в абсолютных величинах. Анализируя количество применяемых показателей и методику подсчета результатов изобретательства и рационализации, можно отметить их множественность, вариативность, в результате чего достаточно сложно сравнить показатели даже на относительно небольших отрезках времени.

На протяжении всего исследуемого периода прослеживается тенденция к росту количественных показателей. Действительно, СССР, в том числе благодаря массовому изобретательству, вышел на передовые позиции по числу регистрируемых заявок на изобретения. Существует мнение, что делалось это из-за «сверхпатриотичной потребности завоевать национальное первенство в науке» [Swanson, 1984, p. 122]. Безусловно, стимулирование массового изобретательства и рационализаторства в условиях гонки вооружений стало способом интенсификации производства в гражданских отраслях и своеобразным способом компенсации конструкторских и технологических недоработок. Однако анализ имеющихся данных позволяет сделать вывод, что качественное состояние изобретательства и рационализаторства было далеко не лучшим. Относительные показатели (поступление и использование изобретений и рационализаторских предложений на одного автора, годовой экономической эффект на одно внедренное предложение, соотношение годового экономического эффекта и вознаграждения авторам и содействующим рационализации и изобретательству, отношение числа авторов к общей численности работников предприятий или к определенному числу рабочих и служащих и пр.) развивались низкими темпами, а в определенные периоды демонстрировали отрицательную динамику. В целом надо отметить, что качественные показатели эффективности не стали определяющими в планировании, оценке и поощрении изобретательства и рационализации в СССР.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Артемьев Е. И. Роль изобретательства и патентно-лицензионной работы в ускорении научно-технического прогресса в свете решений XXV съезда КПСС / Е. И. Артемьев // Тезисы доклада на Семинаре руководителей всесоюзных и центральных органов НТИ и представителей министерств и ведомств. — Москва : [б. и.], 1976. — 10 с.
2. ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан. — Ф. Р-1677.
3. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 5587 ; Ф. 7752.

4. *Законодательство СССР по изобретательству*. — Москва : ВНИИПИ, 1981. — Т. 1. — 356 с.
5. *Законодательство СССР по изобретательству*. — Москва : ВНИИПИ, 1982. — Т. 2. — 442 с.
6. Зонн Г. К. Порочный показатель / Г. К. Зонн // *Изобретательство в СССР*. — 1956. — № 6. — С. 33—34.
7. *Изобретательство в СССР в 1989 году : статистический ежегодник*. — Москва : ВНИИПИ, 1990. — 275 с.
8. КПСС. XX Съезд. Стенографический отчет. — Москва : Госполитиздат, 1956. — Т. 2. — 559 с.
9. Мамаев В. О соавторстве / В. Мамаев // *Изобретатель и рационализатор*. — 1976. — № 2. — С. 42.
10. *Материалы XXV съезда КПСС*. — Москва : Политиздат, 1977. — 256 с.
11. *Народное хозяйство СССР в 1962 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Статистика, 1963. — 736 с.
12. *Народное хозяйство СССР в 1964 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Статистика, 1965. — 887 с.
13. *Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Статистика, 1969. — 832 с.
14. *Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Статистика, 1974. — 880 с.
15. *Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Статистика, 1976. — 846 с.
16. *Народное хозяйство СССР в 1979 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Статистика, 1980. — 616 с.
17. *Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Финансы и статистика, 1981. — 583 с.
18. *Народное хозяйство СССР в 1982 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Финансы и статистика, 1983. — 574 с.
19. *Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник*. — Москва : Финансы и статистика, 1989. — 766 с.
20. *Народное хозяйство СССР. 1922—1982 : Юбилейный статистический ежегодник*. — Москва : Финансы и статистика, 1982. — 624 с.
21. *Некоторые тенденции и проблемы развития изобретательства в СССР : Материал для обсуждения*. — Москва : [б. и.], 1986. — 42 с.
22. *О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации* [Электронный ресурс] // Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. — Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения 15.07.2024).
23. *Об объявлении 2024 года в Республике Татарстан годом научно-технологического развития* / Указ Раиса Республики Татарстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://pravo.tatarstan.ru/president/ukaz.htm?npa_id=1255801 (дата обращения 09.07.2024).
24. *Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий* [Электронный ресурс] // Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231. — Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения 15.07.2024).

25. *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»* [Электронный ресурс] // Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. N 377. — Режим доступа : <https://base.garant.ru/72216664/> (дата обращения 15.07.2024).
26. *Промышленная собственность в СССР и за рубежом. 1990. Статистический ежегодник.* — Москва : ВНИИПИ, 1991. — 204 с.
27. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики.* — Ф. 373.
28. *О массовости подлинной и мнимой* // *Изобретательство в СССР.* — 1957. — № 9. — С. 31—32.
29. *2021 год* объявлен в России годом науки и технологий [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. — Режим доступа : <https://minobrnauki.gov.ru/god-nauki/> (дата обращения 15.07.2024).
30. *Intellectual property statistical country profile 2022.* Russian Federation [Electronic resource] // Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). WIPO IP Statistics Data Center. — Access mode : <https://www.wipo.int/edocs/statistics-country-profile/en/ru.pdf> (accessed 05.07.2024).
31. *WIPO IP Statistics Data Center* [Electronic resource] // ВОИС. — Access mode : <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/search-result?type=IPS&selectedTab=patent&indicator=10&reportType=11&fromYear=1980&toYear=2022&ipsOffSelValues=SU&ipsOriSelValues=&ipsTechSelValues=900> (accessed 05.07.2024).

Литература

1. *Алексеев Г. М.* Движение изобретателей и рационализаторов в СССР, 1917—1982 / Г. М. Алексеев. — Москва : Мысль, 1983. — 252 с.
2. *Артемов Е. Т.* Экономическая политика позднесоветской эпохи : проблема выбора приоритетов / Е. Т. Артемов // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки.* — 2021. — Т. 23. — № 1 (204). — С. 210—224. — DOI: 10.15826/izv2.2021.23.1.014.
3. *Бодрова В. Е.* Изменение правительственного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР во второй половине 1960-х годов / В. Е. Бодрова, В. В. Калинов // *Научный диалог.* — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 364—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380.
4. *Ипполитов Г. К.* Труд создателей новой техники : стимулы и эффективность / Г. К. Ипполитов. — Москва : Экономика, 1989. — 112 с.
5. *Крот Л. А.* Изобретательство и рационализация : организация и управление / Л. А. Крот. — Ленинград : Лениздат, 1988. — 159 с.
6. *Лахтин Г. А.* Организация советской науки: история и современность / Г. А. Лахтин. — Москва : Наука, 1990. — 217 с.
7. *Локишина Т. Я.* Совершенствование методов оценки эффективности и стимулирования рационализации и изобретательства : на примере предприятий черной металлургии : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Т. Я. Локишина. — Донецк, 1984. — 203 с.
8. *Митяков С. Н.* Модель мобилизационной экономики / С. Н. Митяков // *Развитие и безопасность.* — 2022. — № 1 (13). — С. 16—33. — DOI: 10.46960/2713-2633_2022_1_16.
9. *Мишулин Г. М.* Приоритетный подход к показателям результативности изобретательской деятельности и ее информационно-маркетингового сопровождения / Г. М. Мишулин, Е. Д. Еременко // *Управление наукой и наукометрия.* — 2023. — Т. 18. — № 4. — С. 721—758. — DOI: 10.33873/2686-6706.2023.18-4.721-758.

10. *Наука большой страны : советский опыт управления* / М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова и др. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2023. — 625 с. — ISBN 978-5-7281-3334-6.

11. *Остапенко И. П.* Рабочий класс в управлении производством 1956—1970 гг. / И. П. Остапенко. — Москва : Наука, 1976. — 484 с.

12. *Пинаева Д. А.* Плановые инновации: предложения по повышению эффективности изобретательства в СССР в середине 1950-х — конце 1960-х годов / Д. А. Пинаева, Э. Р. Салахутдинова // *Научный диалог*. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 428—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449.

13. *Рассохин В. П.* Механизм внедрения достижений науки. Политика, управление, право / В. П. Рассохин. — Москва : Наука, 1985. — 286 с.

14. *Стрельцова Е. А.* Глобальные потоки технологического знания : место России / Е. А. Стрельцова // *Журнал Новой экономической ассоциации*. — 2022. — № 5 (57). — С. 39—54. — DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-3.

15. *Чехломин С. В.* Инновационная активность организаций в России и факторы, влияющие на нее / С. В. Чехломин, А. В. Аксянова // *Вопросы инновационной экономики*. — 2019. — Т. 9. — № 4. — С. 1459—1468. — DOI: 10.18334/vinec.9.4.41214.

16. *Swanson J. M.* *Scientific Discoveries and Soviet Law : A Sociohistorical Analysis* / J. M. Swanson. — Gainesville : University of Florida Press, 1984. — 150 p.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2024,
одобрена после рецензирования 30.08.2024,
подготовлена к публикации 23.10.2024.*

Material resources

Artemyev, E. I. (1976). The role of invention and patent-licensing work in accelerating scientific and technological progress in the light of the decisions of the XXV Congress of the CPSU. In: *Abstracts of the report at the Seminar of the heads of the All-Union and central NTI bodies and representatives of ministries and departments*. Moscow: [b. i.]. 10 p. (In Russ.).

GA of the Republic of Tatarstan — *State Archive of the Republic of Tatarstan*. F. R-1677. (In Russ.).

GA of the Russian Federation — *State Archive of the Russian Federation*. F. 5587; F. 7752. (In Russ.).

Industrial property in the USSR and abroad. 1990. Statistical yearbook. (1991). Moscow: VNIPI. 204 p. (In Russ.).

Intellectual property statistical country profile 2022. Russian Federation. *The World Intellectual Property Organization (WIPO). WIPO IP Statistics Data Center*. Available at: <https://www.wipo.int/edocs/statistics-country-profile/en/ru.pdf> (accessed 05.07.2024).

Invention in the USSR in 1989: statistical yearbook. (1990). Moscow: VNIPI. 275 p. (In Russ.).

Legislation of the USSR on invention, 2. (1982). Moscow: VNIPI. 442 p. (In Russ.).

Legislation of the USSR on invention, 1. (1981). Moscow: VNIPI. 356 p. (In Russ.).

Mamaev, V. (1976). About co-authorship. *Inventor and innovator*, 2: S. 42. (In Russ.).

Materials of the XXV Congress of the CPSU. (1977). Moscow: Politizdat. 256 p. (In Russ.).

National Economy of the USSR. 1922—1982: Jubilee statistical yearbook. (1982). Moscow: Finance and Statistics. 624 p. (In Russ.).

On the announcement of the Decade of Science and Technology in the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation dated 25.04.2022 № 231. Avail-

- able at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (accessed 15.07.2024). (In Russ.).
- On the approval of the state program of the Russian Federation “Scientific and technological development of the Russian Federation”. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 29, 2019 № 377.* Available at: <https://base.garant.ru/72216664/> (accessed 15.07.2024). (In Russ.).
- On the declaration of 2024 in the Republic of Tatarstan as the year of scientific and technological development / Decree of the Raisa of the Republic of Tatarstan. Available at: https://pravo.tatarstan.ru/president/ukaz.htm/?npa_id=1255801 (accessed 29.07.2024). (In Russ.).
- On the mass character of genuine and imaginary. (1957). *Inventiveness in the USSR*, 9: 31—32. (In Russ.).
- On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation dated 28.02.2024 № 145.* Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (accessed 15.07.2024). (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 373.* (In Russ.).
- Some trends and problems of the development of invention in the USSR: Material for discussion.* (1986). Moscow: [b. i.]. 42 p. (In Russ.).
- Sonn, G. K. (1956). Vicious indicator. *Invention in the USSR*, 6: 33—34. (In Russ.).
- The CPSU. XX Congress. A verbatim report*, 2. (1956). Moscow: Gospolitizdat. 559 p. (In Russ.).
- The national economy of the USSR in 1962. Statistical yearbook.* (1963). Moscow: Statistics. 736 p. (In Russ.).
- The national economy of the USSR in 1964. Statistical yearbook.* (1965). Moscow: Statistics. 887 p. (In Russ.).
- The national economy of the USSR in 1968. Statistical yearbook.* (1969). Moscow: Statistics. 832 p. (In Russ.).
- The national economy of the USSR in 1973. Statistical yearbook.* (1974). Moscow: Statistics. 880 p. (In Russ.).
- The national economy of the USSR in 1975 Statistical yearbook.* (1976). Moscow: Statistics. 846 p. (In Russ.).
- The national economy of the USSR in 1979 Statistical yearbook.* (1980). Moscow: Statistics. 616 p. (In Russ.).
- The national economy of the USSR in 1980 Statistical yearbook.* (1981). Moscow: Finance and Statistics. 583 p. (In Russ.).
- The national economy of the USSR in 1982. Statistical yearbook.* (1983). Moscow: Finance and Statistics. 574 p. (In Russ.).
- The National economy of the USSR in 1988. Statistical yearbook.* (1989). Moscow: Finance and Statistics. 766 p. (In Russ.).
- WIPO IP Statistics Data Center. WIPO.* Available at: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/search-result?type=IPS&selectedTab=patent&indicator=10&reportType=11&fromYear=1980&toYear=2022&ipsOffSelValues=SU&ipsOriSelValues=&ipsTechSelValues=900> (accessed 05.07.2024).
- 2021 has been declared the Year of Science and Technology in Russia. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: official website.* Available at: <https://minobnauki.gov.ru/god-nauki/> (accessed 15.07.2024). (In Russ.).

References

- Alekseev, G. M. (1983). *The movement of inventors and innovators in the USSR, 1917—1982*. Moscow: Mysl. 252 p. (In Russ.).
- Artyomov, E. T. (2021). Economic policy of the late Soviet era: the problem of choosing priorities. *Izvestia of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, 23 / 1 (204): 210—224. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.1.014. (In Russ.).
- Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2024). Shift in Government Policy Regarding Computer Technology Development in USSR in Late 1960s. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 364—380. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380> (In Russ.).
- Chehlomin, S. V., Aksyanova, A. V. (2019). Innovative activity of organizations in Russia and factors influencing it. *Issues of innovative economics*, 9 (4): 1459—1468. DOI: 10.18334/vinec.9.4.41214. (In Russ.).
- Ippolitov, G. K. (1989). *The work of the creators of new technology: incentives and efficiency*. Moscow: Ekonomika. 112 p. (In Russ.).
- Lakhtin, G. A. (1990). *The organization of Soviet science: history and modernity*. Moscow: Nauka. 217 p. (In Russ.).
- Lokshina, T. Ya. (1984). *Improving methods for evaluating the effectiveness and stimulating rationalization and invention: on the example of ferrous metallurgy enterprises*. PhD Diss. Donetsk. 203 p. (In Russ.).
- Mishulin, G. M., Eremenko, E. D. (2023). Priority approach to performance indicators of inventive activity and its information and marketing support. *Management of science and scientometrics*, 18 (4): 721—758. DOI: 10.33873/2686-6706.2023.18-4.721-758. (In Russ.).
- Mityakov, S. N. (2022). The model of mobilization economy. *Development and security*, 1 (13): 16—33. DOI: 10.46960/2713-2633_2022_1_16. (In Russ.).
- Mole, L. A. (1988). *Invention and rationalization: organization and management*. Leningrad: Lenizdat. 159 p. (In Russ.).
- Ostapenko, I. P. (1976). *The working class in production management 1956—1970*. Moscow: Nauka. 484 p. (In Russ.).
- Pinaeva, D. A., Salakhutdinova, E. R. (2023). Planned innovations: proposals for improving the efficiency of invention in the USSR in the mid-1950s — late 1960s. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 428—449. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-428-449. (In Russ.).
- Rassokhin, V. P. (1985). *The mechanism of implementation of scientific achievements. Politics, management, law*. Moscow: Nauka. 286 p. (In Russ.).
- Science of a large country: the Soviet experience of management*. (2023). Moscow: Russian State University for the Humanities. 625 p. ISBN 978-5-7281-3334-6. (In Russ.).
- Streltsova, E. A. (2022). Global flows of technological knowledge: the place of Russia. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57): 39—54. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-3. (In Russ.).
- Swanson, J. M. (1984). *Scientific Discoveries and Soviet Law: A Sociohistorical Analysis*. Gainesville: University of Florida Press. 150 p.

*The article was submitted 19.07.2024;
approved after reviewing 30.08.2024;
accepted for publication 23.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Сафронова А. М. Словесная и арифметическая школы Уктусского завода (1735—1742) / А. М. Сафронова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 505—522. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-505-522.

Safronova, A. M. (2024). Literary and Arithmetic Schools of Uktus Factory (1735–1742): A Historical Analysis. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 505-522. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-505-522. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Словесная и
арифметическая
школы Уктусского завода
(1735—1742)**

Сафронова Алевтина Михайловна

orcid.org/0000-0002-4692-3025

ScopusAuthorID 57220781089

WoS ResearcherID AAG-3084-2021

доктор исторических наук,
профессор кафедры документоведения
архивоведения и истории
государственного управления
Alevtina.Safronova@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

**Literary and Arithmetic
Schools of Uktus Factory
(1735—1742):
A Historical Analysis**

Alevtina M. Safronova

orcid.org/0000-0002-4692-3025

ScopusAuthorID 57220781089

WoS ResearcherID AAG-3084-2021

Doctor of History, Professor,
Department of Documentation,
Archival Science and History
of Public Administration
Alevtina.Safronova@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрена деятельность школ при Уктусском заводе, открытых благодаря активной политике В. Н. Татищева как главы заводов (1734—1739 годы), по привлечению детей всех заводских жителей к школьному обучению. Установлено число учащихся школ по третям года, проведение коллективных наборов детей, общее число обученных грамоте и основам математики, раскрыт социальный и возрастной состав учащихся. Показано, что в условиях формирования сети школ при заводах в 1735—1736 годах перемещение мастеровых на другие заводы в связи с производственной необходимостью за редким исключением не пресекало обучения детей и приводило к обновлению состава учащихся на Уктусе. Охарактеризована личность учителя, ссыльного Никиты Афанасьева, его активная позиция по улучшению организации обучения детей грамоте. Установлены даты начала обучения арифметике учащихся Уктусской словесной школы в Екатеринбурге, открытия арифметической школы при Уктусском заводе, назначения попеременно лучших учеников Екатеринбургской школы для обучения детей на Уктусе под смотрением учителей Федора Санникова и Афанасия Кичигина. Показаны причины закрытия школ при Уктусском заводе осенью 1742 года и резкое сужение числа обучаемых детей с 1743 года.

Ключевые слова:

Уктусский завод; Верхнеуктусский завод; словесная школа; школа арифметическая; заводские школы; Урал.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the activities of the schools established at the Uktus Factory, initiated by the proactive policies of V. N. Tatischev during his tenure as the head of the factories (1734–1739), aimed at engaging children from all factory residents in formal education. The study establishes enrollment figures for the schools over three-year intervals, details collective recruitment efforts, and presents the total number of students taught literacy and basic mathematics, alongside an analysis of the social and age demographics of the pupils. It demonstrates that during the establishment of a network of factory schools in 1735–1736, the movement of skilled workers to other factories due to production needs rarely interrupted children's education, often resulting in a turnover of students at Uktus. The article characterizes the teacher, exiled Nikita Afanasyev, highlighting his proactive approach to enhancing the organization of literacy instruction. It identifies key dates regarding the commencement of arithmetic education at the Uktus Literary School in Yekaterinburg, the founding of the arithmetic school at the Uktus Factory, and the appointment of top students from the Yekaterinburg school to teach Uktus children under the supervision of teachers Fyodor Sannikov and Afanasy Kichigin. The reasons for the closure of the schools at the Uktus Factory in autumn 1742 and the sharp decline in student enrollment from 1743 onwards are also analyzed.

Key words:

Uktus Factory; Upper Uktus Factory; literary school; arithmetic school; factory schools; Ural.

Словесная и арифметическая школы Уктусского завода (1735—1742)

© Сафронова А. М., 2024

1. Введение = Introduction

В. Н. Татищев в период второго руководства казенными заводами Урала и Сибири (1734—1739 годы) открывал при них школы, чтобы обучить детей грамоте, а затем и арифметике. Благодаря этому почти вся молодежь, рожденная во второй половине 1720-х — середине 1730-х годов, была грамотной. Воплощение в жизнь этой политики на примере конкретных учебных заведений представляет большой интерес. Важно знать особенности деятельности каждой из горнозаводских школ, количество и состав их учащихся, иметь представление о личности учителя и его роли в процессе обучения. Только так можно получить возможность для сравнения с учебными заведениями, открытыми при других заводах, выявить общее и особенное в их деятельности.

О словесной школе Уктусского завода в литературе имеются лишь отдельные упоминания. Н. В. Нечаев привел данные об обучении в ней в 1737 году 39 учеников; в следующей монографии о ней не упомянул [Нечаев, 1944, с. 47; 1956]. В. Н. Будрин сообщил о количестве учащихся в 1735—1742 годах [Будрин, 1950, с. 73]. А. А. Буров в главе о горнозаводских школах ограничился лишь характеристикой инструкций В. Н. Татищева [Буров, 1957, с. 57—85]. Нет данных о школах Уктуса и в статьях, посвященных развитию образования при горных заводах Урала [Пензин, 1993, с. 57—75; Ситников, 2004, с. 259—263; Запарий, 2004, с. 226—230; Спектор, 2007, с. 149—156].

Л. А. Дашкевич привела данные о выделении на школу Уктусского завода штатами 1737 года 20 руб. в год [Дашкевич, 2006, с. 45]. Авторы книги по истории Уктусского завода сообщили, что учителем грамоты там был бывший иеромонах Никандр, ссыльный, что попытку закрытия школы в 1742 году Берг-коллегия не утвердила и школа продолжила свою деятельность, но это утверждение не соответствовало действительности [Уктус ..., 2011, с. 45]. Впервые даты открытия и закрытия школ при Уктусском заводе, а также сведения о существовании арифметической школы (наряду со словесной) были введены в научный оборот в 2014 году [Сафронова, 2014, с. 286].

Учитывая отрывочность данных об учебных заведениях Уктусского завода, имеющихся в литературе, мы поставили целью реконструировать организацию и деятельность этих учреждений на основе архивных документов, впервые вводящихся в научный оборот.

Прежде всего отметим, что в Уктусской словесной, а затем и арифметической школе изначально обучались дети, проживавшие при двух близлежащих заводах: Уктусском и Верхнеуктусском. Уктусский завод начал строиться в декабре 1702 года, ровно через два года пущен в строй: была задута первая домна [Металлургические заводы ..., 2001, с. 469]. К 1735 году при нем действовала церковь, контора, имелись двор управителей, 17 казенных дворов приказных и мастеровых людей, 126 дворов их собственных. Завод располагался в 7 верстах от Екатеринбургского. Верхнеуктусский завод, построенный в 4 верстах от Уктусского, с 1726 года начал производить железо из чугуна, доставляемого с соседнего завода, и стал называться *заводом цесаревны Елизаветы*. Его поселение было значительно меньше Уктусского: контора, 2 казенных двора, 26 собственных домов жителей [Геннин, 1937, с. 447—449, 457—458]. Уктусский завод был окружен двойной крепостью [Логарева, 1993, с. 152] и представлял собой поселок заводского типа, возведенный с учетом определенных требований, диктуемых потребностями производства [Голикова, 2003, с. 67]. Сравнение численности населения, проживавшего при Уктусском и Верхнеуктусском заводах в 1734 году (66 и 65 чел. соответственно), с поселениями других заводов (Екатеринбургский — 912, Полевской — 275, Сысертский — 205) позволяет отнести их поселения к малочисленным. Такими же малочисленными были поселки Синячихинского и Каменского заводов (64 и 85 чел.); см. таблицу о населении заводов в работе [Копырина, 2023, с. 11—25].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве источников использовались документы Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, хранящиеся в фонде 24 «Уральское горное управление» Государственного архива Свердловской области: переписка канцелярии с конторой Уктусского завода; определения и указы канцелярии; доношения управляющих заводом в Екатеринбург. Важную информацию содержат ведомости об успехах учащихся, подававшиеся по третям года в канцелярию, в которых приводятся данные о дате поступления в школу каждого ученика, указываются его имя, фамилия, возраст, должность отца, с какою «наукой» вступил в треть года, завершил ее, когда был в отпуске домой, был ли в бегах, когда переведен в арифметическую школу, определен к делам. Анализ этих данных позволяет установить даты коллективных приемов детей в школу, их социальный состав,

возраст, подсчитать количество детей, прошедших обучение грамоте, проследить их дальнейшую судьбу. Использовались прошения родителей об увольнении детей из школы, переводе их в школу другого завода.

Большое значение имеют сохранившиеся дела Уктусской заводской конторы: опись документов с 24 октября 1735 года по 14 февраля 1737 года, составленная при смене надзирателей; журналы по делам конторы 1737 и 1739 годов; подлинные документы 1738 года. В фонд 38 «Екатеринбургской заводской конторы» ошибочно попала опись исходящих документов Уктусской конторы за 1742 год. Комплексное использование этих документов позволило реконструировать историю организации и деятельности учебных заведений, действовавших при Уктусском заводе в 1735—1742 годах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Открытие Уктусской словесной школы и назначение учителя

8 февраля 1735 года уральское начальство предписало забрать в словесную школу Екатеринбурга «Уктусских обоих заводов всех детей от семи лет и обучать», 4 марта об этом был издан указ [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 220, с. 141]. Глава завода Тимофей Бурцев 1 мая 1735 года сообщил в канцелярию, что при обоих заводах переписано более 20 человек от 7 лет, к ним «в прибавок» может быть человек до 10 и более. Изложил и возникшую ситуацию: «мастерских детей отцы их в Уктусской заводской канторе просят, чтоб за недовольны[м] детей их возрастом и за малолетством в Екатеринбург не отсылать, а обучать их при Уктусском заводе, дабы оныя при отцах и домех своих обучались охотнее, и затем оныя ныне не посланы» [Там же, оп. 1, д. 577а, л. 159—159 об.]. «И ежели оных от Канцелярии Главного правления заводов повелено будет обучать при оном Уктусском заводе, то соблаговолено б было для обучения определить и прислать учителем ис сыльных бывшего иермонаха Никандра, что ныне розтрига Никита Афанасьев, да азбуков на каждого по одной, тритцать два, часословов и псалтирей по тому ж числу» [Там же].

Никита Афанасьев только что прибыл в Екатеринбург в составе очередной партии сыльных. Из доношения Бурцева ясно, что инициатива открытия школы при заводе принадлежала мастерам, они сами начали хлопоты об учителе, нашли Артемьева, договорились с ним, а комиссар Бурцев выступил в роли посредника. Уральское начальство запросило у Конторы судебных и земских дел справку об Афанасьеве. Оказалось, он прислан «за многие ево продерзостные поступки и за пьянство, и за блудодеяние с некими женками, как он был в монашестве в Новгородской епархи[и] Бежецкого Николаева Антоньева монастыря инквизитером» [Там же, л. 160, 161, 162 об.]. 31 мая Афанасьев был «свидетельствован» в Конторе

судных и земских дел — ноздри целы, следов кнута на спине нет, и в этот же день канцелярия определила его учителем с жалованьем 18 руб. в год, предписала «книги купить, как и о протчих определено, на Макарьевской ярмарке, а между тем, буде сколько можно, уделя, послать из здешней школы» [Там же]. Указ об этом был отправлен на Уктус 13 июня.

Еще 23 мая канцелярия потребовала список детей, забранных с Уктусских заводов и обучавшихся в Екатеринбургской словесной школе. Благодаря этому узнаем, что в 1734 году с Уктуса были взяты 9 человек: дети мастера, подмастерьев (2), работников (3), заводских учеников (2), каменщика, но один бежал. Приехавших с Верхнеуктусского завода училось четверо — дети мастеров и кузнеца. Таким образом, с обоих заводов поступило 13 человек. Отмечено, что в мае 12 учащихся были отправлены из Екатеринбурга на Уктус [Там же, л. 140—142]. На деле же ученики из Екатеринбурга стали прибывать в Уктусскую школу лишь в ноябре, 2 октября учитель Екатеринбургской школы доносил в канцелярию о скоропостижной смерти сына уктусского кузнеца Алексея Бочкова [Там же, л. 226].

3.2. Состав учащихся словесной школы (октябрь 1735—1737 гг.)

Судя по первой ведомости, поданной за 1/3 1736 года, Уктусская словесная школа начала действовать с 1 октября 1735 года в составе 21 ученика, которые до этого в Екатеринбурге не учились. Это были дети мастеров (6), подмастерьев (4), заводских работников (5), кузнецов (3), плотника, рассыльных (2). Только 9 ноября к ним присоединились семеро учащихся из Екатеринбургской словесной школы и двое детей заводских работников, 11 ноября — сыновья дьякона из Арамили (один учил псалтирь, другой — часослов) и сын попа Горного Щита, приступивший к азбуке. В конце 1735 года в Уктусской школе числилось уже 33 обучающихся [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 625, л. 25—27 об.]. Все они, за исключением детей духовного сословия, подлежащих службе в Духовном ведомстве, получали жалованье — 3 руб. в год.

Опись документов Уктусской конторы 1735—1737 годов подтверждает постепенное пополнение школы в ноябре 1735 года учениками, прибывавшими из Екатеринбурга: 9 ноября зафиксировано письмо о присылке сына конюха Анциферова «и других учеников»; 12 ноября — о присылке сына молотового мастера Елисея Медведева, 19 ноября — Антона Печерского «с товарищи» [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 47, л. 20—21 об.]. Возраст учащихся впервые был показан в сводной ведомости за 1737 год. Если убавить возраст на два года, то увидим, что при зачислении в 1735 году детям было 6, 7—8 лет (по 4 чел.), 9 (3 чел.), 10 (6 чел.); переведенным из Екатеринбургской словесной — 9, 11, 14, 15, 16 лет [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 602, с. 91—103].

Уже в ноябре 1735 года трех учеников успели отчислить из школы по инициативе Афанасьева: он подал доношение в контору «об отпуске из шко-

лы ученика Василия Трапезникова..., в науке непонятен и на ухо крепок и одержим главною болезнию»; дважды посылался в госпиталь. Опись документов конторы регистрирует «указ Верхнему заводу надзирателю работ фон Палину о свидетельстве одного ж ученика, и от него, Палина, о том доношение и скаска от мастеровых людей» [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 47, л. 22 об.]. То есть глава конторы собирал свидетельства о наличии болезни у ученика. Афанасьев доносил и «об отпуске за негодностию учеников Семена Сухорукова с товарищем»; упомянуто «вчера письмо» об их увольнении [Там же, л. 22]. Фамилии этих трех учеников в ведомости за 1/3 1736 год уже не фигурируют. В январе-феврале 1736 года в школу зачислили еще 8 человек: детей мастеров (2), подмастерьев (4), кузнеца и сторожа, — и число учащихся увеличилось до 41 [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 625, л. 25—28].

17 января 1736 года новый глава Уктусской конторы надзиратель Л. Малотеин подал доношение в канцелярию по поводу ее указа, отправленного на заводы, чтоб управительских, надзирательских, подьяческих, поповских и причетнических детей, какие еще не высланы, выслать немедленно не позже января для определения в немецкую и латинскую школы. Он сообщал, что таких детей при Уктусских заводах пятеро, но «еще весьма малолетны и к обучению словесного негодны», учатся же дети «Арамильской слободы умершаго дьякона Ивана Никитина... Иван да Егор, Горнощитцкого попа Ефима Гарасимова сын Петр», и когда малолеты «в возраст придут..., обретающия в школе... писать начнут, то приплюгца без продолжения» [Там же, д. 624, т. 1, л. 70—70 об.].

Но в марте 1736 года брат учеников из Арамилы подал челобитную в канцелярию, где сообщил, что остался с братьями «от отца своего в малых летех», в 1735 году братьев «с прочими церковничьими детьми» положили в подушный оклад, взяли в Уктусскую школу. Он просит в оклад их «не класть», перевести в Екатеринбургскую школу, где они имеют «свойственников, а при Уктусском заводе ... живут в чужих людех» [Там же, л. 289]. 29 апреля 1736 года начальство приказало детей перевести в Екатеринбургскую школу уже под фамилией не *Никитины*, а *Дьяконовы*, но в окладе они, конечно, остались. Записка об этом была отправлена на Уктус 25 июня [Там же, л. 290]. Заметим, 8 месяцев они обучались в Уктусской школе без жалованья, проживая на квартире у чужих людей, получая материальную поддержку лишь от старшего брата, а в будущем им предстояло платить еще и подушный оклад. Он был тяжел для мастеровых, получавших жалованье, что понимала и администрация заводов [Черкасова, 1985, с. 118], что уж говорить об осиротевших детях церковнослужителей.

В январе-феврале 1736 года в Уктусскую школу приняли 10 новичков, детей мастера, подмастерьев, кузнеца [Там же, д. 625, л. 27—28]. В сентя-

бре был переведен из Екатеринбургской Никифор Верхотуров. Его отец, молотовый мастер, направленный с Екатеринбургского на Уктусский завод, подал прошение о переводе и сына, которому питаться без отца «не от кого», и канцелярия быстро удовлетворила просьбу [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 48, л. 8].

В сводной ведомости Уктусской словесной школы за 1737 год числилось 48 учеников [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 602, с. 91—103]. В апреле было принято 10 новичков. Это были дети молотовых мастеров (2), отставного (1) подмастерья, кузнецов (2), горного ученика, плотника, рассыльного и попа, причем «малолеты», в возрасте 6—8 лет, по одному — 9 и 10 лет. [Там же, л. 100—103]. Различие в числе учащихся в зависимости от трети года показывает, насколько ошибочно принимать в расчет показатели одной ведомости и распространять их на весь год. Число учащихся находилось в постоянном движении.

Уже в первые годы работы школы началось распределение возрастных учащихся, с трудом усваивавших грамоту, к делам. Сын молотового мастера Антон Печерский 17 лет, учивший еще часослов, сам 30 июня 1736 года подал прошение «о определении ево в роботу» и был определен в молотовые работники [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 47, л. 43]. Сын кузнеца 18-ти лет Макар Тагильцев, твердивший часослов, в сентябре 1737 года был направлен «в шпикарную». Но в ноябре 1736 года Печерский бежал с молотовым работником, взятым из рекрутов [Там же, д. 48, л. 127].

В апреле 1737 года обучаться грамоте зачислили еще 10 человек, а школу покинуло 10 учащихся. В июне пятеро молотовых мастеров и подмастерьев Верхнеуктусского завода, назначенных на Кушвинский завод, просили отпустить с ними детей: «В пропитании они без нас будут не без великой нужды, ибо, хотя и жалованье ис казны им дается, но тем в пропитании от дороговизны в день хлеба проняться ни по которой мере будет невозможно». Школа на Кушве появилась лишь в 1739 году, но из-за дальности расстояния детей отпустили с отцами, оставлять их вдали от родных начальство не решилось [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 692, с. 580—581]. По прошению вдовы доменного мастера Бориса Беляева, переехавшей к сыну на Сысертский завод, был отпущен к ней из Уктусской школы младший сын Григорий — школа там уже действовала [Там же, с. 591—592]. В Сысертскую школу по прошению матери перевели и сына мастера угольного жжения Осипа Шилова 12 лет вслед за направлением туда главы семейства [Там же, с. 490]. Трое детей по прошению отцов были переведены в Полевскую школу: двое детей доменного подмастерья, назначенного на этот завод, Иван и Дмитрий Беляевы 13 и 7 лет; и 12-летний сын фурмового мастера Иван Ушаков [Там же, с. 639—640, 527].

3.3. Обеспечение Уктусской школы учебными пособиями. Роль учителя Афанасьева в организации работы школы

Как уже отмечалось, глава завода Бурцев, ставя перед начальством вопрос об открытии школы в марте 1735 года, просил прислать по 32 экземпляра азбук, часословов и псалтирей. Подключился к обеспечению учащихся книгами и Афанасьев. В описи документов конторы за 25 ноября 1735 года упоминается его доношение «о требованиях в школу... часослов». Из-за нехватки часословов от азбуки сразу же к псалтири вынуждены были перейти в январе 1736 года 9 человек [Там же, д. 625, л. 25—28].

15 января 1736 года опись документов регистрирует повторное доношение учителя о книгах [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 47, л. 22, 30 об.]. В подлинном доношении конторы констатируется, что имеется присланных из Екатеринбургской школы 20 азбук, 20 часословов, 1 псалтирь, «из часословов явилось негодных и весьма побитых» 15, «по которым ученики имеют обучение с немалой нуждой». Афанасьев «требуем в добавок» часословов 20, букварей 10 [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 624, т. 1, л. 70 об.]. В справке канцелярии о рассылке книг по школам указывалось, что 3 декабря 1735 года на Уктус распределили 8 часословов и 17 псалтирей, отправленных, видимо, позднее. А в марте 1736 года начальство потребовало поделиться книгами со школой Егошихинского завода, выслать для нее 7 псалтирей [Там же, л. 140 об.].

По мере перехода к обучению письму возникли проблемы с чернилами и бумагой. В ноябре 1736 года Артемьев сообщал в контору: «Имеется в письменной науке школьников 17 человек, в том числе имеются иные в прописях, и впредь приспевают из других школьников к письменной науке, а в бумаге и чернилах имеют немалую нужду. Но откуда им получать бумагу и чернила, о том в Уктусской словесной школе несведомо, а из своего кошту им бумагу и чернила покупать не из чего, а делать чернил сами за младолетством не умеют, а от того в науке имеется продолжение». Учитель требовал запросить канцелярию, «откуда повелено будет получать бумага и чернила или доски присланы будут» [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 47, л. 108].

22 декабря 1736 года на Уктусский завод солдат доставил «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» — инструкцию, составленную В. Н. Татищевым 9 ноября [Татищев, 1990, с. 235—243; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, т. 2, с. 744 об.]. Согласно «Учреждению ...», чтобы ускорить обучение грамоте, учителям следовало начинать обучать письму, как только дети научатся читать по слогам. Никита Афанасьев сразу стал следовать новой методике: в ведомости за 3/3 1736 года показал, что из 39 учащихся 15 начали обучаться письму: семеро учили часослов и писали буквы; трое писали буквы, читая псалтирь; пятеро одновременно с чтением псалтири писали прописи [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 625, л. 34—37].

Судя по описям документов конторы, в августе 1736 года Афанасьев доносил «о пристройке школы», 1 марта 1737 года требовал «об определении в школу сторожа», 11 марта — «о присылке книг и досок для обучения школьных учеников» [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 47, л. 46; д. 49, л. 7, 9]. По требованию учителя контора доносила в канцелярию: в школе ветхих и избитых часословов 15, псалтирей 17, по ним учеников «обучать не можно и за тем приключаетца во обучении остановка», учитель требует «годных» часословов и псалтирей по 15 книг.

Контора передала подробности повседневной жизни школы, изложенные учителем: «из имеющихся в школе учеников всяк в свою дневальную череду к топленю школы ис приготовленного лесу и рубленых дров на мелко колкют, а временем и рубят, ис которых многия того за малолетством зделать не могут», поэтому учитель «требует к тому сторожа». Афанасьев процитировал и «Учреждение ...» Татищева, которым запрещалось использовать учеников для хозяйственных работ в семьях, чтобы не повредить их руки. Для обучения письму потребовал 25 деревянных черных досок. Начальство предписало: книги выделить, сколько найдется; доски сделать Екатеринбургской заводской конторе «немедленно», сторожа дать «немолодова» [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 693, л. 153—157]. В Екатеринбурге оказалось лишь 10 букварей и 9 псалтирей, 5 мая они были вручены лично учителю, он доставил их на Уктус [Там же, л. 156—157]. Как видим, активная позиция учителя приносила свои плоды.

3.4. Пополнение Уктусской словесной школы, распределение учеников к делам, перевод в другие школы (1738—1742)

В 1/3 1738 года в словесной школе осталось 34 ученика, в мае был зачислен сын попа Уктусского завода Андрей Попов 7-ми лет, который уже твердил часослов, учил псалтирь и писал буквы [Там же, д. 756, с. 116—121]. Афанасьев 28 августа 1738 года сообщил, что обучил 10 учеников грамоте, «а здесь, при Уктуском заводе, определенного арифметического учителя не имеется и обучать некому» [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 50, л. 71—72]. Контора донесла об этом в Екатеринбург, начальство потребовало учеников «представить к смотру», 11 сентября предписало: «по свидетельству в канцелярии писать все умеют..., отослать для обучения арифметике и геометрии в арифметическую школу при указе», то есть в Екатеринбург [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 762, с. 162—163]. Большинство из них училось с момента открытия школы и освоило грамоту за 3 года; двое, принятых в январе — феврале 1737 года, — менее чем за 2 года. Среди «переведенных в арифметику» дети 11—13 лет, одному — 14, двое «малолетов»: Данило Шилов 9-ти лет и Данило Паздников 8-ми лет. Примечательно, что часть из них выучила часослов, кто-то псалтирь или букварь, «малолеть» — лишь пятую запо-

ведь в букваре, но все 10 успели освоить письмо [Там же, с. 124—130]. На Уктусе учитель не стал следовать традиции — от азбуки переходить к часослову, от него к псалтири, и это ускоряло овладение грамотой. В Лялинской школе бывший поп Туесов твердо придерживался традиции, и если кто-то обучался чтению по букварю, то обязательно учил часослов и псалтирь, не удивительно, что дети, начавшие учиться грамоте с апреля 1735 года, из-за отсутствия учителя арифметики вынуждены «твердить» книги, дольше упражняться в письме. Только в марте 1741 года двое первых учеников приступили к арифметике: отправлять обученных грамоте в Екатеринбург, через Верхотурье, за 344 версты, власти не решались [Там же, д. 906, л. 68].

Двое учащихся Уктусской словесной школы в том же 1738 году были распределены к делам: старший Паздников, Козьма, 18-ти лет, был отослан на строящийся Сылвенский завод в ученики к угольному делу [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 50, л. 187—187 об.]. Сын конюха Алексей Анциферов 16-ти лет, взятый к смотру в канцелярию, был «возвращен» в школу и писал в Уктусской канторе [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 756, с. 124—130], но в следующей ведомости он уже не числился, «осел» в канторе.

В 1/3 1739 года в школе обучался 21 ученик, в июне к ним добавились четверо: дети молотового мастера Наумова 10, 11 и 13-ти лет, учившие псалтирь и писавшие буквы, и сын молотового подмастерья 9-ти лет, твердивший азбуку и читавший двойные слова [Там же, д. 816, л. 22—23 об., 100—101 об.]. Они были переведены с отцами с Сысертского завода на завод Верхнеуктусский. В журнале документов за 1739 год зафиксировано прошение отцов и решение канцелярии о приеме их в школу [Там же, ф. 29, оп. 1, д. 51, л. 15 об., 18]. Если в Сысерти дети учились по месту жительства, то при обучении в Уктусской школе им приходилось жить на квартирах у чужих людей.

Через год, 29 августа 1739 года, 10 учеников завершили обучение грамоте и были переведены «в арифметическую науку» [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 816, л. 100—101 об.]. Они овладевали грамотой на протяжении трех лет и 7—10 месяцев. В школе осталось всего 15 человек, но 1 октября состоялся коллективный прием 12 детей мастеров, подмастерья, кузнецов, доменных работников, ученика угольного дела в возрасте 7—9-ти лет [Там же, д. 857, л. 83—85].

В 1/3 1740 года в школе 26 человек, принят последний новенький — сын угольного мастера Андрей Коншин 10-ти лет, учивший часослов, явно переведенный при отце с другого завода [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 857, л. 92]. В ведомости за 1/3 1741 года в школе числится 23 ученика, из них семеро переведены в арифметическую школу в феврале месяце [Там же, д. 906, л. 62—64; д. 957, л. 100—101 об.]. Во 2/3 1742 года всего 13 человек учили

псалтирь и твердили слова, один — «в часослове», писал «азы» [Там же, д. 957, л. 164—165 об.].

Таким образом, на протяжении 1735—1740 годов почти ежегодно велось пополнение Уктусской словесной школы. Ученики переводились и в школы других заводов — Екатеринбургскую, Сысертскую, Полевскую в связи с переводом туда отцов, переездом матерей. Пятерых учащихся отпустили с семьями на строящийся Кушвинский завод, некоторых распределили к делам. Всего, по нашим подсчетам, в 1735—1742 годах ссыльный Афанасьев, бывший иеромонах, обучил грамоте на Уктусе 70 детей.

Число учащихся словесной школы Уктусского завода, согласно табели-справке, составленной в 1746 году для президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова (см.: [Будрин, 1950, с. 73]), в полтора — два раза превосходило число учеников Лялинской школы, самой малой по числу учащихся, почти в два раза — и число учащихся Верх-Исетской, но с 1739 года стало уступать последней. А поскольку число жителей в поселениях обоих уктусских заводов было меньшим по сравнению с остальными заводами, где действовали школы (кроме Лялинского), неудивительно, что и Уктусская школа уступала им по числу учащихся. Особняком стояла лишь школа Каменского завода: число жителей при заводе было меньшим, чем при обоих уктусских (85 против 131), но число ее учащихся, напротив, в 1,5—2 раза превосходило Уктусскую школу, поскольку в Каменскую привлекались еще и жители слобод.

3.5. Деятельность арифметической школы (1740—1742)

В фонде Уктусской конторы зарегистрировано любопытное доношение учителя Афанасьева от 13 июля 1739 года о сыне молотового мастера Михаила Наумова, прибывшего с Сысертского завода, учившего «берковцов вычитание, а писать оной не умеет». Контора предписала Афанасьеву обучать его писать «и по все субботы присылать его в кантору для обучения арифметики и сие доношение сообщить к нему, учителю, с роспискою» [Там же, ф. 29. д. 51, л. 22 об.] Таким образом, Наумов стал первым и единственным из учеников, начавших осваивать арифметику при заводской конторе.

Как уже отмечалось, две партии по 10 человек в 1738 и 1739 годах были отправлены обучаться арифметике в Екатеринбург. Видимо, в связи с прибытием второй партии и предстоящим увеличением и без того большой загруженности учителя Федора Санникова уральское начальство решило вернуть их на Уктусский завод, присоединив к ним подростков из первой партии, и обучать по месту жительства. При этом в качестве учителя использовать не главу конторы, шихтмейстера Виссариона Титова, а наиболее подготовленных учеников Екатеринбургской арифметической школы, отправляя их по-сменно в качестве временных учителей на Уктусский завод. Мы не выявили текст этого решения, но оно существовало: 13 февраля 1741 года в отноше-

нии учеников, присланных в арифметическую школу Екатеринбургa с Верх-Исетского завода, начальство определило: отправить их на завод «возвратно» для обучения арифметике, «посылать туда из [з]дешней арифметической школы знающих учеников по тому, как о Уктусских таковых школьниках определено» (курсив наш. — А. С.) [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 907, с. 44].

Изучение помет, имевшихся в ведомости Екатеринбургской арифметической школы за 3/3 1740 года, показывает, что из 102 ее учащихся трое посылались на Уктусский завод для обучения арифметике: сын сержанта Герасим Черепанов 15-ти лет, с 1 по 22 сентября; Федор Тагильцев, сын молотового сторожа, 13-ти лет, с 20 сентября по 1 ноября; Парамон Портягин, сын рудного подштейгера, 14-ти лет, с 22 ноября по 20 декабря, все из науки геометрии [Там же, д. 857, л. 229—239 об.]. Таким образом, можно утверждать, что с сентября 1740 года арифметическая школа действовала уже на Уктусе под общим контролем Санникова.

31 августа 1741 года Санников сдавал дела новому учителю, маркшейдерскому ученику Афанасию Кичигину. Под контроль Кичигина особым списком он передал и 15 учеников Уктусской школы: налицо 5 учеников из первой партии, они «твердят арифметику», из второй партии осталось 8 человек, «твердят арифметику», «тройное правило», учат его. Среди них и Наумов, первым начавший учить арифметику при заводской конторе. Замыкает список Алексей Ферапонтов, «учит умножение, к науке непонятен» [Там же, д. 907, с. 299].

В ведомости за 3/3 1741 года, подписанной Кичигиным, под отдельной рубрикой «Уктусской школы ученики» числились те же 15 человек [Там же, д. 957, л. 17—17 об.]. В ведомости за 3/3 1742 года — 22 ученика, среди них 7 новичков, принятых по окончании словесной школы 18 февраля 1742 года и изучавших первые действия с числами: сложение, вычитание, деление, умножение. Это дети 13, 14 и 15 лет, опять-таки из разных социальных слоев заводских жителей, от молотовых мастеров до рассыльного, трое детей отставных от дел и сирота [Там же, л. 93 об. — 94 об.]. Заметим, число учащихся арифметической школы в 1742 году стало превосходить число обучавшихся грамоте — 22 человека против 14.

Если исключить из 70 учащихся словесной школы 11 человек, переведенных с отцами на другие заводы, то из 59 оставшихся в Уктусской словесной школе продолжили обучение арифметике 29 человек, или 49,1 %, почти каждый второй.

3.6. Закрытие школ при Уктусском заводе (октябрь 1742 года)

Из-за формирования широкой сети школ при казенных заводах Урала в 1735—1736 годах уже в конце 1737 года выявился большой перерасход сумм, выделяемых на них заводскими штатами, и 11 сентября 1742 года

уральское начальство решило закрыть школы при семи заводах, оставив при четырех. В Екатеринбурге должны были обучаться дети с Верх-Исетского, Уктусского, Верхнеуктусского заводов, Сысертского и Каменского. Содержать на жалованье решили лишь сирот, детей отставных от дел, солдат и разночинцев. Детей подмастерьев, заводских работников, получавших ранее жалованье, распределить к делам, малолетних — отдать отцам до 15 лет [Там же, ф. 24, оп. 12, д. 308, с. 86].

15 октября 1742 года был отправлен указ из канцелярии о закрытии школ на Уктусском заводе. Из словесной школы трех детей мастеров и умершего кузнеца 10—12 лет отдали отцам как «непонятливых» [Там же, оп. 1, д. 2321, л. 95—95 об., 96 об.]. В словесной школе осталось 11 детей в возрасте 10—13 лет мастеров, подмастерьев, заводских работников, четверо из них — сироты; в арифметической — 16 подростков 12—17 лет, среди них — сыновья рассыльного, сторожа, трое детей отставных и сирота.

Опись исходящих документов Уктусской заводской конторы, сохранившаяся в фонде Екатеринбургской школы, регистрирует 26 октября 1742 года указ Афанасьеву «о присылке книг и школьников и описей делам», 4 ноября 1742 года — доношение конторы «о посылке школьников словесных и арифметических Данила Шилова с товарищи» [Там же, ф. 38, оп. 1, д. 28, л. 102 об., 103 об.]. Сам учитель Никита Афанасьев «до указа отрешен и живет за животною и очною болезнями при Уктусской церкви в богадельне» [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 94].

На смотр с Уктуса прибыли все 27 человек. 5 ноября 1742 года о них предписывалось «учинить» как об учениках Верх-Исетского завода. Вероятно, окончательный «разбор» уктусских школьников, как и верх-исетских, состоялся весной 1743 года, 16 марта управитель завода В. Титов отправил в Екатеринбург 8 человек [Там же, л. 124 об.].

Согласно справке о назначении жалованья, всего 7 учеников с ВИЗа и Уктуса были оставлены к марту 1743 года в словесной школе Екатеринбургa [Там же, л. 120]. А поскольку ранее по месту жительства при этих заводах обучался грамоте 41 человек, то продолжили обучение лишь 17 % школьников. Число учащихся арифметических школ, переведенных в Екатеринбургскую школу, осталось неизвестным.

4. Заключение = Conclusions

Словесная школа на Уктусском заводе была открыта по инициативе самих мастеровых. Особенностями ее деятельности являлись зачисление в нее детей, проживавших и при Верхнеуктусском заводе, расположенном в 7 верстах, и активное пополнение школы детьми 7—9 лет, благодаря чему вся молодежь обоих заводов обучилась грамоте. Ссылный, бывший

инквизитор из Новгородской епархии, Никита Афанасьев показал себя учителем инициативным, из-за отсутствия достаточного комплекта книг после азбуки обучал чтению и по одной книге — часослову или букварю, что ускоряло овладение грамотой. Почти каждый второй ученик, освоив письмо, переходил к арифметике (с 1738 года — в Екатеринбургской школе, с 1740 года — на Уктусе благодаря тому, что в качестве учителей на Уктус присылали лучших учащихся из Екатеринбурга). После закрытия школ в октябре 1742 года всего несколько сирот и детей отставных от дел отцов смогли продолжить обучение в Екатеринбурге с получением жалования. В 1749—1750-х годах оба завода были закрыты [Металлургические заводы ..., 2001, с. 198, 469]. Опыт обучения детей, проживавших при них, оказался кратковременным.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Геннин В.* Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 / В. Геннин. — Москва : Гос. изд-во «История заводов», 1937. — 656 [8] с.

2. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 577а. Лл. 140—142, 159—159 об., 160, 161, 162 об., 226 ; Д. 602. — С. 91—103 ; Д. 624. Т. 1. Лл. 70—70 об., 140 об. ; Т. 2. Л. 744 об. ; Д. 625. Лл. 25—28, 30—39, 289, 290; Д. 692. — С. 490, 527, 580—581, 591—592, 639—640 ; Д. 693. Лл. 153—157 ; Д. 694. — С. 57—66 ; Д. 756. — С. 116—121, 124—130 ; Д. 762. — С. 162, 163 ; Д. 816. Л. 22—23 об., 100—101 об. ; Д. 857. Лл. 83—85, 92, 229—239 об. ; Д. 906. Лл. 62—64 ; Д. 907. — С. 44, 299 ; Д. 957. — Лл. 17—17 об., 93 об.—94 об., 100—101 об., 164—165 об. ; Д. 2321. Лл. 94, 95—95 об., 96 об., 120, 124 об. ; Оп. 12. Д. 220. — С. 141 ; Д. 308. — С. 86 ; Ф. 29 (Уктусский золотопромышленный завод). Оп. 1. Д. 47. Лл. 20—21 об., 22, 22 об., 30 об., 43, 46, 108 ; Д. 48. Лл. 8, 127 ; Д. 49. Лл. 7, 9 ; Д. 50. Лл. 71—72, 187—187 об. ; Д. 51. Лл. 15 об., 18, 22 об. ; Ф. 38 (Екатеринбургская заводская кантора). Оп. 1. Д. 28. Лл. 102 об., 103 об. Ф. 29 (Уктусский золотопромышленный завод). Оп. 1. Д. 47. Лл. 20—21 об., 22, 22 об., 30 об., 43, 46, 108 ; Д. 48. Лл. 8, 126, 127, 168—168 об. ; Д. 49. Лл. 7, 9 ; Д. 50. Лл. 27, 30, 71—72, 170, 187—187 об. ; Д. 51. Лл. 15 об., 18, 22 об., 30 об. ; Ф. 38 (Екатеринбургская заводская кантора). Оп. 1. Д. 28. Лл. 102 об., 103 об.

3. *Татищев В. Н.* Записки. Письма. 1717—1750 / В. Н. Татищев. — Москва : Наука, 1990. — 440 с.

Литература

1. *Будрин В. Н.* Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. / В. Н. Будрин // Материалы 2-й научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск : [б. и.], 1950. — С. 45—98.

2. *Буров А. А.* Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. / А. А. Буров. — Ленинград : ЛГПИ, 1957. — 87 с.

3. Голикова С. В. Заводские поселки — особый тип уральских поселений XVIII — начала XX в. / С. В. Голикова // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. — Выпуск 3. — С. 66—87. — ISBN 5-7996-0163-7.
4. Дашкевич Л. А. Становление и развитие школьного дела на Урале в первой половине XVIII в. / Л. А. Дашкевич // Документ. Архив. История. Современность. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. — Выпуск 6. — С. 139—155. — ISBN 5-7996-0246-3.
5. Запарий В. В. Первые шаги металлургического образования на Урале / В. В. Запарий // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 22—23 апреля 2004 г. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. — С. 226—230. — ISBN 5-7851-0488-1.
6. Копырина С. Н. Заводские поселки казенных предприятий Урала в 20—50-е годы XVIII в. / С. Н. Копырина // Genesis : исторические исследования. — 2023. — № 1. — С. 11—25. — DOI: 10.25136/2409-868X.2023.1.39645.
7. Лотарева Р. Н. Города-заводы России, XVIII — первая половина XIX в. / Р. Н. Лотарева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Урал. архит.-худож. ин-т, 1993. — 216 с.
8. Металлургические заводы Урала XVII—XX вв. : энциклопедия. — Екатеринбург : Академкнига, 2001. — 536 с. — ISBN 5-93472-057-0.
9. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия : к истории профессионального образования в России / Н. В. Нечаев. — Москва : Гудок, 1944. — 120 с.
10. Нечаев Н. В. Горнозаводские школы Урала / Н. В. Нечаев. — Москва : Трудрезервиздат, 1956. — 207 с.
11. Пензин Э. А. Школы при горных заводах Урала в первой трети XVIII в. (по документам местных органов горнозаводского управления) / Э. А. Пензин // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. — Свердловск : УрГУ, 1983. — С. 57—75.
12. Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 334 с. — ISBN 978-5-7996-1378-5.
13. Ситников И. В. Процесс формирования системы общего и специального горного образования на Урале в XVIII — первой половине XIX столетий / И. В. Ситников // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 22—23 апреля 2004 г. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2004. — С. 259—263. — ISBN 5-7851-0488-1.
14. Спектор Е. Н. Развитие системы образования на Урале в XVIII — начале XX вв. / Е. Н. Спектор // Известия Уральского государственного горного университета. — 2007. — № 22. — С. 149—156.
15. Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII—XVIII вв. / В. И. Байдин, В. Ю. Грачёв, Ю. В. Коновалов, А. Г. Мосин. — Екатеринбург : ООО «Грачёв и партнёры», 2011. — 68 с.
16. Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. / А. С. Черкасова. — Москва : Наука, 1985. — 248 с.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2024,
одобрена после рецензирования 30.08.2024,
подготовлена к публикации 22.10.2024.*

Material resources

- GASO — *The State Archive of the Sverdlovsk region. F. 24 (Ural Mining Administration)*. (In Russ.).
- Gennin, V. (1937). *Description of the Ural and Siberian factories in 1735*. Moscow: State Publishing house “History of factories”. 656 [8] p. (In Russ.).
- Tatishchev, V. N. (1990). *Notes. Letters. 1717—1750*. Moscow: Nauka. 440 p. (In Russ.).

References

- Budrin, V. N. (1950). Mining schools of the Urals in the XVIII and early XIX centuries. In: *Materials of the 2nd scientific conference on the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk*. Sverdlovsk: [b. i.]. 45—98. (In Russ.).
- Burov, A. A. (1957). *St. Petersburg “Russian” schools and the spread of literacy among workers in the first half of the XVIII century*. Leningrad: LGPI. 87 p. (In Russ.).
- Cherkasova, A. S. (1985). *Artisans and working people of the Urals in the XVIII century*. Moscow: Nauka. 248 p. (In Russ.).
- Dashkevich, L. A. (2006). Formation and development of school business in the Urals in the first half of the XVIII century. In: *Document. Archive. History. Modernity, 6*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 139—155. ISBN 5-7996-0246-3. (In Russ.).
- Golikova, S. V. (2003). Factory settlements — a special type of Ural settlements of the XVIII — early XX century. In: *Document. Archive. History. Modernity, 3*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 66—87. ISBN 5-7996-0163-7. (In Russ.).
- Kopyrina, S. N. (2023). Factory settlements of state-owned enterprises of the Urals in the 20—50-ies of the XVIII century. *Genesis: historical research, 1*: 11—25. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.1.39645. (In Russ.).
- Lotareva, R. N. (1993). *Cities-factories of Russia, XVIII — the first half of the XIX century*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Un-ta: Ural. archit.- the artist. in-t. 216 p. (In Russ.).
- Metallurgical plants of the Urals of the XVII—XX centuries: encyclopedia*. (2001). Yekaterinburg: Akademkniga. 536 p. ISBN 5-93472-057-0. (In Russ.).
- Nechaev, N. V. (1956). *Mining schools of the Urals*. Moscow: Trudreservizdat. 207 p. (In Russ.).
- Nechaev, N. V. (1944). *Schools at mining plants of the Urals in the first half of the 18th century: on the history of vocational education in Russia*. Moscow: Gudok. 120 p. (In Russ.).
- Penzin, E. A. (1983). Schools at mining plants of the Urals in the first third of the XVIII century. (According to documents of local mining authorities). In: *Socio-political thought of the pre-revolutionary Urals*. Sverdlovsk: USU. 57—75. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2014). *Documents of the Russian industry management bodies as a source on mining schools in the Urals of the first half of the XVIII century*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 334 p. ISBN 978-5-7996-1378-5. (In Russ.).
- Sitnikov, I. V. (2004). The process of formation of the system of general and special mining education in the Urals in the XVIII — first half of the XIX centuries. In: *Fifth Tatishchev readings. Spirituality and morality in the Urals in the past and present: abstracts of reports and communications, Yekaterinburg, April 22—23, 2004*. Yekaterinburg: IIA UrO RAS. 259—263. ISBN 5-7851-0488-1. (In Russ.).
- Spector, E. N. (2007). Development of the education system in the Urals in the XVIII — early XX centuries. *Proceedings of the Ural State Mining University, 22*: 149—156. (In Russ.).

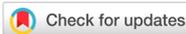
Uktus, Uktus plant and its surroundings in the XVII—XVIII centuries. (2011). Yekaterinburg: Grachev and Partners LLC. 68 p. (In Russ.).

Zapariy, V. V. (2004). The first steps of metallurgical education in the Urals. In: *Fifth Tatishchev readings. Spirituality and morality in the Urals in the past and present: abstracts of reports and communications, Yekaterinburg, April 22—23, 2004.* Yekaterinburg: IIA UrO RAS. 226—230. ISBN 5-7851-0488-1. (In Russ.).

*The article was submitted 04.04.2024;
approved after reviewing 30.08.2024;
accepted for publication 22.10.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Старовойтова Е. О. Китайско-Восточная железная дорога в 1920-е годы в оценках газеты «Известия» / Е. О. Старовойтова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 523—547. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-523-547.

Starovoytova, E. O. (2024). Chinese Eastern Railway in 1920s: Perspectives from ‘Izvestia’ Newspaper. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 523-547. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-523-547. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Китайско-Восточная железная дорога в 1920-е годы в оценках газеты «Известия»

Старовойтова Елена Олеговна
orcid.org/0000-0001-8283-2238
кандидат исторических наук,
кафедра теории общественного
развития стран Азии и Африки
e.starovoytova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный
университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-48-00004
«Китайско-Восточная железная дорога
как трансграничная социокультурная
система: история строительства,
реконструкция и моделирование
механизмов охраны
культурного наследия»,
<https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

Chinese Eastern Railway in 1920s: Perspectives from ‘Izvestia’ Newspaper

Elena O. Starovoytova
orcid.org/0000-0001-8283-2238
PhD in History, Department of Theory
of Social Development
of Asian and African Countries
e.starovoytova@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-48-00004
“Chinese Eastern Railway as a transborder
sociocultural system: history
of construction, reconstruction and
modeling mechanisms
of heritage protection”,
<https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

© Старовойтова Е. О., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории Китайско-Восточной железной дороги, насчитывающей более 120 лет и оказавшей огромное влияние на развитие Северо-Востока Китая. Предметом данного исследования выступают материалы советской прессы 1920-х годов, посвященные советско-китайским отношениям вокруг Китайско-Восточной железной дороги. Отмечается, что после октябрьской революции 1917 года эта дорога стала одним из центральных пунктов российско-китайского взаимодействия. Сообщается, что советское руководство стремилось к установлению дружественных и равноправных отношений с Китаем, но в то же время — к переходу полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги под контроль большевиков. Цель данной статьи — проследить, как события, связанные с Китайско-Восточной железной дорогой, освещались в течение переходного периода 1920-х годов одним из наиболее авторитетных отечественных органов печати — газетой «Известия», которая издавалась с марта 1917 года, а после октябрьской революции стала официальным органом Центрального исполнительного комитета СССР. На основе анализа выявлена важная роль газеты «Известия» в формировании у населения представлений о советско-китайских отношениях в указанный период и о дальневосточной политике Советской России в целом.

Ключевые слова:

Советский Союз; Китайско-Восточная железная дорога; советско-китайские отношения; газета *Известия* .

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the history of the Chinese Eastern Railway, which spans over 120 years and has significantly influenced the development of Northeast China. The focus of this study is on materials from Soviet press outlets in the 1920s that address Soviet-Chinese relations surrounding the railway. It is noted that following the October Revolution of 1917, the railway became a central point of interaction between Russia and China. The Soviet leadership aimed to establish friendly and equal relations with China while simultaneously seeking to bring the railway's exclusion zone under Bolshevik control. The objective of this article is to trace how events related to the Chinese Eastern Railway were reported during the transitional period of the 1920s by one of the most authoritative domestic publications — 'Izvestia', which has been published since March 1917 and became the official organ of the Central Executive Committee of the USSR after the October Revolution. Through analysis, the article reveals the significant role of 'Izvestia' in shaping public perceptions of Soviet-Chinese relations during this period and in conveying Soviet Russia's Far Eastern policy as a whole.

Key words:

Soviet Union; Chinese Eastern Railway; Soviet-Chinese relations; *Izvestia* newspaper.

Китайско-Восточная железная дорога в 1920-е годы в оценках газеты «Известия»

© Старовойтова Е. О., 2024

1. Введение = Introduction

Эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) началась в 1903 году, когда железнодорожная линия впервые связала Читу с Владивостоком и Порт-Артуром (Люйшунью), став опорой для защиты интересов Российской империи на Дальнем Востоке. Как отметила М. В. Кротова, «история КВЖД являлась барометром, показывавшим то усиление, то ослабление влияния России в Маньчжурии» [Кротова, 2014, с. 105]. Согласно положениям Портсмутского мирного договора по итогам русско-японской войны 1904—1905 годов, Россия была вынуждена уступить Японии право на аренду части полуострова Ляодун с портами Порт-Артур и Дальний (Далянь / Дайрен), а также часть Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) — от Порт-Артура до Куаньчэнцзы (совр. Чанчунь, пров. Цзилинь). С этого момента КВЖД оказывалась непосредственно в зоне японского экономического и политического влияния, тем не менее продолжая оставаться важным инструментом экономического и социокультурного проникновения Российской империи в Маньчжурию [Янченко и др., 2018, с. 583—597]. Корейский исследователь Ким Чихван подчеркивает, что с этого момента между КВЖД и ЮМЖД развернулась ожесточенная борьба за грузы, наиболее важными из которых являлись соевые бобы, шрот из соевых бобов, пшеница, пшеничная мука, а также соевое масло. Во время Первой мировой войны соперничество между двумя железными дорогами несколько ослабло [Ким, 2014, с. 88]. Но к концу 1919 года постепенно восстановился объем перевозок мирных грузов по КВЖД, и дорога вновь столкнулась с ожесточенной конкуренцией со стороны ЮМЖД, сохранявшейся до ее продажи Маньчжоу-го в 1935 году.

После революции в октябре 1917 года в России КВЖД продолжила оставаться одним из центральных пунктов политики советской власти в отношении Китая. Советское руководство стремилось, с одной стороны,

к установлению дружественных и равноправных отношений с Китаем, с другой — к переходу полосы отчуждения КВЖД под контроль большевиков. При этом позиция российской стороны относительно КВЖД не была однозначной, включая вариации от безвозмездной передачи дороги Китаю до заключения договора «О порядке пользования КВЖД» между Россией, Китаем и Дальневосточной республикой (ДВР).

В настоящей статье впервые в отечественной науке проанализированы публикации одного из наиболее авторитетных органов печати Советской России — газеты «Известия», упоминающие КВЖД и относящиеся к крайне неоднозначному переходному периоду 1920-х годов. Цель исследования — определить роль газеты «Известия» в формировании представлений о советско-китайских отношениях в указанный период и о дальневосточной политике Советской России в целом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Предметом данного исследования выступают материалы советской прессы 1920-х годов, посвященные советско-китайским отношениям вокруг КВЖД. Изучены публикации по теме КВЖД одного из наиболее авторитетных отечественных органов печати того времени — газеты «Известия». Газета издавалась с 1917 года в Петрограде под названием «Известия петроградского совета рабочих депутатов», в Москве как «Известия московского совета рабочих депутатов». После октябрьской революции «Известия» стали официальным органом ЦИК. В марте 1918 года издание полностью переместилось в Москву. С 1923 года «Известия» стали органом ЦИК СССР и ВЦИК, в год выходило около 300 номеров, тираж достигал 400 тыс. экземпляров. Исследованы газетные статьи, упоминающие КВЖД, опубликованные с начала 1920 по конец 1929 годов.

При подготовке статьи использовались следующие методы: сравнительно-исторический, ретроспективный, метод детерминизма, сопоставления, анализа и обобщения. При работе с прессой для подсчета количества публикаций и выявления наиболее значимых для обсуждения событий, связанных с китайским направлением российской внешней политики, использовался контент-анализ.

К подготовке статьи привлекались публикации отечественных и зарубежных исследователей, посвященные роли КВЖД в истории российско-китайских отношений освещаемого периода [Романова, 2009; Кротова, 2013, 2014; Ким, 2014; Янченко и др., 2018; Ходяков и др., 2022]; а также отдельные публикации, освещающие конфликты 1926 и 1929 года на КВЖД [Дацышен, 2018; Кротова, 2016; Пастухов, 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. На пути к взаимному признанию и определению статуса КВЖД

В начале 1920-х годов «Известия» писали о необходимости восстановления дипломатических отношений между Россией и Китаем, что подразумевало решение вопроса о статусе Маньчжурии и, в частности, КВЖД. Газета в целом негативно оценивала положение на КВЖД и в полосе ее отчуждения, где «хозяйничали» китайцы, препятствующие проникновению в регион сил РККА [Положение на Дальнем Востоке ..., 1920]. В то же время, комментируя конференцию с участием военно-дипломатических представителей Китая и Монголии, состоявшуюся в апреле 1920 года в Верхнеудинске (Улан-Удэ), издание утверждало, что «Китай принимает преемственные права нового русского правительства в Сибири на Восточную Китайскую жел. дорогу», обязуясь снять с нее оккупацию сразу после «окончательного укрепления новой власти на Дальнем Востоке» [Восстановление дипломатических отношений ..., 1920]. В свою очередь советская сторона неоднократно заявляла о своем отказе от части полагающейся России так называемой «боксерской контрибуции». Тем не менее «Известия» периодически сообщали о предложениях к Китаю продолжать выплату средств, полагавшихся российской стороне по условиям «Заключительного протокола» 1901 года, путем их внесения на счета Русско-Азиатского банка. По этому поводу известный революционер, специалист по истории Дальнего Востока и корреспондент «Известий» В. Д. Виленский-Сибиряков (1888—1942) привел цитату из китайской газеты «Пекин Дэйли» («The Peking Daily News» / «北京日报» — столичная газета на китайском языке, выходившая ежедневно с 1906 по 1935 годы): «Смешно отдавать суммы, принадлежащие России, Русско-азиатскому банку», — уличая Францию в попытках присвоить КВЖД и подчеркивая необходимость срочного пересмотра прежних российско-китайских договоров [Виленский-Сибиряков, 1920, № 208 (1055), с. 1]. Автор настаивал, что лишь установление добрососедских отношений с РСФСР позволит Китаю «довести свою борьбу до конца» [Виленский-Сибиряков, 1920, № 225 (1072), с. 1]. В конце 1920 года, когда сторонам, несмотря на несколько визитов китайских дипломатов в РСФСР, так и не удалось заключить двустороннего соглашения, в условиях растущей активности Японии в регионе Виленский-Сибиряков предположил, что «одной из необходимых предпосылок для противодействия вождениям японского империализма на азиатском материке» могло бы стать соглашение между Китаем и ДВР [Виленский-Сибиряков, 1920, № 257 (1104), с. 1]. Большинство публикаций в «Известиях» по теме русско-китайских отношений 1920—1922 годов лишь косвенно затрагивали вопрос о КВЖД в тех случаях, когда для этого возни-

кал соответствующий прецедент. Так, в декабре 1921 года на страницах «Известий» был размещен перевод ноты Народного комиссариата по иностранным делам (НКИД) от 8 декабря, где выражался протест против обсуждения вопроса о КВЖД в рамках Вашингтонской конференции, созванной без участия России. В статье подчеркивалось, что, «хотя Российское правительство изъявило готовность передать означенную дорогу в руки китайских властей, при условии предоставления Китаем известных гарантий, необходимых для этой передачи, последняя еще не состоялась, и права России на эту железную дорогу остаются в полной силе» [Чичерин, 1921]. А в февральской заметке от 1922 года говорилось о 100-тысячной демонстрации в Харбине против «интернационализации КВЖД», а также упоминались требования китайской печати к пекинскому правительству не признавать решений Вашингтонской конференции по КВЖД и «немедленно вступить в переговоры по этому вопросу непосредственно с советской миссией» [Китай ..., 1922]. Таким образом, в очередной раз подчеркивалась позиция Советских властей: лишь установление равноправных двусторонних отношений будет способствовать обретению Китаем действительной независимости.

После завершения гражданской войны на Дальнем Востоке советское правительство активизировало свою политику в отношении Китая, а вопрос о статусе КВЖД стал в ней одним из основных. Уже в февральском номере газеты за 1923 год вышла статья под заголовком «Борьба за советский Гамбург», в которой говорилось, что «никогда до сих пор вопрос о КВЖД не играл той роли и того значения и не приковывал к себе такого внимания, какое он привлек к себе сейчас, когда Владивосток стал красным, а весь Д. Восток советским» [Ивангородский, 1923]. По мнению издания, восстановление экспортных и импортных возможностей Советской России и развития дальневосточных регионов страны было неосуществимо без активного использования КВЖД: «8 декабря (1922 года. — *Е. С.*) экспорт на Владивосток после передачи Эгершельда Уссурийской ж.д. упал до 99 вагонов, а на Дайрен поднялся до 449 вагонов», что свидетельствовало о «политике, направленной на удушение советских тихоокеанских портов». Резюмировалось, что «экспорт из Маньчжурии экономически тяготеет не к Дайрену, а к Владивостоку» [Там же]. Газета давала негативную оценку попыткам МИД Японии восстановить «международный технический комитет на КВЖД» [Япония и КВЖД ..., 1923]. В том же году «Известия» опубликовали актуальные для Советов выдержки из интервью тогдашнего президента Китайской республики Ли Юаньхуна (黎元洪 (1864—1928)) газете «The Far Eastern Times» («东方时报» — прозападная газета, издаваемая в Пекине с 1923 по 1928 годы на английском и китайском языках. Главным редактором был известный британский китаист и писатель Бер-

трам Симпсон (1877—1930). В частности, Ли Юаньхуну был задан вопрос об обвинениях со стороны СССР в поддержке представителей белого движения и Русско-Азиатского банка, претендующих на управление КВЖД. На это президент ответил довольно расплывчато: «Мы намерены действовать в вопросе КВЖД серьезно и основательно. Советское правительство не будет иметь никаких оснований быть недовольным нашей политикой, которая признает все его законные требования» [Виленский-Сибиряков, 1923]. Автор статьи, В. Д. Виленский-Сибиряков, резюмировал, что именно президент ответственен за неурегулированное состояние русско-китайских отношений и постоянное оттягивание двусторонних переговоров, что вызвано недостатком суверенитета пекинской власти [Там же]. Значение КВЖД для экономического развития Дальнего Востока страны также было постоянной темой для «Известий». Упоминалось, что тонкая ветка Амурской железной дороги обладала недостаточной пропускной способностью, а пассажирский путь из Читы до Владивостока через Хабаровск занимал 15 дней, в то время как время в пути по линии КВЖД Чита-Харбин-Владивосток по КВЖД составлял около 4 суток [Михайлов, Наши окраины ..., 1923]. Немаловажным был и вопрос белого присутствия в Маньчжурии. Так, в статье спецкора «Известий» А. Е. Явича (1900—1979) о положении в регионе говорилось о «белом терроре» вдоль линии КВЖД и сознательном разжигании неприязни между китайцами и русскими.

К середине 1924 года СССР был де-юре признаваем все большим количеством государств, в том числе Германией и Великобританией. Это обстоятельство, наряду с продолжающейся политикой эксплуатации со стороны Запада и Японии, подтолкнуло китайские власти к заключению двустороннего соглашения с Советами. 31 мая 1924 года чрезвычайный полномочный представитель СССР в Китае Л. М. Карахан (1889—1937) и министр иностранных дел Китайской Республики Веллингтон Ку (Гу Вэйцзюнь / 顾维钧 (1888—1985)) подписали «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой», означавшее взаимное дипломатическое признание. Согласно ст. 9 Соглашения, стороны признавали, что КВЖД будет являться «чисто коммерческим предприятием». Предполагалось, что дорога будет в дальнейшем выкуплена Китаем. Этот документ стал основой для развития равноправных и взаимовыгодных отношений между сторонами. Как отмечали «Известия», переговоры по поводу соглашения велись в атмосфере строжайшей секретности, «чтобы не дать Франции и Америке еще раз вмешаться и сорвать соглашение», которое «произведет в дипломатических кругах эффект разорвавшейся бомбы» [Восстановление нормальных отношений ..., 1924]. Дипломатический успех советской власти в Китае способствовал тому, что многие русские подданные,

проживавшие в Маньчжурии, с лета 1924 года стали все активной обращаться во вновь открывшиеся советские консульства с просьбой о предоставлении советского гражданства [Пастухов, 2022, с. 237]. «Соглашение между правительством СССР и правительством Трех автономных Восточных провинций Китайской республики» («Мукденское соглашение») от 20 сентября 1924 года также предусматривало организацию совместного советско-китайского управления дорогой с 3 октября 1924 года. По этому поводу «Известия» опубликовали выдержку из влиятельной республиканской газеты того времени «Цзинбао» («京报» — издавалась в Пекине с 5 октября 1918 года по апрель 1926 года, позиционировалась как независимое местное издание, защищающее национальные интересы, свободу слова и неподвластное каким-либо влиятельным группам). В ней говорилось о том, что «“Мукденское соглашение” является результатом отсутствия единения между Пекином и Мукденом» [После Мукденского соглашения ..., 1924]. Советская власть не могла дольше мириться с ситуацией, при которой КВЖД продолжала быть занятой белогвардейцами, поддерживаемыми Японией, Францией и США, что также не соответствовало национальным интересам Китая [Там же]. Таким образом, Советский союз значительно укрепил свое экономическое и политическое влияние в Маньчжурии, а также «вернул себе 3 октября железнодорожное имущество, которое, по самому скромному подсчету, оценивается больше чем в полмиллиарда рублей золотом» [Заявление полномочного представителя СССР ..., 1924]. «Известия» неоднократно напоминали читателям, что расходы на строительство и содержание дороги, в том числе в период ее убыточности с 1903 по 1914 годы, оплачивались за счет государственного бюджета. По оценкам издания, общая сумма «понесенных российским народом расходов» на дорогу составила 462 980 457 золотых рублей [Китайско-восточная железная дорога ..., 1924]. Когда представительство Русско-Азиатского банка в Харбине, «следуя инструкциям из Парижа», выступило с протестом против соглашений 1924 года, немедленно отреагировали «Известия», заявив, что «единственным хозяином дороги является наш Союз» и «он совместно с Китаем будет управлять своим достоянием» [Семенов, 1924]. «Известия» постоянно обращали внимание читателей на экономический потенциал магистрали. Предполагалось, что развитие порта Владивосток, как и всей хозяйственной жизни Приморья, невозможно без роста экспорта из Северной Маньчжурии. Газета сообщала, что в 1922 году вывоз из данного региона составил 121 млн пудов (около 2 млн тонн), а в 1923 году — около 150 млн пудов. Давался прогноз, по которому к 1930-му году вывоз мог составить порядка 275—300 млн пудов — за счет расширения площади посевов в районах, тяготеющих к линии КВЖД [Колосовский, 1924; Скриба, 1924].

3.2. Революция 1925—1927 годов — первые конфликты на КВЖД

В период революции 1925—1927 годов в Китае обострились противоречия по поводу КВЖД. Фактический правитель Маньчжурии Чжан Цзолинь (张作霖 1875—1928), поддерживаемый Японией, де-факто не признавал соглашения 1924 года. В 1926 году на КВЖД начались первые военные столкновения между СССР и войсками Чжан Цзолиня, вызванные запретом на перевозку китайских войск, а 22 января в Харбине были арестованы управляющий дорогой А. Н. Иванов (1892—1937) и несколько служащих дороги, в связи с чем первый нарком ИД Г. В. Чичерин (1872—1936) направил телеграмму президенту КР Дуань Цижую (段祺瑞 (1865—1936)) с требованием добиться от Чжан Цзолиня «восстановления полного порядка на КВЖД в трехдневный срок» [СССР требует ..., 1926]. Иванов был освобожден уже 25 января, о чем на следующий же день сообщили «Известия» [Распоряжение Чжан Цзо-линя ..., 1926]. Однако понятие «конфликт на КВЖД» не ушло из советского общественно-политического лексикона [Дацышен, 2018, с. 67—82]. Газета сообщала о продолжившихся бесчинствах в Харбине: разгромах профсоюзов, массовых арестах советских граждан и оскорблении последних со стороны китайской милиции и белогвардейцев, закрытии рабочих клиник и библиотек, прекращении культурной работы [Соглашение об урегулировании ..., 1926]. В статье известного российского востоковеда Д. М. Позднеева (1865—1937), специального корреспондента «Известий», речь шла о все возрастающем «китайском шовинизме» среди реакционных кругов Маньчжурии, который в числе прочего выражался в «сильнейшем повышении в применении по отношению к гражданам СССР всякого рода податных и других обложений, порою незаконных вымогательств, арестов, побоев и пр.» [Позднеев, 1926]. Однако, описывая положение городка Маньчжурия (Маньчжоули, автономный район Внутренняя Монголия), расположившегося в «точке соприкосновения трех беспримерно развивающихся республик», Позднеев предрекал ему бурное экономическое развитие, отмечая рост интереса к этому некогда незначительному поселку со стороны Китая, Японии, Монголии, а также США и Великобритании [Там же]. Большинство публикаций по теме КВЖД в «Известиях» периода 1926—1927 годов было посвящено потенциальным вызовам для советско-китайских отношений, связанным с активизацией неправомерных действий в адрес советского населения и собственности вдоль линии КВЖД со стороны представителей «мукденской клики» и сторонников белого движения: изъятие из харбинских библиотек периодики и литературы, издаваемой в СССР, нападки на пароходство КВЖД, отказы в выплатах жалования служащим железнодорожных школ, нападения на советские консульства в Харбине и Тяньцзине,

демонстрации в поддержку царской власти и др. [На Китайско-Восточной ж.д. ..., 1926; Разгул черносотенцев ..., 1926; Новая выходка ..., 1926; Хулиганские вылазки ..., 1926]. Репортеры «Известий» не только ссылались на собственное видение или материалы агентств РОСТА и ТАСС, но и цитировали публикации мировых СМИ, обращавших внимание на потенциально опасную ситуацию на Дальнем Востоке, разжигаемую не без участия Японии и Великобритании и способную привести к масштабному международному вооруженному конфликту [Действия Чжан-Цзо-Лина ..., 1926]. В начале 1927 года «Известия», ссылаясь на интервью одного английского военного советника Чжан Цзолина, генерал-майора Фрэнсиса Сеттона (Francis Arthur Sutton (1884—1944)) журналу «Транс-Пасифик» («The Trans Pacific» — еженедельный журнал, издаваемый в Токио с 1919 по 1940 годы американским журналистом Б. В. Флейшером (1897—1976); освещал новости экономики и промышленности Дальнего Востока и Тихоокеанского региона; до конца 1927 года выходил на японском, китайском и английском языках, затем только на английском), уже открыто писали о планах Англии по захвату КВЖД. По словам Сеттона, СССР пользовался противоречащими положениям Вашингтонской конференции привилегиями в районе КВЖД, а также использовал дорогу как «источник разрушительной пропаганды, которая губит Китай» [Английский план захвата КВЖД ..., 1927]. «Известия» подчеркивали, что подобные заявления «не позволят лондонскому кабинету снять с себя ответственность за все последствия его провокационных действий» [За неделю ..., 1927]. В то же время газета обратила внимание на недовольство, высказываемое правлением ЮМЖД в связи с невыгодными для японских предпринимателей тарифами Уссурийской ж.д. и КВЖД, и на его требования о сотрудничестве последней с ЮМЖД, в том числе с целью урегулирования тарифных вопросов, подчеркнув, что дороги являются соперничающими предприятиями [Директор ..., 1927]. В очередной статье «Известий» от июля 1927 года упоминалось постоянное стремление администрации ЮМЖД политизировать деятельность дороги «углублять конфликты, ... использовать отдельные антагонизмы между советской частью правления (КВЖД. — *Е. С.*) и китайской, желая втянуть в обострение конфликта и СССР и Мукден», а также использовать КВЖД в качестве собственного подъездного пути [Семенов, 1927]. Опасения издания вызывали публикации японской прессы, подогревавшие слухи о возможной попытке захвата КВЖД мукденскими властями, а также об организации в Пекине специальной комиссии по разработке программы полного перехода КВЖД в руки китайской администрации [Слухи о намерении Мукдена ..., 1927; Замыслы пекинских реакционеров ..., 1927]. Редакция «Известий» сочла необходимым разместить на своих страницах

выдержки из публикации в газете «Маньчжурия Дэйли Ньюс» («The Manshu Nichi-Nichi Shimbun») / «滿洲日日新聞» — выходила на японском языке, издавалась в Дайрене компанией ЮМЖД с 3 ноября 1907 года до сентября 1945 года), где утверждалось, что «потеря КВЖД ..., несомненно, послужит причиной нападков со стороны партийной оппозиции и вызовет смуту в среде московского правительства» [Харбинская газета ..., 1927]. В ответ на подобные прогнозы советская периодическая печать в лице «Известий» настаивала на необходимости поддержания стабильности вдоль линии дороги. Комментируя ноту Нанкинского правительства советскому консулу в Шанхае Б. Н. Козловскому (1899—1975) от 14 декабря 1927 года с требованием о закрытии всех представительств СССР на территории страны, «Известия», естественно, опубликовали немедленный ответ на нее от лица Г. В. Чичерина [Нанкинские власти требуют ..., 1927], в котором советские власти отказывались выполнять требования не признаваемого ими на тот момент правительства.

Изменение положения внутри Китая, приведшее к активизации международной политики на Дальнем Востоке, а также развитие мирового финансового кризиса способствовали росту интереса советской печати к Китаю в целом и к КВЖД в частности. В 1928 году количество упоминаний КВЖД на страницах «Известий» возросло. Публикации касались как политических, так и экономических аспектов советско-китайских отношений. В февральском номере «Известий» за 1928 год была размещена статья заместителя заведующего иностранным отделом газеты, специалиста по экономической истории Китая А. Я. Канторовича (1896—1937), где подчеркивалось, что государственные интересы СССР в Китае, в первую очередь хозяйственные, сконцентрированы в Маньчжурии за счет наличия таких факторов, как общая граница; почти 100-тысячная колония советских трудящихся; КВЖД, в строительство которой были вложены колоссальные народные средства; «залог развития» порта Владивосток. Автор связывал экономическое благополучие Северной Маньчжурии в условиях бурного развития земледелия с КВЖД, к работе которой должны предъявляться все более высокие требования, что невозможно без организации «в высшей степени совершенного и действенного аппарата, который руководит дорогой». По мнению Канторовича, Маньчжурия зависела от добрососедских отношений с СССР, в том числе потому, что «китайский торговый капитал на советской территории сплошь слагается из маньчжурских фирм» [Канторович, 1928, № 29 (3263), с. 2]. Опасение «Известий» вызывали планы мукденских властей по переводу расчетов на КВЖД с золотого рубля на харбинский доллар, что вызвало решительные протесты советских представителей правления дороги. Газета отметила, что СССР, в очередной раз руководствуясь «неизменно дружелюб-

ной и примирительной» политикой в отношении Китая, согласился пойти на невыгодные для себя уступки. Часть расчетов дороги планировалось вести исключительно в местной валюте, а курс золотого рубля должен был быть пересмотрен в сторону наибольшего благоприятствования ей. Планировалось создать специальную комиссию по дальнейшему пересмотру порядка расчетов, а также в первоочередном порядке выплатить китайской стороне ее часть из прибыли КВЖД [Канторович, 1928, № 78 (3312), с. 5]. Однако события в Маньчжурии продолжились развиваться по негативному сценарию, что заставляло авторов «Известий» все чаще выражать озабоченность. Так, описывая события вокруг покушения на Чжан Цзолиня 4 июня 1928 года, приведшего к его смерти, «Известия» заключили, что «бомба эта может возыметь весьма серьезные политические события как в смысле положения внутри мукденского лагеря, так и в связи с крайне острым внешнеполитическим положением в Китае и в особенности в Маньчжурии» [Мукденцы оставили Пекин ..., 1928]. Действительно, уже 6 сентября войска лояльного партии Гоминьдан генерала Янь Сишаня (阎锡山 1883—1960) взяли Пекин, в результате чего последний потерял статус столицы и был переименован в Бэйпин (北平 *Северное спокойствие*). Столица Китайской республики была перемещена в Нанкин. «Известия» описывали эти события в целом нейтрально. В ответ на тиражируемые японскими периодическими изданиями слухи о советском следе в покушении на Чжан Цзолиня и планах СССР по оккупации Маньчжурии газета заявляла, что советская сторона в вопросах о КВЖД строго придерживается положений договора 1924 года, не имеет никаких планов по оккупации Маньчжурии, не сосредотачивает в регионе собственные войска [Борьба за власть в Китае ..., 1928]. Печатный орган обращал внимание на заметное укрепление положения японцев в Маньчжурии и на рост интереса к КВЖД со стороны Чан Кайши (蒋介石 1887—1975) [Известия, № 167(3401), с. 2]. В конце августа 1928 года газета разместила выдержку из англоязычной «Пекин Лидер» («The Peking Leader» / «北京導報» — проамериканское ежедневное периодическое издание, выходившее в Пекине с 1917 по 1930 годы), где утверждалось, что «впервые после смерти Юань Шикая (袁世凯 (1859—1916) — первый президент Китайской республики) в Китае существует единое правительство, которое может даже претендовать на положение правительства всего Китая» [Пакт Келлога и Китай ..., 1928]. А уже в сентябре 1928 года «Известия» писали о «Нанкинском сговоре», который «ни в какой степени не является шагом к созданию действительно объединяющего Китай правительства» [Положение в Гоминдане ..., 1928]. Обстановка вокруг КВЖД становилась все более напряженной. В декабре 1928 года преемник Чжан Цзолиня на территории Трех восточных провинций Чжан Сюэлян (张学良 (1901—2001)) признал Нанкинское

правительство, в результате чего «в условиях даже формального отсутствия того правительства, с которым Советский Союз в 1924 году установил дипломатические отношения, вопрос о КВЖД повисал в воздухе» [Пастухов, 2022, с. 322]. 22 декабря 1928 года в Харбине китайские силы захватили телефонную станцию КВЖД, сместив советского управляющего. В ответ СССР заявил дипломатический протест, о чем сообщили «Известия», добавив, что на строительство станции было затрачено более 2-х млн золотых рублей, а чистый доход от ее эксплуатации составлял порядка 200 тыс. золотых рублей в год [Захват китайскими властями ..., 1928]. Чжан Сюэлян проигнорировал этот протест в связи с явным курсом правительства Чан Кай-ши, объявившего советско-китайский договор 1924 года неравноправным, на разрыв с СССР. Уже 29 декабря 1928 года над всеми правительственными учреждениями Маньчжурии были вывешены флаги партии Гоминьдан, а вечером 5 января 1929 года китайской полицией в Харбине была закрыта просоветская газета «Молва», выходявшая ежедневно с 1924 по 1929 годы. «Известия» сообщали, что газету закрыли по требованию английского консула за фельетон о короле Великобритании, предположив, что «интенсивная антисоветская кампания», поддерживаемая «дружественными советами», может вылиться в дальнейшие агрессивные действия в адрес СССР [Запрещение газеты «Молва» ..., 1929].

3.3. Конфликт 1929 года на КВЖД

К началу 1929 года положение СССР в Маньчжурии стало довольно шатким. Комментируя сообщения прозападной японской прессы о тайных переговорах СССР с правительствами Франции и США по поводу продажи КВЖД, «Известия» писали, что «враждебные элементы пытаются толкнуть маньчжурскую администрацию на новые агрессивные действия в отношении дороги», настаивая, что «вопрос о КВЖД подлежит разрешению исключительно двумя заинтересованными сторонами — Китаем и СССР» [Провокационные и ложные слухи ..., 1929]. Однако, как отметил А. М. Пастухов, Чжан Сюэлян лично стремился к эскалации конфликта на КВЖД. Причиной могло служить желание самостоятельно распоряжаться доходами дороги, что способствовало бы и укреплению его политического положения [Пастухов, 2022, с. 326]. В течение первой половины 1929 года «Известия» неоднократно сообщали о случаях нападок китайских властей на службы КВЖД, а также на консульство СССР в Харбине: обысках, арестах, неправомерных увольнений [Новые аресты ..., 1929; Увольнение ..., 1929; Возмутительные действия ..., 1929 и др.]. В то же время газета продолжала анализировать материалы местной прессы в поисках подтверждения намерению властей ОРВП в вопросе о КВЖД придерживаться положений соглашения 1924 года [Заявление Лю Чже ..., 1929; Вопрос о КВЖД ..., 1929; За улуч-

шение ..., 1929 и др.]. Но после 10 июля 1929 года, когда китайская полиция заняла центральный телеграф КВЖД и арестовала ряд высокопоставленных служащих, угрожая им высылкой, конфликт вышел на новый уровень. Это вызвало рост публикаций на тему КВЖД в «Известиях». Данное событие оценивалось как «генеральские бесчинства», произвол «китайской военщины», поддерживаемой иностранными державами и заигрывающей с силами белогвардейцев. Конфликт развивался стремительно, и 20 июля 1929 года произошел фактический разрыв дипломатических отношений между СССР и Гоминьдановским Китаем. Со второй половины июля по 31 декабря 1929 года упоминания КВЖД встречались практически в каждом номере «Известий», их количество превысило 140. По мере развития конфликта и усиленной подготовки советских войск к возможному вооруженному противостоянию газета все чаще выступала с осуждением политики Нанкинского правительства, а тон ее заголовков становился все более пропагандистским. Если попытаться систематизировать публикации о КВЖД за август — октябрь 1929 года, то можно выделить несколько основных тем:

1) Гнев советского народа и готовность к борьбе с потенциальным врагом [Крепим оборону СССР ..., 1929; Нужно будет — выйдем с винтовками ..., 1929; Ответ рабочих и крестьян Терека ..., 1929; Крестьяне сдают лошадей для армии ..., 1929; Волна протестов против китайской провокации ..., 1929; Вся советская страна горит возмущением ..., 1929 и др.];

2) Попытки заинтересованных капиталистических держав установить международный контроль над дорогой [Замыслы САСШ ..., 1929; Империалисты ..., 1929 и др.];

3) Международное осуждение политики Китая, побудившей «все державы симпатизировать СССР. Так, японская «Токио Асахи» («The Asahi Shimbun» / «朝日新聞» — одна из крупнейших газет Японии; основана в Осаке в 1879 году как издание либеральной направленности) назвала захват КВЖД «насилием», которое «затруднило китайскую позицию в вопросе об экстерриториальности, показав, что Китай не подготовлен для отмены неравноправных договоров» [Трезвый голос ..., 1929]. А немецкая «Берлинер Тагеблатт» («Berliner Tageblatt» — полуофициальный печатный орган Немецкой демократической партии; выходила ежедневно с 1872 по 1939 год) уличала Китай в попытках развязать войну [Кайт, 1929];

4) Противостояние между Нанкином и Мукденом [Мукденцы ..., 1929; Невыгодное положение Мукдена ..., 1929; Нанкин ущемляет ..., 1929 и др.];

5) Репрессии китайских милитаристов в Маньчжурии, направленные прежде всего против советских граждан [Новые зверские расправы ..., 1929; Китайские милитаристы ..., 1929; Издевательства над заключенными ..., 1929; Советские граждане в тисках ..., 1929; Новые жертвы ..., 1929 и др.].

Таким образом, газета подготовила читателей к переходу конфликта в горячую стадию, о чем впервые сообщила 18 октября 1929 года [Красные бойцы ..., 1929]. По-прежнему часто появлялись статьи о нарушении прав советских граждан — арестах и пытках в Маньчжурии. Если в конце октября «Известия» придерживались позиции, согласно которой ответственность за начало вооруженного противостояния лежала на правительстве Чан Кайши, а власти в Мукдене якобы стремились к скорейшему началу переговоров с Москвой [Движение в Мукдене ..., 1929], то в середине ноября газета уже писала об усиленной подготовке мукденцев к вступлению на советскую территорию [Военные планы Мукдена ..., 1929]. Лишь 27 ноября «Известия» сообщили о Маньчжуро-Чжалайнорской операции ОКДВА, в результате которой было «разоружено свыше 8000 китайских солдат и офицеров и взято громадное количество оружия и снаряжения» [Плоды провокации ..., 1929]. Газета назвала операцию вынужденной реакцией СССР на «длинную цепь провокаций и безобразных насилий» китайских милитаристов, а также указывалось на преувеличение китайской стороной масштабов операции, «преследующей лишь указанную цель обеспечения безопасности советских границ» [Там же]. Подчеркивалось, что «все трудящиеся СССР целиком одобряют и поддерживают действия ... правительства» [Там же]. 28 ноября газета сообщила о согласии Чжан Сюэяна провести переговоры об урегулировании конфликта на основе предложений СССР [Новое предложение Мукдена ..., 1929]. А 4 декабря «Известия» обнародовали информацию о «Никольск-Уссурийском протоколе о восстановлении статус-кво на КВЖД», подписанном 3 декабря Цай Юньшэном (蔡运升 (1879—1959)), уполномоченным по внешним сношениям со стороны Чжан Сюэяна, и А. А. Симановским (1874—?), одним из основоположников «Известий», в то время дипагентом НКВД в Хабаровске. Газета также сообщила об обмене нотами между правительствами США, Франции и Великобритании, с одной стороны, и СССР, с другой, уличив Державы в попытках «путем открытого вмешательства сорвать наметившуюся ликвидацию советско-китайского конфликта» [Попытка открытого вмешательства ..., 1929]. Подчеркивалось, что вмешательство это произошло в связи с обращением Нанкинского правительства, «безрезультатно вымаливающего у империалистов отмену неравноправных договоров», за чем следует его «позорный крах» [Там же]. Тема очередной попытки интервенции в адрес СССР со стороны капиталистических государств, выраженной в попытках препятствовать разрешению конфликта на КВЖД на советских условиях, стала одной из центральных для «Известий» в декабре 1929 года [После ответа СССР ..., 1929; Отклики на советскую отповедь Державам ..., 1929; Вмешательство продолжается ...

1929; Антисоветская акция продолжается ..., 1929 и др.]. Тем не менее 10 декабря газета сообщила, что Нанкин санкционировал действия Мукденского правительства по прекращению конфликта с СССР [Нанкин и советско-китайский протокол ..., 1929]. Газета обратила внимание читателей на тот факт, что администрация КВЖД «стремительно использует последние дни своего бесконтрольного хозяйствования для разбазаривания капитала дороги», отмечая большое оживление среди экспортеров, пользующихся КВЖД, и усиление закупок бобов на пунктах восточной линии дороги с целью направить грузы через Эгершельд [Спешная растрата ..., 1929]. 14 декабря газета сообщила о состоявшемся накануне прибытии Цай Юньшэна в Хабаровск [Приезд Цая ..., 1929]. Наконец, 23 декабря «Известия» опубликовали сообщение НКВД о подписании так называемого «Хабаровского протокола» [Подписан Советско-китайский протокол ..., 1929]. Это событие трактовалось как безусловная дипломатическая победа СССР [Победа мирной политики ..., 1929; Огромное значение дипломатической победы ..., 1929]. 2 января 1930 года в газете появилось сообщение о вступлении в должность с 31 декабря 1929 года «вновь назначенного управляющим КВЖД» Ю. В. Рудого (1887—1937) [Положение на КВЖД восстанавливается ..., 1930].

4. Заключение = Conclusions

Подводя краткий итог вышесказанному, можно отметить, что советско-китайские отношения, центральное место в которых занимал вопрос о статусе КВЖД, были одной из ведущих тем для «Известий» на протяжении 1920-х годов. На наш взгляд, этот факт является лишним подтверждением тому, что руководство Советской России придавало существенное значение взаимодействию с Китаем. На страницах газеты в указанный период неоднократно подчеркивалась необходимость установления равноправных дружественных отношений между СССР и Китаем. В то же время «Известия» настаивали на том, что КВЖД является национальной собственностью советских граждан. Оценивая возникающие в полосе отчуждения конфликты, издание приходило к выводу о том, что основными причинами разногласий между сторонами были притязания Западных держав и Японии в Маньчжурии, а также отсутствие консолидированной власти внутри Китая. К началу 1930 года в СССР еще не считали Гоминьдан силой, способной контролировать всю страну. Частота упоминаний КВЖД на страницах «Известий» существенно возросла в 1929 году (143 из ок. 190). Тогда же заметно выросло число пропагандистских сообщений о событиях, связанных с этой магистралью. Конфликт на КВЖД оценивался как «преступная авантюра» китайских милитаристов, способство-

вавшая «напряжению всех внутривосточных отношений» в Китае [Развал в Китае ..., 1929], а также приведшая к существенным убыткам дороги и росту доходов ЮМЖД [Убытки КВЖД ..., 1929]. Важную роль в этих событиях, по мнению «Известий», сыграл «клубок империалистических противоречий», грозящий «непосредственными опасностями миру» [Советско-китайский конфликт ..., 1929]. Подчеркивая значение советско-китайского военного столкновения для международных отношений, «Известия» соглашались с японской «Хоци» («Hochi Shimbun» / «報知新聞» — издается в Токио с 1872 года, в описываемый период была связана с официальной властью) в том, что «конфликт на КВЖД показал, что Лига наций и “Пакт Келлога” — ничемные пустые украшения» и для решения подобных конфликтов в будущем необходимо создание международного арбитража [Японская печать против ..., 1929]. Можно заключить, что освещение событий 1920-х годов, связанных с КВЖД, служило в числе прочего мощным орудием пропаганды, призванным убедить читателей «Известий» в том, что внутри- и внешнеполитический курс руководства СССР являлся единственно верным.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Английский* план захвата КВЖД под флагом борьбы с большевизмом // *Известия* : [газета]. — 1927. — № 150 (3084). — С. 1.
2. *Антисоветская* акция продолжается // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 301 (3837). — С. 2.
3. *Борьба* за власть в Китае // *Известия* : [газета]. — 1928. — № 138 (3372). — С. 1.
4. *Виленский-Сибиряков В. Д.* Домогательства французских банкиров / В. Д. Виленский-Сибиряков // *Известия* : [газета]. — 1920. — № 208 (1055). — С. 1.
5. *Виленский-Сибиряков В. Д.* Замыслы Японии / В. Д. Виленский-Сибиряков // *Известия* : [газета]. — 1920. — № 257 (1104). — С. 1.
6. *Виленский-Сибиряков В. Д.* Китай и Советская Россия / В. Д. Виленский-Сибиряков // *Известия* : [газета]. — 1920. — № 225 (1072). — С. 1.
7. *Виленский-Сибиряков В. Д.* Что делается в Китае / В. Д. Виленский-Сибиряков // *Известия* : [газета]. — 1923. — № 70 (1807). — С. 2.
8. *Вмешательство* продолжается // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 292 (3828). — С. 1.
9. *Внешняя* политика Советского союза // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 285(3821). — С. 1.
10. *Военные* планы Мукдена // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 267(3803). — С. 2.
11. *Возмутительные* действия китайских властей в Харбине // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 133 (3669). — С. 1.
12. *Волна* протестов против китайской провокации захватила деревни и села Советского союза // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 180 (3716). — С. 2.

13. *Вопрос о КВЖД* // Известия : [газета]. — 1929. — № 33 (3569). — С. 3.
14. *Восстановление дипломатических отношений с Китаем и Монголией* // Известия : [газета]. — 1920. — № 91 (938). — С. 1.
15. *Восстановление нормальных отношений между советской и китайской республиками* // Известия : [газета]. — 1924. — № 124 (2159). — С. 1.
16. *Вся советская страна горит возмущением* // Известия : [газета]. — 1929. — № 190 (3726). — С. 2.
17. *Движение в Мукдене за улажение конфликта с СССР* // Известия : [газета]. — 1929. — № 247 (3783). — С. 1.
18. *Действия Чжан-Цзо-Лина грозят вызывать мировой пожар* // Известия : [газета]. — 1926. — № 215 (2846). — С. 1.
19. *Директор Южно-Маньчжурской ж.д. высказывается за сотрудничество с К.-В. ж.д.* // Известия : [газета]. — 1927. — № 150 (3084). — С. 1.
20. *Документы внешней политики СССР*. — Москва : Госполитиздат, 1963. — Т. VII. — 761 с.
21. *Документы внешней политики СССР*. — Москва : Госполитиздат, 1967. — Т. XII. — 818 с.
22. *За неделю* // Известия : [газета]. — 1927. — № 155 (3089). — С. 2.
23. *За улучшение советско-китайских отношений* // Известия : [газета]. — 1929. — № 142 (3678). — С. 1.
24. *Замыслы пекинских реакционеров* // Известия : [газета]. — 1927. — № 238 (3172). — С. 4.
25. *Замыслы САСШ на КВЖД* // Известия : [газета]. — 1929. — № 178 (3714). — С. 2.
26. *Запрещение газеты «Молва»* // Известия : [газета]. — 1929. — № 6 (3542). — С. 1.
27. *Захват китайскими властями телефонной станции К.-В. ж.д.* // Известия : [газета]. — 1928. — № 302 (3536). — С. 3.
28. *Заявление Лю Чже* // Известия : [газета]. — 1929. — № 11 (3547). — С. 1.
29. *Заявление полномочного представителя СССР в Китае Л. М. Карахана представителям печати в Пекине от 05.10.1924* // Известия : [газета]. — 1924. — № 229 (2264). — С. 1.
30. *Ивангородский П. Борьба за советский Гамбург / П. Ивангородский* // Известия : [газета]. — 1923. — № 35 (1772). — С. 3.
31. *Издательства над заключенными в Харбине продолжают* // Известия : [газета]. — 1929. — № 226 (3762). — С. 5.
32. *Империалисты и КВЖД* // Известия : [газета]. — 1929. — № 180 (3716). — С. 1.
33. *Кайт Л. Захват КВЖД — провоцирование войны / Л. Кайт* // Известия : [газета]. — 1929. — № 189 (3725). — С. 2.
34. *Канторович А. Я. На Дальнем Востоке / А. Я. Канторович* // Известия : [газета]. — 1928. — № 78 (3312). — С. 5.
35. *Канторович А. Я. СССР и Китай в Маньчжурии / А. Я. Канторович* // Известия : [газета]. — 1928. — № 29 (3263). — С. 2.
36. *Китай* // Известия : [газета]. — 1922. — № 37 (1470). — С. 1.
37. *Китайские милитаристы продолжают политику диких репрессий в Маньчжурии* // Известия : [газета]. — 1929. — № 197 (3733). — С. 2.
38. *Китайско-восточная железная дорога* // Известия : [газета]. — 1924. — № 86 (2121). — С. 1.
39. *Колосовский Н. Маньчжурский экспорт через Владивосток* // Известия : [газета]. — 1924. — № 9 (2044). — С. 5.

40. *Красные бойцы проучили зарвавшихся налетчиков* // Известия : [газета]. — 1929. — № 241 (3777). — С. 1.
41. *Крепим оборону СССР* // Известия : [газета]. — 1929. — № 177 (3713). — С. 1.
42. *Крестьяне сдают лошадей для армии* // Известия : [газета]. — 1929. — № 178 (3714). — С. 7.
43. *Михайлов П. Наши окраины — Дальний Восток / П. Михайлов* // Известия : [газета]. — 1923. — № 108 (1845). — С. 5.
44. *Мукденцы и Нанкинцы грызутся и-за доходов КВЖД* // Известия : [газета]. — 1929. — № 180 (3716). — С. 2.
45. *Мукденцы оставили Пекин* // Известия : [газета]. — 1928. — № 129 (3363). — С. 1.
46. *На Китайско-Восточной ж.д.* // Известия : [газета]. — 1926. — № 210 (2841). — С. 1.
47. *Нанкин и советско-китайский протокол* // Известия : [газета]. — 1929. — № 290 (3826). — С. 1.
48. *Нанкин ущемляет права Мукдена* // Известия : [газета]. — 1929. — № 208 (3744). — С. 1.
49. *Нанкинские власти требуют прекращения деятельности советских представителей* // Известия : [газета]. — 1927. — № 289 (3223). — С. 4.
50. *Невыгодное положение Мукдена* // Известия : [газета]. — 1929. — № 195(3731). — С. 2.
51. *Новая выходка китайских властей на К.-В. ж.д.* // Известия : [газета]. — 1926. — № 280 (2911). — С. 2.
52. *Новое предложение Мукдена* // Известия : [газета]. — 1929. — № 278 (3814). — С. 1.
53. *Новые аресты работников КВЖД* // Известия : [газета]. — 1929. — № 28 (3564). — С. 2.
54. *Новые жертвы харбинских тюрем* // Известия : [газета]. — 1929. — № 287 (3823). — С. 1.
55. *Новые зверские расправы* // Известия : [газета]. — 1929. — № 195 (3731). — С. 2.
56. *Нужно будет — выйдем с винтовками* // Известия : [газета]. — 1929. — № 177 (3713). — С. 1.
57. *Огромное значение дипломатической победы, одержанной Советским Союзом* // Известия : [газета]. — 1929. — № 304 (3840). — С. 1
58. *Ответ рабочих и крестьян Терека* // Известия : [газета]. — 1929. — № 177 (3713). — С. 2.
59. *Отклики на советскую отповедь Державам* // Известия : [газета]. — 1929. — № 286 (3822). — С. 1.
60. *Пакт Келлога и Китай* // Известия : [газета]. — 1928. — № 202 (3436). — С. 2.
61. *Плоды провокации* // Известия : [газета]. — 1929. — № 277 (3813). — С. 1.
62. *Победа мирной политики Союза ССР* // Известия : [газета]. — 1929. — № 303 (3839). — С. 1.
63. *Подписан Советско-китайский протокол о восстановлении положения на КВЖД* // Известия : [газета]. — 1929. — № 303 (3839). — С. 1.
64. *Позднеев Д. М. На стыке трех республик / Д. М. Позднеев* // Известия : [газета]. — 1926. — № 122 (2753). — С. 2.
65. *Положение в Гоминдане* // Известия : [газета]. — 1928. — № 213 (3447). — С. 2.
66. *Положение в Китае* // Известия : [газета]. — 1928. — № 167 (3401). — С. 2.
67. *Положение на Дальнем Востоке* // Известия : [газета]. — 1920. — № 85 (932). — С. 2.

68. *Положение* на КВЖД восстанавливается // *Известия* : [газета]. — 1930. — № 2 (3845). — С. 1.
69. *Попытка* открытого вмешательства // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 284 (3820). — С. 1.
70. *После* Мукденского соглашения // *Известия* : [газета]. — 1924. — № 232 (2267). — С. 3.
71. *После* ответа СССР на попытку вмешательства Держав // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 285 (3821). — С. 1.
72. *Приезд* Цая на советскую территорию // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 294 (3830). — С. 2.
73. *Провокационные* вымыслы японской печати // *Известия* : [газета]. — 1928. — № 137 (3371). — С. 2.
74. *Провокационные* и ложные слухи о планах СССР в отношении К.-В. ж.д. // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 7(3543). — С. 1.
75. *Развал* в Китае // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 296 (3832). — С. 1.
76. *Разгул* черносотенцев в Харбине // *Известия* : [газета]. — 1926. — № 242 (2873). — С. 2.
77. *Распоряжение* Чжан Цзо-линя об освобождении арестованных рабочих и служащих Кит.-Вост. ж.д. // *Известия* : [газета]. — 1926. — № 20 (2651). — С. 1.
78. Резолюция о военной опасности на Востоке // *Известия* : [газета]. — 1926. — № 210 (2841). — С. 1.
79. *Семенов*. КВЖД и ЮМЖД / Семенов // *Известия* : [газета]. — 1927. — № 172 (3106). — С. 2.
80. *Семенов*. Претензии империалистов на К.-В. ж.д. / Семенов // *Известия* : [газета]. — 1924. — № 231 (2266). — С. 1.
81. *Скриба*. Владивостокский порт / Скриба // *Известия* : [газета]. — 1924. — № 9 (2044). — С. 5.
82. *Слухи* о намерении Мукдена захватить К.-В. ж.д. // *Известия* : [газета]. — 1927. — № 176 (3110). — С. 2.
83. *Советские* граждане в тисках маньчжурского режима // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 227 (3763). — С. 1.
84. *Советско-китайский* конфликт и империалистические провокации // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 307 (3843). — С. 2.
85. *Соглашение* об урегулировании конфликта на КВЖД // *Известия* : [газета]. — 1926. — № 21 (2652). — С. 1.
86. *Специальная* растрата средств КВЖД // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 290 (3826). — С. 1.
87. *Среди красноармейцев* Дальнего Востока // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 178 (3714). — С. 7.
88. СССР требует ликвидации конфликта на Кит.-Вост. ж.д. // *Известия* : [газета]. — 1926. — № 19 (2650). — С. 1.
89. *Трезвый* голос японской газеты // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 189 (3725). — С. 2.
90. *Убытки* КВЖД от бесчинств военщины // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 306 (3842). — С. 1.
91. *Увольнение* видного работника К.-В. ж.д. китайскими властями // *Известия* : [газета]. — 1929. — № 31 (3567). — С. 1.
92. *Харбинская* газета о К.-В. ж.д. // *Известия* : [газета]. — 1927. — № 242 (3176). — С. 3.

93. *Хулиганские* вылазки белогвардейцев // Известия : [газета]. — 1927. — № 258 (3192). — С. 1.
94. *Чем скорее* китайцы пойдут на соглашение с СССР, тем лучше для них // Известия : [газета]. — 1929. — № 214 (3750). — С. 2.
95. *Чичерин Г. В.* К вопросу о Восточно-Китайской железной дороге / Г. В. Чичерин // Известия : [газета]. — 1921. — № 278 (1421). — С. 1.
96. *Япония* и КВЖД // Известия : [газета]. — 1923. — № 44 (1781). — С. 2.
97. *Японская* печать против вмешательства // Известия : [газета]. — 1929. — № 280 (3816). — С. 2.

Литература

1. *Дацышен В. Г.* «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «Конфликт на КВЖД 1929 г. :» сравнительно-исторический анализ советской политики / В. Г. Дацышен // Сравнительная политика. — 2018. — Т. 9. — № 4. — С. 67—82.
2. *Ким Чихван.* Экономические основания продажи КВЖД / Чихван Ким // Исследование истории Нового времени. — 2014. — № 5. — С. 86—104. (金志煥. 中东铁路出售的经济背景 / 志煥金 // 近代史研究. — 2014. — № 5. — 页。86—104).
3. *Кротова М. В.* Советское присутствие на КВЖД в 1924—1935 гг. / М. В. Коротова // Проблемы Дальнего Востока. — 2013. — № 1. — С. 139—150.
4. *Кротова М. В.* К вопросу о продаже КВЖД СССР Маньчжоу-го в 1935 г. / М. В. Коротова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2014. — № 1 (41). — С. 105—111.
5. *Кротова М. В.* Пути урегулирования советско-китайских конфликтов на КВЖД в 1920-е гг. / М. В. Коротова // Псковский военно-исторический вестник. — 2016. — № 2. — С. 158—165.
6. *Пастухов А. М.* Конфликт на КВЖД : война, которую решили забыть / А. М. Пастухов. — Москва : Пятый Рим : Бестселлер, 2022. — 572 с. — ISBN 978-5-6043328-5-6.
7. *Романова Г. Н.* Взаимоотношения Советской России с Китаем и проблема КВЖД (1917—1920-е гг.) / Г. Н. Романова // Проблемы Дальнего Востока. — 2009. — № 1. — С. 105—115.
8. *Ходяков М. В.* Временное правительство и «китайский вопрос» в России в 1917 г. / М. В. Ходяков, Сунь Ичжи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 45—56. — DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-45-56>.
9. *Янченко Д. Г.* Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика / Д. Г. Янченко, Е. О. Старовойтова // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8. — № 3. — С. 583—597. — DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.303>.

*Статья поступила в редакцию 10.07.2024,
одобрена после рецензирования 30.08.2024,
подготовлена к публикации 23.10.2024.*

Material resources

A new trick of the Chinese authorities on K.-V. zh.d. (1926). *Izvestia [newspaper]*, 280 (2911): P. 2. (In Russ.).

- A wave of protests against the Chinese provocation seized villages and villages of the Soviet Union. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 180 (3716): P. 2. (In Russ.).
- After the Mukden Agreement. (1924). *Izvestia [newspaper]*, 232 (2267): P. 3. (In Russ.).
- After the USSR's response to the attempted intervention of the Powers. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 285 (3821): P. 1. (In Russ.).
- Agreement on the settlement of the conflict on the CER. (1926). *Izvestia [newspaper]*, 21 (2652): P. 1. (In Russ.).
- Among the Red Army men of the Far East. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 178 (3714): P. 7. (In Russ.).
- An attempt at open intervention. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 284 (3820): P. 1. (In Russ.).
- Chicherin, G. V. (1921). On the question of the East China Railway. *Izvestia [newspaper]*, 278 (1421): P. 1. (In Russ.).
- China. (1922). *Izvestia [newspaper]*, 37 (1470): P. 1. (In Russ.).
- Chinese militarists continue the policy of wild repression in Manchuria. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 197 (3733): P. 2. (In Russ.).
- Dismissal of a prominent employee of K.-V. zh.d. by the Chinese authorities. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 31 (3567): P. 1. (In Russ.).
- Documents of the USSR foreign policy, VII.* (1963). Moscow: Gospolitizdat. 761 p. (In Russ.).
- Documents of the USSR's foreign policy, XII.* (1967). Moscow: Gospolitizdat. 818 p. (In Russ.).
- For the improvement of Soviet-Chinese relations. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 142 (3678): P. 1. (In Russ.).
- Fruits of provocation. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 277 (3813): P. 1. (In Russ.).
- Harbin newspaper about K.-V. zh.d. (1927). *Izvestia [newspaper]*, 242 (3176): P. 3. (In Russ.).
- Hasty embezzlement of CER funds. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 290 (3826): P. 1. (In Russ.).
- Hooligan attacks of the White Guards. (1927). *Izvestia [newspaper]*, 258 (3192): P. 1. (In Russ.).
- If necessary, we will go out with rifles. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 177 (3713): P. 1. (In Russ.).
- In a week. (1927). *Izvestia [newspaper]*, 155 (3089): P. 2. (In Russ.).
- Ivangorodsky, P. (1923). The struggle for Soviet Hamburg. *Izvestia [newspaper]*, 35 (1772): P. 3. (In Russ.).
- Japan and the CER. (1923). *Izvestia [newspaper]*, 44 (1781): P. 2. (In Russ.).
- Kantorovich, A. Ya. (1928). In the Far East. *Izvestia [newspaper]*, 78 (3312): P. 5. (In Russ.).
- Kantorovich, A. Ya. (1928). USSR and China in Manchuria. *Izvestia [newspaper]*, 29 (3263): P. 2. (In Russ.).
- Kite, L. (1929). Capture of the KVZhD — provoking war. *Izvestia [newspaper]*, 189 (3725): P. 2. (In Russ.).
- Kolosovsky, N. (1924). Manchurian export through Vladivostok. *Izvestia [newspaper]*, 9 (2044): P. 5. (In Russ.).
- Losses of the CER from the excesses of the military. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 306 (3842): P. 1. (In Russ.).
- Mikhailov, P. (1923). Our suburbs — the Far East. *Izvestia [newspaper]*, 108 (1845): P. 5. (In Russ.).
- Mukden and Nanjing residents are fighting over the income of the CER. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 180 (3716): P. 2. (In Russ.).
- Mukden's disadvantage. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 195 (3731): P. 2. (In Russ.).
- Mukden's military plans. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 267 (3803): P. 2. (In Russ.).

- Mukden's new proposal. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 278 (3814): P. 1. (In Russ.).
- Nanjing and the Soviet-Chinese protocol. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 290 (3826): P. 1. (In Russ.).
- Nanjing infringes on Mukden's rights. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 208 (3744): P. 1. (In Russ.).
- New arrests of KVZhD employees. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 28 (3564): P. 2. (In Russ.).
- New brutal massacres. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 195 (3731): P. 2. (In Russ.).
- New victims of Harbin prisons. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 287 (3823): P. 1. (In Russ.).
- On the Sino-Eastern railway. (1926). *Izvestia [newspaper]*, 210 (2841): P. 1. (In Russ.).
- Outrageous actions of the Chinese authorities in Harbin. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 133 (3669): P. 1. (In Russ.).
- Peasants rent horses for the army. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 178 (3714): P. 7. (In Russ.).
- Pozdneev, D. M. (1926). At the junction of the three republics. *Izvestia [newspaper]*, 122 (2753): P. 2. (In Russ.).
- Prohibition of the newspaper "Molva". (1929). *Izvestia [newspaper]*, 6 (3542): P. 1. (In Russ.).
- Provocative and false rumors about the plans of the USSR in relation to K.-V. zh.d. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 7 (3543): P. 1. (In Russ.).
- Provocative fictions of the Japanese press. (1928). *Izvestia [newspaper]*, 137 (3371): P. 2. (In Russ.).
- Rampant Black Hundreds in Harbin. (1926). *Izvestia [newspaper]*, 242 (2873): P. 2. (In Russ.).
- Resolution on military danger in the East. (1926). *Izvestia [newspaper]*, 210 (2841): P. 1. (In Russ.).
- Responses to the Soviet rebuke to the Powers. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 286 (3822): P. 1. (In Russ.).
- Restoration of diplomatic relations with China and Mongolia. (1920). *Izvestia [newspaper]*, 91 (938): P. 1. (In Russ.).
- Restoration of normal relations between the Soviet and Chinese republics. (1924). *Izvestia [newspaper]*, 124 (2159): P. 1. (In Russ.).
- Rumors about Mukden's intention to capture K.-V. zh.d. (1927). *Izvestia [newspaper]*, 176 (3110): P. 2. (In Russ.).
- Scriba. (1924). Vladivostok port. *Izvestia [newspaper]*, 9 (2044): P. 5. (In Russ.).
- Semenov. (1924). Claims of the imperialists against K.-V. zh.d. *Izvestia [newspaper]*, 231 (2266): P. 1. (In Russ.).
- Semenov. (1927). KVZhD and YUMZHD. *Izvestia [newspaper]*, 172 (3106): P. 2. (In Russ.).
- Sino-Eastern Railway. (1924). *Izvestia [newspaper]*, 86 (2121): P. 1. (In Russ.).
- Soviet citizens in the grip of the Manchurian regime. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 227 (3763): P. 1. (In Russ.).
- Statement by Liu Zhe. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 11 (3547): P. 1. (In Russ.).
- Statement of the Plenipotentiary Representative of the USSR in China L. M. Karakhan to the press representatives in Beijing dated 05.10.1924. (1924). *Izvestia [newspaper]*, 229 (2264): P. 1. (In Russ.).
- Strengthening the defense of the USSR. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 177 (3713): P. 1. (In Russ.).
- The abuse of prisoners in Harbin continues. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 226 (3762): P. 5. (In Russ.).
- The answer of the workers and peasants of the Terek. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 177 (3713): P. 2. (In Russ.).

- The anti-Soviet action continues. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 301 (3837): P. 2. (In Russ.).
- The collapse in China. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 296 (3832): P. 1. (In Russ.).
- The director of the South Manchurian railway speaks in favor of cooperation with K.-V. rail-way. (1927). *Izvestia [newspaper]*, 150 (3084): P. 1. (In Russ.).
- The English plan to capture the CER under the flag of the struggle against Bolshevism. (1927). *Izvestia [newspaper]*, 150 (3084): P. 1. (In Russ.).
- The foreign policy of the Soviet Union. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 285 (3821): P. 1. (In Russ.).
- The great importance of the diplomatic victory won by the Soviet Union, (1929). *Izvestia [newspaper]*, 304 (3840): P. 1. (In Russ.).
- The Imperialists and the CER. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 180 (3716): P. 1. (In Russ.).
- The intervention continues // *Izvestia [newspaper]*. — 1929. — № 292 (3828). — P. 1. (In Russ.).
- The Japanese press is against interference. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 280 (3816): P. 2. (In Russ.).
- The Kellogg Pact and China. (1928). *Izvestia [newspaper]*, 202 (3436): P. 2. (In Russ.).
- The movement in Mukden for the settlement of the conflict with the USSR. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 247 (3783): P. 1. (In Russ.).
- The Mukden left Beijing. (1928). *Izvestia [newspaper]*, 129 (3363): P. 1. (In Russ.).
- The Nanjing authorities demand the termination of the activities of Soviet representative offices. (1927). *Izvestia [newspaper]*, 289 (3223): P. 4. (In Russ.).
- The plans of the Beijing reactionaries. (1927). *Izvestia [newspaper]*, 238 (3172): P. 4. (In Russ.).
- The plans of the CASS on the CER. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 178 (3714): P. 2. (In Russ.).
- The question of the CER. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 33 (3569): P. 3. (In Russ.).
- The Red fighters taught the arrogant raiders a lesson. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 241 (3777): P. 1. (In Russ.).
- The seizure by the Chinese authorities of the telephone exchange K.-V. zh.d. (1928). *Izvestia [newspaper]*, 302 (3536): P. 3. (In Russ.).
- The situation in China. (1928). *Izvestia [newspaper]*, 167 (3401): P. 2. (In Russ.).
- The situation in the Far East. (1920). *Izvestia [newspaper]*, 85 (932): P. 2. (In Russ.).
- The situation in the Kuomintang. (1928). *Izvestia [newspaper]*, 213 (3447): P. 2. (In Russ.).
- The situation on the CER is being restored. (1930). *Izvestia [newspaper]*, 2 (3845): P. 1. (In Russ.).
- The sober voice of a Japanese newspaper. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 189 (3725): P. 2. (In Russ.).
- The sooner the Chinese come to an agreement with the USSR, the better for them. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 214 (3750): P. 2. (In Russ.).
- The Soviet-Chinese conflict and imperialist provocations. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 307 (3843): P. 2. (In Russ.).
- The Soviet-Chinese Protocol on the restoration of the situation on the CER was signed. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 303 (3839): P. 1. (In Russ.).
- The struggle for power in China. (1928). *Izvestia [newspaper]*, 138 (3372): P. 1. (In Russ.).
- The USSR demands the elimination of the conflict on the Chinese-Eastern railway. (1926). *Izvestia [newspaper]*, 19 (2650): P. 1. (In Russ.).
- The whole Soviet country is burning with indignation. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 190 (3726): P. 2. (In Russ.).

- Tsai's arrival on Soviet territory. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 294 (3830): P. 2. (In Russ.).
- Victory of the peaceful policy of the USSR. (1929). *Izvestia [newspaper]*, 303 (3839): P. 1. (In Russ.).
- Vilensky-Sibiryakov, V. D. (1920). China and Soviet Russia. *Izvestia [newspaper]*, 225 (1072): P. 1. (In Russ.).
- Vilensky-Sibiryakov, V. D. (1920). Harassment of French bankers. *Izvestia [newspaper]*, 208 (1055): P. 1. (In Russ.).
- Vilensky-Sibiryakov, V. D. (1920). The Plans of Japan. *Izvestia [newspaper]*, 257 (1104): P. 1. (In Russ.).
- Vilensky-Sibiryakov, V. D. (1923). What is being done in China. *Izvestia [newspaper]*, 70 (1807): P. 2. (In Russ.).
- Zhang Zuo-lin's order on the release of arrested workers and employees of the Kit.-East railway. (1926). *Izvestia [newspaper]*, 20 (2651): P. 1. (In Russ.).
- Zhang-Zuo-Lin's actions threaten to cause a world conflagration. (1926). *Izvestia [newspaper]*, 215 (2846): P. 1. (In Russ.).

References

- Datsyshen, V. G. (2018). "The conflict on the CER in 1926" and "The conflict on the CER in 1929:" a comparative historical analysis of Soviet politics. *Comparative politics*, 9 (4): 67—82. (In Russ.).
- Khodyakov, M. V., Sun Yizhi. (2022). The Provisional government and the "Chinese question" in Russia in 1917. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*, 21 (1): 45—56. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-1-45-56>. (In Russ.).
- Kim Chihwan. (2014). The economic grounds for the sale of KVZhD. *Research of the history of Modern times*, 5: 86—104. (In Chin.).
- Krotov, M. V. (2013). The Soviet presence at the CER in 1924—1935 gg. *Problems of the Far East*, 1: 139—150. (In Russ.).
- Krotova, M. V. (2014). On the issue of the sale of the CER of the USSR Manchukuo in 1935. *Social and humanitarian sciences in the Far East*, 1 (41): 105—111. (In Russ.).
- Krotova, M. V. (2016). Ways of settling the Soviet-Chinese conflicts on the CER in the 1920s. *Pskov Military Historical Bulletin*, 2: 158—165. (In Russ.).
- Pastukhov, A. M. (2022). *Conflict on the CER: the war they decided to forget*. Moscow: The Fifth Rome: Bestseller. 572 p. ISBN 978-5-6043328-5-6. (In Russ.).
- Romanova, G. N. (2009). The relationship of Soviet Russia with China and the problem of the CER (1917—1920's). *Problems of the Far East*, 1: 105—115. (In Russ.).
- Yanchenko, D. G., Starovoitova, E. O. (2018). Prospects for the economic development of the Chinese-Eastern Railway after the Russian-Japanese War: a regional aspect and St. Petersburg politics. *The modern history of Russia*, 8 (3): 583—597. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.303>. (In Russ.).

*The article was submitted 10.07.2024;
approved after reviewing 30.08.2024;
accepted for publication 23.10.2024.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ

Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.6. Исторические науки
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)	
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)	

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Vasilyeva, A. P.</i> Features of Worldview Perception Among Speakers of Yakut and Russian: Associative Field Analysis of Stimulus Words DYOL — SCHASTYE	9
<i>Gurkova, A. V., Popova, L. G., Shatilova, L. M.</i> Adjective ‘Sudden’ in Phrases as a Means of Temporal Mitigation in English Fantasy Literature	39
<i>Kalinina, L. V.</i> Adjectives ‘otdalyonnyy’ [distant], ‘priblizitelnyy’ [approximate], and ‘neulovimyy’ [elusive] as Means of Expressing Semantics of Implicit Similarity	58
<i>Likhacheva, E. S.</i> Substantivation of Adjectives and Derivational Synonymy in Arkhangelsk Dialects	78
<i>Liu Zhiqiang, Feng Yingyin.</i> Ancient Chinese Poem “The Song of Bride”: Features of Translation by A. A. Shtukin	97
<i>Mikheeva, N. F., Popova, E. A.</i> Colored Water, Trimmed Coffee, and Solid Soup: Etymology of “Edible Traps” in Spanish in Context of Communicative Difficulties	110
<i>Nesterova, N. M., Soboleva, O. V.</i> Two Verse Novels — Two “Onegins”: Interlingual and Intercultural Translation	129
<i>Shipova, I. A., Badaeva, N. V.</i> Manipulative Mechanisms in German Economic Discourse: A Study of Publications on Foreign Economic Relations between Germany and China in 2020-2023	148

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Babikova, M. R.</i> Cognitive Mechanisms of Graffiti: Compression, Defocusing, and Focusing	171
<i>Popova, G. V., Kosichenko, E. F.</i> Defining Unique Features of Discourse in Club of Funny and Inventive: A Study of Humor in KVN Performances	188
<i>Rebrina, L. N., Al-Khafaji, L. H. M. A.</i> Functioning of Conceptual Metaphor in Shaping Image of Iraq in Regional and Federal Media in Germany	210

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Zakharova, N. V., Mirgorodova, A. V., Selimov, M. G.</i> Literature of East Asian and Southeast Asian Countries: Artistic Movements at Turn of Modern and Contemporary Eras	230
<i>Kulikov, E. A., Novikova, V. G.</i> Evolution of Category of the Other in Works of Tom Wolfe	249
<i>Kuryaev, I. R., Ovsyannikova, E. P.</i> Visuality of M. Elizarov’s Novels “Librarian” and “Cartoons” as a Means of Transforming Socialist Realist Canon	270
<i>Melnikova, L. A.</i> Influence of Fedor Dostoevsky on Anna Seghers’ Novel “Dead Stay Young”.	288

Ozhigova, M. M. Religious-Philosophical and Anthropological Dimensions of Dialogue between Maxim Gorky and Immanuel Kant: A Study of Gorky's Text "The Peasant"..... 305

HISTORY

Bondareva, V. V. Cathedrals as Instruments of Influence on Public Consciousness in Medieval Western Europe (10th-16th Centuries). 325

Zaretskaya, O. V. Emergence of Economic and Cultural Ties between USSR and Sweden (1924–1937). 349

Igumnov, E. V. Statistical Committees and Establishment of Museums in Russia during Late 19th to Early 20th Centuries..... 366

Kulikov, S. V. Guiding Foreign Policy of Russian Empire in Context of 1906 Fundamental Laws Creation 384

Kunina, I. A. Westphalian System of International Relations: Formation Dynamics and Disintegration Factors 406

Magadeev, I. E. 'Hungarian Factor' in Central and Eastern European Politics of France (Spring — Summer 1920). 426

Muslimova, E. O., Nesterov, A. G., Rakitina, N. V. Transregional Cooperation of German Federal States with Eastern Regions and Countries (Late 20th — 21st Century)..... 444

Mukhamedov, R. A., Ilyichev, I. V. Agricultural Sector of Ulyanovsk Region (1966-1970): A Focus on Crop Production..... 463

Pinaeva, D. A. Mass Inventiveness in USSR (1954–1990): An Evaluation of Effectiveness. 482

Safronova, A. M. Literary and Arithmetic Schools of Uktus Factory (1735–1742): A Historical Analysis 505

Starovoytova, E. O. Chinese Eastern Railway in 1920s: Perspectives from 'Izvestia' Newspaper..... 523

TO AUTHORS 548

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»
Подписано в печать 24.10.2024. Формат 32,42. Тираж 500 экз. Заказ 24/10-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2024
Свободная цена

